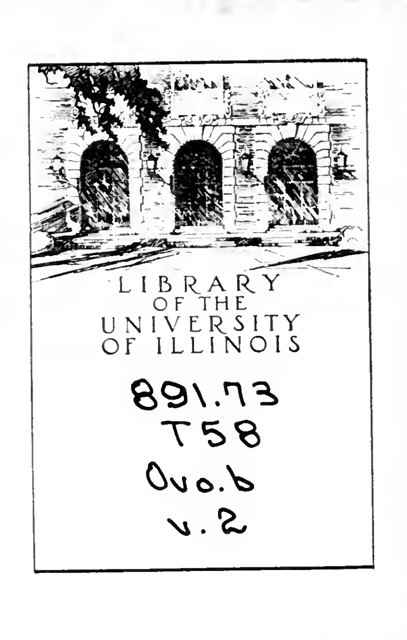
Л. Н. Толстой.

ВОЙНА и МИРЪ

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
891.73
T58
Ovo.b
v.2

Левъ Николаевичъ Толстой.

ВОЙНА И МИРЪ.

Томъ II.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
П. И. Бирюкова.

ИЗДАНІЕ
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1912.

ВОЙНА и МИРЪ.

(1864—1869.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ началѣ 1806 года Николай Ростовъ вернулся въ отпускъ. Денисовъ ѣхалъ тоже домой въ Воронежъ, и Ростовъ уговорилъ его ѣхать съ собой до Москвы и остановиться у нихъ въ домѣ. На предпослѣдней станціи, встрѣтивъ товарища, Денисовъ выпилъ съ нимъ три бутылки вина и, подъѣзжая къ Москвѣ, несмотря на ухабы дороги, не просыпался, лежа на днѣ перекладныхъ саней, подлѣ Ростова, который, по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, приходилъ все болѣе и болѣе въ нетерпѣніе.

«Скоро ли? Скоро ли? О, эти несносные улицы, лавки, калачи, фонари, извозчики!» думалъ Ростовъ, когда уже они записали свои отпуски на заставѣ и въѣхали въ Москву.

— Денисовъ, пріѣхали! Спитъ! — говорилъ онъ, всѣмъ тѣломъ подаваясь впередъ, какъ будто онъ этимъ положеніемъ надѣялся ускорить движеніе саней.

Денисовъ не откликался.

— Вотъ онъ уголъ-перекрестокъ, гдѣ Захаръ-извозчикъ стоитъ; вотъ онъ и Захаръ, и все та же лошадь. Вотъ и лавочка, гдѣ пряники покупали. Скоро ли? Ну!

— Къ какому дому-то? — спросилъ ямщикъ.

— Да вонъ на концѣ, къ большому, какъ ты не видишь? Это нашъ домъ, — говорилъ Ростовъ, — вѣдь это нашъ домъ! Денисовъ! Денисовъ! Сейчасъ пріѣдемъ.

Денисовъ поднялъ голову, откашлялся и ничего не отвѣтилъ.

— Дмитрій, — обратился Ростовъ къ лакею на облучкѣ.—Вѣдь это у насъ огонь?

— Такъ точно-съ, и у папеньки въ кабинетѣ свѣтится.

— Еще не ложились? А? Какъ ты думаешь? Смотри же, не забудь, тотчасъ достань мнѣ новую венгерку, — прибавилъ Ростовъ, ощупывая новые усы. — Ну же, пошелъ, — кричалъ онъ ямщику.—Да проснись же, Вася,—обращался онъ къ Денисову,

который опять опустилъ голову. — Да ну же, пошелъ, три цѣлковыхъ на водку, пошелъ! — закричалъ Ростовъ, когда уже сани были за три дома отъ подъѣзда. Ему казалось, что лошади не двигаются. Наконецъ сани взяли вправо къ подъѣзду; надъ головой своей Ростовъ увидалъ знакомый карнизъ съ отбитой штукатуркой, крыльцо, тротуарный столбъ. Онъ на ходу выскочилъ изъ саней и побѣжалъ въ сѣни. Домъ такъ же стоялъ неподвижно, нерадушно, какъ будто ему дѣла не было до того, кто пріѣхалъ въ него. Въ сѣняхъ никого не было. «Боже мой! Все ли благополучно?» подумалъ Ростовъ, съ замираніемъ сердца останавливаясь на минуту и тотчасъ пускаясь бѣжать дальше по сѣнямъ и знакомымъ покривившимся ступенямъ. Все та же дверная ручка замка, за нечистоту которой сердилась графиня, такъ же слабо отворялась. Въ передней горѣла одна сальная свѣча.

Старикъ Михайло спалъ на ларѣ. Прокофій, выѣздной лакей, тотъ, который былъ такъ силенъ, что за задокъ поднималъ карету, сидѣлъ и вязалъ изъ покромокъ лапти. Онъ взглянулъ на отворившуюся дверь, и равнодушное, сонное выраженіе его вдругъ преобразилось въ восторженно-испуганное.

— Батюшки, свѣты! Графъ молодой! — воскликнулъ онъ, узнавъ молодого барина. — Что жъ это? Голубчикъ мой! — И Прокофій, трясясь отъ волненія, бросился къ двери въ гостиную, вѣроятно для того, чтобы объявить, но, видно, опять раздумалъ, вернулся назадъ и припалъ къ плечу молодого барина.

— Здоровы? — спросилъ Ростовъ, выдергивая у него свою руку.

— Слава Богу! Все слава Богу. Сейчасъ только покушали. Дай на тебя посмотрѣть, ваше сіятельство!

— Все совсѣмъ благополучно?

— Слава Богу, слава Богу!

Ростовъ, забывъ совершенно о Денисовѣ, не желая никому дать предупредить себя, скинулъ шубу и на цыпочкахъ побѣжалъ въ темную большую залу. Все то же, тѣ же ломберные столы, та же люстра въ чехлѣ; но кто-то уже видѣлъ молодого барина, и не успѣлъ онъ добѣжать до гостиной, какъ что-то стремительно, какъ буря, вылетѣло изъ боковой двери и обняло и стало цѣловать его. Еще другое, третье такое же существо выскочило изъ другой, третьей двери; еще объятія, еще поцѣлуи, еще крики, слезы радости. Онъ не могъ разобрать, гдѣ и кто папа, кто Наташа, кто Петя. Всѣ кричали, говорили и цѣловали его въ одно и то же время. Только матери не было въ числѣ ихъ — это онъ помнилъ.

— А я-то не зналъ... Николушка... другъ мой!

— Вотъ онъ... нашъ-то... Другъ мой Коля... Перемѣнился! Нѣтъ свѣчей! Чаю!

— Да меня-то поцѣлуй!

— Душенька... а меня-то!

Соня, Наташа, Петя, Анна Михайловна, Вѣра, старый графъ обнимали его; и люди и горничныя, наполнивъ комнаты, приговаривали и ахали.

Петя повисъ на его ногахъ.

— А меня-то! — кричалъ онъ.

Наташа, отскочивъ отъ него, послѣ того, какъ она, пригнувъ его къ себѣ, расцѣловала все его лицо, держась за полу его венгерки, прыгала какъ коза все на одномъ мѣстѣ и пронзительно визжала.

Со всѣхъ сторонъ были блестящіе слезами радости, любящіе глаза; со всѣхъ сторонъ были губы, искавшія поцѣлуя.

Соня, красная какъ кумачъ, тоже держалась за его руку и вся сіяла въ блаженномъ взглядѣ, устремленномъ въ его глаза, которыхъ она ждала. Сонѣ минуло уже 16 лѣтъ, и она была очень красива, особенно въ эту минуту счастливаго, восторженнаго оживленія. Она смотрѣла на него, не спуская глазъ, улыбаясь и задерживая дыханіе. Онъ благодарно взглянулъ на нее; но все еще ждалъ и искалъ кого-то. Старая графиня еще не выходила. И вотъ послышались шаги въ дверяхъ. Шаги такіе быстрые, что это не могли быть шаги его матери.

Но это была она въ новомъ, незнакомомъ еще ему, сшитомъ безъ него платьѣ. Всѣ оставили его, и онъ побѣжалъ къ ней. Когда они сошлись, она упала на его грудь, рыдая. Она не могла поднять лица и только прижимала его къ холоднымъ снуркамъ его венгерки. Денисовъ, никѣмъ не замѣченный, войдя въ комнату, стоялъ тутъ же и, глядя на нихъ, теръ себѣ глаза.

— Василій Денисовъ, дгугъ вашего сына, — сказалъ онъ, рекомендуясь графу, вопросительно смотрѣвшему на него.

— Милости прошу. Знаю, знаю, — сказалъ графъ, цѣлуя и обнимая Денисова. — Николушка писалъ... Наташа, Вѣра, вотъ онъ, Денисовъ.

Тѣ же счастливыя, восторженныя лица бросились на мохнатую фигуру Денисова и окружили его.

— Голубчикъ, Денисовъ! — визгнула Наташа, не помнившая себя отъ восторга, подскочила къ нему, обняла и поцѣловала его. Всѣ смутились поступкомъ Наташи. Денисовъ тоже покраснѣлъ, но улыбался и, взявъ руку Наташи, поцѣловалъ ее.

Денисова отвели въ приготовленную для него комнату, а Ростовы всѣ собрались въ диванную около Николушки.

Старая графиня, не выпуская его руки, которую она всякую минуту цѣловала, сидѣла съ нимъ рядомъ; остальные, столпившись вокругъ нихъ, ловили каждое его движенiе, слово, взглядъ и не спускали съ него восторженно-влюбленныхъ глазъ. Братъ и сестры спорили и перехватывали мѣста другъ у друга поближе къ нему и дрались за то, кому принести ему чай, платокъ, трубку.

Ростовъ былъ очень счастливъ любовью, которую ему выказывали; но первая минута его встрѣчи была такъ блаженна, что теперешняго его счастья ему казалось мало, и онъ все ждалъ чего-то еще, и еще, и еще.

На другое утро прiѣзжiе спали съ дороги до 10-го часа.

Въ предшествующей комнатѣ валялись сабли, сумки, ташки, раскрытые чемоданы, грязные сапоги. Вычищенныя двѣ пары со шпорами были только что поставлены у стѣнки. Слуги приносили умывальники, горячую воду для бритья и вычищенныя платья. Пахло табакомъ и мужчинами.

— Гей, Гг'ишка, тг'убку! — крикнулъ хриплый голосъ Васьки Денисова. — Г'остовъ, вставай!

Ростовъ, протирая слипавшiеся глаза, поднялъ спутанную голову съ жаркой подушки.

— А что, поздно?

— Поздно, десятый часъ, — отвѣчалъ Наташинъ голосъ, и въ сосѣдней комнатѣ послышалось шуршанье крахмальныхъ платьевъ, шопотъ и смѣхъ дѣвичьихъ голосовъ, и въ чуть растворенную дверь мелькнуло что-то голубое, ленты, черные волосы и веселыя лица. Это была Наташа съ Соней и Петей, которые пришли навѣдаться, не всталъ ли.

— Николенька, вставай! — опять послышался голосъ Наташи у двери.

— Сейчасъ!

Въ это время Петя, въ первой комнатѣ, увидавъ и схвативъ сабли и испытывая тотъ восторгъ, который испытываютъ мальчики при видѣ воинственнаго старшаго брата, и забывъ, что сестрамъ неприлично видѣть раздѣтыхъ мужчинъ, отворилъ дверь.

— Это твоя сабля? — кричалъ онъ.

Дѣвочки отскочили. Денисовъ съ испуганными глазами спряталъ свои мохнатыя ноги въ одѣяло, оглядываясь за помощью на товарища. Дверь пропустила Петю и опять затворилась. За дверью послышался смѣхъ.

— Николенька, выходи въ халатѣ, — проговорилъ голосъ Наташи.

— Это твоя сабля?—спросилъ Петя.—Или это ваша?—съ подобострастнымъ уваженіемъ обратился онъ къ усатому черному Денисову.

Ростовъ поспѣшно обулся, надѣлъ халатъ и вышелъ. Наташа надѣвала одинъ сапогъ съ шпорой и влѣзала въ другой. Соня кружилась и только что хотѣла раздуть платье и присѣсть, когда онъ вышелъ. Обѣ были въ одинаковыхъ новенькихъ голубыхъ платьяхъ — свѣжія, румяныя, веселыя. Соня убѣжала, а Наташа, взявъ брата подъ руку, повела его въ диванную, и у нихъ начался разговоръ. Они не успѣвали спрашивать другъ друга и отвѣчать на вопросы о тысячахъ мелочей, которыя могли интересовать только ихъ однихъ. Наташа смѣялась при всякомъ словѣ, которое онъ говорилъ и которое она говорила, не потому, чтобы было смѣшно то, что̀ они говорили, но потому, что ей было весело и она не въ силахъ была удерживать своей радости, выражавшейся смѣхомъ.

— Ахъ, какъ хорошо, отлично!—приговаривала она ко всему.

Ростовъ почувствовалъ, какъ подъ вліяніемъ жаркихъ лучей любви въ первый разъ черезъ полтора года на душѣ его и на лицѣ распускалась та дѣтская улыбка, которою онъ ни разу не улыбался съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ дома.

— Нѣтъ, послушай,—сказала она,—ты теперь совсѣмъ мужчина? Я ужасна рада, что ты мой братъ.—Она тронула его усы.— Мнѣ хочется знать, какіе вы, мужчины? Такіе ли, какъ мы? Нѣтъ?

— Отчего Соня убѣжала?—спрашивалъ Ростовъ.

— Да. Это еще цѣлая исторія! Какъ ты будешь говорить съ Соней? Ты или вы?

— Какъ случится, — сказалъ Ростовъ.

— Говори ей вы, пожалуйста, я тебѣ послѣ скажу. Ну, я теперь скажу. Ты знаешь, что Соня — мой другъ, такой другъ, что я руку сожгу для нея. Вотъ посмотри.

Она засучила свой кисейный рукавъ и показала на своей длинной, худой и нѣжной ручкѣ подъ плечомъ, гораздо выше локтя (въ томъ мѣстѣ, которое закрыто бываетъ и бальными платьями), красную мѣтину.

— Это я сожгла, чтобы доказать ей любовь. Просто линейку разожгла на огнѣ, да и прижала.

Сидя въ своей прежней классной комнатѣ, на диванѣ съ подушечками на ручкахъ, и глядя въ эти отчаянно-оживленные глаза Наташи, Ростовъ опять вошелъ въ тотъ свой семейный дѣтскій міръ, который не имѣлъ ни для кого никакого смысла, кромѣ какъ для него, но который доставлялъ ему одни изъ лучшихъ наслажденій въ жизни; и сожженіе руки линейкой для по-

казанія любви показалось ему не безполезно: онъ понималъ и не удивлялся этому.

— Такъ что же? Только? — спросилъ онъ.

— Ну, такъ дружны, такъ дружны! Это что, глупости—линейкой; но мы навсегда друзья. Она кого полюбитъ, такъ навсегда; а я этого не понимаю, я забуду сейчасъ.

— Ну, такъ что же?

— Да, такъ она любитъ меня и тебя.

Наташа вдругъ покраснѣла.

— Ну, ты помнишь, передъ отъѣздомъ... Такъ она говоритъ, что ты это все забудь... Она сказала: я буду любить его всегда, а онъ пускай будетъ свободенъ. Вѣдь правда, что это отлично, благородно! Да, да? Очень благородно? Да?—спрашивала Наташа такъ серьезно и взволнованно, что видно было, что то что́ она говорила теперь, она прежде говорила со слезами.

Ростовъ задумался.

— Я ни въ чемъ не беру назадъ своего слова, — сказалъ онъ. — И потомъ, Соня такая прелесть, что какой же дуракъ станетъ отказываться отъ своего счастья?

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричала Наташа. — Мы про это уже съ нею говорили. Мы знали, что ты это скажешь. Но это нельзя, потому что, понимаешь, ежели ты такъ говоришь — считаешь себя связаннымъ словомъ, то выходитъ, что она какъ будто нарочно это сказала. Выходитъ, что ты все-таки насильно на ней женишься, и выходитъ совсѣмъ не то.

Ростовъ видѣлъ, что все это было хорошо придумано ими. Соня и вчера поразила его своей красотой. Нынче, увидавъ ее мелькомъ, она ему показалась еще лучше. Она была прелестная 16-тилѣтняя дѣвочка, очевидно страстно его любящая (въ этомъ онъ не сомнѣвался ни на минуту). Отчего же ему было не любить ее теперь и не жениться даже, думалъ Ростовъ, но теперь столько еще другихъ радостей и занятій! «Да, онѣ это прекрасно придумали», подумалъ онъ, «надо оставаться свободнымъ».

— Ну, и прекрасно,—сказалъ онъ,—послѣ поговоримъ. Ахъ, какъ я тебѣ радъ! — прибавилъ онъ.

— Ну, а что же ты Борису не измѣнила?—спросилъ братъ.

— Вотъ глупости! — смѣясь крикнула Наташа. — Ни о немъ и ни о комъ я не думаю и знать не хочу.

— Вотъ какъ! Такъ ты что же?

— Я? — переспросила Наташа, и счастливая улыбка освѣтила ея лицо. — Ты видѣлъ Duport'а?

— Нѣтъ.

— Знаменитаго Дюпора, танцовщика, не видалъ? Ну, такъ ты не поймешь. Я вотъ что такое.

Наташа взяла, округливъ руки, свою юбку, какъ танцуютъ, отбѣжала нѣсколько шаговъ, перевернулась, сдѣлала антраша, побила ножкой объ ножку и, ставъ на самые кончики носковъ, прошла нѣсколько шаговъ.

— Вѣдь стою? Вѣдь вотъ, — говорила она; но не удержалась на цыпочкахъ. — Такъ вотъ я что такое! Никогда ни за кого не пойду замужъ, а пойду въ танцовщицы. Только никому не говори.

Ростовъ такъ громко и весело захохоталъ, что Денисову изъ своей комнаты стало завидно, и Наташа не могла удержаться, засмѣялась съ нимъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, вѣдь хорошо?—все говорила она.

— Хорошо, за Бориса уже не хочешь выходить замужъ?

Наташа вспыхнула.

— Я не хочу ни за кого замужъ идти. Я ему то же самое скажу, когда увижу.

— Вотъ какъ! — сказалъ Ростовъ.

— Ну, да это все пустяки, — продолжала болтать Наташа.— А что, Денисовъ хорошій?—спросила она.

— Хорошій.

— Ну, и прощай, одѣвайся. Онъ страшный, Денисовъ?

— Отчего страшный? — спросилъ Nicolas. — Нѣтъ, Васька славный.

— Ты его Васькой зовешь?.. странно. А что, онъ очень хорошъ?

— Очень хорошъ.

— Ну, приходи скорѣй чай пить. Всѣ вмѣстѣ.

И Наташа встала на цыпочкахъ и прошлась изъ комнаты такъ, какъ дѣлаютъ танцовщицы, но улыбаясь такъ, какъ только улыбаются счастливыя 15-тилѣтнія дѣвочки. Встрѣтившись въ гостиной съ Соней, Ростовъ покраснѣлъ. Онъ не зналъ, какъ обойтись съ ней. Вчера они поцѣловались въ первую минуту радости свиданія, но нынче они чувствовали, что нельзя было этого сдѣлать; онъ чувствовалъ, что всѣ, и мать и сестры, смотрѣли на него вопросительно и отъ него ожидали, какъ онъ поведетъ себя съ нею. Онъ поцѣловалъ ея руку и назвалъ ее *вы — Соня*. Но глаза ихъ, встрѣтившись, сказали другъ другу «ты» и нѣжно поцѣловались. Она просила своимъ взглядомъ у него прощенія за то, что въ посольствѣ Наташи она смѣла напомнить ему о его обѣщаніи, и благодарила его за его любовь. Онъ своимъ взглядомъ благодарилъ ее за предложеніе свободы

и говорилъ, что, такъ ли, иначе ли, онъ никогда не перестанетъ любить ее, потому что нельзя не любить ее.

— Какъ, однако, странно,—сказала Вѣра, выбравъ общую минуту молчанія, — что Соня съ Николенькой теперь встрѣтились на *вы* и какъ чужіе.

Замѣчаніе Вѣры было справедливо, какъ и всѣ ея замѣчанія; но, какъ и отъ большей части ея замѣчаній, всѣмъ сдѣлалось неловко, и не только Соня, Николай и Наташа, но и старая графиня, которая боялась этой любви сына къ Сонѣ, могущей лишить его блестящей партіи, тоже покраснѣла какъ дѣвочка. Денисовъ, къ удивленію Ростова, въ новомъ мундирѣ, напомаженный и надушенный, явился въ гостиную такимъ же щеголемъ, какимъ онъ бывалъ въ сраженіяхъ, и такимъ любезнымъ съ дамами кавалеромъ, какимъ Ростовъ никогда не ожидалъ его видѣть.

II.

Вернувшись въ Москву изъ арміи, Николай Ростовъ былъ принятъ домашними какъ лучшій сынъ, герой и ненаглядный Николушка; родными — какъ милый, пріятный и почтительный молодой человѣкъ; знакомыми—какъ красивый гусарскій поручикъ, ловкій танцоръ и одинъ изъ лучшихъ жениховъ Москвы.

Знакомство у Ростовыхъ была вся Москва; денегъ въ нынѣшній годъ у стараго графа было достаточно, потому что были перезаложены всѣ имѣнія, и потому Николушка, заведя своего собственнаго рысака и самые модные рейтузы, особенные, какихъ ни у кого еще въ Москвѣ не было, и сапоги, самые модные, съ самыми острыми носками и маленькими серебряными шпорами, проводилъ время очень весело. Ростовъ, вернувшись домой, испыталъ пріятное чувство послѣ нѣкотораго промежутка времени примѣриванія себя къ старымъ условіямъ жизни. Ему казалось, что онъ очень возмужалъ и выросъ. Отчаяніе за невыдержанный изъ закона Божьяго экзаменъ, заниманіе денегъ у Гаврилы на извозчика, тайные поцѣлуи съ Соней—онъ про все это вспоминалъ, какъ про ребячество, отъ котораго онъ неизмѣримо былъ далекъ теперь. Теперь онъ — гусарскій поручикъ въ серебряномъ ментикѣ, съ солдатскимъ Георгіемъ, готовитъ своего рысака на бѣгъ, вмѣстѣ съ извѣстными охотниками, пожилыми, почтенными. У него знакомая дама на бульварѣ, къ которой онъ ѣздитъ вечеромъ. Онъ дирижировалъ мазурку на балѣ у Архаровыхъ, разговаривалъ о войнѣ съ фельдмаршаломъ Каменскимъ, бывалъ въ Англійскомъ клубѣ и былъ на *ты* съ

однимъ сорокалѣтнимъ полковникомъ, съ которымъ познакомилъ его Денисовъ.

Страсть его къ государю нѣсколько ослабѣла въ Москвѣ. Но такъ какъ онъ не видалъ и не имѣлъ случая видѣть его, онъ часто разсказывалъ о государѣ, о своей любви къ нему, давая чувствовать, что онъ еще не все разсказываетъ, что что-то еще есть въ его чувствѣ къ государю, что̀ не можетъ быть всѣмъ понятно; и отъ всей души раздѣлялъ общее въ то время въ Москвѣ чувство обожанія къ императору Александру Павловичу, которому въ Москвѣ въ то время было дано наименованіе «ангела во плоти».

Въ это короткое пребываніе Ростова въ Москвѣ, до отъѣзда въ армію, онъ не сблизился, а, напротивъ, разошелся съ Соней. Она была очень хороша, мила и, очевидно, страстно влюблена въ него; но онъ былъ въ той порѣ молодости, когда, кажется, такъ много дѣла, что *некогда* этимъ заниматься, и молодой человѣкъ боится связываться — дорожитъ своей свободой, которая ему нужна на многое другое. Когда онъ думалъ о Сонѣ въ это новое пребываніе въ Москвѣ, онъ говорилъ себѣ: «Э! еще много, много такихъ будетъ и есть тамъ, гдѣ-то, мнѣ еще неизвѣстныхъ. Еще успѣю, когда захочу, заняться и любовью, а теперь некогда». Кромѣ того, ему казалось что-то унизительное для своего мужества въ женскомъ обществѣ. Онъ ѣздилъ на балы и въ женское общество, притворяясь, что дѣлаетъ это противъ воли. Бѣга, Англійскій клубъ, кутежъ съ Денисовымъ, поѣздка *туда* — это было другое дѣло: это было прилично молодцу-гусару.

Въ началѣ марта старый графъ Илья Андреичъ Ростовъ былъ озабоченъ устройствомъ обѣда въ Англійскомъ клубѣ для пріема князя Багратіона.

Графъ въ халатѣ ходилъ по залѣ, отдавая приказанія клубному эконому и знаменитому Ѳеоктисту, старшему повару Англійскаго клуба, о спаржѣ, свѣжихъ огурцахъ, земляникѣ, теленкѣ и рыбѣ для обѣда князя Багратіона. Графъ со дня основанія клуба былъ его членомъ и старшиною. Ему было поручено отъ клуба устройство торжества для Багратіона, потому что рѣдко кто умѣлъ такъ на широкую руку, хлѣбосольно устроить пиръ, особенно потому, что рѣдко кто умѣлъ и хотѣлъ приложить свои деньги, если онѣ понадобятся на устройство пира. Поваръ и экономъ клуба съ веселыми лицами слушали приказанія графа, потому что они знали, что ни при комъ, какъ при немъ, нельзя было лучше поживиться на обѣдѣ, который стоилъ нѣсколько тысячъ.

— Такъ смотри же, гребешковъ, гребешковъ въ тортю положи, знаешь!

— Холодныхъ, стало-быть, три?.. — спрашивалъ поваръ.

Графъ задумался.

— Нельзя меньше, три... майонезъ — разъ, — сказалъ онъ, загибая палецъ.

— Такъ прикажете стерлядей большихъ взять? — спросилъ экономъ.

— Что жъ дѣлать, возьми, коли не уступаютъ. Да, батюшка ты мой, я было и забылъ. Вѣдь надо еще другую антре на столъ. Ахъ, отцы мои! — Онъ схватился за голову. — Да кто же мнѣ цвѣты привезетъ? Митенька! А Митенька! Скачи ты, Митенька, въ подмосковную, — обратился онъ къ вошедшему на его зовъ управляющему, — скачи ты въ подмосковную и вели ты сейчасъ нарядить барщину Максимкѣ-садовнику. Скажи, чтобы всѣ оранжереи сюда волокъ, укутывалъ бы войлоками. Да чтобы мнѣ двѣсти горшковъ тутъ къ пятницѣ были.

Отдавъ еще и еще разныя приказанія, онъ вышелъ было отдохнуть къ графинюшкѣ, но вспомнилъ еще нужное, вернулся самъ, вернулъ повара и эконома и опять сталъ приказывать. Въ дверяхъ послышалась легкая мужская походка, бряцанье шпоръ, и красивый, румяный, съ чернѣющимися усиками, видимо отдохнувшій и выхолившійся на спокойномъ житьѣ въ Москвѣ, вошелъ молодой графъ.

— Ахъ, братецъ мой! Голова кругомъ идетъ, — сказалъ старикъ, какъ бы стыдясь, улыбаясь передъ сыномъ.—Хоть вотъ ты бы помогъ! Надо вѣдь еще пѣсенниковъ. Музыка у меня есть, да цыганъ, что ли, позвать? Ваша братія-военные это любятъ.

— Право, папенька, я думаю, князь Багратіонъ, когда готовился къ Шенграбенскому сраженію, меньше хлопоталъ, чѣмъ вы теперь, — сказалъ сынъ, улыбаясь.

Старый графъ притворился разсерженнымъ.

— Да, ты толкуй, ты попробуй.

И графъ обратился къ повару, который съ умнымъ и почтеннымъ лицомъ наблюдательно и ласково поглядывалъ на отца и сына.

— Какова молодежь-то, а, Өеоктистъ? — сказалъ онъ, — смѣется надъ нашимъ братомъ — стариками.

— Что жъ, ваше сіятельство, имъ бы только покушать хорошо, а какъ все собрать да *сервировать*, это не ихъ дѣло.

— Такъ, такъ, — закричалъ графъ и, весело схвативъ сына за обѣ руки, закричалъ:—такъ вотъ же что́, попался ты мнѣ! Возьми ты сейчасъ сани парныя и ступай ты къ Безухову и скажи,

что графъ, молъ, Илья Андреичъ прислали просить у васъ земляники и ананасовъ свѣжихъ. Больше ни у кого не достанешь. Самого-то нѣтъ, такъ ты зайди, княжнамъ скажи и оттуда, вотъ что, поѣзжай ты на Разгуляй, — Ипатка кучеръ знаетъ, — найди ты тамъ Ильюшку-цыгана, вотъ что у графа Орлова тогда плясалъ, помнишь, въ бѣломъ казакинѣ, и притащи ты его сюда ко мнѣ.

— И съ цыганками его сюда привести? — спросилъ Николай смѣясь. — Ну, ну!..

Въ это время неслышными шагами, съ дѣловымъ, озабоченнымъ и вмѣстѣ христіански-кроткимъ видомъ, никогда не покидавшимъ ее, вошла въ комнату Анна Михайловна. Несмотря на то, что каждый день Анна Михайловна заставала графа въ халатѣ, всякій разъ онъ конфузился при ней и просилъ извиненія за свой костюмъ.

— Ничего, графъ, голубчикъ, — сказала она, кротко закрывая глаза. — А къ Безухову я съѣзжу, — сказала она. — Пьеръ пріѣхалъ, и теперь мы все достанемъ, графъ, изъ его оранжерей. Мнѣ и нужно было видѣть его. Онъ мнѣ прислалъ письмо отъ Бориса. Слава Богу, Боря теперь при штабѣ.

Графъ обрадовался, что Анна Михайловна брала одну часть его порученій, и велѣлъ ей заложить маленькую карету.

— Вы Безухову скажите, чтобъ онъ пріѣзжалъ. Я его запишу. Что онъ съ женой? — спросилъ онъ.

Анна Михайловна завела глаза, и на лицѣ ея выразилась глубокая скорбь.

— Ахъ, мой другъ, онъ очень несчастливъ, — сказала она. — Ежели правда, что мы слышали, это ужасно. И думали ли мы, когда такъ радовались его счастью! И такая высокая, небесная душа этотъ молодой Безуховъ! Да, я отъ души жалѣю его и постараюсь дать ему утѣшеніе, которое отъ меня будетъ зависѣть.

— Да что жъ такое? — спросили оба Ростова, старшій и младшій.

Анна Михайловна глубоко вздохнула.

— Долоховъ, Марьи Ивановны сынъ, — сказала она таинственнымъ шопотомъ, — говорятъ, совсѣмъ компрометировалъ ее. Онъ его вывелъ, пригласилъ къ себѣ въ домъ въ Петербургѣ, и вотъ... Она сюда пріѣхала, и этотъ сорви-голова за ней, — сказала Анна Михайловна, желая выразить свое сочувствіе Пьеру, но въ невольныхъ интонаціяхъ и полуулыбкою выказывая сочувствіе сорви-головѣ, какъ она назвала Долохова. — Говорятъ, самъ Пьеръ совсѣмъ убитъ своимъ горемъ.

— Ну, все-таки скажите ему, чтобы онъ пріѣзжалъ въ клубъ — все разсѣется. Пиръ горой будетъ.

На другой день, 3-го марта, въ 2-мъ часу пополудни, 250 человѣкъ членовъ Англійскаго клуба и 50 человѣкъ гостей ожидали къ обѣду дорогого гостя и героя Австрійскаго похода, князя Багратіона. Въ первое время по полученіи извѣстія объ Аустерлицкомъ сраженіи Москва пришла въ недоумѣніе. Въ то время русскіе такъ привыкли къ побѣдамъ, что, получивъ извѣстіе о пораженіи, одни просто не вѣрили, другіе искали объясненій такому странному событію въ какихъ-нибудь необыкновенныхъ причинахъ. Въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ собиралось все, что было знатнаго, имѣющаго вѣрныя свѣдѣнія и вѣсъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда стали приходить извѣстія, ничего не говорили про войну и послѣднее сраженіе, какъ будто всѣ сговорились молчать о немъ. Люди, дававшіе направленіе разговорамъ, какъ-то: графъ Растопчинъ, князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, Валуевъ, гр. Марковъ, кн. Вяземскій, не показывались въ клубѣ, а собирались по домамъ, въ своихъ интимныхъ кружкахъ, и москвичи, говорившіе съ чужихъ голосовъ (къ которымъ принадлежалъ и Илья Андреичъ Ростовъ), оставались на короткое время безъ опредѣленнаго сужденія о дѣлѣ войны и безъ руководителей. Москвичи чувствовали, что что-то нехорошо и что обсуждать эти дурныя вѣсти трудно и потому лучше молчать. Но черезъ нѣсколько времени, какъ присяжные выходятъ изъ совѣщательной комнаты, появились и тузы, дававшіе мнѣніе въ клубѣ, и все заговорило ясно и опредѣленно. Были найдены причины тому неимовѣрному, неслыханному и невозможному событію, что русскіе были побиты, и все стало ясно, и во всѣхъ углахъ Москвы заговорили одно и то же. Причины эти были: измѣна австрійцевъ, дурное продовольствіе войска, измѣна поляка Пржебышевскаго и француза Ланжерона, неспособности Кутузова и (потихоньку говорили) молодость и неопытность государя, ввѣрившагося дурнымъ и ничтожнымъ людямъ. Но войска, русскія войска, говорили всѣ, были необыкновенны и дѣлали чудеса храбрости. Солдаты, офицеры, генералы были герои. Но героемъ изъ героевъ былъ князь Багратіонъ, прославившійся своимъ Шенграбенскимъ дѣломъ и отступленіемъ отъ Аустерлица, гдѣ онъ одинъ провелъ свою колонну неразстроенною и цѣлый день отбивалъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля. Тому, что Багратіонъ выбранъ былъ героемъ въ Москвѣ, содѣйствовало и то, что онъ не имѣлъ связей въ Москвѣ и былъ чужой. Въ лицѣ его отдавалась должная честь боевому, простому, безъ связей и интригъ, русскому солдату, еще связанному воспоминаніями Итальянскаго похода съ именемъ Суворова. Кромѣ того, въ воздаяніи ему

такихъ почестей лучше всего показывалось нерасположеніе и неодобреніе Кутузову.

— «Ежели бы не было Багратіона, il faudrait l'inventer [1])»,— сказалъ шутникъ Шиншинъ, пародируя слова Вольтера. Про Кутузова никто не говорилъ, и нѣкоторые шопотомъ бранили его, называя придворною вертушкой и старымъ сатиромъ.

По всей Москвѣ повторялись слова князя Долгорукова: «лѣпя, лѣпя и облѣпишься», утѣшавшагося въ нашемъ пораженіи воспоминаніемъ прежнихъ побѣдъ, и повторялись слова Растопчина про то, что французскихъ солдатъ надо возбуждать къ сраженіямъ высокопарными фразами, что съ нѣмцами надо логически разсуждать, убѣждая ихъ, что опаснѣе бѣжать, чѣмъ идти впередъ; но что русскихъ солдатъ надо только удерживать и просить: потише! Со всѣхъ сторонъ слышны были новые и новые разсказы объ отдѣльныхъ примѣрахъ мужества, оказанныхъ нашими солдатами и офицерами при Аустерлицѣ. Тотъ спасъ знамя, тотъ убилъ пять французовъ, тотъ одинъ заряжалъ пять пушекъ. Говорили и про Берга, кто его не зналъ, что онъ, раненый въ правую руку, взялъ шпагу въ лѣвую и пошелъ впередъ. Про Болконскаго ничего не говорили, и только близко знавшіе его жалѣли, что онъ рано умеръ, оставивъ беременную жену у чудака-отца.

III.

3-го марта во всѣхъ комнатахъ Англійскаго клуба стоялъ стонъ разговаривающихъ голосовъ, и, какъ пчелы на весеннемъ пролетѣ, сновали взадъ и впередъ, сидѣли, стояли, сходились и расходились, въ мундирахъ, фракахъ и еще кое-кто въ пудрѣ и кафтанахъ, члены и гости клуба. Пудреные, въ чулкахъ и башмакахъ, ливрейные лакеи стояли у каждой двери и напряженно старались уловить каждое движеніе гостей и членовъ клуба, чтобы предложить свои услуги. Большинство присутствовавшихъ были старые, почтенные люди, съ широкими, самоувѣренными лицами, толстыми пальцами, твердыми движеніями и голосами. Этого рода гости и члены сидѣли по извѣстнымъ, привычнымъ мѣстамъ и сходились въ извѣстныхъ, привычныхъ кружкахъ. Малая часть присутствовавшихъ состояла изъ случайныхъ гостей, преимущественно молодежи, въ числѣ которой были Денисовъ, Ростовъ и Долоховъ, который былъ опять семеновскимъ офицеромъ. На лицахъ молодежи, особенно военной, было выраженіе того чувства презрительной почтительности къ стари-

[1]) Надо бы изобрѣсти его.

камъ, которое какъ будто говоритъ старому поколѣнію: уважать и почитать васъ мы готовы, но помните, что все-таки за нами будущность.

Несвицкій былъ тутъ же, какъ старый членъ клуба. Пьеръ, по приказанію жены отпустившій волосы, снявшій очки и одѣтый по-модному, но съ грустнымъ и унылымъ видомъ, ходилъ по заламъ. Его, какъ и вездѣ, окружала атмосфера людей, преклонявшихся передъ его богатствомъ, и онъ съ привычкой царствованія, съ разсѣянною презрительностью обращался съ ними.

По годамъ онъ бы долженъ былъ быть съ молодыми, но по богатству и связямъ онъ былъ членомъ кружковъ старыхъ, почтенныхъ гостей, и потому онъ переходилъ отъ одного кружка къ другому. Старики изъ самыхъ значительныхъ составляли центръ кружковъ, къ которымъ почтительно приближались даже незнакомые, чтобы послушать извѣстныхъ людей. Бо́льшіе кружки составились около графа Растопчина, Валуева и Нарышкина. Растопчинъ разсказывалъ про то, какъ русскіе были смяты бѣжавшими австрійцами и должны были штыкомъ прокладывать себѣ дорогу сквозь бѣглецовъ.

Валуевъ конфиденціально разсказывалъ, что Уваровъ былъ присланъ изъ Петербурга для того, чтобы узнать мнѣніе москвичей объ Аустерлицѣ.

Въ третьемъ кружкѣ Нарышкинъ говорилъ о засѣданіи Австрійскаго военнаго совѣта, въ которомъ Суворовъ закричалъ пѣтухомъ въ отвѣтъ на глупость австрійскихъ генераловъ. Шиншинъ, стоявшій тутъ же, хотѣлъ пошутить, сказавъ, что Кутузовъ, видно, и этому нетрудному искусству — кричать по-пѣтушиному — не могъ выучиться у Суворова; но старички строго посмотрѣли на шутника, давая ему тѣмъ чувствовать, что здѣсь и въ нынѣшній день такъ неприлично было говорить про Кутузова.

Графъ Илья Андреичъ Ростовъ озабоченно, торопливо похаживалъ въ своихъ мягкихъ сапогахъ изъ столовой въ гостиную, поспѣшно и совершенно одинаково здороваясь съ важными и неважными лицами, которыхъ онъ всѣхъ зналъ, и изрѣдка отыскивая глазами своего стройнаго молодца-сына, радостно останавливалъ на немъ свой взглядъ и подмигивалъ ему. Молодой Ростовъ стоялъ у окна съ Долоховымъ, съ которымъ онъ недавно познакомился и знакомствомъ котораго онъ дорожилъ. Старый графъ подошелъ къ нимъ и пожалъ руку Долохову.

— Ко мнѣ милости прошу, вотъ ты съ моимъ молодцомъ знакомъ... вмѣстѣ тамъ, вмѣстѣ геройствовали... А! Василій Игнатьичъ... здорово, старый,—обратился онъ къ проходившему

старичку, но не успѣлъ еще договорить привѣтствія, какъ все зашевелилось, и прибѣжавшій лакей съ испуганнымъ лицомъ доложилъ: «Пожаловали!»

Раздались звонки; старшины бросились впередъ; разбросанные въ разныхъ комнатахъ гости, какъ встряхнутая рожь на лопатѣ, столпились въ одну кучу и остановились въ большой гостиной у дверей залы.

Въ дверяхъ передней показался Багратіонъ, безъ шляпы и шпаги, которыя онъ, по клубному обычаю, оставилъ у швейцара. Онъ былъ не въ смушковомъ картузѣ, съ нагайкой черезъ плечо, какъ видѣлъ его Ростовъ въ ночь наканунѣ Аустерлицкаго сраженія, а въ новомъ узкомъ мундирѣ, съ русскими и иностранными орденами и съ георгіевской звѣздой на лѣвой сторонѣ груди. Онъ, видимо, сейчасъ, передъ обѣдомъ, подстригъ волосы и бакенбарды, что невыгодно измѣняло его физіономію. На лицѣ его было что-то наивно-праздничное, дававшее въ соединеніи съ его твердыми, мужественными чертами даже нѣсколько комическое выраженіе его лицу. Беклешовъ и Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, пріѣхавшіе съ нимъ вмѣстѣ, остановились въ дверяхъ, желая, чтобы онъ, какъ главный гость, прошелъ впередъ ихъ. Багратіонъ смѣшался, не желая воспользоваться ихъ учтивостью; произошла остановка въ дверяхъ, и, наконецъ, Багратіонъ все-таки прошелъ впередъ. Онъ шелъ, не зная, куда дѣвать руки, застѣнчиво и неловко по паркету пріемной: ему привычнѣе и легче было ходить подъ пулями по вспаханному полю, какъ онъ шелъ передъ Курскимъ полкомъ въ Шенграбенѣ. Старшины встрѣтили его у первой двери, сказавъ ему нѣсколько словъ о радости видѣть столь дорогого гостя, и, не дождавшись его отвѣта, какъ бы завладѣвъ имъ, окружили его и повели въ гостиную. Въ дверяхъ гостиной не было возможности пройти отъ столпившихся членовъ и гостей, давившихъ другъ друга и черезъ плечи другъ друга старавшихся, какъ рѣдкаго звѣря, разсмотрѣть Багратіона. Графъ Илья Андреичъ, энергичнѣе всѣхъ смѣясь и приговаривая: «пусти, mon cher, пусти, пусти», протолкалъ толпу, провелъ гостей въ гостиную и посадилъ на средній диванъ. Тузы, почетнѣйшіе члены клуба, обступили вновь прибывшихъ. Графъ Илья Андреичъ, проталкиваясь опять черезъ толпу, вышелъ изъ гостиной и съ другимъ старшиной черезъ минуту явился, неся большое серебряное блюдо, которое онъ поднесъ князю Багратіону. На блюдѣ лежали сочиненные и напечатанные въ честь героя стихи. Багратіонъ, увидавъ блюдо, испуганно оглянулся, какъ бы отыскивая помощи. Но во всѣхъ глазахъ было требованіе того, чтобы онъ покорился. Чувствуя себя въ ихъ власти, Багратіонъ рѣши-

тельно обѣими руками взялъ блюдо и сердито, укоризненно посмотрѣлъ на графа, подносившаго его. Кто-то услужливо вынулъ изъ рукъ Багратіона блюдо (а то бы онъ, казалось, намѣренъ былъ держать его такъ до вечера и такъ идти къ столу) и обратилъ его вниманіе на стихи. «Ну, и прочту», какъ будто сказалъ Багратіонъ и, устремивъ усталые глаза на бумагу, сталъ читать съ сосредоточеннымъ и серьезнымъ видомъ. Самъ сочинитель взялъ стихи и сталъ читать. Князь Багратіонъ склонилъ голову и слушалъ.

Славь тако Александра вѣкъ
И охраняй намъ Тита на престолѣ,
Будь купно страшный вождь и добрый человѣкъ,
Рифей въ отечествѣ, а Цесарь въ бранномъ полѣ.
Да, счастливый Наполеонъ,
Познавъ чрезъ опыты, каковъ Багратіонъ,
Не смѣетъ утруждать Алкидовъ русскихъ болѣ...

Но еще онъ не кончилъ стиховъ, какъ громогласный дворецкій провозгласилъ: «Кушанье готово!» Дверь отворилась, загремѣлъ изъ столовой польскій: «Громъ побѣды, раздавайся, веселися, храбрый Россъ», и графъ Илья Андреичъ, сердито посмотрѣвъ на автора, продолжавшаго читать стихи, раскланялся передъ Багратіономъ. Всѣ встали, чувствуя, что обѣдъ былъ важнѣе стиховъ, и опять Багратіонъ впереди всѣхъ пошелъ къ столу. На первомъ мѣстѣ, между двухъ Александровъ — Беклешова и Нарышкина, что̀ тоже имѣло значеніе по отношенію къ имени государя, посадили Багратіона: 300 человѣкъ размѣстились въ столовой по чинамъ и важности, кто поважнѣе—поближе къ чествуемому гостю: такъ же естественно, какъ вода разливается туда глубже, гдѣ мѣстность ниже.

Передъ самымъ обѣдомъ графъ Илья Андреичъ представилъ князю своего сына. Багратіонъ, узнавъ его, сказалъ нѣсколько нескладныхъ, неловкихъ словъ, какъ и всѣ слова, которыя онъ говорилъ въ этотъ день. Графъ Илья Андреичъ радостно и гордо оглядывалъ всѣхъ въ то время, какъ Багратіонъ говорилъ съ его сыномъ.

Николай Ростовъ съ Денисовымъ и новымъ знакомцемъ Долоховымъ сѣли вмѣстѣ почти на серединѣ стола. Напротивъ нихъ сѣлъ Пьеръ рядомъ съ княземъ Несвицкимъ. Графъ Илья Андреичъ сидѣлъ напротивъ Багратіона съ другими старшинами и угощалъ князя, олицетворяя въ себѣ московское радушіе.

Труды его не пропали даромъ. Обѣды его, постный и скоромный, были великолѣпны, но совершенно спокоенъ онъ всетаки не могъ быть до конца обѣда. Онъ подмигивалъ буфетчику,

шопотомъ приказывалъ лакеямъ и не безъ волненія ожидалъ каждаго знакомаго ему блюда. Все было прекрасно. На второмъ блюдѣ, вмѣстѣ съ исполинскою стерлядью (увидавъ которую, Илья Андреичъ покраснѣлъ отъ радости и застѣнчивости), уже лакеи стали хлопать пробками и наливать шампанское. Послѣ рыбы, которая произвела нѣкоторое впечатлѣніе, графъ Илья Андреичъ переглянулся съ другими старшинами. «Много тостовъ будетъ, пора начинать!» шепнулъ онъ и, взявъ бокалъ въ руки, всталъ. Всѣ замолкли и ожидали, что̀ онъ скажетъ.

— Здоровье государя императора! — крикнулъ онъ, и въ ту же минуту добрые глаза его увлажнились слезами радости и восторга. Въ ту же минуту заиграли: «Громъ побѣды, раздавайся». Всѣ встали съ своихъ мѣстъ и закричали «ура!» и Багратіонъ закричалъ «ура!» тѣмъ же голосомъ, какимъ онъ кричалъ на Шенграбенскомъ полѣ. Восторженный голосъ молодого Ростова былъ слышенъ изъ-за всѣхъ 300 голосовъ. Онъ чуть не плакалъ. «Здоровье государя императора, — кричалъ онъ, — ура!» Выпивъ залпомъ свой бокалъ, онъ бросилъ его на полъ. Многіе послѣдовали его примѣру. И долго продолжались громкіе крики. Когда замолкли голоса, лакеи подобрали разбитую посуду, и всѣ стали усаживаться и, улыбаясь своему крику, переговариваться. Графъ Илья Андреичъ поднялся опять, взглянулъ на записочку, лежавшую подлѣ его тарелки, и провозгласилъ тостъ за здоровье героя нашей послѣдней кампаніи, князя Петра Ивановича Багратіона, и опять голубые глаза графа увлажнились слезами. «Ура!» опять закричали голоса 300 гостей, и вмѣсто музыки послышались пѣвчіе, пѣвшіе кантату сочиненія Павла Ивановича Кутузова:

Тщетны Россамъ всѣ препоны,
Храбрость есть побѣдъ залогъ,
Есть у насъ Багратіоны,
Будутъ всѣ враги у ногъ и т. д.

Только что кончили пѣвчіе, какъ послѣдовали новые и новые тосты, при которыхъ все больше и больше расчувствовался графъ Илья Андреичъ, и еще больше билось посуды, и еще больше кричалось. Пили за здоровье Беклешова, Нарышкина, Уварова, Долгорукова, Апраксина, Валуева, за здоровье старшинъ, за здоровье распорядителя, за здоровье всѣхъ членовъ клуба, за здоровье всѣхъ гостей клуба и наконецъ отдѣльно за здоровье учредителя обѣда графа Ильи Андреича. При этомъ тостѣ графъ вынулъ платокъ и, закрывъ имъ лицо, совершенно расплакался.

IV.

Пьеръ сидѣлъ противъ Долохова и Николая Ростова. Онъ много и жадно ѣлъ и много пилъ, какъ и всегда. Но тѣ, которые его знали коротко, видѣли, что въ немъ произошла въ нынѣшній день какая-то большая перемѣна. Онъ молчалъ все время обѣда и, щурясь и морщась, глядѣлъ кругомъ себя или, остановивъ глаза, съ видомъ совершенной разсѣянности, ковырялъ пальцемъ въ носу. Лицо его было уныло и мрачно. Онъ, казалось, не видѣлъ и не слышалъ ничего, происходящаго вокругъ него, и думалъ о чемъ-то одномъ, тяжеломъ и неразрѣшенномъ.

Этотъ неразрѣшенный, мучившій его вопросъ были намеки княжны въ Москвѣ на близость Долохова къ его женѣ и въ нынѣшнее утро полученное имъ анонимное письмо, въ которомъ было сказано съ той подлой шутливостью, которая свойственна всѣмъ анонимнымъ письмамъ, что онъ плохо видитъ сквозь свои очки и что связь его жены съ Долоховымъ есть тайна только для одного него. Пьеръ рѣшительно не повѣрилъ ни намекамъ княжны, ни письму, но ему страшно было теперь смотрѣть на Долохова, сидѣвшаго передъ нимъ. Всякій разъ, какъ нечаянно взглядъ его встрѣчался съ прекрасными наглыми глазами Долохова, Пьеръ чувствовалъ, какъ что-то ужасное, безобразное подымалось въ его душѣ, и онъ скорѣе отворачивался. Невольно вспоминая все прошедшее своей жены и ея отношенія съ Долоховымъ, Пьеръ видѣлъ ясно, что то, что сказано было въ письмѣ, могло быть правда, могло, по крайней мѣрѣ, казаться правдой, ежели бы это касалось не *его жены*. Пьеръ вспоминалъ невольно, какъ Долоховъ, которому было возвращено все послѣ кампаніи, вернулся въ Петербургъ и пріѣхалъ къ нему. Пользуясь своими кутежными отношеніями дружбы съ Пьеромъ, Долоховъ прямо пріѣхалъ къ нему въ домъ, и Пьеръ помѣстилъ его и далъ ему взаймы денегъ. Пьеръ вспоминалъ, какъ Эленъ, улыбаясь, выражала свое неудовольствіе за то, что Долоховъ живетъ въ ихъ домѣ, и какъ Долоховъ цинически хвалилъ ему красоту его жены и какъ онъ съ того времени до пріѣзда въ Москву ни на минуту не разлучался съ ними.

«Да, онъ очень красивъ», думалъ Пьеръ, «я знаю его. Для него была бы особенная прелесть въ томъ, чтобы осрамить мое имя и посмѣяться надо мной, именно потому, что я хлопоталъ за него и призрѣлъ его, помогъ ему. Я знаю, я понимаю, какую соль это въ его глазахъ должно было придавать его обману, ежели бы это была правда. Да, ежели бы это была правда;

но я не вѣрю, не имѣю права и не могу вѣрить». Онъ вспоминалъ то выраженіе, которое принимало лицо Долохова, когда на него находили минуты жестокости, какъ тѣ, въ которыя онъ связывалъ квартальнаго съ медвѣдемъ и пускалъ его на воду, или когда онъ вызывалъ безъ всякой причины на дуэль человѣка, или убивалъ изъ пистолета лошадь ямщика. Это выраженіе часто было на лицѣ Долохова, когда онъ смотрѣлъ на него. «Да, онъ бретёръ», думалъ Пьеръ, «ему ничего не значитъ убить человѣка, ему должно казаться, что всѣ боятся его, ему должно быть пріятно это. Онъ долженъ думать, что и я боюсь его. И дѣйствительно, я боюсь его», думалъ Пьеръ, и опять при этихъ мысляхъ онъ чувствовалъ, какъ что-то страшное и безобразное поднималось въ его душѣ. Долоховъ, Денисовъ и Ростовъ сидѣли теперь противъ Пьера и казались очень веселы. Ростовъ весело переговаривался съ своими двумя пріятелями, изъ которыхъ одинъ былъ лихой гусаръ, другой—извѣстный бретёръ и повѣса, и изрѣдка насмѣшливо поглядывалъ на Пьера, который на этомъ обѣдѣ поражалъ своей сосредоточенной, разсѣянной, массивной фигурой. Ростовъ недоброжелательно смотрѣлъ на Пьера, во-первыхъ, потому, что Пьеръ въ его гусарскихъ глазахъ былъ статскій богачъ, мужъ красавицы, вообще баба; во-вторыхъ, потому, что Пьеръ въ сосредоточенности и разсѣянности своего настроенія не узналъ Ростова и не отвѣтилъ на его поклонъ. Когда стали пить здоровье государя, Пьеръ, задумавшись, не всталъ и не взялъ бокала.

— Что жъ вы?—закричалъ ему Ростовъ, восторженно-озлобленными глазами глядя на него. — Развѣ вы не слышите: здоровье государя императора!

Пьеръ, вздохнувъ, покорно всталъ, выпилъ свой бокалъ и, дождавшись, когда всѣ сѣли, съ своей доброй улыбкой обратился къ Ростову.

— А я васъ и не узналъ,—сказалъ онъ. Но Ростову было не до этого, онъ кричалъ «ура!»

— Что жъ ты не возобновишь знакомства?—сказалъ Долоховъ Ростову.

— Богъ съ нимъ, дуракъ, — сказалъ Ростовъ.

— Надо лелѣять мужа хоГошенькихъ женщинъ, — сказалъ Денисовъ.

Пьеръ не слышалъ, что они говорили, но зналъ, что говорятъ про него. Онъ покраснѣлъ и отвернулся.

— Ну, теперь за здоровье красивыхъ женщинъ,—сказалъ Долоховъ и съ серьезнымъ выраженіемъ, но съ улыбающимся въ углахъ ртомъ, съ бокаломъ обратился къ Пьеру.

— За здоровье красивыхъ женщинъ, Петруша, и ихъ любовниковъ, — сказалъ онъ.

Пьеръ, опустивъ глаза, пилъ изъ своего бокала, не глядя на Долохова и не отвѣчая ему. Лакей, раздававшій кантату Кутузова, положилъ листокъ Пьеру, какъ болѣе почетному гостю. Онъ хотѣлъ взять его, но Долоховъ перегнулся, выхватилъ листокъ изъ его рукъ и сталъ читать. Пьеръ взглянулъ на Долохова, зрачки его опустились: что-то страшное и безобразное, мутившее его все время обѣда, поднялось и овладѣло имъ. Онъ нагнулся всѣмъ тучнымъ тѣломъ черезъ столъ.

— Не смѣйте брать! — крикнулъ онъ.

Услыхавъ этотъ крикъ и увидавъ, къ кому онъ относился, Несвицкій и сосѣдъ съ правой стороны испуганно и поспѣшно обратились къ Безухову.

— Полноте, полно, что вы? — шептали испуганные голоса.

Долоховъ посмотрѣлъ на Пьера свѣтлыми, веселыми, жестокими глазами, съ той же улыбкой, какъ будто онъ говорилъ: «А вотъ это я люблю».

— Не дамъ, — проговорилъ онъ отчетливо.

Блѣдный, съ трясущейся губой, Пьеръ рванулъ листъ.

— Вы... вы... негодяй!.. Я васъ вызываю, — проговорилъ онъ и, двинувъ стулъ, всталъ изъ-за стола.

Въ ту самую секунду, какъ Пьеръ сдѣлалъ это и произнесъ эти слова, онъ почувствовалъ, что вопросъ виновности его жены, мучившій его эти послѣднія сутки, былъ окончательно и несомнѣнно рѣшенъ утвердительно. Онъ ненавидѣлъ ее и навсегда былъ разорванъ съ нею. Несмотря на просьбы Денисова, чтобы Ростовъ не вмѣшивался въ это дѣло, Ростовъ согласился быть секундантомъ Долохова и послѣ стола переговорилъ съ Несвицкимъ, секундантомъ Безухова, объ условіяхъ дуэли. Пьеръ уѣхалъ домой, а Ростовъ съ Долоховымъ и Денисовымъ до поздняго вечера просидѣли въ клубѣ, слушая цыганъ и пѣсенниковъ.

— Такъ до завтра, въ Сокольникахъ, — сказалъ Долоховъ, прощаясь съ Ростовымъ на крыльцѣ клуба.

— И ты спокоенъ? — спросилъ Ростовъ.

Долоховъ остановился.

— Вотъ видишь ли, я тебѣ въ двухъ словахъ открою всю тайну дуэли. Ежели ты идешь на дуэль и пишешь завѣщанія да нѣжныя письма родителямъ, ежели ты думаешь о томъ, что тебя могутъ убить, ты — дуракъ и навѣрно пропалъ; а ты иди съ твердымъ намѣреніемъ его убить какъ можно поскорѣе и повѣрнѣе, тогда все исправно, какъ мнѣ говаривалъ нашъ костромской медвѣжатникъ. И медвѣдя-то, говоритъ, какъ не

бояться? Да какъ увидишь его, и страхъ прошелъ, какъ бы только не ушелъ! Ну, такъ-то и я. A demain, mon cher! [1])

На другой день, въ 8 часовъ утра, Пьеръ съ Несвицкимъ пріѣхали въ Сокольницкій лѣсъ и нашли тамъ уже Долохова, Денисова и Ростова. Пьеръ имѣлъ видъ человѣка, занятаго какими-то соображеніями, вовсе не касающимися до предстоящаго дѣла. Осунувшееся лицо его было желто. Онъ, видимо, не спалъ эту ночь. Онъ разсѣянно оглядывался вокругъ себя и морщился какъ будто отъ яркаго солнца. Два соображенія исключительно занимали его: виновность его жены, въ которой послѣ безсонной ночи уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, и невинность Долохова, не имѣвшаго никакой причины беречь честь чужого для него человѣка. «Можетъ-быть, я бы то же самое сдѣлалъ на его мѣстѣ», думалъ Пьеръ. «Даже навѣрное я бы сдѣлалъ то же самое; къ чему же эта дуэль, это убійство? Или я убью его, или онъ попадетъ мнѣ въ голову, въ локоть, въ колѣнку. Уйти отсюда, бѣжать, зарыться куда-нибудь», приходило ему въ голову. Но именно въ тѣ минуты, когда ему приходили такія мысли, онъ съ особенно спокойнымъ и разсѣяннымъ видомъ, внушавшимъ уваженіе смотрѣвшимъ на него, спрашивалъ: «Скоро ли и готово ли?»

Когда все было готово, сабли воткнуты въ снѣгъ, означая барьеръ, до котораго слѣдовало сходиться, и пистолеты заряжены, Несвицкій подошелъ къ Пьеру.

— Я бы не исполнилъ своей обязанности, графъ, — сказалъ онъ робкимъ голосомъ, — и не оправдалъ бы того довѣрія и чести, которыя вы мнѣ сдѣлали, выбравъ меня своимъ секундантомъ, ежели бы я въ эту важную, очень важную минуту не сказалъ вамъ всю правду. Я полагаю, что дѣло это не имѣетъ достаточно причинъ и что не стóитъ того, чтобы за него проливать кровь... Вы были неправы, не совсѣмъ правы, вы погорячились...

— Ахъ да, ужасно глупо... — сказалъ Пьеръ.

— Такъ позвольте мнѣ передать ваше сожалѣніе, и я увѣренъ, что наши противники согласятся принять ваше извиненіе, — сказалъ Несвицкій (такъ же, какъ и другіе участники дѣла и какъ и всѣ въ подобныхъ дѣлахъ, не вѣря еще, чтобы дѣло дошло до дѣйствительной дуэли). — Вы знаете, графъ, гораздо благороднѣе сознать свою ошибку, чѣмъ довести дѣло до непоправимаго. Обиды ни съ одной стороны не было. Позвольте мнѣ переговорить...

---

[1]) До завтра, мой милый!

— Нѣтъ, о чемъ же говорить! — сказалъ Пьеръ, — все равно... Такъ готово?—прибавилъ онъ.—Вы мнѣ скажите только, какъ куда ходить и стрѣлять куда? — сказалъ онъ, неестественно-кротко улыбаясь.

Онъ взялъ въ руки пистолетъ, сталъ разспрашивать о способѣ спуска, такъ какъ онъ до сихъ поръ не держалъ въ рукахъ пистолета, въ чемъ онъ не хотѣлъ сознаваться.

— Ахъ да, вотъ такъ, я знаю, я забылъ только, — говорилъ онъ.

— Никакихъ извиненій, ничего рѣшительно,—говорилъ Долоховъ Денисову, который съ своей стороны тоже сдѣлалъ попытку примиренія, и тоже подошелъ къ назначенному мѣсту.

Мѣсто для поединка было выбрано шагахъ въ 80-ти отъ дороги, на которой остались сани, на небольшой полянкѣ сосноваго лѣса, покрытой истаявшимъ отъ стоявшихъ послѣдніе дни оттепелей снѣгомъ. Противники стояли шагахъ въ сорока другъ отъ друга, у краевъ поляны. Секунданты, размѣряя шаги, проложили отпечатавшіеся по мокрому глубокому снѣгу слѣды отъ того мѣста, гдѣ они стояли, до воткнутыхъ сабель Несвицкаго и Денисова, означавшихъ барьеръ и воткнутыхъ въ десяти шагахъ другъ отъ друга. Оттепель и туманъ продолжались; за 40 шаговъ ничего не было видно. Минуты три все было уже готово, и все-таки медлили начинать, всѣ молчали.

V.

— Ну, начинать! — сказалъ Долоховъ.

— Что же, — сказалъ Пьеръ, все такъ же улыбаясь.

Становилось страшно. Очевидно было, что дѣло, начавшееся такъ легко, уже ничѣмъ не могло быть предотвращено, что оно шло само собой, уже независимо отъ воли людей, и должно было совершиться. Денисовъ первый вышелъ впередъ до барьера и провозгласилъ:

— Такъ какъ пг'отивники отказались отъ пг'имиг'енія, то не угодно ли начинать: взять пистолеты и по слову тг'и начинать сходиться.

— Г'азъ! Два! Тг'и!.. — сердито прокричалъ Денисовъ и отошелъ въ сторону.

Оба пошли по протоптаннымъ дорожкамъ все ближе и ближе, въ туманѣ узнавая другъ друга. Противники имѣли право, сходясь до барьера, стрѣлять, когда кто захочетъ. Долоховъ шелъ медленно, не поднимая пистолета, вглядываясь своими свѣтлыми, блестящими, голубыми глазами въ лицо своего противника. Ротъ его, какъ и всегда, имѣлъ на себѣ подобіе улыбки.

При словѣ *три* Пьеръ быстрыми шагами пошелъ впередъ, сбиваясь съ протоптанной дорожки и шагая по цѣльному снѣгу. Пьеръ держалъ пистолетъ, вытянувъ впередъ правую руку, видимо боясь, какъ бы изъ этого пистолета не убить самого себя. Лѣвую руку онъ старательно отставлялъ назадъ, потому что ему хотѣлось поддержать ею правую руку, а онъ зналъ, что этого нельзя было. Пройдя шаговъ шесть и сбившись съ дорожки въ снѣгъ, Пьеръ оглянулся подъ ноги, опять быстро взглянулъ на Долохова и, потянувъ пальцемъ, какъ его учили, выстрѣлилъ. Никакъ не ожидая такого сильнаго звука, Пьеръ вздрогнулъ отъ своего выстрѣла, потомъ улыбнулся самъ своему впечатлѣнію и остановился. Дымъ, особенно густой отъ тумана, помѣшалъ ему видѣть въ первое мгновеніе; но другого выстрѣла, котораго онъ ждалъ, не послѣдовало. Только слышны были торопливые шаги Долохова, и изъ-за дыма показалась его фигура. Одной рукой онъ держался за лѣвый бокъ, другой сжималъ опущенный пистолетъ. Лицо его было блѣдно. Ростовъ подбѣжалъ и что-то сказалъ ему.

— Нѣ...ѣ...тъ, — проговорилъ сквозь зубы Долоховъ,—нѣтъ, не кончено,—и, сдѣлавъ еще нѣсколько падающихъ, ковыляющихъ шаговъ до самой сабли, упалъ на снѣгъ подлѣ нея. Лѣвая рука его была въ крови, онъ обтеръ ее о сюртукъ и оперся ею. Лицо его было блѣдно, нахмурено и дрожало.

— Пожалу... — началъ Долоховъ, не могъ сразу выговорить... — пожалуйте,—договорилъ онъ съ усиліемъ.

Пьеръ, едва удерживая рыданія, побѣжалъ къ Долохову и хотѣлъ уже перейти пространство, отдѣляющее барьеры, какъ Долоховъ крикнулъ: «къ барьеру!» и Пьеръ, понявъ, въ чемъ дѣло, остановился у своей сабли. Только 10 шаговъ раздѣляло ихъ. Долоховъ опустился головой къ снѣгу, жадно укусилъ снѣгъ, опять поднялъ голову, поправился, подобралъ ноги и сѣлъ, отыскивая прочный центръ тяжести. Онъ глоталъ холодный снѣгъ и сосалъ его; губы его дрожали, но, все улыбаясь, глаза блестѣли усиліемъ и злобой послѣднихъ собранныхъ силъ. Онъ поднялъ пистолетъ и сталъ цѣлиться.

— Бокомъ, закройтесь пистолетомъ,—проговорилъ Несвицкій.

— Закг'ойтесь! — не выдержавъ, крикнулъ даже Денисовъ своему противнику.

Пьеръ съ кроткой улыбкой сожалѣнія и раскаянія, безпомощно разставивъ ноги и руки, прямо своей широкой грудью стоялъ передъ Долоховымъ и грустно смотрѣлъ на него. Денисовъ, Ростовъ и Несвицкій зажмурились. Въ одно и то же время они услыхали выстрѣлъ и злой крикъ Долохова.

— Мимо!—крикнулъ Долоховъ и безсильно легъ на снѣгъ лицомъ книзу.

Пьеръ схватился за голову, повернувшись назадъ, пошелъ въ лѣсъ, шагая цѣликомъ по снѣгу и вслухъ приговаривая непонятныя слова:

— Глупо... глупо! Смерть... ложь...—твердилъ онъ, морщась.

Несвицкій остановилъ его и повезъ домой.

Ростовъ съ Денисовымъ повезли раненаго Долохова.

Долоховъ молча, съ закрытыми глазами лежалъ въ саняхъ и ни слова не отвѣчалъ на вопросы, которые ему дѣлали; но, въѣхавъ въ Москву, онъ вдругъ очнулся и, съ трудомъ приподнявъ голову, взялъ за руку сидѣвшаго подлѣ себя Ростова. Ростова поразило совершенно измѣнившееся и неожиданно восторженно-нѣжное выраженіе лица Долохова.

— Ну, что? Какъ ты чувствуешь себя?—спросилъ Ростовъ.

— Скверно! Но не въ томъ дѣло, другъ мой,—сказалъ Долоховъ прерывающимся голосомъ.—Гдѣ мы? Мы въ Москвѣ, я знаю. Я ничего, но я убилъ ее, убилъ... Она не перенесетъ этого. Она не перенесетъ...

— Кто?—спросилъ Ростовъ.

— Мать моя. Моя мать, мой ангелъ, мой обожаемый ангелъ, мать, — и Долоховъ заплакалъ, сжимая руку Ростова.

Когда онъ нѣсколько успокоился, онъ объяснилъ Ростову, что живетъ съ матерью, что, ежели мать увидитъ его умирающимъ, она не перенесетъ этого. Онъ умолялъ Ростова ѣхать къ ней и приготовить ее.

Ростовъ поѣхалъ впередъ исполнять порученіе и къ великому удивленію своему узналъ, что Долоховъ, этотъ буянъ, бретёръ-Долоховъ, жилъ въ Москвѣ со старушкой матерью и горбатой сестрой и былъ самый нѣжный сынъ и братъ.

VI.

Пьеръ въ послѣднее время рѣдко видѣлся съ женою съ глазу на глазъ. И въ Петербургѣ и въ Москвѣ домъ ихъ постоянно бывалъ полонъ гостями. Въ слѣдующую ночь послѣ дуэли онъ, какъ и часто дѣлалъ, не пошелъ въ спальню, а остался въ своемъ огромномъ отцовскомъ кабинетѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ умеръ графъ Безуховъ.

Онъ прилегъ на диванъ и хотѣлъ заснуть, для того, чтобы забыть все, что̀ было съ нимъ, но онъ не могъ этого сдѣлать. Такая буря чувствъ, мыслей, воспоминаній вдругъ поднялась въ его душѣ, что онъ не только не могъ спать, но не могъ сидѣть

на мѣстѣ и долженъ былъ вскочить съ дивана и быстрыми шагами ходить по комнатѣ. То ему представлялась она въ первое время послѣ женитьбы, съ открытыми плечами и усталымъ страстнымъ взглядомъ, и тотчасъ же рядомъ съ нею представлялось красивое, наглое и твердо-насмѣшливое лицо Долохова, какимъ оно было на обѣдѣ, и то же лицо Долохова, блѣдное, дрожащее и страдающее, такимъ, какимъ оно было, когда онъ повернулся и упалъ на снѣгъ.

— Что же было? — спрашивалъ онъ самъ себя. — Я убилъ *любовника*, да, убилъ любовника своей жены. Да, это было. Отчего? Какъ я дошелъ до этого? — Оттого, что ты женился на ней,— отвѣчалъ внутренній голосъ.

— Но въ чемъ же я виноватъ?—спрашивалъ онъ.—Въ томъ что ты женился, не любя ея, въ томъ, что ты обманулъ и себя и ее,—и ему живо представлялась та минута послѣ ужина у князя Василья, когда онъ сказалъ эти невыходившія изъ него слова: «Je vous aime»[1]), Все отъ этого! «Я и тогда чувствовалъ», думалъ онъ, «я чувствовалъ тогда, что это было не то, что я не имѣлъ на это права. Такъ и вышло».

Онъ вспомнилъ медовый мѣсяцъ и покраснѣлъ при этомъ воспоминаніи. Особенно живо, оскорбительно и постыдно было для него воспоминаніе о томъ, какъ однажды, вскорѣ послѣ своей женитьбы, онъ въ 12-мъ часу дня въ шелковомъ халатѣ пришелъ изъ спальни въ кабинетъ и въ кабинетѣ засталъ главнаго управляющаго, который почтительно поклонился, поглядѣлъ на лицо Пьера, на его халатъ и слегка улыбнулся, какъ бы выражая этой улыбкой почтительное сочувствіе счастью своего принципала.

«А сколько разъ я гордился ею, гордился ея величавой красотой, ея свѣтскимъ тактомъ», думалъ онъ; «гордился тѣмъ своимъ домомъ, въ которомъ она принимала весь Петербургъ; гордился ея неприступностью и красотой. Такъ вотъ чѣмъ я гордился?! Я тогда думалъ, что не понимаю ея. Какъ часто, вдумываясь въ ея характеръ, я говорилъ себѣ, что я виноватъ, что не понимаю ея, не понимаю этого всегдашняго спокойствія, удовлетворенности и отсутствія всякихъ пристрастій и желаній, а вся разгадка была въ томъ страшномъ словѣ, что она развратная женщина: сказалъ себѣ это страшное слово, и все стало ясно!

«Анатоль ѣздилъ къ ней занимать у нея деньги и цѣловалъ ее въ голыя плечи. Она не давала ему денегъ, но позволяла цѣловать себя. Отецъ шутя возбуждалъ ея ревность; она со спокойной улыбкой говорила, что она не такъ глупа, чтобы быть

[1]) Я васъ люблю.

ревнивой: «пусть дѣлаетъ, что хочетъ», говорила она про меня. Я спросилъ у нея однажды, не чувствуетъ ли она признаковъ беременности. Она засмѣялась презрительно и сказала, что она не дура, чтобы желать имѣть дѣтей, и что отъ *меня* дѣтей у нея не будетъ».

Потомъ онъ вспомнилъ грубость, ясность ея мыслей и вульгарность выраженій, свойственныхъ ей, несмотря на ея воспитаніе въ высшемъ аристократическомъ кругу. «Я не какая-нибудь дура... поди самъ попробуй... allez vous promener»[1]), говаривала она. Часто, глядя на ея успѣхъ въ глазахъ старыхъ и молодыхъ мужчинъ и женщинъ, Пьеръ не могъ понять, отчего онъ не любилъ ея.—Да я никогда не любилъ ея,—говорилъ себѣ Пьеръ;—я зналъ, что она развратная женщина,—повторялъ онъ самъ себѣ, но не смѣлъ признаться въ этомъ. — И теперь Долоховъ, вотъ онъ сидитъ на снѣгу и насильно улыбается и умираетъ, можетъ-быть, притворнымъ какимъ-то молодечествомъ отвѣчая на мое раскаянье!

Пьеръ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, несмотря на свою внѣшнюю такъ называемую слабость характера, не ищутъ повѣреннаго для своего горя. Онъ перерабатывалъ одинъ въ себѣ свое горе.

— Она во всемъ, во всемъ она одна виновата, — говорилъ онъ самъ себѣ;—но что жъ изъ этого? Зачѣмъ я себя связалъ съ нею, зачѣмъ я ей сказалъ это: «Je vous aime»,[2]) которое было ложь и еще хуже, чѣмъ ложь?—говорилъ онъ самъ себѣ.— Я виноватъ и долженъ нести... Что? Позоръ имени, несчастье жизни? Э, все вздоръ,—подумалъ онъ,—и позоръ имени и честь все условно, все независимо отъ меня.

Людовика XVI казнили за то, что *они* говорили, что онъ былъ безчестенъ и преступникъ (пришло Пьеру въ голову), и они были правы съ своей точки зрѣнія, такъ же какъ и правы тѣ, которые за него умирали мученическою смертью и причисляли его къ лику святыхъ. Потомъ Робеспьера казнили за то, что онъ былъ деспотъ. Кто правъ, кто виноватъ? Никто. А живъ—и живи: завтра умрешь, какъ могъ я умереть часъ тому назадъ. И стоитъ ли того мучиться, когда жить остается одну секунду въ сравненіи съ вѣчностью?

Но въ ту минуту, какъ онъ считалъ себя успокоеннымъ такого рода разсужденіями, ему вдругъ представлялась *она* и въ тѣ минуты, когда онъ сильнѣе всего выказывалъ ей свою неискрен-

---

[1]) Идите вонъ.

[2]) Я васъ люблю.

нюю любовь, и онъ чувствовалъ приливъ крови къ сердцу и долженъ былъ опять вставать, двигаться и ломать, и рвать попадающіяся ему подъ руки вещи.—Зачѣмъ я сказалъ ей: «Je vous aime»?—все повторялъ онъ самъ себѣ. И, повторивъ 10-й разъ этотъ вопросъ, ему пришло въ голову Мольерово: «mais que diable allait-il faire dans cette galère?» 1) и онъ засмѣялся самъ надъ собой.

Ночью онъ позвалъ камердинера и велѣлъ укладываться, чтобъ ѣхать въ Петербургъ. Онъ не могъ представить себѣ, какъ бы онъ сталъ теперь говорить съ ней. Онъ рѣшилъ, что завтра онъ уѣдетъ и оставитъ ей письмо, въ которомъ объявитъ ей свое намѣреніе навсегда разлучиться съ нею.

Утромъ, когда камердинеръ, внося кофе, вошелъ въ кабинетъ, Пьеръ лежалъ на отоманкѣ и съ раскрытой книгой въ рукѣ спалъ.

Онъ очнулся и долго испуганно оглядывался, не въ силахъ понять, гдѣ онъ находится.

— Графиня приказала спросить, дома ли ваше сіятельство,— спросилъ камердинеръ.

Но не успѣлъ еще Пьеръ рѣшиться на отвѣтъ, который онъ сдѣлаетъ, какъ сама графиня въ бѣломъ атласномъ халатѣ, шитомъ серебромъ, и въ простыхъ волосахъ (двѣ огромныя косы en diadème огибали два раза ея прелестную голову) вошла въ комнату спокойно и величественно; только на мраморномъ нѣсколько выпукломъ лбѣ ея была морщинка гнѣва. Она съ своимъ всевыдерживающимъ спокойствіемъ не стала говорить при камердинерѣ. Она знала о дуэли и пришла говорить о ней. Она дождалась, пока камердинеръ уставилъ кофей и вышелъ. Пьеръ робко чрезъ очки посмотрѣлъ на нее и, какъ заяцъ, окруженный собаками, прижимая уши, продолжаетъ лежать въ виду своихъ враговъ, такъ и онъ попробовалъ продолжать читать, но чувствовалъ, что это безсмысленно и невозможно, и опять робко взглянулъ на нее. Она не сѣла и съ презрительной улыбкой смотрѣла на него, ожидая, пока выйдетъ камердинеръ.

— Это еще что? Что вы надѣлали, я васъ спрашиваю?— сказала она строго.

— Я? Что я? — сказалъ Пьеръ.

— Вотъ храбрецъ отыскался! Ну, отвѣчайте, что это за дуэль? Что вы хотѣли этимъ доказать? Что? Я васъ спрашиваю.

Пьеръ тяжело повернулся на диванѣ, открылъ ротъ, но не могъ отвѣтить.

---

1) Чего ему тутъ надо?

— Коли вы не отвѣчаете, то я вамъ скажу...—продолжала Эленъ.—Вы вѣрите всему, что вамъ скажутъ; вамъ сказали...—Эленъ засмѣялась,—что Долоховъ мой любовникъ,—сказала она по-французски, съ своей грубой точностью рѣчи, выговаривая слово «любовникъ», какъ и всякое другое слово,—и вы повѣрили! Ну, что̀ же вы этимъ доказали? Что̀ вы доказали этой дуэлью! То, что вы дуракъ, que vous êtes un sot; такъ это всѣ знали! Къ чему это поведетъ? Къ тому, чтобы я сдѣлалась посмѣшищемъ всей Москвы; къ тому, чтобы всякій сказалъ, что вы въ пьяномъ видѣ, не помня себя, вызвали на дуэль человѣка, котораго вы безъ основанія ревнуете,—Эленъ все болѣе и болѣе возвышала голосъ и одушевлялась,—который лучше васъ во всѣхъ отношеніяхъ...

— Гм... гм...—мычалъ Пьеръ, морщась, не глядя на нее и не шевелясь ни однимъ членомъ.

— И почему вы могли повѣрить, что онъ мой любовникъ?.. Почему? Потому что я люблю его общество? Ежели бы вы были умнѣе и пріятнѣе, то я бы предпочитала ваше.

— Не говорите со мной... умоляю, — хрипло прошепталъ Пьеръ.

— Отчего мнѣ не говорить? Я могу говорить и смѣло скажу, что рѣдкая та жена, которая съ такимъ мужемъ, какъ вы, не взяла бы себѣ любовниковъ (des amants), а я этого не сдѣлала,—сказала она.

Пьеръ хотѣлъ что-то сказать, взглянулъ на нее странными глазами, которыхъ выраженіе она не поняла, и опять легъ. Онъ физически страдалъ въ эту минуту: грудь его стѣсняло, и онъ не могъ дышать. Онъ зналъ, что ему надо что-то сдѣлать, чтобы прекратить это страданіе, но то, что онъ хотѣлъ сдѣлать, было слишкомъ страшно.

— Намъ лучше разстаться,—проговорилъ онъ прерывисто.

— Разстаться, извольте, только ежели вы дадите мнѣ состояніе,—сказала Эленъ...—Разстаться, вотъ чѣмъ испугали!

Пьеръ вскочилъ съ дивана и, шатаясь, бросился къ ней.

— Я тебя убью!—закричалъ онъ и, схвативъ со стола мраморную доску, съ неизвѣстной еще ему силой, сдѣлалъ шагъ къ ней и замахнулся на нее.

Лицо Эленъ сдѣлалось страшно: она взвизгнула и отскочила отъ него. Порода отца сказалась въ немъ. Пьеръ почувствовалъ увлеченіе и прелесть бѣшенства. Онъ бросилъ доску, разбилъ ее и, съ раскрытыми руками подступая къ ней, закричалъ: «Вонъ!!» такимъ страшнымъ голосомъ, что во всемъ домѣ съ

ужасомъ услыхали этотъ крикъ. Богъ знаетъ, что бы сдѣлалъ Пьеръ въ эту минуту, ежели бы Элепъ не выбѣжала изъ комнаты.

Черезъ недѣлю Пьеръ выдалъ женѣ довѣренность на управленіе всѣми великорусскими имѣніями, что составляло бо̀льшую половину его состоянія, и одинъ уѣхалъ въ Петербургъ.

VII.

Прошло два мѣсяца послѣ полученія извѣстій въ Лысыхъ Горахъ объ Аустерлицкомъ сраженіи и о погибели князя Андрея, и, несмотря на всѣ письма черезъ посольство и на всѣ розыски, тѣло его не было найдено, и его не было въ числѣ плѣнныхъ. Хуже всего для его родныхъ было то, что оставалась все-таки надежда на то, что онъ былъ поднятъ жителями на полѣ сраженія и, можетъ-быть, лежалъ выздоравливающій или умирающій гдѣ-нибудь одинъ, среди чужихъ, и не въ силахъ дать о себѣ вѣсти. Въ газетахъ, изъ которыхъ впервые узналъ старый князь объ Аустерлицкомъ пораженіи, было написано, какъ и всегда, весьма кратко и неопредѣленно о томъ, что русскіе послѣ блестящихъ баталій должны были отретироваться и ретираду произвели въ совершенномъ порядкѣ. Старый князь понялъ изъ этого офиціальнаго извѣстія, что наши были разбиты. Черезъ недѣлю послѣ газеты, принесшей извѣстіе объ Аустерлицкой битвѣ, пришло письмо Кутузова, который извѣщалъ князя объ участи, постигшей его сына.

«Вашъ сынъ, въ моихъ глазахъ, — писалъ Кутузовъ, — со знаменемъ въ рукахъ, впереди полка, палъ героемъ, достойнымъ своего отца и своего отечества. Къ общему сожалѣнію моему и всей арміи, до сихъ поръ не извѣстно, живъ ли онъ или нѣтъ. Себя и васъ надеждой льщу, что сынъ вашъ живъ, ибо въ противномъ случаѣ въ числѣ найденныхъ на полѣ сраженія офицеровъ, о коихъ списокъ мнѣ поданъ черезъ парламентеровъ, и онъ бы поименованъ былъ».

Получивъ это извѣстіе поздно вечеромъ, когда онъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, старый князь, какъ и обыкновенно, на другой день пошелъ на свою утреннюю прогулку; но былъ молчаливъ съ приказчикомъ, садовникомъ и архитекторомъ и, хотя и былъ гнѣвенъ на видъ, ничего никому не сказалъ.

Когда въ обычное время княжна Марья вошла къ нему, онъ стоялъ за станкомъ и точилъ, но, какъ обыкновенно, не оглянулся на нее.

— А! княжна Марья!—вдругъ сказалъ онъ неестественно и бросилъ стамезку. (Колесо еще вертѣлось отъ размаха. Княжна Марья долго помнила этотъ замирающій скрипъ колеса, который слился для нея съ тѣмъ, что послѣдовало.)

Княжна Марья подвинулась къ нему, увидала его лицо, и что-то вдругъ опустилось въ ней. Глаза ея перестали видѣть ясно. Она по лицу отца, не грустному, не убитому, но злому и неестественно надъ собой работающему лицу, увидала, что вотъ-вотъ надъ ней повисло и задавитъ ее страшное несчастье, худшее въ жизни, несчастье, еще не испытанное ею, несчастье непоправимое, непостижимое, смерть того, кого любишь.

— Mon père! André!—сказала неграціозная, неловкая княжна съ такой невыразимой прелестью печали и самозабвенія, что отецъ не выдержалъ ея взгляда и, всхлипнувъ, отвернулся.

— Получилъ извѣстіе. Въ числѣ плѣнныхъ нѣтъ, въ числѣ убитыхъ нѣтъ. Кутузовъ пишетъ,—крикнулъ онъ пронзительно, какъ будто желая прогнать княжну этимъ крикомъ,—убитъ!

Княжна не упала, съ ней не сдѣлалось дурноты. Она была уже блѣдна, но когда она услыхала эти слова, лицо ея измѣнилось и что-то просіяло въ ея лучистыхъ, прекрасныхъ глазахъ. Какъ будто радость, высшая радость, независимая отъ печалей и радостей этого міра, разлилась сверхъ той сильной печали, которая была въ ней. Она забыла весь страхъ къ отцу, подошла къ нему, взяла его за руку и потянула къ себѣ и обняла за сухую, жилистую шею.

— Mon père,—сказала она.—Не отвертывайтесь отъ меня, будемте плакать вмѣстѣ.

— Мерзавцы, подлецы! — закричалъ старикъ, отстраняя отъ нея лицо. — Губить армію, губить людей! За что? Поди, поди, скажи Лизѣ.

Княжна безсильно опустилась въ кресло подлѣ отца и заплакала. Она видѣла теперь брата въ ту минуту, какъ онъ прощался съ ней и съ Лизой, съ своимъ нѣжнымъ и вмѣстѣ высокомѣрнымъ видомъ. Она видѣла его въ ту минуту, какъ онъ нѣжно и насмѣшливо надѣвалъ образокъ на себя. «Вѣрилъ ли онъ? Раскаялся ли онъ въ своемъ невѣріи? Тамъ ли онъ теперь? Тамъ ли, въ обители вѣчнаго спокойствія и блаженства?» думала она.

— Mon père, скажите мнѣ, какъ это было?—спросила она сквозь слезы.

— Иди, иди, убитъ въ сраженіи, въ которомъ повели убивать русскихъ лучшихъ людей и русскую славу. Идите, княжна Марья. Иди и скажи Лизѣ. Я приду.

Когда княжна Марья вернулась отъ отца, маленькая княгиня сидѣла за работой и съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ внутренняго и счастливо-спокойнаго взгляда, свойственнаго только беременнымъ женщинамъ, посмотрѣла на княжну Марью. Видно было, что глаза ея не видали княжну Марью, а смотрѣли вглубь— въ себя—во что-то счастливое и таинственное, совершающееся въ ней.

— Marie, — сказала она, отстраняясь отъ пялецъ и переваливаясь назадъ, — дай сюда твою руку.

Она взяла руку княжны и наложила ее себѣ на животъ. Глаза ея улыбались, ожидая, губка съ усиками поднялась и дѣтски-счастливо осталась поднятой.

Княжна Марья стала на колѣна передъ ней и спрятала лицо въ складкахъ платья невѣстки.

— Вотъ, вотъ — слышишь? Мнѣ такъ странно. И знаешь, Мари, я очень буду любить его, — сказала Лиза, блестящими, счастливыми глазами глядя на золовку.

Княжна Марья не могла поднять головы: она плакала.

— Что съ тобой, Маша?

— Ничего... такъ мнѣ грустно стало... грустно объ Андреѣ,— сказала она, отирая слезы о колѣна невѣстки.

Нѣсколько разъ въ продолженіе утра княжна Марья начинала приготавливать невѣстку и всякій разъ начинала плакать. Слезы эти, которыхъ причину не понимала маленькая княгиня, встревожили ее, какъ ни мало она была наблюдательна. Она ничего не говорила, но безпокойно оглядывалась, отыскивая чего-то. Передъ обѣдомъ въ ея комнату вошелъ старый князь, котораго она всегда боялась, теперь съ особенно - неспокойнымъ, злымъ лицомъ и, ни слова не сказавъ, вышелъ. Она посмотрѣла на княжну Марью, потомъ задумалась съ тѣмъ выраженіемъ глазъ устремленнаго внутрь себя вниманія, которое бываетъ у беременныхъ женщинъ, и вдругъ заплакала.

— Получили отъ Андрея что-нибудь? — сказала она.

— Нѣтъ, ты знаешь, что еще не могло придти извѣстіе, но mon père безпокоится, и мнѣ страшно.

— Такъ ничего?

— Ничего, — сказала княжна Марья, лучистыми глазами твердо глядя на невѣстку.

Она рѣшилась не говорить ей и уговорила отца скрыть полученіе страшнаго извѣстія отъ невѣстки до ея разрѣшенія, которое должно было быть на-дняхъ. Княжна Марья и старый князь, каждый по-своему, носили и скрывали свое горе. Старый князь не хотѣлъ надѣяться: онъ рѣшилъ, что князь Андрей убитъ, и,

несмотря на то, что онъ послалъ чиновника въ Австрію разыскивать слѣдъ сына, онъ заказалъ ему въ Москвѣ памятникъ, который намѣренъ былъ поставить въ своемъ саду, и всѣмъ говорилъ, что сынъ его убитъ. Онъ старался, не измѣняя, вести прежній образъ жизни, но силы измѣняли ему: онъ меньше ходилъ, меньше ѣлъ, меньше спалъ и съ каждымъ днемъ дѣлался слабѣе. Княжна Марья надѣялась. Она молилась за брата, какъ за живого, и каждую минуту ждала извѣстій о его возвращеніи.

VIII.

— Ma bonne amie,—сказала маленькая княгиня утромъ 19-го марта послѣ завтрака, и губка ея съ усиками поднялась по старой привычкѣ; но какъ и во всѣхъ не только улыбкахъ, но звукахъ рѣчей, даже походкахъ въ этомъ домѣ со дня полученія страшнаго извѣстія была печаль, то и теперь улыбка маленькой княгини, поддававшейся общему настроенію, хоть и не знавшей причину его, была такая, что она еще болѣе напоминала объ общей печали.

— Ma bonne amie, je crains que le fruschtique (comme dit Фока — поваръ) de ce matin ne m'aie pas fait du mal [1]).

— А что съ тобой, моя душа? Ты блѣдна. Ахъ, ты очень блѣдна,—испуганно сказала княжна Марья, своими тяжелыми, мягкими шагами подбѣгая къ невѣсткѣ.

— Ваше сіятельство, не послать ли за Марьей Богдановной? — сказала одна изъ бывшихъ тутъ горничныхъ. (Марья Богдановна была акушерка изъ уѣзднаго города, жившая въ Лысыхъ Горахъ уже другую недѣлю.)

— И въ самомъ дѣлѣ,—подхватила княжна Марья, — можетъ-быть, точно. Я пойду. Courage, mon ange! [2]) — Она поцѣловала Лизу и хотѣла выйти изъ комнаты.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—И, кромѣ блѣдности, физическаго страданія, на лицѣ маленькой княгини выразился дѣтскій страхъ неотвратимаго страданія.

— Non, c'est l'estomac... dites que c'est l'estomac, dites, Marie, dites... [3]) — и княгиня заплакала дѣтски-страдальчески, капризно и даже нѣсколько притворно, ломая свои маленькія ручки.

---

[1]) Дружочекъ, боюсь, чтобъ отъ нынѣшняго фриштика (какъ называетъ его поваръ Фока) мнѣ бы не было дурно.

[2]) Не бойся, мой ангелъ.

[3]) Нѣтъ, это желудокъ; скажи, Маша, что это желудокъ.

Княжна выбѣжала изъ комнаты за Марьей Богдановной.

— Mon Dieu! Mon Dieu! [1]) Oh! — слышала она сзади себя.

Потирая полныя, небольшія, бѣлыя руки, ей навстрѣчу, съ значительно-спокойнымъ лицомъ, уже шла акушерка.

— Марья Богдановна! Кажется, началось, — сказала княжна Марья, испуганно-раскрытыми глазами глядя на бабушку.

— Ну, и слава Богу, княжна, — не прибавляя шага, сказала Марья Богдановна. — Вамъ, дѣвицамъ, про это знать не слѣдуетъ.

— Но какъ же изъ Москвы докторъ еще не пріѣхалъ? — сказала княжна. (По желанію Лизы и князя Андрея къ сроку было послано въ Москву за акушеромъ, и его ждали каждую минуту.)

— Ничего, княжна, не безпокойтесь, — сказала Марья Богдановна, — и безъ доктора все хорошо будетъ.

Черезъ пять минутъ княжна изъ своей комнаты услыхала, что несутъ что-то тяжелое. Она выглянула — офиціанты несли для чего-то въ спальню кожаный диванъ, стоявшій въ кабинетѣ князя Андрея. На лицахъ несшихъ людей было что-то торжественное и тихое.

Княжна Марья сидѣла одна въ своей комнатѣ, прислушиваясь къ звукамъ дома, изрѣдка отворяя дверь, когда проходили мимо, и приглядываясь къ тому, что̀ происходило въ коридорѣ. Нѣсколько женщинъ тихими шагами проходили туда и оттуда, оглядывались на княжну и отворачивались отъ нея. Она не смѣла спрашивать, затворяла дверь, возвращалась къ себѣ и то садилась въ свое кресло, то бралась за молитвенникъ, то становилась на колѣна предъ кіотомъ. Къ несчастію и удивленію своему, она чувствовала, что молитва не утишала ея волненія. Вдругъ дверь ея комнаты тихо отворилась, и на порогѣ ея показалась повязанная платкомъ ея старая няня Прасковья Савишна, почти никогда, вслѣдствіе запрещенія князя, не входившая къ ней въ комнату.

— Съ тобой, Машенька, пришла посидѣть, — сказала няня, — да вотъ княжовы свѣчи вѣнчальныя передъ угодникомъ зажечь принесла, мой ангелъ, — сказала она, вздохнувъ.

— Ахъ, какъ я рада, няня.

— Богъ милостивъ, голубка.

Няня зажгла передъ кіотомъ обвитыя золотомъ свѣчи и съ чулкомъ сѣла у двери. Княжна Марья взяла книгу и стала читать. Только когда слышались шаги или голоса, княжна испуганно, вопросительно, а няня успокоительно смотрѣли другъ на друга.

---

[1]) Боже мой! Боже мой!

Во всѣхъ концахъ дома было разлито и владѣло всѣми то же чувство, которое испытывала княжна Марья, сидя въ своей комнатѣ. По повѣрію, что чѣмъ меньше людей знаетъ о страданіяхъ родильницы, тѣмъ меньше она страдаетъ, всѣ старались притвориться незнающими; никто не говорилъ объ этомъ, но во всѣхъ людяхъ, кромѣ обычной степенности и почтительности хорошихъ манеръ, царствовавшихъ въ домѣ князя, видна была одна какая-то общая забота, смягченность сердца и сознаніе чего-то великаго, непостижимаго, совершающагося въ эту минуту.

Въ большой дѣвичьей не слышно было смѣха. Въ офиціантской всѣ люди сидѣли и молчали, наготовѣ чего-то. На дворнѣ жгли лучины и свѣчи и не спали. Старый князь, ступая на пятку, ходилъ по кабинету и послалъ Тихона къ Марьѣ Богдановнѣ спросить: что? — Только скажи: князь приказалъ спросить «что?» и приди скажи, что она скажетъ.

— Доложи князю, что роды начались,—сказала Марья Богдановна, значительно посмотрѣвъ на посланнаго.

Тихонъ пошелъ и доложилъ князю.

— Хорошо, — сказалъ князь, затворяя за собой дверь, и Тихонъ не слыхалъ болѣе ни малѣйшаго звука въ кабинетѣ.

Немного погодя, Тихонъ вошелъ въ кабинетъ какъ будто для того, чтобы поправить свѣчи. Увидавъ, что князь лежалъ на диванѣ, Тихонъ посмотрѣлъ на князя, на его разстроенное лицо, покачалъ головой, молча приблизился къ нему и, поцѣловавъ его въ плечо, вышелъ, не поправивъ свѣчей и не сказавъ, зачѣмъ онъ приходилъ. Таинство торжественнѣйшее въ мірѣ продолжало совершаться. Прошелъ вечеръ, наступила ночь. И чувство ожиданія и смягченія сердечнаго передъ непостижимымъ не падало, а возвышалось. Никто не спалъ.

Была одна изъ тѣхъ мартовскихъ ночей, когда зима какъ будто хочетъ взять свое и высыпаетъ съ отчаянной злобой свои послѣдніе снѣга и бураны. Навстрѣчу нѣмца-доктора изъ Москвы, котораго ждали каждую минуту и за которымъ была выслана подстава на большую дорогу, къ повороту на проселокъ были высланы верховые съ фонарями, чтобы проводить его по ухабамъ и зажорамъ.

Княжна Марья уже давно оставила книгу: она сидѣла молча, устремивъ лучистые глаза на сморщенное, до малѣйшихъ подробностей знакомое лицо няни: на прядку сѣдыхъ волосъ, выбившуюся изъ-подъ платка, на висящій мѣшочекъ кожи подъ подбородкомъ.

Няня Савишна, съ чулкомъ въ рукахъ, тихимъ голосомъ разсказывала, сама не слыша и не понимая своихъ словъ, сотни разъ разсказанное о томъ, какъ покойница-княгиня въ Кишиневѣ рожала княжну Марью, съ крестьянской бабкой-молдаванкой вмѣсто бабушки.

— Богъ помилуетъ, никогда дохтура не нужны,—говорила она.

Вдругъ порывъ вѣтра налегъ на одну изъ выставленныхъ рамъ комнаты (по волѣ князя, всегда съ жаворонками выставлялось по одной рамѣ въ каждой комнатѣ) и, отбивъ плохо задвинутую задвижку, затрепалъ штофной гардиной и, пахнувъ холодомъ, снѣгомъ, задулъ свѣчу. Княжна Марья вздрогнула; няня, положивъ чулокъ, подошла къ окну и, высунувшись, стала ловить откинутую раму. Холодный вѣтеръ трепалъ концами ея платка и сѣдыми выбившимися прядями волосъ.

— Княжна, матушка, ѣдутъ по прешпекту кто-то! — сказала она, держа раму и не затворяя ее. — Съ фонарями, должно дохтуръ...

— Ахъ, Боже мой! Слава Богу! — сказала княжна Марья. — Надо пойти встрѣтить его: онъ не знаетъ по-русски.

Княжна Марья накинула шаль и побѣжала навстрѣчу ѣхавшимъ. Когда она проходила переднюю, она въ окно видѣла, что какой-то экипажъ и фонари стояли у подъѣзда. Она вышла на лѣстницу. На столбикѣ перилъ стояла сальная свѣча и текла отъ вѣтра. Офиціантъ Филиппъ, съ испуганнымъ лицомъ и съ другой свѣчой въ рукѣ, стоялъ ниже, на первой площадкѣ лѣстницы. Еще пониже, за поворотомъ, по лѣстницѣ слышны были подвигавшіеся шаги въ теплыхъ сапогахъ. И какой-то знакомый, какъ показалось княжнѣ Марьѣ, голосъ говорилъ что-то.

— Славу Богу! — сказалъ голосъ. — А батюшка?

— Почивать легли, — отвѣчалъ голосъ дворецкаго Демьяна, бывшаго уже внизу.

Потомъ еще что-то сказалъ голосъ, что-то отвѣтилъ Демьянъ, и шаги въ теплыхъ сапогахъ стали быстрѣе приближаться по невидному повороту лѣстницы.

«Это Андрей!» подумала княжна Марья. «Нѣтъ, это не можетъ быть, это было бы слишкомъ необыкновенно», подумала она, и въ ту же минуту, какъ она думала это, на площадкѣ, на которой стоялъ офиціантъ со свѣчой, показались лицо и фигура князя Андрея, въ шубѣ съ воротникомъ, обсыпаннымъ снѣгомъ. Да, это былъ онъ, но блѣдный и худой и съ измѣненнымъ, странно-смягченнымъ, но тревожнымъ выраженіемъ лица. Онъ вошелъ на лѣстницу и обнялъ сестру.

— Вы не получили моего письма? — спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, котораго бы онъ и не получилъ, потому что княжна не могла говорить, онъ вернулся и съ акушеромъ, который вошелъ вслѣдъ за нимъ (онъ съѣхался съ нимъ на послѣдней станціи), быстрыми шагами опять вошелъ на лѣстницу и опять обнялъ сестру.

— Какая судьба!—проговорилъ онъ.—Маша, милая!—и, скинувъ шубу и сапоги, пошелъ на половину княгини.

IX.

Маленькая княгиня лежала на подушкахъ, въ бѣломъ чепчикѣ. (Страданія только что отпустили ее.) Черные волосы прядями вились у ея воспаленныхъ, вспотѣвшихъ щекъ; румяный прелестный ротикъ съ губкой, покрытой черными волосиками, былъ раскрытъ, и она радостно улыбалась. Князь Андрей вошелъ въ комнату и остановился передъ ней, у изножья дивана, на которомъ она лежала. Блестящіе глаза, смотрѣвшіе дѣтски, испуганно и взволнованно, остановились на немъ, не измѣняя выраженія. «Я васъ всѣхъ люблю, я никому зла не дѣлала, за что я страдаю? помогите мнѣ», говорило ея выраженіе. Она видѣла мужа, но не понимала значенія его появленія теперь передъ нею. Князь Андрей обошелъ диванъ и въ лобъ поцѣловалъ ее.

— Душенька моя, — сказалъ онъ, слово, которое никогда не говорилъ ей, — Богъ милостивъ...

Она вопросительно, дѣтски-укоризненно посмотрѣла на него.

«Я отъ тебя ждала помощи, и ничего, ничего, и ты тоже!» сказали ея глаза. Она не удивилась, что онъ пріѣхалъ; она не поняла того, что онъ пріѣхалъ. Его пріѣздъ не имѣлъ никакого отношенія до ея страданій и облегченій ихъ. Муки вновь начались, и Марья Богдановна посовѣтовала князю Андрею выйти изъ комнаты.

Акушеръ вошелъ въ комнату. Князь Андрей вышелъ и, встрѣтивъ княжну Марью, опять подошелъ къ ней. Они шопотомъ заговорили, но всякую минуту разговоръ замолкалъ. Они ждали и прислушивались.

— Alles, mon ami, — сказала княжна Марья.

Князь Андрей опять пошелъ къ женѣ и въ сосѣдней комнатѣ сѣлъ, дожидаясь. Какая-то женщина вышла изъ ея комнаты съ испуганнымъ лицомъ и смутилась, увидавъ князя Андрея. Онъ закрылъ лицо руками и просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ. Жалкіе, безпомощно-животные стоны слышались изъ-за двери.

Князь Андрей всталъ, подошелъ къ двери и хотѣлъ отворить ее. Дверь держалъ кто-то.

— Нельзя, нельзя! — проговорилъ оттуда испуганный голосъ.

Онъ сталъ ходить по комнатѣ. Крики замолкли, еще прошло нѣсколько секундъ. Вдругъ страшный крикъ — не ея крикъ: она не могла такъ кричать — раздался въ сосѣдней комнатѣ. Князь Андрей подбѣжалъ къ двери; крикъ замолкъ, послышался крикъ ребенка.

«Зачѣмъ принесли туда ребенка?» подумалъ въ первую секунду князь Андрей. «Ребенокъ? Какой?.. Зачѣмъ тамъ ребенокъ? Или это родился ребенокъ?»

Тогда онъ вдругъ понялъ все радостное значенiе этого крика; слезы задушили его, и онъ, облокотившись обѣими руками на подоконникъ, всхлипывая, заплакалъ, какъ плачутъ дѣти. Дверь отворилась. Докторъ, съ засученными рукавами рубашки, безъ сюртука, блѣдный и съ трясущеюся челюстью, вышелъ изъ комнаты. Князь Андрей обратился къ нему, но докторъ растерянно взглянулъ на него и, ни слова не сказавъ, прошелъ мимо. Женщина выбѣжала и, увидавъ князя Андрея, замялась на порогѣ. Онъ вошелъ въ комнату жены. Она мертвая лежала въ томъ же положенiи, въ которомъ онъ видѣлъ ее пять минутъ тому назадъ, и то же выраженiе, несмотря на остановившiеся глаза и на блѣдность щекъ, было на этомъ прелестномъ дѣтскомъ личикѣ съ губкой, покрытой черными волосиками.

«Я васъ всѣхъ люблю и никому дурного не дѣлала, и что вы со мной сдѣлали?» говорило ее прелестное, жалкое, мертвое лицо.

Въ углу комнаты хрюкнуло и пискнуло что-то маленькое, красное въ бѣлыхъ трясущихся рукахъ Марьи Богдановны.

Черезъ два часа послѣ этого князь Андрей тихими шагами вошелъ въ кабинетъ къ отцу. Старикъ все уже зналъ. Онъ стоялъ у самой двери, и какъ только она отворилась, старикъ молча старческими, жесткими руками, какъ тисками, обхватилъ шею сына и зарыдалъ какъ ребенокъ.

Черезъ три дня отпѣвали маленькую княгиню, и, прощаясь съ нею, князь Андрей взошелъ на ступени гроба. И въ гробу было то же лицо, хотя и съ закрытыми глазами. «Ахъ, что вы со мной сдѣлали?» все говорило оно, и князь Андрей почувствовалъ, что въ душѣ его оторвалось что-то, что онъ виноватъ въ винѣ, которую ему не поправить и не забыть. Онъ не могъ плакать. Старикъ тоже вошелъ и поцѣловалъ ея восковую ручку,

спокойно и высоко лежащую одну на другой, и ему ея лицо сказало: «Ахъ, что и за что вы это со мной сдѣлали?» И старикъ сердито отвернулся, увидавъ это лицо.

Еще черезъ пять дней крестили молодого князя Николая Андреевича. Мамушка подбородкомъ придерживала пеленки, въ то время какъ гусинымъ перышкомъ священникъ мазалъ сморщенныя красныя ладонки и ступеньки мальчика.

Крестный отецъ-дѣдъ, боясь уронить, вздрагивая, носилъ младенца вокругъ жестяной помятой купели и передавалъ его крестной матери, княжнѣ Марьѣ. Князь Андрей, замирая отъ страха, чтобъ не утопили ребенка, сидѣлъ въ другой комнатѣ, ожидая окончанія таинства. Онъ радостно взглянулъ на ребенка, когда ему вынесла его нянюшка, и одобрительно кивнулъ головой, когда нянюшка сообщила ему, что брошенный въ купель вощечокъ съ волосками не потонулъ, а поплылъ по купели.

X.

Участіе Ростова въ дуэли Долохова съ Безуховымъ было замято стараніями стараго графа, и Ростовъ вмѣсто того, чтобы быть разжалованнымъ, какъ онъ ожидалъ, былъ опредѣленъ адъютантомъ къ московскому генералъ-губернатору. Вслѣдствіе этого онъ не могъ ѣхать въ деревню со всѣмъ семействомъ, а остался при своей новой должности все лѣто въ Москвѣ. Долоховъ выздоровѣлъ, и Ростовъ особенно сдружился съ нимъ въ это время его выздоровленія. Долоховъ больной лежалъ у матери, страстно и нѣжно любившей его. Старушка Марья Ивановна, полюбившая Ростова за его дружбу къ Ѳедѣ, часто говорила ему про своего сына.

— Да, графъ, онъ слишкомъ благороденъ и чистъ душой, — говаривала она,—для нашего нынѣшняго, развращеннаго свѣта. Добродѣтели никто не любитъ, она всѣмъ глаза колетъ. Ну, скажите, графъ, справедливо это, честно это со стороны Безухова? А Ѳедя по своему благородству любилъ его, и теперь никогда ничего дурного про него не говоритъ. Въ Петербургѣ эти шалости, съ квартальнымъ тамъ что-то шутили, вѣдь они вмѣстѣ дѣлали? Что жъ, Безухову ничего, а Ѳедя все на своихъ плечахъ перенесъ! Вѣдь что онъ перенесъ! Положимъ, возвратили, да вѣдь какъ же и не возвратить? Я думаю, такихъ, какъ онъ, храбрецовъ и сыновъ отечества не много тамъ было. Что жъ теперь — эта дуэль! Есть ли чувство, честь у этихъ людей! Зная, что онъ единственный сынъ, вызвать на дуэль и стрѣлять такъ

прямо! Хорошо, что Богъ помиловалъ насъ. И за что же? Ну, кто же въ наше время не имѣетъ интриги? Что жъ, коли онъ такъ ревнивъ? Я понимаю, вѣдь онъ прежде могъ дать почувствовать, а то годъ вѣдь продолжалось. И что же, вызвалъ на дуэль, полагая, что Ѳедя не будетъ драться, потому что онъ ему долженъ. Какая низость! Какая гадость! Я знаю, вы Ѳедю поняли, мой милый графъ, оттого-то я васъ душой люблю, вѣрьте мнѣ. Его рѣдкіе понимаютъ. Эта такая высокая, небесная душа!

Самъ Долоховъ часто во время своего выздоровленія говорилъ Ростову такія слова, которыхъ никакъ нельзя было ожидать отъ него.

— Меня считаютъ злымъ человѣкомъ, я знаю,—говаривалъ онъ,—и пускай. Я никого знать не хочу, кромѣ тѣхъ, кого люблю; но кого я люблю, того люблю такъ, что жизнь отдамъ, а остальныхъ передавлю всѣхъ, коли станутъ на дорогѣ. У меня есть обожаемая, неоцѣненная мать, два-три друга, ты въ томъ числѣ, а на остальныхъ я обращаю вниманіе только настолько, насколько они полезны или вредны. И всѣ почти вредны, въ особенности женщины. Да, душа моя, — продолжалъ онъ, — мужчинъ я встрѣчалъ любящихъ, благородныхъ, возвышенныхъ; но женщинъ, кромѣ продажныхъ тварей — графинь или кухарокъ, все равно, — я не встрѣчалъ еще. Я не встрѣчалъ еще той небесной чистоты, преданности, которыхъ я ищу въ женщинѣ. Ежели бы я нашелъ такую женщину, я бы жизнь отдалъ за нее. А эти!..— Онъ сдѣлалъ презрительный жестъ. — И вѣришь ли мнѣ, ежели я еще дорожу жизнью, то дорожу только потому, что надѣюсь еще встрѣтить такое небесное существо, которое бы возродило, очистило и возвысило меня. Но ты не понимаешь этого.

— Нѣтъ, я очень понимаю, — отвѣчалъ Ростовъ, находившійся подъ вліяніемъ своего новаго друга.

Осенью семейство Ростовыхъ вернулось въ Москву. Въ началѣ зимы вернулся и Денисовъ и остановился у Ростовыхъ. Это первое время зимы 1806 года, проведенное Николаемъ Ростовымъ въ Москвѣ, было одно изъ самыхъ счастливыхъ и веселыхъ для него и для всего его семейства. Николай привлекъ съ собой въ домъ родителей много молодыхъ людей. Вѣра была двадцатилѣтняя красивая дѣвица; Соня—шестнадцатилѣтняя дѣвушка во всей прелести только что распустившагося цвѣтка; Наташа— полубарышня, полудѣвочка, то дѣтски смѣшная, то дѣвически обворожительная.

Въ домѣ Ростовыхъ завелась въ это время какая-то особенная атмосфера любовности, какъ это бываетъ въ домѣ, гдѣ очень милыя и очень молодыя дѣвушки. Всякій молодой человѣкъ, пріѣзжавшій въ домъ Ростовыхъ, глядя на эти молодыя, воспріимчивыя, чему-то (вѣроятно, своему счастью) улыбающіяся дѣвическія лица, на эту оживленную бѣготню, слушая этотъ непослѣдовательный, но ласковый ко всѣмъ, на все готовый, исполненный надежды лепетъ женской молодежи, слушая эти непослѣдовательные звуки то пѣнія, то музыки, испытывалъ одно и то же чувство готовности къ любви и ожиданія счастья, которое испытывала и сама молодежь дома Ростовыхъ.

Въ числѣ молодыхъ людей, введенныхъ Ростовымъ, былъ однимъ изъ первыхъ Долоховъ, который понравился всѣмъ въ домѣ, исключая Наташи. За Долохова она чуть не поссорилась съ братомъ. Она настаивала на томъ, что онъ злой человѣкъ, что въ дуэли съ Безуховымъ Пьеръ былъ правъ, а Долоховъ виноватъ, что онъ непріятенъ и неестественъ.

— Нечего мнѣ понимать,—съ упорнымъ своевольствомъ кричала Наташа, — онъ злой и безъ чувствъ. Вотъ вѣдь я же люблю твоего Денисова; онъ и кутила, и все, а я все-таки его люблю, стало-быть, я понимаю. Не умѣю, какъ тебѣ сказать... У него все назначено, а я этого не люблю. Денисова...

— Ну, Денисовъ другое дѣло, — отвѣчалъ Николай, давая чувствовать, что въ сравненіи съ Долоховымъ даже и Денисовъ былъ ничто, — надо понимать, какая душа у этого Долохова, надо видѣть его съ матерью, это такое сердце!

— Ужъ этого я не знаю, но съ нимъ мнѣ неловко. И ты знаешь ли, что онъ влюбился въ Соню?

— Какія глупости...

— Я увѣрена, вотъ увидишь.

Предсказаніе Наташи сбывалось. Долоховъ, не любившій дамскаго общества, сталъ часто бывать въ домѣ, и вопросъ о томъ, для кого онъ ѣздитъ, скоро (хотя и никто не говорилъ про это) былъ рѣшенъ такъ, что онъ ѣздитъ для Сони. И Соня, хотя никогда не посмѣла бы сказать этого, знала это и всякій разъ, какъ кумачъ, краснѣла при появленіи Долохова.

Долоховъ часто обѣдалъ у Ростовыхъ, никогда не пропускалъ спектакля, гдѣ они были, и бывалъ на балахъ adolescentes у Іогеля, гдѣ всегда бывали Ростовы. Онъ оказывалъ преимущественное вниманіе Сонѣ и смотрѣлъ на нее такими глазами, что не только она безъ краски не могла выдержать этого взгляда, но и старая графиня и Наташа краснѣли, замѣтивъ этотъ взглядъ.

Видно было, что этотъ сильный, странный мужчина находился подъ неотразимымъ вліяніемъ, производимымъ на него этой черненькой, граціозной, любящей другого дѣвочкой.

Ростовъ замѣчалъ что-то новое между Долоховымъ и Соней; но онъ не опредѣлялъ себѣ, какія это были новыя отношенія. «Онѣ тамъ всѣ влюблены въ кого-то», думалъ онъ про Соню и Наташу. Но ему было не такъ, какъ прежде, ловко съ Соней и Долоховымъ, и онъ рѣже сталъ бывать дома.

Съ осени 1806 года опять все заговорило о войнѣ съ Наполеономъ еще съ бо́льшимъ жаромъ, чѣмъ въ прошломъ году. Назначенъ былъ не только наборъ 10 рекрутъ, но и еще девяти ратниковъ съ тысячи. Повсюду проклинали анаѳемой Бонапартія, и въ Москвѣ только и толковъ было что о предстоящей войнѣ. Для семейства Ростовыхъ весь интересъ этихъ приготовленій къ войнѣ заключался только въ томъ, что Николушка ни за что не соглашался оставаться въ Москвѣ и выжидалъ только конца отпуска Денисова, съ тѣмъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ полкъ послѣ праздниковъ. Предстоящій отъѣздъ не только не мѣшалъ ему веселиться, но еще поощрялъ его къ этому. Бо́льшую часть времени онъ проводилъ внѣ дома, на обѣдахъ, вечерахъ и балахъ.

XI.

На третій день Рождества Николай обѣдалъ дома, что́ послѣднее время рѣдко случалось съ нимъ. Это былъ офиціально-прощальный обѣдъ, такъ какъ онъ съ Денисовымъ уѣзжалъ въ полкъ послѣ Крещенія. Обѣдало человѣкъ двадцать, въ томъ числѣ Долоховъ и Денисовъ.

Никогда въ домѣ Ростовыхъ любовный воздухъ и атмосфера влюбленности не давали себя чувствовать съ такой силой, какъ въ эти дни праздниковъ. «Лови минуты счастья, заставляй себя любить, влюбляйся самъ! Только это одно есть настоящее на свѣтѣ, остальное все—вздоръ. И этимъ однимъ мы здѣсь только и заняты», говорила эта атмосфера.

Николай, какъ и всегда, замучивъ двѣ пары лошадей и то не успѣвъ побывать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему надо было быть и куда его звали, пріѣхалъ домой передъ самымъ обѣдомъ. Какъ только онъ вошелъ, онъ замѣтилъ и почувствовалъ напряженность любовной атмосферы въ домѣ, но, кромѣ того, онъ замѣтилъ странное замѣшательство, царствующее между нѣкоторыми изъ членовъ общества. Особенно взволнованы были Соня, Долоховъ, старая графиня и немного Наташа. Николай понялъ, что что-то

должно было случиться до обѣда между Соней и Долоховымъ, и со свойственною ему чуткостью сердца былъ очень нѣженъ и остороженъ во время обѣда въ обращенiи съ ними обоими. Въ этотъ же вечеръ третьяго дня праздниковъ долженъ былъ быть одинъ изъ тѣхъ баловъ у Iогеля (танцовальнаго учителя), которые онъ давалъ по праздникамъ для всѣхъ своихъ учениковъ и ученицъ.

— Николенька, ты поѣдешь къ Iогелю? Пожалуйста, поѣзжай, — сказала ему Наташа, — онъ тебя особенно просилъ, и Василiй Дмитричъ (это былъ Денисовъ) ѣдетъ.

— Куда я не поѣду по пг'иказанiю гг'афини!—сказалъ Денисовъ, шутливо поставившiй себя въ домѣ Ростовыхъ на ногу рыцаря Наташи, — pas de châle готовъ танцовать.

— Коли успѣю! Я обѣщалъ Архаровымъ, у нихъ вечеръ,— сказалъ Николай.

— А ты?..—обратился онъ къ Долохову. И только что спросилъ это, замѣтилъ, что этого не надо было спрашивать.

— Да, можетъ-быть...—холодно и сердито отвѣчалъ Долоховъ, взглянувъ на Соню, и, нахмурившись, точно такимъ взглядомъ, какимъ онъ на клубномъ обѣдѣ смотрѣлъ на Пьера, опять взглянулъ на Николая.

«Что-нибудь есть», подумалъ Николаи и еще болѣе утвердился въ этомъ предположенiи тѣмъ, что Долоховъ тотчасъ же послѣ обѣда уѣхалъ. Онъ вызвалъ Наташу и спросилъ: что такое?

— А я тебя искала,—сказала Наташа, выбѣжавъ къ нему.— Я говорила, ты все не хотѣлъ вѣрить,—торжествующе сказала она, — онъ сдѣлалъ предложенiе Сонѣ.

Какъ ни мало занимался Николай Соней за это время, но что-то какъ бы оторвалось въ немъ, когда онъ услыхалъ это. Долоховъ былъ приличная и въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ блестящая партiя для безприданной сироты-Сони. Съ точки зрѣнiя старой графини и свѣта нельзя было отказать ему. И потому первое чувство Николая, когда онъ услыхалъ это, было озлобленiе противъ Сони. Онъ приготавливался къ тому, чтобы сказать: «и прекрасно, разумѣется, надо забыть дѣтскiя обѣщанiя и принять предложенiе»; но не успѣлъ онъ еще сказать этого...

— Можешь себѣ представить! она отказала, совсѣмъ отказала!—заговорила Наташа.—Она сказала, что любитъ другого,— прибавила она, помолчавъ немного.

«Да иначе и не могла поступить моя Соня!» подумалъ Николай.

— Сколько ее ни просила мама, она отказала, и я знаю, она не перемѣнитъ, если что сказала...

— А мама просила ее! — съ упрекомъ сказалъ Николай.

— Да,—сказала Наташа.—Знаешь, Николенька, не сердись; но я знаю, что ты на ней не женишься. Я знаю, Богъ знаетъ отчего, я знаю вѣрно, ты не женишься.

— Ну, этого ты никакъ не знаешь,—сказалъ Николай;—но мнѣ надо поговорить съ ней. Что за прелесть эта Соня!—прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Это такая прелесть! Я тебѣ пришлю ее.

И Наташа, поцѣловавъ брата, убѣжала.

Черезъ минуту вошла Соня, испуганная, растерянная и виноватая. Николай подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку. Это былъ первый разъ, что они въ этотъ пріѣздъ говорили съ глазу на глазъ и о своей любви.

— Sophie,—сказалъ онъ сначала робко и потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе,—ежели вы хотите отказаться не только отъ блестящей, отъ выгодной партіи; но онъ прекрасный, благородный человѣкъ... онъ мой другъ...

Соня перебила его.

— Я ужъ отказалась, — сказала она поспѣшно.

— Ежели вы отказываетесь для меня, то я боюсь, что на мнѣ...

Соня опять перебила его. Она умоляющимъ, испуганнымъ взглядомъ посмотрѣла на него.

— Nicolas, не говорите мнѣ этого,—сказала она.

— Нѣтъ, я долженъ. Можетъ-быть, это suffisance съ моей стороны, но все лучше сказать. Ежели вы откажетесь для меня, то я долженъ вамъ сказать всю правду. Я васъ люблю, я думаю, больше всѣхъ...

— Мнѣ и довольно, — вспыхнувъ, сказала Соня.

— Нѣтъ, но я тысячу разъ влюблялся и буду влюбляться, хотя такого чувства дружбы, довѣрія, любви я ни къ кому не имѣю, какъ къ вамъ. Потомъ я молодъ. Maman не хочетъ этого. Ну, просто, я ничего не обѣщаю. И я прошу васъ подумать о предложеніи Долохова,—сказалъ онъ, съ трудомъ выговаривая фамилію своего друга.

— Не говорите мнѣ этого. Я ничего не хочу. Я люблю васъ, какъ брата, и всегда буду любить, и больше мнѣ ничего не надо.

— Вы — ангелъ, я васъ не стою, но я только боюсь обмануть васъ.

Николай еще разъ поцѣловалъ ея руку.

XII.

У Іогеля были самые веселые балы въ Москвѣ. Это говорили матушки, глядя на своихъ adolescentes, выдѣлывающихъ свои только что выученныя па; это говорили и сами adolescentes и adolescents, танцовавшіе до упаду; это говорили взрослыя дѣвицы и молодые люди, пріѣзжавшіе на эти балы съ мыслью снизойти до нихъ и находя въ нихъ самое лучшее веселье. Въ этотъ же годъ на этихъ балахъ сдѣлалось два брака. Двѣ хорошенькія княжны Горчаковы нашли жениховъ и вышли замужъ, и тѣмъ еще болѣе пустили въ славу эти балы. Особенное на этихъ балахъ было то, что не было хозяина и хозяйки: былъ, какъ пухъ летающій, по правиламъ искусства расшаркивающійся, добродушный Іогель, который принималъ билетики за уроки отъ всѣхъ своихъ гостей; было то, что на эти балы еще ѣзжали только тѣ, кто хотѣлъ танцовать и веселиться, какъ хотятъ этого 13-ти и 14-тилѣтнія дѣвочки, въ первый разъ надѣвающія длинныя платья. Всѣ, за рѣдкими исключеніями, были или казались хорошенькими: такъ восторженно онѣ всѣ улыбались, и такъ разгорались ихъ глазки. Иногда танцовывали даже pas de châle лучшія ученицы, изъ которыхъ лучшая была Наташа, отличавшаяся своею граціозностью; но на этомъ послѣднемъ балѣ танцовали только экосезы, англезы и только что входящую въ моду мазурку. Зала была взята Іогелемъ въ домѣ Безухова, и балъ очень удался, какъ говорили всѣ. Много было хорошенькихъ дѣвочекъ, и Ростовы барышни были изъ лучшихъ. Онѣ обѣ были особенно счастливы и веселы. Въ этотъ вечеръ Соня, гордая предложеніемъ Долохова, своимъ отказомъ и объясненіемъ съ Николаемъ, кружилась еще дома, не давая дѣвушкѣ дочесать свои косы, и теперь насквозь свѣтилась порывистою радостью.

Наташа, не менѣе гордая тѣмъ, что она въ первый разъ была въ длинномъ платьѣ, на настоящемъ балѣ, была еще счастливѣе. Обѣ были въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, съ розовыми лентами.

Наташа сдѣлалась влюблена съ самой той минуты, какъ она вошла на балъ. Она не была влюблена ни въ кого въ особенности, но влюблена была во всѣхъ. Въ того, на кого она смотрѣла въ ту минуту, какъ она смотрѣла, въ того она и была влюблена.

— Ахъ, какъ хорошо!—все говорила она, подбѣгая къ Сонѣ.

Николай съ Денисовымъ ходили по заламъ, ласково и покровительственно оглядывая танцующихъ.

— Какъ она мила, кг'асавица будетъ,—сказалъ Денисовъ.

— Кто?

— Гг'афиня Наташа, — отвѣчалъ Денисовъ.

— И какъ она танцуетъ, какая гг'ація!—помолчавъ немного опять сказалъ онъ.

— Да про кого ты говоришь?

— Пг'о сестг'у пг'о твою,—сердито крикнулъ Денисовъ.

Ростовъ усмѣхнулся.

— Mon cher comte, vous êtes l'un de mes meilleurs écoliers, il faut que vous dansiez, — сказалъ маленькій Іогель, подходя къ Николаю. — Voyez combien de jolies demoiselles [1]).

Онъ съ тою же просьбой обратился и къ Денисову, тоже своему бывшему ученику.

— Non, mon cher, je fe'ai tapisse'ie [2]),—сказалъ Денисовъ.— Г'азвѣ вы не помните, какъ дуг'но я пользовался вашими уг'оками?..

— О нѣтъ! — поспѣшно утѣшая его, сказалъ Іогель. — Вы только невнимательны были, а вы имѣли способности, да, вы имѣли способности.

Заиграли вновь вводившуюся мазурку. Николай не могъ отказать Іогелю и пригласилъ Соню. Денисовъ подсѣлъ къ старушкамъ и, облокотившись на саблю, притопывая тактъ, что-то весело разсказывалъ и смѣшилъ старыхъ дамъ, поглядывая на танцующую молодежь. Іогель въ первой парѣ танцовалъ съ Наташей, своею гордостью и лучшей ученицей. Мягко, нѣжно перебивая своими ножками въ башмачкахъ, Іогель первымъ полетѣлъ по залѣ съ робѣвшей, но старательно выдѣлывающей pà Наташей. Денисовъ не спускалъ съ нея глазъ и пристукивалъ саблей тактъ, съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ, что онъ самъ не танцуетъ только оттого, что не хочетъ, а не оттого, что не можетъ. Въ срединѣ фигуры онъ подозвалъ къ себѣ проходившаго мимо Ростова.

— Это совсѣмъ не то, — сказалъ онъ.—Г'азвѣ это польская мазуг'ка? А отлично танцуетъ.

Зная, что Денисовъ въ Польшѣ даже славился своимъ мастерствомъ плясать польскую мазурку, Николай подбѣжалъ къ Наташѣ.

— Поди, выбери Денисова. Вотъ танцуетъ! Чудо! — сказалъ онъ.

---

[1]) Любезный графъ, вы одинъ изъ лучшихъ моихъ учениковъ. Вамъ надо танцовать. Посмотрите, сколько хорошенькихъ дѣвушекъ.

[2]) Нѣтъ, милый мой, я посижу у стѣнки.

Когда пришелъ опять чередъ Наташѣ, она встала и, быстро перебирая своими съ бантиками башмачками, робѣя, одна побѣжала черезъ залу къ углу, гдѣ сидѣлъ Денисовъ. Она видѣла, что всѣ смотрятъ на нее и ждутъ. Николай видѣлъ, что Денисовъ и Наташа, улыбаясь, спорили и что Денисовъ отказывался, но радостно улыбался. Онъ подбѣжалъ.

— Пожалуйста, Василій Дмитричъ, — говорила Наташа, — пойдемте, пожалуйста.

— Да что, увольте, гг'афиня, — говорилъ Денисовъ.

— Ну, полно, Вася, — сказалъ Николай.

— Точно кота Ваську уговаг'иваютъ, — шутя сказалъ Денисовъ.

— Цѣлый вечеръ вамъ буду пѣть, — сказала Наташа.

— Волшебница, все со мной сдѣлаетъ! — сказалъ Денисовъ и отстегнулъ саблю.

Онъ вышелъ изъ-за стульевъ, крѣпко взялъ за руку свою даму, приподнялъ голову и отставилъ ногу, ожидая такта. Только на конѣ и въ мазуркѣ не видно было маленькаго роста Денисова, и онъ представлялся тѣмъ самымъ молодцомъ, какимъ онъ самъ себя чувствовалъ. Выждавъ тактъ, онъ съ боку, побѣдоносно и шутливо, взглянулъ на свою даму, неожиданно пристукнулъ одной ногой и, какъ мячикъ, упруго отскочилъ отъ пола и полетѣлъ вдоль по кругу, увлекая за собой свою даму. Онъ неслышно летѣлъ половину залы на одной погѣ и, казалось, не видѣлъ стоявшихъ передъ нимъ стульевъ и прямо несся на нихъ; но вдругъ, прищелкнувъ шпорами и разставивъ ноги, останавливался на каблукахъ, стоялъ такъ секунду, съ грохотомъ шпоръ стучалъ на одномъ мѣстѣ ногами, быстро вертѣлся и, лѣвой ногой подщелкивая правую, опять летѣлъ по кругу. Наташа угадывала то, что̀ онъ намѣренъ былъ сдѣлать, и сама, не зная какъ, слѣдила за нимъ, отдаваясь ему. То онъ кружилъ ее то на правой, то на лѣвой рукѣ, то, падая на колѣна, обводилъ ее вокругъ себя и опять вскакивалъ и пускался впередъ съ такою стремительностью, какъ будто онъ намѣренъ былъ, не переводя духа, перебѣжать черезъ всѣ комнаты; то вдругъ опять останавливался и дѣлалъ опять новое и неожиданное колѣно. Когда онъ, бойко закруживъ даму передъ ея мѣстомъ, щелкнулъ шпорой, кланяясь передъ ней, Наташа даже не присѣла ему. Она съ недоумѣніемъ уставила на него глаза, улыбаясь, какъ будто не узнавая его.

— Что жъ это такое? — проговорила она.

Несмотря на то, что Іогель не признавалъ эту мазурку настоящей, всѣ были восхищены мастерствомъ Денисова, безпре-

станно стали выбирать его, и старики, улыбаясь, стали разговаривать про Польшу и про доброе старое время. Денисовъ, раскраснѣвшись отъ мазурки и отираясь платкомъ, подсѣлъ къ Наташѣ и весь балъ не отходилъ отъ нея.

XIII.

Два дня послѣ этого Ростовъ не видалъ Долохова у своихъ и не заставалъ его дома; на третій день онъ получилъ отъ него записку:

«Такъ какъ я въ домѣ у васъ бывать болѣе не намѣренъ по извѣстнымъ тебѣ причинамъ и ѣду въ армію, то нынче вечеромъ я даю моимъ пріятелямъ прощальную пирушку—пріѣзжай въ Англійскую гостиницу».

Ростовъ въ 10-мъ часу, изъ театра, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ своими и Денисовымъ, пріѣхалъ въ назначенный день въ Англійскую гостиницу. Его тотчасъ же провели въ лучшее помѣщеніе гостиницы, занятое на эту ночь Долоховымъ. Человѣкъ двадцать толпилось около стола, передъ которымъ между двумя свѣчами сидѣлъ Долоховъ. На столѣ лежало золото и ассигнаціи, и Долоховъ металъ банкъ. Послѣ предложенія и отказа Сони Николай еще не видался съ нимъ и испытывалъ замѣшательство при мысли о томъ, какъ они свидятся.

Свѣтлый холодный взглядъ Долохова встрѣтилъ Ростова еще у двери, какъ будто онъ давно ждалъ его.

— Давно не видались,—сказалъ онъ,—спасибо, что пріѣхалъ. Вотъ только домечу, и явится Илюшка съ хоромъ.

— Я къ тебѣ заѣзжалъ, — сказалъ Ростовъ, краснѣя.

Долоховъ не отвѣчалъ ему.

— Можешь поставить, — сказалъ онъ.

Ростовъ вспомнилъ въ эту минуту странный разговоръ, который онъ имѣлъ разъ съ Долоховымъ. «Играть на счастье могутъ только дураки», сказалъ тогда Долоховъ.

— Или ты боишься со мной играть?—сказалъ теперь Долоховъ, какъ будто угадавъ мысль Ростова, и улыбнулся.

Изъ-за улыбки его Ростовъ увидалъ въ немъ то настроеніе духа, которое было у него во время обѣда въ клубѣ и вообще въ тѣ времена, когда, какъ бы соскучившись ежедневною жизнью, Долоховъ чувствовалъ необходимость какимъ-нибудь страннымъ, большею частью жестокимъ, поступкомъ выходить изъ нея.

Ростову стало неловко; онъ искалъ и не находилъ въ умѣ своемъ шутки, которая отвѣтила бы на слова Долохова. Но

прежде, чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, Долоховъ, глядя прямо въ лицо Ростову, медленно и съ разстановкой, такъ что всѣ могли слышать, сказалъ ему:

— А помнишь, мы говорили съ тобой про игру... Дуракъ, кто на счастье хочетъ играть; играть надо навѣрное, а я хочу попробовать.

«Попробовать на счастье или навѣрное?» подумалъ Ростовъ.

— Да и лучше не играй,—прибавилъ онъ и, треснувъ разорванной колодой, прибавилъ:—Банкъ, господа!

Придвинувъ впередъ деньги, Долоховъ приготовился метать. Ростовъ сѣлъ подлѣ него и сначала не игралъ. Долоховъ взглядывалъ на него.

— Что жъ не играешь?—сказалъ Долоховъ.

И странно, Николай почувствовалъ необходимость взять карту, поставить на нее незначительный кушъ и начать игру.

— Со мной денегъ нѣтъ,—сказалъ Ростовъ.

— Повѣрю!

Ростовъ поставилъ пять рублей на карту и проигралъ, поставилъ еще и опять проигралъ. Долоховъ убилъ, т.-е. выигралъ, десять картъ сряду у Ростова.

— Господа,—сказалъ онъ, прометавъ нѣсколько времени,—прошу класть деньги на карты, а то я могу спутаться въ счетахъ.

Одинъ изъ игроковъ сказалъ, что, онъ надѣется, ему можно повѣрить.

— Повѣрить можно, но боюсь спутаться; прошу класть деньги на карты,—отвѣчалъ Долоховъ.—Ты не стѣсняйся, мы съ тобой сочтемся,—прибавилъ онъ Ростову.

Игра продолжалась; лакей, не переставая, разносилъ шампанское.

Всѣ карты Ростова бились, и на него было написано до восемьсотъ рублей. Онъ надписалъ было надъ одной картой восемьсотъ рублей, но въ то время, какъ ему подавали шампанское, онъ раздумалъ и написалъ опять обыкновенный кушъ, двадцать рублей.

— Оставь,—сказалъ Долоховъ, хотя онъ, казалось, и не смотрѣлъ на Ростова,—скорѣе отыграешься. Другимъ даю, а тебѣ бью. Или ты меня боишься?—повторилъ онъ.

Ростовъ повиновался оставилъ написанное 800 и поставилъ семерку червей съ оторваннымъ уголкомъ, которую онъ поднялъ съ земли. Онъ хорошо ее послѣ помнилъ. Онъ поставилъ семерку червей надписавъ надъ ней, отломаннымъ мелкомъ, 800 круглыми, прямыми цифрами, выпилъ поданный стаканъ согрѣвшагося шампанскаго, улыбнулся на слова Долохова и, съ замираніемъ сердца

ожидая семерки, сталъ смотрѣть на руки Долохова, державшаго колоду. Выигрышъ или проигрышъ этой семерки червей означалъ многое для Ростова. Въ воскресенье на прошлой недѣлѣ графъ Илья Андреичъ далъ своему сыну 2000 рублей, и онъ, никогда не любившій говорить о денежныхъ затрудненіяхъ, сказалъ ему, что деньги эти были послѣднія до мая и что потому онъ просилъ сына быть на этотъ разъ поэкономнѣе. Николай сказалъ, что ему и это слишкомъ много и что онъ даетъ честное слово не брать больше денегъ до весны. Теперь изъ этихъ денегъ оставалось 1200 рублей. Стало-быть, семерка червей означала не только проигрышъ 1600 рублей, но и необходимость измѣненія данному слову. Онъ съ замираніемъ сердца смотрѣлъ на руки Долохова и думалъ: «Ну, скорѣй дай мнѣ эту карту, и я беру фуражку, уѣзжаю домой ужинать съ Денисовымъ, Наташей и Соней и ужъ вѣрно никогда въ рукахъ моихъ не будетъ карты». Въ эту минуту домашняя жизнь его, шуточки съ Петей, разговоры съ Соней, дуэты съ Наташей, пикетъ съ отцомъ и даже спокойная постель въ Поварскомъ домѣ съ такою силою, ясностью и прелестью представлялись ему, какъ будто все это было давно прошедшее, потерянное и неоцѣненное счастье. Онъ не могъ допустить, чтобы глупая случайность, заставивъ семерку лечь прежде направо, чѣмъ налѣво, могла бы лишить его всего этого вновь понятаго, вновь освѣщеннаго счастья и повергнуть его въ пучину еще неиспытаннаго и неопредѣленнаго несчастья. Это не могло быть, но онъ все-таки ожидалъ съ замираніемъ движенія рукъ Долохова. Ширококостыя, красноватыя руки эти съ волосами, виднѣвшимися изъ-подъ рубашки, положили колоду картъ и взялись за подаваемый стаканъ и трубку.

— Такъ ты не боишься со мной играть? — повторилъ Долоховъ, и, какъ будто для того, чтобы разсказать веселую исторію, онъ положилъ карты, опрокинулся на спинку стула и медлительно съ улыбкой сталъ разсказывать.

— Да, господа, мнѣ говорили, что въ Москвѣ распущенъ слухъ, будто я шулеръ, поэтому совѣтую вамъ быть со мною осторожнѣе.

— Ну, мечи же! — сказалъ Ростовъ.

— Охъ, московскія тетушки! — сказалъ Долоховъ и съ улыбкой взялся за карты.

— Ааахъ! — чуть не крикнулъ Ростовъ, поднимая обѣ руки къ волосамъ. Семерка, которая была нужна ему, уже лежала вверху, первой картой въ колодѣ. Онъ проигралъ больше того, что могъ заплатить.

— Однако ты не зарывайся, — сказалъ Долоховъ, мелькомъ взглянувъ на Ростова, и продолжалъ метать.

XIV.

Черезъ полтора часа времени большинство игроковъ уже шутя смотрѣли на свою собственную игру.

Вся игра сосредоточилась на одномъ Ростовѣ. Вмѣсто тысячи шестисотъ рублей за нимъ была записана длинная колонна цифръ, которую онъ считалъ до десятой тысячи, но которая теперь, какъ онъ смутно предполагалъ, возвысилась уже до пятнадцати тысячъ. Въ сущности запись уже превышала двадцать тысячъ рублей. Долоховъ уже не слушалъ и не разсказывалъ исторію; онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ рукъ Ростова и бѣгло оглядывалъ изрѣдка свою запись за нимъ. Онъ рѣшилъ продолжать игру до тѣхъ поръ, пока запись эта не возрастетъ до сорока трехъ тысячъ. Число это имъ было выбрано потому, что «сорокъ три» составляло сумму сложенныхъ его годовъ съ годами Сони. Ростовъ, опершись головою на обѣ руки, сидѣлъ передъ исписаннымъ, залитымъ виномъ, заваленнымъ картами столомъ. Одно мучительное впечатлѣніе не оставляло его: эти ширококостыя красноватыя руки съ волосами, виднѣвшимися изъ-подъ рубашки, эти руки, которыя онъ и любилъ и ненавидѣлъ, держали его въ своей власти.

«Шестьсотъ рублей, тузъ, уголъ, девятка... отыграться невозможно!.. И какъ бы весело было дома... Валетъ на пè.. это не можетъ быть!.. И зачѣмъ же онъ это дѣлаетъ со мной?..» думалъ и вспоминалъ Ростовъ. Иногда онъ ставилъ большую карту, но Долоховъ отказывался бить ее и самъ назначалъ кушъ. Николай покорялся ему, и то молился Богу, какъ онъ молился на полѣ сраженія на Амштетенскомъ мосту; то загадывалъ, что та карта, которая первая попадется ему въ руку изъ кучи изогнутыхъ картъ подъ столомъ, та спасетъ его; то разсчитывалъ, сколько было шнурковъ на его курткѣ, и съ столькими же очками карту пытался ставить на весь проигрышъ; то за помощью оглядывался на другихъ играющихъ; то вглядывался въ холодное теперь лицо Долохова и старался проникнуть, что въ немъ дѣлалось.

«Вѣдь онъ знаетъ, что значитъ для меня этотъ проигрышъ. Не можетъ же онъ желать моей погибели? Вѣдь онъ другъ былъ мнѣ. Вѣдь я его любилъ... Но и онъ не виноватъ; что же ему дѣлать, когда ему везетъ счастье? и я не виноватъ», говорилъ онъ самъ себѣ. «Я ничего не сдѣлалъ дурного. Развѣ я убилъ кого-нибудь, оскорбилъ, пожелалъ зла? За что же такое ужасное несчастье? И когда оно началось? Еще такъ недавно я подхо-

дилъ къ этому столу съ мыслью выиграть сто рублей, купить мама̀ къ именинамъ эту шкатулку и ѣхать домой. Я такъ былъ счастливъ, такъ свободенъ, веселъ! И я не понималъ тогда, какъ я былъ счастливъ! Когда же это кончилось, и когда началось это новое, ужасное состоянiе? Чѣмъ ознаменовалась эта перемѣна? Я все такъ же сидѣлъ на этомъ мѣстѣ у этого стола, и такъ же выбиралъ и выдвигалъ карты, и смотрѣлъ на эти ширококостыя ловкiя руки. Когда же это совершилось, и что такое совершилось? Я здоровъ, силенъ и все тотъ же и все на томъ же мѣстѣ. Нѣтъ, это не можетъ быть! Вѣрно, все это ничѣмъ не кончится».

Онъ былъ красенъ, весь въ поту, несмотря на то, что въ комнатѣ не было жарко. И лицо его было страшно и жалко, особенно по безсильному желанiю казаться спокойнымъ.

Запись дошла до рокового числа сорока трехъ тысячъ. Ростовъ приготовилъ карту, которая должна была идти угломъ отъ трехъ тысячъ рублей, только что данныхъ ему, когда Долоховъ, стукнувъ колодой, отложилъ ее и, взявъ мѣлъ, началъ быстро своимъ четкимъ, крѣпкимъ почеркомъ, ломая мѣлокъ, подводить итогъ записи Ростова.

— Ужинать, ужинать пора! Вотъ и цыгане!

Дѣйствительно, съ своимъ цыганскимъ акцентомъ уже входили съ холода и говорили что-то какiе-то черные мужчины и женщины. Николай понималъ, что все было кончено; но онъ равнодушнымъ голосомъ сказалъ:

— Что же, не будешь еще? А у меня славная карточка приготовлена. — Какъ будто болѣе всего его интересовало веселье самой игры.

«Все кончено, я пропалъ», думалъ онъ. «Теперь пуля въ лобъ—одно остается», и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сказалъ веселымъ голосомъ:

— Ну, еще одну карточку.

— Хорошо, — отвѣчалъ Долоховъ, окончивъ итогъ, — хорошо! 21 рубль идетъ,—сказалъ онъ, указывая на цифру 21, рознившую ровный счетъ 43 тысячъ, и, взявъ колоду, приготовился метать. Ростовъ покорно отогнулъ уголъ и вмѣсто приготовленныхъ 6000 старательно написалъ 21.

— Это мнѣ все равно,—сказалъ онъ,—мнѣ только интересно знать, убьешь ты или дашь мнѣ эту десятку.

Долоховъ серьезно сталъ метать. О, какъ ненавидѣлъ Ростовъ въ эту минуту эти руки, красноватыя, съ короткими пальцами и съ волосами, виднѣвшимися изъ-подъ рубашки, имѣвшiя его въ своей власти... Десятка была дана.

— За вами 43 тысячи, графъ,—сказалъ Долоховъ и, потягиваясь, всталъ изъ-за стола.—А устаешь, однако, такъ долго сидѣть, — сказалъ онъ.

— Да и я тоже усталъ, — сказалъ Ростовъ.

Долоховъ, какъ будто напоминая ему, что ему неприлично было шутить, перебилъ его:

— Когда прикажете получить деньги, графъ?

Ростовъ, вспыхнувъ, вызвалъ Долохова въ другую комнату.

— Я не могу вдругъ заплатить все, ты возьмешь вексель,— сказалъ онъ.

— Послушай, Ростовъ, — сказалъ Долоховъ, ясно улыбаясь и глядя въ глаза Николаю,—ты знаешь поговорку: «счастливъ въ любви — несчастливъ въ картахъ». Кузина твоя влюблена въ тебя. Я знаю.

«О! Это ужасно чувствовать себя такъ во власти этого человѣка», думалъ Ростовъ. Ростовъ понималъ, какой ударъ онъ нанесетъ отцу, матери объявленіемъ этого проигрыша; онъ понималъ, какое бы было счастье избавиться отъ всего этого, и понималъ, что Долоховъ знаетъ, что можетъ избавить его отъ этого стыда и горя, и теперь хочетъ еще играть съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

— Твоя кузина... — хотѣлъ сказать Долоховъ, но Николай перебилъ его:

— Моя кузина тутъ не при чемъ, и о ней говорить нечего!—крикнулъ онъ съ бѣшенствомъ.

— Такъ когда получить?—спросилъ Долоховъ.

— Завтра, — сказалъ Ростовъ и вышелъ изъ комнаты.

XV.

Сказать «завтра» и выдержать тонъ приличія было не трудно; но пріѣхать одному домой, увидать сестеръ, брата, мать, отца, признаться и просить денегъ, на которыя не имѣешь права послѣ даннаго честнаго слова, было ужасно.

Дома еще не спали. Молодежь дома Ростовыхъ, воротившись изъ театра, поужинавъ, сидѣла у клавикордъ. Какъ только Николай вошелъ въ залу, его охватила та любовная, поэтическая атмосфера, которая царствовала въ эту зиму въ ихъ домѣ и которая теперь, послѣ предложенія Долохова и бала Іогеля, казалось, еще болѣе сгустилась, какъ воздухъ передъ грозой, надъ Соней и Наташей. Соня и Наташа въ голубыхъ платьяхъ, въ которыхъ онѣ были въ театрѣ, хорошенькія и знающія это, счастливыя, улыбаясь, стояли у клавикордъ. Вѣра съ Шинши-

нымъ играла въ шахматы въ гостиной. Старая графиня, ожидая сына и мужа, раскладывала пасьянсъ съ старушкой-дворянкой, жившей у нихъ въ домѣ. Денисовъ съ блестящими глазами и взъерошенными волосами сидѣлъ, откинувъ ножку назадъ, у клавикордъ и, хлопая по нимъ своими коротенькими пальцами, бралъ аккорды и, закатывая глаза, своимъ маленькимъ, хрип-лымъ, но вѣрнымъ голосомъ пѣлъ сочиненное стихотворенье «Волшебница», къ которому онъ пытался найти музыку.

Волшебница, скажи, какая сила
Влечетъ меня къ покинутымъ стг'унамъ;
Какой огонь ты въ сег'дце заг'онила,
Какой востог'ъ г'азлился по пег'стамъ!

пѣлъ онъ страстнымъ голосомъ, блестя на испуганную и счастливую Наташу своими агатовыми, черными глазами.

— Прекрасно! Отлично! — кричала Наташа. — Еще другой куплетъ, — говорили она, не замѣчая Николая.

«У нихъ все то же», подумалъ Николай, заглядывая въ гостиную, гдѣ онъ увидалъ Вѣру и мать со старушкой.

— А! вотъ и Николенька!

Наташа подбѣжала къ нему.

— Папенька дома? — спросилъ онъ.

— Какъ я рада, что ты пріѣхалъ! — не отвѣчая, сказала Наташа, — намъ такъ весело. Василій Дмитричъ остался для меня еще день, ты знаешь?

— Нѣтъ, еще не пріѣзжалъ папа, — сказала Соня.

— Коко, ты пріѣхалъ, поди ко мнѣ, дружокъ! — сказалъ голосъ графини изъ гостиной.

Николай подошелъ къ матери, поцѣловалъ ея руку и, молча подсѣвъ къ ея столу, сталъ смотрѣть на ея руки, раскладывавшія карты. Изъ залы все слышались смѣхъ и веселые голоса, уговаривавшіе Наташу.

— Ну, хог'ошо, хог'ошо, — закричалъ Денисовъ, — тепег'ь нечего отговаг'иваться, за вами barcarolla, умоляю васъ.

Графиня оглянулась на молчаливаго сына.

— Что съ тобой? — спросила мать у Николая.

— Ахъ, ничего, — сказалъ онъ, какъ будто ему уже надоѣлъ этотъ все одинъ и тотъ же вопросъ. — Папенька скоро пріѣдетъ?

— Я думаю.

«У нихъ все то же. Они ничего не знаютъ! Куда мнѣ дѣваться?» подумалъ Николай и пошелъ опять въ залу, гдѣ стояли клавикорды.

Соня сидѣла за клавикордами и играла прелюдію той баркароллы, которую особенно любилъ Денисовъ. Наташа собиралась пѣть. Денисовъ восторженными глазами смотрѣлъ на нее.

Николай сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

«И вотъ охота заставлять ее пѣть! что̀ она можетъ пѣть? И ничего тутъ нѣтъ веселаго», думалъ Николай.

Соня взяла первый аккордъ прелюдіи.

«Боже мой, я погибшій, я безчестный человѣкъ. Пулю въ лобъ — одно, что остается, а не пѣть», подумалъ онъ. «Уйти? но куда же? все равно, пускай поютъ!»

Николай мрачно, продолжая ходить по комнатѣ, взглядывалъ на Денисова и дѣвочекъ, избѣгая ихъ взглядовъ.

— Николенька, что съ вами? — спросилъ взглядъ Сони, устремленный на него. Она тотчасъ увидала, что что-нибудь случилось съ нимъ.

Николай отвернулся отъ нея. Наташа съ своею чуткостью тоже мгновенно замѣтила состояніе своего брата. Она замѣтила его, но ей самой такъ было весело въ ту минуту, такъ далека она была отъ горя, грусти, упрековъ, что она (какъ это часто бываетъ съ молодыми людьми) нарочно обманула себя. «Нѣтъ, мнѣ слишкомъ весело теперь, чтобы портить свое веселье сочувствіемъ чужому горю», почувствовала она и сказала себѣ:

— Нѣтъ, я, вѣрно, ошибаюсь, онъ долженъ быть веселъ такъ же, какъ и я. Ну, Соня, — сказала она и вышла на самую середину залы, гдѣ, по ея мнѣнію, лучше всего былъ резонансъ.

Приподнявъ голову, опустивъ безжизненно повисшія руки, какъ это дѣлаютъ танцовщицы, Наташа, энергическимъ движеніемъ переступая съ каблучка на цыпочку, прошлась по серединѣ комнаты и остановилась.

«Вотъ она я!» какъ будто говорила она, отвѣчая на восторженный взглядъ Денисова, слѣдившаго за ней.

«И чему она радуется!» подумалъ Николай, глядя на сестру. «И какъ ей не скучно и не совѣстно!»

Наташа взяла первую ноту, горло ея расширилось, грудь выпрямилась, глаза приняли серьезное выраженіе. Она не думала ни о комъ, ни о чемъ въ эту минуту, и изъ въ улыбку сложеннаго рта полились звуки, тѣ звуки, которые можетъ производить въ тѣ же промежутки времени и въ тѣ же интервалы всякій, но которые тысячу разъ оставляютъ васъ холоднымъ и въ тысячу первый разъ заставляютъ васъ содрогаться и плакать.

Наташа въ эту зиму въ первый разъ начала серьезно пѣть и въ особенности отъ того, что Денисовъ восторгался ея пѣніемъ.

Она пѣла теперь не по-дѣтски, ужъ не было въ ея пѣніи этой комической, ребяческой старательности, которая была въ ней прежде; но она пѣла еще не хорошо, какъ говорили всѣ знатоки-судьи, которые ее слушали. «Не обработанъ, но прекрасный голосъ, надо обработать», говорили всѣ. Но говорили это обыкновенно уже гораздо послѣ того, какъ замолкалъ ея голосъ. Въ то же время, когда звучалъ этотъ необработанный голосъ съ неправильными придыханіями и съ усиліями переходовъ, даже знатоки-судьи ничего не говорили и только наслаждались этимъ необработаннымъ голосомъ и только желали еще разъ услыхать его. Въ голосѣ ея была та дѣвственная нетронутость, то незнаніе своихъ силъ и та необработанная еще бархатность, которыя такъ соединялись съ недостатками искусства пѣнія, что, казалось, нельзя было ничего измѣнить въ этомъ голосѣ, не испортивъ его.

«Что жъ это такое?» подумалъ Николай, услыхавъ ея голосъ и широко раскрывая глаза. «Что съ ней сдѣлалось? Какъ она поетъ нынче?» подумалъ онъ. И вдругъ весь міръ для него сосредоточился въ ожиданіи слѣдующей ноты, слѣдующей фразы, и все въ мірѣ сдѣлалось раздѣленнымъ на три темпа: «Oh, mio crudele affetto... Разъ, два, три... разъ, два... три... разъ... Oh, mio crudele affetto... Разъ, два, три... разъ. Эхъ жизнь наша дурацкая!» думалъ Николай. «Все это, и несчастье, и деньги, и Долоховъ, и злоба, и честь, — все это вздоръ... а вотъ оно настоящее... Ну, Наташа, ну, голубчикъ! ну, матушка!..какъ она этотъ si возьметъ? Взяла! Слава Богу!» и онъ самъ, не замѣчая того, что онъ поетъ, чтобы усилить этотъ si, взялъ втору въ терцію высокой ноты. «Боже мой! какъ хорошо! Неужели это я взялъ? какъ счастливо!» подумалъ онъ.

О, какъ задрожала эта терція и какъ тронулось что-то лучшее, что̀ было въ душѣ Ростова! И это что-то было независимо отъ всего въ мірѣ и выше всего въ мірѣ. «Какіе тутъ проигрыши и Долоховы и честное слово!.. Все вздоръ! Можно зарѣзать, украсть и все-таки быть счастливымъ...»

XVI.

Давно уже Ростовъ не испытывалъ такого наслажденія отъ музыки, какъ въ этотъ день. Но какъ только Наташа кончила свою баркароллу, дѣйствительность опять вспомнилась ему. Онъ, ничего не сказавъ, вышелъ и пошелъ внизъ въ свою комнату. Черезъ четверть часа старый графъ, веселый и довольный, пріѣхалъ изъ клуба. Николай, услыхавъ его пріѣздъ, пошелъ къ нему.

— Ну, что, повеселился? — сказалъ Илья Андреичъ, радостно и гордо улыбаясь на своего сына.

Николай хотѣлъ сказать, что «да», но не могъ: онъ чуть было не зарыдалъ. Графъ раскуривалъ трубку и не замѣтилъ состоянія сына.

«Эхъ, неизбѣжно!» подумалъ Николай въ первый и послѣдній разъ. И вдругъ самымъ небрежнымъ тономъ, такимъ, что онъ самъ себѣ гадокъ казался, какъ будто онъ просилъ экипажа съѣздить въ городъ, онъ сказалъ отцу:

— Папа, а я къ вамъ за дѣломъ пришелъ. Я было и забылъ. Мнѣ денегъ нужно.

— Вотъ какъ, — сказалъ отецъ, находившійся въ особенно веселомъ духѣ. — Я тебѣ говорилъ, что не достанетъ. Много ли?

— Очень много, — краснѣя и съ глупой, небрежной улыбкой, которую долго потомъ не могъ себѣ простить, сказалъ Николай. — Я немного проигралъ, т.-е. много, даже очень много, 43 тысячи.

— Что? Кому?.. Шутишь! — крикнулъ графъ, вдругъ апоплексически краснѣя шеей и затылкомъ, какъ краснѣютъ старые люди.

— Я обѣщалъ заплатить завтра, — сказалъ Николай.

— Ну!.. — сказалъ старый графъ, разводя руками, и безсильно опустился на диванъ.

— Что же дѣлать! Съ кѣмъ это не случалось! — сказалъ сынъ развязнымъ, смѣлымъ тономъ, тогда какъ въ душѣ своей онъ считалъ себя негодяемъ, подлецомъ, который цѣлою жизнью не могъ искупить своего преступленія. Ему хотѣлось бы цѣловать руки своего отца, на колѣняхъ просить его прощенія, а онъ небрежнымъ и даже грубымъ тономъ говорилъ, что это со всякимъ случается.

Графъ Илья Андреичъ опустилъ глаза, услыхавъ эти слова сына, и заторопился, отыскивая что-то.

— Да, да, — проговорилъ онъ, — трудно, я боюсь, трудно достать... Съ кѣмъ не бывало! да, съ кѣмъ не бывало...

И графъ мелькомъ взглянулъ въ лицо сыну и пошелъ вонъ изъ комнаты. Николай готовился на отпоръ, но никакъ не ожидалъ этого.

— Папенька! па...пенька! — закричалъ онъ ему вслѣдъ, рыдая, — простите меня! — И, схвативъ руку отца, онъ прижался къ ней губами и заплакалъ.

Въ то время, какъ отецъ объяснялся съ сыномъ, у матери съ дочерью происходило не менѣе важное объясненіе. Наташа взволнованная прибѣжала къ матери.

— Мама!.. Мама!.. онъ мнѣ сдѣлалъ...

— Что сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ, сдѣлалъ предложеніе. Мама! Мама! — кричала она.

Графиня не вѣрила своимъ ушамъ. Денисовъ сдѣлалъ предложеніе. Кому? Этой крошечной дѣвочкѣ Наташѣ, которая еще недавно играла въ куклы и теперь еще брала уроки.

— Наташа, полно, глупости! — сказала она, еще надѣясь, что это была шутка.

— Ну вотъ, глупости! Я вамъ дѣло говорю, — сердито сказала Наташа. — Я пришла спросить, что дѣлать, а вы мнѣ говорите: «глупости»...

Графиня пожала плечами.

— Ежели правда, что *мосье* Денисовъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе, то скажи ему, что онъ дуракъ, вотъ и все.

— Нѣтъ, онъ не дуракъ, — обиженно и серьезно сказала Наташа.

— Ну такъ что жъ ты хочешь? Вы нынче вѣдь всѣ влюблены. Ну, влюблена, такъ выходи за него замужъ! — сердито смѣясь, проговорила графиня. — Съ Богомъ!

— Нѣтъ, мама, я не влюблена въ него, должно-быть, не влюблена въ него.

— Ну такъ, такъ и скажи ему.

— Мама, вы сердитесь? Вы не сердитесь, голубушка, ну, въ чемъ же я виновата?

— Нѣтъ, да что же, мой другъ? Хочешь, я пойду скажу ему, — сказала графиня, улыбаясь.

— Нѣтъ, я сама, только научите. Вамъ все легко, — прибавила она, отвѣчая на ея улыбку. — А коли бы видѣли вы, какъ онъ мнѣ это сказалъ! Вѣдь я знаю, что онъ не хотѣлъ этого сказать, да ужъ нечаянно сказалъ.

— Ну, все-таки надо отказать.

— Нѣтъ, не надо. Мнѣ такъ его жалко! Онъ такой милый.

— Ну, такъ прими предложеніе. И то пора замужъ идти, — сердито и насмѣшливо сказала мать.

— Нѣтъ, мама, мнѣ такъ жалко его. Я не знаю, какъ я скажу.

— Да тебѣ и нечего говорить, я сама скажу, — сказала графиня, возмущенная тѣмъ, что осмѣлились смотрѣть какъ на большую на эту маленькую Наташу.

— Нѣтъ, ни за что, я сама, а вы слушайте у двери,—и Наташа побѣжала черезъ гостиную въ залу, гдѣ на томъ же стулѣ, у клавикордъ, закрывъ лицо руками, сидѣлъ Денисовъ.

Онъ вскочилъ на звукъ ея легкихъ шаговъ.

— Натали,—сказалъ онъ, быстрыми шагами подходя къ ней,— г'ѣшайте мою судьбу. Она въ вашихъ г'укахъ.

— Василій Дмитричъ, мнѣ васъ такъ жалко!.. Нѣтъ, но вы такой славный... но не надо... это... а такъ я васъ всегда буду любить.

Денисовъ нагнулся надъ ея рукой, и она услыхала странные, непонятные для нея звуки. Она поцѣловала его въ черную спутанную, курчавую голову. Въ это время послышался поспѣшный шумъ платья графини. Она подошла къ нимъ.

— Василій Дмитричъ, я благодарю васъ за честь, — сказала графиня смущеннымъ голосомъ, но который казался строгимъ Денисову, — но моя дочь такъ молода, и я думала, что вы, какъ другъ моего сына, обратитесь прежде ко мнѣ. Въ такомъ случаѣ вы не поставили бы меня въ необходимость отказа.

— Гг'афиня, — сказалъ Денисовъ съ опущенными глазами и виноватымъ видомъ, хотѣлъ сказать что-то еще и запнулся.

Наташа не могла спокойно видѣть его такимъ жалкимъ. Она начала громко всхлипывать.

— Гг'афиня, я виноватъ пег'едъ вами,—продолжалъ Денисовъ прерывающимся голосомъ,—но знайте, что я такъ боготвог'ю вашу дочь и все ваше семейство, что двѣ жизни отдамъ... — Онъ посмотрѣлъ на графиню и замѣтилъ ея строгое лицо... — Ну, пг'ощайте, гг'афиня,—сказалъ онъ, поцѣловалъ ея руку, и, не взглянувъ на Наташу, быстрыми, рѣшительными шагами вышелъ изъ комнаты.

На другой день Ростовъ проводилъ Денисова, который не хотѣлъ болѣе ни одного дня оставаться въ Москвѣ. Денисова провожали у цыганъ всѣ его московскіе пріятели, и онъ не помнилъ, какъ его уложили въ сани и какъ везли первыя три станціи.

Послѣ отъѣзда Денисова Ростовъ, дожидаясь денегъ, которыя не вдругъ могъ собрать старый графъ, провелъ еще двѣ

недѣли въ Москвѣ, не выѣзжая изъ дому, и преимущественно въ комнатѣ барышень.

Соня была къ нему нѣжнѣе и преданнѣе, чѣмъ прежде. Она, казалось, хотѣла показать ему, что его проигрышъ былъ подвигъ, за который она теперь еще больше любитъ его; но Николай теперь считалъ себя недостойнымъ ея.

Онъ исписалъ альбомы дѣвочекъ стихами и нотами и, не простившись ни съ кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ, отославъ наконецъ всѣ 43 тысячи и получивъ расписку Долохова, уѣхалъ въ концѣ ноября догонять полкъ, который уже былъ въ Польшѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Послѣ своего объясненія съ женой Пьеръ поѣхалъ въ Петербургъ. Въ Торжкѣ на станціи не было лошадей или не хотѣлъ ихъ дать смотритель. Пьеръ долженъ былъ ждать. Онъ, не раздѣваясь, легъ на кожаный диванъ передъ круглымъ столомъ, положилъ на этотъ столъ свои большія ноги въ теплыхъ сапогахъ и задумался.

— Прикажете чемоданы внести? Постель, чаю прикажете?— спрашивалъ камердинеръ.

Пьеръ не отвѣчалъ, потому что ничего не слыхалъ и не видѣлъ. Онъ задумался еще на прошлой станціи и все продолжалъ думать о томъ же — о столь важномъ, что онъ не обращалъ никакого вниманія на то, что̀ происходило вокругъ него. Его не только не интересовало то, что онъ позже или раньше пріѣдетъ въ Петербургъ, или то, что будетъ или не будетъ ему мѣста отдохнуть на этой станціи, но ему все равно было, въ сравненіи съ тѣми мыслями, которыя его занимали теперь, пробудетъ ли онъ нѣсколько часовъ или всю жизнь на этой станціи.

Смотритель, смотрительша, камердинеръ, баба съ торжковскимъ шитьемъ заходили въ комнату, предлагая свои услуги. Пьеръ, не перемѣняя своего положенія задранныхъ ногъ, смотрѣлъ на нихъ черезъ очки и не понималъ, что̀ имъ можетъ быть нужно и какимъ образомъ всѣ они могли жить, не разрѣшивъ тѣхъ вопросовъ, которые занимали его. А его занимали все одни и тѣ же вопросы съ самаго того дня, какъ онъ послѣ дуэли вернулся изъ Сокольниковъ и провелъ первую мучительную, безсонную ночь; только теперь, въ уединеніи путешествія, они съ особенной силой овладѣли имъ. О чемъ бы онъ ни пачиналъ думать, онъ возвращался къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, которыхъ онъ не могъ разрѣшить и не могъ перестать зада-

ѣвать себѣ. Какъ будто въ головѣ его *свернулся* тотъ главный винтъ, на которомъ держалась вся его жизнь. Винтъ не входилъ дальше, не выходилъ вонъ, а вертѣлся, ничего не захватывая, все на томъ же нарѣзѣ, и нельзя было перестать вертѣть его.

Вошелъ смотритель и униженно сталъ просить его сіятельство подождать только два часика, послѣ которыхъ онъ для его сіятельства (что будетъ, то будетъ!) дастъ курьерскихъ. Смотритель, очевидно, лгалъ и хотѣлъ только получить съ проѣзжаго лишнія деньги.

«Дурно ли это было или хорошо?» спрашивалъ себя Пьеръ. «Для меня хорошо, для другого проѣзжающаго дурно, а для него самого неизбѣжно, потому что ему ѣсть нечего: онъ говорилъ, что его прибилъ за это офицеръ. А офицеръ прибилъ за то, что ему ѣхать надо было скорѣе. А я стрѣлялъ въ Долохова за то, что я счелъ себя оскорбленнымъ, а Людовика XVI казнили за то, что его считали преступникомъ; а черезъ годъ убили тѣхъ, кто его казнилъ, тоже за что-то. Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидѣть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляетъ всѣмъ?» спрашивалъ онъ себя.

И не было отвѣта ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ, кромѣ одного нелогическаго отвѣта, вовсе не на эти вопросы. Отвѣтъ этотъ былъ: «умрешь — все кончится. Умрешь и все узнаешь или перестанешь спрашивать». Но и умереть было страшно.

Торжковская торговка визгливымъ голосомъ предлагала свой товаръ и въ особенности козловыя туфли. «У меня сотни рублей, которыхъ мнѣ некуда дѣть, а она въ прорванной шубѣ стоитъ и робко смотритъ на меня», думалъ Пьеръ. «И зачѣмъ нужны ей эти деньги? Точно на одинъ волосъ могутъ прибавить ей счастья, спокойствія души эти деньги? Развѣ можетъ что-нибудь въ мірѣ сдѣлать ее и меня менѣе подверженными злу и смерти? Смерть, которая все кончитъ и которая должна придти нынче или завтра — все равно черезъ мгновеніе, въ сравненіи съ вѣчностью». И онъ опять нажималъ на ничего не захватывающій винтъ, и винтъ все такъ же вертѣлся на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Слуга его подалъ ему разрѣзанную до половины книгу романа въ письмахъ m-me Suza. Онъ сталъ читать о страданіяхъ и добродѣтельной борьбѣ какой-то Amélie de Mansfeld. «И зачѣмъ она боролась противъ своего соблазнителя», думалъ онъ, «когда она любила его? Не могъ Богъ вложить въ ея душу стремленія, противнаго Его волѣ. Моя бывшая жена не боролась и, можетъ-быть, она права». «Ничего не найдено», опять

говорилъ себѣ Пьеръ, «ничего не придумано. Знать мы можемъ только то, что ничего не знаемъ. И это—высшая степень человѣческой премудрости».

Все въ немъ самомъ и вокругъ него представлялось ему запутаннымъ, безсмысленнымъ и отвратительнымъ. Но въ этомъ самомъ отвращеніи ко всему окружающему Пьеръ находилъ своего рода раздражающее наслажденіе.

— Осмѣлюсь просить ваше сіятельство потѣсниться крошечку, вотъ для нихъ, — сказалъ смотритель, входя въ комнату и вводя за собой другого, остановленнаго за недостаткомъ лошадей, проѣзжающаго.

Проѣзжающій былъ приземистый, ширококостый, желтый, морщинистый старикъ, съ сѣдыми нависшими бровями надъ блестящими, неопредѣленнаго сѣроватаго цвѣта глазами.

Пьеръ снялъ ноги со стола, всталъ и перелегъ на приготовленную для него кровать, изрѣдка поглядывая на вошедшаго, который съ угрюмо-усталымъ видомъ, не глядя на Пьера, тяжело раздѣвался съ помощью слуги. Оставшись въ заношенномъ крытомъ нанкой тулупчикѣ и въ валяныхъ сапогахъ на худыхъ, костлявыхъ ногахъ, проѣзжій сѣлъ на диванъ, прислонивъ къ спинкѣ свою очень большую и широкую въ вискахъ, коротко обстриженную голову, и взглянулъ на Безухова. Строгое, умное и проницательное выраженіе этого взгляда поразило Пьера. Ему захотѣлось заговорить съ проѣзжающимъ, но когда онъ собрался обратиться къ нему съ вопросомъ о дорогѣ, проѣзжающій уже закрылъ глаза и, сложивъ сморщенныя старыя руки, на пальцѣ одной изъ которыхъ былъ большой чугунный перстень съ изображеніемъ Адамовой головы, неподвижно сидѣлъ, или отдыхая, или о чемъ-то глубокомысленно и спокойно размышляя, какъ показалось Пьеру. Слуга проѣзжающаго былъ весь покрытый морщинами, тоже желтый старичокъ, безъ усовъ и бороды, которые, видимо, не были сбриты, а никогда и не росли у него. Поворотливый старичокъ-слуга разбиралъ погребецъ, приготовлялъ чайный столъ и принесъ кипящій самоваръ. Когда все было готово, проѣзжающій открылъ глаза, придвинулся къ столу и, наливъ себѣ одинъ стаканъ чаю, налилъ другой безбородому старичку и подалъ ему. Пьеръ начиналъ чувствовать безпокойство и необходимость и даже неизбѣжность вступленія въ разговоръ съ этимъ проѣзжающимъ.

Слуга принесъ назадъ свой пустой, перевернутый стаканъ съ недокусаннымъ кусочкомъ сахара и спросилъ, не нужно ли чего.

— Ничего. Подай книгу, — сказалъ проѣзжающій.

Слуга подалъ книгу, которая показалась Пьеру духовной, и проѣзжающій углубился въ чтеніе. Пьеръ смотрѣлъ на него. Вдругъ проѣзжающій отложилъ книгу, заложивъ закрылъ ее и, опять закрывъ глаза и облокотившись на спинку, сѣлъ въ свое прежнее положеніе. Пьеръ смотрѣлъ на него и не успѣлъ отвернуться, какъ старикъ открылъ глаза и уставилъ свой твердый и строгій взглядъ прямо въ лицо Пьеру.

Пьеръ чувствовалъ себя смущеннымъ и хотѣлъ отклониться отъ этого взгляда, но блестящіе старческіе глаза неотразимо притягивали его къ себѣ.

II.

— Имѣю удовольствіе говорить съ графомъ Безуховымъ, ежели я не ошибаюсь, — сказалъ проѣзжающій неторопливо и громко.

Пьеръ молча, вопросительно смотрѣлъ черезъ очки на своего собесѣдника.

— Я слышалъ про васъ, — продолжалъ проѣзжающій, — и про постигшее васъ, государь мой, несчастье. — Онъ какъ бы подчеркнулъ послѣднее слово, какъ будто онъ сказалъ: «да, несчастье, какъ вы ни называйте; я знаю, что то, что́ случилось съ вами въ Москвѣ, было несчастье». — Весьма сожалѣю о томъ, государь мой.

Пьеръ покраснѣлъ и, поспѣшно спустивъ ноги съ постели, нагнулся къ старику, неестественно и робко улыбаясь.

— Я не изъ любопытства упомянулъ вамъ объ этомъ, государь мой, но по болѣе важнымъ причинамъ.

Онъ помолчалъ, не выпуская Пьера изъ своего взгляда, и подвинулся на диванѣ, приглашая этимъ жестомъ Пьера сѣсть подлѣ себя. Пьеру непріятно было вступать въ разговоръ съ этимъ старикомъ, но онъ, невольно покоряясь ему, подошелъ и сѣлъ подлѣ него.

— Вы несчастливы, государь мой, — продолжалъ онъ. — Вы молоды, а я старъ. Я бы желалъ по мѣрѣ моихъ силъ помочь вамъ.

— Ахъ, да, — съ неестественной улыбкой сказалъ Пьеръ. — Очень вамъ благодаренъ... Вы откуда изволите проѣзжать?

Лицо проѣзжающаго было неласково, даже холодно и строго, но, несмотря на то, и рѣчь и лицо новаго знакомца неотразимо-привлекательно дѣйствовали на Пьера.

— Но если по какимъ-либо причинамъ вамъ непріятенъ разговоръ со мной, — сказалъ старикъ, — то вы такъ и скажите, государь мой.

И онъ вдругъ улыбнулся неожиданно отечески-нѣжной улыбкой.

— Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ; напротивъ, я очень радъ познакомиться съ вами, — сказалъ Пьеръ и, взглянувъ еще разъ на руки новаго знакомца, ближе разсмотрѣлъ перстень. Онъ увидалъ на немъ Адамову голову, знакъ масонства.

— Позвольте мнѣ спросить, — сказалъ онъ, — вы масонъ?

— Да, я принадлежу къ братству свободныхъ каменщиковъ, — сказалъ проѣзжій, все глубже и глубже вглядываясь въ глаза Пьеру. — И отъ себя и отъ ихъ имени протягиваю вамъ братскую руку.

— Я боюсь, — сказалъ Пьеръ, улыбаясь и колеблясь между довѣріемъ, внушаемымъ ему личностью масона, и привычкой насмѣшки надъ вѣрованіями масоновъ, — я боюсь, что я очень далекъ отъ пониманія, какъ это сказать, я боюсь, что мой образъ мыслей насчетъ всего мірозданія такъ противоположенъ вашему, что мы не поймемъ другъ друга.

— Мнѣ извѣстенъ вашъ образъ мыслей, — сказалъ масонъ, — и тотъ вашъ образъ мыслей, о которомъ вы говорите и который вамъ кажется произведеніемъ вашего мысленнаго труда, есть образъ мыслей большинства людей, есть однообразный плодъ гордости, лѣни и невѣжества. Извините меня, государь мой, ежели бы я не зналъ его, я бы не заговорилъ съ вами. Вашъ образъ мыслей есть печальное заблужденіе.

— Точно такъ же, какъ я могу предполагать, что и вы находитесь въ заблужденіи, — сказалъ Пьеръ, слабо улыбаясь.

— Я никогда не посмѣю сказать, что я знаю истину, — сказалъ масонъ, все болѣе и болѣе поражая Пьера своею опредѣленностью и твердостью рѣчи. — Никто одинъ не можетъ достигнуть до истины; только камень за камнемъ, съ участіемъ всѣхъ, милліонами поколѣній, отъ праотца Адама и до нашего времени, воздвигается тотъ храмъ, который долженъ быть достойнымъ жилищемъ Великаго Бога, — сказалъ масонъ и закрылъ глаза.

— Я долженъ вамъ сказать, я не вѣрю, не... вѣрю въ Бога, — съ сожалѣніемъ и съ усиліемъ сказалъ Пьеръ, чувствуя необходимость высказать всю правду.

Масонъ внимательно посмотрѣлъ на Пьера и улыбнулся, какъ улыбнулся бы богачъ, державшій въ рукахъ милліоны, бѣдняку, который бы сказалъ ему, что нѣтъ у него, у бѣдняка, пяти рублей, могущихъ сдѣлать его счастье.

— Да, вы не знаете Его, государь мой, — сказалъ масонъ. — Вы не можете знать Его. Вы не знаете Его, оттого вы и несчастны.

— Да, да, я несчастенъ, — подтвердилъ Пьеръ, — но что же мнѣ дѣлать?

— Вы не знаете Его, государь мой, и оттого вы очень несчастны. Вы не знаете Его, а Онъ здѣсь, Онъ во мнѣ, Онъ въ моихъ словахъ, Онъ въ тебѣ и даже въ тѣхъ кощунственныхъ рѣчахъ, которыя ты произнесъ сейчасъ!—строгимъ дрожащимъ голосомъ сказалъ масонъ.

Онъ помолчалъ и вздохнулъ, видимо стараясь успокоиться.

— Ежели бы Его не было,—сказалъ онъ тихо,—мы бы съ вами не говорили о Немъ, государь мой. О чемъ, о комъ мы говорили? Кого ты отрицалъ?—вдругъ сказалъ онъ съ восторженною строгостью и властью въ голосѣ.—Кто Его выдумалъ, ежели Его нѣтъ? Почему явилось въ тебѣ предположеніе, что есть такое непонятное существо? Почему ты и весь міръ предположили существованіе такого непостижимаго существа, существа всемогущаго, вѣчнаго и безконечнаго во всѣхъ своихъ свойствахъ?..

Онъ остановился и долго молчалъ. Пьеръ не могъ и не хотѣлъ прерывать этого молчанія.

— Онъ есть, но понять Его трудно,—заговорилъ опять масонъ, глядя не на лицо Пьера, а передъ собой, своими старческими руками, которыя отъ внутренняго волненія не могли оставаться спокойными, перебирая листы книги.—Ежели бы это былъ человѣкъ, въ существованіи котораго ты бы сомнѣвался, я бы привелъ къ тебѣ этого человѣка, взялъ бы его за руку и показалъ тебѣ. Но какъ я, ничтожный смертный, покажу все всемогущество, всю вѣчность, всю благодать Его тому, кто слѣпъ, или тому, кто закрываетъ глаза, чтобы не видать, не понимать Его, и не увидать, и не понять всю свою мерзость и порочность?—Онъ помолчалъ.—Кто ты? Что ты? Ты мечтаешь о себѣ, что ты мудрецъ, потому что ты могъ произнести эти кощунственныя слова,—сказалъ онъ съ мрачной и презрительной усмѣшкой,—а ты глупѣе и безумнѣе малаго ребенка, который, играя частями искусно сдѣланныхъ часовъ, осмѣлился бы говорить, что, потому что онъ не понимаетъ назначенія этихъ часовъ, онъ и не вѣритъ въ мастера, который ихъ сдѣлалъ. Познать Его трудно... Мы вѣками, отъ праотца Адама и до нашихъ дней, работаемъ для этого познанія и на безконечность далеки отъ достиженія нашей цѣли; но въ непониманіи Его мы видимъ только нашу слабость и Его величіе.

Пьеръ съ замираніемъ сердца, блестящими глазами глядя въ лицо масона, слушалъ его, не перебивалъ, не спрашивалъ его, а всей душой вѣрилъ тому, что говорилъ ему этотъ чужой

человѣкъ. Вѣрилъ ли онъ тѣмъ разумнымъ доводамъ, которые были въ рѣчи масона, или вѣрилъ, какъ вѣрятъ дѣти, интонаціямъ, убѣжденности и сердечности, которыя были въ рѣчи масона, дрожанію голоса, которое иногда почти прерывало масона, или этимъ блестящимъ старческимъ глазамъ, состарившимся на томъ же убѣжденіи, или тому спокойствію, твердости и знанію своего назначенія, которыя свѣтились изъ всего существа масона и которыя особенно сильно поражали его въ сравненіи со своею опущенностью и безнадежностью, — но онъ всей душой желалъ вѣрить, и вѣрилъ, и испытывалъ радостное чувство успокоенія, обновленія и возвращенія къ жизни.

— Онъ не постигается умомъ, а постигается жизнью,—сказалъ масонъ.

— Я не понимаю, — сказалъ Пьеръ, со страхомъ чувствуя поднимающееся въ себѣ сомнѣніе. Онъ боялся неясности и слабости доводовъ своего собесѣдника, онъ боялся не вѣрить ему.— Я не понимаю,—сказалъ онъ,—какимъ образомъ умъ человѣческій не можетъ постигнуть того знанія, о которомъ вы говорите.

Масонъ улыбнулся своей кроткой отеческой улыбкой.

— Высшая мудрость и истина есть какъ бы чистѣйшая влага, которую мы хотимъ воспринять въ себя, — сказалъ онъ.— Могу ли я въ нечистый сосудъ воспринять эту чистую влагу и судить о чистотѣ ея? Только внутреннимъ очищеніемъ самого себя я могу до извѣстной чистоты довести воспринимаемую влагу.

— Да, да, это такъ! — радостно сказалъ Пьеръ.

— Высшая мудрость основана не на одномъ разумѣ, не на тѣхъ свѣтскихъ наукахъ физики, исторіи, химіи и т. д., на которыя распадается знаніе умственное. Высшая мудрость одна. Высшая мудрость имѣетъ одну науку—науку всего, науку, объясняющую все мірозданіе и занимаемое въ немъ мѣсто человѣка. Для того, чтобы вмѣстить въ себя эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутренняго человѣка, и потому прежде, чѣмъ знать, нужно вѣрить и совершенствоваться. И для достиженія этихъ цѣлей въ душѣ нашей вложенъ свѣтъ Божій, называемый совѣстью.

— Да, да, — подтверждалъ Пьеръ.

— Погляди духовными глазами на своего внутренняго человѣка и спроси у самого себя, доволенъ ли ты собой. Чего ты достигъ, руководясь однимъ умомъ? Что ты такое? Вы молоды, вы богаты, вы умны, образованы, государь мой. Что вы сдѣлали изъ всѣхъ этихъ благъ, данныхъ вамъ? Довольны ли вы собой и своею жизнью?

— Нѣтъ, я ненавижу свою жизнь, — сморщась проговорилъ Пьеръ.

— Ты ненавидишь, такъ измѣни ее, очисти себя, и по мѣрѣ очищенія ты будешь познавать мудрость. Посмотрите на свою жизнь, государь мой. Какъ вы проводили ее? Въ буйныхъ оргіяхъ и развратѣ. Все получая отъ общества и ничего не отдавая ему, вы получили богатство. Какъ вы употребили его? Что вы сдѣлали для ближняго своего? Подумали ли вы о десяткахъ тысячъ вашихъ рабовъ, помогли ли вы имъ физически и нравственно? Нѣтъ. Вы пользовались ихъ трудами, чтобъ вести распутную жизнь. Вотъ что вы сдѣлали. Избрали ли вы мѣсто служенія, гдѣ бы вы приносили пользу своему ближнему? Нѣтъ. Вы въ праздности проводили свою жизнь. Потомъ вы женились, государь мой, взяли на себя отвѣтственность въ руководствѣ молодой женщины, и что же вы сдѣлали? Вы не помогли ей, государь мой, найти путь истины, а ввергнули ее въ пучину лжи и несчастья. Человѣкъ оскорбилъ васъ, и вы убили его, и вы говорите, что вы не знаете Бога, и что вы ненавидите свою жизнь. Тутъ нѣтъ ничего мудренаго, государь мой!

Послѣ этихъ словъ масонъ, какъ бы уставъ отъ продолжительнаго разговора, опять облокотился на спинку дивана и закрылъ глаза. Пьеръ смотрѣлъ на это строгое, неподвижное, старческое, почти мертвое лицо и беззвучно шевелилъ губами. Онъ хотѣлъ сказать: «да, мерзкая, праздная, развратная жизнь», и не смѣлъ прерывать молчаніе.

Масонъ хрипло, старчески прокашлялся и кликнулъ слугу.

— Что лошади? — спросилъ онъ, не глядя на Пьера.

— Привели сдаточныхъ, — отвѣчалъ слуга. — Отдыхать не будете?

— Нѣтъ, вели закладывать.

«Неужели же онъ уѣдетъ и оставитъ меня одного, не договоривъ всего и не обѣщавъ мнѣ помощи?» думалъ Пьеръ, вставая и опустивъ голову, изрѣдка взглядывая на масона и начиная ходить по комнатѣ. «Да, я не думалъ этого, но я велъ презрѣнную, развратную жизнь, но я не любилъ ея и не хотѣлъ этого», думалъ Пьеръ, «а этотъ человѣкъ знаетъ истину, и ежели бы онъ захотѣлъ, онъ могъ бы открыть мнѣ ее».

Пьеръ хотѣлъ и не смѣлъ сказать этого масону. Проѣзжающій, привычными, старческими руками уложивъ свои вещи, застегивалъ свой тулупчикъ. Окончивъ эти дѣла, онъ обратился къ Безухову и равнодушно, учтивымъ тономъ сказалъ ему:

— Вы куда теперь изволите ѣхать, государь мой?

— Я?.. Я въ Петербургъ,—отвѣчалъ Пьеръ дѣтскимъ, нерѣшительнымъ голосомъ. — Я благодарю васъ. Я во всемъ согласенъ съ вами. Но вы не думайте, чтобы я былъ такъ дуренъ. Я всей душой желалъ бы быть тѣмъ, чѣмъ вы хотѣли бы, чтобы я былъ; но я ни въ комъ никогда не находилъ помощи... Впрочемъ, я самъ прежде всего виноватъ во всемъ. Помогите мнѣ, научите меня, и, можетъ-быть, я буду...

Пьеръ не могъ говорить дальше; онъ засопѣлъ носомъ и отвернулся.

Масонъ долго молчалъ, видимо что-то обдумывая.

— Помощь дается токмо отъ Бога, — сказалъ онъ,—но ту мѣру помощи, которую во власти подать нашъ орденъ, онъ подастъ вамъ, государь мой. Вы ѣдете въ Петербургъ, передайте это графу Вилларскому (онъ досталъ бумажникъ и на сложенномъ вчетверо большомъ листѣ бумаги написалъ нѣсколько словъ). Одинъ совѣтъ позвольте подать вамъ. Пріѣхавъ въ столицу, посвятите первое время уединенію, обсужденію самого себя и не вступайте на прежніе пути жизни. Затѣмъ желаю вамъ счастливаго пути, государь мой, — сказалъ онъ, замѣтивъ, что слуга его вошелъ въ комнату,—и успѣха...

Проѣзжающій былъ Осипъ Алексѣевичъ Баздѣевъ, какъ узналъ Пьеръ по книгѣ смотрителя. Баздѣевъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ масоновъ и мартинистовъ еще новиковскаго времени. Долго послѣ его отъѣзда Пьеръ, не ложась спать и не спрашивая лошадей, ходилъ по станціонной комнатѣ, обдумывая свое порочное прошедшее и съ восторгомъ обновленія представляя себѣ свое блаженное, безупречное и добродѣтельное будущее, которое казалось ему такъ легко. Онъ былъ, какъ ему казалось, порочнымъ только потому, что онъ какъ-то случайно запамятовалъ, какъ хорошо быть добродѣтельнымъ. Въ душѣ его не оставалось ни слѣда прежнихъ сомнѣній. Онъ твердо вѣрилъ въ возможность братства людей, соединенныхъ съ цѣлью поддерживать другъ друга на пути добродѣтели, и такимъ представлялось ему масонство.

III.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Пьеръ никого не извѣстилъ о своемъ пріѣздѣ, никуда не выѣзжалъ и сталъ цѣлые дни проводить за чтеніемъ Ѳомы Кемпійскаго, книги, которая неизвѣстно кѣмъ была доставлена ему. Одно и все одно понималъ Пьеръ, читая эту книгу; онъ понималъ неизвѣданное еще имъ наслажденіе вѣрить въ возможность достиженія совершенства и въ

возможность братской и дѣятельной любви между людьми, открытую ему Осипомъ Алексѣевичемъ. Черезъ недѣлю послѣ его пріѣзда молодой польскій графъ Вилларскій, котораго Пьеръ поверхностно зналъ по петербургскому свѣту, вошелъ вечеромъ въ его комнату съ тѣмъ офиціальнымъ и торжественнымъ видомъ, съ которымъ входилъ къ нему секундантъ Долохова, и, затворивъ за собой дверь и убѣдившись, что въ комнатѣ никого, кромѣ Пьера, не было, обратился къ нему:

— Я пріѣхалъ къ вамъ съ порученіемъ и предложеніемъ, графъ, — сказалъ онъ ему, не садясь. — Особа, очень высоко поставленная въ нашемъ братствѣ, ходатайствовала о томъ, чтобы вы были приняты въ братство ранѣе срока, и предложила мнѣ быть вашимъ поручителемъ. Я за священный долгъ почитаю исполненіе воли этого лица. Желаете ли вы вступить за моимъ поручительствомъ въ братство свободныхъ каменщиковъ?

Холодный и строгій тонъ человѣка, котораго Пьеръ видѣлъ почти всегда на балахъ съ любезною улыбкой, въ обществѣ самыхъ блестящихъ женщинъ, поразилъ Пьера.

— Да, я желаю, — сказалъ Пьеръ.

Вилларскій наклонилъ голову.

— Еще одинъ вопросъ, графъ, — сказалъ онъ, — на который я васъ не какъ будущаго масона, но какъ честнаго человѣка (galant homme) прошу со всею искренностью отвѣчать мнѣ: отреклись ли вы отъ своихъ прежнихъ убѣжденій, вѣрите ли вы въ Бога?

Пьеръ задумался.

— Да... да, я вѣрю въ Бога, — сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ...—началъ Вилларскій, но Пьеръ перебилъ его:

— Да, я вѣрю въ Бога,—сказалъ онъ еще разъ.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ ѣхать,—сказалъ Вилларскій. — Карета моя къ вашимъ услугамъ.

Всю дорогу Вилларскій молчалъ. На вопросы Пьера, что̀ ему нужно дѣлать и какъ отвѣчать, Вилларскій сказалъ только, что братья, болѣе его достойные, испытаютъ его, и что Пьеру больше ничего не нужно, какъ говорить правду.

Въѣхавъ въ ворота большого дома, гдѣ было помѣщеніе ложи, и пройдя по темной лѣстницѣ, они вошли въ освѣщенную небольшую прихожую, гдѣ, безъ помощи прислуги, сняли шубы. Изъ передней они прошли въ другую комнату. Какой-то человѣкъ въ странномъ одѣяніи показался у двери. Вилларскій, выйдя къ нему навстрѣчу, что-то тихо сказалъ ему по-французски и подошелъ къ небольшому шкафу, въ которомъ Пьеръ

замѣтилъ невиданныя имъ одѣянія. Взявъ изъ шкафа платокъ, Вилларскій наложилъ его на глаза Пьеру и завязалъ узломъ сзади, больно захвативъ въ узелъ его волосы. Потомъ онъ пригнулъ его къ себѣ, поцѣловалъ и, взявъ за руку, повелъ куда-то. Пьеру было больно отъ притянутыхъ узломъ волосъ, онъ морщился отъ боли и улыбался отъ стыда чего-то. Огромная фигура его съ опущенными руками, съ сморщенной и улыбающейся физіономіей невѣрными, робкими шагами подвигалась за Вилларскимъ.

Проведя его шаговъ десять, Вилларскій остановился.

— Что бы ни случилось съ вами,—сказалъ онъ,—вы должны съ мужествомъ переносить все, ежели вы твердо рѣшились вступить въ наше братство. (Пьеръ утвердительно отвѣчалъ наклоненіемъ головы.) Когда вы услышите стукъ въ двери, вы развяжете себѣ глаза,—прибавилъ Вилларскій;—желаю вамъ мужества и успѣха.—И, пожавъ руку Пьеру, Вилларскій вышелъ.

Оставшись одинъ, Пьеръ продолжалъ все такъ же улыбаться. Раза два онъ пожималъ плечами, подносилъ руку къ платку, какъ бы желая снять его, и опять опускалъ ее. Пять минутъ, которыя онъ пробылъ съ завязанными глазами, показались ему часомъ. Руки его отекли, ноги подкашивались; ему казалось, что онъ усталъ. Онъ испытывалъ самыя сложныя и разнообразныя чувства. Ему было страшно того, что̀ съ нимъ случится, и еще болѣе страшно того, какъ бы ему не выказать страха. Ему было любопытно узнать, что̀ будетъ съ нимъ, что̀ откроется ему; но болѣе всего ему было радостно, что наступила минута, когда онъ, наконецъ, вступитъ на тотъ путь обновленія и дѣятельно-добродѣтельной жизни, о которыхъ онъ мечталъ со времени своей встрѣчи съ Осипомъ Алексѣевичемъ. Въ дверь послышались сильные удары. Пьеръ снялъ повязку и оглянулся вокругъ себя. Въ комнатѣ было черно-темно; только въ одномъ мѣстѣ горѣла лампада въ чемъ-то бѣломъ. Пьеръ подошелъ ближе и увидалъ, что лампада стояла на черномъ столѣ, на которомъ лежала одна раскрытая книга. Книга была Евангеліе; то бѣлое, въ чемъ горѣла лампада, былъ человѣческій черепъ съ своими дырами и зубами. Прочтя первыя слова Евангелія: «Въ началѣ бѣ слово̀ и слово бѣ къ Богу», Пьеръ обошелъ столъ и увидалъ большой, наполненный чѣмъ-то и открытый ящикъ. Это былъ гробъ съ костями. Его нисколько не удивило то, что̀ онъ увидалъ. Надѣясь вступить въ совершенно новую жизнь, совершенно отличную отъ прежней, онъ ожидалъ всего необыкновеннаго, еще болѣе необыкновеннаго, чѣмъ то, что онъ видѣлъ. Черепъ, гробъ, Евангеліе—ему казалось, что онъ ожидалъ всего этого, ожидалъ еще бо́льшаго. Стараясь вызвать въ себѣ чув-

ство умиленія, онъ смотрѣлъ вокругъ себя. «Богъ, смерть, любовь, братство людей», говорилъ онъ себѣ, связывая съ этими словами смутныя, но радостныя представленія чего-то. Дверь отворилась, и кто-то вошелъ.

При слабомъ свѣтѣ, къ которому, однако, уже успѣлъ Пьеръ приглядѣться, вошелъ невысокій человѣкъ. Видимо, съ свѣта войдя въ темноту, человѣкъ этотъ остановился; потомъ осторожными шагами онъ подвинулся къ столу и положилъ на немъ небольшія, закрытыя кожаными перчатками, руки.

Невысокій человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ бѣлый кожаный фартукъ, прикрывавшій его грудь и часть ногъ, на шеѣ было надѣто что-то въ родѣ ожерелья, и изъ-за ожерелья выступало высокое бѣлое жабо, окаймлявшее его продолговатое лицо, освѣщенное снизу.

— Для чего вы пришли сюда?—спросилъ вошедшій, по шороху, сдѣланному Пьеромъ, обращаясь въ его сторону.—Для чего вы, не вѣрующій въ истины свѣта и не видящій свѣта, для чего вы пришли сюда, чего хотите вы отъ насъ? Премудрости, добродѣтели, просвѣщенія?

Въ ту минуту, какъ дверь отворилась и вошелъ неизвѣстный человѣкъ, Пьеръ испыталъ чувство страха и благоговѣнія, подобное тому, которое онъ въ дѣтствѣ испытывалъ на исповѣди: онъ почувствовалъ себя съ глазу на глазъ съ совершенно чужимъ по условіямъ жизни и съ близкимъ по братству людей человѣкомъ. Пьеръ съ захватывающимъ дыханье біеніемъ сердца подвинулся къ ритору (такъ назывался въ масонствѣ братъ, приготовляющій *ищущаго* къ вступленію въ братство). Пьеръ, подойдя ближе, узналъ въ риторѣ знакомаго человѣка, Смольянинова, но ему оскорбительно было думать, что вошедшій былъ знакомый человѣкъ: вошедшій былъ только братъ и добродѣтельный наставникъ. Пьеръ долго не могъ выговорить слова, такъ что риторъ долженъ былъ повторить свой вопросъ.

— Да, я... я... хочу обновленія,—съ трудомъ выговорилъ Пьеръ.

— Хорошо, — сказалъ Смольяниновъ и тотчасъ же продолжалъ:—Имѣете ли вы понятіе о средствахъ, которыми нашъ святой орденъ поможетъ вамъ въ достиженіи вашей цѣли?..—сказалъ риторъ спокойно и быстро.

— Я... надѣюсь... руководства... помощи... въ обновленіи,—сказалъ Пьеръ съ дрожаніемъ голоса и съ затрудненіемъ въ рѣчи, происходящимъ и отъ волненія и отъ непривычки говорить по-русски объ отвлеченныхъ предметахъ.

— Какое понятіе вы имѣете о франкъ-масонствѣ?

— Я подразумѣваю, что франкъ-масонство есть fraternité и равенство людей съ добродѣтельными цѣлями,—сказалъ Пьеръ, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, стыдясь несоотвѣтственности своихъ словъ съ торжественностью минуты.—Я подразумѣваю...

— Хорошо,—сказалъ риторъ поспѣшно, видимо вполнѣ удовлетворенный этимъ отвѣтомъ.—Искали ли вы средствъ къ достиженію своей цѣли въ религіи?

— Нѣтъ, я считалъ ее несправедливою и не слѣдовалъ ей,—сказалъ Пьеръ такъ тихо, что риторъ не разслышалъ его и спросилъ, что онъ говоритъ. — Я былъ атеистомъ, — отвѣчалъ Пьеръ.

— Вы ищете истины для того, чтобы слѣдовать въ жизни ея законамъ; слѣдовательно, вы ищете премудрости и добродѣтели, не такъ ли?—сказалъ риторъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да, да, — подтвердилъ Пьеръ.

Риторъ прокашлялся, сложилъ на груди руки въ перчаткахъ и началъ говорить:

— Теперь и я долженъ открыть вамъ главную цѣль нашего ордена,—сказалъ онъ,—и ежели цѣль эта совпадаетъ съ вашею, то вы съ пользою вступите въ наше братство. Первая главнѣйшая цѣль и купно основаніе нашего ордена, на которомъ онъ утвержденъ и котораго никакая сила человѣческая не можетъ низвергнуть, есть сохраненіе и преданіе потомству нѣкоего важнаго таинства... отъ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до насъ дошедшаго, отъ котораго таинства, можетъ-быть, зависитъ судьба рода человѣческаго. Но такъ какъ сіе таинство такого свойства, что никто не можетъ его знать и имъ пользоваться, если долговременнымъ и прилежнымъ очищеніемъ самого себя не пріуготовленъ, то не всякъ можетъ надѣяться скоро обрѣсти его. Поэтому мы имѣемъ вторую цѣль, которая состоитъ въ томъ, чтобы пріуготовлять нашихъ членовъ, сколько возможно, исправлять ихъ сердце, очищать и просвѣщать ихъ разумъ тѣми средствами, которыя намъ преданіемъ открыты отъ мужей, потрудившихся въ исканіи сего таинства, и тѣмъ учинять ихъ способными къ воспріятію онаго. Очищая и исправляя нашихъ членовъ, мы стараемся, въ-третьихъ, исправлять и весь человѣческій родъ, предлагая ему въ членахъ нашихъ примѣръ благочестія и добродѣтели, и тѣмъ стараемся всѣми силами противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ. Подумайте объ этомъ, и я опять приду къ вамъ,—сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

— Противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ...—повторилъ Пьеръ, и ему представилась его будущая дѣятельность

на этомъ поприщѣ. Ему представлялись такіе же люди, какимъ онъ былъ самъ двѣ недѣли тому назадъ, и онъ мысленно обращалъ къ нимъ поучительно-наставническую рѣчь. Онъ представлялъ себѣ порочныхъ и несчастныхъ людей, которымъ онъ помогалъ словомъ и дѣломъ; представлялъ себѣ угнетателей, отъ которыхъ онъ спасалъ ихъ жертвы. Изъ трехъ поименованныхъ риторомъ цѣлей эта послѣдняя — исправленіе рода человѣческаго — особенно близка была Пьеру. Нѣкое важное таинство, о которомъ упомянулъ риторъ, хотя и подстрекало его любопытство, не представлялось ему существеннымъ; а вторая цѣль—очищеніе и исправленіе себя—мало занимала его, потому что онъ въ эту минуту съ наслажденіемъ чувствовалъ себя уже вполнѣ исправленнымъ отъ прежнихъ пороковъ и готовымъ только на одно доброе.

Черезъ полчаса вернулся риторъ передать ищущему тѣ семь добродѣтелей, соотвѣтствующія семи ступенямъ храма Соломона, которыя долженъ былъ воспитывать въ себѣ каждый масонъ. Добродѣтели эти были: 1) *скромность*, соблюденіе тайны ордена, 2) *повиновеніе* высшимъ чинамъ ордена, 3) добронравіе, 4) любовь къ человѣчеству, 5) мужество, 6) щедрость и 7) любовь къ смерти.

— *Въ седьмыхъ*, старайтесь,—сказалъ риторъ,—частымъ помышленіемъ о смерти довести себя до того, чтобы она не казалась вамъ болѣе страшнымъ врагомъ, но другомъ... который освобождаетъ отъ бѣдственной сей жизни въ трудахъ добродѣтели томившуюся душу, для введенія ея въ мѣсто награды и успокоенія.

«Да, это должно быть такъ», думалъ Пьеръ, когда послѣ этихъ словъ риторъ снова ушелъ отъ него, оставляя его уединенному размышленію. «Это должно быть такъ, но я еще такъ слабъ, что люблю свою жизнь, которой смыслъ только теперь понемногу открывается мнѣ». Но остальныя пять добродѣтелей, которыя, перебирая по пальцамъ, вспоминалъ Пьеръ, онъ чувствовалъ въ душѣ своей: и *мужество*, и *щедрость*, и *добронравіе*, и *любовь къ человѣчеству*, и въ особенности *повиновеніе*, которое даже не представлялось ему добродѣтелью, а счастьемъ. (Ему такъ радостно было теперь избавиться отъ своего произвола и подчинить свою волю тому и тѣмъ, которые знали несомнѣнную истину.) Седьмую добродѣтель Пьеръ забылъ и никакъ не могъ вспомнить ее.

Въ третій разъ риторъ вернулся скорѣе и спросилъ Пьера, все ли онъ твердъ въ своемъ намѣреніи и рѣшается ли подвергнуть себя всему, что отъ него потребуется.

— Я готовъ на все, — сказалъ Пьеръ.

— Еще долженъ вамъ сообщить,—сказалъ риторъ,—что орденъ нашъ ученіе свое преподаетъ не словами токмо, но иными средствами, которыя на истиннаго искателя мудрости и добродѣтели дѣйствуютъ, можетъ-быть, сильнѣе, нежели словесныя токмо объясненія. Сія храмина, убранствомъ своимъ, которое вы видите, уже должна была изъяснить вашему сердцу, ежели оно искренно, болѣе, нежели слова; вы увидите, можетъ-быть, и при дальнѣйшемъ вашемъ принятіи подобный образъ изъясненія. Орденъ нашъ подражаетъ древнимъ обществамъ, которыя открывали свое ученіе іероглифами. Іероглифъ,—сказалъ риторъ,—есть наименованіе какой-нибудь неподверженной чувствамъ вещи, которая содержитъ въ себѣ качества, подобныя изобразуемой.

Пьеръ зналъ очень хорошо, что такое іероглифъ, но не смѣлъ говорить. Онъ молча слушалъ ритора, по всему чувствуя, что тотчасъ начнутся испытанія.

— Если вы тверды, то я долженъ приступить къ введенію васъ,—сказалъ риторъ, ближе подходя къ Пьеру. — Въ знакъ щедрости прошу васъ отдать мнѣ всѣ драгоцѣнныя вещи.

— Но я съ собой ничего не имѣю,—сказалъ Пьеръ, полагавшій, что отъ него требуютъ выдачи всего, что́ онъ имѣетъ.

— То, что́ на васъ есть: часы, деньги, кольца...

Пьеръ поспѣшно досталъ кошелекъ, часы и долго не могъ снять съ жирнаго пальца обручальное кольцо. Когда это было сдѣлано, масонъ сказалъ:

— Въ знакъ повиновенія прошу васъ раздѣться.

Пьеръ снялъ фракъ, жилетъ и лѣвый сапогъ по указанію ритора. Масонъ открылъ рубашку на его лѣвой груди и, нагнувшись, поднялъ его штанину на лѣвой ногѣ выше колѣна. Пьеръ поспѣшно хотѣлъ снять и правый сапогъ и засучить панталоны, чтобы избавить отъ этого труда незнакомаго ему человѣка, но масонъ сказалъ ему, что этого не нужно, и подалъ ему туфлю на лѣвую ногу. Съ дѣтской улыбкой стыдливости, сомнѣнія и насмѣшки надъ самимъ собой, которая противъ его воли выступала на лицо, Пьеръ стоялъ, опустивъ руки и разставивъ ноги, передъ братомъ-риторомъ, ожидая его новыхъ приказаній.

— И, наконецъ, въ знакъ чистосердечія, я прошу васъ открыть мнѣ главное ваше пристрастіе, — сказалъ онъ.

— Мое пристрастіе! У меня ихъ было такъ много, — сказалъ Пьеръ.

— То пристрастіе, которое болѣе всѣхъ другихъ заставляло васъ колебаться на пути добродѣтели, — сказалъ масонъ.

Пьеръ помолчалъ, отыскивая.

«Вино? Объѣденіе? Праздность? Лѣность? Горячность? Злоба? Женщины?» перебиралъ онъ свои пороки, мысленно взвѣшивая ихъ и не зная, которому отдать преимущество.

— Женщины, — сказалъ тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ Пьеръ.

Масонъ не шевелился и не говорилъ долго послѣ этого отвѣта. Наконецъ онъ подвинулся къ Пьеру, взялъ лежавшій на столѣ платокъ и опять завязалъ ему глаза.

— Послѣдній разъ говорю вамъ: обратите все ваше вниманіе на самого себя, наложите цѣпи на свои чувства и ищите блаженства не въ страстяхъ, а въ своемъ сердцѣ. Источникъ блаженства не внѣ, а внутри насъ...

Пьеръ уже чувствовалъ въ себѣ этотъ освѣжающій источникъ блаженства, теперь радостью и умиленіемъ переполнявшій его душу.

IV.

Скоро послѣ этого въ темную храмину пришелъ за Пьеромъ уже не прежній риторъ, а поручитель Вилларскій, котораго онъ узналъ по голосу. На новые вопросы о твердости его намѣренія Пьеръ отвѣчалъ: «Да, да, согласенъ», и съ сіяющею дѣтскою улыбкой, съ открытой жирной грудью, неровно и робко шагая одной разутой и одной обутой ногой, пошелъ впередъ съ приставленной Вилларскимъ къ его обнаженной груди шпагой. Изъ комнаты его повели по коридорамъ, поворачивая взадъ и впередъ, и, наконецъ, привели къ дверямъ ложи. Вилларскій кашлянулъ, ему отвѣтили масонскими стуками молотковъ, дверь отворилась передъ ними. Чей-то басистый голосъ (глаза Пьера все были завязаны) сдѣлалъ ему вопросы о томъ, кто онъ, гдѣ, когда родился? и т. п. Потомъ его опять повели куда-то, не развязывая ему глазъ, и во время ходьбы его говорили ему аллегоріи о трудахъ его путешествія, о священной дружбѣ, о предвѣчномъ Строителѣ міра, о мужествѣ, съ которымъ онъ долженъ переносить труды и опасности. Во время этого путешествія Пьеръ замѣтилъ, что его называли то *ищущимъ*, то *страждущимъ*, то *требующимъ* и различно стучали при этомъ молотками и шпагами. Въ то время, какъ его подводили къ какому-то предмету, онъ замѣтилъ, что произошло замѣшательство и смятеніе между его руководителями. Онъ слышалъ, какъ шопотомъ заспорили между собой окружающіе люди и какъ одинъ настаивалъ на томъ, чтобы онъ былъ проведенъ по какому-то ковру. Послѣ

этого взяли его правую руку, положили на что-то, а лѣвою велѣли ему приставить циркуль къ лѣвой груди и заставили его, повторяя слова, которыя читалъ другой, прочесть клятву вѣрности законамъ ордена. Потомъ потушили свѣчи, зажгли спиртъ, какъ это слышалъ по запаху Пьеръ, и сказали, что онъ увидитъ малый свѣтъ. Съ него сняли повязку, и Пьеръ какъ во снѣ увидалъ въ слабомъ свѣтѣ спиртового огня, нѣсколько людей, которые въ такихъ же фартукахъ, какъ и риторъ, стояли противъ него и держали шпаги, направленныя въ его грудь. Между ними стоялъ человѣкъ въ бѣлой окровавленной рубашкѣ. Увидавъ это, Пьеръ грудью надвинулся впередъ на шпаги, желая, чтобы онѣ вонзились въ него. Но шпаги отстранились отъ него, и ему тотчасъ же надѣли повязку.

— Теперь ты видѣлъ малый свѣтъ,—сказалъ ему чей-то голосъ. Потомъ опять зажгли свѣчи, сказали, что ему надо видѣть полный свѣтъ, и опять сняли повязку, и болѣе десяти голосовъ вдругъ сказали: sic transit gloria mundi.

Пьеръ понемногу сталъ приходить въ себя и оглядывать комнату, гдѣ онъ былъ, и находившихся въ ней людей. Вокругъ длиннаго стола, покрытаго чернымъ, сидѣло человѣкъ двѣнадцать, все въ тѣхъ же одѣяніяхъ, какъ и тѣ, которыхъ онъ прежде видѣлъ. Нѣкоторыхъ Пьеръ зналъ по петербургскому обществу. На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ незнакомый молодой человѣкъ, въ особомъ крестѣ на шеѣ. По правую руку сидѣлъ итальянецъ-аббатъ, котораго Пьеръ видѣлъ два года тому назадъ у Анны Павловны. Еще былъ тутъ одинъ весьма важный сановникъ и одинъ швейцарецъ-гувернеръ, жившій прежде у Курагиныхъ. Всѣ торжественно молчали, слушая слова предсѣдателя, державшаго въ рукѣ молотокъ. Въ стѣнѣ была вдѣлана горящая звѣзда; съ одной стороны стола былъ небольшой коверъ съ различными изображеніями, съ другой—было что-то въ родѣ алтаря съ Евангеліемъ и черепомъ. Кругомъ стола было 7 большихъ, въ родѣ церковныхъ, подсвѣчниковъ. Двое изъ братьевъ подвели Пьера къ алтарю, поставили ему ноги въ прямоугольное положеніе и приказали ему лечь, говоря, что онъ повергается къ вратамъ храма.

— Онъ прежде долженъ получить лопату,—сказалъ шопотомъ одинъ изъ братьевъ.

— Ахъ! полноте, пожалуйста, — сказалъ другой.

Пьеръ растерянными, близорукими глазами, не повинуясь, оглянулся вокругъ себя, и вдругъ на него нашло сомнѣніе. «Гдѣ я? Что я дѣлаю? Не смѣются ли надо мной? Не будетъ ли мнѣ стыдно вспоминать это?» Но сомнѣніе это продолжалось только

одно мгновеніе. Пьеръ оглянулся на серьезныя лица окружавшихъ его людей, вспомнилъ все, что онъ уже прошелъ, и понялъ, что нельзя остановиться на половинѣ дороги. Онъ ужаснулся своему сомнѣнію и, стараясь вызвать въ себѣ прежнее чувство умиленія, повергся къ вратамъ храма. И дѣйствительно, чувство умиленія, еще сильнѣйшаго, чѣмъ прежде, нашло на него. Когда онъ пролежалъ нѣсколько времени, ему велѣли встать и надѣли на него такой же бѣлый кожаный фартукъ, какіе были на другихъ, дали ему въ руки лопату и три пары перчатокъ, и тогда великій мастеръ обратился къ нему. Онъ сказалъ ему, чтобы онъ старался ничѣмъ не запятнать бѣлизну этого фартука, представляющаго крѣпость и непорочность; потомъ о невыясненной лопатѣ сказалъ, чтобы онъ трудился ею очищать свое сердце отъ пороковъ и снисходительно заглаживать ею сердце ближняго. Потомъ про первыя перчатки мужскія сказалъ, что значенія ихъ онъ не можетъ знать, но долженъ хранить ихъ; про другія перчатки мужскія сказалъ, что онъ долженъ надѣвать ихъ въ собраніяхъ, и, наконецъ, про третьи женскія перчатки сказалъ: «Любезный братъ, и сіи женскія перчатки вамъ опредѣлены суть. Отдайте ихъ той женщинѣ, которую вы будете почитать больше всѣхъ. Симъ даромъ увѣрите въ непорочности сердца вашего ту, которую изберете вы себѣ въ достойную каменщицу». И, помолчавъ нѣсколько времени, прибавилъ: «Но соблюди, любезный братъ, да не украшаютъ перчатки сіи рукъ нечистыхъ». Въ то время, какъ великій мастеръ произносилъ эти послѣднія слова, Пьеру показалось, что предсѣдатель смутился. Пьеръ смутился еще больше, покраснѣлъ до слезъ, какъ краснѣютъ дѣти, безпокойно сталъ оглядываться, и произошло неловкое молчаніе.

Молчаніе это было прервано однимъ изъ братьевъ, который, подведя Пьера къ ковру, началъ изъ тетради читать ему объясненіе всѣхъ изображенныхъ на немъ фигуръ: солнца, луны, молотка, отвѣса, лопаты, дикаго и кубическаго камня, столба, трехъ оконъ и т. д. Потомъ Пьеру назначили его мѣсто, показали ему знаки ложи, сказали входное слово и, наконецъ, позволили сѣсть. Великій мастеръ началъ читать уставъ. Уставъ былъ очень длиненъ, и Пьеръ отъ радости, волненія и стыда не былъ въ состояніи понимать того, что читали. Онъ вслушался только въ послѣднія слова устава, которыя запомнились ему:

«Въ нашихъ храмахъ мы не знаемъ другихъ степеней,— читалъ великій мастеръ, — кромѣ тѣхъ, которыя находятся между добродѣтелью и порокомъ. Берегись дѣлать какое-нибудь различіе, могущее нарушить равенство. Лети на помощь къ брату,

кто бы онъ ни былъ, настави заблуждающагося, подними упадающаго и не питай никогда злобы или вражды на брата. Будь ласковъ и привѣтливъ. Возбуждай во всѣхъ сердцахъ огнь добродѣтели. Дѣли счастье съ ближнимъ твоимъ, и да не возмутитъ никогда зависть чистаго сего наслажденія. Прощай врагу твоему, не мсти ему, развѣ только дѣланіемъ ему добра. Исполнивъ такимъ образомъ высшій законъ, ты обрящешь слѣды древняго, утраченнаго тобою величества».

Кончилъ онъ и, привставъ, обнялъ Пьера и поцѣловалъ его. Пьеръ, съ слезами радости на глазахъ, смотрѣлъ вокругъ себя, не зная, что отвѣчать на поздравленія и возобновленія знакомствъ, съ которыми окружили его. Онъ не признавалъ никакихъ знакомствъ; во всѣхъ людяхъ этихъ онъ видѣлъ только братьевъ, съ которыми сгоралъ нетерпѣніемъ приняться за дѣло.

Великій мастеръ стукнулъ молоткомъ, всѣ сѣли по мѣстамъ, и одинъ прочелъ поученіе о необходимости смиренія.

Великій мастеръ предложилъ исполнить послѣднюю обязанность, и важный сановникъ, который носилъ званіе собирателя милостыни, сталъ обходить братьевъ. Пьеру хотѣлось записать въ листъ милостыни всѣ деньги, которыя у него были, но онъ боялся этимъ выказать гордость и записалъ столько же, сколько записывали другіе.

Засѣданіе было кончено, и по возвращеніи домой Пьеру казалось, что онъ пріѣхалъ изъ какого-то дальняго путешествія, гдѣ онъ провелъ десятки лѣтъ, совершенно измѣнился и отсталъ отъ прежняго порядка и привычекъ жизни.

V.

На другой день послѣ пріема въ ложу Пьеръ сидѣлъ дома, читая книгу и стараясь вникнуть въ значеніе квадрата, изображавшаго одною своею стороною Бога, другою — нравственное, третьею—физическое и четвертою—смѣшанное. Изрѣдка онъ отрывался отъ книги и квадрата и въ воображеніи своемъ составлялъ себѣ новый планъ жизни. Вчера въ ложѣ ему сказали, что до свѣдѣнія государя дошелъ слухъ о дуэли и что Пьеру благоразумнѣе бы было удалиться изъ Петербурга. Пьеръ предполагалъ ѣхать въ свои южныя имѣнія и заняться тамъ своими крестьянами. Онъ радостно обдумывалъ эту новую жизнь, когда неожиданно въ комнату вошелъ князь Василій.

— Мой другъ, что ты надѣлалъ въ Москвѣ? За что ты поссорился съ Лёлей, mon cher? Ты въ заблужденіи, — сказалъ князь Василій, входя въ комнату. — Я все узналъ, я могу тебѣ

сказать вѣрно, что Эленъ невинна передъ тобой, какъ Христосъ передъ жидами.

Пьеръ хотѣлъ отвѣчать, но онъ перебилъ его.

— И зачѣмъ ты не обратился прямо и просто ко мнѣ, какъ къ другу? Я все знаю, я все понимаю,—сказалъ онъ,—ты велъ себя, какъ прилично человѣку, дорожащему своею честью, можетъ-быть, слишкомъ поспѣшно, но объ этомъ мы не будемъ судить. Одно ты помни, въ какое положеніе ты ставишь ее и меня въ глазахъ всего общества и даже двора,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.—Она живетъ въ Москвѣ, ты здѣсь. Помни, мой милый,—онъ потянулъ его внизъ за руку,—здѣсь одно недоразумѣніе; ты самъ, я думаю, чувствуешь. Напиши сейчасъ со мною письмо, и она пріѣдетъ сюда, все объяснится, а то я тебѣ скажу, ты очень легко можешь пострадать, мой милый.

Князь Василій внушительно взглянулъ на Пьера.

— Мнѣ изъ хорошихъ источниковъ извѣстно, что вдовствующая императрица принимаетъ живой интересъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Ты знаешь, она очень милостива къ Эленъ.

Нѣсколько разъ Пьеръ собирался говорить, но, съ одной стороны, князь Василій не допускалъ его до этого, съ другой стороны, самъ Пьеръ боялся начать говорить въ томъ тонѣ рѣшительнаго отказа и несогласія, въ которомъ онъ твердо рѣшился отвѣчать своему тестю. Кромѣ того, слова масонскаго устава: «буди ласковъ и привѣтливъ», вспоминались ему. Онъ морщился, краснѣлъ, вставалъ и опускался, работая надъ собою въ самомъ трудномъ для него въ жизни дѣлѣ — сказать непріятное въ глаза человѣку, сказать не то, чего ожидалъ этотъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ. Онъ такъ привыкъ повиноваться этому тону небрежной самоувѣренности князя Василія, что и теперь онъ чувствовалъ, что не въ силахъ будетъ противостоять ей; но онъ чувствовалъ, что отъ того, что онъ скажетъ сейчасъ, будетъ зависѣть вся дальнѣйшая судьба его: пойдетъ ли онъ по старой, прежней дорогѣ, или по той новой, которая такъ привлекательно была указана ему масонами и на которой онъ твердо вѣрилъ, что найдетъ возрожденіе къ новой жизни.

— Ну, мой милый,—шутливо сказалъ князь Василій,—скажи же мнѣ: «да» и я отъ себя напишу ей, и мы убьемъ жирнаго тельца.

Но князь Василій не успѣлъ договорить своей шутки, какъ Пьеръ съ бѣшенствомъ въ лицѣ, которое напоминало его отца, не глядя въ глаза собесѣднику, проговорилъ шопотомъ:

— Князь, я васъ не звалъ къ себѣ, идите, пожалуйста, идите! — Онъ вскочилъ и отворилъ ему дверь. — Идите же,—

повторилъ онъ самъ себѣ, не вѣря и радуясь выраженію смущенности и страха, показавшемуся на лицѣ князя Василія.

— Что съ тобой? Ты боленъ?

— Идите!—еще разъ проговорилъ дрожащій голосъ. И князь Василій долженъ былъ уѣхать, не получивъ никакого объясненія.

Черезъ недѣлю Пьеръ, простившись съ новыми друзьями-масонами и оставивъ имъ большія суммы на милостыни, уѣхалъ въ свои имѣнія. Его новые братья дали ему письма въ Кіевъ и Одессу, къ тамошнимъ масонамъ, и обѣщали писать ему и руководить Пьера въ его новой дѣятельности.

VI.

Дѣло Пьера съ Долоховымъ было замято, и, несмотря на тогдашнюю строгость государя въ отношеніи дуэлей, ни оба противника ни ихъ секунданты не пострадали. Но исторія дуэли, подтвержденная разрывомъ Пьера съ женой, разгласилась въ обществѣ. Пьеръ, на котораго смотрѣли снисходительно, покровительственно, когда онъ былъ незаконнымъ сыномъ, котораго ласкали и прославляли, когда онъ былъ лучшимъ женихомъ Россійской имперіи, послѣ своей женитьбы, когда невѣстамъ и матерямъ нечего было ожидать отъ него, сильно потерялъ во мнѣніи общества, тѣмъ болѣе, что онъ не умѣлъ и не желалъ заискивать общественнаго благоволенія. Теперь его одного обвиняли въ происшедшемъ, говорили, что онъ безтолковый ревнивецъ, подверженный такимъ же припадкамъ кровожаднаго бѣшенства, какъ и его отецъ. И когда послѣ отъѣзда Пьера Эленъ вернулась въ Петербургъ, она была не только радушно, но съ оттѣнкомъ почтительности, относившейся къ ея несчастью, принята всѣми своими знакомыми. Когда разговоръ заходилъ о ея мужѣ, Эленъ принимала достойное выраженіе, которое она — хотя и не понимая его значенія—по свойственному ей такту, усвоила себѣ. Выраженіе это говорило, что она рѣшилась, не жалуясь, переносить свое несчастье, и что ея мужъ есть крестъ, посланный ей отъ Бога. Князь Василій откровеннѣе высказывалъ свое мнѣніе. Онъ пожималъ плечами, когда разговоръ заходилъ о Пьерѣ, и, указывая на лобъ, говорилъ:

— Un cerveau fêlé—je le disais toujours [1]).

— Я впередъ сказала,—говорила Анна Павловна о Пьерѣ,—я тогда же сейчасъ сказала, и прежде всѣхъ (она настаивала на своемъ первенствѣ), что это безумный молодой человѣкъ, испор-

---

[1]) Полусумасшедшій, я всегда это говорилъ.

ченный развратными идеями вѣка. Я тогда еще сказала это, когда всѣ восхищались имъ и онъ только пріѣхалъ изъ-за границы, и, помните, у меня какъ-то вечеромъ представлялъ изъ себя какого-то Марата. Чѣмъ же кончилось? Я тогда еще не желала этой свадьбы и предсказала все, что̀ случится.

Анна Павловна попрежнему давала у себя въ свободные дни такіе вечера, какъ и прежде, и такіе, какіе она одна имѣла даръ устраивать,—вечера, на которыхъ собиралась, во-первыхъ, la crême de la véritable bonne société, la fine fleur de l'essence intellectuelle de la société de Pétersbourg [2]), какъ говорила сама Анна Павловна. Кромѣ этого утонченнаго выбора общества, вечера Анны Павловны отличались еще тѣмъ, что всякій разъ на своемъ вечерѣ Анна Павловна подавала своему обществу какое-нибудь новое, интересное лицо и что нигдѣ, какъ на этихъ вечерахъ, не высказывался такъ очевидно и твердо градусъ политическаго термометра, на которомъ стояло настроеніе придворнаго легитимическаго петербургскаго общества.

Въ концѣ 1806 года, когда получены были уже всѣ печальныя подробности объ уничтоженіи Наполеономъ прусской арміи подъ Іеной и Ауэрштетомъ и о сдачѣ большей части прусскихъ крѣпостей, когда войска наши уже вступили въ Пруссію и началась наша вторая война съ Наполеономъ, Анна Павловна собрала у себя вечеръ. La crême de la véritable bonne société состояла изъ обворожительной и несчастной, покинутой мужемъ, Элэнъ, изъ Mortemart'a, обворожительнаго князя Ипполита, только что пріѣхавшаго изъ Вѣны, двухъ дипломатовъ, тетушки, одного молодого человѣка, пользовавшагося въ гостиной наименованіемъ просто d'un homme de beaucoup de mérite, одной вновь пожалованной фрейлины съ матерью и нѣкоторыхъ другихъ менѣе замѣтныхъ особъ.

Лицо, которымъ, какъ новинкой, угащивала въ этотъ вечеръ Анна Павловна своихъ гостей, былъ Борисъ Друбецкой, только что пріѣхавшій курьеромъ изъ прусской арміи и находившійся адъютантомъ у очень важнаго лица.

Градусъ политическаго термометра, указанный на этомъ вечерѣ обществу, былъ слѣдующій: сколько бы всѣ европейскіе государи и полководцы ни старались потворствовать Бонапартію для того, чтобы сдѣлать *мнѣ* и вообще *намъ* эти непріятности и огорченія, мнѣніе наше насчетъ Бонапартія не можетъ измѣниться. Мы не перестанемъ высказывать свой непритворный на

---

[2]) Сливки настоящаго хорошаго общества, цвѣтъ интеллектуальной эссенціи петербургскаго общества.

этотъ счетъ образъ мыслей и можемъ сказать только прусскому королю и другимъ: тѣмъ хуже для васъ. Tu l'as voulu, George Dandin, вотъ все, что мы можемъ сказать. Вотъ что указывалъ политическій термометръ на вечерѣ Анны Павловны. Когда Борисъ, который долженъ былъ быть поднесенъ гостямъ, вошелъ въ гостиную, уже почти все общество было въ сборѣ, и разговоръ, руководимый Анной Павловной, шелъ о нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Австріей и о надеждѣ на союзъ съ нею.

Борисъ въ щегольскомъ адъютантскомъ мундирѣ, возмужавшій, свѣжій и румяный, свободно вошелъ въ гостиную и былъ отведенъ, какъ слѣдовало, для привѣтствія къ тетушкѣ и снова присоединенъ къ общему кружку.

Анна Павловна дала поцѣловать ему свою сухую руку, познакомила его съ нѣкоторыми незнакомыми ему лицами и каждаго шопотомъ опредѣлила ему.

— Le prince Hyppolite Kouraguine—charmant jeune homme. M-r Krouq chargé d'affaires de Kopenhague—un esprit profond, просто: M-r Shittoff — un homme de beaucoup de mérite [1]), про того, который носилъ это наименованіе.

Борисъ за это время своей службы, благодаря заботамъ Анны Михайловны, собственнымъ вкусамъ и свойствамъ своего сдержаннаго характера, успѣлъ поставить себя въ самое выгодное положеніе по службѣ. Онъ находился адъютантомъ при весьма важномъ лицѣ, имѣлъ весьма важное порученіе въ Пруссію и только что возвратился оттуда курьеромъ. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ ту понравившуюся ему въ Ольмюцѣ неписанную субординацію, по которой прапорщикъ могъ стоять безъ сравненія выше генерала и по которой для успѣха на службѣ были нужны не усилія на службѣ, не труды, не храбрость, не постоянство, а нужно было только умѣніе обращаться съ тѣми, которые вознаграждають за службу,—и онъ часто самъ удивлялся своимъ быстрымъ успѣхамъ и тому, какъ другіе могли не понимать этого. Вслѣдствіе этого открытія его весь образъ жизни его, всѣ отношенія съ прежними знакомыми, всѣ его планы на будущее совершенно измѣнились. Онъ былъ не богатъ, но послѣднія свои деньги онъ употреблялъ на то, чтобы быть одѣтымъ лучше другихъ; онъ скорѣе лишилъ бы себя многихъ удовольствій, чѣмъ позволилъ бы себѣ ѣхать въ дурномъ экипажѣ

---

[1]) Князь Ипполитъ Курагинъ — милый молодой человѣкъ. Г. Кругъ — копенгагенскій повѣренный въ дѣлахъ, глубокій умъ. Г. Шитовъ—весьма достойный человѣкъ.

или показаться въ старомъ мундирѣ на улицахъ Петербурга. Сближался онъ и искалъ знакомствъ только съ людьми, которые были выше его и потому могли быть ему полезны. Онъ любилъ Петербургъ и презиралъ Москву. Воспоминаніе о домѣ Ростовыхъ и о его дѣтской любви къ Наташѣ было ему непріятно, и онъ съ самаго отъѣзда въ армію ни разу не былъ у Ростовыхъ. Въ гостиной Анны Павловны, въ которой присутствовать онъ считалъ за важное повышеніе по службѣ, онъ теперь тотчасъ же понялъ свою роль и предоставилъ Аннѣ Павловнѣ воспользоваться тѣмъ интересомъ, который въ немъ заключался, внимательно наблюдая каждое лицо и оцѣнивая выгоды и возможности сближенія съ каждымъ изъ нихъ. Онъ сѣлъ на указанное ему мѣсто возлѣ красивой Эленъ и вслушивался въ общій разговоръ.

— Vienne trouve les bases du traité proposé tellement hors d'atteinte, qu'on ne saurait y parvenir même par une continuité de succès les plus brillants, et elle mêt en doute les moyens qui pourraient nous les procurer. C'est la phrase authentique du cabinet de Vienne, — говорилъ датскій chargé d'affaires [1]).

— C'est le doute qui est flatteur! — сказалъ l'homme à l'esprit profond [2]) съ тонкой улыбкой.

— Il faut distinguer entre le cabinet de Vienne et l'Empereur d'Autriche, — сказалъ Mortemart. — L'Empereur d'Autriche n'a jamais pu penser à une chose pareille, ce n'est que le cabinet qui le dit [3]).

— Eh, mon cher vicomte, — вмѣшалась Анна Павловна, — l'Urope (она почему-то выговаривала l'Urope, какъ особенную тонкость французскаго языка, которую она могла себѣ позволить, говоря съ французомъ), l'Urope ne sera jamais notre alliée sincère [4]).

Вслѣдъ за этимъ Анна Павловна навела разговоръ на мужество и твердость прусскаго короля съ тѣмъ, чтобы ввести въ дѣло Бориса.

---

1) Вѣна находитъ основанія предлагаемаго договора до того невозможными, что достигнуть ихъ нельзя даже рядомъ самыхъ блестящихъ успѣховъ, и она сомнѣвается въ средствахъ, которыя могутъ ихъ намъ доставить. Это — подлинная фраза вѣнскаго кабинета, — говорилъ датскій повѣренный въ дѣлахъ.

2) Сомнѣніе лестно, — сказалъ глубокій умъ.

3) Необходимо отличать вѣнскій кабинетъ отъ австрійскаго императора. Австрійскій императоръ никогда не могъ этого думать, это говоритъ только кабинетъ.

4) Ахъ, мой милый виконтъ, Европа никогда не будетъ нашей искренней союзницей.

Борисъ внимательно слушалъ того, кто говорилъ, ожидая своего череда, но вмѣстѣ съ тѣмъ успѣвалъ нѣсколько разъ оглядываться на свою сосѣдку, красавицу Эленъ, которая съ улыбкой нѣсколько разъ встрѣтилась глазами съ красивымъ, молодымъ адъютантомъ.

Весьма естественно, говоря о положеніи Пруссіи, Анна Павловна попросила Бориса разсказать свое путешествіе въ Глогау и положеніе, въ которомъ онъ нашелъ прусское войско. Борисъ, не торопясь, чистымъ и правильнымъ французскимъ языкомъ, разсказалъ весьма много интересныхъ подробностей о войскахъ, о дворѣ, во все время своего разсказа старательно избѣгая заявленія своего мнѣнія насчетъ тѣхъ фактовъ, которые онъ передавалъ. На нѣсколько времени Борисъ завладѣлъ общимъ вниманіемъ, и Анна Павловна чувствовала, что ея угощеніе новинкой было принято съ удовольствіемъ всѣми гостями. Болѣе всѣхъ вниманія къ разсказу Бориса выказала Эленъ. Она нѣсколько разъ спрашивала его о нѣкоторыхъ подробностяхъ его поѣздки и, казалось, весьма была заинтересована положеніемъ прусской арміи. Какъ только онъ кончилъ, она съ своей обычной улыбкой обратилась къ нему:

— Il faut absolument que vous veniez me voir [1]),—сказала она ему такимъ тономъ, какъ будто по нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя онъ не могъ знать, это было совершенно необходимо.

— Mardi entre les 8 et 9 heures. Vous me ferez grand plaisir [2]).

Борисъ обѣщалъ исполнить ея желаніе и хотѣлъ вступить съ ней въ разговоръ, когда Анна Павловна отозвала ее подъ предлогомъ тетушки, которая желала его слышать.

— Вы вѣдь знаете ея мужа?—сказала Анна Павловна, закрывъ глаза и грустнымъ жестомъ указывая на Эленъ. — Ахъ, это такая несчастная и прелестная женщина! Не говорите при ней о немъ, пожалуйста, не говорите. Ей слишкомъ тяжело.

VII.

Когда Борисъ и Анна Павловна вернулись къ общему кружку, разговоромъ въ немъ завладѣлъ князь Ипполитъ.

Онъ, выдвинувшись впередъ на креслѣ, сказалъ: Le Roi de Prusse! [3]) и, сказавъ это, засмѣялся. Всѣ обратились къ нему.

---

[1]) Необходимо нужно, чтобъ вы пріѣхали повидаться со мною.

[2]) Во вторникъ, между 8 и 9 часами. Вы мнѣ сдѣлаете большое удовольствіе.

[3]) Прусскій король.

— Le Roi de Prusse?—спросилъ Ипполитъ, опять засмѣялся и опять спокойно и серьезно усѣлся въ глубину кресла. Анна Павловна подождала его немного, но такъ какъ Ипполитъ рѣшительно, казалось, не хотѣлъ больше говорить, она начала рѣчь о томъ, какъ безбожный Бонапартъ похитилъ въ Потсдамѣ шпагу Фридриха Великаго.

— C'est l'épée de Fréderic le Grand, que je... [1]) — начала было она, но Ипполитъ перебилъ ее словами:

— Le Roi de Prusse...— и опять, какъ только къ нему обратились, извинился и замолчалъ.

Анна Павловна поморщилась. Mortemart, пріятель Ипполита, рѣшительно обратился къ нему:

— Voyons, à qui en avez-vous avec votre Roi de Prusse? [2])

Ипполитъ засмѣялся, какъ будто ему стыдно было своего смѣха.

— Non, ce n'est rien, je voulais dire seulement... [3]). (Онъ намѣренъ былъ повторить шутку, которую онъ слышалъ въ Вѣнѣ и которую онъ цѣлый вечеръ собирался помѣстить.) Je voulais dire seulement, que nous avons tort de faire la guerre *pour le Roi de Prusse* [4]).

Борисъ осторожно улыбнулся, такъ что его улыбка могла быть отнесена къ насмѣшкѣ или къ одобренію шутки, смотря по тому, какъ она будетъ принята. Всѣ засмѣялись.

— Il est très mauvais, votre jeu de mot, très spirituel, mais injuste, — грозя сморщеннымъ пальчикомъ, сказала Анна Павловна. — Nous ne faisons pas la guerre pour le Roi de Prusse, mais pour les bons principes. Ah, le méchant, ce prince Hippolyte [5]), — сказала она.

Разговоръ не утихалъ цѣлый вечеръ, обращаясь преимущественно около политическихъ новостей. Въ концѣ вечера онъ особенно оживился, когда дѣло зашло о наградахъ, пожалованныхъ государемъ.

— Вѣдь получилъ же въ прошломъ году N. N. табакерку съ портретомъ,—говорилъ l'homme à l'esprit profond,—почему же S. S. не можетъ получить той же награды?

---

1) Это шпага Фридриха Великаго, которую я...

2) Ну такъ что жъ о прусскомъ королѣ?

3) Нѣтъ, ничего, я только хотѣлъ сказать...

4) Я только хотѣлъ сказать, что мы напрасно воюемъ *pour le roi de Prusse* (непереводимая игра словъ, имѣющая значеніе: «по пустякамъ»).

5) Ваша игра словъ не хороша, очень умна, но несправедлива; мы не воюемъ *pour le roi de Prusse* (т.-е. по пустякамъ), а за добрыя начала. Ахъ, какой онъ злой, этотъ князь Ипполитъ!

— Je vous demande pardon, une tabatière avec le portrait de l'Empereur est une récompense, mais point une distinction,— сказалъ дипломатъ, — un cadeau plutôt [1]).

— Il y eu plutôt des antécédents, je vous citerai Schwarzenberg [2]).

— C'est impossible [3]), — возразилъ другой.

— Пари. Le grand cordon, c'est différent... [4]).

Когда всѣ поднялись, чтобъ уѣзжать, Эленъ, очень мало говорившая весь вечеръ, опять обратилась къ Борису съ просьбой и ласковымъ, значительнымъ приказаніемъ, чтобы онъ былъ у нея во вторникъ.

— Мнѣ это очень нужно, — сказала она съ улыбкой, оглядываясь на Анну Павловну, и Анна Павловна той грустной улыбкой, которая сопровождала ея слова при рѣчи о своей высокой покровительницѣ, подтвердила желаніе Эленъ.

Казалось, что въ этотъ вечеръ изъ какихъ-то словъ, сказанныхъ Борисомъ о прусскомъ войскѣ, Эленъ вдругъ открыла необходимость видѣть его. Она какъ будто обѣщала ему, что когда онъ пріѣдетъ во вторникъ, объяснитъ ему эту необходимость.

Пріѣхавъ во вторникъ вечеромъ въ великолѣпный салонъ Эленъ, Борисъ не получилъ яснаго объясненія, для чего было ему необходимо пріѣхать. Были другіе гости, графиня мало говорила съ нимъ, и только прощаясь, когда онъ цѣловалъ ея руку, она съ страннымъ отсутствіемъ улыбки, неожиданно, шопотомъ сказала ему: — Venez demain dîner... le soir. Il faut que vous veniez... Venez [5]).

Въ этотъ свой пріѣздъ въ Петербургъ Борисъ сдѣлался близкимъ человѣкомъ въ домѣ графини Безуховой.

VIII.

Война разгоралась, и театръ ея приближался къ русскимъ границамъ. Всюду слышались проклятія врагу рода человѣческаго—Бонапартію; въ деревняхъ собирались ратники и рекруты, и съ театра войны приходили разнорѣчивыя извѣстія, какъ всегда ложныя и потому различно перетолковываемыя.

---

[1]) Извините, табакерка съ портретомъ императора есть награда, а не отличіе; скорѣе подарокъ.

[2]) Были примѣры — Шварценбергъ.

[3]) Это невозможно!

[4]) Лента — это другое дѣло.

[5]) Пріѣзжайте завтра обѣдать... вечеромъ. Надо, чтобъ вы пріѣхали... Пріѣзжайте...

Жизнь стараго князя Болконскаго, князя Андрея и княжны Марьи во многомъ измѣнилась съ 1805 года.

Въ 1806 году старый князь былъ опредѣленъ однимъ изъ восьми главнокомандующихъ по ополченію, назначенныхъ тогда по всей Россіи. Старый князь, несмотря на свою старческую слабость, особенно сдѣлавшуюся замѣтной въ тотъ періодъ времени, когда онъ считалъ своего сына убитымъ, не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ должности, въ которую былъ опредѣленъ самимъ государемъ, и эта вновь открывшаяся ему дѣятельность возбудила и укрѣпила его. Онъ постоянно бывалъ въ разъѣздахъ по тремъ ввѣреннымъ ему губерніямъ; былъ до педантизма исполнителенъ въ своихъ обязанностяхъ, строгъ до жестокости съ своими подчиненными и самъ доходилъ до малѣйшихъ подробностей дѣла. Княжна Марья перестала уже брать у своего отца математическіе уроки и только по утрамъ, сопутствуемая кормилицей, съ маленькимъ княземъ Николаемъ (какъ звалъ его дѣдъ) входила въ кабинетъ отца, когда онъ былъ дома. Грудной князь Николай жилъ съ кормилицей и няней Савишной на половинѣ покойной княгини, и княжна Марья бо́льшую часть дня проводила въ дѣтской, замѣняя, какъ она умѣла, мать маленькому племяннику. M-lle Bourienne тоже, какъ казалось, страстно любила мальчика, и княжна Марья, часто лишая себя, уступала своей подругѣ наслажденіе нянчить маленькаго *ангела* (какъ называла она племянника) и играть съ нимъ.

У алтаря Лысогорской церкви была часовня надъ могилой маленькой княгини, и въ часовнѣ былъ поставленъ привезенный изъ Италіи мраморный памятникъ, изображавшій ангела, расправившаго крылья и готовящагося подняться на небо. У ангела была немного приподнята верхняя губа, какъ будто онъ сбирался улыбнуться, и однажды князь Андрей и княжна Марья, выходя изъ часовни, признались другъ другу, что, странно, лицо этого ангела напоминало имъ лицо покойницы. Но что было еще страннѣе и чего князь Андрей не сказалъ сестрѣ, было то, что въ выраженіи, которое далъ случайно художникъ лицу ангела, князь Андрей читалъ тѣ же слова кроткой укоризны, которыя онъ прочелъ тогда на лицѣ своей мертвой жены: «Ахъ, зачѣмъ вы это со мной сдѣлали?..»

Вскорѣ послѣ возвращенія князя Андрея старый князь отдѣлилъ сына и далъ ему Богучарово, большое имѣніе, находившееся въ 40 верстахъ отъ Лысыхъ Горъ. Частью по причинѣ тяжелыхъ воспоминаній, связанныхъ съ Лысыми Горами, частью потому, что не всегда князь Андрей чувствовалъ себя въ силахъ переносить характеръ отца, частью и потому, что ему нужно

было уединеніе, князь Андрей воспользовался Богучаровымъ, строился тамъ и проводилъ въ немъ бо́льшую часть времени.

Князь Андрей послѣ Аустерлицкой кампаніи твердо рѣшился никогда не служить болѣе въ военной службѣ; и когда началась война и всѣ должны были служить, онъ, чтобы отдѣлаться отъ дѣйствительной службы, принялъ должность подъ начальствомъ отца по сбору ополченія. Старый князь съ сыномъ какъ бы перемѣнились ролями послѣ кампаніи 1805 года. Старый князь, возбужденный дѣятельностью, ожидалъ всего хорошаго отъ настоящей кампаніи; князь Андрей, напротивъ, не участвуя въ войнѣ и въ тайнѣ души сожалѣя о томъ, видѣлъ одно дурное.

26 февраля 1807 года старый князь уѣхалъ по округу. Князь Андрей, какъ и большею частью во время отлучекъ отца, оставался въ Лысыхъ Горахъ. Маленькій Николушка былъ нездоровъ уже 4-ый день. Кучера, возившіе стараго князя, вернулись изъ города и привезли бумаги и письма князю Андрею.

Камердинеръ съ письмами, не заставъ молодого князя въ его кабинетѣ, прошелъ на половину княжны Марьи, но и тамъ его не было. Камердинеру сказали, что князь пошелъ въ дѣтскую.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, Петруша съ бумагами пришелъ,—сказала одна изъ дѣвушекъ - помощницъ няни, обращаясь къ князю Андрею, который сидѣлъ на маленькомъ дѣтскомъ стулѣ и дрожащими руками, хмурясь, капалъ изъ стклянки лѣкарство въ рюмку, налитую до половины водой.

— Что такое? — сказалъ онъ сердито и, неосторожно дрогнувъ рукой, перелилъ изъ стклянки въ рюмку лишнее количество капель. Онъ выплеснулъ лѣкарство изъ рюмки на полъ и опять спросилъ воды. Дѣвушка подала ему.

Въ комнатѣ стояла дѣтская кроватка, два сундука, два кресла, столъ и дѣтскіе столикъ и стульчикъ, тотъ, на которомъ сидѣлъ князь Андрей. Окна были завѣшены, а на столѣ горѣла одна свѣча, заставленная переплетенной нотной книгой, такъ, чтобы свѣтъ не падалъ на кроватку.

— Мой другъ, — обращаясь къ брату, сказала княжна Марья отъ кроватки, у которой она стояла, — лучше подождать... послѣ...

— Ахъ, сдѣлай милость, ты все говоришь глупости, ты и такъ все дожидалась — вотъ и дождалась, — сказалъ князь Андрей озлобленнымъ шопотомъ, видимо желая уколоть сестру.

— Мой другъ, право лучше не будить, онъ заснулъ, — умоляющимъ голосомъ сказала княжна.

Князь Андрей всталъ и на цыпочкахъ съ рюмкой подошелъ къ кроваткѣ.

— Или точно не будить?—сказалъ онъ нерѣшительно.

— Какъ хочешь — право... я думаю... а какъ хочешь, — сказала княжна Марья, видимо робѣя и стыдясь того, что ея мнѣніе восторжествовало. Она указала брату на дѣвушку, шопотомъ вызывавшую его.

Была вторая ночь, что они оба не спали, ухаживая за горѣвшимъ въ жару мальчикомъ. Всѣ сутки эти, не довѣряя своему домашнему доктору и ожидая того, за которымъ было послано въ городъ, они предпринимали то то, то другое средство. Измученные безсонницей и встревоженные, они сваливали другъ на друга свое горе, упрекали другъ друга и ссорились.

— Петруша съ бумагами отъ папеньки, — прошептала дѣвушка.

Князь Андрей вышелъ.

— Чортъ ихъ принесъ! — проговорилъ онъ и, выслушавъ словесныя приказанія отъ отца и взявъ подаваемые конверты и письмо отца, вернулся въ дѣтскую.

— Ну что? — спросилъ князь Андрей.

— Все то же, подожди, ради Бога. Карлъ Иванычъ всегда говоритъ, что сонъ всего дороже,—прошептала со вздохомъ княжна Марья.

Князь Андрей подошелъ къ ребенку и пощупалъ его. Онъ горѣлъ.

— Убирайтесь вы съ вашимъ Карломъ Иванычемъ! — Онъ взялъ рюмку съ накапанными въ нее каплями и опять подошелъ.

— André, не надо! — сказала княжна Марья.

Но онъ злобно и вмѣстѣ страдальчески нахмурился на нее и съ рюмкой нагнулся къ ребенку.

— Ну, я хочу этого, — сказалъ онъ. — Ну, я прошу тебя, дай ему.

Княжна Марья пожала плечами, но покорно взяла рюмку и, подозвавъ няньку, стала давать лѣкарство. Ребенокъ закричалъ и захрипѣлъ. Князь Андрей, сморщившись, взявъ себя за голову, вышелъ изъ комнаты и сѣлъ въ сосѣдней на диванѣ.

Письма все были въ его рукѣ. Онъ машинально открылъ ихъ и сталъ читать. Старый князь на синей бумагѣ своимъ крупнымъ, продолговатымъ почеркомъ, употребляя кое-гдѣ титлы, писалъ слѣдующее:

«Весьма радостное въ сей моментъ извѣстіе получилъ черезъ курьера, если не вранье. Бенигсенъ подъ Эйлау надъ Буонапартіемъ якобы полную викторію одержалъ. Въ Петербургѣ всѣ ликуютъ, и наградъ послано въ армію нѣтъ конца. Хотя нѣмецъ—

поздравляю. Корчевскій начальникъ, нѣкій Хандриковъ, не постигну, что дѣлаетъ: до сихъ поръ не доставлены добавочные люди и провіантъ. Сейчасъ скачи туда и скажи, что я съ него голову сниму, чтобы черезъ недѣлю все было. О Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи получилъ еще письмо отъ Петеньки, онъ участвовалъ, — все правда. Когда не мѣшаютъ, кому мѣшаться не слѣдуетъ, то и нѣмецъ побилъ Бонапартія. Сказываютъ, бѣжитъ весьма разстроенъ. Смотри жъ, немедля скачи въ Корчеву и исполни!»

Князь Андрей вздохнулъ и распечаталъ другой конвертъ. Это было на двухъ листочкахъ мелко исписанное письмо отъ Билибина. Онъ сложилъ его, не читая, и опять прочелъ письмо отца, кончавшееся словами: «скачи въ Корчеву и исполни!»

«Нѣтъ, ужъ извините, теперь не поѣду, пока ребенокъ не оправится», подумалъ онъ и, подошедъ къ двери, заглянулъ въ дѣтскую.

Княжна Марья все стояла у кроватки и тихо качала ребенка.

«Да, что, бишь, еще непріятное онъ пишетъ?» вспоминалъ князь Андрей содержаніе отцовскаго письма. «Да. Побѣду одержали наши надъ Бонапартомъ именно тогда, когда я не служу. Да, да, все подшучиваетъ надо мной... Ну, да на здоровье...» и онъ сталъ читать французское письмо Билибина. Онъ читалъ, не понимая половины, читалъ только для того, чтобы хоть на минуту перестать думать о томъ, о чемъ онъ слишкомъ долго исключительно и мучительно думалъ.

IX.

Билибинъ находился теперь въ качествѣ дипломатическаго чиновника при главной квартирѣ арміи и хотя и на французскомъ языкѣ, съ французскими шуточками и оборотами рѣчи, но съ исключительно-русскимъ безстрашіемъ передъ самоосужденіемъ и самоосмѣяніемъ описывалъ всю кампанію. Билибинъ писалъ, что его дипломатическая discrétion мучила его и что онъ былъ счастливъ, имѣя въ князѣ Андреѣ вѣрнаго корреспондента, которому онъ могъ изливать всю желчь, накопившуюся въ немъ при видѣ того, что творится въ арміи. Письмо это было старое, еще до Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія.

«Depuis nos grands succès d'Austerlitz vous savez, mon cher Prince», писалъ Билибинъ, «que je ne quitte plus les quartiers généraux. Décidément j'ai pris le goût de la guerre, et bien m'en a pris. Ce que j'ai vu ces trois mois, est incroyable.

«Je commence *ab ovo. L'ennemi du genre humain*, comme vous savez, s'attaque aux Prussiens. Les Prussiens sont nos fidèles alliés, qui ne nous ont trompés que trois fois depuis trois ans. Nous prenons fait et cause pour eux. Mais il se trouve que l'ennemi du genre humain ne fait nulle attention à nos beaux discours, et avec sa manière impolie et sauvage se jette sur les Prussiens sans leur donner le temps de finir la parade commencée, en deux tours de main les rosse à plate couture et va s'installer au palais de Potsdam.

«J'ai le plus vif désir, écrit le Roi de Prusse à Bonaparte, que V. M. soit accueillie et traitée dans mon palais d'une manière qui lui soit agréable et c'est avec empressement, que j'ai pris à cet effet toutes les mesures que les circonstances me permettaient. Puissé-je avoir réussi! Les généraux Prussiens se piquent de politesse onvers les Français et mettent bas les armes aux premières sommations.

«Le chef de la garnison de Glogau avec dix mille hommes demande au Roi de Prusse, ce qu'il doit faire s'il est sommé de se rendre?.. Tout cela est positif.

«Bref, espérant en imposer seulement par notre attitude militaire, il se trouve que nous voilà en guerre pour tout de bon, et ce qui plus est, en guerre sur nos frontières *avec* et *pour le Roi de Prusse*. Tout est au grand complet, il ne nous manque qu'une petite chose, c'est le général en chef. Comme il s'est trouvé que les succès d'Austerlitz auraient pu être plus décisifs si le général en chef eut été moins jeune, on fait la revue des octogénaires et entre Prosorofsky et Kamensky, on donne la préférence au dernier. Le général nous arrive en kibik à la manière Souvoroff, et est accueilli avec des acclamations de joie et de triomphe.

«Le 4 arrive le premier courrier de Pétersbourg. On apporte les malles dans le cabinet du maréchal, qui aime à faire tout par lui-même. On m'appelle pour aider à faire le triage des lettres et prendre celles qui nous sont destinées. Le maréchal nous regarde faire et attend les paquets qui lui sont adressés. Nous cherchons—il n'y en a point. Le maréchal devient impatient, se met lui-même à la besogne et trouve des lettres de l'Empereur pour le comte T., pour le prince V. et autres. Alors le voilà qui se met dans une de ses colères bleues. Il jette feu et flamme contre tout le monde, s'empare des lettres, les decachète et lit celles de l'Empereur adressées à d'autres. А, такъ со мною поступаютъ! Мнѣ довѣрія нѣтъ! А, за мной слѣдить велѣно, хорошо же; подите вонъ! Et il écrit le fameux ordre du jour au général Benigsen:

«Я раненъ, верхомъ ѣздить не могу, слѣдственно и командовать арміей. Вы корь д'арме вашъ привели разбитый въ Пултускъ: тутъ оно открыто, и безъ дровъ, и безъ фуража, потому пособить надо, и такъ какъ вчера сами отнеслись къ графу Буксгевдену, думать должно о ретирадѣ къ нашей границѣ, что и выполнить сегодня».

«Отъ всѣхъ моихъ поѣздокъ», écrit-il à l'Empereur, «получилъ ссадину отъ сѣдла, которая сверхъ прежнихъ перевозокъ моихъ совсѣмъ мнѣ мѣшаетъ ѣздить верхомъ и командовать такой обширной арміей, а потому я командованье оной сложилъ на старшаго по мнѣ генерала, графа Буксгевдена, отославъ къ нему все дежурство и все принадлежащее къ оному, совѣтовавъ имъ, если хлѣба не будетъ, ретироваться ближе во внутренность Пруссіи, потому что оставалось хлѣба только на одинъ день, а у иныхъ полковъ ничего, какъ о томъ дивизіонные командиры Остерманъ и Седморѣцкій объявили; а у мужиковъ все съѣдено; я и самъ, пока вылѣчусь, остаюсь въ гошпиталѣ въ Остроленкѣ. О числѣ котораго вѣдомость всеподданнѣйше подношу, донося, что если армія простоитъ въ нынѣшнемъ бивакѣ еще пятнадцать дней, то весной ни одного здороваго не останется.

«Увольте старика въ деревню, который и такъ обезславленъ остается, что не смогъ выполнить великаго и славнаго жребія, къ которому былъ избранъ. Всемилостивѣйшаго дозволенія вашего о томъ ожидать буду здѣсь при гошпиталѣ, дабы не играть роль *писарскую*, а не *командирскую* при войскѣ. Отлученіе меня отъ арміи ни малѣйшаго разглашенія не производитъ, что ослѣпшій отъѣхалъ отъ арміи. Таковыхъ, какъ я, въ Россіи тысячи».

«Le maréchal se fâche contre l'Empereur et nous punit tous; n'est-ce pas que c'est logique!

«Voilà le premier acte. Aux suivants l'intérêt et le ridicule montent comme de raison. Après le départ du maréchal il se trouve que nous sommes en vue de l'ennemi, et qu'il faut livrer bataille. Boukshevden est général en chef par droit d'ancienneté, mais le général Benigsen n'est pas de cet avis; d'autant plus qu'il est lui, avec son corps en vue de l'ennemi, et qu'il veut profiter de l'occasion d'une bataille «aus eigener Hand», comme disent les Allemands. Il la donne. C'est la bataille de Poultousk qui est sensée être une grande victoire, mais qui à mon avis ne l'est pas du tout. Nous autres, pekins, avons, comme vous savez, une très vilaine habitude de décider du gain ou de la perte d'une bataille. Celui qui s'est retiré après la bataille, l'a perdu, voilà ce que nous disons, et à ce titre nous avons perdu la bataille de Poultousk. Bref, nous nous retirons après la bataille, mais nous envoyons un

courrier à Pétersbourg, qui porte les nouvelles d'une victoire, et le général ne cède pas le commandement en chef à Boukshevden, espérant recevoir de Pétersbourg en reconnaissance de sa victoire le titre de général en chef. Pendant cet interrègne, nous commençons un plan de manoeuvres excessivement intéressant et original. Notre but ne consiste pas, comme il devrait l'être, à éviter ou à attaquer l'ennemi, mais uniquement à éviter le général Boukshevden, qui par droit d'ancienneté serait notre chef. Nous poursuivons ce but avec tant d'énergie, que même en passant une rivière qui n'est pas guéable, nous brûlons les ponts pour nous séparer de notre ennemi, qui, pour le moment, n'est pas Bonaparte, mais Boukshevden. Le général Boukshevden a manqué être attaqué et pris par des forces ennemies supérieures à cause d'une de nos belles manoeuvres qui nous sauvait de lui. Boukshevden nous poursuit—nous filons. A peine passe-t-il de notre côté de la rivière, que nous repassons de l'autre. A la fin notre ennemi Boukshevden nous attrappe et s'attaque à nous. Les deux généraux se fâchent. Il y a même une provocation en duel de la part de Boukshevden et une attaque d'épilepsie de la part de Benigsen. Mais au moment critique le courrier, qui porte la nouvelle de notre victoire de Poultousk, nous apporte de Pétersbourg notre nomination de général en chef, et le premier ennemi Boukshevden est enfoncé: nous pouvons penser au second, à Bonaparte. Mais ne voilà-t-il pas qu'à ce moment se lève devant nous un troisième ennemi, c'est le *православное* qui demande à grands cris du pain, de la viande, des souchary, du foin,—que sais-je! Les magasins sont vides, les chemins impraticables. Le православное se met à la maraude, et d'une manière dont la dernière campagne ne peut vous donner la moindre idée. La moitié des régiments forme des troupes libres, qui parcourent la contrée en mettant tout à feu et à sang. Les habitants sont ruinés de fond en comble, les hôpitaux regorgent de malades, et la disette est partout. Deux fois le quartier général a été attaqué par des troupes de maraudeurs, et le général en chef a été obligé lui-même de demander un bataillon pour les chasser. Dans une de ces attaques on m'a emporté ma malle vide et ma robe de chambre. L'Empereur veut donner le droit à tous les chefs de divisions de fusiller les maraudeurs, mais je crains fort que cela n'oblige une moitié de l'armée de fusiller l'autre» [1]).

---

[1]) «Со времени нашихъ блестящихъ успѣховъ въ Аустерлицѣ, вы знаете, мой милый князь, что я не покидаю болѣе главныхъ квартиръ. Рѣшительно я вошелъ во вкусъ войны, и тѣмъ очень доволенъ; то, что̀ я видѣлъ эти три мѣсяца, невѣроятно.

Князь Андрей сначала читалъ одними глазами, но потомъ невольно то, что̀ онъ читалъ (несмотря на то, что онъ зналъ, насколько должно было вѣрить Билибину), больше и больше начинало занимать его. Дочитавъ до этого мѣста, онъ смялъ письмо и бросилъ его. Не то, что̀ онъ прочелъ въ письмѣ, сердило его, но его сердило то, что эта тамошняя, чуждая для него, жизнь могла волновать его. Онъ закрылъ глаза, потеръ себѣ лобъ рукою, какъ будто изгоняя всякое участіе къ тому, что̀ онъ читалъ, и прислушался къ тому, что̀ дѣлалось въ дѣтской. Вдругъ ему показался за дверью какой-то странный звукъ. На него нашелъ страхъ; онъ боялся, не случилось ли чего съ ребенкомъ въ то время, какъ онъ читалъ письмо. Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери дѣтской и отворилъ ее.

Въ ту минуту, какъ онъ входилъ, онъ увидалъ, что нянька съ испуганнымъ видомъ спрятала что-то отъ него и что княжны Марьи уже не было у кроватки.

— Мой другъ, — послышался ему сзади отчаянный, какъ ему показалось, шопотъ княжны Марьи.

Какъ это часто бываетъ послѣ долгой безсонницы и долгаго волненія, на него нашелъ безпричинный страхъ; ему пришло въ голову, что ребенокъ умеръ. Все, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, казалось ему подтвержденіемъ его страха.

«Все кончено», подумалъ онъ, и холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ растерянно подошелъ къ кроваткѣ, увѣренный, что онъ найдетъ ее пустою, что нянька прятала мертваго

«Я начинаю ab ovo. *Врагъ рода человѣческаго,* вамъ извѣстный, атакуетъ пруссаковъ. Пруссаки—наши вѣрные союзники, которые насъ обманули только три раза въ три года. Мы все терпимъ изъ-за нихъ. Но оказывается, что *врагъ рода человѣческаго* не обращаетъ никакого вниманія на наши прелестныя рѣчи и съ своей неучтивой и дикой манерой бросается на пруссаковъ, не давая имъ времени кончить ихъ начатый парадъ, вдребезги разбиваетъ ихъ и поселяется въ Потсдамскомъ дворцѣ.

«Я очень желаю, — пишетъ прусскій король Бонапарту, — чтобы ваше величество были приняты въ моемъ дворцѣ самымъ пріятнѣйшимъ для васъ образомъ, и я съ особенною заботливостью сдѣлалъ для того всѣ нужныя распоряженія, насколько позволили обстоятельства. Весьма желаю, чтобъ я достигнулъ цѣли. Прусскіе генералы щеголяютъ учтивостью передъ французами и сдаются по первому требованію. Начальникъ гарнизона Глогау, съ десятью тысячами, спрашиваетъ у прусскаго короля, что ему дѣлать, если ему придется сдаваться. Все это положительно вѣрно. Словомъ, мы думали внушить имъ страхъ только положеніемъ нашихъ военныхъ силъ, но кончается тѣмъ, что мы вовлечены въ войну на нашей же границѣ и, главное, за прусскаго короля и за одно съ нимъ. Всего у насъ въ избыткѣ, недостаетъ только маленькой штучки, а именно — главнокомандующаго. Такъ какъ оказалось, что успѣхи Аустерлица могли бы быть положительнѣе, если бъ главнокомандующій былъ бы не такъ

ребенка. Онъ раскрылъ занавѣски, и долго его испуганные, разбѣгавшіеся глаза не могли отыскать ребенка. Наконецъ онъ увидалъ его: румяный мальчикъ, раскидавшись, лежалъ поперекъ кроватки, спустивъ голову ниже подушки, и во снѣ чмокалъ, перебирая губками, и ровно дышалъ.

Князь Андрей обрадовался, увидавъ мальчика, такъ, какъ будто бы онъ уже потерялъ его. Онъ нагнулся и, какъ учила его сестра, губами попробовалъ, есть ли жаръ у ребенка. Нѣжный лобъ былъ влаженъ, онъ дотронулся рукой до головы—даже волосы были мокры: такъ сильно вспотѣлъ ребенокъ. Не только онъ не умеръ, но теперь очевидно было, что кризисъ совершился и что онъ выздоровѣлъ. Ему хотѣлось схватить, смять, прижать къ своей груди это маленькое, безпомощное существо; онъ не смѣлъ этого сдѣлать. Онъ стоялъ надъ нимъ, оглядывая его голову, ручки, ножки, опредѣлявшіяся подъ одѣяломъ. Шорохъ послышался подлѣ него, и какая-то тѣнь показалась ему подъ пологомъ кроватки. Онъ не оглядывался и все, глядя въ лицо ребенка, слушалъ его ровное дыханіе. Темная тѣнь была княжна Марья, которая неслышными шагами подошла къ кроваткѣ, подняла пологъ и опустила его за собой. Князь Андрей, не оглядываясь, узналъ ее и протянулъ къ ней руку. Она сжала его руку.

— Онъ вспотѣлъ,—сказалъ князь Андрей.

— Я шла къ тебѣ, чтобы сказать это.

Ребенокъ во снѣ чуть пошевелился, улыбнулся и потерся лбомъ о подушку.

молодъ, то дѣлается обзоръ осьмидесятилѣтнихъ генераловъ, и между Прозоровскимъ и Каменскимъ выбираютъ послѣдняго. Генералъ пріѣзжаетъ къ намъ въ кибиткѣ по-суворовски, и его принимаютъ съ радостными и торжественными восклицаніями.

«4-го пріѣзжаетъ первый курьеръ изъ Петербурга. Приносятъ чемоданы въ кабинетъ фельдмаршала, который любитъ все дѣлать самъ. Меня зовутъ, чтобы помочь разобрать письма и взять тѣ, которыя назначены намъ. Фельдмаршалъ, предоставляя намъ это занятіе, ждетъ конвертовъ, адресованныхъ ему. Мы ищемъ—но ихъ не оказывается. Фельдмаршалъ начинаетъ волноваться, самъ принимается за работу и находитъ письма отъ государя къ графу Т., князю В. и другимъ. Онъ приходитъ въ сильнѣйшій гнѣвъ, выходитъ изъ себя, беретъ письма, распечатываетъ ихъ и читаетъ письма императора, адресованныя другимъ. Затѣмъ пишетъ знаменитый суточный приказъ генералу Бенигсену.

«Фельдмаршалъ сердится на государя и наказываетъ всѣхъ насъ: не правда ли, это логично!

«Вотъ первое дѣйствіе. При слѣдующихъ интересъ и забавность возрастаютъ, само собой разумѣется. Послѣ отъѣзда фельдмаршала оказывается, что мы въ виду непріятеля и необходимо дать сраженіе. Буксгевденъ—главнокомандующій по старшинству, но генералъ Бенигсенъ совсѣмъ не

Князь Андрей посмотрѣлъ на сестру. Лучистые глаза княжны Марьи, въ матовомъ полусвѣтѣ полога, блестѣли болѣе обыкновеннаго отъ счастливыхъ слезъ, которыя стояли въ нихъ. Княжна Марья потянулась къ брату и поцѣловала его, слегка зацѣпивъ за пологъ кроватки. Они погрозили другъ другу, еще постояли въ матовомъ свѣтѣ полога, какъ бы не желая разстаться съ этимъ міромъ, въ которомъ они втроемъ были отдѣлены отъ всего свѣта. Князь Андрей первый, путая волосы о кисею полога, отошелъ отъ кроватки.

— Да, это одно, чтó осталось мнѣ теперь,—сказалъ онъ со вздохомъ.

X.

Вскорѣ послѣ своего пріема въ братство масоновъ Пьеръ съ полнымъ написаннымъ для себя руководствомъ о томъ, чтó онъ долженъ былъ дѣлать въ своихъ имѣніяхъ, уѣхалъ въ Кіевскую губернію, гдѣ находилась большая часть его крестьянъ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, Пьеръ вызвалъ въ главную контору всѣхъ управляющихъ и объяснилъ имъ свои намѣренія и желанія. Онъ сказалъ имъ, что немедленно будутъ приняты мѣры для совершеннаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, что до тѣхъ поръ крестьяне не должны быть отягчаемы работой, что женщины съ дѣтьми не должны посылаться на работы, что крестьянамъ должна быть оказываема помощь, что наказанія

того же мнѣнія, тѣмъ болѣе, что онъ со своимъ корпусомъ находится въ виду непріятеля и хочетъ воспользоваться случаемъ дать сраженіе самостоятельно. Онъ его и даетъ.

«Это Пултуская битва, которая считается великой побѣдой, но которая совсѣмъ не такова, по моему мнѣнію. Мы, штатскіе, имѣемъ, какъ вы знаете, очень дурную привычку рѣшать вопросъ о выигрышѣ или проигрышѣ сраженія. Тотъ, кто отступилъ послѣ сраженія, тотъ проигралъ его, вотъ что мы говоримъ, и, судя по этому, мы проиграли Пултуское сраженіе. Однимъ словомъ, мы отступаемъ послѣ битвы, но посылаемъ курьера въ Петербургъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и генералъ Бенигсенъ не уступаетъ начальствованія надъ арміей генералу Буксгевдену, надѣясь получить изъ Петербурга въ благодарность за свою побѣду званіе главнокомандующаго. Во время этого междуцарствія мы начинаемъ очень оригинальный и интересный рядъ маневровъ. Планъ нашъ не состоитъ болѣе, какъ бы онъ долженъ былъ состоять, въ томъ, чтобы избѣгать или атаковать непріятеля, но только въ томъ, чтобы избѣгать генерала Буксгевдена, который по праву старшинства долженъ бы быть нашимъ начальникомъ. Мы преслѣдуемъ эту цѣль съ такой энергіей, что, даже переходя рѣку, на которой нѣтъ бродовъ, мы сжигаемъ мостъ, съ цѣлью отдалить отъ себя нашего врага, который въ настоящее время не Бонапартъ, но Буксгевденъ. Генералъ Буксгевденъ чуть-чуть не былъ атакованъ и взятъ превосходными непріятельскими силами вслѣдствіе одного изъ такихъ маневровъ, спасав-

должны быть употребляемы увѣщательныя, а не тѣлесныя, что въ каждомъ имѣніи должны быть учреждены больницы, пріюты и школы. Нѣкоторые управляющіе (тутъ были и полуграмотные экономы) слушали испуганно, предполагая смыслъ рѣчи въ томъ, что молодой графъ не доволенъ ихъ управленіемъ и утайкой денегъ; другіе, послѣ перваго страха, находили забавнымъ шепелявенье Пьера и новыя, неслыханныя ими слова; третьи находили просто удовольствіе послушать, какъ говоритъ баринъ; четвертые, самые умные, въ томъ числѣ и главноуправляющій, поняли изъ этой рѣчи то, какимъ образомъ надо обходиться съ бариномъ для достиженія своихъ цѣлей.

Главноуправляющій выразилъ большое сочувствіе намѣреніямъ Пьера; но замѣтилъ, что, кромѣ этихъ преобразованій, необходимо было вообще заняться дѣлами, которыя были въ дурномъ состояніи.

Несмотря на огромное богатство графа Безухова съ тѣхъ поръ, какъ Пьеръ получилъ его и получалъ, какъ говорили, 500 тысячъ годового дохода, онъ чувствовалъ себя гораздо менѣе богатымъ, чѣмъ когда онъ получалъ свои 10 тысячъ отъ покойнаго графа. Въ общихъ чертахъ онъ смутно чувствовалъ слѣдующій бюджетъ. Въ совѣтъ платилось около 80 тысячъ, по всѣмъ имѣніямъ; около 30 тысячъ стоило содержаніе подмосковной, московскаго дома и княженъ; около 15 тысячъ выходило на пенсіи, столько же на богоугодныя заведенія; гра-

---

шихъ насъ отъ него. Буксгевденъ насъ преслѣдуетъ — мы бѣжимъ. Только что онъ перейдетъ на нашу сторону рѣки, мы переходимъ на другую. Наконецъ врагъ нашъ Буксгевденъ ловитъ насъ и атакуетъ. Оба генерала сердятся, и дѣло доходитъ до вызова на дуэль со стороны Буксгевдена и припадка падучей болѣзни со стороны Бенигсена. Но въ самую критическую минуту курьеръ, который возилъ въ Петербургъ извѣстіе о Пултуской побѣдѣ, возвращается и привозитъ намъ назначеніе главнокомандующаго, и первый врагъ — Буксгевденъ — побѣжденъ. Мы теперь можемъ думать о второмъ врагѣ — Бонапартѣ. Но оказывается, что въ эту самую минуту возникаетъ передъ нами третій врагъ—*православное*, которое громкими возгласами требуетъ хлѣба, говядины, сухарей, сѣна, овса,—и мало ли чего еще! Магазины пусты, дороги непроходимы. Православное начинаетъ грабить, и грабежъ доходитъ до такой степени, о которой послѣдняя кампанія не могла вамъ дать ни малѣйшаго понятія. Половина полковъ образуютъ вольныя команды, которыя обходятъ страну и все предаютъ мечу и пламени. Жители разорены совершенно, больницы завалены больными, и вездѣ голодъ. Два раза мародеры нападали даже на главную квартиру, и главнокомандующій принужденъ былъ взять батальонъ солдатъ, чтобы прогнать ихъ. Въ одно изъ этихъ нападеній у меня унесли мой пустой чемоданъ и халатъ. Государь хочетъ дать право всѣмъ начальникамъ дивизіи разстрѣливать мародеровъ, но я очень боюсь, чтобы это не заставило одну половину войска разстрѣлять другую».

финѣ на прожитье посылалось 150 тысячъ; процентовъ платилось за долги около 70 тысячъ; постройка начатой церкви стоила эти два года около 10 тысячъ; остальное — около ста тысячъ—расходилось—онъ самъ не зналъ какъ, и почти каждый годъ онъ принужденъ былъ занимать. Кромѣ того, каждый годъ главноуправляющій писалъ то о пожарахъ, то о неурожаяхъ, то о необходимости перестроекъ фабрикъ и заводовъ. Итакъ, первое дѣло, представившееся Пьеру, было то, къ которому онъ менѣе всего имѣлъ способности и склонности — занятіе дѣлами.

Пьеръ съ главноуправляющимъ каждый день *занимался*. Но онъ чувствовалъ, что занятія его ни на шагъ не подвигали дѣла. Онъ чувствовалъ, что его занятія происходятъ независимо отъ дѣла, что они не цѣпляютъ за дѣло и не заставляютъ его двигаться. Съ одной стороны, главноуправляющій выставлялъ дѣла въ самомъ дурномъ свѣтѣ, показывая Пьеру необходимость уплачивать долги и предпринимать новыя работы силами крѣпостныхъ мужиковъ, на что Пьеръ не соглашался; съ другой стороны, Пьеръ требовалъ приступленія къ дѣлу освобожденія, на что управляющій выставлялъ необходимость прежде уплатить долгъ опекунскаго совѣта и потому невозможность быстраго исполненія.

Управляющій не говорилъ, что это совершенно невозможно; онъ предлагалъ для достиженія этой цѣли продажу лѣсовъ Костромской губерніи, продажу земель низовыхъ и крымскаго имѣнія. Но всѣ эти операціи въ рѣчахъ управляющаго связывались съ такой сложностью процессовъ, снятія запрещеній, истребованій, разрѣшеній и т. п., что Пьеръ терялся и только говорилъ ему: «Да, да, такъ и сдѣлайте».

Пьеръ не имѣлъ той практической цѣпкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дѣло, и потому онъ не любилъ его и только старался притвориться передъ управляющимъ, что онъ занятъ дѣломъ. Управляющій же старался притвориться передъ графомъ, что онъ считаетъ эти занятія весьма полезными для хозяина и для себя стѣснительными.

Въ большомъ городѣ нашлись знакомые; незнакомые поспѣшили познакомиться и радушно привѣтствовали вновь пріѣхавшаго богача, самаго большого владѣльца губерніи. Искушенія по отношенію главной слабости Пьера, той, въ которой онъ признался во время пріема въ ложу, тоже были такъ сильны, что Пьеръ не могъ воздержаться отъ нихъ. Опять цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы жизни Пьера проходили такъ же озабоченно и занято между вечерами, обѣдами, завтраками, балами, не давая ему времени опомниться, какъ и въ Петербургѣ. Вмѣсто новой

жизни, которую надѣялся повести Пьеръ, онъ жилъ все тою же прежнею жизнью, только въ другой обстановкѣ.

Изъ трехъ назначеній масонства Пьеръ сознавалъ, что онъ не исполнялъ того, которое предписывало каждому масону быть образцомъ нравственной жизни, и изъ семи добродѣтелей совершенно не имѣлъ въ себѣ двухъ: добронравія и любви къ смерти. Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что зато онъ исполнялъ другое назначеніе, — исправленія рода человѣческаго, и имѣлъ другія добродѣтели — любовь къ ближнему и въ особенности щедрость.

Весной 1807 года Пьеръ рѣшился ѣхать назадъ въ Петербургъ. По дорогѣ назадъ онъ намѣревался объѣхать всѣ свои имѣнія и лично удостовѣриться въ томъ, что̀ сдѣлано изъ того, что̀ имъ предписано, и въ какомъ положеніи находится теперь тотъ народъ, который ввѣренъ ему Богомъ и который онъ стремился облагодѣтельствовать.

Главноуправляющій, считавшій всѣ затѣи молодого графа почти безумствомъ, невыгодой для себя, для него, для крестьянъ, сдѣлалъ уступки. Продолжая дѣло освобожденія представлять невозможнымъ, онъ распорядился постройкой во всѣхъ имѣніяхъ большихъ зданій школъ, больницъ и пріютовъ для пріѣзда барина; вездѣ приготовилъ встрѣчи не пышно-торжественныя, которыя, онъ зналъ, не понравятся Пьеру, но именно такія религіозно-благодарственныя, съ образами и хлѣбомъ-солью, именно такія, которыя, какъ онъ понималъ барина, должны были подѣйствовать на графа и обмануть его.

Южная весна, покойное, быстрое путешествіе въ вѣнской коляскѣ и уединеніе дороги радостно дѣйствовали на Пьера. Имѣнія, въ которыхъ онъ не бывалъ еще, были одно живописнѣе другого; народъ вездѣ представлялся благоденствующимъ и трогательно благодарнымъ за сдѣланныя ему благодѣянія. Вездѣ были встрѣчи, которыя, хотя и приводили въ смущеніе Пьера, въ глубинѣ же души его вызывали радостное чувство. Въ одномъ мѣстѣ мужики подносили ему хлѣбъ-соль и образъ Петра и Павла и просили позволенія — въ честь его ангела Петра и Павла, въ знакъ любви и благодарности за сдѣланныя имъ благодѣянія—воздвигнуть на свой счетъ новый придѣлъ въ церкви. Въ другомъ мѣстѣ его встрѣтили женщины съ грудными дѣтьми, благодаря его за избавленіе отъ тяжелыхъ работъ. Въ третьемъ имѣніи его встрѣчалъ священникъ съ крестомъ, окруженный дѣтьми, которыхъ онъ, по милостямъ графа, обучалъ грамотѣ и религіи. Во всѣхъ имѣніяхъ Пьеръ видѣлъ своими глазами по одному плану воздвигавшіяся и воздвигнутыя уже каменныя зданія больницъ, школъ, богадѣленъ, которыя должны

были быть въ скоромъ времени открыты. Вездѣ Пьеръ видѣлъ отчеты управляющихъ о барщинскихъ работахъ, уменьшенныхъ противъ прежняго, и слышалъ за то трогательныя благодаренія депутацій крестьянъ въ синихъ кафтанахъ.

Пьеръ только не зналъ того, что тамъ, гдѣ ему подносили хлѣбъ-соль и строили придѣлъ Петра и Павла, было торговое село и ярмарка въ Петровъ день, что придѣлъ уже строился давно богачами-мужиками села, тѣми, которые явились къ нему, а что девять десятыхъ мужиковъ этого села были въ величайшемъ разореніи. Онъ не зналъ, что вслѣдствіе того, что перестали по его приказу посылать *ребятницъ*-женщинъ съ грудными дѣтьми на барщину, эти самыя ребятницы тѣмъ труднѣйшую работу несли на своей половинѣ. Онъ не зналъ, что священникъ, встрѣтившій его съ крестомъ, отягощалъ мужиковъ своими поборами и что собранные къ нему ученики со слезами были отдаваемы ему и за большія деньги были откупаемы родителями. Онъ не зналъ, что каменныя, по плану, зданія воздвигались своими рабочими и увеличили барщину крестьянъ, уменьшенную только на бумагѣ. Онъ не зналъ, что тамъ, гдѣ управляющій указывалъ ему по книгѣ на уменьшеніе по его волѣ оброка на одну треть, была наполовину прибавлена барщинская повинность. И потому Пьеръ былъ восхищенъ своимъ путешествіемъ по имѣніямъ и вполнѣ возвратился къ тому филантропическому настроенію, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Петербурга, и писалъ восторженныя письма своему наставнику-брату, какъ онъ называлъ великаго мастера.

«Какъ легко, какъ мало усилія нужно, чтобы сдѣлать такъ много добра», думалъ Пьеръ, «и какъ мало мы объ этомъ заботимся!»

Онъ счастливъ былъ выказываемою ему благодарностью, но стыдился, принимая ее. Эта благодарность напоминала ему, насколько онъ *еще больше* бы былъ въ состояніи сдѣлать для этихъ простыхъ, добрыхъ людей.

Главноуправляющій, весьма глупый и хитрый человѣкъ, совершенно понимая умнаго и наивнаго графа и играя имъ, какъ игрушкой, увидавъ дѣйствіе, произведенное на Пьера приготовленными пріемами, рѣшительнѣе обратился къ нему съ доводами о невозможности и, главное, ненужности освобожденія крестьянъ, которые и безъ того были совершенно счастливы.

Пьеръ въ тайнѣ своей души соглашался съ управляющимъ въ томъ, что трудно было представить себѣ людей, болѣе счастливыхъ, и что Богъ знаетъ, что̀ ожидало ихъ на волѣ; но Пьеръ, хотя и неохотно, настаивалъ на томъ, что̀ онъ считалъ справед-

ливымъ. Управляющій обѣщалъ употребить всѣ силы для исполненія воли графа, ясно понимая, что графъ никогда не будетъ въ состояніи повѣрить его не только въ томъ, употреблены ли всѣ мѣры для продажи лѣсовъ и имѣній, для выкупа изъ совѣта, но и никогда, вѣроятно, не спроситъ и не узнаетъ о томъ, какъ построенныя зданія стоятъ пустыми и крестьяне продолжаютъ давать работой и деньгами все то, что̀ они даютъ у другихъ, т.-е. все, что̀ они могутъ давать.

XI.

Въ самомъ счастливомъ состояніи духа возвращаясь изъ своего южнаго путешествія, Пьеръ исполнилъ свое давнишнее намѣреніе — заѣхать къ своему другу Болконскому, котораго онъ не видалъ два года.

Богучарово лежало въ некрасивой, плоской мѣстности, покрытой полями и срубленными и несрубленными еловыми и березовыми лѣсами. Барскій дворъ находился на концѣ прямой, по большой дорогѣ расположенной, деревни, за вновь вырытымъ, полно-налитымъ прудомъ, съ необросшими еще травой берегами, въ серединѣ молодого лѣса, между которымъ стояло нѣсколько сосенъ.

Барскій дворъ состоялъ изъ гумна, надворныхъ построекъ, конюшенъ, бани, флигеля и большого каменнаго дома съ полукруглымъ фронтономъ, который еще строился. Вокругъ дома былъ разсаженъ молодой садъ. Ограды и ворота были прочныя и новыя; подъ навѣсомъ стояли двѣ пожарныя трубы и бочка, выкрашенная зеленой краской; дороги были прямыя, мосты были крѣпкіе съ перилами. На всемъ лежалъ отпечатокъ аккуратности и хозяйственности. Встрѣтившіеся дворовые на вопросъ, гдѣ живетъ князь, указали на небольшой новый флигелекъ, стоящій у самаго края пруда. Старый дядька князя Андрея, Антонъ, высадилъ Пьера изъ коляски, сказалъ, что князь дома, и проводилъ его въ чистую маленькую прихожую.

Пьера поразила скромность маленькаго, хотя и чистенькаго домика послѣ тѣхъ блестящихъ условій, въ которыхъ послѣдній разъ онъ видѣлъ своего друга въ Петербургѣ. Онъ поспѣшно вошелъ въ пахнущую еще сосной, неотштукатуренную маленькую залу и хотѣлъ идти дальше, но Антонъ на цыпочкахъ пробѣжалъ впередъ и постучался въ дверь.

— Ну, что тамъ? — послышался рѣзкій, непріятный голосъ.

— Гость, — отвѣчалъ Антонъ.

— Проси подождать, — и послышался отодвинутый стулъ.

Пьеръ быстрыми шагами подошелъ къ двери и столкнулся лицомъ къ лицу съ выходившимъ къ нему нахмуреннымъ и постарѣвшимъ княземъ Андреемъ. Пьеръ обнялъ его и, поднявъ очки, цѣловалъ его въ щеки и близко смотрѣлъ на него.

— Вотъ не ждалъ, очень радъ, — сказалъ князь Андрей.

Пьеръ ничего не говорилъ; онъ удивленно, не спуская глазъ, смотрѣлъ на своего друга. Его поразила происшедшая перемѣна въ князѣ Андреѣ. Слова были ласковы, улыбка была на губахъ и лицѣ князя Андрея, но взглядъ былъ потухшій, мертвый, которому, несмотря на видимое желаніе, князь Андрей не могъ придать радостнаго и веселаго блеска. Не то, что похудѣлъ, поблѣднѣлъ, возмужалъ его другъ; но взглядъ этотъ и морщинка на лбу, выражавшіе долгое сосредоточеніе на чемъ-то одномъ, поражали и отчуждали Пьера, пока онъ не привыкъ къ нимъ.

При свиданіи послѣ долгой разлуки, какъ это всегда бываетъ, разговоръ долго не могъ установиться; они спрашивали и отвѣчали коротко о такихъ вещахъ, о которыхъ они сами знали, что надо было говорить долго. Наконецъ разговоръ сталъ понемногу останавливаться на прежде отрывочно сказанномъ, на вопросахъ о прошедшей жизни, о планахъ на будущее, о путешествіи Пьера, его занятіяхъ, о войнѣ и т. д. Та сосредоточенность и убитость, которую замѣтилъ Пьеръ во взглядѣ князя Андрея, теперь выражалась еще сильнѣе въ улыбкѣ, съ которою онъ слушалъ Пьера, въ особенности тогда, когда Пьеръ говорилъ съ одушевленіемъ радости о прошедшемъ или будущемъ. Какъ будто князь Андрей и желалъ бы, но не могъ принимать участія въ томъ, что́ онъ говорилъ. Пьеръ начиналъ чувствовать, что передъ княземъ Андреемъ восторженность, мечты, надежда на счастье и на добро неприличны. Ему совѣстно было высказывать всѣ свои новыя масонскія мысли, въ особенности подновленныя и возбужденныя въ немъ его послѣднимъ путешествіемъ. Онъ сдерживалъ себя, боялся быть наивнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему неудержимо хотѣлось поскорѣе показать своему другу, что онъ былъ теперь совсѣмъ другой, лучшій Пьеръ, чѣмъ тотъ, который былъ въ Петербургѣ.

— Я не могу вамъ сказать, какъ много я пережилъ за это время. Я самъ не узналъ бы себя.

— Да, много, много мы измѣнились съ тѣхъ поръ, — сказалъ князь Андрей.

— Ну, а вы? — спрашивалъ Пьеръ, — какіе ваши планы?

— Планы? — иронически повторилъ князь Андрей. — Мои планы? — повторилъ онъ, какъ бы удивляясь значенію такого

слова. — Да вотъ видишь, строюсь, хочу къ будущему году переѣхать совсѣмъ...

Пьеръ молча, пристально вглядывался въ состарѣвшееся лицо Андрея.

— Нѣтъ, я спрашиваю...—сказалъ Пьеръ, но князь Андрей перебилъ его:

— Да что про меня говорить... разскажи же, разскажи про свое путешествіе, про все, что́ ты тамъ надѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ?

Пьеръ сталъ разсказывать о томъ, что́ онъ сдѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ, стараясь какъ можно болѣе скрыть свое участіе въ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ имъ. Князь Андрей нѣсколько разъ подсказывалъ Пьеру впередъ то, что́ онъ разсказывалъ, какъ будто все то, что́ сдѣлалъ Пьеръ, была давно извѣстная исторія, и слушалъ не только не съ интересомъ, но даже какъ будто стыдясь за то, что́ разсказывалъ Пьеръ.

Пьеру стало неловко и даже тяжело въ обществѣ своего друга. Онъ замолчалъ.

— А вотъ что, душа моя,—сказалъ князь Андрей, которому, очевидно, было тоже тяжело и стѣснительно съ гостемъ, — я здѣсь на бивакахъ и пріѣхалъ только смотрѣть. Я нынче ѣду опять къ сестрѣ. Я тебя познакомлю съ ними. Да ты, кажется, знакомъ, — сказалъ онъ, очевидно занимая гостя, съ которымъ онъ не чувствовалъ теперь ничего общаго. — Мы поѣдемъ послѣ обѣда. А теперь хочешь посмотрѣть мою усадьбу?

Они вышли и проходили до обѣда, разговаривая о политическихъ новостяхъ и общихъ знакомыхъ, какъ люди, мало близкіе другъ къ другу. Съ нѣкоторымъ оживленіемъ и интересомъ князь Андрей говорилъ только объ устраиваемой имъ новой усадьбѣ и постройкѣ, но и тутъ, въ срединѣ разговора, на подмосткахъ, когда князь Андрей описывалъ Пьеру будущее расположеніе дома, онъ вдругъ остановился:

— Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего интереснаго, пойдемъ обѣдать и поѣдемъ.

За обѣдомъ зашелъ разговоръ о женитьбѣ Пьера.

— Я очень удивился, когда услышалъ объ этомъ, — сказалъ князь Андрей.

Пьеръ покраснѣлъ такъ же, какъ онъ краснѣлъ всегда при этомъ, и торопливо сказалъ:

— Я вамъ разскажу когда-нибудь, какъ это все случилось. Но вы знаете, что все это кончено и навсегда.

— Навсегда? — сказалъ князь Андрей. — Навсегда ничего не бываетъ.

— Но вы знаете, какъ это все кончилось? Слышали про дуэль?

— Да ты прошелъ и черезъ это!

— Одно, за чтó я благодарю Бога, это за то, что я не убилъ этого человѣка, — сказалъ Пьеръ.

— Отчего же? — сказалъ князь Андрей. — Убить злую собаку даже очень хорошо.

— Нѣтъ, убить человѣка нехорошо, несправедливо...

— Отчего же несправедливо?—повторилъ князь Андрей.—То, чтó справедливо и несправедливо, не дано судить людямъ. Люди вѣчно заблуждались и будутъ заблуждаться, и ни въ чемъ больше, какъ въ томъ, чтó они считаютъ справедливымъ и несправедливымъ.

— Несправедливо то, чтó есть зло для другого человѣка,— сказалъ Пьеръ, съ удовольствіемъ чувствуя, что въ первый разъ со времени его пріѣзда князь Андрей оживлялся и начиналъ говорить, и хотѣлъ высказать все то, чтó сдѣлало его такимъ, какимъ онъ былъ теперь.

— А кто тебѣ сказалъ, чтò такое зло для другого человѣка?— спросилъ онъ.

— Зло? Зло? — сказалъ Пьеръ. — Мы всѣ знаемъ, чтó такое зло для себя.

— Да, мы знаемъ, но то зло, которое я знаю для себя, я не могу сдѣлать другому человѣку, — все болѣе и болѣе оживляясь, говорилъ князь Андрей, видимо желая высказать Пьеру свой новый взглядъ на вещи. Онъ говорилъ по-французски. — Je ne connais dans la vie que deux maux bien réels: c'est le remord et la maladie Il n'est de bien que l'absence de ces maux [1]). Жить для себя, избѣгая только этихъ двухъ золъ: вотъ вся моя мудрость теперь.

— А любовь къ ближнему, а самопожертвованіе?—заговорилъ Пьеръ. — Нѣтъ, я съ вами не могу согласиться! Жить только такъ, чтобы не дѣлать зла, чтобы не раскаиваться, этого мало. Я жилъ такъ, я жилъ для себя и погубилъ свою жизнь. И только теперь, когда я живу, по крайней мѣрѣ стараюсь (изъ скромности поправился Пьеръ) жить для другихъ, только теперь я понялъ все счастье жизни. Нѣтъ, я не соглашусь съ вами, да и вы не думаете того, чтó вы говорите.

Князь Андрей молча глядѣлъ на Пьера и насмѣшливо улыбался.

---

[1]) Я знаю въ жизни только два настоящихъ несчастья: это—угрызеніе совѣсти и болѣзнь. И единственное благо есть отсутствіе этихъ золъ.

— Вотъ увидишь сестру, княжну Марью. Съ ней вы сойдетесь,—сказалъ онъ.—Можетъ-быть, ты правъ для себя,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного;—но каждый живетъ по-своему: ты жилъ для себя и говоришь, что этимъ чуть не погубилъ свою жизнь, а узналъ счастье только тогда, когда сталъ жить для другихъ. А я испыталъ противоположное. Я жилъ для славы. (Вѣдь что же слава? Та же любовь къ другимъ, желаніе сдѣлать для нихъ что-нибудь, желаніе ихъ похвалы.) Такъ я жилъ для другихъ и не почти, а совсѣмъ погубилъ свою жизнь. И съ тѣхъ поръ сталъ спокойнѣе, какъ живу для одного себя.

— Да какъ же жить для одного себя?—разгорячась, спросилъ Пьеръ.—А сынъ, а сестра, а отецъ?

— Да это все тотъ же я, это не другіе,—сказалъ князь Андрей,—а другіе, ближніе, le prochain, какъ вы съ княжной Марьей называете, это главный источникъ заблужденія и зла. *Le prochain* это тѣ, твои кіевскіе мужики, которымъ ты хочешь сдѣлать добро.

И онъ посмотрѣлъ на Пьера насмѣшливо-вызывающимъ взглядомъ. Онъ, видимо, вызывалъ Пьера.

— Вы шутите,—все болѣе и болѣе оживляясь, говорилъ Пьеръ.—Какое же можетъ быть заблужденіе и зло въ томъ, что я желалъ (очень мало и дурно исполнилъ), но желалъ сдѣлать добро, да и сдѣлалъ хотя кое-что? Какое же можетъ быть зло, что несчастные люди, наши мужики, люди такіе же, какъ мы, выростающіе и умирающіе безъ другого понятія о Богѣ и правдѣ, какъ обрядъ и безсмысленная молитва, будутъ поучаться въ утѣшительныхъ вѣрованіяхъ будущей жизни, возмездія, награды, утѣшенія? Какое же зло и заблужденіе въ томъ, что люди умираютъ отъ болѣзни безъ помощи, когда такъ легко матеріально помочь имъ, и я имъ дамъ лѣкаря и больницу, и пріютъ старику? И развѣ не ощутительное и не несомнѣнное благо то, что мужикъ, баба съ ребенкомъ не имѣютъ дня и ночи покоя, а я дамъ имъ отдыхъ и досугъ?..—говорилъ Пьеръ, торопясь и шепелявя.—И я это сдѣлалъ, хоть плохо, хоть немного, но сдѣлалъ кое-что для этого, и вы не только меня не разувѣрите въ томъ, что то, что̀ я сдѣлалъ, хорошо, но и не разувѣрите, чтобъ вы сами этого не думали. А главное,—продолжалъ Пьеръ,—я вотъ что̀ знаю и знаю вѣрно, что наслажденіе дѣлать это добро есть единственное вѣрное счастье жизни.

— Да, ежели такъ поставить вопросъ, то это другое дѣло,—сказалъ князь Андрей.—Я строю домъ, развожу садъ, а ты—больницы. И то и другое можетъ служить препровожденіемъ времени. А что̀ справедливо, что̀ — добро, предоставь судить

тому, кто все знаетъ, а не намъ. Ну, ты хочешь спорить,— прибабилъ онъ,— ну, давай.

Они вышли изъ-за стола и сѣли на крыльцо, замѣнявшее балконъ.

— Ну, давай спорить,— сказалъ князь Андрей.— Ты говоришь: школы,—продолжалъ онъ, загибая палецъ,— поученія и такъ далѣе, то-есть ты хочешь вывести его, — сказалъ онъ, указывая на мужика, снявшаго шапку, проходившаго мимо ихъ,— изъ его животнаго состоянія и дать ему нравственныхъ потребностей, а мнѣ кажется, что единственно возможное счастье есть счастье животное, а ты его-то хочешь лишить его. Я завидую ему, а ты хочешь его сдѣлать мною, но не давъ ему моихъ средствъ. Другое ты говоришь: облегчить его работу. А по-моему трудъ физическій для него есть такая же необходимость, такое же условіе его существованія, какъ для меня и для тебя трудъ умственный. Ты не можешь не думать. Я ложусь спать въ 3-емъ часу, мнѣ приходятъ мысли, и я не могу заснуть, ворочаюсь, не сплю до утра оттого, что я думаю и не могу не думать, какъ онъ не можетъ не пахать, не косить; иначе онъ пойдетъ въ кабакъ или сдѣлается боленъ. Какъ я не перенесу его страшнаго физическаго труда, я умру черезъ недѣлю, такъ онъ не перенесетъ моей физической праздности, онъ растолстѣетъ и умретъ. Третье,— что бишь еще ты сказалъ?—Князь Андрей загнулъ третій палецъ.—Ахъ, да, больницы, лѣкарства. У него ударъ, онъ умираетъ, а ты пустилъ ему кровь, вылѣчилъ. Онъ калѣкой будетъ ходить десять лѣтъ, всѣмъ въ тягость. Гораздо покойнѣе и проще ему умереть. Другіе родятся, и такъ ихъ много. Ежели бы ты жалѣлъ, что у тебя лишній работникъ пропалъ—какъ я смотрю на него, а то ты изъ любви же къ нему его хочешь лѣчить. А ему этого не нужно. Да и потомъ, что за воображеніе, что медицина кого-нибудь и когда-нибудь вылѣчивала! Убивать — такъ! — сказалъ онъ, злобно нахмурившись и отвернувшись отъ Пьера.

Князь Андрей высказывалъ свои мысли такъ ясно и отчетливо, что видно было, онъ не разъ думалъ объ этомъ, и онъ говорилъ охотно и быстро, какъ человѣкъ, долго не говорившій. Взглядъ его оживлялся тѣмъ больше, чѣмъ безнадежнѣе были его сужденія.

— Ахъ, это ужасно, ужасно!—сказалъ Пьеръ.—Я не понимаю только, какъ можно жить съ такими мыслями. На меня находили такія же минуты, это недавно было, въ Москвѣ и дорогой, но тогда я опускаюсь до такой степени, что я не живу,

все мнѣ гадко... главное, я самъ. Тогда я не ѣмъ, не умываюсь... Ну, какъ же вы?..

— Отчего же не умываться, это не чисто,—сказалъ князь Андрей.—Напротивъ, надо стараться сдѣлать свою жизнь какъ можно болѣе пріятной. Я живу и въ этомъ невиноватъ, стало-быть, надо какъ-нибудь получше, никому не мѣшая, дожить до смерти.

— Но чтó же васъ побуждаетъ жить съ такими мыслями? Будешь сидѣть не двигаясь, ничего не предпринимая...

— Жизнь и такъ не оставляетъ въ покоѣ. Я бы радъ ничего не дѣлать, а вотъ, съ одной стороны, дворянство здѣшнее удостоило меня чести избранія въ предводители: я насилу отдѣлался. Они не могли понять, что во мнѣ нѣтъ того, чтò нужно, нѣтъ этой извѣстной добродушной и озабоченной пошлости, которая нужна для этого. Потомъ вотъ этотъ домъ, который надо было построить, чтобы имѣть свой уголъ, гдѣ можно быть спокойнымъ. Теперь ополченіе.

— Отчего вы не служите въ арміи?

— Послѣ Аустерлица! — мрачно сказалъ князь Андрей.— Нѣтъ, покорно благодарю, я далъ себѣ слово, что служить въ дѣйствующей русской арміи я не буду. И не буду; ежели бы Бонапарте стоялъ тутъ, у Смоленска, угрожая Лысымъ Горамъ, и тогда бы я не сталъ служить въ русской арміи. Ну, такъ я тебѣ говорилъ, — успокоиваясь продолжалъ князь Андрей. — Теперь ополченіе, отецъ главнокомандующимъ 3-го округа, и единственное средство мнѣ избавиться отъ службы — быть при немъ.

— Стало-быть, вы служите?

— Служу.

Онъ помолчалъ немного.

— Такъ зачѣмъ же вы служите?

— А вотъ зачѣмъ. Отецъ мой одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего вѣка. Но онъ становится старъ, и онъ не то что жестокъ, но онъ слишкомъ дѣятельнаго характера. Онъ страшенъ своей привычкой къ неограниченной власти, и теперь этою властью, данною государемъ главнокомандующимъ надъ ополченіемъ. Ежели бы я два часа опоздалъ двѣ недѣли тому назадъ, онъ бы повѣсилъ протоколиста въ Юхновѣ,—сказалъ князь Андрей съ улыбкой.—Такъ я служу потому, что, кромѣ меня, никто не имѣетъ вліянія на отца, и я кое-гдѣ спасу его отъ поступка, отъ котораго бы онъ послѣ мучился.

— А, ну такъ вотъ видите!

— Да, mais ce n'est pas comme vous l'entendez [1]),—продолжалъ князь Андрей.—Я ни малѣйшаго добра не желалъ и не желаю этому мерзавцу-протоколисту, который укралъ какіе-то сапоги у ополченцевъ; я даже очень былъ бы доволенъ видѣть его повѣшеннымъ, но мнѣ жалко отца, то-есть опять себя же.

Князь Андрей все болѣе и болѣе оживлялся. Глаза его лихорадочно блестѣли въ то время, какъ онъ старался доказать Пьеру, что никогда въ его поступкѣ не было желанія добра ближнему.

— Ну, вотъ ты хочешь освободить крестьянъ,—продолжалъ онъ.—Это очень хорошо; но не для тебя (ты, я думаю, никого не засѣкалъ и не посылалъ въ Сибирь) и еще меньше для крестьянъ. Ежели ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь, то я думаю, что имъ отъ этого нисколько не хуже. Въ Сибири ведетъ онъ ту же свою скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживутъ, и онъ такъ же счастливъ, какъ и былъ прежде. А нужно это для тѣхъ людей, которые гибнутъ нравственно, наживаютъ себѣ раскаяніе, подавляютъ это раскаяніе и грубѣютъ отъ того, что у нихъ есть возможность казнить право и неправо. Вотъ кого мнѣ жалко и для кого бы я желалъ освободить крестьянъ. Ты, можетъ-быть, не видалъ, а я видѣлъ, какъ хорошіе люди, воспитанные въ этихъ преданіяхъ неограниченной власти, съ годами, когда они дѣлаются раздражительнѣе, дѣлаются жестоки, грубы, знаютъ это, не могутъ удержаться и все дѣлаются несчастнѣе и несчастнѣе.

Князь Андрей говорилъ это съ такимъ увлеченіемъ, что Пьеръ невольно подумалъ о томъ, что мысли эти наведены были Андрею его отцомъ.

Онъ ничего не отвѣчалъ ему.

— Такъ вотъ кого мнѣ жалко — человѣческаго достоинства, спокойствія совѣсти, чистоты, а не ихъ спинъ и лбовъ, которыхъ сколько ни сѣки, сколько ни бей, все останутся такими же спинами и лбами.

— Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ, я никогда не соглашусь съ вами, — сказалъ Пьеръ.

XII.

Вечеромъ князь Андрей и Пьеръ сѣли въ коляску и поѣхали въ Лысыя Горы. Князь Андрей, поглядывая на Пьера, прерывалъ изрѣдка молчаніе рѣчами, доказывавшими, что онъ находился въ хорошемъ расположеніи духа.

---

[1]) Но это не такъ, какъ вы это понимаете.

Онъ говорилъ ему, указывая на поля, о своихъ хозяйственныхъ усовершенствованіяхъ.

Пьеръ мрачно молчалъ, отвѣчая односложно, и казался погруженнымъ въ свои мысли.

Пьеръ думалъ о томъ, что князь Андрей несчастливъ, что онъ заблуждается, что онъ не знаетъ истиннаго свѣта и что Пьеръ долженъ придти на помощь ему, просвѣтить и поднять его. Но какъ только Пьеръ придумывалъ, какъ и что́ онъ станетъ говорить, онъ предчувствовалъ, что князь Андрей однимъ словомъ, однимъ аргументомъ уронитъ все въ его ученіи, и онъ боялся начать, боялся выставить на возможность осмѣянія свою любимую святыню.

— Нѣтъ, отчего же вы думаете, — вдругъ началъ Пьеръ, опуская голову и принимая видъ бодающагося быка,—отчего вы такъ думаете? Вы не должны такъ думать.

— Про что я думаю? — спросилъ князь Андрей съ удивленіемъ.

— Про жизнь, про назначеніе человѣка. Это не можетъ быть. Я такъ же думалъ, и меня спасло, вы знаете что? Масонство. Нѣтъ, вы не улыбайтесь. Масонство — это не религіозная, не обрядная секта, какъ и я думалъ, а масонство есть лучшее, единственное выраженіе лучшихъ, вѣчныхъ сторонъ человѣчества.

И онъ началъ излагать князю Андрею масонство, какъ онъ понималъ его. Онъ говорилъ, что масонство есть ученіе христіанства, освободившагося отъ государственныхъ и религіозныхъ оковъ; ученіе равенства, братства и любви.

— Только наше святое братство имѣетъ дѣйствительный смыслъ въ жизни; все остальное есть сонъ,—говорилъ Пьеръ.— Вы поймите, мой другъ, что внѣ этого союза все исполнено лжи и неправды, и я согласенъ съ вами, что умному и доброму человѣку ничего не остается, какъ только, какъ вы, доживать свою жизнь, стараясь только не мѣшать другимъ. Но усвойте себѣ наши основныя убѣжденія, вступите въ наше братство, дайте намъ себя, позвольте руководить собой, и вы сейчасъ почувствуете, какъ и я почувствовалъ, себя частью этой огромной, невидимой цѣпи, которой начало скрывается въ небесахъ,—говорилъ Пьеръ.

Князь Андрей молча, глядя передъ собой, слушалъ рѣчь Пьера. Нѣсколько разъ онъ, не разслышавъ отъ шума коляски, переспрашивалъ у Пьера неразслышанныя слова. По особенному блеску, загорѣвшемуся въ глазахъ князя Андрея, и по его молчанію Пьеръ видѣлъ, что слова его не напрасны, что князь

Андрей не перебьетъ его и не будетъ смѣяться надъ его словами.

Они подъѣхали къ разлившейся рѣкѣ, которую имъ надо было переѣзжать на паромѣ. Пока устанавливали коляску и лошадей, они прошли на паромъ.

Князь Андрей, облокотившись о перила, молча смотрѣлъ вдоль по блестящему отъ заходящаго солнца разливу.

— Ну, что же вы думаете объ этомъ?—спросилъ Пьеръ.— Что же вы молчите?

— Что я думаю? я слушаю тебя. Все это такъ, — сказалъ князь Андрей. — Но ты говоришь: вступи въ наше братство, и мы тебѣ укажемъ цѣль жизни и назначеніе человѣка, и законы, управляющіе міромъ. Да кто же мы—люди? Отчего же вы все знаете. Отчего я одинъ не вижу того, что́ вы видите? Вы видите на землѣ царство добра и правды, а я его не вижу.

Пьеръ перебилъ его.

— Вѣрите вы въ будущую жизнь? — спросилъ онъ.

— Въ будущую жизнь?—повторилъ князь Андрей, но Пьеръ не далъ ему времени отвѣтить и принялъ это повтореніе за отрицаніе, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ прежнія атеистическія убѣжденія князя Андрея.

— Вы говорите, что не можете видѣть царства добра и правды на землѣ. И я не видалъ его и его нельзя видѣть, ежели смотрѣть на нашу жизнь, какъ на конецъ всего. На *землѣ*, именно на этой землѣ (Пьеръ указалъ въ поле), нѣтъ правды— все ложь и зло; но въ мірѣ, во всемъ мірѣ есть царство правды, и мы теперь дѣти земли, а вѣчно дѣти всего міра. Развѣ я не чувствую въ своей душѣ, что я составляю часть этого огромнаго гармоническаго цѣлаго. Развѣ я не чувствую, что я въ этомъ огромномъ безчисленномъ количествѣ существъ, въ которомъ проявляется Божество,—высшая сила, какъ хотите,—что я составляю одно звено, одну ступень отъ низшихъ существъ къ высшимъ. Ежели я вижу, ясно вижу эту лѣстницу, которая ведетъ отъ растенія къ человѣку, то отчего же я предположу, что эта лѣстница прерывается со мною, а не ведетъ дальше и дальше. Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, какъ ничто не исчезаетъ въ мірѣ, но что я всегда буду и всегда былъ. Я чувствую, что, кромѣ меня, надо мной живутъ духи и что въ этомъ мірѣ есть правда.

— Да, это ученіе Гердера, —сказалъ князь Андрей, — но не то, душа моя, убѣдитъ меня, а жизнь и смерть, вотъ что убѣждаетъ. Убѣждаетъ то, что видишь дорогое тебѣ существо, которое связано съ тобой, передъ которымъ ты былъ виноватъ и

надѣялся оправдаться (князь Андрей дрогнулъ голосомъ и отвернулся), и вдругъ это существо страдаетъ, мучается и перестаетъ быть... Зачѣмъ? Не можетъ быть, чтобъ не было отвѣта! И я вѣрю, что онъ есть... Вотъ что убѣждаетъ, вотъ что убѣдило меня, — сказалъ князь Андрей.

— Ну да, ну да, — говорилъ Пьеръ, — развѣ не то же самое и я говорю!

— Нѣтъ. Я говорю только, что убѣждаютъ въ необходимости будущей жизни не доводы, а то, когда идешь въ жизни рука объ руку съ человѣкомъ, и вдругъ человѣкъ этотъ исчезнетъ *тамъ въ нигдѣ*, и ты самъ останавливаешься передъ этой пропастью и заглядываешь туда. И я заглянулъ...

— Ну, такъ что жъ! Вы знаете, что есть *тамъ* и что есть *кто-то*. Тамъ есть будущая жизнь. Кто-то есть Богъ.

Князь Андрей не отвѣчалъ. Коляска и лошади уже давно были выведены на другой берегъ и уже заложены, и ужъ солнце скрылось до половины, и вечерній морозъ покрывалъ звѣздами лужи у перевоза, а Пьеръ и Андрей, къ удивленію лакеевъ, кучеровъ и перевозчиковъ, еще стояли на паромѣ и говорили.

— Ежели есть Богъ и есть будущая жизнь, то есть истина, есть добродѣтель; и высшее счастье человѣка состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ достиженію ихъ. Надо жить, надо любить, надо вѣрить,—говорилъ Пьеръ,—что живемъ не нынче только, на этомъ клочкѣ земли, а жили и будемъ жить вѣчно, тамъ, во всемъ (онъ указалъ на небо).

Князь Андрей стоялъ, облокотившись на перила парома, и слушая Пьера, не спуская глазъ, смотрѣлъ на красный отблескъ солнца по синѣющему разливу. Пьеръ замолкъ. Было совершенно тихо. Паромъ давно присталъ, и только волны теченія съ слабымъ звукомъ ударялись о дно парома. Князю Андрею казалось, что это полосканье волнъ къ словамъ Пьера приговаривало: «правда, вѣрь этому».

Князь Андрей вздохнулъ и лучистымъ, дѣтскимъ, нѣжнымъ взглядомъ взглянулъ въ раскраснѣвшееся, восторженное, но все робкое передъ первенствующимъ другомъ лицо Пьера.

— Да, коли бы это такъ было!—сказалъ онъ.—Однако пойдемъ садиться,—прибавилъ князь Андрей и, выходя съ парома, онъ поглядѣлъ на небо, на которое указывалъ ему Пьеръ, и въ первый разъ послѣ Аустерлица онъ увидалъ то высокое, вѣчное небо, которое онъ видѣлъ, лежа на Аустерлицкомъ полѣ, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, чтó было въ немъ, вдругъ радостно и молодо проснулось въ его душѣ. Чувство это исчезло, какъ скоро князь Андрей вступилъ опять въ привычныя условія

жизни; но онъ зналъ, что это чувство, которое онъ не умѣлъ развить, жило въ немъ. Свиданіе съ Пьеромъ было для князя Андрея эпохой, съ которой началась хотя во внѣшности и та же самая, но во внутреннемъ мірѣ его новая жизнь.

XIII.

Уже смерклось, когда князь Андрей и Пьеръ подъѣхали къ главному подъѣзду Лысогорскаго дома. Въ то время, какъ они подъѣзжали, князь Андрей съ улыбкой обратилъ вниманіе Пьера на суматоху, происшедшую у задняго крыльца. Согнутая старушка, съ котомкой на спинѣ, и невысокій мужчина, въ черномъ одѣяніи и съ длинными волосами, увидавъ въѣзжавшую коляску, бросились бѣжать назадъ въ ворота. Двѣ женщины выбѣжали за ними, и всѣ четверо, оглядываясь на коляску, испуганно вбѣжали на заднее крыльцо.

— Это Машины Божьи люди,—сказалъ князь Андрей.—Они приняли насъ за отца. А это единственно, въ чемъ она не повинуется ему: онъ велитъ гонять этихъ странниковъ, а она принимаетъ ихъ.

— Да что такое Божьи люди?—спросилъ Пьеръ.

Князь Андрей не успѣлъ отвѣтить ему. Слуги вышли навстрѣчу, и онъ разспрашивалъ о томъ, гдѣ былъ старый князь и скоро ли ждутъ его.

Старый князь былъ еще въ городѣ, и его ждали каждую минуту.

Князь Андрей провелъ Пьера на свою половину, всегда въ полной исправности ожидавшую его въ домѣ его отца, и самъ пошелъ въ дѣтскую.

— Пойдемъ къ сестрѣ,—сказалъ князь Андрей, возвратившись къ Пьеру.—Я еще не видалъ ея, она теперь прячется и сидитъ съ своими Божьими людьми. Подѣломъ ей, она сконфузится, а ты увидишь Божьихъ людей. C'est curieux, ma parole [1]).

— Qu'est-ce que c'est que [2]) Божьи люди?—спросилъ Пьеръ.

— А вотъ увидишь.

Княжна Марья дѣйствительно сконфузилась и покраснѣла пятнами, когда вошли къ ней. Въ ея уютной комнатѣ съ лампадами передъ кіотами, на диванѣ, за самоваромъ сидѣлъ рядомъ съ ней молодой мальчикъ съ длиннымъ носомъ и длинными волосами и въ монашеской рясѣ.

---

[1]) Это любопытно, честное слово.

[2]) Что такое.

На креслѣ, подлѣ, сидѣла сморщенная, худая старушка съ кроткимъ выраженіемъ дѣтскаго лица.

— André, pourquoi ne pas m'avoir prévenu? [1])—сказала она съ кроткимъ упрекомъ, становясь передъ своими странниками, какъ насѣдка передъ цыплятами.

— Charmée de vous voir Je suis très contente de vous voir [2]), — сказала она Пьеру, въ то время какъ онъ цѣловалъ ея руку. Она знала его ребенкомъ, и теперь дружба его съ Андреемъ, его несчастье съ женой, а главное его доброе, простое лицо расположили ее къ нему. Она смотрѣла на него своими прекрасными, лучистыми глазами и, казалось, говорила: «я васъ очень люблю, но, пожалуйста, не смѣйтесь надъ *моими*». Обмѣнявшись первыми фразами привѣтствія, они сѣли.

— А, и Иванушка тутъ,—сказалъ князь Андрей, указывая улыбкой на молодого странника.

— André! — умоляюще сказала княжна Марья.

— Il faut que vous sachiez, que c'est une femme [3]),—сказалъ Андрей Пьеру.

— André, au nom de Dieu [4]),—повторила княжна Марья.

Видно было, что насмѣшливое отношеніе князя Андрея къ странникамъ и безполезное заступничество за нихъ княжны Марьи были привычныя, установившіяся между ними отношенія.

— Mais, ma bonne amie, — сказалъ князь Андрей, — vous devriez au contraire m'être reconnaissante de ce que j'explique à Pierre votre intimité avec ce jeune homme [5]).

— Vraiment? — сказалъ Пьеръ, любопытно и серьезно (за что особенно ему благодарна была княжна Марья) вглядываясь черезъ очки въ лицо Иванушки, который, понявъ, что рѣчь шла о немъ, хитрыми глазами оглядывалъ всѣхъ.

Княжна Марья совершенно напрасно смутилась за *своихъ*. Они нисколько не робѣли. Старушка, опустивъ глаза, но искоса поглядывая на вошедшихъ, опрокинувъ чашку вверхъ дномъ на блюдечко и положивъ подлѣ обкусанный кусочекъ сахара, спокойно и неподвижно сидѣла на своемъ креслѣ, ожидая, чтобы ей предложили еще чаю. Иванушка, попивая изъ блюдечка, исподлобья лукавыми, женскими глазами смотрѣлъ на молодыхъ людей.

---

[1]) Андрей, почему не предупредили меня?
[2]) Очень рада васъ видѣть. Я такъ довольна, что вижу васъ.
[3]) Знай, что это женщина.
[4]) Андрей, ради Бога.
[5]) Но, мой другъ, ты должна бы быть мнѣ благодарна, что я объясняю Пьеру твою близость къ этому молодому человѣку.

— Гдѣ, въ Кіевѣ была?—спросилъ старуху князь Андрей.

— Была, отецъ, — отвѣчала словоохотливо старуха,—на самое Рождество удостоилась у угодниковъ сообщиться святыхъ небесныхъ таинъ. А теперь изъ Колязина, отецъ, благодать великая открылась...

— Что жъ, Иванушка, съ тобой?

— Я самъ по себѣ иду, кормилецъ,—стараясь говорить басомъ, сказалъ Иванушка.—Только въ Юхновѣ съ Пелагеюшкой сошлись.

Пелагеюшка перебила своего товарища; ей, видно, хотѣлось разсказать то, что она видѣла.

— Въ Колязинѣ, отецъ, великая благодать открылась.

— Что жъ, мощи новыя? — спросилъ князь Андрей.

— Полно, Андрей,—сказала княжна Марья.—Не разсказывай, Пелагеюшка.

— Ни... что ты, мать, отчего не разсказывать? Я его люблю. Онъ добрый, Богомъ взысканный, онъ мнѣ, благодѣтель, 10 рублей далъ, я помню. Какъ была я въ Кіевѣ, и говоритъ мнѣ Кирюша, юродивый — истинно Божій человѣкъ, зиму и лѣто босой ходитъ. «Что ходишь», говоритъ, «не по своему мѣсту, въ Колязинъ иди, тамъ икона чудотворная, матушка Пресвятая Богородица открылась». Я съ тѣхъ словъ простилась угодниками и пошла.

Всѣ молчали, одна странница говорила мѣрнымъ голосомъ, втягивая въ себя воздухъ.

— Пришла, отецъ мой, мнѣ народъ и говоритъ: «благодать великая открылась, у матушки Пресвятой Богородицы муро изъ щечки каплетъ»...

— Ну, хорошо, хорошо, послѣ разскажешь,—краснѣя, сказала княжна Марья.

— Позвольте у нея спросить, — сказалъ Пьеръ.—Ты сама видѣла? — спросилъ онъ.

— Какъ же, отецъ, сама удостоилась. Сіяніе такое на ликѣ-то, какъ свѣтъ небесный, а изъ щечки у матушки такъ и каплетъ, такъ и каплетъ...

— Да вѣдь это обманъ,—наивно сказалъ Пьеръ, внимательно слушавшій странницу.

— Ахъ, отецъ, что говоришь!—съ ужасомъ сказала Пелагеюшка, за защитой обращаясь къ княжнѣ Марьѣ.

— Это обманываютъ народъ, — повторилъ онъ.

— Господи Іисусе Христе!—крестясь, сказала странница.— Охъ, не говори, отецъ. Такъ-то одинъ анаралъ не вѣрилъ, сказалъ: «монахи обманываютъ», да какъ сказалъ, такъ и ослѣпъ.

И приснилось ему, что приходитъ къ нему матушка Печерская и говоритъ: «увѣруй мнѣ, я тебя исцѣлю». Вотъ и сталъ проситься: «повези да повези меня къ ней». Это я тебѣ истинную правду говорю, сама видѣла. Привезли его слѣпого прямо къ ней, подошелъ, упалъ, говоритъ: «исцѣли! отдамъ тебѣ, говоритъ, въ чемъ царь жаловалъ». Сама видѣла, отецъ, звѣзда въ ней такъ и вдѣлана. Что жъ, прозрѣлъ. Грѣхъ говорить такъ. Богъ накажетъ, — поучительно обратилась она къ Пьеру.

— Какъ же звѣзда-то въ образѣ очутилась? — спросилъ Пьеръ.

— Въ генералы и матушку произвели? — сказалъ князь Андрей, улыбаясь.

Пелагеюшка вдругъ поблѣднѣла и всплеснула руками.

— Отецъ, отецъ, грѣхъ тебѣ, у тебя сынъ! — заговорила она, изъ блѣдности вдругъ переходя въ яркую краску. — Отецъ, что ты сказалъ такое, Богъ тебя прости. — Она перекрестилась. — Господи, прости его. Матушка, что жъ это?.. — обратилась она къ княжнѣ Марьѣ. Она встала и чуть не плача стала собирать свою сумочку. Ей, видно, было и страшно и стыдно, что она пользовалась благодѣяніями въ домѣ, гдѣ могли говорить это, и жалко, что надо было теперь лишиться благодѣяній этого дома.

— Ну, что вамъ за охота? — сказала княжна Марья. — Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?..

— Нѣтъ, вѣдь я шучу, Пелагеюшка, — сказалъ Пьеръ. — Princesse, ma parole, je n'ai pas voulu l'offenser [1]), я такъ только. Ты не думай, я пошутилъ, — говорилъ онъ, робко улыбаясь и желая загладить свою вину. — Вѣдь это я, а онъ такъ, пошутилъ только.

Пелагеюшка остановилась недовѣрчиво, но въ лицѣ Пьера была такая искренность раскаянія и князь Андрей такъ кротко смотрѣлъ то на Пелагеюшку, то на Пьера, что она понемногу успокоилась.

XIV.

Странница успокоилась и, наведенная опять на разговоръ, долго потомъ разсказывала про отца Амфилохія, который былъ такой святой жизни, что отъ ручки его ладаномъ пахло, и о томъ, какъ знакомые ей монахи, въ послѣднее ея странствіе въ Кіевъ, дали ей ключи отъ пещеръ и какъ она, взявъ съ собой сухарики, двое сутокъ провела въ пещерахъ съ угодниками.

---

[1]) Княжна, я, право, не хотѣлъ обидѣть ее.

«Помолюсь одному, почитаю, пойду къ другому. Сосну, опять пойду приложусь; и такая, матушка, тишина, благодать такая, что и на свѣтъ Божій выходить не хочется».

Пьеръ внимательно и серьезно слушалъ ее. Князь Андрей вышелъ изъ комнаты. И вслѣдъ за нимъ, оставивъ Божьихъ людей допивать чай, княжна Марья повела Пьера въ гостиную.

— Вы очень добры, — сказала она ему.

— Ахъ, я, право, не думалъ оскорбить ее, я такъ понимаю и высоко цѣню эти чувства!

Княжна Марья молча посмотрѣла на него и нѣжно улыбнулась.

— Вѣдь я васъ давно знаю и люблю какъ брата,—сказала она.—Какъ вы нашли Андрея?—спросила она поспѣшно, не давая ему времени сказать что-нибудь въ отвѣтъ на ея ласковыя слова.—Онъ очень безпокоитъ меня. Здоровье его зимой лучше, но прошлой весной рана открылась, и докторъ сказалъ, что онъ долженъ ѣхать лѣчиться. И нравственно я очень боюсь за него. Онъ не такой характеръ, какъ мы, женщины, чтобы выстрадать и выплакать свое горе. Онъ внутри себя носитъ его. Нынче онъ веселъ и оживленъ; но это вашъ пріѣздъ такъ подѣйствовалъ на него: онъ рѣдко бываетъ такимъ. Ежели бы вы могли уговорить его поѣхать за границу! Ему нужна дѣятельность, а эта ровная, тихая жизнь губитъ его. Другіе не замѣчаютъ, а я вижу.

Въ 10-мъ часу официанты бросились къ крыльцу, заслышавъ бубенчики подъѣзжавшаго экипажа стараго князя. Князь Андрей съ Пьеромъ тоже вышли на крыльцо.

— Это кто?—спросилъ старый князь, вылѣзая изъ кареты и увидавъ Пьера.

— А! очень радъ! Цѣлуй! — сказалъ онъ, узнавъ, кто былъ незнакомый молодой человѣкъ.

Старый князь былъ въ хорошемъ духѣ и обласкалъ Пьера.

Передъ ужиномъ князь Андрей, вернувшись назадъ въ кабинетъ отца, засталъ стараго князя въ горячемъ спорѣ съ Пьеромъ. Пьеръ доказывалъ, что придетъ время, когда не будетъ больше войны. Старый князь, подтрунивая, но не сердясь, оспаривалъ его.

— Кровь изъ жилъ выпусти, воды налей, тогда войны не будетъ. Бабьи бредни, бабьи бредни, — проговорилъ онъ, но все-таки ласково потрепалъ Пьера по плечу и подошелъ къ столу, у котораго князь Андрей, видимо не желая вступать въ разговоръ, перебиралъ бумаги, привезенныя княземъ изъ города. Старый князь подошелъ къ нему и сталъ говорить о дѣлахъ.

— Предводитель, Ростовъ-графъ, половины людей не доставилъ. Пріѣхалъ въ городъ, вздумалъ на обѣдъ звать,—я ему такой обѣдъ задалъ... А вотъ просмотри эту... Ну, братъ,— обратился князь Николай Андреичъ къ сыну, хлопая по плечу Пьера,—молодецъ твой пріятель, я его полюбилъ! Разжигаетъ меня. Другой и умныя рѣчи говоритъ, а слушать не хочется, а онъ вретъ, да разжигаетъ меня, старика. Ну, идите, идите,— сказалъ онъ,—можетъ-быть, приду, за ужиномъ вашимъ посижу. Опять поспорю. Мою дуру, княжну Марью, полюби,—прокричалъ онъ Пьеру изъ двери.

Пьеръ теперь только, въ свой пріѣздъ въ Лысыя Горы, оцѣнилъ всю силу и прелесть своей дружбы съ княземъ Андреемъ. Эта прелесть выразилась не столько въ его отношеніяхъ съ нимъ самимъ, сколько въ отношеніяхъ со всѣми родными и домашними. Пьеръ съ старымъ, суровымъ княземъ и съ кроткой и робкой княжной Марьей, несмотря на то, что онъ ихъ почти не зналъ, чувствовалъ себя сразу старымъ другомъ. Они всѣ уже любили его. Не только княжна Марья, подкупленная его кроткими отношеніями къ странницамъ, самымъ лучистымъ взглядомъ смотрѣла на него, но маленькій годовой князь Николай, какъ звалъ дѣдъ, улыбнулся Пьеру и пошелъ къ нему на руки. Михаилъ Ивановичъ, m-lle Bourienne съ радостными улыбками смотрѣли на него, когда онъ разговаривалъ съ старымъ княземъ.

Старый князь вышелъ ужинать: это было, очевидно, для Пьера. Онъ былъ съ нимъ оба дня его пребыванія въ Лысыхъ Горахъ чрезвычайно ласковъ и велѣлъ ему пріѣзжать къ себѣ.

Когда Пьеръ уѣхалъ и сошлись вмѣстѣ всѣ члены семьи, его стали судить, какъ это всегда бываетъ послѣ отъѣзда новаго человѣка, и, какъ это рѣдко бываетъ, всѣ говорили про него одно хорошее.

XV.

Возвратившись въ этотъ разъ изъ отпуска, Ростовъ въ первый разъ почувствовалъ и узналъ, до какой степени сильна была его связь съ Денисовымъ и со всѣмъ полкомъ.

Когда Ростовъ подъѣзжалъ къ полку, онъ испытывалъ чувство, подобное тому, которое онъ испытывалъ, подъѣзжая къ Поварскому дому. Когда онъ увидалъ перваго гусара въ разстегнутомъ мундирѣ своего полка, когда онъ узналъ рыжаго Дементьева, увидалъ коновязи рыжихъ лошадей, когда Лаврушка радостно закричалъ своему барину: «Графъ пріѣхалъ!» и лохматый Денисовъ, спавшій на постели, выбѣжалъ изъ землянки,

обнялъ его и офицеры сошлись къ пріѣзжему,—Ростовъ испытывалъ такое же чувство, какъ когда его обнимала мать, отецъ и сестры, и слезы радости, подступившія ему къ горлу, помѣшали ему говорить. Полкъ былъ тоже домъ, и домъ неизмѣнно милый и дорогой, какъ и домъ родительскій.

Явившись къ полковому командиру, получивъ назначеніе въ прежній эскадронъ, сходивши на дежурство и на фуражировку, войдя во всѣ маленькіе интересы полка и почувствовавъ себя лишеннымъ свободы и закованнымъ въ одну узкую неизмѣнную рамку, Ростовъ испыталъ то же успокоеніе, ту же опору и то же сознаніе того, что онъ здѣсь дома, на своемъ мѣстѣ, которыя онъ чувствовалъ и подъ родительскимъ кровомъ. Не было этой всей безурядицы вольнаго свѣта, въ которомъ онъ не находилъ себѣ мѣста и ошибался въ выборахъ; не было Сони, съ которой надо было или не надо было объясняться. Не было возможности ѣхать туда или не ѣхать туда; не было этихъ 24 часовъ сутокъ, которые столькими различными способами можно было употребить; не было этого безчисленнаго множества людей, изъ которыхъ никто не былъ ближе, никто не былъ дальше; не было этихъ неясныхъ и неопредѣленныхъ денежныхъ отношеній съ отцомъ, не было напоминанія объ ужасномъ проигрышѣ Долохову! Тутъ въ полку все было ясно и просто. Весь міръ былъ раздѣленъ на два неровные отдѣла: одинъ — нашъ Павлоградскій полкъ, а другой — все остальное. И до этого остальнаго не было никакого дѣла. Въ полку все было извѣстно: кто былъ поручикъ, кто ротмистръ, кто хорошій, кто дурной человѣкъ, а главное — товарищъ. Маркитантъ вѣритъ въ долгъ, жалованье получается въ треть; выдумывать и выбирать нечего, только не дѣлай ничего такого, что считается дурнымъ въ Павлоградскомъ полку; а пошлютъ, дѣлай то, что́ ясно и отчетливо опредѣлено и приказано, — и все будетъ хорошо.

Вступивъ снова въ эти опредѣленныя условія полковой жизни, Ростовъ испыталъ радость и успокоеніе, подобныя тѣмъ, которыя чувствуетъ усталый человѣкъ, ложась на отдыхъ. Тѣмъ отраднѣе была въ эту компанію полковая жизнь Ростову, что онъ послѣ проигрыша Долохову (поступка, котораго онъ, несмотря на всѣ утѣшенія родныхъ, не могъ простить себѣ) рѣшился служить не какъ прежде, а, чтобы загладить свою вину, служить хорошо и быть вполнѣ отличнымъ товарищемъ и офицеромъ, т.-е. прекраснымъ человѣкомъ, что представлялось столь труднымъ *въ міру,* а въ полку — столь возможнымъ.

Ростовъ со времени своего проигрыша рѣшилъ, что онъ въ пять лѣтъ заплатитъ этотъ долгъ родителямъ. Ему посылалось

по 10-ти тысячъ въ годъ, теперь же онъ рѣшился брать только двѣ, а остальныя предоставлять родителямъ для уплаты долга.

Армія наша послѣ неоднократныхъ отступленій, наступленій и сраженій при Пултускѣ, при Прейсишъ-Эйлау, сосредоточивалась около Бартенштейна. Ожидали пріѣзда государя къ арміи и начала новой кампаніи.

Павлоградскій полкъ, находившійся въ той части арміи, которая была въ походѣ 1805 года, укомплектовываясь въ Россіи, опоздалъ къ первымъ дѣйствіямъ кампаніи. Онъ не былъ ни подъ Пултускомъ, ни подъ Прейсишъ-Эйлау и во второй половинѣ кампаніи, присоединившись къ дѣйствующей арміи, былъ причисленъ къ отряду Платова.

Отрядъ Платова дѣйствовалъ независимо отъ арміи. Нѣсколько разъ павлоградцы были частями въ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ, захватывали плѣнныхъ и однажды отбили даже экипажи маршала Удино. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ павлоградцы нѣсколько недѣль простояли около разоренной до тла нѣмецкой пустой деревни, не трогаясь съ мѣста.

Была ростепель, грязь, холодъ, рѣки взломало, дороги сдѣлались непроѣздны; по нѣскольку дней не выдавали ни лошадямъ, ни людямъ провіанта. Такъ какъ подвозъ сдѣлался невозможенъ, то люди разсыпались по заброшеннымъ пустыннымъ деревнямъ отыскивать картофель, но уже и того находили мало.

Все было съѣдено, и всѣ жители разбѣжались; тѣ, которые оставались, были хуже нищихъ, и отнимать у нихъ уже было нечего, и даже мало жалостливые солдаты часто вмѣсто того, чтобы пользоваться отъ нихъ, отдавали имъ свое послѣднее.

Павлоградскій полкъ въ дѣлахъ потерялъ только двухъ раненыхъ; но отъ голоду и болѣзней потерялъ почти половину людей Въ госпиталяхъ умирали такъ вѣрно, что солдаты, больные лихорадкой и опухолью, происходившими отъ дурной пищи, предпочитали нести службу, черезъ силу волоча ноги во фронтѣ, чѣмъ отправляться въ больницы. Съ открытіемъ весны солдаты стали находить показавшееся изъ земли растеніе, похожее на спаржу, которое они называли почему-то Машкинъ сладкій корень, и разсыпались по лугамъ и полямъ, отыскивая этотъ Машкинъ сладкій корень (который былъ очень горекъ), саблями выкапывали его и ѣли, несмотря на приказаніе не ѣсть этого вреднаго растенія. Весною между солдатами открылась новая болѣзнь, опухоль рукъ, ногъ и лица, причину которой медики полагали въ употребленіи этого корня. Но, несмотря на запре-

щеніе, павлоградскіе солдаты эскадрона Денисова ѣли преимущественно Машкинъ сладкій корень, потому что уже вторую недѣлю растягивали послѣдніе сухари, выдавали только по полфунта на человѣка, а картофель въ послѣднюю посылку привезли мерзлый и проросшій.

Лошади питались тоже вторую недѣлю соломенными крышами съ домовъ, были безобразно худы и покрыты еще зимнею, клоками сбившеюся шерстью.

Несмотря на такое бѣдствіе, солдаты и офицеры жили точно такъ же, какъ и всегда; такъ же и теперь, хотя и съ блѣдными и опухлыми лицами и въ оборванныхъ мундирахъ, гусары строились къ расчетамъ, ходили на уборку, чистили лошадей, амуницію, таскали вмѣсто корма солому съ крышъ и ходили обѣдать къ котламъ, отъ которыхъ вставали голодные, подшучивая надъ своей гадкой пищей и своимъ голодомъ. Такъ же, какъ и всегда, въ свободное отъ службы время солдаты жгли костры, парились голые у огней, курили, отбирали, пекли проросшій, прѣлый картофель и разсказывали и слушали разсказы или о Потемкинскихъ и Суворовскихъ походахъ, или сказки объ Алешѣ-пройдохѣ или о поповомъ батракѣ Миколкѣ.

Офицеры такъ же, какъ и обыкновенно, жили по-двое, по-трое въ раскрытыхъ, полуразоренныхъ домахъ. Старшіе заботились о пріобрѣтеніи соломы и картофеля, вообще о средствахъ пропитанія людей, младшіе занимались, какъ всегда, кто картами (денегъ было много, хотя провіанта и не было), кто невинными играми — въ свайку и городки. Объ общемъ ходѣ дѣлъ говорили мало, частью оттого, что ничего положительнаго не знали, частью оттого, что смутно чувствовали, что общее дѣло войны шло плохо.

Ростовъ жилъ попрежнему съ Денисовымъ, и дружеская связь ихъ, со времени ихъ отпуска, стала еще тѣснѣе. Денисовъ никогда не говорилъ про домашнихъ Ростова, но по нѣжной дружбѣ, которую командиръ оказывалъ своему офицеру, Ростовъ чувствовалъ, что несчастная любовь стараго гусара къ Наташѣ участвовала въ этомъ усиліи дружбы. Денисовъ, видимо, старался какъ можно рѣже подвергать Ростова опасностямъ, берегъ его и послѣ дѣла особенно радостно встрѣчалъ его цѣлымъ и невредимымъ. На одной изъ своихъ командировокъ Ростовъ нашелъ въ заброшенной разоренной деревнѣ, куда онъ пріѣхалъ за провіантомъ, семейство старика-поляка и его дочери, съ груднымъ ребенкомъ. Они были раздѣты, голодны и не могли уйти и не имѣли средствъ выѣхать. Ростовъ привезъ ихъ въ свою стоянку, помѣстилъ въ своей квартирѣ и

нѣсколько недѣль, пока старикъ оправлялся, содержалъ ихъ. Товарищъ Ростова, разговорившись о женщинахъ, сталъ смѣяться Ростову, говоря, что онъ всѣхъ хитрѣе и что ему бы не грѣхъ познакомить товарищей съ спасенной имъ хорошенькой полькой. Ростовъ принялъ шутку за оскорбленіе и, вспыхнувъ, наговорилъ офицеру такихъ непріятныхъ вещей, что Денисовъ съ трудомъ могъ удержать обоихъ отъ дуэли. Когда офицеръ ушелъ и Денисовъ, самъ не знавшій отношеній Ростова къ полькѣ, сталъ упрекать его за вспыльчивость, Ростовъ сказалъ ему:

— Какъ ты хочешь... Она мнѣ, какъ сестра, и я не могу тебѣ описать, какъ это обидно мнѣ было... потому что... ну, оттого...

Денисовъ ударилъ его по плечу и быстро сталъ ходить по комнатѣ, не глядя на Ростова, что онъ дѣлывалъ въ минуты душевнаго волненія.

— Экая дуг'ацкая ваша пог'ода Г'остовская, — проговорилъ онъ, и Ростовъ замѣтилъ слезы на глазахъ Денисова.

XVI.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ войска оживились извѣстіемъ о пріѣздѣ государя къ арміи. Ростову не удалось попасть на смотръ, который дѣлалъ государь въ Бартенштейнѣ: павлоградцы стояли на аванпостахъ, далеко впереди Бартенштейна.

Они стояли биваками. Денисовъ съ Ростовымъ жили въ вырытой для нихъ солдатами землянкѣ, покрытой сучьями и дерномъ. Землянка была устроена слѣдующимъ, вошедшимъ тогда въ моду, способомъ: прорывалась канава въ полтора аршина ширины, два—глубины и три съ половиной—длины. Съ одного конца канавы дѣлались ступеньки, и это былъ сходъ, крыльцо; сама канава была комната, въ которой у счастливыхъ, какъ у эскадроннаго командира, въ дальней, противоположной ступенямъ сторонѣ на кольяхъ лежала доска—это былъ столъ. Съ обѣихъ сторонъ вдоль канавы была снята на аршинъ земля, и это были двѣ кровати и диваны. Крыша устраивалась такъ, что въ серединѣ можно было стоять, а на кровати даже можно было сидѣть, ежели подвинуться ближе къ столу. У Денисова, жившаго роскошно, потому что солдаты его эскадрона любили его, была еще доска въ фронтонѣ крышѣ, и въ этой доскѣ было разбитое, но склеенное стекло. Когда было очень холодно, то къ ступенямъ (въ пріемную, какъ называлъ Денисовъ эту часть балагана) приносили на желѣзномъ загнутомъ листѣ жаръ изъ сол-

датскихъ костровъ, и дѣлалось такъ тепло, что офицеры, которыхъ много всегда бывало у Денисова и Ростова, сидѣли въ однѣхъ рубашкахъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Ростовъ былъ дежурнымъ. Въ 8-мъ часу утра, вернувшись домой послѣ безсонной ночи, онъ велѣлъ принести жару, перемѣнилъ измокшее отъ дождя бѣлье, помолился Богу, напился чаю, согрѣлся, убралъ въ порядокъ вещи въ своемъ уголкѣ и на столѣ и съ обвѣтрившимъ, горѣвшимъ лицомъ, въ одной рубашкѣ легъ на спину, заложивъ руки подъ голову. Онъ пріятно размышлялъ о томъ, что на-дняхъ долженъ выйти ему слѣдующій чинъ за послѣднюю рекогносцировку, и ожидалъ куда-то вышедшаго Денисова. Ростову хотѣлось поговорить съ нимъ.

За шалашомъ послышался перекатывающійся крикъ Денисова, очевидно разгорячившагося. Ростовъ подвинулся къ окну посмотрѣть, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, и увидалъ вахмистра Топчеенко.

— Я тебѣ пг'иказывалъ не пускать ихъ жг'ать этотъ ког'ень, Машкинъ какой-то!—кричалъ Денисовъ.—Вѣдь я самъ видѣлъ, Лазаг'чукъ съ поля тащилъ.

— Я приказывалъ, ваше высокоблагородіе,—не слушаютъ,—отвѣчалъ вахмистръ.

Ростовъ опять легъ на свою кровать и съ удовольствіемъ подумалъ: «пускай его теперь возится, хлопочетъ, я свое дѣло отдѣлалъ и лежу—отлично!» Изъ-за стѣнки онъ слышалъ, что, кромѣ вахмистра, еще говорилъ Лаврушка, этотъ бойкій, плутоватый лакей Денисова. Лаврушка что-то разсказывалъ о какихъ-то подводахъ, сухаряхъ и быкахъ, которыхъ онъ видѣлъ, ѣздивши за провизіей.

За балаганомъ послышался опять удаляющійся крикъ Денисова и слова: «Сѣдлай! Втог'ой взводъ!»

«Куда это собрались?» подумалъ Ростовъ.

Черезъ пять минутъ Денисовъ вошелъ въ балаганъ, влѣзъ съ грязными ногами на кровать, сердито выкурилъ трубку, раскидалъ всѣ свои вещи, надѣлъ нагайку и саблю и сталъ выходить изъ землянки. На вопросъ Ростова — куда? — онъ сердито и неопредѣленно отвѣчалъ, что есть дѣло.

— Суди меня тамъ Богъ и великій государ'ь! — сказалъ Денисовъ, выходя, и Ростовъ услыхалъ, какъ за балаганомъ зашлепали по грязи ноги нѣсколькихъ лошадей. Ростовъ не позаботился даже узнать, куда поѣхалъ Денисовъ. Угрѣвшись въ своемъ углу, онъ заснулъ и передъ вечеромъ только вышелъ изъ балагана. Денисовъ еще не возвращался. Вечеръ разгулялся;

около сосѣдней землянки два офицера съ юнкеромъ играли въ свайку, съ смѣхомъ засаживая рѣдьки въ рыхлую грязную землю. Ростовъ присоединился къ нимъ. Въ серединѣ игры офицеры увидали подъѣзжавшія къ нимъ повозки: человѣкъ 15 гусаръ, на худыхъ лошадяхъ, слѣдовали за ними. Повозки, конвоируемыя гусарами, подъѣхали къ коновязямъ, и толпа гусаръ окружила ихъ.

— Ну, вотъ Денисовъ все тужилъ,—сказалъ Ростовъ,—вотъ провіантъ прибылъ.

— И то!—сказали офицеры.—То-то радешеньки солдаты!

Немного позади гусаръ ѣхалъ Денисовъ, сопутствуемый двумя пѣхотными офицерами, съ которыми онъ о чемъ-то разговаривалъ.

Ростовъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Я васъ предупреждаю, ротмистръ,—говорилъ одинъ изъ офицеровъ, худой, маленькій ростомъ и видимо озлобленный.

— Вѣдь сказалъ, что не отдамъ,—отвѣчалъ Денисовъ.

— Вы будете отвѣчать, ротмистръ, это буйство,—у своихъ транспорты отбивать! Наши два дня не ѣли.

— А мои двѣ недѣли не ѣли,—отвѣчалъ Денисовъ.

— Это разбой, отвѣтите, милостивый государь!—возвышая голосъ, повторилъ пѣхотный офицеръ.

— Да вы что ко мнѣ пг'истали? А?—крикнулъ Денисовъ, вдругъ разгорячась.—Отвѣчать буду я, а не вы, а вы тутъ не жужжите, пока цѣлы. Маг'шъ!—крикнулъ онъ на офицеровъ.

— Хорошо же!—не робѣя и не отъѣзжая, кричалъ маленькій офицеръ.—Разбойничать, такъ я вамъ...

— Къ чег'ту, маг'шъ скoг'ымъ шагомъ, пока цѣлъ.—И Денисовъ повернулъ лошадь къ офицеру.

— Хорошо, хорошо,—проговорилъ офицеръ съ угрозой и, повернувъ лошадь, поѣхалъ прочь рысью, трясясь на сѣдлѣ.

— Собака на забог'ѣ, живая собака на забог'ѣ,—сказалъ Денисовъ ему вслѣдъ — высшую насмѣшку кавалериста надъ верховымъ пѣхотнымъ — и, подъѣхавъ къ Ростову, расхохотался.

— Отбилъ у пѣхоты, отбилъ силой транспортъ!—сказалъ онъ. — Что жъ, не съ голоду же издыхать людямъ?

Повозки, которыя подъѣхали къ гусарамъ, были назначены въ пѣхотный полкъ, но, извѣстившись черезъ Лаврушку, что этотъ транспортъ идетъ одинъ, Денисовъ съ гусарами силой отбилъ его. Солдатамъ роздали сухарей вволю, подѣлились даже съ другими эскадронами.

На другой день полковой командиръ позвалъ къ себѣ Денисова и сказалъ ему, закрывъ раскрытыми пальцами глаза: «Я на это смотрю вотъ такъ, я ничего не знаю и дѣла не начну;

но совѣтую съѣздить въ штабъ и тамъ, въ провіантскомъ вѣдомствѣ, уладить это дѣло и, если возможно, расписаться, что получили столько-то провіанту; въ противномъ случаѣ требованіе записано на пѣхотный полкъ: дѣло поднимется и можетъ кончиться дурно».

Денисовъ прямо отъ полкового командира поѣхалъ въ штабъ съ искреннимъ желаніемъ исполнить его совѣтъ. Вечеромъ онъ возвратился въ свою землянку въ такомъ положеніи, въ которомъ Ростовъ еще никогда не видалъ своего друга. Денисовъ не могъ говорить и задыхался. Когда Ростовъ спрашивалъ его, что съ нимъ, онъ только хриплымъ и слабымъ голосомъ произносилъ непонятныя ругательства и угрозы.

Испуганный положеніемъ Денисова, Ростовъ предлагалъ ему раздѣться, выпить воды и послалъ за лѣкаремъ.

— Меня за г'азбой судить — охъ! Дай еще воды, — пускай судятъ, а буду, всегда буду подлецовъ бить, и госудаг'ю скажу. Льду дайте, — приговаривалъ онъ.

Пришедшій полковой лѣкарь сказалъ, что необходимо пустить кровь. Глубокая тарелка черной крови вышла изъ мохнатой руки Денисова, и тогда только онъ былъ въ состояніи разсказать все, что́ съ нимъ было.

— Пг'іѣзжаю,—разсказывалъ Денисовъ.—«Ну, гдѣ у васъ тутъ начальникъ?» Показали. Подождать не угодно ли. «У меня служба, я за 30 вег'стъ пг'іѣхалъ, мнѣ ждать некогда, доложи». Хог'ошо, выходитъ этотъ обег'ъ-вог'ъ: тоже вздумалъ учить меня: Это г'азбой!—«Г'азбой, говог'ю не тотъ дѣлаетъ, кто бег'етъ пг'овіантъ, чтобы ког'мить своихъ солдатъ, а тотъ, кто бег'етъ его, чтобъ класть въ каг'манъ!» Такъ не угодно ли молчать. «Хорошо». Г'аспишитесь, говог'итъ, у комиссіонег'а, а дѣло ваше пег'едастся по командѣ. Пг'ихожу къ комиссіонег'у. Вхожу— за столомъ... Кто же? Нѣтъ, ты подумай!.. Кто же насъ голодомъ мог'итъ,—закричалъ Денисовъ, ударяя кулакомъ больной руки по столу такъ крѣпко, что столъ чуть не упалъ и стаканы поскакали на немъ.—Телянинъ!! «Какъ, ты насъ съ голоду мог'ишь?!» Г'азъ, г'азъ по мог'дѣ, ловко такъ пг'ишлось... «А... г'аспг'отакой сякой», и... началъ катать. Зато натѣшился, могу сказать, — кричалъ Денисовъ, радостно и злобно изъ-подъ черныхъ усовъ оскаливая свои бѣлые зубы,—я бы убилъ его, кабы не отняли.

— Да что жъ ты кричишь, успокойся, — говорилъ Ростовъ: — вотъ опять кровь пошла. Постой же, перебинтовать надо.

Денисова перебинтовали и уложили спать. На другой день онъ проснулся веселый и спокойный.

Но въ полдень адъютантъ полка съ серьезнымъ и печальнымъ лицомъ пришелъ въ общую землянку Денисова и Ростова и съ прискорбіемъ показалъ форменную бумагу къ майору Денисову отъ полкового командира, въ которой дѣлались запросы о вчерашнемъ происшествіи. Адъютантъ сообщилъ, что дѣло должно принять весьма дурной оборотъ, что назначена военносудная комиссія и что при настоящей строгости касательно мародерства и своевольства войскъ, въ счастливомъ случаѣ, дѣло можетъ кончиться разжалованіемъ.

Дѣло представлялось со стороны обиженныхъ въ такомъ видѣ, что, послѣ отбитія транспорта, майоръ Денисовъ, безъ всякаго вызова, въ пьяномъ видѣ явился къ оберъ-провіантъ-мейстеру, назвалъ его воромъ, угрожалъ побоями, и когда былъ выведенъ вонъ, то бросился въ канцелярію, избилъ двухъ чиновниковъ и одному вывихнулъ руку.

Денисовъ, на новые вопросы Ростова, смѣясь сказалъ, что, кажется, тутъ точно другой какой-то подвернулся, но что все это вздоръ, пустяки, что онъ и не думаетъ бояться никакихъ судовъ, и что ежели эти подлецы осмѣлятся задрать его, онъ имъ отвѣтитъ такъ, что они будутъ помнить.

Денисовъ говорилъ пренебрежительно о всемъ этомъ дѣлѣ; но Ростовъ зналъ его слишкомъ хорошо, чтобы не замѣтить, что онъ въ душѣ (скрывая это отъ другихъ) боялся суда и мучился этимъ дѣломъ, которое, очевидно, должно было имѣть дурныя послѣдствія. Каждый день стали приходить бумаги-запросы, требованія къ суду, и перваго мая предписано было Денисову сдать старшему по себѣ эскадронъ и явиться въ штабъ дивизіи для объясненій по дѣлу о буйствѣ въ провіантской комиссіи. Наканунѣ этого дня Платовъ дѣлалъ рекогносцировку непріятеля съ двумя казачьими полками и двумя эскадронами гусаръ. Денисовъ, какъ всегда, выѣхалъ впередъ цѣпи, щеголяя своею храбростью. Одна изъ пуль, пущенныхъ французскими стрѣлками, попала ему въ мякоть верхней части ноги. Можетъ-быть, въ другое время Денисовъ съ такой легкой раной не уѣхалъ бы отъ полка, но теперь онъ воспользовался этимъ случаемъ, отказался отъ явки въ дивизію и уѣхалъ въ госпиталь.

XVII.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ произошло Фридландское сраженіе, въ которомъ не участвовали павлоградцы, и вслѣдъ за нимъ объявлено было перемиріе. Ростовъ, тяжело чувствовавшій отсутствіе своего друга, не имѣя со времени его отъѣзда никакихъ извѣстій

о немъ и безпокоясь о ходѣ его дѣла и раны, воспользовался перемиріемъ и отпросился въ госпиталь провѣдать Денисова.

Госпиталь находился въ маленькомъ прусскомъ мѣстечкѣ, два раза разоренномъ русскими и французскими войсками. Именно потому, что это было лѣтомъ, когда въ полѣ было такъ хорошо, мѣстечко это съ своими разломанными крышами и заборами и своими загаженными улицами, оборванными жителями и пьяными и больными солдатами, бродившими по немъ, представляло особенно мрачное зрѣлище.

Въ каменномъ домѣ, на дворѣ съ остатками разобраннаго забора, выбитыми частью рамами и стеклами, помѣщался госпиталь. Нѣсколько перевязанныхъ, блѣдныхъ и опухшихъ солдатъ ходили и сидѣли на дворѣ на солнышкѣ.

Какъ только Ростовъ вошелъ въ двери дома, его обхватилъ запахъ гніющаго тѣла и больницы. На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ военнаго русскаго доктора съ сигарою во рту. За докторомъ шелъ русскій фельдшеръ.

— Не могу же я разорваться,— говорилъ докторъ;—приходи вечеркомъ къ Макару Алексѣевичу, я тамъ буду.

Фельдшеръ что-то еще спросилъ у него.

— Э! Дѣлай какъ знаешь! Развѣ не все равно?— Докторъ увидалъ подымающагося на лѣстницу Ростова. — Вы зачѣмъ, ваше благородіе?— сказалъ докторъ.— Вы зачѣмъ? Или пуля васъ не брала, такъ вы тифу набраться хотите? Тутъ, батюшка, домъ прокаженныхъ.

— Отчего?— спросилъ Ростовъ.

— Тифъ, батюшка. Кто ни взойдетъ — смерть. Только мы двое съ Макеевымъ (онъ указалъ на фельдшера) тутъ треплемся. Тутъ ужъ нашего брата докторовъ человѣкъ пять перемерло. Какъ поступитъ новенькій, черезъ недѣльку готовъ,—съ видимымъ удовольствіемъ сказалъ докторъ.— Прусскихъ докторовъ вызывали, такъ не любятъ союзники-то наши.

Ростовъ объяснилъ ему, что онъ желалъ видѣть здѣсь лежащаго гусарскаго майора Денисова.

— Не знаю, не вѣдаю, батюшка. Вѣдь вы подумайте, у меня на одного три госпиталя, 400 больныхъ слишкомъ! Еще хорошо, прусскія дамы-благодѣтельницы намъ кофею и корпію присылаютъ по два фунта въ мѣсяцъ, а то бы пропали.—Онъ засмѣялся.—400, батюшка; а мнѣ все новенькихъ присылаютъ. Вѣдь 400 есть? А?— обратился онъ къ фельдшеру.

Фельдшеръ имѣлъ измученный видъ. Онъ, видимо, съ досадой дожидался, скоро ли уйдетъ заболтавшійся докторъ.

— Майоръ Денисовъ,—повторилъ Ростовъ,—онъ подъ Молитеномъ раненъ былъ.

— Кажется, умеръ. А, Макеевъ? — равнодушно спросилъ докторъ у фельдшера.

Фельдшеръ, однако, не подтвердилъ словъ доктора.

— Что, онъ такой длинный, рыжеватый?—спросилъ докторъ.

Ростовъ описалъ наружность Денисова.

— Былъ, былъ такой,—какъ бы радостно проговорилъ докторъ,—этотъ, должно-быть, умеръ, а впрочемъ, я справлюсь, у меня списки были. Есть у тебя, Макеевъ?

— Списки у Макара Алексѣича,—сказалъ фельдшеръ.—А пожалуйте въ офицерскія палаты, тамъ сами увидите,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Ростову.

— Эхъ, лучше не ходить, батюшка,—сказалъ докторъ,—а то какъ бы сами тутъ не остались.

Но Ростовъ откланялся доктору и попросилъ фельдшера проводить его.

— Не пенять же, чуръ, на меня,—прокричалъ докторъ изъ-подъ лѣстницы.

Ростовъ съ фельдшеромъ вошли въ коридоръ. Больничный запахъ былъ такъ силенъ въ этомъ темномъ коридорѣ, что Ростовъ схватился за носъ и долженъ былъ остановиться, чтобы собраться съ силами и идти дальше. Направо отворилась дверь, и оттуда высунулся на костыляхъ худой, желтый человѣкъ, босой и въ одномъ бѣльѣ. Онъ, опершись о притолку, блестящими, завистливыми глазами поглядѣлъ на проходящихъ. Заглянувъ въ дверь, Ростовъ увидалъ, что больные и раненые лежали тамъ на полу, на соломѣ и шинеляхъ.

— А можно войти посмотрѣть?—спросилъ Ростовъ.

— Что же смотрѣть?—сказалъ фельдшеръ.

Но именно потому, что фельдшеръ, очевидно, не желалъ впустить туда, Ростовъ вошелъ въ солдатскія палаты. Запахъ, къ которому онъ уже успѣлъ придышаться въ коридорѣ, здѣсь былъ еще сильнѣе. Запахъ этотъ здѣсь нѣсколько измѣнился; онъ былъ рѣзче, и чувствительно было, что отсюда-то именно онъ и происходилъ.

Въ длинной комнатѣ, ярко освѣщенной солнцемъ въ большія окна, въ два ряда, головами къ стѣнамъ и оставляя проходъ посрединѣ, лежали больные и раненые. Большая часть изъ нихъ были въ забытьи и не обратили вниманія на вошедшихъ. Тѣ, которые были въ памяти, всѣ приподнялись или подняли свои худыя, желтыя лица, и всѣ съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ надежды на помощь, упрека и зависти къ чужому

здоровью, не спуская глазъ, смотрѣли на Ростова. Ростовъ вышелъ на середину комнаты, заглянулъ въ сосѣднія двери комнатъ съ растворенными дверями и съ обѣихъ сторонъ увидалъ то же самое. Онъ остановился, молча оглядываясь вокругъ себя. Онъ никакъ не ожидалъ видѣть это. Передъ самымъ имъ лежалъ почти поперекъ средняго прохода на голомъ полу больной, вѣроятно казакъ, потому что волосы его были обстрижены въ скобку. Казакъ этотъ лежалъ навзничь, раскинувъ огромныя руки и ноги. Лицо его было багрово-красно, глаза совершенно закачены, такъ что видны были одни бѣлки, и на босыхъ ногахъ его и на рукахъ, еще красныхъ, жилы напружились какъ веревки. Онъ стукнулся затылкомъ объ полъ и что-то хрипло проговорилъ и сталъ повторять это слово. Ростовъ прислушался къ тому, что онъ говорилъ, и разобралъ повторяемое имъ слово. Слово это было: «Испить—пить—испить!» Ростовъ оглянулся, отыскивая того, кто бы могъ уложить на мѣсто этого больного и дать ему воды.

— Кто тутъ ходитъ за больными?—спросилъ онъ фельдшера.

Въ это время изъ сосѣдней комнаты вышелъ фурштадтскій солдатъ, больничный служитель, и, отбивая шагъ, вытянулся передъ Ростовымъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! — прокричалъ этотъ солдатъ, выкатывая глаза на Ростова и, очевидно, принимая его за больничное начальство.

— Убери же его, дай ему воды,—сказалъ Ростовъ, указывая на казака.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе, — съ удовольствіемъ проговорилъ солдатъ, еще старательнѣе выкатывая глаза и вытягиваясь, но не трогаясь съ мѣста.

«Нѣтъ, тутъ ничего не сдѣлаешь», подумалъ Ростовъ, опустивъ глаза, и хотѣлъ уже выходить, но съ правой стороны онъ чувствовалъ устремленный на себя значительный взглядъ и оглянулся на него. Почти въ самомъ углу на шинели сидѣлъ съ желтымъ, какъ скелетъ, худымъ, строгимъ лицомъ и небритой сѣдой бородой старый солдатъ и упорно смотрѣлъ на Ростова. Съ одной стороны сосѣдъ стараго солдата что-то шепталъ ему, указывая на Ростова. Ростовъ понялъ, что старикъ намѣренъ о чемъ-то просить его. Онъ подошелъ ближе и увидалъ, что у старика была согнута только одна нога, а другой совсѣмъ не было выше колѣна. Другой сосѣдъ старика, неподвижно лежавшій съ закинутою головой, довольно далеко отъ него, былъ молодой солдатъ съ восковою блѣдностью на курносомъ, покры-

томъ еще веснушками, лицѣ и съ закаченными подъ вѣки глазами. Ростовъ поглядѣлъ на курносаго солдата, и морозъ пробѣжалъ по его спинѣ.

— Да вѣдь этотъ, кажется...—обратился онъ къ фельдшеру.

— Ужъ какъ просили, ваше благородіе,—сказалъ старый солдатъ съ дрожаніемъ нижней челюсти. — Еще утромъ кончился. Вѣдь тоже люди, а не собаки...

— Сейчасъ пришлю, уберутъ, уберутъ,—поспѣшно сказалъ фельдшеръ.—Пожалуйте, ваше благородіе.

— Пойдемъ, пойдемъ,—поспѣшно сказалъ Ростовъ, и, опустивъ глаза и сжавшись, стараясь пройти незамѣченнымъ сквозь строй этихъ укоризненныхъ и завистливыхъ глазъ, устремленныхъ на него, онъ вышелъ изъ комнаты.

XVIII.

Пройдя коридоръ, фельдшеръ ввелъ Ростова въ офицерскія палаты, состоявшія изъ трехъ, съ растворенными дверями, комнатъ. Въ комнатахъ этихъ были кровати; раненые и больные офицеры лежали и сидѣли на нихъ. Нѣкоторые въ больничныхъ халатахъ ходили по комнатамъ. Первое лицо, встрѣтившееся Ростову въ офицерскихъ палатахъ, былъ маленькій, худой человѣчекъ безъ руки, въ колпакѣ и больничномъ халатѣ, съ закушенной трубочкой, ходившій въ первой комнатѣ. Ростовъ, вглядываясь въ него, старался вспомнить, гдѣ онъ его видѣлъ.

— Вотъ гдѣ Богъ привелъ свидѣться, — сказалъ маленькій человѣкъ.—Тушинъ, Тушинъ, помните довезъ васъ подъ Шенграбеномъ? А мнѣ кусочекъ отрѣзали, вотъ... — сказалъ онъ улыбаясь, показывая на пустой рукавъ халата.—Василья Дмитріевича Денисова ищете,—сожитель!—сказалъ онъ, узнавъ, кого нужно было Ростову.—Здѣсь, здѣсь,—и Тушинъ повелъ его въ другую комнату, изъ которой слышался хохотъ нѣсколькихъ голосовъ.

«И какъ они могутъ не только хохотать, но жить тутъ?» думалъ Ростовъ, все слыша еще этотъ запахъ мертваго тѣла, котораго онъ набрался еще въ солдатскомъ госпиталѣ, и все еще видя вокругъ себя эти завистливые взгляды, провожавшіе его съ обѣихъ сторонъ, и лицо этого молодого солдата съ закаченными глазами.

Денисовъ, закрывшись съ головой одѣяломъ, спалъ на постели, несмотря на то, что былъ 12-й часъ дня.

— А, Г'остовъ! Здог'ово, здог'ово,—закричалъ онъ все тѣмъ же голосомъ, какъ бывало и въ полку; но Ростовъ съ грустью замѣтилъ, какъ за этой привычной развязностью и оживленностью какое-то новое, дурное, затаенное чувство проглядывало въ выраженіи лица, въ интонаціяхъ и словахъ Денисова.

Рана его, несмотря на свою ничтожность, все еще не заживала, хотя уже прошло шесть недѣль, какъ онъ былъ раненъ. Въ лицѣ его была та же блѣдная опухлость, которая была на всѣхъ госпитальныхъ лицахъ. Но не это поразило Ростова; его поразило то, что Денисовъ какъ будто не радъ былъ ему и неестественно ему улыбался. Денисовъ не разспрашивалъ ни про полкъ ни про общій ходъ дѣла. Когда Ростовъ говорилъ про это, Денисовъ не слушалъ.

Ростовъ замѣтилъ даже, что Денисову непріятно было, когда ему напоминали о полкѣ и вообще о той, другой, вольной жизни, которая шла внѣ госпиталя. Онъ, казалось, старался забыть ту прежнюю жизнь и интересовался только дѣломъ съ провіантскими чиновниками. На вопросъ Ростова, въ какомъ положеніи было дѣло, онъ тотчасъ досталъ изъ-подъ подушки бумагу, полученную изъ комиссіи, и свой черновой отвѣтъ на него. Онъ оживился, начавъ читать свою бумагу, и особенно давалъ замѣтить Ростову колкости, которыя онъ въ этой бумагѣ говорилъ своимъ врагамъ. Госпитальные товарищи Денисова, окружившіе было Ростова — вновь прибывшее изъ вольнаго свѣта лицо,—стали понемногу расходиться, какъ только Денисовъ сталъ читать свою бумагу. По ихъ лицамъ Ростовъ понялъ, что всѣ эти господа уже не разъ слышали всю эту успѣвшую имъ надоѣсть исторію. Только сосѣдъ на кровати, толстый уланъ, сидѣлъ на своей койкѣ, мрачно нахмурившись и куря трубку, и маленькій Тушинъ безъ руки продолжалъ слушать, неодобрительно покачивая головой. Въ серединѣ чтенія уланъ перебилъ Денисова.

— А по мнѣ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Ростову, — надо просто просить государя о помилованіи. Теперь, говорятъ, награды будутъ большія, и, вѣрно, простятъ...

— Мнѣ пг'осить государ'я!—сказалъ Денисовъ голосомъ, которому онъ хотѣлъ придать прежнюю энергію и горячность, но который звучалъ безполезною раздражительностью. — О чемъ? Ежели бы я былъ г'азбойникъ, я бы пг'осилъ милости, а то я сужусь за то, что вывожу на чистую воду г'азбойниковъ. Пускай судятъ, я никого не боюсь: я честно служилъ цаг'ю, отечеству и не кг'алъ! И меня г'азжаловать, и... Слушай, я такъ пг'ямо и пишу имъ, вотъ я пишу: «ежели бы я былъ казнокг'адъ»...

— Ловко написано, что и говорить,—сказалъ Тушинъ.— Да не въ томъ дѣло, Василій Дмитричъ,—онъ тоже обратился къ Ростову,—покориться надо, а вотъ Василій Дмитричъ не хочетъ. Вѣдь аудиторъ говорилъ вамъ, что дѣло ваше плохо.

— Ну, пускай будетъ плохо,—сказалъ Денисовъ.

— Вамъ написалъ аудиторъ просьбу, — продолжалъ Тушинъ,—и надо подписать, да вотъ съ ними и отправить. У нихъ вѣрно (онъ указалъ на Ростова) и рука въ штабѣ есть. Уже лучше случая не найдете.

— Да вѣдь я сказалъ, что подличать не стану,—перебилъ Денисовъ и опять продолжалъ чтеніе своей бумаги.

Ростовъ не смѣлъ уговаривать Денисова, хотя онъ инстинктомъ чувствовалъ, что путь, предлагаемый Тушинымъ и другими офицерами, былъ самый вѣрный, и хотя онъ считалъ бы себя счастливымъ, ежели бы могъ оказать помощь Денисову: онъ зналъ непреклонность воли Денисова и его правдивую горячность.

Когда кончилось чтеніе ядовитыхъ бумагъ Денисова, продолжавшееся болѣе часа, Ростовъ ничего не сказалъ и въ самомъ грустномъ расположеніи духа, въ обществѣ опять собравшихся около него госпитальныхъ товарищей Денисова, провелъ остальную часть дня, разсказывая про то, что онъ зналъ, и слушая разсказы другихъ. Денисовъ мрачно молчалъ въ продолженіе всего вечера.

Поздно вечеромъ Ростовъ собрался уѣзжать и спросилъ Денисова, не будетъ ли какихъ порученій.

— Да, постой,—сказалъ Денисовъ, оглянулся на офицеровъ и, доставъ изъ-подъ подушки свои бумаги, пошелъ къ окну, на которомъ у него стояла чернильница, и сѣлъ писать.

— Видно, плетью обуха не пег'ешибешь,—сказалъ онъ, отходя отъ окна и подавая Ростову большой конвертъ. Это была просьба на имя государя, составленная аудиторомъ, въ которой Денисовъ, ничего не упоминая о винахъ провіантскаго вѣдомства, просилъ только о помилованіи.

— Пег'едай, видно...

Онъ не договорилъ и улыбнулся болѣзненно-фальшивой улыбкой.

XIX.

Вернувшись въ полкъ и передавъ командиру, въ какомъ положеніи находилось дѣло Денисова, Ростовъ съ письмомъ къ государю поѣхалъ въ Тильзитъ.

13-го іюня французскій и русскій императоры съѣхались въ Тильзитѣ. Борисъ Друбецкой просилъ важное лицо, при которомъ онъ состоялъ, о томъ, чтобы быть причислену къ свитѣ, назначенной состоять въ Тильзитѣ.

— Je voudrais voir le grand homme — [1],—сказалъ онъ, говоря про Наполеона, котораго онъ до сихъ поръ всегда, какъ и всѣ, называлъ Буонапарте.

— Vous parlez de Buonaparte? [2] — сказалъ ему, улыбаясь, генералъ.

Борисъ вопросительно посмотрѣлъ на своего генерала и тотчасъ же понялъ, что это было шуточное испытаніе.

— Mon prince, je parle de l'empereur Napoléon [3],—отвѣчалъ онъ. Генералъ съ улыбкой потрепалъ его по плечу.

— Ты далеко пойдешь,—сказалъ онъ ему и взялъ съ собой.

Борисъ въ числѣ немногихъ былъ на Нѣманѣ въ день свиданія императоровъ; онъ видѣлъ плоты съ вензелями, проѣздъ Наполеона по тому берегу мимо французской гвардіи, видѣлъ задумчивое лицо императора Александра въ то время, какъ онъ молча сидѣлъ въ корчмѣ на берегу Нѣмана, ожидая прибытія Наполеона; видѣлъ, какъ оба императора сѣли въ лодки и какъ Наполеонъ, приставши прежде къ плоту, быстрыми шагами пошелъ впередъ и, встрѣчая Александра, подалъ ему руку, и какъ оба скрылись въ павильонѣ. Со времени своего вступленія въ высшіе міры Борисъ сдѣлалъ себѣ привычку внимательно наблюдать то, что происходило вокругъ него, и записывать. Во время свиданія въ Тильзитѣ онъ разспрашивалъ объ именахъ тѣхъ лицъ, которыя пріѣхали съ Наполеономъ, о мундирахъ, которые были на нихъ надѣты, и внимательно прислушивался къ словамъ, которыя были сказаны важными лицами. Въ то самое время, какъ императоры вошли въ павильонъ, онъ посмотрѣлъ на часы и не забылъ посмотрѣть опять въ то время, когда Александръ вышелъ изъ павильона. Свиданіе продолжалось часъ и пятьдесятъ три минуты: онъ такъ и записалъ это въ тотъ вечеръ въ числѣ другихъ фактовъ, которые, онъ чувствовалъ, имѣли историческое значеніе. Такъ какъ свита императора была очень небольшая, то для человѣка, дорожащаго успѣхомъ по службѣ, находиться въ Тильзитѣ во время свиданія императоровъ было дѣломъ очень важнымъ, и Борисъ, попавъ въ Тильзитъ, чувствовалъ, что съ этого времени положеніе его совершенно утвер-

---

1) Я желалъ бы видѣть великаго человѣка.
2) Вы говорите про Буонапарте?
3) Князь, я говорю объ императорѣ Наполеонѣ.

дилось. Его не только знали, но къ нему приглядѣлись и привыкли. Два раза онъ исполнялъ порученія къ самому государю, такъ что государь зналъ его въ лицо, и всѣ приближенные не только не дичились его, какъ прежде, считая за новое лицо, но удивились бы, ежели бы его не было.

Борисъ жилъ съ другимъ адъютантомъ, польскимъ графомъ Жилинскимъ. Жилинскій, воспитанный въ Парижѣ полякъ, былъ богатъ, страстно любилъ французовъ, и почти каждый день во время пребыванія въ Тильзитѣ къ Жилинскому и Борису собирались на обѣды и завтраки французскіе офицеры изъ гвардіи и главнаго французскаго штаба.

24-го іюня вечеромъ графъ Жилинскій, сожитель Бориса, устроилъ для своихъ знакомыхъ французовъ ужинъ. На ужинѣ этомъ былъ почетный гость, одинъ адъютантъ Наполеона, нѣсколько офицеровъ французской гвардіи и молодой мальчикъ старой аристократической французской фамиліи, пажъ Наполеона. Въ этотъ самый день Ростовъ, пользуясь темнотой, чтобы не быть узнаннымъ, въ статскомъ платьѣ, пріѣхалъ въ Тильзитъ и вошелъ въ квартиру Жилинскаго и Бориса.

Въ Ростовѣ, такъ же, какъ и во всей арміи, изъ которой онъ пріѣхалъ, еще далеко не совершился въ отношеніи Наполеона и французовъ, изъ враговъ сдѣлавшихся друзьями, тотъ переворотъ, который произошелъ въ главной квартирѣ и въ Борисѣ. Всѣ еще продолжали въ арміи испытывать прежнее смѣшанное чувство злобы, презрѣнія и страха къ Бонапарте и французамъ. Еще недавно Ростовъ, разговаривая съ Платовскимъ казачьимъ офицеромъ, спорилъ о томъ, что, ежели бы Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ, съ нимъ обратились бы не какъ съ государемъ, а какъ съ преступникомъ. Еще недавно на дорогѣ, встрѣтившись съ французскимъ раненымъ полковникомъ, Ростовъ разгорячился, доказывая ему, что не можетъ быть мира между законнымъ государемъ и преступникомъ-Бонапарте. Поэтому Ростова странно поразилъ въ квартирѣ Бориса видъ французскихъ офицеровъ въ тѣхъ самыхъ мундирахъ, на которые онъ привыкъ совсѣмъ иначе смотрѣть изъ фланкерской цѣпи. Какъ только онъ увидалъ высунувшагося изъ двери французскаго офицера, это чувство войны, враждебности, которое онъ всегда испытывалъ при видѣ непріятеля, вдругъ обхватило его. Онъ остановился на порогѣ и по-русски спросилъ, тутъ ли живетъ Друбецкой. Борисъ, заслышавъ чужой голосъ въ передней, вышелъ къ нему навстрѣчу. Лицо его въ первую минуту, когда онъ узналъ Ростова, выразило досаду.

— Ахъ, это ты, очень радъ, очень радъ тебя видѣть, — сказалъ онъ однако, улыбаясь и подвигаясь къ нему. Но Ростовъ замѣтилъ первое его движеніе.

— Я не вó-время, кажется, — сказалъ онъ, — я бы не пріѣхалъ, но мнѣ дѣло есть, — сказалъ онъ холодно.

— Нѣтъ, я только удивляюсь, какъ ты изъ полка пріѣхалъ. — Dans un moment je suis à vous [1], — обратился онъ на голосъ звавшаго его.

— Я вижу, что я не вó-время, — повторилъ Ростовъ.

Выраженіе досады уже исчезло на лицѣ Бориса; видимо обдумавъ и рѣшивъ, что̀ ему дѣлать, онъ съ особеннымъ спокойствіемъ взялъ его за обѣ руки и повелъ въ сосѣднюю комнату. Глаза Бориса, спокойно и твердо глядѣвшіе на Ростова, были какъ будто застланы чѣмъ-то, какъ будто какая-то заслонка — синія очки общежитія — была надѣта на нихъ. Такъ казалось Ростову.

— Ахъ, полно, пожалуйста, можешь ли ты быть не вó-время, — сказалъ Борисъ.

Борисъ ввелъ его въ комнату, гдѣ былъ накрытъ ужинъ, познакомилъ съ гостями, назвавъ его и объяснивъ, что онъ былъ не статскій, но гусарскій офицеръ, его старый пріятель.

— Графъ Жилинскій, le comte N. N., le capitaine S. S., — называлъ онъ гостей. Ростовъ нахмуренно глядѣлъ на французовъ, неохотно раскланивался и молчалъ.

Жилинскій, видимо, нерадостно принялъ это новое русское лицо въ свой кружокъ и ничего не сказалъ Ростову. Борисъ, казалось, не замѣчалъ происшедшаго стѣсненія отъ новаго лица и съ тѣмъ же пріятнымъ спокойствіемъ и застланностью въ глазахъ, съ которыми онъ встрѣтилъ Ростова, старался оживить разговоръ. Одинъ изъ французовъ обратился съ обыкновенной французской учтивостью къ упорно молчавшему Ростову и сказалъ ему, что, вѣроятно, для того, чтобы увидать императора, онъ пріѣхалъ въ Тильзитъ.

— Нѣтъ, у меня есть дѣло, — коротко отвѣтилъ Ростовъ.

Ростовъ сдѣлался не въ духѣ тотчасъ же послѣ того, какъ онъ замѣтилъ неудовольствіе на лицѣ Бориса, и, какъ всегда бываетъ съ людьми, которые не въ духѣ, ему казалось, что всѣ непріязненно смотрятъ на него и что всѣмъ онъ мѣшаетъ. И дѣйствительно онъ мѣшалъ всѣмъ и одинъ оставался внѣ вновь завязавшагося общаго разговора. И зачѣмъ онъ сидитъ тутъ? —

---

[1]) Сію минуту я къ твоимъ услугамъ.

говорили взгляды, которые бросали на него гости. Онъ всталъ и подошелъ къ Борису.

— Однако я тебя стѣсняю,—сказалъ онъ ему тихо,—пойдемъ поговоримъ о дѣлѣ, и я уйду.

— Да нѣтъ, нисколько, — сказалъ Борисъ. — А ежели ты усталъ, пойдемъ въ мою комнату и ложись, отдохни.

— И въ самомъ дѣлѣ...

Они вошли въ маленькую комнатку, гдѣ спалъ Борисъ. Ростовъ, не садясь, тотчасъ же, съ раздраженіемъ—какъ будто Борисъ былъ въ чемъ-нибудь виноватъ передъ нимъ — началъ ему разсказывать дѣло Денисова, спрашивая, хочетъ ли и можетъ ли онъ просить о Денисовѣ черезъ своего генерала у государя и черезъ него передать письмо. Когда они остались вдвоемъ, Ростовъ въ первый разъ убѣдился, что ему неловко было смотрѣть въ глаза Борису. Борисъ, заложивъ ногу на ногу и поглаживая лѣвой рукой тонкіе пальцы правой руки, слушалъ Ростова, какъ слушаетъ генералъ докладъ подчиненнаго, то глядя въ сторону, то съ тою же застланностью во взглядѣ прямо глядя въ глаза Ростову. Ростову всякій разъ при этомъ становилось неловко, и онъ опускалъ глаза.

— Я слыхалъ про такого рода дѣла и знаю, что государь очень строгъ въ этихъ случаяхъ. Я думаю, надо бы не доводить до его величества. По-моему лучше бы прямо просить корпуснаго командира... Но вообще я думаю...

— Такъ ты ничего не хочешь сдѣлать, такъ и скажи!—закричалъ почти Ростовъ, не глядя въ глаза Борису.

Борисъ улыбнулся.

— Напротивъ, я сдѣлаю, что могу, только я думалъ...

Въ это время въ двери послышался голосъ Жилинскаго, звавшій Бориса.

— Ну, иди, иди, иди...—сказалъ Ростовъ и, отказавшись отъ ужина и оставшись одинъ въ маленькой комнаткѣ, онъ долго ходилъ въ ней взадъ и впередъ и слушалъ веселый французскій говоръ изъ сосѣдней комнаты.

XX.

Ростовъ пріѣхалъ въ Тильзитъ въ день, менѣе всего удобный для ходатайства за Денисова. Самому ему нельзя было идти къ дежурному генералу, такъ какъ онъ былъ во фракѣ и безъ разрѣшенія начальства пріѣхалъ въ Тильзитъ, а Борисъ, ежели даже и хотѣлъ, не могъ сдѣлать этого на другой день послѣ пріѣзда Ростова. Въ этотъ день, 27-го іюня, были подписаны

первыя условія мира. Императоры помѣнялись орденами: Александръ получилъ Почетнаго Легіона, а Наполеонъ—Андрея 1-й степени, и въ этотъ день былъ назначенъ обѣдъ Преображенскому батальону, который давалъ ему батальонъ французской гвардіи. Государи должны были присутствовать на этомъ банкетѣ.

Ростову было такъ неловко и непріятно съ Борисомъ, что, когда послѣ ужина Борисъ заглянулъ къ нему, онъ притворился спящимъ и на другой день рано утромъ, стараясь не видать его, ушелъ изъ дома. Во фракѣ и круглой шляпѣ Николай бродилъ по городу, разглядывая французовъ и ихъ мундиры, разглядывая улицы и дома, гдѣ жили русскій и французскій императоры. На площади онъ видѣлъ разставляемые столы и приготовленія къ обѣду, на улицахъ видѣлъ перекинутыя драпировки съ знаменами русскихъ и французскихъ цвѣтовъ и огромные вензеля «А» и «N». Въ окнахъ домовъ были тоже знамена и вензеля.

«Борисъ не хочетъ помочь мнѣ, да и я не хочу обращаться къ нему. Это дѣло рѣшеное», думалъ Николай, «между нами все кончено, но я не уѣду отсюда, не сдѣлавъ всего, что могу, для Денисова и, главное, не передавъ письма государю. Государю?!. Онъ тутъ!» думалъ Ростовъ, подходя невольно опять къ дому, занимаемому Александромъ.

У дома этого стояли верховыя лошади, и съѣзжалась свита, видимо приготовляясь къ выѣзду государя.

«Всякую минуту я могу увидать его», думалъ Ростовъ. «Если бы только я могъ прямо передать ему письмо и сказать все, неужели бы меня арестовали за фракъ? Не можетъ быть! Онъ бы понялъ, на чьей сторонѣ справедливость. Онъ все понимаетъ, все знаетъ. Кто же можетъ быть справедливѣе и великодушнѣе его? Ну, да ежели бы меня и арестовали за то, что я здѣсь, что жъ за бѣда?» думалъ онъ, глядя на офицера, входившаго въ домъ, занимаемый государемъ. «Вѣдь вотъ входятъ же. Э! все вздоръ. Пойду и подамъ самъ письмо государю: тѣмъ хуже будетъ для Друбецкого, который довелъ меня до этого». И вдругъ, съ рѣшительностью, которой онъ самъ не ждалъ отъ себя, Ростовъ, ощупавъ письмо въ карманѣ, пошелъ прямо къ дому, занимаемому государемъ.

«Нѣтъ, теперь уже не упущу случая, какъ послѣ Аустерлица», думалъ онъ, ожидая всякую секунду встрѣтить государя и чувствуя приливъ крови къ сердцу при этой мысли. «Упаду въ ноги и буду просить его. Онъ подниметъ, выслушаетъ и еще поблагодаритъ меня». «Я счастливъ, когда могу сдѣлать добро, но исправить несправедливость есть величайшее счастье», воображалъ Ростовъ слова, которыя скажетъ ему государь. И

онъ пошелъ, мимо любопытно смотрѣвшихъ на него, на крыльцо занимаемаго государемъ дома.

Съ крыльца широкая лѣстница вела прямо наверхъ; направо видна была затворенная дверь. Внизу подъ лѣстницей была дверь въ нижній этажъ.

— Кого вамъ? — спросилъ кто-то.

— Подать письмо, просьбу его величеству, — сказалъ Николай съ дрожаніемъ голоса.

— Просьба—къ дежурному, пожалуйте сюда! (Ему указали на дверь внизу.) Только не примутъ.

Услыхавъ этотъ равнодушный голосъ, Ростовъ испугался того, что онъ дѣлалъ; мысль встрѣтить всякую минуту государя такъ соблазнительна и оттого такъ страшна была для него, что онъ готовъ былъ бѣжать, но камеръ-фурьеръ, встрѣтившій его, отворилъ ему дверь въ дежурную, и Ростовъ вошелъ.

Невысокій, полный человѣкъ, лѣтъ 30, въ бѣлыхъ панталонахъ, ботфортахъ и въ одной, видно только что надѣтой батистовой рубашкѣ, стоялъ въ этой комнатѣ; камердинеръ застегивалъ ему сзади шитыя шелкомъ прекрасныя новыя помочи, которыя почему-то замѣтилъ Ростовъ. Человѣкъ этотъ разговаривалъ съ кѣмъ-то бывшимъ въ другой комнатѣ.

— Bien faite et la beauté du diable [1]), — говорилъ этотъ человѣкъ и, увидавъ Ростова, пересталъ говорить и нахмурился.

— Что вамъ угодно? Просьба?..

— Qu'est-ce que c'est? [2]) — спросилъ кто-то изъ другой комнаты.

— Encore un petitionnaire [3]), — отвѣчалъ человѣкъ въ помочахъ.

— Скажите ему, что послѣ. Сейчасъ выйдетъ, надо ѣхать.

— Послѣ, послѣ, завтра. Поздно...

Ростовъ повернулся и хотѣлъ выйти, но человѣкъ въ помочахъ остановилъ его.

— Отъ кого? Вы кто?

— Отъ майора Денисова, — отвѣчалъ Ростовъ.

— Вы кто? Офицеръ?

— Поручикъ, графъ Ростовъ.

— Какая смѣлость! По командѣ подайте. А сами идите, идите...—И онъ сталъ надѣвать подаваемый камердинеромъ мундиръ.

---

[1]) Хорошо сложена и красота молодости.

[2]) Что это?

[3]) Еще одинъ проситель.

Ростовъ вышелъ опять въ сѣни и замѣтилъ, что на крыльцѣ было уже много офицеровъ и генераловъ въ полной парадной формѣ, мимо которыхъ ему надо было пройти.

Проклиная свою смѣлость, замирая отъ мысли, что всякую минуту онъ можетъ встрѣтить государя и при немъ быть осрамленъ и высланъ подъ арестъ, понимая вполнѣ всю неприличность своего поступка и раскаиваясь въ немъ, Ростовъ, опустивъ глаза, пробирался вонъ изъ дома, окруженнаго толпой блестящей свиты, когда чей-то знакомый голосъ окликнулъ его и чья-то рука остановила его.

— Вы, батюшка, что тутъ дѣлаете во фракѣ?—спросилъ его басистый голосъ.

Это былъ кавалерійскій генералъ, въ эту кампанію заслужившій особенную милость государя, бывшій начальникъ дивизіи, въ которой служилъ Ростовъ.

Ростовъ испуганно началъ оправдываться, но, увидавъ добродушно-шутливое лицо генерала, отойдя къ сторонѣ, взволнованнымъ голосомъ передалъ ему все дѣло, прося заступиться за извѣстнаго генералу Денисова. Генералъ, выслушавъ Ростова, серьезно покачалъ головой.

— Жалко, жалко молодца; давай письмо.

Едва Ростовъ успѣлъ передать письмо и разсказать все дѣло Денисова, какъ съ лѣстницы застучали быстрые шаги со шпорами, и генералъ, отойдя отъ него, подвинулся къ крыльцу. Господа свиты государя сбѣжали съ лѣстницы и пошли къ лошадямъ. Берейторъ Эне, тотъ самый, который былъ въ Аустерлицѣ, подвелъ лошадь государя, и по лѣстницѣ послышался легкій скрипъ шаговъ, который сейчасъ узналъ Ростовъ. Забывъ опасность быть узнаннымъ, Ростовъ подвинулся съ нѣсколькими любопытными изъ жителей къ самому крыльцу, и опять, послѣ двухъ лѣтъ, онъ увидалъ тѣ же обожаемыя имъ черты, то же лицо, тотъ же взглядъ, ту же походку, то же соединеніе величія и кротости... И чувство восторга и любви къ государю съ прежнею силой воскресло въ душѣ Ростова. Государь въ преображенскомъ мундирѣ, въ бѣлыхъ лосинахъ и высокихъ ботфортахъ, съ звѣздой, которую не зналъ Ростовъ (это была Légion d'honneur), вышелъ на крыльцо, держа шляпу подъ рукой и надѣвая перчатку. Онъ остановился, оглядываясь и все освѣщая вокругъ себя своимъ взглядомъ. Кое-кому изъ генераловъ онъ сказалъ нѣсколько словъ. Онъ узналъ тоже бывшаго начальника дивизіи Ростова, улыбнулся ему и подозвалъ его къ себѣ.

Вся свита отступила, и Ростовъ видѣлъ, какъ генералъ этотъ что-то довольно долго говорилъ государю.

Государь сказалъ ему нѣсколько словъ и сдѣлалъ шагъ, чтобы подойти къ лошади. Опять толпа свиты и толпа улицы, въ которой былъ Ростовъ, придвинулись къ государю. Остановившись у лошади и взявшись рукой за сѣдло, государь обратился къ кавалерійскому генералу и сказалъ громко, очевидно съ желаніемъ, чтобы всѣ слышали его.

— Не могу, генералъ, и потому не могу, что законъ сильнѣе меня, — сказалъ государь и занесъ ногу въ стремя.

Генералъ почтительно наклонилъ голову, государь сѣлъ и поѣхалъ галопомъ по улицѣ. Ростовъ, не помня себя отъ восторга, съ толпой побѣжалъ за нимъ.

XXI.

На площади, куда поѣхалъ государь, стояли лицомъ къ лицу справа батальонъ преображенцевъ, слѣва батальонъ французской гвардіи въ медвѣжьихъ шапкахъ.

Въ то время, какъ государь подъѣзжалъ къ одному флангу батальоновъ, сдѣлавшихъ на караулъ, къ противоположному флангу подскакивала другая толпа всадниковъ, и впереди ихъ Ростовъ узналъ Наполеона. Это не могъ быть никто другой. Онъ ѣхалъ галопомъ, въ маленькой шляпѣ, съ Андреевской лентой черезъ плечо, въ раскрытомъ надъ бѣлымъ камзоломъ синемъ мундирѣ, на необыкновенно породистой арабской сѣрой лошади, на малиновомъ, золотомъ шитомъ, чепракѣ. Подъѣхавъ къ Александру, онъ приподнялъ шляпу, и при этомъ движеніи кавалерійскій глазъ Ростова не могъ не замѣтить, что Наполеонъ дурно и нетвердо сидѣлъ на лошади. Батальоны закричали «ура» и «vive l'Empereur». Наполеонъ что-то сказалъ Александру. Оба императора слѣзли съ лошадей и взяли другъ друга за руки. На лицѣ Наполеона была непріятно-притворная улыбка. Александръ съ ласковымъ выраженіемъ что-то говорилъ ему.

Ростовъ, не спуская глазъ, несмотря на топтаніе лошадьми французскихъ жандармовъ, осаживавшихъ толпу, слѣдилъ за каждымъ движеніемъ императора Александра и Бонапарте. Его, какъ неожиданность, поразило то, что Александръ держалъ себя какъ равный съ Бонапарте и что Бонапарте совершенно свободно, какъ будто эта близость съ государемъ естественна и привычна ему, какъ равный, обращался съ русскимъ царемъ.

Александръ и Наполеонъ съ длиннымъ хвостомъ свиты подошли къ правому флангу Преображенскаго батальона, прямо на толпу, которая стояла тутъ. Толпа очутилась неожиданно такъ

близко къ императорамъ, что Ростову, стоявшему въ переднихъ рядахъ ея, стало страшно, какъ бы его не узнали.

— Sire, je vous demande la permission de donner la Légion d'honneur au plus brave de vos soldats [1],—сказалъ рѣзкій, точный голосъ, договаривающій каждую букву.

Это говорилъ малый ростомъ Бонапарте, снизу прямо глядя въ глаза Александру. Александръ внимательно слушалъ то, что ему говорили, и, наклонивъ голову, пріятно улыбнулся.

— A celui qui s'est le plus vaillament conduit dans cette dernière guerre [2],—прибавилъ Наполеонъ, отчеканивая каждый слогъ, съ возмутительнымъ для Ростова спокойствіемъ и увѣренностью оглядывая ряды русскихъ, вытянувшихся передъ нимъ, солдатъ, все держащихъ на караулъ и неподвижно глядящихъ въ лицо своего императора.

— Votre majesté me permettra-t-elle de demander l'avis du colonel? [3]—сказалъ Александръ и сдѣлалъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ къ князю Козловскому, командиру батальона.

Бонапарте сталъ между тѣмъ снимать перчатку съ бѣлой маленькой руки и, разорвавъ ее, бросилъ. Адъютантъ, сзади торопливо бросившись впередъ, поднялъ ее.

— Кому дать? — негромко, по-русски спросилъ императоръ Александръ у Козловскаго.

— Кому прикажете, Ваше Величество?

Государь недовольно поморщился и, оглянувшись, сказалъ:

— Да вѣдь надобно же отвѣчать ему.

Козловскій съ рѣшительнымъ видомъ оглянулся на ряды и въ этомъ взглядѣ захватилъ и Ростова.

«Ужъ не меня ли?» подумалъ Ростовъ.

— Лазаревъ! — нахмурившись, прокомандовалъ полковникъ, и первый по ранжиру солдатъ, Лазаревъ, бойко вышелъ впередъ.

— Куда же ты? Тутъ стой!—зашептали голоса на Лазарева, не знавшаго, куда ему идти. Лазаревъ остановился, испуганно покосившись на полковника, и лицо его дрогнуло, какъ это бываетъ съ солдатами, вызываемыми передъ фронтъ.

Наполеонъ чуть поворотилъ голову назадъ и отвелъ назадъ свою маленькую пухлую ручку, какъ будто желая взять что-то. Лица его свиты, догадавшись въ ту же секунду, въ чемъ дѣло, засуетились, зашептались, передавая что-то одинъ другому, и пажъ, тотъ самый, котораго вчера видѣлъ Ростовъ у

---

[1]) Государь, я прошу у васъ позволенія дать орденъ Почетнаго Легіона храбрѣйшему изъ вашихъ солдатъ.

[2]) Тому, кто храбрѣе всѣхъ показалъ себя во время войны.

[3]) Ваше величество позволитъ ли мнѣ спросить мнѣніе полковника?

Бориса, выбѣжалъ впередъ и, почтительно наклонившись надъ протянутой рукой и не заставивъ ее дожидаться ни одной секунды, вложилъ въ нее орденъ на красной лентѣ. Наполеонъ не глядя сжалъ два пальца; орденъ очутился между ними. Наполеонъ подошелъ къ Лазареву, который, выкатывая глаза, упорно продолжалъ смотрѣть только на своего государя, и оглянулся на императора Александра, показывая этимъ, что то, что онъ дѣлалъ теперь, онъ дѣлалъ для своего союзника. Маленькая бѣлая рука съ орденомъ дотронулась до пуговицы солдата Лазарева. Какъ будто Наполеонъ зналъ, что для того, чтобы навсегда этотъ солдатъ былъ счастливъ, награжденъ и отличенъ отъ всѣхъ въ мірѣ, нужно было только, чтобы его, Наполеонова, рука удостоила дотронуться до груди солдата. Наполеонъ только приложилъ крестъ къ груди Лазарева и, пустивъ руку, обратился къ Александру, какъ будто онъ зналъ, что крестъ долженъ прилипнуть къ груди Лазарева. Крестъ дѣйствительно прилипъ.

Русскія и французскія услужливыя руки, мгновенно подхвативъ крестъ, прицѣпили его къ мундиру. Лазаревъ мрачно взглянулъ на маленькаго человѣчка съ бѣлыми руками, который что-то сдѣлалъ надъ нимъ, и, продолжая неподвижно держать «на караулъ», опять прямо сталъ глядѣть въ глаза Александру, какъ будто онъ спрашивалъ Александра: все ли еще ему стоять, или не прикажутъ ли ему пройтись теперь, или, можетъ-быть, еще что-нибудь сдѣлать? Но ему ничего не приказывали, и онъ довольно долго оставался въ этомъ неподвижномъ состояніи.

Государи сѣли верхами и уѣхали. Преображенцы, разстроивая ряды, перемѣшались съ французскими гвардейцами и сѣли за столы, приготовленные для нихъ.

Лазаревъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ; его обнимали, поздравляли и жали ему руки русскіе и французскіе офицеры. Толпы офицеровъ и народа подходили, чтобы только посмотрѣть на Лазарева. Гулъ говора русско-французскаго и хохота стоялъ на площади вокругъ столовъ. Два офицера съ раскраснѣвшимися лицами, веселые и счастливые, прошли мимо Ростова.

— Каково, братъ, угощенье? Все на серебрѣ,— сказалъ одинъ.— Лазарева видѣлъ.

— Видѣлъ.

— Завтра, говорятъ, преображенцы ихъ угощать будутъ.

— Нѣтъ, Лазареву-то какое счастье! 1.200 франковъ пожизненнаго пенсіона.

— Вотъ такъ шапка, ребята! — кричалъ преображенецъ, надѣвая мохнатую шапку француза.

— Чудо какъ хорошо, прелесть!

— Ты слышалъ отзывъ? — сказалъ гвардейскій офицеръ другому.—Третьяго дня было—«Napoléon, France, bravoure» [1]), вчера — «Alexandre, Russie, grandeur» [2]); одинъ день нашъ государь даетъ отзывъ, а другой день—Наполеонъ. Завтра государь пошлетъ Георгія самому храброму изъ французскихъ гвардейцевъ. Нельзя же! Долженъ отвѣтить тѣмъ же.

Борисъ съ своимъ товарищемъ Жилинскимъ тоже пришелъ посмотрѣть на банкетъ преображенцевъ. Возвращаясь назадъ, Борисъ замѣтилъ Ростова, который стоялъ у угла дома.

— Ростовъ! здравствуй; мы и не видались,—сказалъ онъ ему, и не могъ удержаться, чтобы не спросить у него, что̀ съ нимъ сдѣлалось: такъ странно-мрачно и разстроено было лицо Ростова.

— Ничего, ничего,—отвѣчалъ Ростовъ.

— Ты зайдешь?

— Да, зайду.

Ростовъ долго стоялъ у угла, издалека глядя на пирующихъ. Въ умѣ его происходила мучительная работа, которую онъ никакъ не могъ довести до конца. Въ душѣ поднимались страшныя сомнѣнія. То ему вспоминался Денисовъ съ своимъ измѣнившимся выраженіемъ, съ своею покорностью и весь госпиталь съ этими оторванными руками и ногами, съ этою грязью и болѣзнями. Ему такъ живо казалось, что онъ теперь чувствуетъ этотъ больничный запахъ мертваго тѣла, что онъ оглядывался, чтобы понять, откуда могъ происходить этотъ запахъ. То ему вспоминался этотъ самодовольный Бонапарте съ своей бѣлой ручкой, который былъ теперь императоръ, котораго любитъ и уважаетъ императоръ Александръ. Для чего же оторванныя руки, ноги, убитые люди? То вспоминался ему награжденный Лазаревъ и Денисовъ—наказанный и непрощенный. Онъ заставалъ себя на такихъ странныхъ мысляхъ, что пугался ихъ.

Запахъ ѣды преображенцевъ и голодъ вызвали его изъ этого состоянія: надо было поѣсть что-нибудь, прежде чѣмъ уѣхать. Онъ пошелъ къ гостиницѣ, которую видѣлъ утромъ. Въ гостиницѣ онъ засталъ такъ много народу, офицеровъ, такъ же какъ и онъ пріѣхавшихъ въ статскихъ платьяхъ, что онъ насилу добился обѣда. Два офицера одной съ нимъ дивизіи присоеди-

---

[1]) Наполеонъ, Францiя, храбрость.
[2]) Александръ, Россія, величіе.

нились къ нему. Разговоръ естественно зашелъ о мирѣ. Офицеры, товарищи Ростова, какъ и большая часть арміи, были недовольны миромъ, заключеннымъ послѣ Фридланда. Говорили, что еще бы подержаться, Наполеонъ бы пропалъ, что у него въ войскахъ ни сухарей, ни зарядовъ уже не было. Николай молча ѣлъ и преимущественно пилъ. Онъ выпилъ одинъ двѣ бутылки вина. Внутренняя поднявшаяся въ немъ работа, не разрѣшаясь, все такъ же томила его. Онъ боялся предаваться своимъ мыслямъ и не могъ отстать отъ нихъ. Вдругъ на слова одного изъ офицеровъ, что обидно смотрѣть на французовъ, Ростовъ началъ кричать съ горячностью, ничѣмъ не оправданною и потому очень удивившею офицеровъ.

— И какъ вы можете судить, что было бы лучше!—закричалъ онъ, съ лицомъ, вдругъ налившимся кровью. — Какъ вы можете судить о поступкахъ государя, какое мы имѣемъ право разсуждать?! Мы не можемъ понять ни цѣли, ни поступковъ государя!

— Да я ни слова не говорилъ о государѣ,—оправдывался офицеръ, иначе какъ тѣмъ, что Ростовъ пьянъ, не могшій объяснить себѣ его вспыльчивости.

Но Ростовъ не слушалъ.

— Мы не чиновники дипломатическіе, а мы солдаты, и больше ничего,—продолжалъ онъ.—Умирать велятъ намъ—такъ умирать; а коли наказываютъ, такъ, значитъ, виноватъ; не намъ судить. Угодно государю императору признать Бонапарте императоромъ и заключить съ нимъ союзъ, значитъ, такъ надо. А то, коли бы мы стали обо всемъ судить да разсуждать, такъ этакъ ничего святого не останется. Этакъ мы скажемъ, что ни Бога нѣтъ, ничего нѣтъ!—ударяя по столу, кричалъ Николай, весьма некстати по понятіямъ своихъ собесѣдниковъ, но весьма послѣдовательно по ходу своихъ мыслей.—Наше дѣло исполнить свой долгъ, рубиться и не думать, вотъ и все,—заключилъ онъ.

— И пить,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ, не желавшій ссориться.

— Да, и пить,—подхватилъ Николай.—Эй ты! Еще бутылку!—крикнулъ онъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ 1808 году императоръ Александръ ѣздилъ въ Эрфуртъ для новаго свиданія съ императоромъ Наполеономъ, и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ много говорили о величіи этого торжественнаго свиданія.

Въ 1809 году близость двухъ властелиновъ міра—такъ называли Наполеона и Александра—дошла до того, что когда Наполеонъ объявилъ въ этомъ году войну Австріи, то русскій корпусъ выступилъ за границу для содѣйствія своему прежнему врагу, Бонапарте, противъ прежняго союзника, австрійскаго императора, — до того, что въ высшемъ свѣтѣ говорили о возможности брака между Наполеономъ и одной изъ сестеръ императора Александра. Но, кромѣ внѣшнихъ политическихъ соображеній, въ это время вниманіе русскаго общества съ особенною живостью обращено было на внутреннія преобразованія, которыя были производимы въ это время во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія.

Жизнь между тѣмъ, настоящая жизнь людей—съ своими существенными интересами здоровья, болѣзни, труда, отдыха, съ своими интересами мысли, науки, поэзіи, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, какъ и всегда, независимо и внѣ политической близости или вражды съ Наполеономъ Бонапарте и внѣ всѣхъ возможныхъ преобразованій.

Князь Андрей безвыѣздно прожилъ два года въ деревнѣ.

Всѣ тѣ предпріятія по имѣніямъ, которыя затѣялъ у себя Пьеръ и не довелъ ни до какого результата, безпрестанно переходя отъ одного дѣла къ другому, всѣ эти предпріятія безъ выказыванія ихъ кому бы то ни было и безъ замѣтнаго труда были исполнены княземъ Андреемъ.

Онъ имѣлъ въ высшей степени ту недостававшую Пьеру практическую цѣпкость, которая безъ размаховъ и усилій съ его стороны давала движеніе дѣлу.

Одно имѣніе его въ триста душъ крестьянъ было перечислено въ вольные хлѣбопашцы (это былъ одинъ изъ первыхъ примѣровъ въ Россіи), въ другихъ барщина замѣнена оброкомъ. Въ Богучарово была выписана на его счетъ ученая бабка для помощи родильницамъ, и священникъ за жалованье обучалъ дѣтей крестьянскихъ и дворовыхъ грамотѣ.

Одну половину времени князь Андрей проводилъ въ Лысыхъ Горахъ съ отцомъ и сыномъ, который былъ еще у нянекъ; другую половину времени—въ Богучаровской обители, какъ называлъ отецъ его деревню. Несмотря на выказанное имъ Пьеру равнодушіе ко всѣмъ внѣшнимъ событіямъ міра, онъ усердно слѣдилъ за ними, получалъ много книгъ и, къ удивленію своему, замѣчалъ, когда къ нему или къ отцу его пріѣзжали люди свѣжіе изъ Петербурга, изъ самаго водоворота жизни, что эти люди въ знаніи всего совершающагося во внѣшней и внутренней политикѣ далеко отстали отъ него, сидящаго безвыѣздно въ деревнѣ.

Кромѣ занятій по имѣніямъ, кромѣ общихъ занятій чтеніемъ самыхъ разнообразныхъ книгъ, князь Андрей занимался въ это время критическимъ разборомъ нашихъ двухъ послѣднихъ несчастныхъ кампаній и составленіемъ проекта объ измѣненіи нашихъ военныхъ уставовъ и постановленій.

Весной 1809 года князь Андрей поѣхалъ въ рязанскія имѣнія своего сына, котораго онъ былъ опекуномъ.

Пригрѣваемый весеннимъ солнцемъ, онъ сидѣлъ въ коляскѣ, поглядывая на первую траву, первые листья березы и первые клубы бѣлыхъ весеннихъ облаковъ, разбѣгавшихся по яркой синевѣ неба. Онъ ни о чемъ не думалъ, а весело и безсмысленно смотрѣлъ по сторонамъ.

Проѣхали перевозъ, на которомъ онъ годъ тому назадъ говорилъ съ Пьеромъ. Проѣхали грязную деревню, гумна, зеленя, спускъ съ оставшимся снѣгомъ у моста, подъемъ по размытой глинѣ, полосы жнивья и зеленѣющагося кое-гдѣ кустарника и въѣхали въ березовый лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ лѣсу было почти жарко, вѣтру не слышно было. Береза, вся обсѣянная зелеными клейкими листьями, не шевелилась, и изъ-подъ прошлогоднихъ листьевъ, поднимая ихъ, вылѣзала, зеленѣя, первая трава и лиловые цвѣты. Разсыпанныя кое-гдѣ по березнику мелкія ели своею грубою вѣчною зеленью непріятно

напоминали о зимѣ. Лошади зафыркали, въѣхавъ въ лѣсъ, и виднѣе запотѣли.

Лакей Петръ что-то сказалъ кучеру, кучеръ утвердительно отвѣтилъ. Но, видно, Петру мало было сочувствованія кучера: онъ повернулся на козлахъ къ барину.

— Ваше сіятельство, лёгко какъ!— сказалъ онъ, почтительно улыбаясь.

— Что?

— Лёгко, ваше сіятельство.

«Что онъ говоритъ?» подумалъ князь Андрей. «Да, о веснѣ, вѣрно», подумалъ онъ, оглядываясь по сторонамъ. «И то зелено все уже... какъ скоро! И береза, и черемуха, и ольха ужъ начинаетъ... А дубъ и не замѣтно. Да, вотъ онъ, дубъ».

На краю дороги стоялъ дубъ. Вѣроятно, въ десять разъ старше березъ, составлявшихъ лѣсъ, онъ былъ въ десять разъ толще и въ два раза выше каждой березы. Это былъ огромный, въ два обхвата дубъ съ обломанными давно, видно, суками и съ обломанной корой, заросшей старыми болячками. Съ огромными своими неуклюжими, несимметрично растопыренными, корявыми руками и пальцами, онъ старымъ, сердитымъ и презрительнымъ уродомъ стоялъ между улыбающимися березами. Только однѣ мертвыя и вѣчно-зеленыя мелкія ели, разсыпанныя по лѣсу, вмѣстѣ съ дубомъ не хотѣли подчиняться обаянію весны и не хотѣли видѣть ни весны, ни солнца.

«Весна, и любовь, и счастье!» какъ будто говорилъ этотъ дубъ, «и какъ не надоѣстъ вамъ все одинъ и тотъ же глупый и безсмысленный обманъ. Все одно и то же, и все обманъ. Нѣтъ ни весны, ни солнца, ни счастья. Вонъ, смотрите, сидятъ задавленныя мертвыя ели, всегда одинакія, и вотъ и я растопырилъ свои обломанные, ободранные пальцы, гдѣ ни выросли они—изъ спины, изъ боковъ; какъ выросли — такъ и стою и не вѣрю вашимъ надеждамъ и обманамъ».

Князь Андрей нѣсколько разъ оглянулся на этотъ дубъ, проѣзжая по лѣсу, какъ будто онъ чего-то ждалъ отъ него. Цвѣты и трава были и подъ дубомъ, но онъ все такъ же, хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно стоялъ посреди нихъ.

«Да, онъ правъ, тысячу разъ правъ этотъ дубъ», думалъ князь Андрей. «Пускай другіе, молодые, вновь поддаются на этотъ обманъ, а мы знаемъ жизнь,—наша жизнь кончена!» Цѣлый новый рядъ мыслей безнадежныхъ, но грустно-пріятныхъ въ связи съ этимъ дубомъ возникъ въ душѣ князя Андрея. Во время этого путешествія онъ какъ будто вновь обдумалъ всю свою жизнь и пришелъ къ тому же прежнему успокоительному и без-

надежному заключенію, что ему начинать ничего было не надо, что онъ долженъ доживать свою жизнь, не дѣлая зла, не тревожась и ничего не желая.

II.

По опекунскимъ дѣламъ рязанскаго имѣнія князю Андрею надо было видѣться съ уѣзднымъ предводителемъ. Предводителемъ былъ графъ Илья Андреевичъ Ростовъ, и князь Андрей въ серединѣ мая поѣхалъ къ нему.

Былъ уже жаркій періодъ весны. Лѣсъ уже весь одѣлся, была пыль и было такъ жарко, что, проѣзжая мимо воды, хотѣлось купаться.

Князь Андрей, невеселый и озабоченный соображеніями о томъ, что и что ему нужно о дѣлахъ спросить у предводителя, подъѣзжалъ по аллеѣ сада къ Отрадненскому дому Ростовыхъ. Вправо изъ-за деревьевъ онъ услыхалъ женскій веселый крикъ и увидалъ бѣгущую наперерѣзъ его коляски толпу дѣвушекъ. Впереди другихъ ближе подбѣгала къ коляскѣ черноволосая, очень тоненькая, странно-тоненькая, черноглазая дѣвушка, въ желтомъ ситцевомъ платьѣ, повязанная бѣлымъ носовымъ платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались пряди расчесавшихся волосъ. Дѣвушка что-то кричала, но, узнавъ чужого, не взглянувъ на него, она со смѣхомъ побѣжала назадъ.

Князю Андрею вдругъ стало отъ чего-то больно. День былъ такъ хорошъ, солнце такъ ярко, кругомъ все такъ весело; а эта тоненькая и хорошенькая дѣвушка не знала и не хочетъ знать про его существованіе и была довольна и счастлива какой-то своей отдѣльной,—вѣрно, глупой,—но веселой и счастливой жизнью. «Чему она такъ рада? О чемъ она думаетъ? Не объ уставѣ военномъ, не объ устройствѣ рязанскихъ оброчныхъ. О чемъ она думаетъ? И чѣмъ она счастлива?» невольно съ любопытствомъ спрашивалъ себя князь Андрей.

Графъ Илья Андреевичъ въ 1809 году жилъ въ Отрадномъ все такъ же, какъ и прежде, т.-е. принимая почти всю губернію, съ охотами, театрами, обѣдами и музыкантами. Онъ, какъ всякому новому гостю, былъ радъ князю Андрею и почти насильно оставилъ его ночевать.

Въ продолженіе скучнаго дня, во время котораго князя Андрея занимали старшіе хозяева и почетнѣйшіе изъ гостей, которыми, по случаю приближающихся именинъ, былъ полонъ домъ стараго графа, Болконскій, нѣсколько разъ взглядывая на Наташу, чему-то смѣявшуюся и веселившуюся между другой молодой полови-

ной общества, все спрашивалъ себя: «О чемъ она думаетъ? Чему она такъ рада?»

Вечеромъ, оставшись одинъ на новомъ мѣстѣ, онъ долго не могъ заснуть. Онъ читалъ, потомъ потушилъ свѣчу и опять зажегъ ее. Въ комнатѣ съ закрытыми изнутри ставнями было жарко. Онъ досадовалъ на этого глупаго старика (такъ онъ называлъ Ростова), который задержалъ его, увѣряя, что нужныя бумаги въ городѣ, не доставлены еще, досадовалъ на себя за то, что остался.

Князь Андрей всталъ и подошелъ къ окну, чтобы отворить его. Какъ только онъ открылъ ставни, лунный свѣтъ, какъ будто онъ насторожѣ у окна давно ждалъ этого, ворвался въ комнату. Онъ отворилъ окно. Ночь была свѣжая и неподвижно свѣтлая. Передъ самымъ окномъ былъ рядъ подстриженныхъ деревьевъ, черныхъ съ одной и серебристо-освѣщенныхъ съ другой стороны. Подъ деревьями была какая-то сочная, мокрая, кудрявая растительность съ серебристыми кое-гдѣ листьями и стеблями. Далѣе за черными деревьями была какая-то блестящая росой крыша, правѣе большое кудрявое дерево, съ ярко-бѣлымъ стволомъ и сучьями, и выше его почти полная луна на свѣтломъ, почти беззвѣздномъ, весеннемъ небѣ. Князь Андрей облокотился на окно, и глаза его остановились на этомъ небѣ.

Комната князя Андрея была въ среднемъ этажѣ; въ комнатахъ надъ нимъ тоже жили и не спали. Онъ услыхалъ сверху женскій говоръ.

— Только еще одинъ разъ,—сказалъ сверху женскій голосъ, который сейчасъ узналъ князь Андрей.

— Да когда же ты спать будешь?—отвѣчалъ другой голосъ.

— Я не буду, я не могу спать, что жъ мнѣ дѣлать! Ну, послѣдній разъ...

Два женскіе голоса запѣли какую-то музыкальную фразу, составлявшую конецъ чего-то.

— Ахъ, какая прелесть! Ну, теперь спать, и конецъ.

— Ты спи, а я не могу,—отвѣчалъ первый голосъ, приблизившійся къ окну. Она, видимо, совсѣмъ высунулась въ окно, потому что слышно было шуршанье ея платья и даже дыханье. Все затихло и окаменѣло, какъ и луна, и ея свѣтъ, и тѣни. Князь Андрей тоже боялся пошевелиться, чтобы не выдать своего невольнаго присутствія.

— Соня! Соня! — послышался опять первый голосъ. — Ну, какъ можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ахъ, какая прелесть! Да проснись же, Соня, — сказала она почти со

слезами въ голосѣ.—Вѣдь этакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало.

Соня неохотно что-то отвѣчала.

— Нѣтъ, ты посмотри, что за луна!.. Ахъ, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Такъ бы вотъ сѣла на корточки, вотъ такъ, подхватила бы себя подъ колѣнки,—туже, какъ можно туже—натужиться надо, и полетѣла бы. Вотъ такъ!

— Полно, ты упадешь...

Послышалась борьба и недовольный голосъ Сони: «Вѣдь второй часъ».

— Ахъ, ты только все портишь мнѣ. Ну, иди, иди.

Опять все замолкло, но князь Андрей зналъ, что она все еще сидитъ тутъ, онъ слышалъ иногда тихое шевеленье, иногда вздохи.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! что жъ это такое!—вдругъ вскрикнула она.—Спать такъ спать!—и захлопнула окно.

«И дѣла нѣтъ до моего существованія!» подумалъ князь Андрей въ то время, какъ онъ прислушивался къ ея говору, почему-то ожидая и боясь, что она скажетъ что-нибудь про него. «И опять она! И какъ нарочно!» думалъ онъ.

Въ душѣ его вдругъ поднялась такая неожиданная путаница молодыхъ мыслей и надеждъ, противорѣчащихъ всей его жизни, что онъ, чувствуя себя не въ силахъ уяснить себѣ свое состояніе, тотчасъ же заснулъ.

III.

На другой день, простившись только съ однимъ графомъ и не дождавшись выхода дамъ, князь Андрей поѣхалъ домой.

Уже было начало іюня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, въѣхалъ опять въ ту березовую рощу, въ которой этотъ старый, корявый дубъ такъ странно и памятно поразилъ его. Бубенчики еще глуше звенѣли въ лѣсу, чѣмъ полтора мѣсяца тому назадъ; все было полно, тѣнисто и густо; и молодыя ели, разсыпанныя по лѣсу, не нарушали общей красоты и, поддѣлываясь подъ общій характеръ, нѣжно зеленѣли пушистыми молодыми побѣгами.

Цѣлый день былъ жаркій, гдѣ-то собиралась гроза, но только небольшая тучка брызнула на пыль дороги и на сочные листья. Лѣвая сторона лѣса была темна, въ тѣни; правая—мокрая, глянцевитая—блестѣла на солнцѣ, чуть колыхаясь отъ вѣтра. Все было въ цвѣту; соловьи трещали и перекатывались то близко, то далеко.

«Да, здѣсь, въ этомъ лѣсу былъ этотъ дубъ, съ которымъ мы были согласны», подумалъ князь Андрей. «Да, гдѣ онъ?» подумалъ опять князь Андрей, глядя на лѣвую сторону дороги, и, самъ того не зная, не узнавая его, любовался тѣмъ дубомъ, котораго онъ искалъ. Старый дубъ, весь преображенный, раскинувшись шатромъ сочной, темной зелени, млѣлъ, чуть колыхаясь, въ лучахъ вечерняго солнца. Ни корявыхъ пальцевъ, ни болячекъ, ни стараго недовѣрія и горя,—ничего не было видно. Сквозь жесткую, столѣтнюю кору пробились безъ сучковъ сочные, молодые листья, такъ что вѣрить нельзя было, что этотъ старикъ произвелъ ихъ. «Да, это тотъ самый дубъ», подумалъ князь Андрей, и на него вдругъ нашло безпричинное весеннее чувство радости и обновленія. Всѣ лучшія минуты его жизни вдругъ въ одно и то же время вспомнились ему. И Аустерлицъ съ высокимъ небомъ, и мертвое укоризненное лицо жены, и Пьеръ на паромѣ, и дѣвочка, взволнованная красотою ночи, и эта ночь, и луна,—и все это вдругъ вспомнилось ему.

«Нѣтъ, жизнь не кончена въ 31 годъ», вдругъ окончательно, безпеременно рѣшилъ князь Андрей. «Мало того, что я знаю все то, что есть во мнѣ, надо, чтобы и всѣ знали это: и Пьеръ и эта дѣвочка, которая хотѣла улетѣть на небо; надо, чтобы всѣ знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобъ не жили они такъ независимо отъ моей жизни, чтобъ на всѣхъ она отражалась, и чтобы всѣ они жили со мною вмѣстѣ!»

Возвратившись изъ своей поѣздки, князь Андрей рѣшился осенью ѣхать въ Петербургъ и придумалъ разныя причины этого рѣшенія. Цѣлый рядъ разумныхъ, логическихъ доводовъ, почему ему необходимо ѣхать въ Петербургъ и даже служить, ежеминутно былъ готовъ къ его услугамъ. Онъ даже теперь не понималъ, какъ могъ онъ когда-нибудь сомнѣваться въ необходимости принять дѣятельное участіе въ жизни, точно такъ же, какъ мѣсяцъ тому назадъ онъ не понималъ, какъ могла бы ему придти мысль уѣхать изъ деревни. Ему казалось ясно, что всѣ его опыты жизни должны были пропасть даромъ и быть безсмыслицей, ежели бы онъ не приложилъ ихъ къ дѣлу и не принялъ опять дѣятельнаго участія въ жизни. Онъ даже не понималъ того, какъ прежде, на основаніи такихъ же бѣдныхъ разумныхъ доводовъ, очевидно было, что онъ бы унизился, ежели бы теперь послѣ своихъ уроковъ жизни опять повѣрилъ въ возможность приносить пользу и въ возможность счастья и любви. Теперь разумъ подсказывалъ совсѣмъ другое. Послѣ

этой поѣздки князь Андрей сталъ скучать въ деревнѣ, прежнія занятія не интересовали его, и часто, сидя одинъ въ своемъ кабинетѣ, онъ вставалъ, подходилъ къ зеркалу и долго смотрѣлъ на свое лицо. Потомъ онъ отворачивался и смотрѣлъ на портретъ покойницы Лизы, которая съ à la grecque взбитыми буклями нѣжно и весело смотрѣла на него изъ золотой рамки. Она уже не говорила мужу прежнихъ страшныхъ словъ, она просто и весело, съ любопытствомъ смотрѣла на него. И князь Андрей, заложивъ назадъ руки, долго ходилъ по комнатѣ, то хмурясь, то улыбаясь, передумывая тѣ неразумныя, невыразимыя словомъ, тайныя, какъ преступленіе, мысли, связанныя съ Пьеромъ, со славой, съ дѣвушкой на окнѣ, съ дубомъ, съ женской красотой и любовью, которыя измѣнили всю его жизнь. И въ эти-то минуты, когда кто входилъ къ нему, онъ бывалъ особенно сухъ, строго-рѣшителенъ и въ особенности непріятно-логиченъ.

— Mon cher, — бывало скажетъ, входя въ такую минуту, княжна Марья, — Николушкѣ нельзя нынче гулять: очень холодно.

— Ежели бы было тепло, — въ такія минуты особенно сухо отвѣчалъ князь Андрей своей сестрѣ, — то онъ бы пошелъ въ одной рубашкѣ, а такъ какъ холодно, надо надѣть на него теплую одежду, которая для этого и выдумана. Вотъ что слѣдуетъ изъ того, что холодно, а не то, чтобы оставаться дома, когда ребенку нуженъ воздухъ, — говорилъ онъ съ особенною логичностью, какъ бы наказывая кого-то за всю эту тайную, нелогичную, происходившую въ немъ, внутреннюю работу.

Княжна Марья думала въ этихъ случаяхъ о томъ, какъ сушитъ мужчинъ эта умственная работа.

IV.

Князь Андрей пріѣхалъ въ Петербургъ въ августѣ 1809 года. Это было время апогея славы молодого Сперанскаго и энергіи совершаемыхъ имъ переворотовъ. Въ этомъ самомъ августѣ государь, ѣхавъ въ коляскѣ, былъ вываленъ, повредилъ себѣ ногу и оставался въ Петергофѣ три недѣли, видаясь ежедневно и исключительно со Сперанскимъ. Въ это время готовились не только два столь знаменитые и встревожившіе общество указа объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ и объ экзаменахъ на чины коллежскихъ асессоровъ и статскихъ совѣтниковъ, но и цѣлая государственная конституція, долженствовавшая измѣнить существующій судебный, административный и финансовый порядокъ управленія Россіи отъ государственнаго совѣта до волостного

правленія. Теперь осуществлялись и воплощались тѣ неясныя либеральныя мечтанія, съ которыми вступилъ на престолъ императоръ Александръ и которыя онъ стремился осуществить съ помощью своихъ помощниковъ: Чарторижскаго, Новосильцева, Кочубея и Строгонова, которыхъ онъ самъ шутя называлъ comité du salut publique.

Теперь всѣхъ вмѣстѣ замѣнилъ Сперанскій по гражданской части и Аракчеевъ по военной. Князь Андрей вскорѣ послѣ пріѣзда своего, какъ камергеръ, явился ко двору и на выходъ. Государь, два раза встрѣтивъ его, не удостоилъ его ни однимъ словомъ. Князю Андрею всегда еще прежде казалось, что онъ антипатиченъ государю, что государю непріятно его лицо и все существо его. Въ сухомъ, отдаляющемъ взглядѣ, которымъ посмотрѣлъ на него государь, князь Андрей еще болѣе, чѣмъ прежде, нашелъ подтвержденіе этому предположенію. Придворные объяснили князю Андрею невниманіе къ нему государя тѣмъ, что Его Величество былъ недоволенъ тѣмъ, что Болконскій не служилъ съ 1805 года.

«Я самъ знаю, какъ мы не властны въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ», думалъ князь Андрей, «и потому нечего думать о томъ, чтобы представить лично мою записку о военномъ уставѣ государю, но дѣло будетъ говорить само за себя».

Онъ передалъ о своей запискѣ старому фельдмаршалу, другу отца. Фельдмаршалъ, назначивъ ему часъ, ласково принялъ его и обѣщался доложить государю. Черезъ нѣсколько дней было объявлено князю Андрею, что онъ имѣетъ явиться къ военному министру, графу Аракчееву.

Въ девять часовъ утра въ назначенный день князь Андрей явился въ пріемную къ графу Аракчееву.

Лично князь Андрей не зналъ Аракчеева и никогда не видалъ его, но все, что́ онъ зналъ о немъ, мало внушало ему уваженія къ этому человѣку.

«Онъ — военный министръ, довѣренное лицо государя императора; никому не должно быть дѣла до его личныхъ свойствъ; ему поручено разсмотрѣть мою записку, слѣдовательно онъ одинъ и можетъ дать ходъ ей», думалъ князь Андрей, въ числѣ многихъ важныхъ и неважныхъ лицъ дожидаясь въ пріемной графа Аракчеева.

Князь Андрей во время своей, большею частью адъютантской, службы много видѣлъ пріемныхъ важныхъ лицъ, и различные характеры этихъ пріемныхъ были для него очень ясны. У графа

Аракчеева былъ совершенно особенный характеръ пріемной. На неважныхъ лицахъ, ожидающихъ очереди аудіенціи въ пріемной графа Аракчеева, написано было чувство пристыженности и покорности; на болѣе чиновныхъ лицахъ выражалось одно общее чувство неловкости, скрытое подъ личиной развязности и насмѣшки надъ собой, надъ своимъ положеніемъ и надъ ожидаемымъ лицомъ. Иные задумчиво ходили взадъ и впередъ, иные, шепчась, смѣялись, и князь Андрей слышалъ sobriquet Силы Андреича и слова: «дядя задастъ», относившіяся къ графу Аракчееву. Одинъ генералъ (важное лицо), видимо оскорбленный тѣмъ, что долженъ былъ такъ долго ждать, сидѣлъ, перекладывая ноги и презрительно самъ съ собой улыбаясь.

Но какъ только растворялась дверь, на всѣхъ лицахъ выражалось мгновенно только одно — страхъ. Князь Андрей попросилъ дежурнаго другой разъ доложить о себѣ, но на него посмотрѣли съ насмѣшкой и сказали, что его чередъ придетъ въ свое время. Послѣ нѣсколькихъ лицъ, введенныхъ и выведенныхъ адъютантомъ изъ кабинета министра, въ страшную дверь былъ впущенъ офицеръ, поразившій князя Андрея своимъ униженнымъ и испуганнымъ видомъ. Аудіенція офицера продолжалась долго. Вдругъ послышались изъ-за двери раскаты непріятнаго голоса, и блѣдный офицеръ, съ трясущимися губами, вышелъ оттуда и, схвативъ себя за голову, прошелъ черезъ пріемную.

Вслѣдъ затѣмъ князь Андрей былъ подведенъ къ двери, и дежурный шопотомъ сказалъ: «направо, къ окну».

Князь Андрей вошелъ въ небогатый опрятный кабинетъ и у стола увидалъ сорокалѣтняго человѣка, съ длинной таліей, съ длинной, коротко-обстриженной головой и толстыми морщинами, съ нахмуренными бровями надъ каре-зелеными тупыми глазами и висячимъ краснымъ носомъ. Аракчеевъ поворотилъ къ нему голову, не глядя на него.

— Вы чего просите? — спросилъ Аракчеевъ.

— Я ничего не... прошу, ваше сіятельство,—тихо проговорилъ князь Андрей.

Глаза Аракчеева обратились на него.

— Садитесь, — сказалъ Аракчеевъ. — Князь Болконскій?

— Я ничего не прошу, а государь императоръ изволилъ переслать къ вашему сіятельству поданную мною записку...

— Изволите видѣть, мой любезнѣйшій, записку я вашу читалъ, — перебилъ Аракчеевъ, только первыя слова сказавъ ласково, опять не глядя ему въ лицо и впадая все болѣе и болѣе въ ворчливо-презрительный тонъ.—Новые законы военные пред-

лагаете? Законовъ много, исполнять некому старыхъ. Нынче всѣ законы пишутъ; писать легче, чѣмъ дѣлать.

— Я пріѣхалъ по волѣ государя императора узнать у вашего сіятельства, какой ходъ вы полагаете дать поданной запискѣ? — сказалъ учтиво князь Андрей.

— На записку вашу мной положена резолюція и переслана въ комитетъ. Я *не* одобряю, — сказалъ Аракчеевъ, вставая и доставая съ письменнаго стола бумагу.—Вотъ!—онъ подалъ князю Андрею.

На бумагѣ, поперекъ ея, карандашомъ, безъ заглавныхъ буквъ, безъ орѳографіи, безъ знаковъ препинанія, было написано: «Неосновательно составлено, понеже какъ подражаніе списано съ французскаго военнаго устава и отъ воинскаго артикула безъ нужды отступающаго».

— Въ какой же комитетъ передана записка?—спросилъ князь Андрей.

— Въ комитетъ о воинскомъ уставѣ, и мною представлено о зачисленіи вашего благородія въ члены. Только безъ жалованья.

Князь Андрей улыбнулся.

— Я и не желаю.

— Безъ жалованья членомъ, — повторилъ Аракчеевъ. — Имѣю честь. Эй, зови! Кто еще? — крикнулъ онъ, кланяясь князю Андрею.

V.

Ожидая увѣдомленія о зачисленіи его въ члены комитета, князь Андрей возобновилъ старыя знакомства, особенно съ тѣми лицами, которыя, онъ зналъ, были въ силѣ и могли быть нужны ему. Онъ испытывалъ теперь въ Петербургѣ чувство, подобное тому, какое онъ испытывалъ наканунѣ сраженія, когда его томило безпокойное любопытство и непреодолимо тянуло въ высшія сферы, туда, гдѣ готовилось будущее, отъ котораго зависѣли судьбы милліоновъ. Онъ чувствовалъ по озлобленію стариковъ, любопытству непосвященныхъ, по сдержанности посвященныхъ, по торопливости, озабоченности всѣхъ, по безчисленному количеству комитетовъ, комиссій, о существованіи которыхъ онъ вновь узнавалъ каждый день, что теперь, въ 1809 году, готовилось здѣсь, въ Петербургѣ, какое-то огромное гражданское сраженіе, котораго главнокомандующимъ было неизвѣстное ему, таинственное и представлявшееся ему геніальнымъ, лицо,— Сперанскій. И самое, ему смутно извѣстное, дѣло преобразованія и Сперанскій, главный дѣятель, начинали такъ страстно инте-

ресовать его, что дѣло воинскаго устава очень скоро стало переходить въ сознаніи его на второстепенное мѣсто.

Князь Андрей находился въ одномъ изъ самыхъ выгодныхъ положеній для того, чтобы быть хорошо принятымъ во всѣ самые разнообразные и высшіе круги тогдашняго петербургскаго общества. Партія преобразователей радушно принимала и заманивала его, во-первыхъ, потому, что онъ имѣлъ репутацію ума и большой начитанности, во-вторыхъ, потому, что онъ своимъ отпущеніемъ крестьянъ на волю сдѣлалъ уже себѣ репутацію либерала. Партія стариковъ недовольныхъ, прямо какъ къ сыну своего отца, обращалась къ нему за сочувствіемъ, осуждая преобразованія. Женское общество, *свѣтъ*, радушно принимало его, потому что онъ былъ женихъ богатый и знатный и почти новое лицо съ ореоломъ романической исторіи о его мнимой смерти и трагической кончинѣ жены. Кромѣ того, общій голосъ о немъ всѣхъ, которые знали его прежде, былъ тотъ, что онъ много перемѣнился къ лучшему въ эти пять лѣтъ, смягчился и возмужалъ, что не было въ немъ прежняго притворства, гордости и насмѣшливости, и было то спокойствіе, которое пріобрѣтается годами. О немъ заговорили, имъ интересовались, и всѣ желали его видѣть.

На другой день послѣ посѣщенія графа Аракчеева князь Андрей былъ вечеромъ у графа Кочубея. Онъ разсказалъ графу свое свиданіе съ *Силой Андреевичемъ* (Кочубей такъ называлъ Аракчеева съ той же неопредѣленной надъ чѣмъ-то насмѣшкой, которую замѣтилъ князь Андрей въ пріемной военнаго министра).

— Mon cher, даже въ этомъ дѣлѣ вы не минуете Михаила Михаиловича. C'est le grand faiseur[1]). Я скажу ему. Онъ обѣщался пріѣхать вечеромъ...

— Какое же дѣло Сперанскому до военныхъ уставовъ?—спросилъ князь Андрей.

Кочубей, улыбнувшись, покачалъ головой, какъ бы удивляясь наивности Болконскаго.

— Мы съ нимъ говорили про васъ на-дняхъ,—продолжалъ Кочубей,—о вашихъ вольныхъ хлѣбопашцахъ...

— Да, это вы, князь, отпустили своихъ мужиковъ?—сказалъ Екатерининскій старикъ, презрительно обернувшись на Болконскаго.

— Маленькое имѣніе, ничего не приносило дохода,—отвѣчалъ Болконскій, чтобы напрасно не раздражать старика, стараясь смягчить передъ нимъ свой поступокъ.

---

[1]) Все дѣлается имъ.

— Vous craignez d'être en retard [1]),—сказалъ старикъ, глядя на Кочубея.

— Я одного не понимаю,—продолжалъ старикъ: — кто будетъ землю пахать, коли имъ волю дать? Легко законы писать, а управлять трудно. Все равно какъ теперь, я васъ спрашиваю, графъ, кто будетъ начальникомъ палатъ, когда всѣмъ экзамены держать?

— Тѣ, кто выдержатъ экзамены, я думаю, — отвѣчалъ Кочубей, закидывая ногу на ногу и оглядываясь.

— Вотъ у меня служитъ Пряничниковъ, славный человѣкъ, золото человѣкъ, а ему 60 лѣтъ, развѣ онъ пойдетъ на экзамены?..

— Да, это затруднительно, понеже образованіе весьма мало распространено, но...

Графъ Кочубей не договорилъ, онъ поднялся и, взявъ за руку князя Андрея, пошелъ навстрѣчу входящему высокому, лысому, бѣлокурому человѣку, лѣтъ сорока, съ большимъ открытымъ лбомъ и необычайной странной бѣлизной продолговатаго лица. На вошедшемъ былъ синій фракъ, крестъ на шеѣ и звѣзда на лѣвой сторонѣ груди. Это былъ Сперанскій. Князь Андрей тотчасъ узналъ его, и въ душѣ его что-то дрогнуло, какъ это бываетъ въ важныя минуты жизни. Было ли это уваженіе, зависть, ожиданіе — онъ не зналъ. Вся фигура Сперанскаго имѣла особенный типъ, по которому сейчасъ можно было узнать его. Ни у кого изъ того общества, въ которомъ жилъ князь Андрей, онъ не видалъ этого спокойствія и самоувѣренности неловкихъ и тупыхъ движеній; ни у кого онъ не видалъ такого твердаго и вмѣстѣ мягкаго взгляда полузакрытыхъ и нѣсколько влажныхъ глазъ, не видалъ такой твердости ничего незначащей улыбки, такого тонкаго, ровнаго тихаго голоса и, главное, такой нѣжной бѣлизны лица и особенно рукъ, нѣсколько широкихъ, но необыкновенно пухлыхъ, нѣжныхъ и бѣлыхъ. Такую бѣлизну и нѣжность лица князь Андрей видалъ только у солдатъ, долго пробывшихъ въ госпиталѣ. Это былъ Сперанскій, государственный секретарь, докладчикъ государя и спутникъ его въ Эрфуртѣ, гдѣ онъ не разъ видѣлся и говорилъ съ Наполеономъ.

Сперанскій не перебѣгалъ глазами съ одного лица на другое, какъ это невольно дѣлается при входѣ въ большое общество, и не торопился говорить. Онъ говорилъ тихо, съ увѣренностью, что будутъ слушать его, и смотрѣлъ только на то лицо, съ которымъ говорилъ.

---

[1]) Вы боитесь опоздать.

Князь Андрей особенно внимательно слѣдилъ за каждымъ словомъ и движеніемъ Сперанскаго. Какъ это бываетъ съ людьми, особенно съ тѣми, которые строго судятъ своихъ ближнихъ, князь Андрей, встрѣчаясь съ новымъ лицомъ, особенно съ такимъ, какъ Сперанскій, котораго онъ зналъ по репутаціи, всегда ждалъ найти въ немъ полное совершенство человѣческихъ достоинствъ.

Сперанскій сказалъ Кочубею, что жалѣетъ о томъ, что не могъ пріѣхать раньше, потому что его задержали во дворцѣ. Онъ не сказалъ, что его задержалъ государь. И эту аффектацію скромности замѣтилъ князь Андрей. Когда Кочубей назвалъ ему князя Андрея, Сперанскій медленно перевелъ свои глаза на Болконскаго съ тою же улыбкой и молча сталъ смотрѣть на него.

— Я очень радъ съ вами познакомиться, я слышалъ о васъ, какъ и всѣ, — сказалъ онъ.

Кочубей сказалъ нѣсколько словъ о пріемѣ, сдѣланномъ Болконскому Аракчеевымъ. Сперанскій больше улыбнулся.

— Директоромъ комиссіи военныхъ уставовъ мой хорошій пріятель — господинъ Магницкій, — сказалъ онъ, договаривая каждый слогъ и каждое слово, — и ежели вы того пожелаете, я могу свести васъ съ нимъ. (Онъ помолчалъ на точкѣ.) Я надѣюсь, что вы найдете въ немъ сочувствіе и желаніе содѣйствовать всему разумному.

Около Сперанскаго тотчасъ же составился кружокъ, и тотъ старикъ, который говорилъ о своемъ чиновникѣ Пряничниковѣ, тоже съ вопросомъ обратился къ Сперанскому.

Князь Андрей, не вступая въ разговоръ, наблюдалъ всѣ движенія Сперанскаго, этого человѣка, недавно ничтожнаго семинариста, а теперь въ рукахъ своихъ этихъ бѣлыхъ, пухлыхъ рукахъ, имѣвшаго судьбу Россіи. Князя Андрея поразило необычайное, презрительное спокойствіе, съ которымъ Сперанскій отвѣчалъ старику. Онъ, казалось, съ неизмѣримой высоты обращалъ къ нему свое снисходительное слово. Когда старикъ сталъ говорить слишкомъ громко, Сперанскій улыбнулся и сказалъ, что онъ не можетъ судить о выгодѣ или невыгодѣ того, что угодно было государю.

Поговоривъ нѣсколько времени въ общемъ кругу, Сперанскій всталъ и, подойдя къ князю Андрею, отозвалъ его съ собой на другой конецъ комнаты. Видно было, что онъ считалъ нужнымъ заняться Болконскимъ.

— Я не успѣлъ поговорить съ вами, князь, среди того одушевленнаго разговора, въ который былъ вовлеченъ этимъ почтен-

нымъ старцемъ, — сказалъ онъ, кротко-презрительно улыбаясь и этой улыбкой какъ бы признавая, что онъ вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ понимаетъ ничтожность тѣхъ людей, съ которыми онъ только что говорилъ. Это обращеніе польстило князю Андрею.— Я васъ знаю давно: во-первыхъ, по дѣлу вашему о вашихъ крестьянахъ, это нашъ первый примѣръ, которому такъ желательно бы было больше послѣдователей; а во-вторыхъ, потому, что вы одинъ изъ тѣхъ камергеровъ, которые не сочли себя обиженными новымъ указомъ о придворныхъ чинахъ, вызывающимъ такіе толки и пересуды.

— Да, — сказалъ князь Андрей, — отецъ не хотѣлъ, чтобы я пользовался этимъ правомъ; я началъ службу съ нижнихъ чиновъ.

— Вашъ батюшка, человѣкъ стараго вѣка, очевидно стоитъ выше нашихъ современниковъ, которые такъ осуждаютъ эту мѣру, возстановляющую только естественную справедливость.

— Я думаю однако, что есть основаніе и въ этихъ осужденіяхъ...—сказалъ князь Андрей, стараясь бороться съ вліяніемъ Сперанскаго, которое онъ начиналъ чувствовать.

Ему непріятно было во всемъ соглашаться съ нимъ: онъ хотѣлъ противорѣчить. Князь Андрей, обыкновенно говорившій легко и хорошо, чувствовалъ теперь затрудненіе выражаться, говоря со Сперанскимъ. Его слишкомъ занимали наблюденія надъ личностью знаменитаго человѣка.

— Основаніе для личнаго честолюбія, можетъ-быть, — тихо вставилъ свое слово Сперанскій.

— Отчасти и для государства, — сказалъ князь Андрей.

— Какъ вы разумѣете?.. — сказалъ Сперанскій, тихо опустивъ глаза.

— Я почитатель Montesquieu, — сказалъ князь Андрей. — И его мысль о томъ, что le princ ipe desmonarchies est l'honneur, me parait incontestable. Certains droits et privilèges de la noblesse me paraissent être des moyens de soutenir ce sentiment [1]).

Улыбка исчезла на бѣломъ лицѣ Сперанскаго, и физіономія его много выиграла отъ этого. Вѣроятно, мысль князя Андрея показалась ему занимательной.

— Si vous envisagez la question sous ce point de vue [2]), — началъ онъ, съ очевиднымъ затрудненіемъ выговаривая по-фран-

---

[1]) Основа монархій есть честь, мнѣ кажется несомнѣнной. Нѣкоторыя права и привилегіи дворянства мнѣ кажутся средствами для поддержанія этого чувства.

[2]) Если вы такъ смотрите на предметъ.

цузски и говоря еще медленнѣе, чѣмъ по-русски, но совершенно спокойно.

Онъ сказалъ, что честь l'honneur, не можетъ поддерживаться преимуществами, вредными для хода службы, что честь, l'honneur, есть или отрицательное понятіе недѣланья предосудительныхъ поступковъ, или извѣстный источникъ соревнованія для полученія одобренія и наградъ, выражающихъ его. Доводы его были сжаты, просты и ясны.

— Институтъ, поддерживающій эту честь, источникъ соревнованія есть институтъ, подобный Légion d'honneur великаго императора Наполеона, не вредящій, а содѣйствующій успѣху службы, а не сословное или придворное преимущество.

— Я не спорю, но нельзя отрицать, что придворное преимущество достигло той же цѣли,—сказалъ князь Андрей:—всякій придворный считаетъ себя обязаннымъ достойно нести свое положеніе.

— Но вы имъ не хотѣли воспользоваться, князь, — сказалъ Сперанскій, улыбкой показывая, что онъ неловкій для своего собесѣдника споръ желаетъ прекратить любезностью. — Ежели вы мнѣ сдѣлаете честь пожаловать ко мнѣ въ среду,—прибавилъ онъ, — то я, переговоривъ съ Магницкимъ, сообщу вамъ то, что можетъ васъ интересовать, и, кромѣ того, буду имѣть удовольствіе подробнѣе побесѣдовать съ вами.

Онъ, закрывъ глаза, поклонился и, à la française, не прощаясь, стараясь быть незамѣченнымъ, вышелъ изъ залы.

VI.

Первое время своего пребыванія въ Петербургѣ князь Андрей почувствовалъ весь свой складъ мыслей, выработавшійся въ его уединенной жизни, совершенно затемненнымъ тѣми мелкими заботами, которыя охватили его въ Петербургѣ.

Съ вечера, возвращаясь домой, онъ въ памятной книжкѣ записывалъ 4 или 5 необходимыхъ визитовъ или rendez-vous въ назначенные часы. Механизмъ жизни, распоряженіе дня такое, чтобы вездѣ поспѣть во́-время, отнимали бо́льшую долю самой энергіи жизни. Онъ ничего не дѣлалъ, ни о чемъ даже не думалъ и не успѣвалъ думать, а только говорилъ, и съ успѣхомъ говорилъ то, что́ онъ успѣлъ прежде обдумать въ деревнѣ.

Онъ иногда замѣчалъ съ неудовольствіемъ, что ему случалось въ одинъ и тотъ же день въ разныхъ обществахъ повторять одно и то же. Но онъ былъ такъ занятъ цѣлые дни, что не успѣвалъ подумать о томъ, что онъ ничего не думалъ.

Сперанскій, какъ въ первое свиданіе съ нимъ у Кочубея, такъ и потомъ въ среду, дома, гдѣ Сперанскій, съ глазу на глазъ принявъ Болконскаго, долго и довѣрчиво говорилъ съ нимъ, сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на князя Андрея.

Князь Андрей такое огромное количество людей считалъ презрѣнными и ничтожными существами, такъ ему хотѣлось найти въ другомъ живой идеалъ того совершенства, къ которому онъ стремился, что онъ легко повѣрилъ, что въ Сперанскомъ онъ нашелъ этотъ идеалъ вполнѣ разумнаго и добродѣтельнаго человѣка. Ежели бы Сперанскій былъ изъ того же общества, изъ котораго былъ князь Андрей, того же воспитанія и нравственныхъ привычекъ, то Болконскій скоро бы нашелъ его слабыя, человѣческія, не геройскія стороны, но теперь этотъ странный для него логическій складъ ума тѣмъ болѣе внушалъ ему уваженія, что онъ не вполнѣ понималъ его. Кромѣ того, Сперанскій, потому ли, что онъ оцѣнилъ способности князя Андрея, или потому, что нашелъ нужнымъ пріобрѣсть его себѣ, Сперанскій кокетничалъ передъ княземъ Андреемъ своимъ безпристрастнымъ, спокойнымъ разумомъ и льстилъ князю Андрею той тонкой лестью, соединенной съ самонадѣянностью, которая состоитъ въ молчаливомъ признаваніи своего собесѣдника съ собою вмѣстѣ единственнымъ человѣкомъ, способнымъ понимать всю глупость *всѣхъ* остальныхъ и разумность и глубину своихъ мыслей.

Во время длиннаго ихъ разговора въ среду вечеромъ Сперанскій не разъ говорилъ: «У *насъ* смотрятъ на все, что выходитъ изъ общаго уровня закоренѣлой привычки...», или съ улыбкой: «Но *мы* хотимъ, чтобъ и волки были сыты, и овцы цѣлы...», или: «*Они* этого не могутъ понять...», и все съ такимъ выраженіемъ, которое говорило: «Мы: вы да я; мы понимаемъ, чтó *они* и кто *мы*».

Этотъ первый длинный разговоръ съ Сперанскимъ только усилилъ въ князѣ Андреѣ то чувство, съ которымъ онъ въ первый разъ увидалъ Сперанскаго. Онъ видѣлъ въ немъ разумнаго, строго-мыслящаго, огромнаго ума человѣка, энергіей и упорствомъ достигшаго власти и употребляющаго ее только для блага Россіи. Сперанскій въ глазахъ князя Андрея былъ именно тотъ человѣкъ, разумно объясняющій всѣ явленія жизни, признающій значительнымъ только то, что разумно, и ко всему умѣющій прилагать мѣрило разумности, которымъ онъ самъ такъ хотѣлъ быть. Все представлялось такъ просто, ясно въ изложеніи Сперанскаго, что князь Андрей невольно соглашался съ нимъ во всемъ. Ежели онъ возражалъ и спорилъ, то только потому, что хотѣлъ нарочно быть самостоятельнымъ и не совсѣмъ подчи-

няться мнѣніямъ Сперанскаго. Все было такъ, все было хорошо, но одно смущало князя Андрея: это былъ холодный, зеркальный, не пропускающій къ себѣ въ душу взглядъ Сперанскаго и его бѣлая, нѣжная рука, на которую невольно смотрѣлъ князь Андрей, какъ смотрятъ обыкновенно на руки людей, имѣющихъ власть. Зеркальный взглядъ и нѣжная рука эта почему-то раздражали князя Андрея. Непріятно поражало князя Андрея еще слишкомъ большое презрѣніе къ людямъ, которое онъ замѣчалъ въ Сперанскомъ, и разнообразность пріемовъ въ доказательствахъ, которые онъ приводилъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній. Онъ употреблялъ всѣ возможныя орудія мысли, исключая сравненія, и слишкомъ смѣло, какъ казалось князю Андрею, переходилъ отъ одного къ другому. То онъ становился на почву практическаго дѣятеля—и осуждалъ мечтателей, то на почву сатирика—и иронически подсмѣивался надъ противниками, то становился строго логичнымъ, то вдругъ поднимался въ область метафизики. (Это послѣднее орудіе доказательствъ онъ особенно часто употреблялъ.) Онъ переносилъ вопросъ на метафизическія высоты, переходилъ въ опредѣленія пространства, времени, мысли и, вынося оттуда опроверженія, опять спускался на почву спора.

Вообще главная черта ума Сперанскаго, поразившая князя Андрея, была несомнѣнная, непоколебимая вѣра въ силу и законность ума. Видно было, что никогда Сперанскому не могла придти въ голову та обыкновенная для князя Андрея мысль, что нельзя все-таки выразить всего того, что́ думаешь, и никогда не приходило сомнѣніе въ томъ, что не вздоръ ли все то, что̀ я думаю, и все то, во что̀ я вѣрю? И этотъ-то особенный складъ ума Сперанскаго болѣе всего привлекалъ къ себѣ князя Андрея.

Первое время своего знакомства со Сперанскимъ князь Андрей питалъ къ нему страстное чувство восхищенія, похожее на то, которое онъ когда-то испытывалъ къ Бонапарте. То обстоятельство, что Сперанскій былъ сынъ священника, котораго можно было глупымъ людямъ, какъ это и дѣлали многіе, пошло презирать въ качествѣ кутейника и поповича, заставляло князя Андрея особенно бережно обходиться съ своимъ чувствомъ къ Сперанскому и безсознательно усиливать его въ самомъ себѣ.

Въ тотъ первый вечеръ, который Болконскій провелъ у него, разговорившись о комиссіи составленія законовъ, Сперанскій съ ироніей разсказывалъ князю Андрею о томъ, что комиссія законовъ существуетъ 150 лѣтъ, сто́итъ милліоны и ничего не

сдѣлала, что Розенкампфъ наклеилъ ярлычки на всѣ статьи сравнительнаго законодательства.

— И вотъ и все, за что государство заплатило милліоны!— сказалъ онъ. — Мы хотимъ дать новую судебную власть Сенату, а у насъ нѣтъ законовъ. Поэтому-то такимъ людямъ, какъ вы, князь, грѣхъ не служить теперь.

Князь Андрей сказалъ, что для этого нужно юридическое образованіе, котораго онъ не имѣетъ.

— Да его никто не имѣетъ, такъ что же вы хотите? Это circulus viciosus, изъ котораго надо выйти усиліемъ.

Черезъ недѣлю князь Андрей былъ членомъ комиссіи составленія воинскаго устава и, чего онъ никакъ не ожидалъ, начальникомъ отдѣленія комиссіи составленія законовъ. По просьбѣ Сперанскаго онъ взялъ первую часть составляемаго Гражданскаго уложенія и, съ помощью Code Napoléon и Justiniani, работалъ надъ составленіемъ отдѣла: Права лицъ.

VII.

Года два тому назадъ, въ 1808 году, вернувшись въ Петербургъ изъ своей поѣздки по имѣніямъ, Пьеръ невольно сталъ во главѣ петербургскаго масонства. Онъ устраивалъ столовыя и надгробныя ложи, вербовалъ новыхъ членовъ, заботился о соединеніи различныхъ ложъ и о пріобрѣтеніи подлинныхъ актовъ. Онъ давалъ свои деньги на устройство храминъ и пополнялъ, насколько могъ, сборы милостыни, на которыя большинство членовъ были скупы и неаккуратны. Онъ почти одинъ на свои средства поддерживалъ домъ бѣдныхъ, устроенный орденомъ въ Петербургѣ.

Жизнь его между тѣмъ шла попрежнему, съ тѣми же увлеченіями и распущенностью. Онъ любилъ хорошо пообѣдать и выпить и, хотя считалъ это безнравственнымъ и унизительнымъ, не могъ воздерживаться отъ увеселеній холостыхъ обществъ, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Въ чаду своихъ занятій и увлеченій Пьеръ однако, по прошествіи года, началъ чувствовать, какъ та почва масонства, на которой онъ стоялъ, тѣмъ болѣе уходила изъ-подъ его ногъ, чѣмъ тверже онъ старался стать на ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что чѣмъ глубже уходила подъ его ногами почва, на которой онъ стоялъ, тѣмъ невольнѣе онъ былъ связанъ съ ней. Когда онъ приступилъ къ масонству, онъ испытывалъ чувства человѣка, довѣрчиво становящаго ногу на ровную поверх-

ность болота. Поставивъ ногу, онъ провалился. Чтобы вполнѣ увѣриться въ твердости почвы, на которой онъ стоялъ, онъ поставилъ другую ногу и провалился еще больше, завязъ и уже невольно ходилъ по колѣно въ болотѣ.

Іосифа Алексѣевича не было въ Петербургѣ. (Онъ въ послѣднее время отстранился отъ дѣлъ петербургскихъ ложъ и безвыѣздно жилъ въ Москвѣ.) Всѣ братья, члены ложъ, были Пьеру знакомые въ жизни люди, и ему трудно было видѣть въ нихъ только братьевъ по каменщичеству, а не князя Б., не Ивана Васильевича Д., которыхъ онъ зналъ въ жизни большею частью какъ слабыхъ и ничтожныхъ людей. Изъ-подъ масонскихъ фартуковъ и знаковъ онъ видѣлъ на нихъ мундиры и кресты, которыхъ они добивались въ жизни. Часто, собирая милостыню и сочтя 20—30 рублей, записанныхъ на приходъ, и большею частью въ долгъ, съ десяти членовъ, изъ которыхъ половина были такъ же богаты, какъ и онъ, Пьеръ вспоминалъ масонскую клятву о томъ, что каждый братъ обѣщаетъ отдать все свое имущество для ближняго; и въ душѣ его поднимались сомнѣнія, на которыхъ онъ старался не останавливаться.

Всѣхъ братьевъ, которыхъ онъ зналъ, онъ подраздѣлялъ на четыре разряда. Къ первому разряду онъ причислялъ братьевъ, не принимающихъ дѣятельнаго участія ни въ дѣлахъ ложъ, ни въ дѣлахъ человѣческихъ, но занятыхъ исключительно таинствами науки ордена, занятыхъ вопросами о тройственномъ наименованіи Бога, или о трехъ началахъ вещей—сѣрѣ, меркуріи и соли, или о значеніи квадрата и всѣхъ фигуръ храма Соломонова. Пьеръ уважалъ этотъ разрядъ братьевъ-масоновъ, къ которому принадлежали преимущественно старые братья и самъ Іосифъ Алексѣевичъ, по мнѣнію Пьера, но не раздѣлялъ ихъ интересовъ. Сердце его не лежало къ мистической сторонѣ массонства.

Ко второму разряду Пьеръ причислялъ себя и себѣ подобныхъ братьевъ, ищущихъ, колеблющихся, не нашедшихъ еще прямого и понятнаго пути въ масонство, но надѣющихся найти его.

Къ третьему разряду онъ причислялъ братьевъ (ихъ было самое большое число), не видящихъ въ масонствѣ ничего, кромѣ внѣшней формы и обрядности, и дорожащихъ строгимъ исполненіемъ этой внѣшней формы, не заботясь о ея содержаніи и значеніи. Таковы были Виларскій и даже великій мастеръ главной ложи.

Къ четвертому разряду, наконецъ, причислялось тоже большое количество братьевъ, въ особенности въ послѣднее время

вступившихъ въ братство. Это были люди, по наблюденіямъ Пьера, ни во что не вѣрующіе, ничего не желающіе и поступавшіе въ масонство только для сближенія съ молодыми, богатыми и сильными по связямъ и знатности братьями, которыхъ весьма много было въ ложѣ.

Пьеръ начиналъ чувствовать себя неудовлетвореннымъ своею дѣятельностью. Масонство, по крайней мѣрѣ, то масонство, которое онъ зналъ здѣсь, казалось ему иногда, основано было на одной внѣшности. Онъ и не думалъ сомнѣваться въ самомъ масонствѣ, но подозрѣвалъ, что русское масонство пошло по ложному пути и отклонилось отъ своего источника. И потому въ концѣ года Пьеръ поѣхалъ за границу для посвященія себя въ высшія тайны ордена.

Лѣтомъ еще въ 1809 году Пьеръ вернулся въ Петербургъ. По перепискѣ нашихъ масоновъ съ заграничными было извѣстно, что Безуховъ успѣлъ за границей получить довѣріе многихъ высокопоставленныхъ лицъ, проникъ многія тайны, былъ возведенъ въ высшую степень и везетъ съ собою многое для общаго блага каменщическаго дѣла въ Россіи. Петербургскіе масоны всѣ пріѣхали къ нему, заискивая въ немъ, и всѣмъ показалось, что онъ что-то скрываетъ и готовитъ.

Назначено было торжественное засѣданіе ложи 2-го градуса, въ которой Пьеръ обѣщалъ сообщить то, что́ онъ имѣетъ передать петербургскимъ братьямъ отъ высшихъ руководителей ордена. Засѣданіе было полно. Послѣ обыкновенныхъ обрядовъ Пьеръ всталъ и началъ свою рѣчь.

«Любезные братья!» началъ онъ, краснѣя и запинаясь и держа въ рукѣ написанную рѣчь. «Недостаточно блюсти въ тиши ложи наши таинства,—нужно дѣйствовать... дѣйствовать. Мы находимся въ усыпленіи, а намъ нужно дѣйствовать». Пьеръ взялъ свою тетрадь и началъ читать.

«Для распространенія чистой истины и доставленія торжества добродѣтели», читалъ онъ, «должны мы очистить людей отъ предразсудковъ, распространить правила, сообразныя съ духомъ времени, принять на себя воспитаніе юношества, соединиться неразрывными узами съ умнѣйшими людьми, смѣло и вмѣстѣ благоразумно преодолѣвать суевѣріе, невѣріе и глупость, образовать изъ преданныхъ намъ людей связанныхъ между собой единствомъ цѣли и имѣющихъ власть и силу.

«Для достиженія сей цѣли должно доставить добродѣтели перевѣсъ надъ порокомъ, должно стараться, чтобы честный человѣкъ обрѣталъ еще въ семъ мірѣ вѣчную награду за свои

добродѣтели. Но въ сихъ великихъ намѣреніяхъ препятствуютъ намъ весьма много внѣшнія политическія учрежденія. Что же дѣлать при таковомъ положеніи вещей? Благопріятствовать ли революціямъ, все ниспровергнуть, изгнать силу силой?.. Нѣтъ, мы весьма далеки отъ того. Всякая насильственная реформа достойна порицанія, потому что нимало не исправитъ зла, пока люди остаются таковы, каковы они есть, и потому что мудрость не имѣетъ нужды въ насиліи.

«Весь планъ ордена долженъ быть основанъ на томъ, чтобъ образовать людей твердыхъ, добродѣтельныхъ и связанныхъ единствомъ убѣжденія, убѣжденія, состоящаго въ томъ, чтобы вездѣ и всѣми силами преслѣдовать порокъ и глупость и покровительствовать таланты и добродѣтель: извлекать изъ праха людей достойныхъ, присоединяя ихъ къ нашему братству. Тогда только орденъ нашъ будетъ имѣть власть — нечувствительно вязать руки покровителямъ безпорядка и управлять ими такъ, чтобъ они того не примѣчали. Однимъ словомъ, надобно учредить всеобщій владычествующій образъ правленія, который распространялся бы надъ цѣлымъ свѣтомъ, не разрушая гражданскихъ узъ, и при коемъ всѣ прочія правленія могли бы продолжаться обыкновеннымъ своимъ порядкомъ и дѣлать все, кромѣ того только, что́ препятствуетъ великой цѣли нашего ордена, то-есть доставленію добродѣтели торжества надъ порокомъ. Сію цѣль предполагало само христіанство. Оно учило людей быть мудрыми и добрыми и для собственной своей выгоды слѣдовать примѣру и наставленіямъ лучшихъ и мудрѣйшихъ человѣковъ.

«Тогда, когда все погружено было во мракѣ, достаточно было, конечно, одного проповѣданія: новость истины придавала ей особенную силу, но нынѣ потребны для насъ гораздо сильнѣйшія средства. Теперь нужно, чтобы человѣкъ, управляемый своими чувствами, находилъ въ добродѣтели чувственныя прелести. Нельзя искоренить страстей; должно только стараться направить ихъ къ благородной цѣли, и потому надобно, чтобы каждый могъ удовлетворять своимъ страстямъ въ предѣлахъ добродѣтели и чтобы нашъ орденъ доставлялъ къ тому средства.

«Какъ скоро будетъ у насъ нѣкоторое число достойныхъ людей въ каждомъ государствѣ, каждый изъ нихъ образуетъ опять двухъ другихъ, и всѣ они тѣсно между собой соединятся, тогда все будетъ возможно для ордена, который втайнѣ успѣлъ уже сдѣлать многое ко благу человѣчества».

Рѣчь эта произвела не только сильное впечатлѣніе, но и волненіе въ ложѣ. Большинство же братьевъ, видѣвшее въ этой

рѣчи опасные замыслы иллюминатства, съ удивившею Пьера холодностью приняло его рѣчь. Великій мастеръ сталъ возражать Пьеру. Пьеръ съ бо́льшимъ и бо́льшимъ жаромъ сталъ развивать свои мысли. Давно не было столь бурнаго засѣданія. Составились партіи: одни обвиняли Пьера, осуждая его въ иллюминатствѣ; другіе поддерживали его. Пьера въ первый разъ поразило на этомъ собраніи то безконечное разнообразіе умовъ человѣческихъ, которое дѣлаетъ то, что никакая истина одинаково не представляется двумъ людямъ. Даже тѣ изъ членовъ, которые, казалось, были на его сторонѣ, понимали его по-своему, съ ограниченіями, измѣненіями, на которыя онъ не могъ согласиться, такъ какъ главная потребность Пьера состояла именно въ томъ, чтобы передать свою мысль другому точно такъ, какъ онъ самъ понималъ ее.

По окончаніи засѣданія великій мастеръ съ недоброжелательствомъ и ироніей сдѣлалъ Безухову замѣчаніе о его горячности и о томъ, что не одна любовь къ добродѣтели, но и увлеченіе борьбы руководило имъ въ спорѣ. Пьеръ не отвѣчалъ ему и коротко спросилъ, будетъ ли принято его предложеніе. Ему сказали, что нѣтъ, и Пьеръ, не дожидаясь обычныхъ формальностей, вышелъ изъ ложи и уѣхалъ домой.

VIII.

На Пьера опять нашла та тоска, которой онъ такъ боялся. Онъ три дня послѣ произнесенія своей рѣчи въ ложѣ лежалъ дома на диванѣ, никого не принимая и никуда не выѣзжая.

Въ это время онъ получилъ письмо отъ жены, которая умоляла его о свиданіи, писала о своей грусти по немъ и о желаніи посвятить ему всю свою жизнь.

Въ концѣ письма она извѣщала его, что на-дняхъ пріѣдетъ въ Петербургъ изъ-за границы.

Вслѣдъ за письмомъ въ уединеніе Пьера ворвался одинъ изъ менѣе другихъ уважаемыхъ имъ братьевъ-масоновъ и, наведя разговоръ на супружескія отношенія Пьера, въ видѣ братскаго совѣта, высказалъ ему мысль о томъ, что строгость его къ женѣ несправедлива и что Пьеръ отступаетъ отъ первыхъ правилъ масона, не прощая кающуюся.

Въ это же самое время теща его, жена князя Василія, присылала за нимъ, умоляя его хоть на нѣсколько минутъ посѣтить ее для переговоровъ о весьма важномъ дѣлѣ. Пьеръ видѣлъ, что былъ заговоръ противъ него, что его хотѣли соединить съ женой, и это было даже не непріятно ему въ томъ со-

стояніи, въ которомъ онъ находился. Ему было все равно: Пьеръ ничто въ жизни не считалъ дѣломъ большой важности, и подъ вліяніемъ тоски, которая теперь овладѣла имъ, онъ не дорожилъ ни своею свободою, ни своимъ упорствомъ въ наказаніи жены.

«Никто не правъ, никто не виноватъ, стало-быть, и она не виновата», думалъ онъ.

Ежели Пьеръ не изъявилъ тотчасъ же согласія на соединеніе съ женой, то только потому, что въ состояніи тоски, въ которомъ онъ находился, онъ не былъ въ силахъ ничего предпринять. Ежели бы жена пріѣхала къ нему, онъ бы теперь не прогналъ ее. Развѣ не все равно было въ сравненіи съ тѣмъ, чтó занимало Пьера, жить или не жить съ женой?

Не отвѣчая ничего ни женѣ, ни тещѣ, Пьеръ разъ позднимъ вечеромъ собрался въ дорогу и уѣхалъ въ Москву, чтобы повидаться съ Іосифомъ Алексѣевичемъ. Вотъ что писалъ Пьеръ въ дневникѣ своемъ:

«Москва, 17-го ноября.

«Сейчасъ только пріѣхалъ отъ благодѣтеля, и спѣшу записать все, чтó я испыталъ при этомъ. Іосифъ Алексѣевичъ живетъ бѣдно и страдаетъ третій годъ мучительною болѣзнью пузыря. Никто никогда не слыхалъ отъ него стона или слова ропота. Съ утра и до поздней ночи, за исключеніемъ часовъ, въ которые онъ кушаетъ самую простую пищу, онъ работаетъ надъ наукой. Онъ принялъ меня милостиво и посадилъ на кровати, на которой онъ лежалъ; я сдѣлалъ ему знакъ рыцарей Востока и Іерусалима, онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же и съ кроткою улыбкой спросилъ меня о томъ, что я узналъ и пріобрѣлъ въ прусскихъ и шотландскихъ ложахъ. Я разсказывалъ ему все, какъ умѣлъ; передалъ тѣ основанія, которыя я предлагалъ въ нашей петербургской ложѣ, и сообщилъ о дурномъ пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ, и о разрывѣ, происшедшемъ между мною и братьями. Іосифъ Алексѣевичъ, изрядно помолчавъ и подумавъ, на все это изложилъ мнѣ свой взглядъ, который мгновенно освѣтилъ мнѣ все прошедшее и весь будущій путь, предлежащій мнѣ. Онъ удивилъ меня, спросивъ о томъ, помню ли я, въ чемъ состоитъ троякая цѣль ордена: 1) въ храненіи и познаніи таинства, 2) въ очищеніи и исправленіи себя для воспріятія онаго и 3) въ исправленіи рода человѣческаго чрезъ стремленіе къ таковому очищенію. Какая есть главнѣйшая и первая цѣль изъ этихъ трехъ? Конечно, собственное исправленіе и очищеніе.

Только къ этой цѣли мы можемъ всегда стремиться независимо отъ всѣхъ обстоятельствъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта-то цѣль и требуетъ отъ насъ наиболѣе трудовъ, и потому, заблуждаясь гордостью, мы, упуская эту цѣль, беремся либо за таинство, которое недостойны воспринять по нечистотѣ своей, либо беремся за исправленіе рода человѣческаго, когда сами изъ себя являемъ примѣръ мерзости и разврата. Иллюминатство не есть чистое ученіе именно потому, что оно увлеклось общественною дѣятельностью и преисполнено гордости. На этомъ основаніи Іосифъ Алексѣевичъ осудилъ мою рѣчь и всю мою дѣятельность. Я согласился съ нимъ въ глубинѣ души своей. По случаю разговора нашего о моихъ семейныхъ дѣлахъ онъ сказалъ мнѣ: «Главная обязанность истиннаго масона, какъ я сказалъ вамъ, состоитъ въ совершенствованіи самого себя. Но часто мы думаемъ, что, удаливъ отъ себя всѣ трудности нашей жизни, мы скорѣе достигнемъ этой цѣли. Напротивъ, государь мой,— сказалъ онъ мнѣ,—только въ средѣ свѣтскихъ волненій можемъ мы достигнуть трехъ главныхъ цѣлей: 1) самопознанія, ибо человѣкъ можетъ познавать себя только черезъ сравненіе, 2) совершенствованія, — только борьбой достигается оно, и 3) достигнуть главной добродѣтели — любви къ смерти. Только превратности жизни могутъ показать намъ тщету ея и могутъ содѣйствовать нашей врожденной любви къ смерти или возрожденію къ новой жизни». Слова эти тѣмъ болѣе замѣчательны, что Іосифъ Алексѣевичъ, несмотря на свои тяжкія физическія страданія, никогда не тяготится жизнью, а любитъ смерть, къ которой онъ, несмотря на всю чистоту и высоту своего внутренняго человѣка, не чувствуетъ еще себя достаточно готовымъ. Потомъ благодѣтель объяснилъ мнѣ вполнѣ значеніе великаго квадрата міросозданія и указалъ на то, что тройственное и седьмое число суть основаніе всего. Онъ совѣтовалъ мнѣ не отстраняться отъ общенія съ петербургскими братьями и, занимая въ ложѣ только должности 2-го градуса, стараться, отвлекая братьевъ отъ увлеченій гордости, обращать ихъ на истинный путь самопознанія и совершенствованія. Кромѣ того, для себя лично совѣтовалъ мнѣ первѣе всего слѣдить за самимъ собой и съ этою цѣлью далъ мнѣ тетрадь, ту самую, въ которой я пишу и буду вписывать впредь всѣ свои поступки».

«Петербургъ, 23-го ноября.

«Я опять живу съ женой. Теща моя въ слезахъ пріѣхала ко мнѣ и сказала, что Эленъ здѣсь и что она умоляетъ меня выслушать ее, что она невинна, что она несчастна моимъ оставле-

ніемъ и многое другое. Я зналъ, что ежели я только допущу себя увидать ее, то не въ силахъ буду болѣе отказать ей въ ея желаніи. Въ сомнѣніи своемъ я не зналъ, къ чьей помощи и совѣту прибѣгнуть. Ежели бы благодѣтель былъ здѣсь, онъ бы сказалъ мнѣ. Я удалился къ себѣ, перечелъ письма Іосифа Алексѣевича, вспомнилъ свои бесѣды съ нимъ и изъ всего вывелъ то, что я не долженъ отказывать просящему и долженъ подать руку помощи всякому, тѣмъ болѣе человѣку, столь связанному со мною, и долженъ нести крестъ свой. Но ежели я для добродѣтели простилъ ее, то пускай и будетъ мое соединеніе съ нею имѣть одну духовную цѣль. Такъ я рѣшилъ и такъ написалъ Іосифу Алексѣевичу. Я сказалъ женѣ, что прошу ее забыть все старое, прошу простить мнѣ то, въ чемъ я могъ быть виноватъ предъ ней, а что мнѣ прощать ей нечего. Мнѣ радостно было сказать ей это. Пусть она не знаетъ, какъ тяжело мнѣ было вновь увидать ее. Устроился въ большомъ домѣ въ верхнихъ покояхъ и испытываю счастливое чувство обновленія».

IX.

Какъ и всегда, и тогда высшее общество, соединяясь вмѣстѣ при Дворѣ и на большихъ балахъ, подраздѣлялось на нѣсколько кружковъ, имѣющихъ каждый свой оттѣнокъ. Въ числѣ ихъ самый обширный былъ кружокъ французскій, Наполеоновскаго союза — графа Румянцева и Caulaincourt'a. Въ этомъ кружкѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ заняла Элэнъ, какъ только она съ мужемъ поселилась въ Петербургѣ. У нея бывали господа французскаго посольства и большое количество людей, извѣстныхъ своимъ умомъ и любезностью, принадлежавшихъ къ этому направленію.

Элэнъ была въ Эрфуртѣ во время знаменитаго свиданія императоровъ и оттуда привезла эти связи со всѣми Наполеоновскими достопримѣчательностями Европы. Въ Эрфуртѣ она имѣла блестящій успѣхъ. Самъ Наполеонъ, замѣтивъ ее въ театрѣ, сказалъ про нее: «C'est un superbe animal» [1]). Успѣхъ ея въ качествѣ красивой и элегантной женщины не удивлялъ Пьера, потому что съ годами она сдѣлалась еще красивѣе, чѣмъ прежде. Но удивляло его то, что за эти два года жена его успѣла пріобрѣсти себѣ репутацію «d'une femme charmante, aussi spirituelle, que belle» [2]). Извѣстный prince de Ligne писалъ ей письма на восьми страницахъ, Билибинъ приберегалъ свои mots, чтобы въ

[1]) Это прекрасное животное.

[2]) Прелестной женщины, столь же умной, сколько красивой.

первый разъ сказать ихъ при графинѣ Безуховой. Быть принятымъ въ салонѣ графини Безуховой считалось дипломомъ ума; молодые люди прочитывали книги передъ вечеромъ Элень, чтобы было о чемъ говорить въ ея салонѣ, и секретари посольства, и даже посланники повѣряли ей дипломатическія тайны, такъ что Элень была сила въ нѣкоторомъ родѣ. Пьеръ, который зналъ, что она была очень глупа, съ страннымъ чувствомъ недоумѣнія и страха иногда присутствовалъ на ея вечерахъ и обѣдахъ, гдѣ говорилось о политикѣ, поэзіи и философіи. На этихъ вечерахъ онъ испытывалъ чувство, подобное тому, которое долженъ испытывать фокусникъ, ожидая всякій разъ, что вотъ-вотъ обманъ его откроется. Но оттого ли, что для веденія такого салона именно нужна была глупость, или потому, что сами обманываемые находили удовольствіе въ самомъ обманѣ, обманъ не открывался, и репутація d'une femme charmante et spirituelle такъ непоколебимо утвердилась за Еленой Васильевной Безуховой, что она могла говорить самыя большія пошлости и глупости, и все-таки всѣ восхищались каждымъ ея словомъ и отыскивали въ немъ глубокій смыслъ, котораго она сама и не подозрѣвала.

Пьеръ былъ именно тѣмъ самымъ мужемъ, который нуженъ былъ для этой блестящей свѣтской женщины. Онъ былъ тотъ разсѣянный чудакъ, мужъ grand seigneur, никому не мѣшающій и не только не портящій общаго впечатлѣнія высокаго тона гостиной, но своею противоположностью изяществу и такту жены служащій выгоднымъ для нея фономъ. Пьеръ за эти два года, вслѣдствіе своего постояннаго сосредоточеннаго занятія невещественными интересами и искренняго презрѣнія ко всему остальному, усвоилъ себѣ въ неинтересовавшемъ его обществѣ жены тотъ тонъ равнодушія, небрежности и благосклонности ко всѣмъ, который не пріобрѣтается искусственно и который потому-то внушаетъ невольное уваженіе. Онъ входилъ въ гостиную своей жены какъ въ театръ, со всѣми былъ знакомъ, всѣмъ былъ одинаково радъ и ко всѣмъ былъ одинаково равнодушенъ. Иногда онъ вступалъ въ разговоръ, интересовавшій его, и тогда, безъ соображеній о томъ, были ли тутъ или нѣтъ les messieurs de l'ambassade [1]), шамкая говорилъ свои мнѣнія, которыя иногда были совершенно не въ тонѣ настоящей минуты. Но мнѣніе о чудакѣ мужѣ de la femme la plus distinguée de Pétersbourg уже такъ установилось, что никто не принималъ au sérieux его выходокъ.

Въ числѣ многихъ молодыхъ людей, ежедневно бывавшихъ въ домѣ Элень, Борисъ Друбецкой, уже весьма успѣвшій въ службѣ,

---

[1]) Служащіе при посольствѣ.

послѣ возвращенія Элень изъ Эрфурта, былъ самымъ близкимъ человѣкомъ въ домѣ Безуховыхъ. Элень называла его *mon page* и обращалась съ нимъ какъ съ ребенкомъ. Улыбка ея въ отношеніи его была та же, какъ и ко всѣмъ, но иногда Пьеру непріятно было видѣть эту улыбку. Борисъ обращался съ Пьеромъ съ особенной, достойной и грустной почтительностью. Этотъ оттѣнокъ почтительности тоже безпокоилъ Пьера. Пьеръ такъ больно страдалъ три года тому назадъ отъ оскорбленія, нанесеннаго ему женой, что теперь онъ спасалъ себя отъ возможности подобнаго оскорбленія, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ не былъ мужемъ своей жены, во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ не позволялъ себѣ подозрѣвать.

— Нѣтъ, теперь, сдѣлавшись bas bleu, она навсегда отказалась отъ прежнихъ увлеченій, — говорилъ онъ самъ себѣ.— Не было примѣра, чтобы bas bleu имѣли сердечныя увлеченія,— повторялъ онъ самъ себѣ неизвѣстно откуда извлеченное правило, которому несомнѣнно вѣрилъ. Но, странное дѣло, присутствіе Бориса въ гостиной жены (а онъ былъ почти постоянно) физически дѣйствовало на Пьера: оно связывало всѣ его члены, уничтожало безсознательность и свободу его движеній.

«Такая странная антипатія», думалъ Пьеръ, «а прежде онъ мнѣ даже очень нравился».

Въ глазахъ свѣта Пьеръ былъ большой баринъ, нѣсколько слѣпой и смѣшной мужъ знаменитой жены, умный чудакъ, ничего не дѣлающій, но и никому не вредящій, славный и добрый малый. Въ душѣ же Пьера происходила за все это время сложная и трудная работа внутренняго развитія, открывшая ему многое и приведшая его ко многимъ духовнымъ сомнѣніямъ и радостямъ.

X.

Онъ продолжалъ свой дневникъ, и вотъ что онъ писалъ въ немъ за это время:

«24-го ноября.

«Всталъ въ восемь часовъ, читалъ Св. Писаніе, потомъ пошелъ къ должности (Пьеръ, по совѣту благодѣтеля, поступилъ на службу въ одинъ изъ комитетовъ), возвратился къ обѣду, обѣдалъ одинъ (у графини много гостей, мнѣ непріятныхъ), ѣлъ и пилъ умѣренно и послѣ обѣда списывалъ пьесы для братьевъ. Ввечеру сошелъ къ графинѣ и разсказалъ смѣшную исторію о Б., и только тогда вспомнилъ, что этого не должно было дѣлать, когда всѣ уже громко смѣялись.

«Ложусь спать съ счастливымъ и спокойнымъ духомъ. Господи Великій, помоги мнѣ ходить по стезямъ Твоимъ: 1) побѣждать часть гнѣвну — тихостью, медленіемъ, 2) похоть — воздержаніемъ и отвращеніемъ, 3) удаляться отъ суеты, но не отлучать себя отъ: a) государственныхъ дѣлъ службы, b) отъ заботъ семейныхъ, c) отъ дружескихъ сношеній и d) экономическихъ занятій».

«27-го ноября.

«Всталъ поздно и, проснувшись, долго лежалъ на постели, предаваясь лѣни. Боже мой! помоги мнѣ и укрѣпи меня, дабы я могъ ходить по путямъ Твоимъ. Читалъ Св. Писаніе, но безъ надлежащаго чувства. Пришелъ братъ Урусовъ, бесѣдовали о суетахъ міра. Разсказывалъ о новыхъ предначертаніяхъ государя. Я началъ было осуждать, но вспомнилъ о своихъ правилахъ и слова благодѣтеля нашего о томъ, что истинный масонъ долженъ быть усерднымъ дѣятелемъ въ государствѣ, когда требуется его участіе, и спокойнымъ созерцателемъ того, къ чему онъ не призванъ. Языкъ мой — врагъ мой. Посѣтили меня братья Г. В. и О., была пріуготовительная бесѣда для принятія новаго брата. Они возлагаютъ на меня обязанность ритора. Чувствую себя слабымъ и недостойнымъ. Потомъ зашла рѣчь объ объясненіи семи столбовъ и ступеней храма. 7 наукъ, 7 добродѣтелей, 7 пороковъ, 7 даровъ Святого Духа. Братъ О. былъ очень краснорѣчивъ. Вечеромъ совершилось принятіе. Новое устройство помѣщенія много содѣйствовало великолѣпію зрѣлища. Принятъ былъ Борисъ Друбецкой. Я предлагалъ его, я и былъ риторомъ. Странное чувство волновало меня во все время моего пребыванія съ нимъ въ темной храминѣ. Я засталъ въ себѣ къ нему чувство ненависти, которое я тщетно стремлюсь преодолѣть. И потому-то я желалъ бы истинно спасти его отъ злого и ввести его на путь истины, но дурныя мысли о немъ не оставляли меня. Мнѣ думалось, что его цѣль вступленія въ братство состояла только въ желаніи сблизиться съ людьми, быть въ фаворѣ у находящихся въ нашей ложѣ. Кромѣ тѣхъ основаній, что онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, не находится ли въ нашей ложѣ N. и S. (на что я не могъ ему отвѣчать), кромѣ того, что онъ, по моимъ наблюденіямъ, неспособенъ чувствовать уваженія къ нашему святому ордену и слишкомъ занятъ и доволенъ внѣшнимъ человѣкомъ, чтобы желать улучшенія духовнаго, я не имѣлъ основаній сомнѣваться въ немъ; но онъ мнѣ казался неискреннимъ, и все время, когда я стоялъ съ нимъ съ глазу на

глазъ въ темной храминѣ, мнѣ казалось, что онъ презрительно улыбается на мои слова, и хотѣлось дѣйствительно уколоть его обнаженную грудь шпагой, которую я держалъ приставленною къ ней. Я не могъ быть краснорѣчивъ и не могъ искренно сообщить своего сомнѣнія братьямъ и великому мастеру. Великій Архитектонъ природы, помоги мнѣ находить истинные пути, выводящіе изъ лабиринта лжи».

Послѣ этого въ дневникѣ было пропущено три листа и потомъ было написано слѣдующее:

«Имѣлъ поучительный и длинный разговоръ наединѣ съ братомъ В., который совѣтовалъ мнѣ держаться брата А. Много, хотя недостойному, мнѣ было открыто. Адонаи есть имя сотворившаго міръ. Элоимъ есть имя правящаго всѣмъ. Третье имя, имя неизрекаемое, имѣющее значеніе *Всего*. Бесѣды съ братомъ В. подкрѣпляютъ, освѣжаютъ и утверждаютъ меня на пути добродѣтели. При немъ нѣтъ мѣста сомнѣнію. Мнѣ ясно различіе бѣднаго ученія наукъ общественныхъ съ нашимъ святымъ, все обнимающимъ ученіемъ. Науки человѣческія все подраздѣляютъ — чтобы понять, все убиваютъ — чтобы разсмотрѣть. Въ святой наукѣ ордена все едино, все познается въ своей совокупности и жизни. Троица — три начала вещей — сѣра, меркурій и соль. Сѣра елейнаго и огненнаго свойства; она въ соединеніи съ солью огненностью своей возбуждаетъ въ ней алканіе, посредствомъ котораго притягиваетъ меркурій, схватываетъ его, удерживаетъ и совокупно производитъ отдѣльныя тѣла. Меркурій есть жидкая и летучая духовная сущность. — Христосъ, Духъ Святой, Онъ».

«3-го декабря.

«Проснулся поздно, читалъ Св. Писаніе, но былъ безчувственъ. Послѣ вышелъ и ходилъ по залу. Хотѣлъ размышлять, но вмѣсто того воображеніе представило одно происшествіе, бывшее четыре года тому назадъ. Господинъ Долоховъ, послѣ моей дуэли встрѣтясь со мной въ Москвѣ, сказалъ мнѣ, что онъ надѣется, что я пользуюсь теперь полнымъ душевнымъ спокойствіемъ, несмотря на отсутствіе моей супруги. Я тогда ничего не отвѣчалъ. Теперь я припомнилъ всѣ подробности этого свиданія и въ душѣ своей говорилъ ему самыя злобныя слова и колкіе отвѣты. Опомнился и бросилъ эту мысль только тогда, когда увидалъ себя въ распаленіи гнѣва; но недостаточно раскаялся въ этомъ. Послѣ пришелъ Борисъ Друбецкой и сталъ разсказывать разныя приключенія; я же съ самаго его прихода сдѣ-

лался недоволенъ его посѣщеніемъ и сказалъ ему что-то противное. Онъ возразилъ. Я вспыхнулъ и наговорилъ ему множество непріятнаго и даже грубаго. Онъ замолчалъ, и я спохватился только тогда, когда было уже поздно. Боже мой, я совсѣмъ не умѣю съ нимъ обходиться. Этому причиной мое самолюбіе. Я ставлю себя выше его и потому дѣлаюсь гораздо его хуже, ибо онъ снисходителенъ къ моимъ грубостямъ, а я, напротивъ того, питаю къ нему презрѣніе. Боже мой, даруй мнѣ въ присутствіи его видѣть больше мою мерзость и поступать такъ, чтобы и ему это было полезно. Послѣ обѣда заснулъ и въ то время, какъ засыпалъ, услыхалъ явственно голосъ, сказавшій мнѣ въ лѣвое ухо: «Твой день».

«Я видѣлъ во снѣ, что иду я въ темнотѣ, и вдругъ окруженъ собаками, но иду безъ страха; вдругъ одна небольшая схватила меня за лѣвое стегно зубами и не выпускаетъ. Я сталъ давить ее руками. И только что я оторвалъ ее, какъ другая, еще бо̀льшая, стала грызть меня. Я сталъ поднимать ее, и чѣмъ больше поднималъ, тѣмъ она становилась больше и тяжелѣе. И вдругъ идетъ братъ А. и, взявъ меня подъ руку, повелъ съ собою и привелъ къ зданію, для входа въ которое надо было пройти по узкой доскѣ. Я ступилъ на нее, и доска отогнулась и упала, и я сталъ лѣзть на заборъ, до котораго едва достигалъ руками. Послѣ большихъ усилій я перетащилъ свое тѣло такъ, что ноги висѣли на одной, а туловище на другой сторонѣ. Я оглянулся и увидалъ, что братъ А. стоитъ на заборѣ и указываетъ мнѣ на большую аллею и садъ, и въ саду большое и прекрасное зданіе. Я проснулся. Господи, Великій Архитектонъ природы! помоги мнѣ оторвать отъ себя собакъ — страстей моихъ и послѣднюю изъ нихъ, совокупляющую въ себѣ силы всѣхъ прежнихъ, и помоги мнѣ вступить въ тотъ храмъ добродѣтели, коего лицезрѣнія я во снѣ достигнулъ».

«7-го декабря.

«Видѣлъ сонъ, будто Іосифъ Алексѣевичъ въ моемъ домѣ сидитъ, и я радъ очень, и желаю угостить его. Будто я съ посторонними неумолчно болтаю и вдругъ вспомнилъ, что это ему не можетъ нравиться, и желаю къ нему приблизиться и его обнять. Но только что приблизился, вижу, что лицо его преобразилось, стало молодое, и онъ мнѣ тихо что-то говоритъ изъ ученія ордена, такъ тихо, что я не могу разслышать. Потомъ будто вышли мы всѣ изъ комнаты, и что-то тутъ случилось мудреное. Мы сидѣли или лежали на полу. Онъ

мнѣ что-то говорилъ. А мнѣ будто захотѣлось показать ему свою чувствительность, и я, не вслушиваясь въ его рѣчи, сталъ себѣ воображать состояніе своего внутренняго человѣка и осѣнившую меня милость Божію. И появились у меня слезы на глазахъ, и я былъ доволенъ, что онъ это примѣтилъ. Но онъ взглянулъ на меня съ досадой и вскочилъ, пресѣкши свой разговоръ. Я оробѣлъ и спросилъ, не ко мнѣ ли сказанное относилось; но онъ ничего не отвѣчалъ, показалъ мнѣ ласковый видъ, и послѣ вдругъ очутились мы въ спальнѣ моей, гдѣ стоитъ двойная кровать. Онъ легъ на нее на край, и я будто пылалъ къ нему желаніемъ ласкаться и прилечь тутъ же. И онъ будто у меня спрашиваетъ: «Скажите по правдѣ, какое вы имѣете главное пристрастіе? Узнали ли вы его? Я думаю, что вы уже его узнали». Я, смутившись симъ вопросомъ, отвѣчалъ, что лѣнь—мое главное пристрастіе. Онъ недовѣрчиво покачалъ головой. И я ему, еще болѣе смутившись, отвѣчалъ, что я хотя и живу съ женой по его совѣту, но не какъ мужъ жены своей. На это онъ возразилъ, что не должно жену лишать своей ласки, далъ чувствовать, что въ этомъ была моя обязанность. Но я отвѣчалъ, что я стыжусь этого, и вдругъ все скрылось. И я проснулся, и нашелъ въ мысляхъ своихъ текстъ Св. Писанія: *Животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ, и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объятъ*. Лицо у Іосифа Алексѣевича было моложавое и свѣтлое. Въ этотъ день получилъ письмо отъ благодѣтеля, въ которомъ онъ пишетъ объ обязанностяхъ супружества».

«9-го декабря.

«Видѣлъ сонъ, отъ котораго проснулся съ трепещущимся сердцемъ. Видѣлъ, будто я въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, въ большой диванной, и изъ гостиной выходитъ Іосифъ Алексѣевичъ. Будто я тотчасъ узналъ, что съ нимъ уже совершился процессъ возрожденія, и бросился ему навстрѣчу. Я будто его цѣлую и руки его, а онъ говоритъ: «Примѣтилъ ли ты, что у меня лицо другое?» Я посмотрѣлъ на него, продолжая держать его въ своихъ объятіяхъ, и будто вижу, что лицо его молодое, но волосъ на головѣ нѣтъ, и черты совершенно другія. И будто я ему говорю: «я бы васъ узналъ, ежели бы случайно съ вами встрѣтился», и думаю между тѣмъ: «правду ли я сказалъ?» И вдругъ вижу, что онъ лежитъ, какъ трупъ мертвый; потомъ понемногу пришелъ въ себя и вошелъ со мной въ большой кабинетъ, держа большую книгу, писанную, въ александрійскій листъ. И будто я говорю: «это я написалъ». И онъ отвѣтилъ мнѣ на-

клоненіемъ головы. Я открылъ книгу, и въ книгѣ этой на всѣхъ страницахъ прекрасно нарисовано. И я будто знаю, что эти картины представляютъ любовныя похожденія души съ ея возлюбленнымъ. И на страницахъ будто я вижу прекрасное изображеніе дѣвицы въ прозрачной одеждѣ и съ прозрачнымъ тѣломъ, возлетающей къ облакамъ. И будто я знаю, что эта дѣвица есть не что иное, какъ изображеніе Пѣсни Пѣсней. И будто я, глядя на эти рисунки, чувствую, что я дѣлаю дурно, и не могу оторваться отъ нихъ. Господи! помоги мнѣ! Боже мой, если это оставленіе Тобою меня есть дѣйствіе Твое, то да будетъ воля Твоя; но ежели же я самъ причинилъ сіе, то научи меня, что мнѣ дѣлать. Я погибну отъ своей развратности, буде Ты меня вовсе оставишь».

XI.

Денежныя дѣла Ростовыхъ не поправились въ продолженіе двухъ лѣтъ, которыя они пробыли въ деревнѣ.

Несмотря на то, что Николай Ростовъ, твердо держась своего намѣренія, продолжалъ темно служить въ глухомъ полку, расходуя сравнительно мало денегъ, ходъ жизни въ Отрадномъ былъ таковъ, и въ особенности Митенька такъ велъ дѣла, что долги неудержимо росли съ каждымъ годомъ. Единственная помощь, которая, очевидно, представлялась старому графу, это была служба, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста; искать мѣста и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ говорилъ, въ послѣдній разъ потѣшить дѣвчатъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Ростовыхъ въ Петербургъ Бергъ сдѣлалъ предложеніе Вѣрѣ, и предложеніе его было принято.

Несмотря на то, что въ Москвѣ Ростовы принадлежали къ высшему обществу, сами того не зная и не думая о томъ, къ которому они принадлежали обществу, въ Петербургѣ общество ихъ было смѣшанное и неопредѣленное. Въ Петербургѣ они были провинціалы, до которыхъ не спускались тѣ самые люди, которыхъ, не спрашивая ихъ, къ какому они принадлежатъ обществу, въ Москвѣ кормили Ростовы.

Ростовы въ Петербургѣ жили такъ же гостепріимно, какъ и въ Москвѣ, и на ихъ ужинахъ сходились самыя разнообразныя лица: сосѣди по Отрадному, старые небогатые помѣщики съ дочерьми и фрейлина Перонская, Пьеръ Безуховъ и сынъ уѣзднаго почтмейстера, служившій въ Петербургѣ. Изъ мужчинъ домашними людьми въ домѣ Ростовыхъ въ Петербургѣ очень скоро сдѣлались Борисъ, Пьеръ, котораго, встрѣтивъ на улицѣ, затащилъ къ себѣ старый графъ, и Бергъ, который цѣлые дни

проводилъ у Ростовыхъ и оказывалъ старшей графинѣ Вѣрѣ такое вниманіе, которое можетъ оказывать молодой человѣкъ, намѣревающійся сдѣлать предложеніе.

Бергъ не даромъ показывалъ всѣмъ свою раненую въ Аустерлицкомъ сраженіи правую руку и держалъ совершенно ненужную шпагу въ лѣвой. Онъ такъ упорно и съ такою значительностью разсказывалъ всѣмъ это событіе, что всѣ повѣрили въ цѣлесообразность и достоинство этого поступка, и Бергъ получилъ за Аустерлицъ двѣ награды.

Въ Финляндской войнѣ ему удалось также отличиться. Онъ поднялъ осколокъ гранаты, которымъ былъ убитъ адъютантъ подлѣ главнокомандующаго, и поднесъ начальнику этотъ осколокъ. Такъ же, какъ и послѣ Аустерлица, онъ такъ долго и упорно разсказывалъ всѣмъ про это событіе, что всѣ повѣрили тоже, что надо было это сдѣлать, и за Финляндскую войну Бергъ получилъ двѣ награды. Въ 1809 году онъ былъ капитанъ гвардіи съ орденами и занималъ въ Петербургѣ какія-то особенныя выгодныя мѣста.

Хотя нѣкоторые вольнодумцы и улыбались, когда имъ говорили про достоинства Берга, нельзя было не согласиться, что Бергъ былъ исправный, храбрый офицеръ, на отличномъ счету у начальства, и нравственный молодой человѣкъ съ блестящей карьерой впереди и даже прочнымъ положеніемъ въ обществѣ.

Четыре года тому назадъ, встрѣтившись въ партерѣ московскаго театра съ товарищемъ-нѣмцемъ, Бергъ указалъ ему на Вѣру Ростову и по-нѣмецки сказалъ: «Das soll mein Weib werden», и съ той минуты рѣшилъ жениться на ней. Теперь, въ Петербургѣ, сообразивъ положеніе Ростовыхъ и свое, онъ рѣшилъ, что пришло время, и сдѣлалъ предложеніе.

Предложеніе Берга было принято сначала съ нелестнымъ для него недоумѣніемъ. Сначала представилось странно, что сынъ темнаго лифляндскаго дворянина дѣлаетъ предложеніе графинѣ Ростовой; но главное свойство характера Берга состояло въ такомъ наивномъ и добродушномъ эгоизмѣ, что невольно Ростовы подумали, что это будетъ хорошо, ежели онъ самъ такъ твердо убѣжденъ, что это хорошо и даже очень хорошо. Притомъ же дѣла Ростовыхъ были очень разстроены, чего не могъ не знать женихъ, а главное—Вѣрѣ было 24 года, она выѣзжала вездѣ, и, несмотря на то, что она несомнѣнно была хороша и разсудительна, до сихъ поръ никто никогда ей не сдѣлалъ предложенія. Согласіе было дано.

— Вотъ видите ли,—говорилъ Бергъ своему товарищу, котораго онъ называлъ другомъ только потому, что онъ зналъ,

что у всѣхъ людей бываютъ друзья.—Вотъ видите ли, я все это сообразилъ, и я бы не женился, ежели бы не обдумалъ всего, и это почему-нибудь было бы неудобно. А теперь, напротивъ, папенька и маменька мои теперь обезпечены, я имъ устроилъ эту аренду въ Остзейскомъ краѣ, а мнѣ прожить можно въ Петербургѣ при моемъ жалованьи, при ея состояніи и при моей аккуратности. Прожить можно хорошо. Я не изъ-за денегъ женюсь, я считаю это неблагородно, но надо, чтобъ жена принесла свое, а мужъ—свое. У меня служба,—у нея связи и маленькія средства. Это въ наше время что-нибудь такое значитъ, не такъ ли? А главное — она прекрасная, почтенная дѣвушка и любитъ меня...

Бергъ покраснѣлъ и улыбнулся.

— И я люблю ее, потому что у нея характеръ разсудительный—очень хорошій. Вотъ другая ее сестра—одной фамиліи, а совсѣмъ другое, и непріятный характеръ, и ума нѣтъ того, и этакое, знаете?.. Непріятно... А моя невѣста... Вотъ будете приходить къ намъ... — продолжалъ Бергъ, онъ хотѣлъ сказать «обѣдать», но раздумалъ и сказалъ: «чай пить», и, проткнувъ его быстро языкомъ, выпустилъ круглое, маленькое колечко табачнаго дыма, олицетворявшее вполнѣ его мечты о счастьѣ.

Послѣ перваго чувства недоумѣнія, возбужденнаго въ родителяхъ предложеніемъ Берга, въ семействѣ водворилась обычная въ такихъ случаяхъ праздничность и радость, но радость была не искренняя, а внѣшняя. Въ чувствахъ родныхъ относительно этой свадьбы были замѣтны замѣшательство и стыдливость. Какъ будто имъ совѣстно было теперь за то, что они мало любили Вѣру и теперь такъ охотно сбывали ее съ рукъ. Больше всѣхъ смущенъ былъ старый графъ. Онъ, вѣроятно, не умѣлъ бы назвать того, что было причиной его смущенія, а причина эта была его денежныя дѣла. Онъ рѣшительно не зналъ, что у него есть, сколько у него долговъ и что онъ въ состояніи будетъ дать въ приданое Вѣрѣ. Когда родились дочери, каждой было назначено по 300 душъ въ приданое; но одна изъ этихъ деревень была уже продана, а другая заложена и такъ просрочена, что должна была продаться, поэтому отдать имѣніе было невозможно. Денегъ тоже не было.

Бергъ уже болѣе мѣсяца былъ женихомъ, и только недѣля оставалась до свадьбы, а графъ еще не рѣшилъ съ собой вопроса о приданомъ и не говорилъ объ этомъ съ женой. Графъ то хотѣлъ отдѣлить Вѣрѣ рязанское имѣніе, то хотѣлъ продать лѣсъ, то занять денегъ подъ вексель. За нѣсколько дней до свадьбы Бергъ вошелъ рано утромъ въ кабинетъ къ графу и съ

пріятной улыбкой почтительно попросилъ будущаго тестя объявить ему, что будетъ дано за графиней Вѣрой. Графъ такъ смутился при этомъ давно предчувствуемомъ вопросѣ, что онъ сказалъ необдуманно первое, что̀ пришло ему въ голову.

— Люблю, что позаботился, люблю, останешься доволенъ...

И онъ, похлопавъ Берга по плечу, всталъ, желая прекратить разговоръ. Но Бергъ, пріятно улыбаясь, объяснилъ, что ежели онъ не будетъ знать вѣрно, что будетъ дано за Вѣрой, и не получитъ впередъ хоть части того, что назначено ей, то онъ принужденъ будетъ отказаться.

— Потому что, разсудите, графъ, ежели бы я теперь позволилъ себѣ жениться, не имѣя опредѣленныхъ средствъ для поддержанія своей жены, я поступилъ бы подло...

Разговоръ кончился тѣмъ, что графъ, желая быть великодушнымъ и не подвергаться новымъ просьбамъ, сказалъ, что онъ выдаетъ вексель въ 80 тысячъ. Бергъ кротко улыбнулся, поцѣловалъ графа въ плечо и сказалъ, что онъ очень благодаренъ, но никакъ не можетъ теперь устроиться въ новой жизни, не получивъ чистыми деньгами 30 тысячъ.

— Хотя бы 20 тысячъ, графъ,—прибавилъ онъ;—а вексель тогда только въ 60 тысячъ.

— Да, да, хорошо,—скороговоркой заговорилъ графъ,— только ужъ извини, дружокъ, 20 тысячъ я дамъ, а вексель, кромѣ того, на 80 тысячъ дамъ. Такъ-то, поцѣлуй меня.

XII.

Наташѣ было 16 лѣтъ, и былъ 1809 годъ, тотъ самый, до котораго она четыре года тому назадъ по пальцамъ считала съ Борисомъ послѣ того, какъ она съ нимъ поцѣловалась. Съ тѣхъ поръ она ни разу не видала Бориса. Передъ Соней и съ матерью, когда разговоръ заходилъ о Борисѣ, она совершенно свободно говорила, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, что все, что̀ было прежде, было ребячество, про которое не стоило и говорить и которое давно было забыто. Но въ самой тайной глубинѣ ея души вопросъ о томъ, было ли обязательство къ Борису шуткой или важнымъ, связывающимъ обѣщаніемъ, мучилъ ее.

Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Борисъ въ 1805 году изъ Москвы уѣхалъ въ армію, онъ не видался съ Ростовыми. Нѣсколько разъ онъ бывалъ въ Москвѣ, проѣзжалъ недалеко отъ Отраднаго, но ни разу не былъ у Ростовыхъ.

Наташѣ приходило иногда въ голову, что онъ не хотѣлъ видѣть ее, и эти догадки ея подтверждались тѣмъ грустнымъ тономъ, которымъ говаривали о немъ старшіе:

— Въ нынѣшнемъ вѣкѣ не помнятъ старыхъ друзей,—говорила графиня вслѣдъ за упоминаніемъ о Борисѣ.

Анна Михайловна, въ послѣднее время рѣже бывавшая у Ростовыхъ, тоже держала себя какъ-то особенно достойно и всякій разъ восторженно и благодарно говорила о достоинствахъ своего сына и о блестящей карьерѣ, на которой онъ находился. Когда Ростовы пріѣхали въ Петербургъ, Борисъ пріѣхалъ къ нимъ съ визитомъ.

Онъ ѣхалъ къ нимъ не безъ волненія. Воспоминаніе о Наташѣ было самымъ поэтическимъ воспоминаніемъ Бориса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ ясно дать почувствовать и ей и роднымъ ея, что дѣтскія отношенія между нимъ и Наташей не могутъ быть обязательствомъ ни для нея, ни для него. У него было блестящее положеніе въ обществѣ, благодаря интимности съ графиней Безуховой, блестящее положеніе на службѣ, благодаря покровительству важнаго лица, довѣріемъ котораго онъ вполнѣ пользовался, и у него были зарождающіеся планы женитьбы на одной изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ Петербурга, которые очень легко могли осуществиться. Когда Борисъ вошелъ въ гостиную Ростовыхъ, Наташа была въ своей комнатѣ. Узнавъ о его пріѣздѣ, она, раскраснѣвшись, почти вбѣжала въ гостиную, сіяя болѣе чѣмъ ласковой улыбкой.

Борисъ помнилъ ту Наташу въ коротенькомъ платьѣ, съ черными, блестящими изъ-подъ локоновъ глазами и съ отчаяннымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, которую онъ зналъ 4 года тому назадъ, и потому, когда вошла совсѣмъ другая Наташа, онъ смутился, и лицо его выразило восторженное удивленіе. Это выраженіе его лица обрадовало Наташу.

— Что, узнаешь свою маленькую пріятельницу-шалунью?—сказала графиня.

Борисъ поцѣловалъ руку Наташи и сказалъ, что онъ удивленъ происшедшей въ ней перемѣной.

— Какъ вы похорошѣли!

— Еще бы!—отвѣчали смѣющіеся глаза Наташи.

— А папа постарѣлъ?—спросила она. Наташа сѣла и, не вступая въ разговоръ Бориса съ графиней, молча разсматривала своего дѣтскаго жениха до малѣйшихъ подробностей. Онъ чувствовалъ на себѣ тяжесть этого упорнаго, ласковаго взгляда и изрѣдка взглядывалъ на нее.

Мундиръ, шпоры, галстукъ, прическа Бориса,—все это было самое модное и comme il faut. Это сейчасъ замѣтила Наташа. Онъ сидѣлъ немножко бокомъ на креслѣ подлѣ графини, поправляя правой рукой чистѣйшую, облитую перчатку на лѣвой,

говорилъ съ особеннымъ, утонченнымъ поджатіемъ губъ объ увеселеніяхъ высшаго петербургскаго свѣта и съ кроткой насмѣшливостью вспоминалъ о прежнихъ московскихъ временахъ и московскихъ знакомыхъ. Но нечаянно, какъ это чувствовала Наташа, онъ упомянулъ, называя высшую аристократію, о балѣ посланника, на которомъ онъ былъ, о приглашеніяхъ къ N. N. и къ S. S.

Наташа сидѣла все время молча, исподлобья глядя на него. Взглядъ этотъ все больше и больше и безпокоилъ и смущалъ Бориса. Онъ чаще оглядывался на Наташу и прерывался въ разсказахъ. Онъ просидѣлъ не больше 10 минутъ и всталъ, раскланиваясь. Все тѣ же любопытные, вызывающіе и нѣсколько насмѣшливые глаза смотрѣли на него. Послѣ перваго своего посѣщенія Борисъ сказалъ себѣ, что Наташа для него точно такъ же привлекательна, какъ и прежде, но что онъ не долженъ отдаваться этому чувству, потому что женитьба на ней — дѣвушкѣ почти безъ состоянія — была бы погибелью его карьеры, а возобновленіе прежнихъ отношеній безъ цѣли женитьбы было бы неблагороднымъ поступкомъ. Борисъ рѣшилъ самъ съ собой избѣгать встрѣчъ съ Наташей, но, несмотря на это рѣшеніе, пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней и сталъ ѣздить часто и цѣлые дни проводить у Ростовыхъ. Ему представлялось, что ему необходимо было объясниться съ Наташей, сказать ей, что все старое должно быть забыто, что, несмотря на все... она не можетъ быть его женой, что у него нѣтъ состоянія и ее никогда не отдадутъ за него. Но ему все не удавалось и неловко было приступить къ этому объясненію. Съ каждымъ днемъ онъ болѣе и болѣе запутывался. Наташа, по замѣчанію матери и Сони, казалась по-старому влюбленной въ Бориса. Она пѣла ему его любимыя пѣсни, показывала ему свой альбомъ, заставляя его писать въ него, не позволяла поминать ему о старомъ, давая понимать, какъ прекрасно было новое; и каждый день онъ уѣзжалъ въ туманѣ, не сказавъ того, что намѣренъ былъ сказать, самъ не зная, что̀ онъ дѣлалъ и для чего онъ пріѣзжалъ, и чѣмъ это кончится. Борисъ перестал бывать у Эленъ, ежедневно получалъ укоризненныя записки отъ нея и все-таки цѣлые дни проводилъ у Ростовыхъ.

XIII.

Однажды вечеромъ, когда старая графиня, вздыхая и кряхтя, въ ночномъ чепцѣ и кофточкѣ, безъ накладныхъ буклей и съ однимъ бѣднымъ пучкомъ волосъ, выступавшихъ изъ-подъ бѣлаго коленкороваго чепчика, клала на коврикѣ земные поклоны

вечерней молитвы, ея дверь скрипнула, и въ туфляхъ на босу ногу, тоже въ кофточкѣ и въ папильоткахъ, вбѣжала Наташа. Графиня оглянулась и нахмурилась. Она дочитывала свою послѣднюю молитву: «Неужели мнѣ одръ сей гробъ будетъ?» Молитвенное настроеніе ея было уничтожено. Наташа, красная, оживленная, увидавъ мать на молитвѣ, вдругъ остановилась на своемъ бѣгу, присѣла и невольно высунула языкъ, грозясь самой себѣ. Замѣтивъ, что мать продолжала молитву, она на цыпочкахъ подбѣжала къ кровати, быстро скользнувъ одной маленькой ножкой о другую, скинула туфли и прыгнула на тотъ одръ, за который графиня боялась, какъ бы онъ не былъ ея гробомъ. Одръ этотъ былъ высокій, перинный, съ пятью все уменьшающимися подушками. Наташа вскочила, утонула въ перинѣ, перевалилась къ стѣнкѣ и начала возиться подъ одѣяломъ, укладываясь, подгибая колѣнки къ подбородку, брыкая ногами и чуть слышно смѣясь, то закрываясь съ головой, то взглядывая на мать. Графиня кончила молитву и съ строгимъ лицомъ подошла къ постели; но, увидавъ, что Наташа закрыта съ головой, улыбнулась своей доброй, слабой улыбкой.

— Ну, ну, ну, — сказала мать.

— Мама, можно поговорить, да? — сказала Наташа. — Ну, въ душку одинъ разъ, ну, еще, и будетъ. — И она обхватила шею матери и поцѣловала ее подъ подбородокъ. Въ обращеніи своемъ съ матерью Наташа выказывала внѣшнюю грубость манеры, но такъ была чутка и ловка, что, какъ бы ни обхватила руками мать, она всегда умѣла это сдѣлать такъ, чтобы матери не было ни больно, ни непріятно, ни неловко.

— Ну, о чемъ же нынче? — сказала мать, устроившись на подушкахъ и подождавъ, пока Наташа также, перекатившись раза два черезъ себя, не легла съ ней рядомъ подъ однимъ одѣяломъ, выпроставъ руки и принявъ серьезное выраженіе.

Эти ночныя посѣщенія Наташи, совершавшіяся до возвращенія графа изъ клуба, были однимъ изъ любимѣйшихъ наслажденій матери и дочери.

— О чемъ же нынче? А мнѣ нужно тебѣ сказать...

Наташа закрыла рукою ротъ матери.

— О Борисѣ... Я знаю, — сказала она серьезно, — я затѣмъ и пришла. Не говорите, я знаю. Нѣтъ, скажите! — Она отпустила руку. — Скажите, мама. Онъ милъ?

— Наташа тебѣ 16 лѣтъ, въ твои годы я была замужемъ. Ты говоришь, что Боря милъ. Онъ очень милъ, и я его люблю

какъ сына, но что же ты хочешь?.. Что ты думаешь? Ты ему совсѣмъ вскружила голову, я это вижу...

Говоря это, графиня оглянулась на дочь. Наташа лежала, прямо и неподвижно глядя впередъ себя на одного изъ сфинксовъ краснаго дерева, вырѣзанныхъ на углахъ кровати, такъ что графиня видѣла только въ профиль лицо дочери. Лицо это поразило графиню своею особенностью серьезнаго и сосредоточеннаго выраженія.

Наташа слушала и соображала.

— Ну, такъ что жъ? — сказала она.

— Ты ему вскружила совсѣмъ голову, зачѣмъ? Что ты хочешь отъ него? Ты знаешь, что тебѣ нельзя выйти за него замужъ.

— Отчего? — не перемѣняя положенія, сказала Наташа.

— Оттого, что онъ молодъ, оттого, что онъ бѣденъ, оттого, что онъ родня... оттого, что ты и сама не любишь его.

— А почему вы знаете?

— Я знаю. Это нехорошо, мой дружокъ.

— А если я хочу... — сказала Наташа.

— Перестань говорить глупости, — сказала графиня.

— А если я хочу...

— Наташа, я серьезно...

Наташа не дала ей договорить, притянула къ себѣ большую руку графини и поцѣловала ее сверху, потомъ въ ладонь, потомъ опять повернула и стала цѣловать ее въ косточку верхняго сустава пальца, потомъ въ промежутокъ, потомъ опять въ косточку, шопотомъ приговаривая: «январь, февраль, мартъ, апрѣль, май». — Говорите, мама, что же вы молчите? Говорите, — сказала она, оглядываясь на мать, которая нѣжнымъ взглядомъ смотрѣла на дочь и изъ-за этого созерцанія, казалось, забыла все, что она хотѣла сказать.

— Это не годится, душа моя. Не всѣ поймутъ вашу дѣтскую связь, а видѣть его такимъ близкимъ съ тобой можетъ повредить тебѣ въ глазахъ другихъ молодыхъ людей, которые къ намъ ѣздятъ, и, главное, напрасно мучаетъ его. Онъ, можетъ-быть, нашелъ себѣ партію по себѣ, богатую; а теперь онъ съ ума сходитъ.

— Сходитъ? — повторила Наташа.

— Я тебѣ про себя скажу. У меня былъ одинъ cousin...

— Знаю — Кирилла Матвѣичъ; да вѣдь онъ старикъ?

— Не всегда былъ старикъ. Но вотъ что, Наташа, я поговорю съ Борей. Ему не надо такъ часто ѣздить...

— Отчего же не надо, коли ему хочется?

— Оттого, что я знаю, что это ничѣмъ не кончится...

— Почему вы знаете? Нѣтъ, мама, вы не говорите ему. Что за глупости! — говорила Наташа тономъ человѣка, у котораго хотятъ отнять его собственность. — Ну, не выйду замужъ, такъ пускай ѣздитъ, коли ему весело и мнѣ весело.—Наташа, улыбаясь, поглядѣла на мать.

— Не замужъ, а *такъ*, — повторила она.

— Какъ же это, мой другъ?

— Да *такъ*. Ну, очень нужно, что замужъ не выйду, а... *такъ*.

— Такъ, такъ,—повторила графиня и, трясясь всѣмъ своимъ тѣломъ, засмѣялась добрымъ, неожиданнымъ старушечьимъ смѣхомъ.

— Полноте смѣяться, перестаньте,—закричала Наташа,—всю кровать трясете. Ужасно вы на меня похожи, такая же хохотунья... Постойте... — Она схватила обѣ руки графини, поцѣловала на одной кость мизинца — «іюнь» и продолжала цѣловать «іюль», «августъ» на другой рукѣ. — Мама, а онъ очень влюбленъ? Какъ на ваши глаза? Въ васъ были такъ влюблены? И очень милъ, очень, очень милъ! Только не совсѣмъ въ моемъ вкусѣ — онъ узкій такой, какъ часы столовые... Вы не понимаете?.. Узкій, знаете, сѣрый, свѣтлый...

— Что ты врешь! — сказала графиня.

Наташа продолжала:

— Неужели вы не понимаете? Николенька бы понялъ... Безуховъ—тотъ синій, темно-синій съ краснымъ, а онъ четвероугольный.

— Ты и съ нимъ кокетничаешь, — смѣясь, сказала графиня.

— Нѣтъ, онъ франмасонъ, я узнала. Онъ славный, темносиній съ краснымъ... Какъ вамъ растолковать...

— Графинюшка, — послышался голосъ графа изъ-за двери.— Ты не спишь?—Наташа вскочила, босикомъ, захватила въ руки туфли и убѣжала въ свою комнату.

Она долго не могла заснуть. Она все думала о томъ, что никто никакъ не можетъ понять всего, что она понимаетъ, и что въ ней есть.

«Соня», подумала она, глядя на спавшую свернувшуюся кошечку, съ ея огромной косой. «Нѣтъ, куда ей! Она добродѣтельная. Она влюбилась въ Николеньку и больше ничего знать не хочетъ. Мама, и та не понимаетъ. Это удивительно, какъ я умна и какъ... она мила», продолжала она, говоря про себя въ третьемъ лицѣ и воображая, что это говоритъ про нее какой-то очень умный, самый умный и самый хорошій мужчина. «Все,

все въ ней есть», продолжалъ этотъ мужчина, «умна, необыкновенно мила и потомъ хороша, необыкновенно хороша, ловка, — плаваетъ, верхомъ ѣздитъ отлично, а голосъ! Можно сказать, удивительный голосъ!»

Она пропѣла свою любимую музыкальную фразу изъ Херубиніевской оперы, бросилась на постель, засмѣялась отъ радостной мысли, что она сейчасъ заснетъ, крикнула Дуняшу потушить свѣчку, и еще Дуняша не успѣла выйти изъ комнаты, какъ она уже перешла въ другой, еще болѣе счастливый міръ сновидѣній, гдѣ все было такъ же легко и прекрасно, какъ и въ дѣйствительности, но только было еще лучше, потому что было по-другому.

На другой день графиня, пригласивъ къ себѣ Бориса, переговорила съ нимъ, и съ того дня онъ пересталъ бывать у Ростовыхъ.

XIV.

31-го декабря, наканунѣ новаго 1810 года, le réveillon, былъ балъ у Екатерининскаго вельможи. На балѣ долженъ былъ быть дипломатическій корпусъ и государь.

На Англійской набережной свѣтился безчисленными огнями иллюминаціи извѣстный домъ вельможи. У освѣщеннаго подъѣзда съ краснымъ сукномъ стояла полиція, и не одни жандармы, но полицеймейстеръ на подъѣздѣ и десятки офицеровъ полиціи. Экипажи отъѣзжали, и все подъѣзжали новые съ красными лакеями и съ лакеями въ перьяхъ на шляпахъ. Изъ каретъ выходили мужчины въ мундирахъ, звѣздахъ и лентахъ; дамы въ атласѣ и горностаяхъ осторожно сходили по шумно откладываемымъ подножкамъ и торопливо и беззвучно проходили по сукну подъѣзда.

Почти всякій разъ, какъ подъѣзжалъ новый экипажъ, въ толпѣ пробѣгалъ шопотъ и снимали шапки.

— Государь?.. Нѣтъ, министръ... принцъ... посланникъ... Развѣ не видишь перья?.. — говорилось изъ толпы.

Одинъ изъ толпы, одѣтый лучше другихъ, казалось, зналъ всѣхъ и называлъ по имени знатнѣйшихъ вельможъ того времени.

Уже одна треть гостей пріѣхала на этотъ балъ, а у Ростовыхъ, долженствующихъ быть на этомъ балѣ, еще шли торопливыя приготовленія одѣванія.

Много было толковъ и приготовленій для этого бала въ семействѣ Ростовыхъ, много страховъ, что приглашеніе не будетъ

получено, платье не будетъ готово и не устроится все такъ, какъ было нужно.

Вмѣстѣ съ Ростовыми ѣхала на балъ Марья Игнатьевна Перонская, пріятельница и родственница графини, худая и желтая фрейлина стараго двора, руководящая провинціальныхъ Ростовыхъ въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ.

Въ 10 часовъ вечера Ростовы должны были заѣхать за фрейлиной къ Таврическому саду; а между тѣмъ было уже безъ пяти минутъ десять, а еще барышни не были одѣты.

Наташа ѣхала на первый большой балъ въ своей жизни. Она въ этотъ день встала въ 8 часовъ утра и цѣлый день находилась въ лихорадочной тревогѣ и дѣятельности. Всѣ силы ея, съ самаго утра, были устремлены на то, чтобы онѣ всѣ — она, мама, Соня,—были одѣты какъ нельзя лучше. Соня и графиня поручились вполнѣ ей. На графинѣ должно было быть масака́ бархатное платье, на нихъ двухъ—бѣлыя дымковыя платья на розовыхъ шелковыхъ чехлахъ, съ розанами въ корсажѣ. Волосы должны были быть причесаны à la grecque.

Все существенное уже было сдѣлано: ноги, руки, шея, уши были уже особенно тщательно, по-бальному, вымыты, надушены и напудрены; обуты уже были шелковые ажурные чулки и бѣлые атласные башмаки съ бантиками; прически были почти окончены. Соня кончала одѣваться, графиня тоже; но Наташа, хлопотавшая за всѣхъ, отстала. Она еще сидѣла передъ зеркаломъ въ накинутомъ на худенькія плечи пенюарѣ. Соня, уже одѣтая, стояла посреди комнаты и, нажимая до боли маленькимъ пальцемъ, прикалывала послѣднюю визжавшую подъ булавкой ленту.

— Не такъ, не такъ, Соня,—сказала Наташа, поворачивая голову отъ прически и хватаясь руками за волосы, которые не поспѣла отпустить державшая ихъ горничная.—Не такъ бантъ, поди сюда.

Соня присѣла. Наташа переколола ленту иначе.

— Позвольте, барышня, нельзя такъ,—говорила горничная, державшая волосы Наташи.

— Ахъ, Боже мой, ну послѣ! Вотъ такъ, Соня.

— Скоро ли вы?—послышался голосъ графини,—ужъ десять сейчасъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. А вы готовы, мама?

— Только току приколоть.

— Не дѣлайте безъ меня,—крикнула Наташа:—вы не сумѣете!

— Да ужъ десять.

На балѣ рѣшено было быть въ половинѣ одиннадцатаго, а надо было еще Наташѣ одѣться и заѣхать къ Таврическому саду.

Окончивъ прическу, Наташа въ коротенькой юбкѣ, изъ-подъ которой виднѣлись бальные башмачки, и въ материнской кофточкѣ, подбѣжала къ Сонѣ, осмотрѣла ее и потомъ побѣжала къ матери. Поворачивая ей голову, она приколола току и, едва успѣвъ поцѣловать ея сѣдые волосы, опять побѣжала къ дѣвушкамъ, подшивавшимъ ей юбку.

Дѣло стояло за Наташиной юбкой, которая была слишкомъ длинна; ее подшивали двѣ дѣвушки, обкусывая торопливо нитки. Третья, съ булавками въ губахъ и зубахъ, бѣгала отъ графини къ Сонѣ; четвертая держала на высоко поднятой рукѣ все дымковое платье.

— Мавруша, скорѣе, голубушка!

— Дайте наперстокъ оттуда, барышня.

— Скоро ли, наконецъ?—сказалъ графъ, выходя изъ-за двери.—Вотъ вамъ духи. Перонская ужъ заждалась.

— Готово, барышня,—говорила горничная, двумя пальцами поднимая подшитое дымковое платье и что-то обдувая и потряхивая, высказывая этимъ жестомъ сознаніе воздушности и чистоты того, что́ она держала.

Наташа стала надѣвать платье.

— Сейчасъ, сейчасъ, не ходи, папа,—крикнула она отцу, отворившему дверь, еще изъ-подъ дымки юбки, закрывавшей все ея лицо.

Соня захлопнула дверь. Черезъ минуту графа впустили. Онъ былъ въ синемъ фракѣ, чулкахъ и башмакахъ, надушенный и припомаженный.

— Ахъ, папа, ты какъ хорошъ, прелесть!—сказала Наташа, стоя посреди комнаты и расправляя складки дымки.

— Позвольте, барышня, позвольте,—говорила дѣвушка, стоя на колѣняхъ, обдергивая платье и съ одной стороны на другую переворачивая языкомъ булавки.

— Воля твоя!—съ отчаяніемъ воскликнула Соня, оглядѣвъ платье Наташи,—воля твоя, опять длинно!

Наташа отошла подальше, чтобъ осмотрѣться въ трюмо. Платье было длинно.

— Ей-Богу, сударыня, ничего не длинно,—сказала Мавруша, ползавшая по полу за барышней.

— Ну, длинно, такъ заметаемъ, въ одну минуту заметаемъ,—сказала рѣшительная Дуняша, изъ платочка на груди вынимая иголку и опять на полу принимаясь за работу.

Въ это время застѣнчиво, тихими шагами вошла графиня въ своей токѣ и бархатномъ платьѣ.

— Уу! моя красавица! — закричалъ графъ, — лучше васъ всѣхъ!..

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она, краснѣя, отстранилась, чтобъ не измяться.

— Мама, больше на бокъ току, — проговорила Наташа. — Я переколю, — и бросилась впередъ, а дѣвушки, подшивавшія, не успѣвшія за ней броситься, оторвали кусочекъ дымки.

— Боже мой! Что жъ это такое? Я, ей-Богу, не виновата...

— Ничего, заметаю, не видно будетъ,—говорила Дуняша.

— Красавица, краля-то моя, — сказала изъ-за двери вошедшая няня. — А Сонюшка-то, ну, красавицы!..

Въ четверть одиннадцатаго, наконецъ, сѣли въ кареты и поѣхали. Но еще нужно было заѣхать къ Таврическому саду.

Перонская была уже готова. Несмотря на ея старость и некрасивость, у нея происходило точно то же, что у Ростовыхъ, хотя не съ такою торопливостью (для нея это было дѣло привычное), но такъ же было надушено, вымыто, напудрено старое, некрасивое тѣло, такъ же старательно промыто за ушами, и даже такъ же, какъ у Ростовыхъ, старая горничная восторженно любовалась нарядомъ своей госпожи, когда она въ желтомъ платьѣ съ шифромъ вышла въ гостиную. Перонская похвалила туалеты Ростовыхъ.

Ростовы похвалили ея вкусъ и туалетъ и, бережа прически и платья, въ одиннадцать часовъ размѣстились по каретамъ и поѣхали.

XV.

Наташа съ утра этого дня не имѣла ни минуты свободы и ни разу не успѣла подумать о томъ, что предстоитъ ей.

Въ сыромъ, холодномъ воздухѣ, въ тѣснотѣ и неполной темнотѣ колыхающейся кареты она въ первый разъ живо представила себѣ то, что ожидаетъ ее тамъ, на балѣ, въ освѣщенныхъ залахъ — музыка, цвѣты, танцы, государь, вся блестящая молодежь Петербурга. То, что ее ожидало, было такъ прекрасно, что она не вѣрила даже тому, что это будетъ,—такъ это было несообразно съ впечатлѣніемъ холода, тѣсноты и темноты кареты. Она поняла все то, что ее ожидаетъ, только тогда, когда, пройдя по красному сукну подъѣзда, она вошла въ сѣни, сняла шубу и пошла рядомъ съ Соней впереди матери между цвѣтами по освѣщенной лѣстницѣ. Только тогда она вспомнила, какъ ей надо было себя держать на балѣ, и постаралась при-

нять ту величественную манеру, которую она считала необходимой для дѣвушки на балѣ. Но, къ счастью ея, она почувствовала, что глаза ея разбѣгались: она ничего не видѣла ясно, пульсъ ея забилъ сто разъ въ минуту, и кровь стала стучать у ея сердца. Она не могла принять той манеры, которая бы сдѣлала ее смѣшною, и шла, замирая отъ волненія и стараясь всѣми силами только скрыть его. И эта-то была та самая манера, которая болѣе всего шла къ ней. Впереди и сзади ихъ, такъ же тихо переговариваясь и такъ же въ бальныхъ платьяхъ, входили гости. Зеркала по лѣстницѣ отражали дамъ въ бѣлыхъ, голубыхъ, розовыхъ платьяхъ, съ брильянтами и жемчугами на открытыхъ рукахъ и шеяхъ.

Наташа смотрѣла въ зеркала и въ отраженіи не могла отличить себя отъ другихъ. Все смѣшивалось въ одну блестящую процессію. При входѣ въ первую залу равномѣрный гулъ голосовъ, шаговъ, привѣтствій оглушилъ Наташу; свѣтъ и блескъ еще болѣе ослѣпили ее. Хозяинъ и хозяйка, уже полчаса стоявшіе у входной двери и говорившіе одни и тѣ же слова входившимъ: «charmé de vous voir», такъ же встрѣтили и Ростовыхъ съ Перонской.

Двѣ дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ одинаковыми розами въ черныхъ волосахъ, одинаково присѣли, но невольно хозяйка остановила дольше свой взглядъ на тоненькой Наташѣ. Она посмотрѣла на нее, и ей одной особенно улыбнулась въ придачу къ своей хозяйской улыбкѣ. Глядя на нее, хозяйка вспомнила, можетъ-быть, и свое золотое, невозвратное дѣвичье время и свой первый балъ. Хозяинъ тоже проводилъ глазами Наташу и спросилъ у графа, которая его дочь.

— Charmante! — сказалъ онъ, поцѣловавъ кончики своихъ пальцевъ.

Въ залѣ стояли гости, тѣснясь у входной двери, ожидая государя. Графиня помѣстилась въ первыхъ рядахъ этой толпы. Наташа слышала и чувствовала, что нѣсколько голосовъ спросили про нее и смотрѣли на нее. Она поняла, что она понравилась тѣмъ, которые обратили на нее вниманіе, и это наблюденіе нѣсколько успокоило ее.

«Есть такіе же, какъ и мы, есть и хуже насъ», подумала она.

Перонская называла графинѣ самыхъ значительныхъ лицъ, бывшихъ на балѣ.

— Вотъ этотъ голландскій посланникъ, видите, сѣдой, — говорила Перонская, указывая на старичка съ серебряной сѣдиной

курчавыхъ обильныхъ волосъ, окруженнаго дамами, которыхъ онъ чему-то заставлялъ смѣяться.

— А вотъ она, царица Петербурга, графиня Безухова,—говорила она, указывая на входившую Эленъ.

— Какъ хороша! Не уступитъ Марьѣ Антоновнѣ; смотрите, какъ за ней увиваются и молодые и старые. И хороша и умна... Говорятъ, принцъ... безъ ума отъ нея. А вотъ эти двѣ хоть и нехороши, да еще больше окружены.

Она указала на проходившихъ черезъ залу даму съ очень некрасивою дочерью.

— Это милліонерка-невѣста,—сказала Перонская.—А вотъ и женихи.

— Это братъ Безуховой—Анатоль Курагинъ,—сказала она, указывая на красавца-кавалергарда, который прошелъ мимо ихъ, съ высоты поднятой головы черезъ дамъ глядя куда-то.—Какъ хорошъ! Не правда ли? Говорятъ, женятъ его на этой богатой. И вашъ-то cousin, Друбецкой, тоже очень увивается. Говорятъ, милліоны.—Какъ же, это самъ французскій посланникъ,—отвѣчала она о Коленкурѣ на вопросъ графини, кто это. — Посмотрите, какъ царь какой-нибудь. А все-таки милы, очень милы французы. Нѣтъ милѣй для общества. А вотъ и она! Нѣтъ, все лучше всѣхъ наша Марья-то Антоновна! И какъ просто одѣта. Прелесть!— А этотъ-то толстый, въ очкахъ, фармазонъ всемірный,—сказала Перонская, указывая на Безухова.—Съ женою-то его рядомъ поставьте: то-то шутъ гороховый!

Пьеръ шелъ, переваливаясь своимъ толстымъ тѣломъ, раздвигая толпу, кивая направо и налѣво такъ же небрежно и добродушно, какъ бы онъ шелъ по толпѣ базара. Онъ продвигался черезъ толпу, очевидно отыскивая кого-то.

Наташа съ радостью смотрѣла на знакомое лицо Пьера, этого шута гороховаго, какъ называла его Перонская, и знала, что Пьеръ ихъ, и въ особенности ее, отыскивалъ въ толпѣ. Пьеръ обѣщалъ ей быть на балѣ и представить ей кавалеровъ.

Но, не дойдя до нихъ, Безуховъ остановился подлѣ невысокаго, очень красиваго брюнета въ бѣломъ мундирѣ, который, стоя у окна, разговаривалъ съ какимъ-то высокимъ мужчиной въ звѣздахъ и лентѣ. Наташа тотчасъ же узнала невысокаго молодого человѣка въ бѣломъ мундирѣ: это былъ Болконскій, который показался ей очень помолодѣвшимъ, повеселѣвшимъ и похорошѣвшимъ.

— Вотъ еще знакомый, Болконскій, видите, мама?—сказала Наташа, указывая на князя Андрея.—Помните, онъ у насъ ночевалъ въ Отрадномъ.

— А вы его знаете?—сказала Перонская.—Терпѣть не могу. Il fait à présent la pluie et le beau temps [1]). И гордость такая, что границъ нѣтъ! По папенькѣ пошелъ. И связался съ Сперанскимъ, какіе-то проекты пишутъ. Смотрите, какъ съ дамами обращается! Она съ нимъ говоритъ, а онъ отвернулся,—сказала она, указывая на него.—Я бы его отдѣлала, если бы онъ со мной такъ поступилъ, какъ съ этими дамами.

XVI.

Вдругъ все зашевелилось, толпа заговорила, подвинулась, опять раздвинулась, и между двухъ разступившихся рядовъ, при звукахъ заигравшей музыки, вошелъ государь. За нимъ шли хозяинъ и хозяйка. Государь шелъ, быстро кланяясь направо и налѣво, какъ бы стараясь скорѣе избавиться отъ этой первой минуты встрѣчи. Музыканты играли польскій, извѣстный тогда по словамъ, сочиненнымъ на него. Слова эти начинались: «Александръ, Елизавета, восхищаете вы насъ...» Государь прошелъ въ гостиную, толпа хлынула къ дверямъ; нѣсколько лицъ съ измѣнившимися выраженіями поспѣшно прошли туда и назадъ. Толпа опять отхлынула отъ дверей гостиной, въ которой показался государь, разговаривая съ хозяйкой. Какой-то молодой человѣкъ съ растеряннымъ видомъ наступалъ на дамъ, прося ихъ посторониться. Нѣкоторыя дамы съ лицами, выражавшими совершенную забывчивость всѣхъ условій свѣта, портя свои туалеты, тѣснились впередъ. Мужчины стали подходить къ дамамъ и строиться въ пары польскаго.

Все разступилось, и государь, улыбаясь и не въ тактъ ведя за руку хозяйку дома, вышелъ изъ дверей гостиной. За нимъ шли хозяинъ съ М. А. Нарышкиной, потомъ посланники, министры, разные генералы, которыхъ не умолкая называла Перонская. Больше половины дамъ имѣли кавалеровъ и шли или приготовлялись идти въ польскій. Наташа чувствовала, что она оставалась съ матерью и Соней въ числѣ меньшей части дамъ, оттѣсненныхъ къ стѣнѣ и не взятыхъ въ польскій. Она стояла, опустивъ свои тоненькія руки, и съ мѣрно поднимающеюся, чуть опредѣленной грудью, сдерживая дыханіе, блестящими, испуганными глазами глядѣла передъ собой, съ выраженіемъ готовности на величайшую радость и на величайшее горе. Ея не занимали ни государь ни всѣ важныя лица, на которыхъ указы-

[1]) Отъ него теперь зависитъ дождливая или хорошая погода. (Франц. пословица, имѣющая значеніе, что онъ имѣетъ успѣхъ.)

вала Перонская,—у ней была одна мысль: «неужели такъ никто не подойдетъ ко мнѣ, неужели я не буду танцовать между первыми, неужели меня не замѣтятъ всѣ эти мужчины, которые теперь, кажется, и не видятъ меня, а ежели смотрятъ на меня, то смотрятъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорятъ: а! это не она, такъ и нечего смотрѣть. Нѣтъ, это не можетъ быть!» думала она. «Они должны же знать, какъ мнѣ хочется танцовать, какъ я отлично танцую, и какъ имъ весело будетъ танцовать со мной».

Звуки польскаго, продолжавшагося довольно долго, уже начинали звучать грустно,—воспоминаніемъ въ ушахъ Наташи. Ей хотѣлось плакать. Перонская отошла отъ нихъ. Графъ былъ на другомъ концѣ залы, графиня, Соня и она стояли однѣ какъ въ лѣсу въ этой чуждой толпѣ, никому неинтересныя и ненужныя. Князь Андрей прошелъ съ какой-то дамой мимо нихъ, очевидно ихъ не узнавая. Красавецъ Анатоль, улыбаясь, что-то говорилъ дамѣ, которую онъ велъ, и взглянулъ на лицо Наташи тѣмъ взглядомъ, какимъ глядятъ на стѣны. Борисъ два раза прошелъ мимо нихъ и всякій разъ отворачивался. Бергъ съ женою, не танцовавшіе, подошли къ нимъ.

Наташѣ показалось оскорбительно это семейное сближеніе здѣсь, на балѣ, какъ будто не было другого мѣста для семейныхъ разговоровъ, кромѣ какъ на балѣ. Она не слушала и не смотрѣла на Вѣру, что-то говорившую ей про свое зеленое платье.

Наконецъ государь остановился подлѣ своей послѣдней дамы (онъ танцовалъ съ тремя), музыка замолкла; озабоченный адъютантъ набѣжалъ на Ростовыхъ, прося ихъ еще куда-то посторониться, хотя онѣ стояли у стѣны, и съ хоръ раздались отчетливые, осторожные и увлекательно-мѣрные звуки вальса. Государь съ улыбкой взглянулъ на залу. Прошла минута—никто еще не начиналъ. Адъютантъ-распорядитель подошелъ къ графинѣ Безуховой и пригласилъ ее. Она, улыбаясь, подняла руку и положила ее, не глядя на него, на плечо адъютанта. Адъютантъ-распорядитель, мастеръ своего дѣла, увѣренно, неторопливо и мѣрно, крѣпко обнявъ свою даму, пустился съ ней сначала глиссадомъ по краю круга, на углу залы подхватилъ ея лѣвую руку, повернулъ ее, и изъ-за все убыстряющихся звуковъ музыки слышны были только мѣрные щелчки шпоръ быстрыхъ и ловкихъ ногъ адъютанта, и черезъ каждые три такта на поворотѣ какъ бы вспыхивало, развѣваясь, бархатное платье его дамы. Наташа смотрѣла на нихъ и готова была плакать, что это не она танцуетъ этотъ первый туръ вальса.

Князь Андрей въ своемъ полковничьемъ бѣломъ (по кавалеріи) мундирѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, оживленный и веселый, стоялъ въ первыхъ рядахъ круга, недалеко отъ Ростовыхъ. Баронъ Фиргофъ говорилъ съ нимъ о завтрашнемъ, предполагаемомъ первомъ засѣданіи Государственнаго совѣта. Князь Андрей, какъ близкій человѣкъ Сперанскому и участвующій въ работахъ законодательной комиссіи, могъ дать вѣрныя свѣдѣнія о засѣданіи завтрашняго дня, о которомъ ходили различные толки. Но онъ не слушалъ того, что ему говорилъ Фиргофъ, и глядѣлъ то на государя, то на сбиравшихся танцовать кавалеровъ, не рѣшавшихся вступить въ кругъ.

Князь Андрей наблюдалъ этихъ робѣвшихъ при государѣ кавалеровъ и дамъ, замиравшихъ отъ желанія быть приглашенными.

Пьеръ подошелъ къ князю Андрею и схватилъ его за руку.

— Вы всегда танцуете. Тутъ есть моя protégée Ростова молодая, пригласите ее,—сказалъ онъ.

— Гдѣ? — спросилъ Болконскій. — Виноватъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ барону, — этотъ разговоръ мы въ другомъ мѣстѣ доведемъ до конца, а на балѣ надо танцовать.—Онъ вышелъ впередъ, по направленію, которое ему указывалъ Пьеръ. Отчаянное, замирающее лицо Наташи бросилось въ глаза князю Андрею. Онъ узналъ ее, угадалъ ея чувство, понялъ, что она была начинающая, вспомнилъ ея разговоръ на окнѣ и съ веселымъ выраженіемъ лица подошелъ къ графинѣ Ростовой.

— Позвольте васъ познакомить съ моею дочерью, — сказала графиня, краснѣя.

— Я имѣю удовольствіе быть знакомымъ, ежели графиня помнитъ меня,—сказалъ князь Андрей съ учтивымъ и низкимъ поклономъ, совершенно противорѣчащимъ замѣчаніямъ Перонской о его грубости, подходя къ Наташѣ и занося руку, чтобы обнять ея талью еще прежде, чѣмъ онъ договорилъ приглашеніе на танецъ. Онъ предложилъ туръ вальса. То замирающее выраженіе лица Наташи, готовое на отчаяніе и на восторгъ, вдругъ освѣтилось счастливой, благодарной, дѣтской улыбкой.

«Давно я ждала тебя», какъ будто сказала эта испуганная и счастливая дѣвочка своей проявившейся изъ-за готовыхъ слезъ улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея. Они были вторая пара, вошедшая въ кругъ. Князь Андрей былъ однимъ изъ лучшихъ танцоровъ своего времени. Наташа танцовала превосходно. Ножки ея въ бальныхъ атласныхъ башмачкахъ быстро, легко и независимо отъ нея дѣлали свое дѣло, а лицо ея сіяло восторгомъ счастья. Ея оголенныя шея и руки были худы и некрасивы въ сравненіи съ плечами Элены. Ея плечи были

худы, грудь неопредѣленна, руки тонки; но на Элен былъ уже какъ будто лакъ отъ всѣхъ тысячъ взглядовъ, скользившихъ по ея тѣлу, а Наташа казалась дѣвочкой, которую въ первый разъ оголили и которой бы очень стыдно это было, ежели бы ее не увѣрили, что это такъ необходимо надо.

Князь Андрей любилъ танцовать и, желая поскорѣе отдѣлаться отъ политическихъ и умныхъ разговоровъ, съ которыми всѣ обращались къ нему, желая поскорѣе разорвать этотъ досадный ему кругъ смущенія, образовавшагося отъ присутствія государя, пошелъ танцовать и выбралъ Наташу потому, что на нее указалъ ему Пьеръ, и потому, что она первая изъ хорошенькихъ женщинъ попала ему на глаза; но едва онъ обнялъ этотъ тонкій, подвижной станъ и она зашевелилась такъ близко отъ него и улыбнулась такъ близко ему, вино ея прелести ударило ему въ голову: онъ почувствовалъ себя ожившимъ и помолодѣвшимъ, когда, переводя дыханіе и оставивъ ее, остановился и сталъ глядѣть на танцующихъ.

XVII.

Послѣ князя Андрея къ Наташѣ подошелъ Борисъ, приглашая ее на танцы, подошелъ и тотъ танцоръ-адъютантъ, начавшій балъ, и еще молодые люди, и Наташа, передавая своихъ излишнихъ кавалеровъ Сонѣ, счастливая и раскраснѣвшаяся, не переставала танцовать цѣлый вечеръ. Она ничего не замѣтила и не видала изъ того, что занимало всѣхъ на этомъ балѣ. Она не только не замѣтила, какъ государь долго говорилъ съ французскимъ посланникомъ, какъ онъ особенно милостиво говорилъ съ какой-то дамой, какъ принцъ такой-то и такой-то сдѣлали и сказали то-то, какъ Элен имѣла большой успѣхъ и удостоилась особеннаго вниманія такого-то; она не видала даже государя и замѣтила, что онъ уѣхалъ, только потому, что послѣ его отъѣзда балъ болѣе оживился. Одинъ изъ веселыхъ котильоновъ, передъ ужиномъ, князь Андрей опять танцовалъ съ Наташей. Онъ напомнилъ ей о ихъ первомъ свиданіи въ Отрадненской аллеѣ и о томъ, какъ она не могла заснуть въ лунную ночь и какъ онъ невольно слышалъ ее. Наташа покраснѣла при этомъ напоминаніи и старалась оправдаться, какъ будто было что-то стыдное въ томъ чувствѣ, въ которомъ невольно подслушалъ ее князь Андрей.

Князь Андрей, какъ всѣ люди, выросшіе въ свѣтѣ, любилъ встрѣчать въ свѣтѣ то, что не имѣло на себѣ общаго свѣтскаго отпечатка. И такова была Наташа, съ ея удивленіемъ, радостью

и робостью и даже ошибками во французскомъ языкѣ. Онъ особенно нѣжно и бережно обращался и говорилъ съ ней. Сидя подлѣ нея, разговаривая съ нею о самыхъ простыхъ и ничтожныхъ предметахъ, князь Андрей любовался на радостный блескъ ея глазъ и улыбки, относившейся не къ говореннымъ рѣчамъ, а къ ея внутреннему счастью. Въ то время, какъ Наташу выбирали и она съ улыбкой вставала и танцовала по залѣ, князь Андрей любовался въ особенности на ея робкую грацію. Въ серединѣ котильона Наташа, окончивъ фигуру, еще тяжело дыша, подходила къ своему мѣсту. Новый кавалеръ опять пригласилъ ее. Она устала и запыхалась и, видимо, подумала отказаться, но тотчасъ опять весело подняла руку на плечо кавалера и улыбнулась князю Андрею.

«Я бы рада была отдохнуть и посидѣть съ вами, я устала; но вы видите, какъ меня выбираютъ, и я этому рада, и я счастлива, и я всѣхъ люблю, и мы съ вами все это понимаемъ», и еще многое и многое сказала эта улыбка. Когда кавалеръ оставилъ ее, Наташа побѣжала черезъ залу, чтобы взять двухъ дамъ для фигуръ.

«Ежели она подойдетъ прежде къ своей кузинѣ, а потомъ къ другой дамѣ, то она будетъ моей женой», сказалъ совершенно неожиданно самъ себѣ князь Андрей, глядя на нее. Она подошла прежде къ кузинѣ.

«Какой вздоръ иногда приходитъ въ голову», подумалъ князь Андрей; «но вѣрно только то, что эта дѣвушка такъ мила, такъ особенна, что она не протанцуетъ здѣсь мѣсяца и выйдетъ замужъ... Это здѣсь рѣдкость», думалъ онъ, когда Наташа, поправляя откинувшуюся у корсажа розу, усаживалась подлѣ него.

Въ концѣ котильона старый графъ подошелъ въ своемъ синемъ фракѣ къ танцующимъ. Онъ пригласилъ къ себѣ князя Андрея и спросилъ у дочери, весело ли ей. Наташа не отвѣтила и только улыбнулась такой улыбкой, которая съ упрекомъ говорила: «какъ можно было спрашивать объ этомъ?»

— Такъ весело, какъ никогда въ жизни! — сказала она, и князь Андрей замѣтилъ, какъ быстро поднялись было ея худыя руки, чтобы обнять отца, и тотчасъ же опустились. Наташа была такъ счастлива, какъ никогда еще въ жизни. Она была на той высшей ступени счастья, когда человѣкъ дѣлается вполнѣ добръ и хорошъ и не вѣритъ въ возможность зла, несчастья и горя.

Пьеръ на этомъ балѣ въ первый разъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ тѣмъ положеніемъ, которое занимала его жена въ высшихъ сферахъ. Онъ былъ угрюмъ и разсѣянъ. Поперекъ лба его была широкая складка, и онъ, стоя у окна, смотрѣлъ черезъ очки, никого не видя.

Наташа, направляясь къ ужину, прошла мимо него.

Мрачное, несчастное лицо Пьера поразило ее. Она остановилась противъ него. Ей хотѣлось помочь ему, передать ему излишекъ своего счастья.

— Какъ весело, графъ, — сказала она, — не правда ли?

Пьеръ разсѣянно улыбнулся, очевидно не понимая того, что ему говорили.

— Да, я очень радъ, — сказалъ онъ.

«Какъ они могутъ быть недовольны чѣмъ-то», думала Наташа. «Особенно такой хорошій, какъ этотъ Безуховъ». На глаза Наташи всѣ бывшіе на балѣ были одинаково добрые, милые, прекрасные люди, любящіе другъ друга люди: никто не могъ обидѣть другъ друга, и потому всѣ должны были быть счастливы.

XVIII.

На другой день князь Андрей вспомнилъ вчерашній балъ, но не надолго остановился на немъ мыслями. «Да, очень блестящій былъ балъ. И еще... да, Ростова очень мила. Что-то въ ней есть свѣжее, особенное, не петербургское, отличающее ее». Вотъ все, что онъ подумалъ о вчерашнемъ балѣ, и, напившись чаю, сѣлъ за работу.

Но отъ усталости или безсонницы (день былъ нехорошій для занятій, и князь Андрей ничего не могъ дѣлать) онъ все критиковалъ самъ свою работу, какъ это часто съ нимъ бывало, и радъ былъ, когда услыхалъ, что кто-то пріѣхалъ.

Пріѣхавшій былъ Бицкій, служившій въ различныхъ комиссіяхъ, бывавшій во всѣхъ обществахъ Петербурга, страстный поклонникъ новыхъ идей и Сперанскаго и озабоченный вѣстовщикъ Петербурга, одинъ изъ тѣхъ людей, которые выбираютъ направленіе какъ платье — по модѣ, но которые поэтому-то кажутся самыми горячими партизанами направленія. Онъ озабоченно, едва успѣвъ снять шляпу, вбѣжалъ къ князю Андрею и тотчасъ же началъ говорить. Онъ только что узналъ подробности засѣданія Государственнаго совѣта нынѣшняго утра, открытаго государемъ, и съ восторгомъ разсказывалъ о томъ. Рѣчь государя была необычайна. Это была одна изъ тѣхъ рѣчей, которыя произносятся только конституціонными монархами. «Государь прямо

сказалъ, что совѣтъ и сенатъ суть государственныя *сословія*; онъ сказалъ, что правленіе должно имѣть основаніемъ не произволъ, а *твердыя начала*. Государь сказалъ, что финансы должны быть преобразованы и отчеты быть публичны», разсказывалъ Бицкій, ударяя на извѣстныя слова и значительно раскрывая глаза.

— Да, нынѣшнее событіе есть эра, величайшая эра въ нашей исторіи,—заключилъ онъ.

Князь Андрей слушалъ разсказъ объ открытіи Государственнаго совѣта, котораго онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ и которому приписывалъ такую важность, и удивлялся, что событіе это теперь, когда оно совершилось, не только не трогало его, но представлялось ему болѣе чѣмъ ничтожнымъ. Онъ съ тихой насмѣшкой слушалъ восторженный разсказъ Бицкаго. Самая простая мысль приходила ему въ голову: «Какое дѣло мнѣ и Бицкому, какое дѣло намъ до того, что̀ государю угодно было сказать въ совѣтѣ! Развѣ все это можетъ сдѣлать меня счастливѣе и лучше?»

И это простое разсужденіе вдругъ уничтожило для князя Андрея весь прежній интересъ совершаемыхъ преобразованій. Въ этотъ же день князь Андрей долженъ былъ обѣдать у Сперанскаго «en petit comité» какъ ему сказалъ хозяинъ, приглашая его. Обѣдъ этотъ въ семейномъ и дружескомъ кругу человѣка, которымъ онъ такъ восхищался, прежде очень интересовалъ князя Андрея, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ онъ не видалъ Сперанскаго въ его домашнемъ быту; но теперь ему не хотѣлось ѣхать.

Въ назначенный часъ обѣда, однако, князь Андрей уже входилъ въ собственный небольшой домъ Сперанскаго, у Таврическаго сада. Въ паркетной столовой небольшого домика, отличавшагося необыкновенной чистотой (напоминающей монашескую чистоту), князь Андрей, нѣсколько опоздавшій, уже нашелъ въ пять часовъ собравшееся все общество этого petit comité, интимныхъ знакомыхъ Сперанскаго. Дамъ не было никого, кромѣ маленькой дочери Сперанскаго (съ длиннымъ лицомъ, похожимъ на отца) и ея гувернантки. Гости были—Жерве, Магницкій и Столыпинъ. Еще изъ передней князь Андрей услыхалъ громкіе голоса и звонкій, отчетливый хохотъ, — хохотъ, похожій на тотъ, какимъ смѣются на сценѣ. Кто-то голосомъ, похожимъ на голосъ Сперанскаго, отчетливо отбивалъ: ха... ха... ха... Князь Андрей никогда не слыхалъ смѣха Сперанскаго, и этотъ звонкій, тонкій смѣхъ государственнаго человѣка странно поразилъ его.

Князь Андрей вошелъ въ столовую. Все общество стояло между двухъ оконъ у небольшого стола съ закуской. Сперанскій въ сѣромъ фракѣ съ звѣздой, очевидно въ томъ еще бѣломъ жилетѣ и высокомъ бѣломъ галстукѣ, въ которыхъ онъ былъ въ знаменитомъ засѣданіи Государственнаго совѣта, съ веселымъ лицомъ стоялъ у стола. Гости окружали его. Магницкій, обращаясь къ Михаилу Михаиловичу, разсказывалъ анекдотъ, Сперанскій слушалъ, впередъ смѣясь тому, что скажетъ Магницкій. Въ то время какъ князь Андрей вошелъ въ комнату, слова Магницкаго опять заглушились смѣхомъ. Громко басилъ Столыпинъ, пережевывая кусокъ хлѣба съ сыромъ; тихимъ смѣхомъ шипѣлъ Жерве, и тонко, отчетливо смѣялся Сперанскій.

Сперанскій, все еще смѣясь, подалъ князю Андрею свою бѣлую, нѣжную руку.

— Очень радъ васъ видѣть, князь, — сказалъ онъ. — Минутку... — обратился онъ къ Магницкому, прерывая его разсказъ. — У насъ нынче уговоръ: обѣдъ удовольствія, и ни слова про дѣла. — И онъ опять обратился къ разсказчику и опять засмѣялся.

Князь Андрей съ удивленіемъ и грустью разочарованія слушалъ его смѣхъ и смотрѣлъ на смѣющагося Сперанскаго. Это былъ не Сперанскій, а другой человѣкъ, казалось князю Андрею. Все, что прежде таинственно и привлекательно представлялось князю Андрею въ Сперанскомъ, вдругъ стало ему ясно и непривлекательно.

За столомъ разговоръ ни на мгновеніе не умолкалъ и состоялъ какъ будто бы изъ собранія смѣшныхъ анекдотовъ. Еще Магницкій не успѣлъ докончить своего разсказа, какъ ужъ кто-то другой заявилъ свою готовность разсказать что-то, что было еще смѣшнѣе. Анекдоты большею частью касались ежели не самаго служебнаго міра, то лицъ служебныхъ. Казалось, что въ этомъ обществѣ такъ окончательно было рѣшено ничтожество этихъ лицъ, что единственное отношеніе къ нимъ могло быть только добродушно-комическое. Сперанскій разсказалъ, какъ на совѣтѣ сегодняшняго утра на вопросъ у глухого сановника о его мнѣніи сановникъ этотъ отвѣчалъ, что онъ того же мнѣнія. Жерве разсказалъ цѣлое дѣло о ревизіи, замѣчательное по безсмыслицѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Столыпинъ, заикаясь, вмѣшался въ разговоръ и съ горячностью началъ говорить о злоупотребленіяхъ прежняго порядка вещей, угрожая придать разговору серьезный характеръ. Магницкій сталъ трунить надъ горячностью Столыпина, Жерве вставилъ шутку, и разговоръ принялъ опять прежнее, веселое направленіе.

Очевидно, Сперанскій послѣ трудовъ любилъ отдохнуть и повеселиться въ пріятельскомъ кружкѣ, и всѣ его гости, понимая его желаніе, старались веселить его и сами веселиться. Но веселье это казалось князю Андрею тяжелымъ и невеселымъ. Тонкій звукъ голоса Сперанскаго непріятно поражалъ его, и неумолкавшій смѣхъ своей фальшивой нотой почему-то оскорблялъ чувство князя Андрея. Князь Андрей не смѣялся и боялся, что онъ будетъ тяжелъ для этого общества. Но никто не замѣчалъ его несоотвѣтственности общему настроенію. Всѣмъ было, казалось, очень весело.

Онъ нѣсколько разъ желалъ вступить въ разговоръ, но всякій разъ его слово выбрасывалось вонъ, какъ пробка изъ воды, и онъ не могъ шутить съ ними вмѣстѣ.

Ничего не было дурного или неумѣстнаго въ томъ, что они говорили, все было остро, умно и могло бы быть смѣшно; но чего-то, того самаго, что составляетъ соль веселья, не только не было, но они и не знали, что оно бываетъ.

Послѣ обѣда дочь Сперанскаго съ своей гувернанткой встали. Сперанскій приласкалъ дочь своей бѣлой рукой и поцѣловалъ ее. И этотъ жестъ показался неестественнымъ князю Андрею.

Мужчины, по-англійски, остались за столомъ и за портвейномъ. Въ серединѣ начавшагося разговора объ испанскихъ дѣлахъ Наполеона, одабривая которыя, всѣ были одного и того же мнѣнія, князь Андрей сталъ противорѣчить имъ. Сперанскій улыбнулся и, очевидно желая отклонить разговоръ отъ принятаго направленія, разсказалъ анекдотъ, не имѣющій отношенія къ разговору. На нѣсколько мгновеній всѣ замолкли.

Посидѣвъ за столомъ, Сперанскій закупорилъ бутылку съ виномъ и, сказавъ: «нынче хорошее винцо въ сапожкахъ ходитъ», отдалъ слугѣ и всталъ. Всѣ встали и, такъ же шумно разговаривая, пошли въ гостиную. Сперанскому подали два конверта, привезенные курьеромъ. Онъ взялъ ихъ и прошелъ въ кабинетъ. Какъ только онъ вышелъ, общее веселье замолкло, и гости разсудительно и тихо стали переговариваться другъ съ другомъ.

— Ну, теперь декламація! — сказалъ Сперанскій, выходя изъ кабинета.—Удивительный талантъ!—обратился онъ къ князю Андрею. Магницкій тотчасъ же сталъ въ позу и началъ говорить французскіе шутливые стихи, сочиненные имъ на нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ Петербурга, и нѣсколько разъ былъ прерываемъ аплодисментами. Князь Андрей по окончаніи стиховъ подошелъ къ Сперанскому, прощаясь съ нимъ.

— Куда вы такъ рано? — сказалъ Сперанскій.

— Я обѣщалъ на вечеръ...

Они помолчали. Князь Андрей смотрѣлъ близко въ эти зеркальные, не пропускающіе къ себѣ глаза, и ему стало смѣшно, какъ онъ могъ ждать чего-нибудь отъ Сперанскаго и отъ всей своей дѣятельности, связанной съ нимъ, и какъ могъ онъ приписывать важность тому, что дѣлалъ Сперанскій. Этотъ аккуратный, невеселый смѣхъ долго не переставалъ звучать въ ушахъ князя Андрея послѣ того, какъ онъ уѣхалъ отъ Сперанскаго.

Вернувшись домой, князь Андрей сталъ вспоминать свою петербургскую жизнь за эти четыре мѣсяца, какъ будто что-то новое. Онъ вспоминалъ свои хлопоты, искательства, исторію своего проекта военнаго устава, который былъ принятъ къ свѣдѣнію и о которомъ старались умолчать единственно потому, что другая работа, очень дурная, была уже сдѣлана и представлена государю; вспомнилъ о засѣданіяхъ комитета, членомъ котораго былъ Бергъ; вспомнилъ, какъ въ этихъ засѣданіяхъ старательно и продолжительно обсуживалось все касающееся формы процесса засѣданій комитета и какъ старательно и кратко обходилось все, что касалось сущности дѣла. Онъ вспомнилъ о своей законодательной работѣ, о томъ, какъ онъ озабоченно переводилъ на русскій языкъ статьи римскаго и французскаго свода, и ему стало совѣстно за себя. Потомъ онъ живо представилъ себѣ Богучарово, свои занятія въ деревнѣ, свою поѣздку въ Рязань, вспомнилъ мужиковъ, Дрона-старосту, и, приложивъ къ нимъ права лицъ, которыя онъ распредѣлялъ по параграфамъ, ему стало удивительно, какъ онъ могъ такъ долго заниматься такой праздной работой.

XIX.

На другой день князь Андрей поѣхалъ съ визитами въ нѣкоторые дома, гдѣ онъ еще не былъ, и въ томъ числѣ къ Ростовымъ, съ которыми онъ возобновилъ знакомство на послѣднемъ балѣ. Кромѣ законовъ учтивости, по которымъ ему нужно было быть у Ростовыхъ, князю Андрею хотѣлось видѣть дома эту особенную, оживленную дѣвушку, которая оставила ему пріятное воспоминаніе.

Наташа одна изъ первыхъ встрѣтила его. Она была въ домашнемъ синемъ платьѣ, въ которомъ она показалась князю Андрею еще лучше, чѣмъ въ бальномъ. Она и все семейство Ростовыхъ приняли князя Андрея, какъ стараго друга, просто и радушно. Все семейство, которое строго судилъ прежде князь Андрей, теперь показалось ему составленнымъ изъ прекрасныхъ, простыхъ и добрыхъ людей. Гостепріимство и добродушіе стараго графа, особенно мило поразительное въ Петербургѣ, было таково,

что князь Андрей не могъ отказаться отъ обѣда. «Да, это добрые, славные люди», думалъ Болконскій, «разумѣется, не понимающіе ни на волосъ того сокровища, которое они имѣютъ въ Наташѣ; но добрые люди, которые составляютъ наилучшій фонъ для того, чтобы на немъ отдѣлялась эта особенно-поэтическая, переполненная жизни, прелестная дѣвушка!»

Князь Андрей чувствовалъ въ Наташѣ присутствіе совершенно чуждаго для него, особеннаго міра, преисполненнаго какихъ-то неизвѣстныхъ ему радостей, того чуждаго міра, который его тогда, въ Отрадненской аллеѣ и на окнѣ, въ лунную ночь, такъ дразнилъ его. Теперь этотъ міръ уже болѣе не дразнилъ его, но былъ чуждый міръ; но онъ самъ, вступивъ въ него, находилъ въ немъ новое для себя наслажденіе.

Послѣ обѣда Наташа, по просьбѣ князя Андрея, пошла къ клавикордамъ и стала пѣть. Князь Андрей стоялъ у окна, разговаривая съ дамами, и слушалъ ее. Въ серединѣ фразы князь Андрей замолчалъ и почувствовалъ неожиданно, что къ его горлу подступаютъ слезы, возможность которыхъ онъ не зналъ за собой. Онъ посмотрѣлъ на поющую Наташу, и въ душѣ его произошло что-то новое и счастливое. Онъ былъ счастливъ, и ему вмѣстѣ съ тѣмъ было грустно. Ему рѣшительно не о чемъ было плакать, но онъ готовъ былъ плакать. О чемъ? О прежней любви? О маленькой княгинѣ? О своихъ разочарованіяхъ?.. О своихъ надеждахъ на будущее?.. Да и нѣтъ. Главное, о чемъ ему хотѣлось плакать, была вдругъ живо сознанная имъ страшная противоположность между чѣмъ-то безконечно великимъ и неопредѣлимымъ, бывшимъ въ немъ, и чѣмъ-то узкимъ и тѣлеснымъ, чѣмъ онъ былъ самъ и даже была она. Эта противоположность томила и радовала его во время ея пѣнія.

Только что Наташа кончила пѣть, она подошла къ нему и спросила его, какъ ему нравится ея голосъ. Она спросила это и смутилась уже послѣ того, какъ она это сказала, понявъ, что этого не надо было спрашивать. Онъ улыбнулся, глядя на нее, и сказалъ, что ему нравится ея пѣніе такъ же, какъ и все, что она дѣлаетъ.

Князь Андрей поздно вечеромъ уѣхалъ отъ Ростовыхъ. Онъ легъ спать по привычкѣ ложиться, но увидалъ скоро, что онъ не можетъ спать. Онъ то, зажжа свѣчку, сидѣлъ въ постели, то вставалъ, то опять ложился, нисколько не тяготясь безсонницей, — такъ радостно и ново ему было на душѣ, какъ будто онъ изъ душной комнаты вышелъ на вольный свѣтъ Божій. Ему и въ голову не приходило, чтобы онъ былъ влюбленъ въ Ростову; онъ не думалъ о ней; онъ только воображалъ ее себѣ, и вслѣд-

ствіе этого вся жизнь его представлялась ему въ новомъ свѣтѣ. «Изъ чего я бьюсь, изъ чего я хлопочу въ этой узкой, замкнутой рамкѣ, когда жизнь, вся жизнь со всѣми ея радостями открыта мнѣ?» говорилъ онъ себѣ. И онъ въ первый разъ послѣ долгаго времени сталъ дѣлать счастливые планы на будущее. Онъ рѣшилъ самъ собою, что ему надо заняться воспитаніемъ своего сына, найдя ему воспитателя и поручивъ ему; потомъ надо выйти въ отставку и ѣхать за границу, видѣть Англію, Швейцарію, Италію. «Мнѣ надо пользоваться своей свободой, пока такъ много въ себѣ чувствую силы и молодости», говорилъ онъ самъ себѣ. «Пьеръ былъ правъ, говоря, что надо вѣрить въ возможность счастья, чтобы быть счастливымъ, и я теперь вѣрю въ него. Оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ, а пока живъ, надо жить и быть счастливымъ», думалъ онъ.

XX.

Въ одно утро полковникъ Адольфъ Бергъ, котораго Пьеръ зналъ, какъ зналъ всѣхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ чистенькомъ съ иголочки мундирѣ, съ припомаженными напередъ височками, какъ носилъ государь Александръ Павловичъ, пріѣхалъ къ нему.

— Я сейчасъ былъ у графини, вашей супруги, и былъ такъ несчастливъ, что моя просьба не могла быть исполнена; надѣюсь, что у васъ, графъ, я буду счастливѣе, — сказалъ онъ, улыбаясь.

— Что вамъ угодно, полковникъ? Я къ вашимъ услугамъ.

— Я теперь, графъ, ужъ совершенно устроился на новой квартирѣ,—сообщилъ Бергъ, очевидно зная, что это слышать не могло не быть пріятно,—и потому желалъ сдѣлать такъ, маленькій вечерокъ для моихъ и моей супруги знакомыхъ. (Онъ еще пріятнѣе улыбнулся.) Я хотѣлъ просить графиню и васъ сдѣлать мнѣ честь пожаловать къ намъ на чашку чая и на ужинъ.

Только графиня Елена Васильевна, сочтя для себя унизительнымъ общество какихъ-то Берговъ, могла имѣть жестокость отказаться отъ такого приглашенія.—Бергъ такъ ясно объяснилъ, почему онъ желаетъ собрать у себя небольшое и хорошее общество, и почему это ему будетъ пріятно, и почему онъ для картъ и для чего-нибудь дурного жалѣетъ деньги, но для хорошаго общества готовъ и понести расходы, что Пьеръ не могъ отказаться и обѣщался быть.

— Только не поздно, графъ, ежели смѣю просить, такъ безъ 10-ти минутъ въ восемь, смѣю просить. Партію составимъ, генералъ нашъ будетъ. Онъ очень добръ ко мнѣ. Поужинаемъ, графъ. Такъ сдѣлайте одолженіе.

Противно своей привычкѣ опаздывать, Пьеръ въ этотъ день, вмѣсто восьми безъ 10 минутъ, пріѣхалъ къ Бергамъ въ восемь часовъ безъ четверти.

Берги, припася, что̀ нужно было для вечера, уже готовы были къ пріему гостей.

Въ новомъ, чистомъ, свѣтломъ, убранномъ бюстиками и картинками и новою мебелью кабинетѣ сидѣлъ Бергъ съ женой. Бергъ въ новенькомъ застегнутомъ мундирѣ сидѣлъ возлѣ жены, объясняя ей, что всегда можно и должно имѣть знакомства людей, которые выше себя, потому что тогда только есть пріятность отъ знакомствъ. «Перейме́шь что-нибудь, можешь попросить о чемъ-нибудь. Вотъ посмотри, какъ я жилъ съ первыхъ чиновъ. (Бергъ жизнь свою считалъ не годами, а высочайшими наградами.) Мои товарищи теперь еще ничто, а я на ваканціи полкового командира, я имѣю счастье быть вашимъ мужемъ. (Онъ всталъ и поцѣловалъ руку Вѣры, но по пути къ ней отогнулъ уголъ завороти́вшагося ковра.) И чѣмъ я пріобрѣлъ все это? Главное — умѣніемъ выбирать свои знакомства. Само собой разумѣется, что надо быть добродѣтельнымъ и аккуратнымъ».

Бергъ улыбнулся съ сознаніемъ своего превосходства надъ слабой женщиной и замолчалъ, подумавъ, что все-таки эта милая жена его есть слабая женщина, которая не можетъ постигнуть всего того, что̀ составляетъ достоинство мужчины, — ein Mann zu sein. Вѣра въ то же время также улыбнулась съ сознаніемъ своего превосходства надъ добродѣтельнымъ, хорошимъ мужемъ, но который все-таки ошибочно, какъ и всѣ мужчины, по понятію Вѣры, понималъ жизнь. Бергъ, судя по своей женѣ, считалъ всѣхъ женщинъ слабыми и глупыми. Вѣра, судя по одному своему мужу и распространяя это замѣчаніе, полагала, что всѣ мужчины приписываютъ только себѣ разумъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не понимаютъ, горды и эгоисты.

Бергъ всталъ и, обнявъ свою жену осторожно, чтобы не измять кружевную пелерину, за которую онъ дорого заплатилъ, поцѣловалъ ее въ середину губъ.

— Одно только, чтобы у насъ не было такъ скоро дѣтей, — сказалъ онъ по безсознательной для себя филіаціи идей.

— Да, — отвѣчала Вѣра, — я совсѣмъ этого не желаю. Надо жить для общества.

— Точно такая была на княгинѣ Юсуповой,—сказалъ Бергъ, съ счастливой и доброй улыбкой указывая на пелеринку.

Въ это время доложили о пріѣздѣ графа Безухова. Оба супруга переглянулись самодовольной улыбкой, каждый себѣ приписывая честь этого посѣщенія.

«Вотъ что значитъ умѣть дѣлать знакомства», подумалъ Бергъ, «вотъ что значитъ умѣть держать себя!»

— Только, пожалуйста, когда я занимаю гостей, — сказала Вѣра, — ты не перебивай меня, потому что я знаю, чѣмъ занять каждаго и въ какомъ обществѣ что надо говорить.

Бергъ тоже улыбнулся.

— Нельзя же: иногда съ мужчинами мужской разговоръ долженъ быть, — сказалъ онъ.

Пьеръ былъ принятъ въ новенькой гостиной, въ которой нигдѣ сѣсть нельзя было, не нарушивъ симметріи, чистоты и порядка, и потому весьма понятно было и не странно, что Бергъ великодушно предлагалъ разрушить симметрію кресла или дивана для дорогого гостя и, видимо находясь самъ въ этомъ отношеніи въ болѣзненной нерѣшительности, предложилъ рѣшеніе этого вопроса выбору гостя. Пьеръ разстроилъ симметрію, подвинувъ себѣ стулъ, и тотчасъ же Бергъ и Вѣра начали вечеръ, перебивая одинъ другого и занимая гостя.

Вѣра, рѣшивъ въ своемъ умѣ, что Пьера надо занимать разговоромъ о французскомъ посольствѣ, тотчасъ же начала этотъ разговоръ. Бергъ, рѣшивъ, что надобенъ и мужской разговоръ, перебилъ рѣчь жены, затрогивая вопросъ о войнѣ съ Австріей, и невольно съ общаго разговора соскочилъ на личныя соображенія о тѣхъ предложеніяхъ, которыя ему были дѣланы для участія въ австрійскомъ походѣ, и о тѣхъ причинахъ, почему онъ не принялъ ихъ. Несмотря на то, что разговоръ былъ очень нескладный и что Вѣра сердилась за вмѣшательство мужского элемента, оба супруга съ удовольствіемъ чувствовали, что, несмотря на то, что былъ только одинъ гость, *вечеръ* былъ начатъ очень хорошо и что вечеръ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на всякій другой вечеръ съ разговорами, чаемъ и зажженными свѣчами.

Вскорѣ пріѣхалъ Борисъ, старый товарищъ Берга. Онъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ превосходства и покровительства обращался съ Бергомъ и Вѣрой. За Борисомъ пріѣхала дама съ полковникомъ, потомъ самъ генералъ, потомъ Ростовы, и вечеръ уже совершенно, несомнѣнно, сталъ похожъ на всѣ вечера. Бергъ съ Вѣрой не могли удерживать радостной улыбки при видѣ этого движенія по гостиной, при звукѣ этого безсвязнаго говора, шур-

шанья платьевъ и поклоновъ. Все было, какъ и у всѣхъ, особенно похожъ былъ генералъ, похвалившій квартиру, потрепавшій по плечу Берга и съ отеческимъ самоуправствомъ распорядившійся постановкой бостоннаго стола. Генералъ подсѣлъ къ графу Ильѣ Андреевичу, какъ къ самому знатному изъ гостей послѣ себя. Старички съ старичками, молодые съ молодыми, хозяйка у чайнаго стола, на которомъ были точно такія же печенья въ серебряной корзинкѣ, какія были у Паниныхъ на вечерѣ, — все было совершенно такъ же, какъ у другихъ.

XXI.

Пьеръ, какъ одинъ изъ почетнѣйшихъ гостей, долженъ былъ сѣсть въ бостонъ съ Ильей Андреевичемъ, генераломъ и полковникомъ. Пьеру за бостоннымъ столомъ пришлось сидѣть противъ Наташи, и странная, происшедшая въ ней перемѣна со дня бала, поразила его. Наташа была молчалива, и не только не была такъ хороша, какъ она была на балѣ, но она была бы дурна, ежели бы она не имѣла такого кроткаго и равнодушнаго ко всему вида.

«Что съ ней?» подумалъ Пьеръ, взглянувъ на нее. Она сидѣла подлѣ сестры у чайнаго стола и неохотно, не глядя на него, отвѣчала что-то подсѣвшему къ ней Борису. Отходивъ цѣлую масть и забравъ, къ удовольствію своего партнера, пять взятокъ, Пьеръ, слышавшій говоръ привѣтствій и звукъ чьихъ-то шаговъ, вошедшихъ въ комнату во время сбора взятокъ, опять взглянулъ на нее.

«Что съ ней сдѣлалось?» еще удивленнѣе сказалъ онъ самъ себѣ.

Князь Андрей съ бережливо-нѣжнымъ выраженіемъ стоялъ передъ нею и говорилъ ей что-то. Она, поднявъ голову, разрумянившись и видимо стараясь удержать порывистое дыханіе, смотрѣла на него. И яркій свѣтъ какого-то внутренняго, прежде потушеннаго, огня опять горѣлъ въ ней. Она вся преобразилась: изъ дурной опять сдѣлалась такою же, какою она была на балѣ.

Князь Андрей подошелъ къ Пьеру, и Пьеръ замѣтилъ новое, молодое выраженіе и въ лицѣ своего друга.

Пьеръ нѣсколько разъ пересаживался во время игры, то спиной, то лицомъ къ Наташѣ, и во все продолженіе 6-ти роберовъ дѣлалъ наблюденія надъ ней и своимъ другомъ.

«Что-то очень важное происходитъ между ними», думалъ Пьеръ, и радостное и вмѣстѣ горькое чувство заставляло его волноваться и забывать о горѣ.

Послѣ 6-ти роберовъ генералъ всталъ, сказавъ, что этакъ невозможно играть, и Пьеръ получилъ свободу. Наташа въ одной сторонѣ говорила съ Соней и Борисомъ, Вѣра о чемъ-то съ тонкой улыбкой говорила съ княземъ Андреемъ. Пьеръ подошелъ къ своему другу и, спросивъ, не тайна ли то, что говорится, сѣлъ подлѣ нихъ. Вѣра, замѣтивъ вниманіе князя Андрея къ Наташѣ, нашла, что на вечерѣ, на настоящемъ вечерѣ, необходимо нужно, чтобы были тонкіе намеки на чувства, и, улучивъ время, когда князь Андрей былъ одинъ, начала съ нимъ разговоръ о чувствахъ вообще и о своей сестрѣ. Ей нужно было съ такимъ умнымъ (какимъ она считала князя Андрея) гостемъ приложить къ дѣлу свое дипломатическое искусство.

Когда Пьеръ подошелъ къ нимъ, онъ замѣтилъ, что Вѣра находилась въ самодовольномъ увлеченіи разговора, а князь Андрей (что съ нимъ рѣдко случалось) казался смущенъ.

— Какъ вы полагаете?—съ тонкой улыбкой говорила Вѣра.— Вы, князь, такъ проницательны и такъ понимаете сразу характеръ людей. Что вы думаете о Натали: можетъ ли она быть постоянна въ своихъ привязанностяхъ, можетъ ли она такъ, какъ другія женщины (Вѣра разумѣла себя), одинъ разъ полюбить человѣка и навсегда остаться ему вѣрной? Это я считаю настоящею любовью. Какъ вы думаете, князь?

— Я слишкомъ мало знаю вашу сестру, — отвѣчалъ князь Андрей съ насмѣшливой улыбкой, подъ которой онъ хотѣлъ скрыть свое смущеніе,—чтобы рѣшить такой тонкій вопросъ; и потомъ я замѣчалъ, что чѣмъ менѣе нравится женщина, тѣмъ она бываетъ постояннѣе, — прибавилъ онъ и посмотрѣлъ на Пьера, подошедшаго въ это время къ нимъ.

— Да, это правда, князь; въ наше время, — продолжала Вѣра (упоминая о нашемъ времени, какъ вообще любятъ упоминать ограниченные люди, полагающіе, что они нашли и оцѣнили особенности нашего времени и что свойства людей измѣняются со временемъ),—въ наше время дѣвушка имѣетъ столько свободы, что le plaisir d'être courtisée [1]) часто заглушаютъ въ ней истинное чувство. Et Nathalie, il faut l'avouer, y est très sensible [2]).—Возвращеніе къ Натали опять заставило непріятно поморщиться князя Андрея; онъ хотѣлъ встать, но Вѣра продолжала съ еще болѣе утонченной улыбкой:

— Я думаю, никто такъ не былъ courtisée, какъ она,—говорила Вѣра;—но никогда, до самаго послѣдняго времени, никто

---

[1]) Удовольствіе имѣть поклонниковъ.

[2]) И Наталья, надо признаться, на это очень чувствительна.

серьезно ей не нравился. Вотъ вы знаете, графъ,—обратилась она къ Пьеру,—даже нашъ милый cousin Борисъ, который былъ, entre nous, очень и очень dans le pays du tendre... [1]).

Князь Андрей, нахмурившись, молчалъ.

— Вы вѣдь дружны съ Борисомъ?—сказала ему Вѣра.

— Да, я его знаю...

— Онъ, вѣрно, вамъ говорилъ про свою дѣтскую любовь къ Наташѣ?

— А была дѣтская любовь?—вдругъ, неожиданно покраснѣвъ, спросилъ князь Андрей.

— Да. Vous savez entre cousin et cousine cette intimité mène quelquefois à l'amour: le cousinage est un dangereux voisinage. N'est ce pas? [2]).

— О, безъ сомнѣнія,—сказалъ князь Андрей и вдругъ, неестественно оживившись, онъ сталъ шутить съ Пьеромъ о томъ, какъ онъ долженъ быть осторожнымъ въ своемъ обращеніи съ своими 50-тилѣтними московскими кузинами, и въ серединѣ шутливаго разговора всталъ и, взявъ подъ руку Пьера, отвелъ его въ сторону.

— Ну что?—сказалъ Пьеръ, съ удивленіемъ смотрѣвшій на странное оживленіе своего друга и замѣтившій взглядъ, который онъ, вставая, бросилъ на Наташу.

— Мнѣ надо, мнѣ надо поговорить съ тобой,—сказалъ князь Андрей.—Ты знаешь наши женскія перчатки. (Онъ говорилъ о тѣхъ масонскихъ перчаткахъ, которыя давались вновь избранному брату для врученія любимой женщинѣ.) Я... Но нѣтъ, я послѣ поговорю съ тобой...—И съ страннымъ блескомъ въ глазахъ и безпокойствомъ въ движеніяхъ князь Андрей подошелъ къ Наташѣ и сѣлъ подлѣ нея. Пьеръ видѣлъ, какъ князь Андрей что-то спросилъ у нея, и она, вспыхнувъ, отвѣчала ему.

Но въ это время Бергъ подошелъ къ Пьеру, настоятельно упрашивая его принять участіе въ спорѣ между генераломъ и полковникомъ объ испанскихъ дѣлахъ.

Бергъ былъ доволенъ и счастливъ. Улыбка радости не сходила съ его лица. Вечеръ былъ очень хорошъ и совершенно такой, какъ и другіе вечера, которые онъ видѣлъ. Все было похоже: и дамскіе тонкіе разговоры, и карты, и за картами генералъ, возвышающій голосъ, и самоваръ, и печенье; но од-

---

[1]) Въ странѣ нѣжностей.

[2]) Знаете, между двоюроднымъ братомъ и сестрой эта близость приводитъ иногда къ любви. Такое родство — опасное сосѣдство. Не правда ли?

ного еще недоставало; того, что онъ всегда видѣлъ на вечерахъ, которымъ онъ желалъ подражать: недоставало громкаго разговора между мужчинами и спора о чемъ-нибудь важномъ и умномъ. Генералъ началъ этотъ разговоръ, и къ нему-то Бергъ привлекъ Пьера.

XXII.

На другой день князь Андрей поѣхалъ къ Ростовымъ обѣдать, такъ какъ его звалъ графъ Илья Андреевичъ, и провелъ у нихъ цѣлый день.

Всѣ въ домѣ чувствовали, для кого ѣздилъ князь Андрей, и онъ, не скрывая, цѣлый день старался быть съ Наташей. Не только въ душѣ Наташи, испуганной, но счастливой и восторженной, но во всемъ домѣ чувствовался страхъ передъ чѣмъ-то важнымъ, имѣющимъ совершиться. Графиня печальными и серьезно-строгими глазами смотрѣла на князя Андрея, когда онъ говорилъ съ Наташей, и робко и притворно начинала какой-нибудь ничтожный разговоръ, какъ скоро онъ оглядывался на нее. Соня боялась уйти отъ Наташи и боялась быть помѣхой, когда она была съ ними. Наташа блѣднѣла отъ страха ожиданія, когда она на минуты оставалась съ нимъ съ глазу на глазъ. Князь Андрей поражалъ ее своею робостью. Она чувствовала, что ему нужно было сказать ей что-то, но что онъ не могъ на это рѣшиться.

Когда вечеромъ князь Андрей уѣхалъ, графиня подошла къ Наташѣ и шопотомъ сказала:

— Ну что?

— Мама, ради Бога, ничего не спрашивайте у меня теперь. Это нельзя говорить,—сказала Наташа.

Но, несмотря на то, въ этотъ вечеръ Наташа, то взволнованная, то испуганная, съ останавливающимися глазами, лежала долго въ постели матери. То она разсказывала ей, какъ онъ хвалилъ ее, то какъ онъ говорилъ, что поѣдетъ за границу, то что онъ спрашивалъ, гдѣ они будутъ жить это лѣто, то какъ онъ спрашивалъ ее про Бориса.

— Но такого, такого... со мной никогда не бывало! — говорила она.—Только мнѣ страшно при немъ, мнѣ всегда страшно при немъ, что это значитъ? Значитъ, что это настоящее, да? Мама, вы спите?

— Нѣтъ, душа моя, мнѣ самой страшно,—отвѣчала мать.— Иди.

— Все равно я не буду спать. Что за глупости—спать? Мамаша, мамаша, такого со мной никогда не бывало, — говорила

она съ удивленіемъ и испугомъ передъ тѣмъ чувствомъ, которое она сознавала въ себѣ.—И могли ли мы думать!..

Наташѣ казалось, что еще когда она въ первый разъ увидала князя Андрея въ Отрадномъ, она влюбилась въ него. Ее пугало какъ будто это странное, неожиданное счастье, что тотъ, кого она выбрала еще тогда (она была твердо увѣрена въ этомъ), что тотъ самый теперь опять встрѣтился ей и, какъ кажется, неравнодушенъ къ ней.

«И надо было ему нарочно теперь, когда мы здѣсь, пріѣхать въ Петербургъ. И надо было намъ встрѣтиться на этомъ балѣ. Все это судьба. Ясно, что это судьба, что все это велось къ этому. Еще тогда, какъ только я увидала его, я почувствовала что-то особенное».

— Что жъ онъ тебѣ еще говорилъ? Какіе стихи-то эти? Прочти...—задумчиво сказала мать, спрашивая про стихи, которые князь Андрей написалъ въ альбомъ Наташѣ.

— Мама, это не стыдно, что онъ вдовецъ?

— Полно, Наташа. Молись Богу. Les mariages se font dans les cieux [1]).

— Голубушка, мамаша, какъ я васъ люблю, какъ мнѣ хорошо!—крикнула Наташа, плача слезами счастья и волненія и обнимая мать.

Въ это же самое время князь Андрей сидѣлъ у Пьера и говорилъ ему о своей любви къ Наташѣ и о твердо взятомъ намѣреніи жениться на ней.

Въ этотъ день у графини Елены Васильевны былъ раутъ; былъ французскій посланникъ, былъ принцъ, сдѣлавшійся съ недавняго времени частымъ посѣтителемъ дома графини, и много блестящихъ дамъ и мужчинъ. Пьеръ былъ внизу, прошелся по заламъ и поразилъ всѣхъ гостей своимъ сосредоточенно-разсѣяннымъ и мрачнымъ видомъ.

Пьеръ со времени бала чувствовалъ въ себѣ приближеніе припадковъ ипохондріи и съ отчаяннымъ усиліемъ старался бороться противъ нихъ. Со времени сближенія принца съ его женой Пьеръ неожиданно былъ пожалованъ въ камергеры, и съ этого времени онъ сталъ чувствовать тяжесть и стыдъ въ большомъ обществѣ, и чаще ему стали приходить прежнія мрачныя мысли о тщетѣ всего человѣческаго. Въ это же время замѣченное имъ чувство между покровительствуемой имъ На-

---

[1]) Браки заключаются на небесахъ.

ташей и княземъ Андреемъ, своею противоположностью между его положеніемъ и положеніемъ его друга, еще усиливало это мрачное настроеніе. Онъ одинаково старался избѣгать мыслей о своей женѣ и о Наташѣ и князѣ Андреѣ. Опять все ему казалось ничтожно въ сравненіи съ вѣчностью, опять представлялся вопросъ: «къ чему?» И онъ дни и ночи заставлялъ себя трудиться надъ масонскими работами, надѣясь отогнать приближеніе злого духа. Пьеръ въ 12-мъ часу, выйдя изъ покоевъ графини, сидѣлъ у себя наверху въ накуренной низкой комнатѣ, въ затасканномъ халатѣ, передъ столомъ и переписывалъ подлинные шотландскіе акты, когда кто-то вошелъ къ нему въ комнату. Это былъ князь Андрей.

— А, это вы, — сказалъ Пьеръ съ разсѣяннымъ и недовольнымъ видомъ.—А я вотъ работаю,—сказалъ онъ, указывая на тетрадь съ тѣмъ видомъ спасенія отъ невзгодъ жизни, съ которымъ смотрятъ несчастливые люди на свою работу.

Князь Андрей съ сіяющимъ, восторженнымъ и обновленнымъ къ жизни лицомъ остановился передъ Пьеромъ и, не замѣчая его печальнаго лица, съ эгоизмомъ счастья улыбнулся ему.

— Ну, душа моя,—сказалъ онъ,—я вчера хотѣлъ сказать тебѣ и нынче за этимъ пріѣхалъ къ тебѣ. Никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Я влюбленъ, мой другъ.

Пьеръ вдругъ тяжело вздохнулъ и повалился своимъ тяжелымъ тѣломъ на диванъ подлѣ князя Андрея.

— Въ Наташу Ростову, да?—сказалъ онъ.

— Да, да, въ кого же? Никогда не повѣрилъ бы, но это чувство сильнѣе меня. Вчера я мучился, страдалъ, но и мученія этого я не отдамъ ни за что въ мірѣ. Я не жилъ прежде. Теперь только я живу, но я не могу жить безъ нея. Но можетъ ли она любить меня?.. Я старъ для нея... Что ты не говоришь?..

— Я? Я? Что я говорилъ вамъ,—вдругъ сказалъ Пьеръ, вставая и начиная ходить по комнатѣ.—Я всегда это думалъ... Эта дѣвушка такое сокровище, такое... Это рѣдкая дѣвушка... Милый другъ, я васъ прошу, вы не умствуйте, не сомнѣвайтесь, женитесь, женитесь и женитесь... И я увѣренъ, что счастливѣе васъ не будетъ человѣка.

— Но она!

— Она любитъ васъ.

— Не говори вздору... — сказалъ князь Андрей, улыбаясь и глядя въ глаза Пьеру.

— Любитъ, я знаю,—сердито закричалъ Пьеръ.

— Нѣтъ, слушай,—сказалъ князь Андрей, останавливая его за руку.—Ты знаешь ли, въ какомъ я положеніи? Мнѣ нужно сказать все кому-нибудь.

— Ну, ну, говорите, я очень радъ,—говорилъ Пьеръ, и дѣйствительно лицо его измѣнилось, морщина разгладилась, и онъ радостно слушалъ князя Андрея. Князь Андрей казался и былъ совсѣмъ другимъ, новымъ человѣкомъ. Гдѣ была его тоска, его презрѣніе къ жизни, его разочарованность? Пьеръ былъ единственный человѣкъ, передъ которымъ онъ рѣшался высказаться; но зато онъ ему высказывалъ все, что̀ у него было на душѣ. То онъ легко и смѣло дѣлалъ планы на продолжительное будущее, говорилъ о томъ, какъ онъ не можетъ пожертвовать своимъ счастьемъ для каприза своего отца, какъ онъ заставитъ отца согласиться на этотъ бракъ и полюбить ее или обойдется безъ его согласія, то онъ удивлялся, какъ на что-то странное, чуждое, отъ него независящее, на то чувство, которое владѣло имъ.

— Я бы не повѣрилъ тому, кто бы мнѣ сказалъ, что я могу такъ любить, — говорилъ князь Андрей. — Это совсѣмъ не то чувство, которое было у меня прежде. Весь міръ раздѣленъ для меня на двѣ половины: одна—она, и тамъ все счастье, надежды, свѣтъ; другая половина — все, гдѣ ея нѣтъ, тамъ все уныніе и темнота...

— Темнота и мракъ, — повторилъ Пьеръ, — да, да, я понимаю это.

— Я не могу не любить свѣта, я невиноватъ въ этомъ. И я очень счастливъ. Ты понимаешь меня? Я знаю, что ты радъ за меня.

— Да, да, — подтверждалъ Пьеръ, умиленными и грустными глазами глядя на своего друга. Чѣмъ свѣтлѣе представлялась ему судьба князя Андрея, тѣмъ мрачнѣе представлялась своя собственная.

XXIII.

Для женитьбы нужно было согласіе отца, и для этого на другой день князь Андрей уѣхалъ къ отцу.

Отецъ съ наружнымъ спокойствіемъ, но внутренней злобой принялъ сообщеніе сына. Онъ не могъ понять того, чтобы кто-нибудь хотѣлъ измѣнить жизнь, вносить въ нее что-нибудь новое, когда жизнь для него уже кончилась. «Дали бы только дожить такъ, какъ я хочу, а потомъ бы дѣлали, что̀ хотѣли», говорилъ себѣ старикъ. Съ сыномъ однако онъ употребилъ ту

дипломатію, которую употреблялъ въ важныхъ случаяхъ. Принявъ спокойный тонъ, онъ обсудилъ все дѣло.

Во-первыхъ, женитьба была не блестящая въ отношеніи родства, богатства и знатности. Во-вторыхъ, князь Андрей былъ не первой молодости и слабъ здоровьемъ (старикъ особенно налегалъ на это), она была очень молода. Въ-третьихъ, былъ сынъ, котораго жалко было отдать дѣвчонкѣ. Въ-четвертыхъ, наконецъ, сказалъ отецъ, насмѣшливо глядя на сына, «я тебя прошу, отложи дѣло на годъ, съѣзди за границу, полѣчись, сыщи, какъ ты и хочешь, нѣмца для князя Николая и потомъ, ежели ужъ любовь, страсть, упрямство, что хочешь, такъ велики, тогда женись. И это послѣднее мое слово, знай, послѣднее...» кончилъ князь такимъ тономъ, которымъ показывалъ, что ничто не заставитъ его измѣнить свое рѣшеніе.

Князь Андрей ясно видѣлъ, что старикъ надѣялся, что чувство его или его будущей невѣсты не выдержитъ испытанія года или что онъ самъ, старый князь, умретъ къ этому времени, и рѣшилъ исполнить волю отца: сдѣлать предложеніе и отложить свадьбу на годъ.

Черезъ три недѣли послѣ своего послѣдняго вечера у Ростовыхъ князь Андрей вернулся въ Петербургъ.

На другой день послѣ своего объясненія съ матерью Наташа ждала цѣлый день Болконскаго, но онъ не пріѣхалъ. На другой, на третій день было то же самое. Пьеръ также не пріѣзжалъ, и Наташа, не зная того, что князь Андрей уѣхалъ къ отцу, не могла себѣ объяснить его отсутствія.

Такъ прошли три недѣли. Наташа никуда не хотѣла выѣзжать и какъ тѣнь, праздная и унылая, ходила по комнатамъ, вечеромъ тайно отъ всѣхъ плакала и не являлась по вечерамъ къ матери. Она безпрестанно краснѣла и раздражалась. Ей казалось, что всѣ знаютъ о ея разочарованіи, смѣются и жалѣютъ о ней. При всей силѣ внутренняго горя это тщеславное горе усиливало ея несчастье.

Однажды она пришла къ графинѣ, хотѣла что-то сказать ей и вдругъ заплакала. Слезы ея были слезы обиженнаго ребенка, который самъ не знаетъ, за что онъ наказанъ.

Графиня стала успокоивать Наташу. Наташа, вслушивавшаяся сначала въ слова матери, вдругъ прервала ее:

— Перестаньте, мама, я и не думаю, и не хочу думать! Такъ, поѣздилъ, и пересталъ, и пересталъ...

Голосъ ея задрожалъ, она чуть не заплакала, но оправилась и спокойно продолжала:

— И совсѣмъ я не хочу выходить замужъ. И я его боюсь; я теперь совсѣмъ, совсѣмъ успокоилась...

На другой день послѣ этого разговора Наташа надѣла то старое платье, которое было ей особенно извѣстно за доставляемую имъ по утрамъ веселость, и съ утра начала тотъ свой прежній образъ жизни, отъ котораго она отстала послѣ бала. Она, напившись чаю, пошла въ залу, которую она особенно любила за сильный резонансъ, и начала пѣть свои сольфеджи (упражненія пѣнія). Окончивъ первый урокъ, она остановилась на серединѣ залы и повторила одну музыкальную фразу, особенно понравившуюся ей. Она прислушивалась радостно къ той (какъ будто неожиданной для нея) прелести, съ которой эти звуки, переливаясь, наполняли всю пустоту залы и медленно замерли, и ей вдругъ стало весело. «Что объ этомъ думать много, и такъ хорошо», сказала она себѣ и стала взадъ и впередъ ходить по залѣ, ступая не простыми шагами по звонкому паркету, но на всякомъ шагу переступая съ каблучка (на ней были новые любимые башмаки) на носокъ, и такъ же радостно, какъ и къ звукамъ своего голоса, прислушиваясь къ этому мѣрному топоту каблучка и поскрипыванью носка. Проходя мимо зеркала, она взглянула въ него. «Вотъ она я!» какъ будто говорило выраженіе ея лица при видѣ себя. «Ну, и хорошо. И никого мнѣ не нужно».

Лакей хотѣлъ войти, чтобы убрать что-то въ залѣ, но она не пустила его, опять затворивъ за нимъ дверь, и продолжала свою прогулку. Она возвратилась въ это утро опять къ своему любимому состоянію любви къ себѣ и восхищенія передъ собой. «Что за прелесть эта Наташа!» сказала она опять про себя словами какого-то третьяго, собирательнаго, мужского лица. «Хороша, голосъ, молода, и никому она не мѣшаетъ, оставьте только ее въ покоѣ». Но сколько бы ни оставляли ее въ покоѣ, она уже не могла быть покойна, и тотчасъ же почувствовала это.

Въ передней отворилась дверь подъѣзда, кто-то спросилъ: «дома ли?»—и послышались чьи-то шаги. Наташа смотрѣлась въ зеркало, но не видала себя. Она слушала звуки въ передней. Когда она увидала себя, лицо ея было блѣдно. Это былъ *онъ*. Она это вѣрно знала, хотя чуть слышала звукъ его голоса изъ затворенныхъ дверей.

Наташа, блѣдная и испуганная, вбѣжала въ гостиную.

— Мама, Болконскій пріѣхалъ! — сказала она. — Мама, это ужасно, это несносно! Я не хочу... мучиться! Что же мнѣ дѣлать?..

Еще графиня не успѣла отвѣтить ей, какъ князь Андрей съ тревожнымъ и серьезнымъ лицомъ вошелъ въ гостиную. Какъ только онъ увидалъ Наташу, лицо его просіяло. Онъ поцѣловалъ руку графини и Наташи и сѣлъ подлѣ дивана.

— Давно уже мы не имѣли удовольствія...—начала было графиня, но князь Андрей перебилъ ее, отвѣчая на ея вопросъ и, очевидно, торопясь сказать то, что ему было нужно.

— Я не былъ у васъ все это время, потому что былъ у отца: мнѣ нужно было переговорить съ нимъ о весьма важномъ дѣлѣ. Я вчера ночью только вернулся, — сказалъ онъ, взглянувъ на Наташу.—Мнѣ нужно переговорить съ вами, графиня,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Графиня, тяжело вздохнувъ, опустила глаза.

— Я къ вашимъ услугамъ,—проговорила она.

Наташа знала, что ей надо уйти, но она не могла этого сдѣлать: что-то сжимало ей горло, и она неучтиво, прямо, открытыми глазами смотрѣла на князя Андрея.

«Сейчасъ? Сію минуту!.. Нѣтъ, это не можетъ быть...» думала она.

Онъ опять взглянулъ на нее, и этотъ взглядъ убѣдилъ ее въ томъ, что она не ошибалась. Да, сейчасъ, сію минуту рѣшалась ея судьба.

— Поди, Наташа, я позову тебя, — сказала графиня шопотомъ.

Наташа испуганными, умоляющими глазами взглянула на князя Андрея и на мать и вышла.

— Я пріѣхалъ, графиня, просить руки вашей дочери,—сказалъ князь Андрей.

Лицо графини вспыхнуло, но она ничего не сказала.

— Ваше предложеніе... — степенно начала графиня. Онъ молчалъ, глядя ей въ глаза. — Ваше предложеніе... (она сконфузилась) намъ пріятно, и... я принимаю ваше предложеніе, я рада. И мужъ мой... я надѣюсь, но отъ нея самой будетъ зависѣть...

— Я скажу ей тогда, когда буду имѣть ваше согласіе... даете ли вы мнѣ его? — сказалъ князь Андрей.

— Да, — сказала графиня и протянула ему руку и съ смѣшаннымъ чувствомъ отчужденности и нѣжности прижалась губами къ его лбу, когда онъ наклонился надъ ея рукой. Она желала любить его, какъ сына; но чувствовала, что онъ былъ

чужой и страшный для нея человѣкъ.—Я увѣрена, что мой мужъ будетъ согласенъ,—сказала графиня,—но вашъ батюшка...

— Мой отецъ, которому я сообщилъ свои планы, непремѣннымъ условіемъ согласія положилъ то, чтобы свадьба была не раньше года. И это-то я хотѣлъ сообщить вамъ, — сказалъ князь Андрей.

— Правда, что Наташа еще молода, но такъ долго.

— Это не могло быть иначе, — со вздохомъ сказалъ князь Андрей.

— Я пошлю вамъ ее, — сказала графиня и вышла изъ комнаты.

— Господи, помилуй насъ, — твердила она, отыскивая дочь.

Соня сказала, что Наташа въ спальнѣ. Наташа сидѣла на своей кровати, блѣдная, съ сухими глазами, смотрѣла на образа и, быстро крестясь, шептала что-то. Увидавъ мать, она вскочила и бросилась къ ней.

— Что, мама?.. Что?

— Поди, поди къ нему. Онъ проситъ твоей руки,—сказала графиня холодно, какъ показалось Наташѣ. — Поди... поди,— проговорила мать съ грустью и укоризной вслѣдъ убѣгавшей дочери и тяжело вздохнула.

Наташа не помнила, какъ она вошла въ гостиную. Войдя въ дверь и увидавъ его, она остановилась. «Неужели этотъ чужой человѣкъ сдѣлался теперь все для меня?» спросила она себя и мгновенно отвѣтила: «Да, все: онъ одинъ теперь дороже для меня всего на свѣтѣ». Князь Андрей подошелъ къ ней, опустивъ глаза.

— Я полюбилъ васъ съ той минуты, какъ увидалъ васъ. Могу ли я надѣяться?

Онъ взглянулъ на нее, и серьезная страстность выраженія ея лица поразила его. Лицо ея говорило: «Зачѣмъ спрашивать? Зачѣмъ сомнѣваться въ томъ, чего нельзя не знать? Зачѣмъ говорить, когда нельзя словами выразить того, что чувствуешь».

Она приблизилась къ нему и остановилась. Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Любите ли вы меня?

— Да, да, — какъ будто съ досадой проговорила Наташа, громко вздохнула, другой разъ, чаще и чаще, и зарыдала.

— О чемъ? Что съ вами?

— Ахъ, я такъ счастлива,—отвѣчала она, улыбнулась сквозь слезы, нагнулась ближе къ нему, подумала секунду, какъ будто спрашивая себя, можно ли это, и поцѣловала его.

Князь Андрей держалъ ея руки, смотрѣлъ ей въ глаза и не находилъ въ своей душѣ прежней любви къ ней. Въ душѣ его вдругъ перевернулось что-то: не было прежней поэтической и таинственной прелести желанія, а была жалость къ ея женской и дѣтской слабости, былъ страхъ предъ ея преданностью и довѣрчивостью, тяжелое и вмѣстѣ радостное сознаніе долга, навѣки связавшаго его съ нею. Настоящее чувство, хотя и не было такъ свѣтло и поэтично, какъ прежнее, было серьезнѣе и сильнѣе.

— Сказала ли вамъ maman, что это не можетъ быть раньше года?—сказалъ князь Андрей, продолжая глядѣть въ ея глаза.

«Неужели это я, та дѣвочка-ребенокъ (всѣ такъ говорили обо мнѣ)», думала Наташа, «неужели я теперь съ этой минуты *жена*, равная этого чужого, милаго, умнаго человѣка, уважаемаго даже отцомъ моимъ? Неужели это правда? Неужели правда, что теперь уже нельзя шутить жизнью, теперь ужъ я большая, теперь ужъ лежитъ на мнѣ отвѣтственность за всякое мое дѣло и слово? Да, что онъ спросилъ у меня?»

— Нѣтъ,—отвѣчала она, но она не понимала того, что онъ спрашивалъ.

— Простите меня,—сказалъ князь Андрей,—но вы такъ молоды, а я уже такъ много испыталъ жизни. Мнѣ страшно за васъ. Вы не знаете себя..

Наташа съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушала, стараясь понять смыслъ его словъ, и не понимала.

— Какъ ни тяжелъ мнѣ будетъ этотъ годъ, отсрочивающій мое счастье,—продолжалъ князь Андрей,—въ этотъ срокъ вы повѣрите себя. Я прошу васъ черезъ годъ сдѣлать мое счастье; но вы свободны: помолвка наша останется тайной, и ежели вы убѣдились бы, что вы не любите меня, или полюбили бы...—сказалъ князь Андрей съ неестественной улыбкой.

— Зачѣмъ вы это говорите?—перебила его Наташа.—Вы знаете, что съ того самаго дня, какъ вы въ первый разъ пріѣхали въ Отрадное, я полюбила васъ,—сказала она, твердо увѣренная, что она говорила правду.

— Въ годъ вы узнаете себя...

— Цѣлый годъ!—вдругъ сказала Наташа, теперь только понявъ то, что свадьба отсрочена на годъ.—Да отчего же годъ? Отчего же годъ?..—Князь Андрей сталъ ей объяснять причины этой отсрочки. Наташа не слушала его.

— И нельзя иначе?—спросила она. Князь Андрей ничего не отвѣтилъ, но въ лицѣ его выразилась невозможность измѣнить это рѣшеніе.

— Это ужасно! Нѣтъ, это ужасно, ужасно!—вдругъ заговорила Наташа и опять зарыдала.—Я умру, дожидаясь года: это нельзя, это ужасно.—Она взглянула въ лицо своего жениха и увидала на немъ выраженіе сострадания и недоумѣнія.

— Нѣтъ, нѣтъ, я все сдѣлаю,—сказала она, вдругъ остановивъ слезы.—Я такъ счастлива!

Отецъ и мать вошли въ комнату и благословили жениха и невѣсту.

Съ этого дня князь Андрей женихомъ сталъ ѣздить къ Ростовымъ.

XXIV.

Обрученія не было, и никому не было объявлено о помолвкѣ Болконскаго съ Наташей; на этомъ настоялъ князь Андрей. Онъ говорилъ, что такъ какъ онъ причиной отсрочки, то онъ и долженъ нести всю тяжесть ея. Онъ говорилъ, что онъ навѣки связалъ себя своимъ словомъ, но что онъ не хочетъ связывать Наташу и предоставляетъ ей полную свободу. Ежели она черезъ полгода почувствуетъ, что она не любитъ его, она будетъ въ своемъ правѣ, ежели откажетъ ему. Само собой разумѣется, что ни родители, ни Наташа не хотѣли слышать объ этомъ; но князь Андрей настаивалъ на своемъ. Князь Андрей бывалъ каждый день у Ростовыхъ, но не какъ женихъ обращался съ Наташей: онъ говорилъ ей *вы* и цѣловалъ только ея руку. Между княземъ Андреемъ и Наташей послѣ дня предложенія установились совсѣмъ другія, чѣмъ прежде, близкія, простыя отношенія. Они какъ будто до сихъ поръ не знали другъ друга. И онъ и она любили вспоминать о томъ, какъ они смотрѣли другъ на друга, когда были еще *ничѣмъ*; теперь оба они чувствовали себя совсѣмъ другими существами: тогда—притворными, теперь—простыми и искренними. Сначала въ семействѣ чувствовалась неловкость въ обращеніи съ княземъ Андреемъ; онъ казался человѣкомъ изъ чуждаго міра, и Наташа долго пріучала домашнихъ къ князю Андрею и съ гордостью увѣряла всѣхъ, что онъ только кажется такимъ особеннымъ, а что онъ такой же, какъ и всѣ, и что она его не боится, и что никто не долженъ бояться его. Послѣ нѣсколькихъ дней въ семействѣ къ нему привыкли и, не стѣсняясь, вели при немъ прежній образъ жизни, въ которомъ онъ принималъ участіе. Онъ про хозяйство умѣлъ говорить съ графомъ и про наряды съ графиней и Наташей, и про альбомы и канву съ Соней. Иногда домашніе Ростовы между собой и при князѣ Андреѣ удивлялись тому,

какъ все это случилось и какъ, очевидно, были предзнаменованія этого: и пріѣздъ князя Андрея въ Отрадное, и ихъ пріѣздъ въ Петербургъ, и сходство между Наташей и княземъ Андреемъ, которое замѣтила няня въ первый пріѣздъ князя Андрея, и столкновеніе въ 1805-мъ году между Андреемъ и Николаемъ, и еще много другихъ предзнаменованій того, что случилось, было замѣчено домашними.

Въ домѣ царствовала та поэтическая скука и молчаливость, которая всегда сопутствуетъ присутствію жениха и невѣсты. Часто, сидя вмѣстѣ, всѣ молчали. Иногда вставали и уходили, и женихъ съ невѣстой, оставаясь одни, все такъ же молчали. Рѣдко они говорили о будущей своей жизни. Князю Андрею страшно и совѣстно было говорить объ этомъ. Наташа раздѣляла это чувство, какъ и всѣ его чувства, которыя она постоянно угадывала. Одинъ разъ Наташа стала разспрашивать про его сына. Князь Андрей покраснѣлъ, что съ нимъ часто случалось теперь и что особенно любила Наташа, и сказалъ, что сынъ его не будетъ жить съ ними.

— Отчего? — испуганно сказала Наташа.

— Я не могу отнять его у дѣда и потомъ...

— Какъ бы я его любила! — сказала Наташа, тотчасъ же угадавъ его мысль; — но я знаю, вы хотите, чтобы не было предлоговъ обвинять васъ и меня.

Старый графъ иногда подходилъ къ князю Андрею, цѣловалъ его, спрашивалъ у него совѣта насчетъ воспитанія Пети или службы Николая. Старая графиня вздыхала, глядя на нихъ. Соня боялась всякую минуту быть лишней и старалась находить предлоги оставлять ихъ однихъ, когда имъ этого и не нужно было. Когда князь Андрей говорилъ (онъ очень хорошо разсказывалъ), Наташа съ гордостью слушала его; когда она говорила, то со страхомъ и радостью замѣчала, что онъ внимательно и испытующе смотритъ на нее. Она съ недоумѣніемъ спрашивала себя: «Чего онъ ищетъ во мнѣ? Чего-то онъ добивается своимъ взглядомъ! Что, какъ нѣтъ во мнѣ того, что онъ ищетъ своимъ взглядомъ?» Иногда она входила въ свойственное ей безумно-веселое расположеніе духа, и тогда она особенно любила слушать и смотрѣть, какъ князь Андрей смѣялся. Онъ рѣдко смѣялся, но зато когда онъ смѣялся, то отдавался весь своему смѣху, и всякій разъ послѣ этого смѣха она чувствовала себя ближе къ нему. Наташа была бы совершенно счастлива, ежели бы мысль о предстоящей и приближающейся разлукѣ не пугала ее, такъ какъ и онъ блѣднѣлъ и холодѣлъ при одной мысли о томъ.

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Петербурга князь Андрей привезъ съ собой Пьера, со времени бала ни разу не бывшаго у Ростовыхъ. Пьеръ казался растеряннымъ и смущеннымъ. Онъ разговаривалъ съ матерью. Наташа сѣла съ Соней у шахматнаго столика, приглашая этимъ къ себѣ князя Андрея. Онъ подошелъ къ нимъ.

— Вы вѣдь давно знаете Безухова?—спросилъ онъ.—Вы любите его?

— Да, онъ славный, но смѣшной очень.

И она, какъ всегда, говоря о Пьерѣ, стала разсказывать анекдоты о его разсѣянности, анекдоты, которые даже выдумывали на него.

— Вы знаете, я повѣрилъ ему нашу тайну,—сказалъ князь Андрей.—Я знаю его съ дѣтства. Это золотое сердце. Я васъ прошу, Натали,—сказалъ онъ вдругъ серьезно;—я уѣду, Богъ знаетъ, что можетъ случиться. Вы можете разлю... Ну, знаю, что я не долженъ говорить объ этомъ. Одно,—что̀ бы ни случилось съ вами, когда меня не будетъ...

— Что жъ случится?..

— Какое бы горе ни было,—продолжалъ князь Андрей,—я васъ прошу, m-lle Sophie, что бы ни случилось, обратитесь къ нему одному за совѣтомъ и помощью. Это самый разсѣянный и смѣшной человѣкъ, но самое золотое сердце.

Ни отецъ и мать, ни Соня, ни самъ князь Андрей не могли предвидѣть того, какъ подѣйствуетъ на Наташу разставанье съ ея женихомъ. Красная и взволнованная, съ сухими глазами, она ходила этотъ день по дому, занимаясь самыми ничтожными дѣлами, какъ будто не понимая того, что ожидаетъ ее. Она не плакала и въ ту минуту, какъ онъ, прощаясь, послѣдній разъ поцѣловалъ ея руку.—Не уѣзжайте!—только проговорила она ему такимъ голосомъ, который заставилъ его задуматься о томъ, не нужно ли ему дѣйствительно остаться, и который онъ долго помнилъ послѣ того. Когда онъ уѣхалъ, она тоже не плакала, но нѣсколько дней она, не плача, сидѣла въ своей комнатѣ, не интересовалась ничѣмъ и только говорила иногда:

— Ахъ, зачѣмъ онъ уѣхалъ!

Но черезъ двѣ недѣли послѣ его отъѣзда она, также неожиданно для окружающихъ ее, очнулась отъ своей нравственной болѣзни, стала такая же, какъ прежде, но только съ измѣненной нравственной физіономіей, какъ дѣти съ другимъ лицомъ встаютъ съ постели послѣ продолжительной болѣзни.

XXV.

Здоровье и характеръ князя Николая Андреевича Болконскаго въ этотъ послѣднiй годъ, послѣ отъѣзда сына, очень ослабѣли. Онъ сдѣлался еще болѣе раздражителенъ, чѣмъ прежде, и всѣ вспышки его безпричиннаго гнѣва большею частью обрушивались на княжнѣ Марьѣ. Онъ какъ будто старательно изыскивалъ всѣ больныя мѣста ея, чтобы какъ можно жесточе нравственно мучить ее. У княжны Марьи были двѣ страсти и потому двѣ радости: племянникъ Николушка и религiя, и обѣ были любимыми темами нападенiй и насмѣшекъ князя. О чемъ бы ни заговорили, онъ сводилъ разговоръ на суевѣрiя старыхъ дѣвокъ или на баловство и порчу дѣтей. — Тебѣ хочется его (Николеньку) сдѣлать такой же старой дѣвкой, какъ ты сама; напрасно: князю Андрею нужно сына, а не дѣвку, — говорилъ онъ. Или, обращаясь къ mademoiselle Bourienne, онъ спрашивалъ ее при княжнѣ Марьѣ, какъ ей нравятся наши попы и образа, и шутилъ...

Онъ безпрестанно больно оскорблялъ княжну Марью, но дочь даже не дѣлала усилiй надъ собой, чтобы прощать его. Развѣ могъ онъ быть виноватъ передъ нею, и развѣ могъ отецъ ея, который, она все-таки знала это, любилъ ее, быть несправедливымъ? Да и что такое справедливость? Княжна никогда не думала объ этомъ гордомъ словѣ: «справедливость». Всѣ сложные законы человѣчества сосредоточивались для нея въ одномъ простомъ и ясномъ законѣ — въ законѣ любви и самоотверженiя, преподанномъ намъ Тѣмъ, который съ любовью страдалъ за человѣчество, когда Самъ Онъ — Богъ. Что ей было за дѣло до справедливости или несправедливости другихъ людей? Ей надо было самой страдать и любить, и это она дѣлала.

Зимой въ Лысыя Горы прiѣзжалъ князь Андрей, былъ веселъ, кротокъ и нѣженъ, какимъ его давно не видала княжна Марья. Она предчувствовала, что съ нимъ что-то случилось, но онъ не сказалъ ничего княжнѣ Марьѣ о своей любви. Передъ отъѣздомъ князь Андрей долго бесѣдовалъ о чемъ-то съ отцомъ, и княжна Марья замѣтила, что передъ отъѣздомъ оба были недовольны другъ другомъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда князя Андрея княжна Марья писала изъ Лысыхъ Горъ въ Петербургъ своему другу Жюли Карагиной, которую княжна Марья мечтала, какъ мечтаютъ всегда дѣвушки, выдать за своего брата и которая въ это время была въ траурѣ по случаю смерти своего брата, убитаго въ Турцiи:

«Горести, видно, общій удѣлъ нашъ, милый и нѣжный другъ Julie.

«Ваша потеря такъ ужасна, что я иначе не могу себѣ объяснить ее, какъ особенную милость Бога, который хочетъ испытать — любя васъ — васъ и вашу превосходную мать. Ахъ, мой другъ, религія, и только одна религія, можетъ насъ, уже не говорю, утѣшить, но избавить отъ отчаянія; одна религія можетъ объяснить намъ то, чего безъ ея помощи не можетъ понять человѣкъ: для чего, зачѣмъ, существа добрыя, возвышенныя, умѣющія находить счастье въ жизни, никому не только не вредящія, но необходимыя для счастья другихъ, призываются къ Богу, а остаются жить злыя, безполезныя, вредныя или такія, которыя въ тягость себѣ и другимъ. Первая смерть, которую я видѣла и которую никогда не забуду—смерть моей милой невѣстки—произвела на меня такое впечатлѣніе. Точно такъ же, какъ вы спрашиваете судьбу, для чего было умирать вашему прекрасному брату, точно такъ же спрашивала я, для чего было умирать этому ангелу-Лизѣ, которая не только сдѣлала какое-нибудь зло человѣку, но никогда, кромѣ добрыхъ мыслей, не имѣла въ своей душѣ. И что жъ, мой другъ, вотъ прошло съ тѣхъ поръ пять лѣтъ, и я, своимъ ничтожнымъ умомъ, уже начинаю ясно понимать, для чего ей нужно было умереть, и какимъ образомъ эта смерть была только выраженіемъ безконечной благости Творца, всѣ дѣйствія котораго, хотя мы ихъ большею частью не понимаемъ, суть только проявленія Его безконечной любви къ Своему творенію. Можетъ-быть, я часто думаю, она была слишкомъ ангельски-невинна для того, чтобы имѣть силу перенести всѣ обязанности матери. Она была безупречна, какъ молодая жена; можетъ-быть, она не могла бы быть такою матерью. Теперь, мало того, что она оставила намъ, и въ особенности князю Андрею, самое чистое сожалѣніе и воспоминаніе, она тамъ, вѣроятно, получитъ то мѣсто, котораго я не смѣю надѣяться для себя. Но, не говоря уже о ней одной, эта ранняя и страшная смерть имѣла самое благотворное вліяніе, несмотря на всю печаль, на меня и на брата. Тогда, въ минуту потери, эти мысли не могли придти мнѣ; тогда я съ ужасомъ отогнала бы ихъ, но теперь это такъ ясно и несомнѣнно. Пишу все это вамъ, мой другъ, только для того, чтобы убѣдить васъ въ евангельской истинѣ, сдѣлавшейся для меня жизненнымъ правиломъ: ни одинъ волосъ съ головы не упадетъ безъ Его воли. А воля Его руководствуется только одною безпредѣльною любовью къ вамъ, и потому все, что ни случается съ нами, все для нашего блага. Вы спрашиваете, проведемъ ли мы

слѣдующую зиму въ Москвѣ? Несмотря на все желаніе васъ видѣть, не думаю и не желаю этого. И вы удивитесь, что причиною тому Буонапарте. И вотъ почему: здоровье отца моего замѣтно слабѣетъ; онъ не можетъ переносить противорѣчій и дѣлается раздражителенъ. Раздражительность эта, какъ вы знаете, обращена преимущественно на политическія дѣла. Онъ не можетъ перенести мысли о томъ, что Буонапарте ведетъ дѣло, какъ съ равными, со всѣми государями Европы и въ особенности съ нашимъ внукомъ Великой Екатерины! Какъ вы знаете, я совершенно равнодушна къ политическимъ дѣламъ, но изъ словъ моего отца и разговоровъ его съ Михаиломъ Ивановичемъ я знаю все, что дѣлается въ мірѣ, и въ особенности всѣ почести, воздаваемыя Буонапарте, котораго, какъ кажется, еще только въ Лысыхъ Горахъ на всемъ земномъ шарѣ не признаютъ ни великимъ человѣкомъ, ни еще менѣе французскимъ императоромъ. И мой отецъ не можетъ переносить этого. Мнѣ кажется, что мой отецъ, преимущественно вслѣдствіе своего взгляда на политическія дѣла и предвидя столкновенія, которыя у него будутъ, вслѣдствіе его манеры, не стѣсняясь ни съ кѣмъ, высказывать свои мнѣнія, неохотно говоритъ о поѣздкѣ въ Москву. Все, что онъ выиграетъ отъ лѣченія, онъ потеряетъ вслѣдствіе споровъ о Буонапарте, которые неминуемы. Во всякомъ случаѣ это рѣшится очень скоро. Семейная жизнь наша идетъ по-старому, за исключеніемъ присутствія брата Андрея. Онъ, какъ я уже писала вамъ, очень измѣнился послѣднее время. Послѣ его горя онъ теперь только, въ нынѣшнемъ году, совершенно нравственно ожилъ. Онъ сталъ такимъ, какимъ я его знала ребенкомъ: добрымъ, нѣжнымъ, съ тѣмъ золотымъ сердцемъ, которому я не знаю равнаго. Онъ понялъ, какъ мнѣ кажется, что жизнь для него не кончена. Но вмѣстѣ съ этой нравственной перемѣной онъ физически очень ослабѣлъ. Онъ сталъ худѣе, чѣмъ прежде, нервнѣе. Я боюсь за него и рада, что онъ предпринялъ эту поѣздку за границу, которую доктора уже давно предписывали ему. Я надѣюсь, что это поправитъ его. Вы мнѣ пишете, что въ Петербургѣ о немъ говорятъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ дѣятельныхъ, образованныхъ и умныхъ молодыхъ людей. Простите за самолюбіе родства—я никогда въ этомъ не сомнѣвалась. Нельзя счесть добро, которое онъ здѣсь сдѣлалъ всѣмъ, начиная съ своихъ мужиковъ и до дворянъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ взялъ только то, что ему слѣдовало. Удивляюсь, какимъ образомъ вообще доходятъ слухи изъ Петербурга въ Москву и особенно такіе невѣрные, какъ тотъ, о которомъ вы мнѣ пишете, — слухъ о мнимой женитьбѣ брата на малень-

кой Ростовой. Я не думаю, чтобы Андрей когда-нибудь женился на комъ бы то ни было, и въ особенности на ней. И вотъ почему: во-первыхъ, я знаю, что хотя онъ и рѣдко говоритъ о покойной женѣ, но печаль этой потери слишкомъ глубоко вкоренилась въ его сердцѣ, чтобы когда-нибудь онъ рѣшился дать ей преемницу и мачеху нашему маленькому ангелу; во-вторыхъ, потому, что, сколько я знаю, эта дѣвушка не изъ того разряда женщинъ, которыя могутъ нравиться князю Андрею. Не думаю, чтобы князь Андрей выбралъ ее своей женой, и откровенно скажу: я не желаю этого. Но я заболталась, кончаю свой второй листокъ. Прощайте, мой милый другъ; да сохранитъ васъ Богъ подъ Своимъ святымъ и могучимъ покровомъ. Моя милая подруга, mademoiselle Bourienne, цѣлуетъ васъ.

Мари».

XXVI.

Въ серединѣ лѣта княжна Марья получила неожиданно письмо отъ князя Андрея изъ Швейцаріи, въ которомъ онъ сообщалъ ей странную и неожиданную новость. Князь Андрей объявлялъ о своей помолвкѣ съ Ростовой. Все письмо его дышало любовною восторженностью къ своей невѣстѣ и нѣжною дружбой и довѣріемъ къ сестрѣ. Онъ писалъ, что никогда не любилъ такъ, какъ любитъ теперь, и что теперь только понялъ и узналъ жизнь; онъ просилъ сестру простить его за то, что въ свой пріѣздъ въ Лысыя Горы онъ ничего не сказалъ ей объ этомъ рѣшеніи, хотя и говорилъ объ этомъ съ отцомъ. Онъ не сказалъ ей этого потому, что княжна Марья стала бы просить отца дать свое согласіе, и, не достигнувъ бы цѣли, раздражила отца и на себѣ бы понесла всю тяжесть его неудовольствія. «Впрочемъ», писалъ онъ, «тогда еще дѣло не было такъ окончательно рѣшено, какъ теперь. Тогда отецъ назначилъ мнѣ срокъ годъ, и вотъ уже *шесть* мѣсяцевъ, половина, прошло изъ означеннаго срока, и я остаюсь болѣе чѣмъ когда-нибудь твердъ въ своемъ рѣшеніи. Ежели бы доктора не задерживали меня здѣсь, на водахъ, я бы самъ былъ въ Россіи, но теперь возвращеніе мое я долженъ отложить еще на три мѣсяца. Ты знаешь меня и мои отношенія съ отцомъ. Мнѣ ничего отъ него не нужно, я былъ и буду всегда независимъ, но сдѣлать противное его волѣ, заслужить его гнѣвъ, когда, можетъ-быть, такъ недолго осталось ему быть съ нами, разрушило бы наполовину мое счастье. Я пишу теперь ему письмо о томъ же и прошу тебя, выбравъ добрую минуту, передать ему письмо и извѣстить меня о томъ,

какъ онъ смотритъ на все это, и есть ли надежда на то. чтобы онъ согласился сократить срокъ на четыре мѣсяца».

Послѣ долгихъ колебаній, сомнѣній и молитвъ княжна Марья передала письмо отцу. На другой день старый князь сказалъ ей спокойно:

— Напиши брату, чтобъ подождалъ, пока умру... Не долго—скоро развяжу...

Княжна хотѣла возразить что-то, но отецъ не допустилъ ее и сталъ все болѣе и болѣе возвышать голосъ.

— Женись, женись, голубчикъ... Родство хорошее!.. Умные люди, а? Богатые, а? Да. Хорошая мачеха у Николушки будетъ! Напиши ты ему, что пускай женится хоть завтра. Мачеха Николушки будетъ — она, а я на Бурьенкѣ женюсь!.. Ха, ха, ха, и ему чтобъ безъ мачехи не быть! Только одно!— въ моемъ домѣ больше бабъ не нужно; пускай женится, самъ по себѣ живетъ. Можетъ, и ты къ нему переѣдешь?—обратился онъ къ княжнѣ Марьѣ:—съ Богомъ, по морозцу, по морозцу... по морозцу!..

Послѣ этой вспышки князь не говорилъ больше ни разу объ этомъ дѣлѣ. Но сдержанная досада за малодушіе сына выразилась въ отношеніяхъ отца съ дочерью. Къ прежнимъ предлогамъ насмѣшекъ прибавился еще новый разговоръ—о мачехѣ и любезности къ m-lle Bourienne.

— Отчего же мнѣ на ней не жениться?—говорилъ онъ дочери.—Славная княгиня будетъ!

И въ послѣднее время, къ недоумѣнію и удивленію своему, княжна Марья стала замѣчать, что отецъ ея дѣйствительно начиналъ больше и больше приближать къ себѣ француженку. Княжна Марья написала князю Андрею о томъ, какъ отецъ принялъ его письмо; но утѣшала брата, подавая надежду примирить отца съ этою мыслью.

Николушка и его воспитаніе, André и религія были утѣшеніями и радостями княжны Марьи; но кромѣ того, такъ какъ каждому человѣку нужны свои личныя надежды, у княжны Марьи была въ самой глубокой тайнѣ ея души скрытая мечта и надежда, доставлявшая ей главное утѣшеніе въ ея жизни. Утѣшительную эту мечту и надежду дали ей Божьи люди — юродивые и странники, посѣщавшіе ее тайно отъ князя. Чѣмъ больше жила княжна Марья, чѣмъ больше испытывала она жизнь и наблюдала ее, тѣмъ болѣе удивляла ее близорукость людей, ищущихъ, здѣсь, на землѣ, наслажденій и счастья, трудящихся, страдающихъ, борющихся и дѣлающихъ зло другъ другу для до-

стиженія этого невозможнаго, призрачнаго и порочнаго счастья. Князь Андрей любилъ жену, она умерла, ему мало этого, онъ хочетъ связать свое счастье съ другой женщиной. Отецъ не хочетъ этого, потому что желаетъ для Андрея болѣе знатнаго и богатаго супружества. И всѣ они борются и страдаютъ, и мучаютъ и портятъ свою душу, свою вѣчную душу, для достиженія благъ, которымъ срокъ есть мгновеніе. Мало того, что мы знаемъ сами, знаемъ это, — Христосъ, сынъ Бога, сошелъ на землю и сказалъ намъ, что эта жизнь есть мгновенная жизнь, испытаніе, а мы все держимся за нее и думаемъ въ ней найти счастье. «Какъ никто не понялъ этого?» думала княжна Марья. «Никто, кромѣ этихъ презрѣнныхъ Божьихъ людей, которые съ сумками за плечами приходятъ ко мнѣ съ задняго крыльца, боясь попасться на глаза князю, и не для того, чтобы не пострадать отъ него, а для того, чтобы его не ввести въ грѣхъ. Оставить семью, родину, всѣ заботы о мірскихъ благахъ для того, чтобы, не прилѣпляясь ни къ чему, ходить въ посконномъ рубищѣ, подъ чужимъ именемъ, съ мѣста на мѣсто, не дѣлая вреда людямъ и молясь за нихъ, молясь и за тѣхъ, которые гонятъ, и за тѣхъ, которые покровительствуютъ: выше этой истины и жизни нѣтъ истины и жизни!»

Была одна странница, Ѳедосьюшка, 50-тилѣтняя, маленькая, тихонькая, рябая женщина, ходившая уже болѣе 30-ти лѣтъ босикомъ и въ веригахъ. Ее особенно любила княжна Марья. Однажды, когда въ темной комнатѣ, при свѣтѣ одной лампадки, Ѳедосьюшка разсказывала о своей жизни, княжнѣ Марьѣ вдругъ съ такой силой пришла мысль о томъ, что Ѳедосьюшка одна нашла вѣрный путь жизни, что она рѣшилась сама пойти странствовать. Когда Ѳедосьюшка пошла спать, княжна Марья долго думала надъ этимъ и наконецъ рѣшила, что — какъ ни странно это было—ей надо было идти странствовать. Она повѣрила свое намѣреніе только одному духовнику-монаху, отцу Акинфію, и духовникъ одобрилъ ея намѣреніе. Подъ предлогомъ подарка странницамъ, княжна Марья припасла себѣ полное одѣяніе странницы: рубашку, лапти, кафтанъ и черный платокъ. Часто, подходя къ завѣтному комоду, княжна Марья останавливалась въ нерѣшительности о томъ, не наступило ли уже время для приведенія въ исполненіе ея намѣренія.

Часто слушая разсказы странницъ, она возбуждалась ихъ простыми, для нихъ механическими, а для нея полными глубокаго смысла рѣчами, такъ что она была нѣсколько разъ готова бросить все и бѣжать изъ дома. Въ воображеніи своемъ она уже видѣла себя съ Ѳедосьюшкой въ грубомъ рубищѣ, шагающею

съ палочкой и котомочкой по пыльной дорогѣ, направляя свое странствіе безъ зависти, безъ любви человѣческой, безъ желаній, отъ угодниковъ къ угодникамъ, и въ концѣ-концовъ туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, а вѣчная радость и блаженство.

«Приду къ одному мѣсту — помолюсь; не успѣю привыкнуть, полюбить,—пойду дальше. И буду идти до тѣхъ поръ, пока ноги подкосятся, и лягу и умру гдѣ-нибудь, и приду, наконецъ, въ ту вѣчную, тихую пристань, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія!..» думала княжна Марья.

Но потомъ, увидавъ отца и особенно маленькаго Коко, она ослабѣвала въ своемъ намѣреніи, потихоньку плакала и чувствовала, что она грѣшница: любила отца и племянника больше, чѣмъ Бога.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Библейское преданіе говоритъ, что отсутствіе труда—праздность—было условіемъ блаженства перваго человѣка до его паденія. Любовь къ праздности осталась та же и въ падшемъ человѣкѣ, но проклятіе все тяготѣетъ надъ человѣкомъ, и не только потому, что мы въ потѣ лица должны снискивать хлѣбъ свой, но по нравственнымъ свойствамъ своимъ мы не можемъ быть праздны и спокойны. Тайный голосъ говоритъ, что мы должны быть виновны за то, что праздны. Ежели бы могъ человѣкъ найти состояніе, въ которомъ бы онъ, будучи празднымъ, чувствовалъ себя полезнымъ и исполняющимъ свой долгъ, онъ бы нашелъ одну сторону первобытнаго блаженства. И такимъ состояніемъ обязательной и безупречной праздности пользуется цѣлое сословіе—сословіе военное. Въ этой-то обязательной и безупречной праздности состояла и будетъ состоять главная привлекательность военной службы.

Николай Ростовъ испытывалъ вполнѣ это блаженство послѣ 1807 года, продолжая служить въ Павлоградскомъ полку, въ которомъ онъ уже командовалъ эскадрономъ, принятымъ отъ Денисова.

Ростовъ сдѣлался загрубѣлымъ, добрымъ малымъ, котораго московскіе знакомые нашли бы нѣсколько mauvais genre, но который былъ любимъ и уважаемъ товарищами, подчиненными и начальствомъ и который былъ доволенъ своею жизнью. Въ послѣднее время, въ 1809 году, онъ чаще въ письмахъ изъ дому находилъ сѣтованія матери на то, что дѣла разстраиваются хуже и хуже, и что пора бы ему пріѣхать домой, обрадовать и успокоить стариковъ-родителей.

Читая эти письма, Николай испытывалъ страхъ о томъ, что хотятъ вывести его изъ той среды, въ которой онъ, оградивъ

себя отъ всей житейской путаницы, жилъ такъ тихо и спокойно. Онъ чувствовалъ, что рано или поздно придется опять вступить въ тотъ омутъ жизни съ разстройствами и поправленіями дѣлъ, съ учетами управляющихъ, ссорами, интригами, съ связями, съ обществомъ, съ любовью Сони и обѣщаніемъ ей. Все это было страшно трудно, запутано, и онъ отвѣчалъ на письма матери холодными классическими письмами, начинавшимися: Ma chère maman»[1]), и кончавшимися: «votre obéissant fils»[2]), умалчивая о томъ, когда онъ намѣренъ пріѣхать. Въ 1810 году онъ получилъ письма родныхъ, въ которыхъ извѣщали его о помолвкѣ Наташи съ Болконскимъ и о томъ, что свадьба будетъ черезъ годъ, потому что старый князь не согласенъ. Это письмо огорчило, оскорбило Николая. Во-первыхъ, ему жалко было потерять изъ дому Наташу, которую онъ любилъ больше всѣхъ изъ семьи; во-вторыхъ, онъ, съ своей гусарской точки зрѣнія, жалѣлъ о томъ, что его не было при этомъ, потому что онъ бы показалъ этому Болконскому, что совсѣмъ не такая большая честь родство съ нимъ и что ежели онъ любитъ Наташу, то можетъ обойтись и безъ разрѣшенія сумасброднаго отца. Минуту онъ колебался попроситься въ отпускъ, чтобы увидать Наташу невѣстой, но тутъ подошли маневры, пришли соображенія о Сонѣ, о путаницѣ, и Николай опять отложилъ. Но весной того же года онъ получилъ письмо матери, писавшей тайно отъ графа, и письмо это убѣдило его ѣхать. Она писала, что ежели Николай не пріѣдетъ и не возьмется за дѣла, то все имѣніе пойдетъ съ молотка и всѣ пойдутъ по міру. Графъ такъ слабъ, такъ ввѣрился Митенькѣ, и такъ добръ, и такъ всѣ его обманываютъ, что все идетъ хуже и хуже. «Ради Бога, умоляю тебя, пріѣзжай сейчасъ же, ежели ты не хочешь сдѣлать меня и все твое семейство несчастными», писала графиня.

Письмо это подѣйствовало на Николая. У него былъ тотъ здравый смыслъ посредственности, который показывалъ ему, что̀ было должно.

Теперь должно было ѣхать, если не въ отставку, то въ отпускъ. Почему надо было ѣхать, онъ не зналъ; но, выспавшись послѣ обѣда, онъ велѣлъ оседлать сѣраго Марса, давно неѣзженнаго и страшно злого жеребца, и, вернувшись на взмыленномъ жеребцѣ домой, объявилъ Лаврушкѣ (лакей Денисова остался у Ростова) и пришедшимъ вечеромъ товарищамъ, что подаетъ въ отпускъ и ѣдетъ домой. Какъ ни трудно и странно

---

[1]) Моя милая матушка

[2]) Вашъ послушный сынъ.

было ему думать, что онъ уѣдетъ и не узнаетъ изъ штаба (что̀ ему особенно интересно было), произведенъ ли онъ будетъ въ ротмистры или получитъ Анну за послѣдніе маневры; какъ ни странно было думать, что онъ такъ и уѣдетъ, не продавъ графу Голуховскому тройку саврасыхъ, которыхъ польскій графъ торговалъ у него и которыхъ Ростовъ на пари билъ, что продастъ за двѣ тысячи; какъ ни непонятно казалось, что безъ него будетъ тотъ балъ, который гусары должны были дать паннѣ Пшаздецкой въ пику уланамъ, дававшимъ балъ своей паннѣ Боржозовской,—онъ зналъ, что надо ѣхать изъ этого яснаго, хорошаго міра куда-то туда, гдѣ все было вздоръ и путаница. Черезъ недѣлю вышелъ отпускъ. Гусары-товарищи, не только по полку, но и по бригадѣ, дали обѣдъ Ростову, стоившій съ головы по 15 руб. подписки, — играли двѣ музыки, пѣли два хора пѣсенниковъ; Ростовъ плясалъ трепака съ майоромъ Басовымъ; пьяные офицеры качали, обнимали и уронили Ростова; солдаты третьяго эскадрона еще разъ качали его и кричали ура. Потомъ Ростова положили въ сани и проводили до первой станціи.

До половины дороги, какъ это всегда бываетъ, отъ Кременчуга до Кіева, всѣ мысли Ростова были еще назади—въ эскадронѣ; но, перевалившись за половину, онъ уже началъ забывать тройку саврасыхъ, своего вахмистра Дожойвейку и безпокойно началъ спрашивать себя о томъ, что и какъ онъ найдетъ въ Отрадномъ. Чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ, тѣмъ сильнѣе, гораздо сильнѣе (какъ будто нравственное чувство было подчинено тому же закону скорости паденія тѣлъ въ квадратахъ разстояній), онъ думалъ о своемъ домѣ; на послѣдней передъ Отраднымъ станціи далъ ямщику три рубля на водку и какъ мальчикъ, задыхаясь, вбѣжалъ на крыльцо дома.

Послѣ восторговъ встрѣчи и послѣ того страннаго чувства неудовлетворенія въ сравненіи съ тѣмъ, чего ожидаешь — все тѣ же, къ чему же я такъ торопился! — Николай сталъ вживаться въ свой старый міръ дома. Отецъ и мать были тѣ же, они только немного постарѣли. Новое въ нихъ было какое-то безпокойство и иногда несогласіе, котораго не бывало прежде и которое, какъ скоро узналъ Николай, происходило отъ дурного положенія дѣлъ. Сонѣ былъ уже двадцатый годъ. Она уже остановилась хорошѣть, ничего не обѣщала больше того, что въ ней было; но и этого было достаточно. Она вся дышала счастьемъ и любовью съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Николай, и вѣрная, непоколебимая любовь этой дѣвушки радостно дѣйствовала на него. Петя и Наташа больше всѣхъ удивили Николая. Петя былъ уже большой, тринадцати-лѣтній, красивый, весело и умно-

шаловливый мальчикъ, у котораго уже ломался голосъ. На Наташу Николай долго удивлялся и смѣялся, глядя на нее.

— Совсѣмъ не та,—говорилъ онъ.

— Что жъ, подурнѣла?

— Напротивъ, но важность какая-то. Княгиня!—сказалъ онъ ей шопотомъ.

— Да, да, да,—радостно говорила Наташа.

Наташа разсказала ему свой романъ съ княземъ Андреемъ, его пріѣздъ въ Отрадное и показала его послѣднее письмо.

— Что жъ, ты радъ?—спрашивала Наташа.—Я такъ теперь спокойна, счастлива.

— Очень радъ,—отвѣчалъ Николай.—Онъ отличный человѣкъ. Что жъ, ты очень влюблена?

— Какъ тебѣ сказать,—отвѣчала Наташа,—я была влюблена въ Бориса, въ учителя, въ Денисова, но это совсѣмъ не то. Мнѣ покойно, твердо. Я знаю, что лучше его не бываетъ людей, и мнѣ такъ спокойно, хорошо теперь. Совсѣмъ не такъ, какъ прежде...

Николай выразилъ Наташѣ свое неудовольствіе о томъ, что свадьба была отложена на годъ; но Наташа съ ожесточеніемъ напустилась на брата, доказывая ему, что это не могло быть иначе, что дурно бы было вступить въ семью противъ воли отца, что она сама этого хотѣла.

— Ты совсѣмъ, совсѣмъ не понимаешь,—говорила она.

Николай замолчалъ и согласился съ нею.

Братъ часто удивлялся, глядя на нее. Совсѣмъ не было похоже, чтобы она была влюбленная невѣста въ разлукѣ съ своимъ женихомъ. Она была ровна, спокойна, весела совершенно попрежнему. Николая это удивляло и даже заставляло недовѣрчиво смотрѣть на сватовство Болконскаго. Онъ не вѣрилъ въ то, что ея судьба уже рѣшена, тѣмъ болѣе, что онъ не видалъ съ нею князя Андрея. Ему все казалось, что что-нибудь не то въ этомъ предполагаемомъ бракѣ.

«Зачѣмъ отсрочка? Зачѣмъ не обручились?» думалъ онъ. Разговорившись разъ съ матерью о сестрѣ, онъ, къ удивленію своему и отчасти къ удовольствію, нашелъ, что мать точно такъ же въ глубинѣ души иногда недовѣрчиво смотрѣла на этотъ бракъ.

— Вотъ пишетъ,—говорила она, показывая сыну письмо князя Андрея, съ тѣмъ затаеннымъ чувствомъ недоброжелательства, которое всегда есть у матери противъ будущаго супружескаго счастья дочери,—пишетъ, что не пріѣдетъ раньше декабря. Какое же это дѣло можетъ задержать его? Вѣрно, бо-

лѣзнь! Здоровье слабое очень. Ты не говори Наташѣ. Ты не смотри, что она весела: это ужъ послѣднее дѣвичье время доживаетъ, а я знаю, что съ ней дѣлается всякій разъ, какъ письма его получаемъ. А впрочемъ, Богъ дастъ, все и хорошо будетъ,—заключала она всякій разъ:—онъ—отличный человѣкъ.

II.

Первое время своего пріѣзда Николай былъ серьезенъ и даже скученъ. Его мучила предстоящая необходимость вмѣшаться въ эти глупыя дѣла хозяйства, для которыхъ мать вызвала его. Чтобы скорѣе свалить съ плечъ эту обузу, на третій день своего пріѣзда онъ сердито, не отвѣчая на вопросъ, куда онъ идетъ, пошелъ съ нахмуренными бровями во флигель къ Митенькѣ и потребовалъ у него *счеты всего*. Что такое были эти *счеты всего*, Николай зналъ еще менѣе, чѣмъ пришедшій въ страхъ и недоумѣніе Митенька. Разговоръ и учетъ Митеньки продолжался недолго. Старосты, выборный и земскій, дожидавшіеся въ передней флигеля, со страхомъ и удовольствіемъ слышали сначала, какъ загудѣлъ и затрещалъ, какъ будто все возвышавшійся, голосъ молодого графа, слышали ругательныя и страшныя слова, сыпавшіяся одно за другимъ.

— Разбойникъ! Неблагодарная тварь!.. Изрублю собаку... не съ папенькой... обворовалъ... и т. д.

Потомъ эти люди съ не меньшимъ удовольствіемъ и страхомъ видѣли, какъ молодой графъ, весь красный, съ налитою кровью въ глазахъ, за шиворотъ вытащилъ Митеньку, ногой и колѣнкой съ большою ловкостью въ удобное время между своихъ словъ толкнулъ его подъ задъ и закричалъ: «Вонъ, чтобы духу твоего, мерзавецъ, здѣсь не было!»

Митенька стремглавъ слетѣлъ съ шести ступеней и убѣжалъ въ клумбу. (Клумба эта была извѣстная мѣстность спасенія преступниковъ въ Отрадномъ. Самъ Митенька, пріѣзжая пьяный изъ города, прятался въ эту клумбу, и многіе жители Отраднаго, прятавшіеся отъ Митеньки, знали спасительную силу этой клумбы.)

Жена Митеньки и свояченицы съ испуганными лицами высунулись въ сѣни изъ дверей комнаты, гдѣ кипѣлъ чистый самоваръ и возвышалась приказчицкая высокая постель подъ стеганымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ короткихъ кусочковъ.

Молодой графъ, задыхаясь, не обращая на нихъ вниманія, рѣшительными шагами прошелъ мимо нихъ и пошелъ въ домъ.

Графиня, узнавши тотчасъ черезъ дѣвушекъ о томъ, что̀ произошло во флигелѣ, съ одной стороны, успокоилась въ томъ отношеніи, что теперь состояніе ихъ должно поправиться, съ другой стороны, она безпокоилась о томъ, какъ перенесетъ это ея сынъ. Она подходила нѣсколько разъ на цыпочкахъ къ его двери, слушая, какъ онъ курилъ трубку за трубкой.

На другой день старый графъ отозвалъ въ сторону сына и съ робкой улыбкой сказалъ ему:

— А знаешь ли ты, моя душа, напрасно погорячился! Мнѣ Митенька разсказалъ все.

«Я зналъ», подумалъ Николай, «что никогда ничего не пойму здѣсь, въ этомъ дурацкомъ мірѣ».

— Ты разсердился, что онъ не вписалъ эти 700 рублей. Вѣдь они у него написаны транспортомъ, а другую страницу ты не посмотрѣлъ.

— Папенька, онъ—мерзавецъ и воръ, я знаю. И что сдѣлалъ, то сдѣлалъ. А ежели вы не хотите, я ничего не буду говорить ему.

— Нѣтъ, душа моя (графъ былъ смущенъ тоже. Онъ чувствовалъ, что онъ былъ дурнымъ распорядителемъ имѣнія своей жены и виноватъ былъ передъ своими дѣтьми, но не зналъ, какъ поправить это), нѣтъ, я прошу тебя заняться дѣлами, я старъ, я...

— Нѣтъ, папенька, вы простите меня, ежели я сдѣлалъ вамъ непріятное; я меньше вашего умѣю.

«Чортъ съ ними, съ этими мужиками, и деньгами, и транспортами по страницѣ», думалъ онъ. «Еще отъ угла на шесть кушей я понималъ когда-то, но по страницѣ транспортъ—ничего не понимаю», сказалъ онъ самъ себѣ и съ тѣхъ поръ болѣе не вступался въ дѣла. Только однажды графиня позвала къ себѣ сына, сообщила ему о томъ, что у нея есть вексель Анны Михайловны на двѣ тысячи, и спросила у Николая, какъ онъ думаетъ поступить съ нимъ.

— А вотъ какъ, — отвѣчалъ Николай. — Вы мнѣ сказали, что это отъ меня зависитъ; я не люблю Анну Михайловну и не люблю Бориса, но они были дружны съ нами и бѣдны. Такъ вотъ какъ!—и онъ разорвалъ вексель, и этимъ поступкомъ слезами радости заставилъ рыдать старую графиню. Послѣ этого молодой Ростовъ, уже не вступаясь болѣе ни въ какія дѣла, съ страстнымъ увлеченіемъ занялся еще новыми для него дѣлами псовой охоты, которая въ большихъ размѣрахъ была заведена у стараго графа.

III.

Уже были зазимки, утреніе морозы заковывали смоченную осенними дождями землю, уже зелень уклочилась и ярко-зелено отдѣлялась отъ полосъ бурѣющаго, выбитаго скотомъ, озимаго и свѣтло-желтаго ярового жнивья съ красными полосами гречихи. Вершины и лѣса, въ концѣ августа еще бывшіе зелеными островами между черными полями озимей и жнивами, стали золотистыми и ярко-красными островами посреди ярко-зеленыхъ озимей. Русакъ уже до половины затерся (перелинялъ), лисьи выводки начинали разбредаться, и молодые волки были больше собаки. Было лучшее охотничье время. Собаки горячаго, молодого охотника Ростова уже не только вошли въ охотничье тѣло, но и подбились такъ, что въ общемъ совѣтѣ охотниковъ рѣшено было три дня дать отдохнуть собакамъ и 16-го сентября идти въ отъѣздъ, начиная съ дубравы, гдѣ былъ нетронутый волчій выводокъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла 14-го сентября.

Весь этотъ день охота была дома; было морозно и колко, но съ вечера стало замораживать и оттеплѣло. 15-го сентября, когда молодой Ростовъ утромъ въ халатѣ выглянулъ въ окно, онъ увидалъ такое утро, лучше котораго ничего не могло быть для охоты: какъ будто небо таяло и безъ вѣтра спускалось на землю. Единственное движеніе, которое было въ воздухѣ, было тихое движеніе сверху внизъ спускающихся микроскопическихъ капель мги или тумана. На оголившихся вѣтвяхъ сада висѣли прозрачныя капли и падали на только что свалившіеся листья. Земля на огородѣ, какъ макъ, глянцевито-мокро чернѣла и въ недалекомъ разстояніи сливалась съ тусклымъ и влажнымъ покровомъ тумана. Николай вышелъ на мокрое съ натасканною грязью крыльцо: пахло вянущимъ лѣсомъ и собаками. Чернопѣгая широкозадая сука Милка съ большими черными на выкатѣ глазами, увидавъ хозяина, встала, потянулась пазадъ и легла по-русачьи, потомъ неожиданно вскочила и лизнула его прямо въ носъ и усы. Другая борзая собака, увидавъ хозяина съ цвѣтной дорожки, выгибая спину, стремительно бросилась къ крыльцу и, поднявъ правило (хвостъ), стала тереться о ноги Николая.

— О гой! — послышался въ это время тотъ неподражаемый охотничій подкликъ, который соединяетъ въ себѣ и самый глубокій басъ, и самый тонкій теноръ, и изъ-за угла вышелъ доѣзжачій и ловчій Данила, по-украински въ скобку обстрижен-

ный, сѣдой, морщинистый охотникъ, съ гнутымъ арапникомъ въ рукѣ и съ тѣмъ выраженіемъ самостоятельности и презрѣнія ко всему въ мірѣ, которое бываетъ только у охотниковъ. Онъ снялъ свою черкесскую шапку передъ бариномъ и презрительно посмотрѣлъ на него. Презрѣніе это не было оскорбительно для барина: Николай зналъ, что этотъ все презирающій и превыше всего стоящій Данила все-таки былъ его человѣкъ и охотникъ.

— Данила! — сказалъ Николай робко, чувствуя, что при видѣ этой охотничьей погоды, этихъ собакъ и охотника его уже обхватило то непреодолимое охотничье чувство, въ которомъ человѣкъ забываетъ всѣ прежнія намѣренія, какъ человѣкъ влюбленный въ присутствіи своей любовницы.

— Что прикажете, ваше сіятельство?—спросилъ протодіаконскій, охриплый отъ порсканья басъ, и два черные блестящіе глаза взглянули исподлобья на замолчавшаго барина. «Что, или не выдержишь?» какъ будто сказали эти два глаза.

— Хорошъ денекъ, а? И гоньба, и скачка, а?—сказалъ Николай, чеша за ушами Милку.

Данила не отвѣчалъ и помигалъ глазами.

— Уварку посылалъ послушать на зарѣ,—сказалъ его басъ послѣ минутнаго молчанія,—сказывалъ, въ Отрадненскій заказъ *перевела*, тамъ выли. (Перевела значило то, что волчица, про которую они оба знали, перешла съ дѣтьми въ Отрадненскій лѣсъ, который былъ за двѣ версты отъ дома и который былъ небольшое отъемное мѣсто.)

— А вѣдь ѣхать надо?—сказалъ Николай.—Приди-ка ко мнѣ съ Уваркой.

— Какъ прикажете!

— Такъ погоди же кормить.

— Слушаю.

Черезъ пять минутъ Данила съ Уваркой стояли въ большомъ кабинетѣ Николая. Несмотря на то, что Данила былъ невеликъ ростомъ, видѣть его въ комнатѣ производило впечатлѣніе, подобное тому, какъ когда видишь лошадь или медвѣдя на полу между мебелью и условіями людской жизни. Данила самъ это чувствовалъ и, какъ обыкновенно, стоялъ у самой двери, стараясь говорить тише, не двигаться, чтобы не поломать какъ-нибудь господскихъ покоевъ, и стараясь поскорѣе все высказать и выйти на просторъ, изъ-подъ потолка подъ небо.

Окончивъ разспросы и выпытавъ сознаніе Данилы, что собаки ничего (Данилѣ и самому хотѣлось ѣхать), Николай велѣлъ сѣдлать. Но только что Данила хотѣлъ выйти, какъ въ комнату

вошла быстрыми шагами Наташа, еще не причесанная и не одѣтая, въ большомъ нянииномъ платкѣ. Петя вбѣжалъ вмѣстѣ съ ней.

— Ты ѣдешь,—сказала Наташа,—я такъ и знала! Соня говорила, что не поѣдете. Я знала, что нынче такой день, что нельзя не ѣхать.

— Ѣдемъ,—неохотно отвѣчалъ Николай, которому нынче, такъ какъ онъ намѣревался предпринять серьезную охоту, не хотѣлось брать Наташу и Петю.—Ѣдемъ, да только за волками: тебѣ скучно будетъ.

— Ты знаешь, что это самое большое мое удовольствіе,—сказала Наташа.—Это дурно,—самъ ѣдетъ, велѣлъ сѣдлать, а намъ ничего не сказалъ.

— Тщетны россамъ всѣ препоны, ѣдемъ!—прокричалъ Петя.

— Да вѣдь тебѣ и нельзя: маменька сказала, что тебѣ нельзя,—сказалъ Николай, обращаясь къ Наташѣ.

— Нѣтъ, я поѣду, непремѣнно поѣду,—сказала рѣшительно Наташа.—Данила, вели намъ сѣдлать, и Михайла чтобъ выѣзжалъ съ моей сворой,—обратилась она къ ловчему.

И такъ-то быть въ комнатѣ Данилѣ казалось неприлично и тяжело, но имѣть какое-нибудь дѣло съ барышней—для него казалось невозможнымъ. Онъ опустилъ глаза и поспѣшилъ выйти, какъ будто до него это не касалось, стараясь какъ-нибудь нечаянно не повредить барышнѣ.

IV.

Старый графъ, всегда державшій огромную охоту, теперь же передавшій всю охоту въ вѣдѣніе сына въ этотъ день, 15-го сентября, развеселившись, собрался самъ тоже выѣхать.

Черезъ часъ вся охота была у крыльца. Николай съ строгимъ и серьезнымъ видомъ, показывавшимъ, что некогда теперь заниматься пустяками, прошелъ мимо Наташи и Пети, которые что-то разсказывали ему. Онъ осмотрѣлъ всѣ части охоты, послалъ впередъ стаю и охотниковъ въ заѣздъ, сѣлъ на своего рыжаго Донца и, подсвистывая собакъ своей своры, тронулся черезъ гумно въ поле, ведущее къ Отрадненскому заказу. Лошадь стараго графа, игреневаго меренка, называемаго Виѳлянкой, велъ графскій стремянный; самъ же онъ долженъ былъ прямо на оставленный ему лазъ, выѣхать въ дрожечкахъ.

Всѣхъ гончихъ выведено было 54 собаки, подъ которыми доѣзжачими и выжлятниками выѣхало 6 человѣкъ. Борзятниковъ, кромѣ господъ, было 8 человѣкъ, за которыми рыскало болѣе

40 борзыхъ, такъ что съ господскими сворами выѣхало въ поле около 130-ти собакъ и 20-ти конныхъ охотниковъ.

Каждая собака знала хозяина и кличку. Каждый охотникъ зналъ свое дѣло, мѣсто и назначеніе. Какъ только вышли за ограду, всѣ безъ шуму и разговоровъ равномѣрно и спокойно растянулись по дорогѣ и полю, ведшимъ къ Отрадненскому лѣсу.

Какъ по пушному ковру, шли по полю лошади, изрѣдка шлепая по лужамъ, когда переходили черезъ дороги. Туманное небо продолжало незамѣтно и равномѣрно спускаться на землю; въ воздухѣ было тихо, тепло, беззвучно. Изрѣдка слышалось то подсвистыванье охотника, то храпъ лошади, то ударъ арапникомъ или взвизгъ собаки, не шедшей на своемъ мѣстѣ.

Отъѣхавъ съ версту, навстрѣчу Ростовской охотѣ изъ тумана показалось еще пять всадниковъ съ собаками. Впереди ѣхалъ свѣжій, красивый старикъ съ большими сѣдыми усами.

— Здравствуйте, дядюшка,—сказалъ Николай, когда старикъ подъѣхалъ къ нему.

— Чистое дѣло маршъ!.. Такъ и зналъ,—заговорилъ дядюшка (это былъ дальній родственникъ, небогатый сосѣдъ Ростовыхъ), — такъ и зналъ, что не вытерпишь, и хорошо, что ѣдешь. Чистое дѣло маршъ! (Это была любимая поговорка дядюшки.) Бери заказъ сейчасъ, а то мой Гирчикъ донесъ, что Илагины съ охотой въ Корникахъ стоятъ; они у тебя — чистое дѣло маршъ! — подъ носомъ выводокъ возьмутъ.

— Туда и иду. Что же свалить стаи?—спросилъ Николай, — свалить?..

Гончихъ соединили въ одну стаю, и дядюшка съ Николаемъ поѣхали рядомъ. Наташа, закутанная платками, изъ-подъ которыхъ виднѣлось оживленное, съ блестящими глазами лицо, подскакала къ нимъ, сопутствуемая неотстававшими отъ нея Петей и Михайлой - охотникомъ и берейторомъ, который былъ приставленъ нянькой при ней. Петя чему - то смѣялся и билъ и дергалъ свою лошадь. Наташа ловко и увѣренно сидѣла на своемъ вороно́мъ Арабчикѣ и вѣрной рукой, безъ усилія, осадила его.

Дядюшка неодобрительно оглянулся на Петю и Наташу. Онъ не любилъ соединять баловство съ серьезнымъ дѣломъ охоты.

— Здравствуйте, дядюшка, и мы ѣдемъ! — прокричалъ Петя.

— Здравствуйте-то здравствуйте, да собакъ не передавите,— строго сказалъ дядюшка.

— Николенька, какая прелестная собака Трунила! Онъ узналъ меня, — сказала Наташа про любимую ея гончую собаку.

«Трунила, во - первыхъ, не собака, а выжлецъ», подумалъ Николай и строго взглянулъ на сестру, стараясь ей дать по-

чувствовать то разстояніе, которое должно было ихъ раздѣлять въ эту минуту. Наташа поняла это.

— Вы, дядюшка, не думайте, чтобы мы помѣшали кому-нибудь, — сказала Наташа. — Мы станемъ на своемъ мѣстѣ и не пошевелимся.

— И хорошее дѣло, графинечка,—сказалъ дядюшка.—Только съ лошади-то не упадите,—прибавилъ онъ:—а то — чистое дѣло маршъ! — не на чемъ держаться-то.

Островъ Отрадненскаго заказа виднѣлся саженяхъ во ста, и доѣзжачіе подходили къ нему. Ростовъ, рѣшивъ окончательно съ дядюшкой, откуда бросать гончихъ, и, указавъ Наташѣ мѣсто, гдѣ ей стоять и гдѣ никакъ ничего не могло побѣжать, направился въ заѣздъ надъ оврагомъ.

— Ну, племянничекъ, на матераго становишься, — сказалъ дядюшка: — чуръ, не гладить (протравить).

— Какъ придется,—отвѣчалъ Ростовъ. — Карай, фюитъ! — крикнулъ онъ, отвѣчая этимъ призывомъ на слова дядюшки. Карай былъ старый и уродливый брудастый кобель, извѣстный тѣмъ, что онъ въ одиночку биралъ матераго волка. Всѣ стали по мѣстамъ.

Старый графъ, зная охотничью горячность сына, поторопился не опоздать, и еще не успѣли доѣзжачіе подъѣхать къ мѣсту, какъ Илья Андреичъ, веселый, румяный, съ трясущимися щеками, на своихъ вороненькихъ подкатилъ по зеленямъ къ оставленному ему лазу; расправивъ шубку и надѣвъ охотничьи снаряды, влѣзъ на свою гладкую, сытую, смирную и добрую, посѣдѣвшую, какъ и онъ, Виѳлянку. Лошадей съ дрожками отослали. Графъ Илья Андреичъ, хотя и не охотникъ по душѣ, но знавшій твердо охотничьи законы, въѣхалъ въ опушку кустовъ, отъ которыхъ онъ стоялъ, разобралъ поводья, оправился на сѣдлѣ и, чувствуя себя готовымъ, оглянулся улыбаясь.

Подлѣ него стоялъ его камердинеръ, старинный, но отяжелѣвшій ѣздокъ Семенъ Чекмарь. Чекмарь держалъ на сворѣ трехъ лихихъ, но такъ же зажирѣвшихъ, какъ хозяинъ и лошадь, волкодавовъ. Двѣ собаки, умныя, старыя, улеглись безъ своръ. Шаговъ на сто подальше, въ опушкѣ, стоялъ другой стремянной графа—Митька, отчаянный ѣздокъ и страстный охотникъ. Графъ, по старинной привычкѣ, передъ охотой выпилъ серебряную чарку охотничьей запеканочки, закусилъ и запилъ полубутылкой своего любимаго бордо.

Илья Андреичъ былъ немножко красенъ отъ вина и ѣды; глаза его, подернутые влагой, особенно блестѣли, и онъ, уку-

танный въ шубку, сидя на сѣдлѣ, имѣлъ видъ ребенка, котораго собрали гулять.

Худой, со втянутыми щеками Чекмарь, устроившись съ своими дѣлами, поглядывалъ на барина, съ которымъ онъ жилъ 30 лѣтъ душа въ душу, и, понимая его пріятное расположеніе духа, ждалъ пріятнаго разговора. Еще третье лицо подъѣхало осторожно (видно уже оно было учено) изъ-за лѣса и остановилось позади графа. Лицо это былъ старикъ въ сѣдой бородѣ, въ женскомъ капотѣ и высокомъ колпакѣ. Это былъ шутъ Настасья Ивановна.

— Ну, Настасья Ивановна, — подмигивая ему, шопотомъ сказалъ графъ, — ты только оттопай звѣря, тебѣ Данила задастъ.

— Я самъ... съ усамъ, — сказалъ Настасья Ивановна.

— Шшшш!.. — зашикалъ графъ и обратился къ Семену:

— Наталью Ильиничну видѣлъ? — спросилъ онъ у Семена. — Гдѣ она?

— Они съ Петромъ Ильичомъ отъ Жаровыхъ бурьяновъ стали, — отвѣчалъ Семенъ улыбаясь. — Тоже дамы, а охоту большую имѣютъ.

— А ты удивляешься, Семенъ, какъ она ѣздитъ... а? — сказалъ графъ; — хоть бы мужчинѣ впору!

— Какъ не дивиться? Смѣло, ловко.

— А Николаша гдѣ? Надъ Лядовскимъ верхомъ, что ль? — все шопотомъ спрашивалъ графъ.

— Такъ точно-съ. Ужъ они знаютъ, гдѣ стать. Такъ тонко ѣзду знаютъ, что мы съ Данилой другой разъ диву даемся, — говорилъ Семенъ, зная, чѣмъ угодить барину.

— Хорошо ѣздитъ, а? А на конѣ-то каковъ, а?

— Картину писать! Какъ намеднись изъ Заварзинскихъ бурьяновъ помкнули лису. Они перескакивать стали, отъ уймища, страсть — лошадь тысячу рублей, а сѣдоку цѣны нѣтъ. Да, ужъ такого молодца поискать!

— Поискать... — повторилъ графъ, видимо сожалѣя, что кончилась такъ скоро рѣчь Семена. — Поискать, — сказалъ онъ, отворачивая полы шубки и доставая табакерку.

— Намедни, какъ отъ обѣдни во всей регаліи вышли, такъ Михаилъ-то Сидорычъ...—Семенъ не договорилъ, услыхавъ ясно раздавшійся въ тихомъ воздухѣ гонъ съ подвываніемъ не болѣе двухъ или трехъ гончихъ. Онъ, наклонивъ голову, прислушался и молча погрозился барину. — На выводокъ натекли... — прошепталъ онъ, — прямо на Лядовскій повели.

Графъ, забывъ стереть улыбку съ лица, смотрѣлъ передъ собой вдаль по перемычкѣ и, не нюхая, держалъ въ рукѣ таба-

керку. Вслѣдъ за лаемъ собакъ послышался голосъ по волку, поданный въ басистый рогъ Данилы; стая присоединилась къ первымъ tремъ собакамъ, и слышно было, какъ заревѣли съ заливомъ голоса гончихъ, съ тѣмъ особеннымъ подвываніемъ, которое служило признакомъ гона по волку. Доѣзжачіе уже не порскали, а улюлюкали, и изъ-за всѣхъ голосовъ выступалъ голосъ Данилы, то басистый, по пронзительно-тонкій. Голосъ Данилы, казалось, наполнялъ весь лѣсъ, выходилъ изъ-за лѣса и звучалъ далеко въ полѣ.

Прислушавшись нѣсколько секундъ молча, графъ и его стремянный убѣдились, что гончія разбились на двѣ стаи: одна, большая, ревѣвшая особенно горячо, стала удаляться; другая часть стаи понеслась вдоль по лѣсу мимо графа, и при этой стаѣ было слышно улюлюканье Данилы. Оба эти гона сливались, переливались, но оба удалялись.

Семенъ вздохнулъ и нагнулся, чтобъ оправить сворку, въ которой запутался молодой кобель; графъ тоже вздохнулъ и, замѣтивъ въ своей рукѣ табакерку, открылъ ее и досталъ щепоть. «Назадъ!»—крикнулъ Семенъ на кобеля, который выступилъ за опушку. Графъ вздрогнулъ и уронилъ табакерку. Настасья Ивановна слѣзъ и сталъ поднимать ее. Графъ и Семенъ смотрѣли на него.

Вдругъ, какъ это часто бываетъ, звукъ гона мгновенно приблизился, какъ будто вотъ-вотъ передъ ними самими были лающіе рты собакъ и улюлюканье Данилы.

Графъ оглянулся и направо увидалъ Митьку, который выкатывавшимися глазами смотрѣлъ на графа и, поднявъ шапку, указывалъ ему впередъ, на другую сторону.

— Береги!—закричалъ онъ такимъ голосомъ, что видно было, что это слово давно уже мучительно просилось у него наружу, и поскакалъ, выпустивъ собакъ, по направленію къ графу.

Графъ и Семенъ выскакали изъ опушки и налѣво отъ себя увидали волка, который, мягко переваливаясь, тихимъ скокомъ подскакивалъ лѣвѣе ихъ къ той самой опушкѣ, у которой они стояли. Злобныя собаки визгнули и, сорвавшись со своръ, понеслись къ волку, мимо ногъ лошадей.

Волкъ пріостановилъ бѣгъ, неловко, какъ больной жабою, повернулъ свою лобастую голову къ собакамъ и, такъ же мягко переваливаясь, прыгнулъ разъ-другой и, мотнувъ полѣномъ (хвостомъ), скрылся въ опушку. Въ ту же минуту изъ противоположной опушки съ ревомъ, похожимъ на плачъ, растерянно выскочила одна, другая, третья гончая, и вся стая понеслась по полю, по тому самому мѣсту, гдѣ пролѣзъ (пробѣжалъ) волкъ.

Вслѣдъ за гончими разступились кусты орѣшника, и показалась бурая, почернѣвшая отъ пота лошадь Данилы. На длинной спинѣ ея комочкомъ, валясь впередъ, сидѣлъ Данила безъ шапки, съ сѣдыми встрепанными волосами надъ краснымъ, потнымъ лицомъ.

— Улюлюлю, улюлю!.. — кричалъ онъ. Когда онъ увидалъ графа, въ глазахъ его сверкнула молнія.

— Ж... — крикнулъ онъ, грозясь поднятымъ арапникомъ на графа.

— Про... ли волка-то!.. Охотники! — и, какъ бы не удостоивая сконфуженнаго, испуганнаго графа дальнѣйшимъ разговоромъ, онъ со всей злобой, приготовленной на графа, ударилъ по ввалившимся мокрымъ бокамъ бураго мерина и понесся за гончими. Графъ, какъ наказанный, стоялъ, оглядываясь и стараясь улыбкой вызвать въ Семенѣ сожалѣніе къ своему положенію. Но Семена уже не было: онъ, въ объѣздъ по кустамъ, заскакивалъ волка отъ засѣки. Съ двухъ сторонъ также перескакивали звѣря борзятники. Но волкъ пошелъ кустами, и ни одинъ охотникъ не перехватилъ его.

V.

Николай Ростовъ между тѣмъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, ожидая звѣря. По приближенію и отдаленію гона, по звукамъ голосовъ извѣстныхъ ему собакъ, по приближенію, отдаленію и возвышенію голосовъ доѣзжачихъ онъ чувствовалъ то, что̀ совершалось въ островѣ. Онъ зналъ, что въ островѣ были прибылые (молодые) и матерые (старые) волки; онъ зналъ, что гончія разбились на двѣ стаи, что гдѣ-нибудь травили и что что-нибудь случилось неблагополучное. Онъ всякую секунду на свою сторону ждалъ звѣря. Онъ дѣлалъ тысячи различныхъ предположеній о томъ, какъ и съ какой стороны побѣжитъ звѣрь и какъ онъ будетъ травить его. Надежда смѣнялась отчаяніемъ. Нѣсколько разъ онъ обращался къ Богу съ мольбой о томъ, чтобы волкъ вышелъ на него; онъ молился съ тѣмъ страстнымъ и совѣстливымъ чувствомъ, съ которымъ молятся люди въ минуты сильнаго волненія, зависящаго отъ ничтожной причины. «Ну что Тебѣ стоитъ», говорилъ онъ Богу, «сдѣлать это для меня! Знаю, что Ты великъ и что грѣхъ Тебя просить объ этомъ; но, ради Бога, сдѣлай, чтобы на меня вылѣзъ матерый и чтобы Карай, на глазахъ «дядюшки», который вонъ оттуда смотритъ, влѣпился ему мертвой хваткой въ горло». Тысячу разъ въ эти полчаса упорнымъ, напряженнымъ и безпокойнымъ взглядомъ окидывалъ Ростовъ опушку лѣсовъ съ двумя рѣдкими дубами

надъ осиновымъ подсѣдомъ, и оврагъ съ измытымъ краемъ, и шапку дядюшки, чуть виднѣвшагося изъ-за куста направо.

«Нѣтъ, не будетъ этого счастья», думалъ Ростовъ, «а что бы стоило! Не будетъ! Мнѣ всегда, и въ картахъ, и на войнѣ—во всемъ несчастье». Аустерлицъ и Долоховъ ярко, но быстро смѣняясь, мелькали въ его воображеніи. «Только одинъ разъ бы въ жизни затравить матераго волка, больше я не желаю!» думалъ онъ, напрягая слухъ и зрѣніе, оглядываясь налѣво и опять направо и прислушиваясь къ малѣйшимъ оттѣнкамъ звуковъ гона.

Онъ взглянулъ опять направо и увидалъ, что по пустынному полю навстрѣчу къ нему бѣжало что-то. «Нѣтъ, это не можетъ быть!» подумалъ Ростовъ, тяжело вздыхая, какъ вздыхаетъ человѣкъ при совершеніи того, что было долго ожидаемо имъ. Совершилось величайшее счастье—и такъ просто, безъ шума, безъ блеска, безъ ознаменованія. Ростовъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, и сомнѣніе это продолжалось болѣе секунды. Волкъ бѣжалъ впередъ и перепрыгнулъ тяжело рытвину, которая была на его дорогѣ. Это былъ старый, съ сѣдой спиной звѣрь и съ наѣденнымъ красноватымъ брюхомъ. Онъ бѣжалъ неторопливо, очевидно убѣжденный, что никто не видитъ его. Ростовъ не дыша оглянулся на собакъ. Онѣ лежали, стояли, не видя волка и ничего не понимая. Старый Карай, завернувъ голову и оскаливъ желтые зубы, сердито отыскивая блоху, щелкалъ ими на заднихъ ляжкахъ.

— Улюлюлю!—шопотомъ, оттопыривая губы, проговорилъ Ростовъ. Собаки, дрогнувъ желѣзками, вскочили, насторожививъ уши. Карай дочесалъ свою ляжку и всталъ, насторожививъ уши, и слегка мотнулъ хвостомъ, на которомъ висѣли войлоки шерсти.

«Пускать—не пускать?» говорилъ самъ себѣ Николай въ то время, какъ волкъ подвигался къ нему, отдѣляясь отъ лѣса. Вдругъ вся физіономія волка измѣнилась: онъ вздрогнулъ, увидавъ еще, вѣроятно никогда невиданные имъ человѣческіе глаза, устремленные на него, и, слегка поворотивъ къ охотнику голову, остановился. — Назадъ или впередъ? Э! все равно, впередъ! видно... — какъ будто сказалъ онъ самъ себѣ и пустился впередъ, уже не оглядываясь, мягкимъ, рѣдкимъ, вольнымъ, но рѣшительнымъ скокомъ.

— Улюлю!..—не своимъ голосомъ закричалъ Николай, и сама собой стремглавъ понеслась его добрая лошадь подъ гору, перескакивая черезъ водомоины впоперечь волку; и еще быстрѣе, обогнавъ ее, понеслись собаки. Николай не слыхалъ своего крика, не чувствовалъ того, что онъ скачетъ, не видалъ ни собакъ, ни мѣста, по которому онъ скачетъ; онъ видѣлъ только волка.

который, усиливъ свой бѣгъ, скакалъ, не перемѣняя направленія, по лощинѣ. Первая показалась вблизи звѣря чернопѣгая широкозадая Милка и стала приближаться къ звѣрю. Ближе, ближе... вотъ она приспѣла къ нему. Но волкъ чуть покосился на нее, и вмѣсто того, чтобы поддать, какъ она это всегда дѣлала, Милка вдругъ, поднявъ хвостъ, стала упираться на переднія ноги.

— Улюлюлюлю! — кричалъ Николай.

Красный Любимъ выскочилъ изъ-за Милки, стремительно бросился на волка и схватилъ его за гачи (ляжки заднихъ ногъ), но въ ту же секунду испуганно перескочилъ на другую сторону. Волкъ присѣлъ, щелкнулъ зубами и опять поднялся и поскакалъ впередъ, провожаемый на аршинъ разстоянія всѣми собаками, не приближавшимися къ нему.

«Уйдетъ! Нѣтъ, это невозможно!» думалъ Николай, продолжая кричать охрипшимъ голосомъ.

— Карай! Улюлю!.. — кричалъ онъ, отыскивая глазами стараго кобеля, единственную свою надежду. Карай изъ всѣхъ своихъ старыхъ силъ, вытянувшись, сколько могъ, глядя на волка, тяжело скакалъ въ сторону отъ звѣря, наперерѣзъ ему. Но по быстротѣ скока волка и медленности скока собаки было видно, что расчетъ Карая былъ ошибоченъ. Николай уже недалеко впереди себя видѣлъ тотъ лѣсъ, до котораго добѣжавъ, волкъ уйдетъ навѣрное. Впереди показались собаки и охотникъ, скакавшій почти навстрѣчу. Еще была надежда. Незнакомый Николаю муругій молодой длинный кобель чужой своры стремительно подлетѣлъ спереди къ волку и почти опрокинулъ его. Волкъ быстро, какъ нельзя было ожидать отъ него, приподнялся и бросился къ муругому кобелю, щелкнувъ зубами — и окровавленный, съ распоротымъ бокомъ кобель, пронзительно завизжавъ, ткнулся головой въ землю.

— Караюшка! Отецъ!.. — плакалъ Николай.

Старый кобель, со своими мотавшимися на ляжкахъ клоками, благодаря происшедшей остановкѣ, перерѣзывая дорогу волку, былъ уже въ пяти шагахъ отъ него. Какъ будто почувствовавъ опасность, волкъ покосился на Карая, еще дальше спрятавъ полѣно (хвостъ) между ногъ, и наддалъ скоку. Но тутъ—Николай видѣлъ только, что что-то сдѣлалось съ Караемъ — онъ мгновенно очутился на волкѣ и съ нимъ вмѣстѣ повалился кубаремъ въ водомоину, которая была передъ ними.

Та минута, когда Николай увидалъ въ водомоинѣ копошащихся съ волкомъ собакъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлась сѣдая шерсть волка, его вытянувшаяся задняя нога и, съ прижатыми

ушами, испуганная и задыхающаяся голова (Карай держалъ его за горло), минута, когда увидалъ это Николай, была счастливѣйшею минутою его жизни. Онъ взялся уже за луку сѣдла, чтобы слѣзть и колоть волка, какъ вдругъ изъ этой массы собакъ высунулась вверхъ голова звѣря, потомъ переднія ноги стали на край водомоины. Волкъ ляскнулъ зубами (Карай уже не держалъ его за горло), выпрыгнулъ задними ногами изъ водомоины и, поджавъ хвостъ, опять отдѣлившись отъ собакъ, двинулся впередъ. Карай съ ощетиневшеюся шерстью, вѣроятно ушибленный или раненый, съ трудомъ вылѣзалъ изъ водомоины.

— Боже мой! За что?.. — съ отчаяніемъ закричалъ Николай.

Охотникъ дядюшки съ другой стороны скакалъ наперерѣзъ волку, и собаки его опять остановили звѣря. Опять его окружили.

Николай, его стремянный, дядюшка и его охотникъ вертѣлись надъ звѣремъ, улюлюкая, крича, всякую минуту собираясь слѣзть, когда волкъ садился назадъ, и всякій разъ пускаясь впередъ, когда волкъ встряхивался и подвигался къ засѣкѣ, которая должна была спасти его.

Еще въ началѣ этой травли Данила, услыхавъ улюлюканье, выскочилъ на опушку лѣса. Онъ видѣлъ, какъ Карай взялъ волка, и остановилъ лошадь, полагая, что дѣло было кончено. Но когда охотники не слѣзли, волкъ встряхнулся и опять пошелъ на утекъ, Данила выпустилъ своего бураго не къ волку, а прямой линіей къ засѣкѣ такъ же, какъ Карай—наперерѣзъ звѣрю. Благодаря этому направленію, онъ подскакивалъ къ волку въ то время, какъ во второй разъ его остановили дядюшкины собаки.

Данила скакалъ молча, держа вынутый кинжалъ въ лѣвой рукѣ и, какъ цѣпомъ, молоча своимъ арапникомъ по подтянутымъ бокамъ бураго.

Николай не видалъ и не слыхалъ Данилы до тѣхъ поръ, пока мимо самого его не пропыхтѣлъ, тяжело дыша, бурый, и онъ услыхалъ звукъ паденія тѣла и увидалъ, что Данила уже лежитъ въ серединѣ собакъ на заду волка, стараясь поймать его за уши. Очевидно было и для собакъ, и для охотниковъ, и для волка, что теперь все кончено. Звѣрь, испуганно прижавъ уши, старался подняться, но собаки облѣпили его. Данила, привставъ, сдѣлалъ падающій шагъ и всею тяжестью, какъ будто ложась отдыхать, повалился на волка, хватая его за уши. Николай хотѣлъ колоть, но Данила прошепталъ:—Не надо, сострунимъ,— и, перемѣнивъ положеніе, наступилъ ногой на шею волку. Въ пасть волку заложили палку, завязали, какъ бы взнуздавъ его,

сворой, связали ноги, и Данила раза два съ одного бока на другой перевалилъ волка.

Съ счастливыми, измученными лицами живого матераго волка взвалили на шарахающую и фыркающую лошадь и, сопутствуемые визжавшими на него собаками, повезли къ тому мѣсту, гдѣ должны были всѣ собраться. Всѣ подъѣзжали и подходили смотрѣть волка, который, свѣсивъ свою лобастую голову съ закушенной палкой во рту, большими стеклянными глазами смотрѣлъ на всю эту толпу собакъ и людей, окружавшихъ его. Когда его трогали, онъ, вздрагивая завязанными ногами, дико и вмѣстѣ съ тѣмъ просто смотрѣлъ на всѣхъ. Графъ Илья Андреичъ тоже подъѣхалъ и потрогалъ волка.

— О, материщій какой,—сказалъ онъ.—Матерый, а?—спросилъ онъ у Данилы, стоявшаго подлѣ него.

— Матерый, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Данила, поспѣшно снимая шапку.

Графъ вспомнилъ своего прозѣваннаго волка и свое столкновеніе съ Данилой.

— Однако, братъ, ты сердитъ,—сказалъ графъ.

Данила ничего не сказалъ и только застѣнчиво улыбнулся дѣтски-кроткой и пріятной улыбкой.

VI.

Старый графъ поѣхалъ домой; Наташа съ Петей обѣщались сейчасъ же пріѣхать. Охота пошла дальше, такъ какъ было еще рано. Въ серединѣ дня гончихъ пустили въ поросшій молодымъ частымъ лѣсомъ оврагъ. Николай, стоя на жнивьѣ, видѣлъ всѣхъ своихъ охотниковъ.

Насупротивъ отъ Николая были зеленя, и тамъ стоялъ его охотникъ, одинъ въ ямѣ за выдавшимся кустомъ орѣшника. Только что завели гончихъ, Николай услыхалъ рѣдкій гонъ извѣстной ему собаки—Волторна; другія собаки присоединились къ нему, то замолкая, то опять принимаясь гнать. Черезъ минуту подали изъ острова голосъ по лисѣ, и вся стая, свалившись, погнала на отвершку, по направленію къ зеленямъ, прочь отъ Николая.

Онъ видѣлъ скачущихъ выжлятниковъ въ красныхъ шапкахъ по краямъ поросшаго оврага, видѣлъ даже собакъ и всякую секунду ждалъ того, что на той сторонѣ, на зеленяхъ, покажется лисица.

Охотникъ, стоявшій въ ямѣ, тронулся и выпустилъ собакъ, и Николай увидалъ красную, низкую, странную лисицу, кото-

рая, распушивъ трубу, торопливо неслась по зеленямъ. Собаки стали спѣть къ ней. Вотъ приблизились, вотъ кругами стала вилять лисица между ними, все чаще и чаще дѣлая эти круги и обводя вокругъ себя пушистой трубой (хвостомъ); и вотъ налетѣла чья-то бѣлая собака, и вслѣдъ за ней черная, и все смѣшалось, и звѣздой, врозь разставивъ зады, чуть колеблясь, стали собаки. Къ собакамъ подскакали два охотника: одинъ въ красной шапкѣ, другой, чужой, въ зеленомъ кафтанѣ.

«Что это такое?» подумалъ Николай. «Откуда взялся этотъ охотникъ? Это не дядюшкинъ».

Охотники отбили лисицу и долго, не тороча, стояли пѣшіе. Около нихъ на чумбурахъ стояли лошади съ своими выступами сѣделъ, и лежали собаки. Охотники махали руками и что-то дѣлали съ лисицей. Оттуда же раздался звукъ рога — условленный сигналъ драки.

— Это Илагинскій охотникъ что-то съ нашимъ Иваномъ бунтуетъ, — сказалъ стремянный Николая.

Николай послалъ стремяннаго подозвать къ себѣ сестру и Петю и шагомъ поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ доѣзжачіе собирали гончихъ. Нѣсколько охотниковъ поскакало къ мѣсту драки.

Николай слѣзъ съ лошади, остановился подлѣ гончихъ съ подъѣхавшими Наташей и Петей, ожидая свѣдѣній о томъ, чѣмъ кончится дѣло. Изъ-за опушки выѣхалъ дравшійся охотникъ съ лисицей въ торокахъ и подъѣхалъ къ молодому барину. Онъ издалека снялъ шапку и старался говорить почтительно; но онъ былъ блѣденъ, задыхался, и лицо его было злобно. Одинъ глазъ былъ у него подбитъ, но онъ, вѣроятно, и не зналъ этого.

— Что у васъ тамъ было? — спросилъ Николай.

— Какъ же, изъ-подъ нашихъ гончихъ онъ травить будетъ! Да и сука-то моя, мышастая, поймала. Поди, судись! За лисицу хватаетъ! Я его лисицей ну катать. Вотъ она въ торокахъ. А этого не хочешь!.. — говорилъ охотникъ, указывая на кинжалъ и, вѣроятно, воображая, что онъ все еще говоритъ съ своимъ врагомъ.

Николай, не разговаривая съ охотникомъ, попросилъ сестру и Петю подождать его и поѣхалъ на то мѣсто, гдѣ была эта враждебная, Илагинская охота.

Охотникъ-побѣдитель въѣхалъ въ толпу охотниковъ и тамъ, окруженный сочувствующими любопытными, разсказывалъ свой подвигъ.

Дѣло было въ томъ, что Илагинъ, съ которымъ Ростовы были въ ссорѣ и процессѣ, охотился въ мѣстахъ, по обычаю принад-

лежавшихъ Ростовымъ, и теперь, какъ будто нарочно, велѣлъ подъѣхать къ острову, гдѣ охотились Ростовы, и позволилъ травить своему охотнику изъ-подъ чужихъ гончихъ.

Николай никогда не видалъ Илагина, но, какъ и всегда, въ своихъ сужденіяхъ и чувствахъ не зная середины, по слухамъ о буйствѣ и своевольствѣ этого помѣщика, всей душой ненавидѣлъ его и считалъ своимъ злѣйшимъ врагомъ. Онъ, озлобленно-взволнованный, ѣхалъ теперь къ нему, крѣпко сжимая арапникъ въ рукѣ, въ полной готовности на самыя рѣшительныя и опасныя дѣйствія противъ своего врага.

Едва онъ выѣхалъ за уступъ лѣса, какъ онъ увидалъ подвигающагося ему навстрѣчу толстаго барина въ бобровомъ картузѣ, на прекрасной вороной лошади, сопутствуемаго двумя стремянными.

Вмѣсто врага Николай нашелъ въ Илагинѣ представительнаго, учтиваго барина, особенно желавшаго познакомиться съ молодымъ графомъ. Подъѣхавъ къ Ростову, Илагинъ приподнялъ бобровый картузъ и сказалъ, что очень жалѣетъ о томъ, что случилось; что велитъ наказать охотника, позволившаго себѣ травить изъ-подъ чужихъ собакъ, проситъ графа быть знакомымъ и предлагаетъ ему свои мѣста для охоты.

Наташа, боявшаяся, что братъ ея надѣлаетъ что-нибудь ужасное, въ волненіи ѣхала недалеко за нимъ. Увидавъ, что враги дружелюбно раскланиваются, она подъѣхала къ нимъ. Илагинъ еще выше приподнялъ свой бобровый картузъ передъ Наташей и, пріятно улыбнувшись, сказалъ, что графиня представляетъ Діану и по страсти къ охотѣ и по красотѣ своей, про которую онъ много слышалъ.

Илагинъ, чтобы загладить вину своего охотника, настоятельно просилъ Ростова пройти въ его угорь, который былъ въ верстѣ, который онъ берегъ для себя и въ которомъ было, по его словамъ, насыпано зайцевъ. Николай согласился, и охота, еще вдвое увеличившаяся, тронулась дальше.

Идти до Илагинскаго угоря надо было полями. Охотники разровнялись. Господа ѣхали вмѣстѣ. Дядюшка, Ростовъ, Илагинъ поглядывали тайкомъ на чужихъ собакъ, стараясь, чтобы другіе этого не замѣчали, и съ безпокойствомъ отыскивали между этими собаками соперницъ своимъ собакамъ.

Ростова особенно поразила своей красотой небольшая чистопсовая, узенькая, но съ стальными мышцами, тоненькимъ щипцомъ (мордой) и на выкатѣ черными глазами, краснопѣгая сучка въ сворѣ Илагина. Онъ слыхалъ про рѣзвость Илагинскихъ

собакъ, и въ этой красавицѣ-сучкѣ видѣлъ соперницу своей Милкѣ.

Въ серединѣ степеннаго разговора объ урожаѣ нынѣшняго года, который завелъ Илагинъ, Николай указалъ ему на его краснопѣгую суку.

— Хороша у васъ эта сучка! — сказалъ онъ небрежнымъ тономъ. — Рѣзва?

— Эта? Да, эта — добрая собака, ловитъ, — равнодушнымъ голосомъ сказалъ Илагинъ про свою краснопѣгую Ерзу, за которую онъ годъ тому назадъ отдалъ сосѣду три семьи дворовыхъ. — Такъ и у васъ, графъ, умолотомъ не хвалятся? — продолжалъ онъ начатый разговоръ. И считая учтивымъ отплатить молодому графу тѣмъ же, Илагинъ осмотрѣлъ его собакъ и выбралъ Милку, бросившуюся ему въ глаза своей шириной.

— Хороша у васъ эта чернопѣгая — ладна! — сказалъ онъ.

— Да, ничего, скачетъ, — отвѣчалъ Николай. «Вотъ только бы побѣжалъ въ полѣ матерый русакъ, я бы тебѣ показалъ, какая это собака!» подумалъ онъ и, обернувшись къ стремянному, сказалъ, что онъ даетъ рубль тому, кто подозритъ, т.-е. найдетъ, лежачаго зайца.

— Я не понимаю, — продолжалъ Илагинъ, — какъ другіе охотники завистливы на звѣря и на собакъ. Я вамъ скажу про себя, графъ. Меня веселитъ, знаете, проѣхаться; вотъ съѣдешься съ такой компаніей... ужъ чего же лучше (онъ снялъ опять свой бобровый картузъ передъ Наташей); а это, чтобы шкурки считать, сколько привезъ — мнѣ все равно!

— Ну да!

— Или чтобъ мнѣ обидно было, что чужая собака поймаетъ, а не моя — мнѣ только бы полюбоваться на травлю, не такъ ли, графъ? Потому я сужу...

— Ату его, — послышался въ это время протяжный крикъ одного изъ остановившихся борзятниковъ. Онъ стоялъ на полубугрѣ жнивья, поднявъ арапникъ, и еще разъ повторилъ протяжно: — А—ту—его! (Звукъ этотъ и поднятый арапникъ означали то, что онъ видитъ передъ собой лежачаго зайца.)

— А, подозрилъ, кажется, — сказалъ небрежно Илагинъ. — Что же, потравимъ, графъ!

— Да, подъѣхать надо... да что жъ, вмѣстѣ? — отвѣчалъ Николай, вглядываясь въ Ерзу и въ краснаго Ругая дядюшки, въ двухъ своихъ соперниковъ, съ которыми еще ни разу ему не удалось поравнять своихъ собакъ. «Ну что, какъ съ ушей оборвутъ мою Милку!» думалъ онъ, рядомъ съ дядюшкой и Илагинымъ подвигаясь къ зайцу.

— Матерый?—спрашивалъ Илагинъ, подвигаясь къ подозрившему охотнику и не безъ волненія оглядываясь и подсвистывая Ерзу.

— А вы, Михаилъ Никанорычъ?—обратился онъ къ дядюшкѣ.

Дядюшка ѣхалъ, насупившись.

— Что мнѣ соваться, вѣдь ваши—чистое дѣло маршъ!—по деревнѣ за собаку плачены, ваши тысячныя. Вы помѣряйте своихъ, а я посмотрю!

— Ругай! на, на,—крикнулъ онъ.—Ругаюшка!—прибавилъ онъ, невольно этимъ уменьшительнымъ выражая свою нѣжность и надежду, возлагаемую на этого краснаго кобеля. Наташа видѣла и чувствовала скрываемое этими двумя стариками и ея братомъ волненіе и сама волновалась.

Охотникъ на полугоркѣ стоялъ съ поднятымъ арапникомъ, господа шагомъ подъѣзжали къ нему; гончія, шедшія на самомъ горизонтѣ, заворачивали прочь отъ зайца; охотники, не господа, тоже отъѣзжали. Все двигалось медленно и степенно.

— Куда головой лежитъ?—спросилъ Николай, подъѣзжая шаговъ на сто къ подозрившему охотнику.

Но не успѣлъ еще охотникъ отвѣтить, какъ русакъ, чуя морозъ къ завтрашнему утру, не вылежалъ и вскочилъ. Стая гончихъ, на смычкахъ, съ ревомъ понеслась подъ гору за зайцемъ; со всѣхъ сторонъ борзыя, не бывшія на сворахъ, бросились на гончихъ и къ зайцу. Всѣ эти медленно двигавшіеся охотники—выжлятники, крикомъ: стой! сбивая собакъ, борзятники, крикомъ: ату! направляя собакъ—поскакали по полю. Спокойный Илагинъ, Николай, Наташа и дядюшка летѣли, сами не зная какъ и куда, видя только собакъ и зайца и боясь только потерять хоть на мгновеніе изъ вида ходъ травли. Заяцъ попался матерый и рѣзвый. Вскочивъ, онъ не тотчасъ же поскакалъ, а повелъ ушами, прислушиваясь къ крику и топоту, раздавшемуся вдругъ со всѣхъ сторонъ. Онъ прыгнулъ разъ десять не быстро, подпуская къ себѣ собакъ, и наконецъ, выбравъ направленіе и понявъ опасность, приложилъ уши и понесся во всѣ ноги. Онъ лежалъ на жнивьяхъ, но впереди были зеленя, по которымъ было топко. Двѣ собаки подозрившаго охотника, бывшія ближе всѣхъ, первыя воззрились и заложились за зайцемъ; но еще далеко не подвинулись къ нему, какъ изъ-за нихъ вылетѣла Илагинская краснопѣгая Ерза, приблизилась на собаку разстоянія, съ страшной быстротой наддала, нацѣлившись на хвостъ зайца, и, думая, что она схватила его, покатилась кубаремъ. Заяцъ выгнулъ спину и наддалъ еще шибче. Изъ-за Ерзы вынеслась широкозадая чернопѣгая Милка и быстро стала спѣть къ зайцу.

— Милушка! матушка!—послышался торжествующій крикъ Николая. Казалось, сейчасъ ударитъ Милка и подхватитъ зайца; но она догнала и пронеслась. Русакъ отсѣлъ. Опять насѣла красавица Ерза и надъ самымъ хвостомъ русака повисла, примѣряясь какъ будто, какъ бы не ошибиться теперь, схватить за заднюю ляжку.

— Ерзанька! сестрица!—послышался плачущій, не свой голосъ Илагина. Ерза не вняла его мольбамъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ надо было ждать, что она схватитъ русака, онъ вихнулъ и выкатилъ на рубежъ между зеленями и жнивьемъ. Опять Ерза и Милка, какъ дышловая пара, выровнялись и стали спѣть къ зайцу; на рубежѣ русаку было легче, собаки не такъ быстро приближались къ нему.

— Ругай! Ругаюшка! Чистое дѣло маршъ!—закричалъ въ это время еще новый голосъ, и Ругай, красный, горбатый кобель дядюшки, вытягиваясь и выгибая спину, сровнялся съ первыми двумя собаками, выдвинулся изъ-за нихъ, наддалъ съ страшнымъ самоотверженіемъ уже надъ самымъ зайцомъ, сбилъ его съ рубежа на зеленя, еще злѣй наддалъ другой разъ по грязнымъ зеленямъ, утопая по колѣна, и только видно было, какъ онъ кубаремъ, пачкая спину въ грязь, покатился съ зайцемъ. Звѣзда собакъ окружила его. Черезъ минуту всѣ стояли около столпившихся собакъ. Одинъ счастливый дядюшка слѣзъ и отпазанчилъ. Потряхивая зайца, чтобы стекала кровь, онъ тревожно оглядывался, бѣгая глазами, не находя положенія рукамъ и ногамъ, и говорилъ, самъ не зная съ кѣмъ и что.—Вотъ это дѣло маршъ... вотъ собака... вотъ вытянулъ всѣхъ, и тысячныхъ и рублевыхъ—чистое дѣло маршъ,—говорилъ онъ, задыхаясь и злобно оглядываясь, какъ будто ругая кого-то, какъ будто всѣ были его враги, всѣ его обижали, и только теперь наконецъ ему удалось оправдаться.—Вотъ вамъ и тысячныя—чистое дѣло маршъ!..

— Ругай, на пазанку! — говорилъ онъ, кидая отрѣзанную лапу съ налипшей землей; — заслужилъ — чистое дѣло маршъ!

— Она вымахалась, три угонки дала одна, — говорилъ Николай тоже не слушая никого и не заботясь о томъ, слушаютъ ли его, или нѣтъ.

— Да это что же, впоперечь! — говорилъ Илагинскій стремянный.

— Да, какъ осѣклась, такъ съ угонки всякая дворняжка поймаетъ, — говорилъ въ одно и то же время Илагинъ, красный, насилу переводившій духъ отъ скачки и волненія. Въ одно и то же время Наташа, не переводя духа, радостно и восторженно

визжала такъ пронзительно, что въ ушахъ звенѣло. Она этимъ визгомъ выражала все то, что̀ выражали и другіе охотники своимъ единовременнымъ разговоромъ. И визгъ этотъ былъ такъ страненъ, что она сама должна бы была стыдиться этого дикаго визга и всѣ бы должны были удивиться ему, ежели бы это было въ другое время. Дядюшка самъ второчилъ русака, ловко и бойко перекинулъ его черезъ задъ лошади, какъ бы упрекая всѣхъ этимъ перекидываніемъ, и съ такимъ видомъ, что онъ и говорить ни съ кѣмъ не хочетъ, сѣлъ на своего кауpaго и поѣхалъ прочь. Всѣ, кромѣ него, грустные и оскорбленные, разъѣхались и только долго послѣ могли придти въ прежнее притворство равнодушія. Долго еще они поглядывали на краснаго Ругая, который, съ испачканной грязью горбатой спиной, побрякивая желѣзкой, съ спокойнымъ видомъ побѣдителя шелъ за ногами лошади дядюшки.

«Что жъ, я такой же, какъ и всѣ, когда дѣло не коснется до травли. Ну, а ужъ тутъ держись!» казалось Николаю, что говорилъ видъ этой собаки.

Когда, долго послѣ, дядюшка подъѣхалъ къ Николаю и заговорилъ съ нимъ, Николай былъ польщенъ тѣмъ, что дядюшка послѣ всего, что было, еще удостоиваетъ говорить съ нимъ.

VII.

Когда ввечеру Илагинъ распростился съ Николаемъ, Николай оказался на такомъ далекомъ разстояніи отъ дома, что онъ принялъ предложеніе дядюшки оставить охоту и ночевать у него (у дядюшки), въ его деревенькѣ Михайловкѣ.

— И если бы заѣхали ко мнѣ—чистое дѣло маршъ!—сказалъ дядюшка, — еще бы того лучше. Видите, погода мокрая,—говорилъ дядюшка,—отдохнули бы, графинечку бы отвезли въ дрожкахъ.

Предложеніе дядюшки было принято, за дрожками послали охотника въ Отрадное; а Николай съ Наташей и Петей поѣхали къ дядюшкѣ.

Человѣкъ пять, большихъ и малыхъ, дворовыхъ мужчинъ выбѣжало на парадное крыльцо встрѣчать барина. Десятки женщинъ, старыхъ, большихъ и малыхъ, высунулись съ задняго крыльца смотрѣть на подъѣзжавшихъ охотниковъ. Присутствіе Наташи, женщины, барыни, верхомъ, довело любопытство дворовыхъ дядюшки до тѣхъ предѣловъ, что многіе, не стѣсняясь ея присутствіемъ, подходили къ ней, заглядывали ей въ глаза и при ней дѣлали о ней свои замѣчанія, какъ о показываемомъ

чудѣ, которое не человѣкъ и не можетъ слышать и понимать, что говорятъ о немъ.

— Аринка, глянь-ка, на бочкю сидитъ! Сама сидитъ, а подолъ болтается... Вишь и рожокъ!

— Батюшки-свѣты, ножикъ-то...

— Вишь татарка!

— Какъ же ты не перекувырнулась-то? — говорила самая смѣлая, прямо ужъ обращаясь къ Наташѣ.

Дядюшка слѣзъ съ лошади у крыльца своего деревяннаго заросшаго садомъ домика и, оглянувъ своихъ домочадцевъ, крикнулъ повелительно, чтобы лишніе отошли и чтобы было сдѣлано все, нужное для пріема гостей и охоты.

Все разбѣжалось. Дядюшка снялъ Наташу съ лошади и за руку провелъ ее по шаткимъ дощатымъ ступенямъ крыльца. Въ домѣ, не отштукатуренномъ, съ бревенчатыми стѣнами, было не очень чисто, — не видно было, чтобы цѣль жившихъ людей состояла въ томъ, чтобы не было пятенъ, но не было замѣтно запущенности. Въ сѣняхъ пахло свѣжими яблоками и висѣли волчьи и лисьи шкуры.

Черезъ переднюю дядюшка провелъ своихъ гостей въ маленькую залу съ складнымъ столомъ и красными стульями, потомъ въ гостиную съ березовымъ круглымъ столомъ и диваномъ, потомъ въ кабинетъ съ оборваннымъ диваномъ, истасканнымъ ковромъ и съ портретами Суворова, отца и матери хозяина и его самого въ военномъ мундирѣ. Въ кабинетѣ слышался сильный запахъ табаку и собакъ. Въ кабинетѣ дядюшка попросилъ гостей сѣсть и расположиться какъ дома, а самъ вышелъ. Ругай, съ невычистившейся спиной, вошелъ въ кабинетъ и легъ на диванъ, обчищая себя языкомъ и зубами. Изъ кабинета шелъ коридоръ, въ которомъ виднѣлись ширмы съ прорванными занавѣсками. Изъ-за ширмъ слышался женскій смѣхъ и шопотъ. Наташа, Николай и Петя раздѣлись и сѣли на диванъ. Петя облокотился на руку и тотчасъ же заснулъ; Наташа и Николай сидѣли молча. Лица ихъ горѣли, они были очень голодны и очень веселы. Они поглядѣли другъ на друга (послѣ охоты, въ комнатѣ, Николай уже не считалъ нужнымъ выказывать свое мужское превосходство передъ своей сестрой), Наташа подмигнула брату, и оба удерживались недолго и звонко расхохотались, не успѣвъ еще придумать предлога для своего смѣха.

Немного погодя дядюшка вошелъ въ казакинѣ, синихъ панталонахъ и маленькихъ сапогахъ. И Наташа почувствовала, что этотъ самый костюмъ, въ которомъ она съ удивленіемъ и насмѣшкой видала дядюшку въ Отрадномъ, былъ настоящій ко-

стюмъ, который былъ ничѣмъ не хуже сюртуковъ и фраковъ. Дядюшка былъ тоже веселъ; онъ не только не обидѣлся смѣху брата и сестры (ему въ голову не могло придти, чтобы могли смѣяться надъ его жизнью), а самъ присоединился къ ихъ безпричинному смѣху.

— Вотъ такъ графиня молодая — чистое дѣло маршъ — другой такой не видывалъ!—сказалъ онъ, подавая одну трубку съ длиннымъ чубукомъ Ростову, а другой, короткій, обрѣзанный чубукъ закладывая привычнымъ жестомъ между трехъ пальцевъ.— День отъѣздила, хоть мужчинѣ впору, и какъ ни въ чемъ не бывало!

Скоро послѣ дядюшки отворила дверь, по звуку ногъ, очевидно босая, дѣвка, и въ дверь съ большимъ уставленнымъ подносомъ въ рукахъ вошла толстая, румяная, красивая баба, лѣтъ 40, съ двойнымъ подбородкомъ и полными румяными губами. Она съ гостепріимною представительностью и привлекательностью въ глазахъ и каждомъ движеніи оглянула гостей и съ ласковой улыбкой почтительно поклонилась имъ. Несмотря на толщину, больше чѣмъ обыкновенную, заставлявшую ее выставлять впередъ грудь и животъ и назадъ держать голову, женщина эта (экономка дядюшки) ступала чрезвычайно легко. Она подошла къ столу, поставила подносъ и ловко своими бѣлыми, пухлыми руками сняла и разставила по столу бутылки, закуски и угощенья. Окончивъ это, она отошла и съ улыбкой на лицѣ стала у двери. «Вотъ она и я! Теперь понимаешь дядюшку?» сказало Ростову ея появленіе. Какъ не понимать: не только Ростовъ, но и Наташа поняла дядюшку и значеніе нахмуренныхъ бровей и счастливой, самодовольной улыбки, которая чуть морщила его губы въ то время, какъ входила Анисья Ѳедоровна. На подносѣ были: травникъ, наливки, грибки, лепешечки черной муки на юрагѣ, сотовый медъ, медъ вареный и шипучій, яблоки, орѣхи сырые и каленые и орѣхи въ меду. Потомъ принесено было Анисьей Ѳедоровной и варенье на меду и на сахарѣ, и ветчина, и курица, только что зажаренная.

Все это было хозяйства, сбора и варенья Анисьи Ѳедоровны. Все это и пахло, и отзывалось, и имѣло вкусъ Анисьи Ѳедоровны. Все отзывалось сочностью, чистотой, бѣлизной и пріятной улыбкой.

— Покушайте, барышня-графинюшка, — приговаривала она, подавая Наташѣ то то, то другое.

Наташа ѣла всего, и ей показалось, что подобныхъ лепешекъ на юрагѣ, съ такимъ букетомъ вареній, на меду орѣховъ и такой курицы никогда она нигдѣ не видала и не ѣдала. Анисья Ѳедоровна вышла.

Ростовъ съ дядюшкой, запивая ужинъ вишневой наливкой, разговаривали о прошедшей и будущей охотѣ, о Ругаѣ и Илагинскихъ собакахъ. Наташа съ блестящими глазами прямо сидѣла на диванѣ, слушая ихъ. Нѣсколько разъ она пыталась разбудить Петю, чтобы дать ему поѣсть чего-нибудь, но онъ говорилъ что-то непонятное, очевидно не просыпаясь. Наташѣ такъ весело было на душѣ, такъ хорошо въ этой новой для нея обстановкѣ, что она только боялась, что слишкомъ скоро за ней пріѣдутъ дрожки. Послѣ наступившаго случайно молчанія, какъ это почти всегда бываетъ у людей, въ первый разъ принимающихъ въ своемъ домѣ своихъ знакомыхъ, дядюшка сказалъ, отвѣчая на мысль, которая была у его гостей:

— Такъ-то вотъ и доживаю свой вѣкъ... Умрешь — чистое дѣло маршъ—ничего не останется. Что жъ и грѣшить-то!

Лицо дядюшки было очень значительно и даже красиво, когда онъ говорилъ это. Ростовъ невольно вспомнилъ при этомъ все, что онъ хорошаго слыхалъ отъ отца и сосѣдей о дядюшкѣ. Дядюшка во всемъ околоткѣ губерніи имѣлъ репутацію благороднѣйшаго и безкорыстнѣйшаго чудака. Его призывали судить семейныя дѣла, его дѣлали душеприказчикомъ, ему повѣряли тайны, его выбирали въ судьи и другія должности; но отъ общественной службы онъ упорно отказывался, осень и весну проводя въ поляхъ на своемъ кауромъ меринѣ, зиму сидя дома, лѣтомъ лежа въ своемъ заросшемъ саду.

— Что же вы не служите, дядюшка?

— Служилъ, да бросилъ. Не гожусь, чистое дѣло маршъ, я ничего не разберу. Это ваше дѣло, а у меня ума не хватитъ. Вотъ насчетъ охоты другое дѣло, это — чистое дѣло маршъ! Отворите-ка дверь-то, — крикнулъ онъ. — Что жъ затворили?

Дверь въ концѣ коридора (который дядюшка называлъ колидоръ) вела въ холостую охотническую: такъ называлась людская для охотниковъ.

Босыя ноги быстро зашлепали, и невидимая рука отворила дверь въ охотническую. Изъ коридора ясно стали слышны звуки балалайки, на которой игралъ, очевидно, какой-нибудь мастеръ этого дѣла. Наташа уже давно прислушивалась къ этимъ звукамъ и теперь вышла въ коридоръ, чтобы слышать ихъ яснѣе.

— Это у меня мой Митька, кучеръ... Я ему купилъ хорошую балалайку, люблю, — сказалъ дядюшка.

У дядюшки было заведено, чтобы, когда онъ пріѣзжаетъ съ охоты, въ холостой охотнической Митька игралъ на балалайкѣ. Дядюшка любилъ слушать эту музыку.

— Какъ хорошо, право отлично, — сказалъ Николай съ нѣкоторымъ невольнымъ пренебреженіемъ, какъ будто ему совѣстно было признаться въ томъ, что ему очень были пріятны эти звуки.

— Какъ отлично? — съ упрекомъ сказала Наташа, чувствуя тонъ, которымъ сказалъ это братъ. — Не отлично, а это прелесть что такое!

Ей такъ же, какъ и грибки, медъ и наливки дядюшки казались лучшими въ мірѣ, такъ и эта пѣсня казалась ей въ эту минуту верхомъ музыкальной прелести.

— Еще, пожалуйста еще, — сказала Наташа въ дверь, какъ только замолкла балалайка. Митька настроилъ и опять молодецки задребезжалъ *Барыню* съ переборами и перехватами. Дядюшка сидѣлъ и слушалъ, склонивъ голову на бокъ, съ чуть замѣтной улыбкой. Мотивъ *Барыни* повторялся разъ сто. Нѣсколько разъ балалайку настраивали, и опять дребезжали тѣ же звуки, и слушателямъ не наскучивало, а только хотѣлось еще и еще слышать эту игру. Анисья Ѳедоровна вошла и прислонилась своимъ тучнымъ тѣломъ къ притолкѣ.

— Изволите слушать? — сказала она Наташѣ, съ улыбкой, чрезвычайно похожей на улыбку дядюшки.—Онъ у насъ славно играетъ,—сказала она.

— Вотъ въ этомъ колѣнѣ не то дѣлаетъ,—вдругъ съ энергическимъ жестомъ сказалъ дядюшка.—Тутъ разсыпать надо—чистое дѣло маршъ—разсыпать...

— А вы развѣ умѣете? — спросила Наташа.

Дядюшка, не отвѣчая, улыбнулся.

— Посмотри-ка, Анисьюшка, что струны-то цѣлы, что ль, на гитарѣ? Давно ужъ въ руки не бралъ,—чистое дѣло маршъ! забросилъ.

Анисья Ѳедоровна охотно пошла своей легкой поступью исполнить порученіе своего господина и принесла гитару.

Дядюшка, ни на кого не глядя, сдунулъ пыль, костлявыми пальцами стукнулъ по крышкѣ гитары, настроилъ и поправился на креслѣ. Онъ взялъ (нѣсколько театральнымъ жестомъ, отставивъ локоть лѣвой руки) гитару повыше шейки и, подмигнувъ Анисьѣ Ѳедоровнѣ, началъ не Барыню, а взялъ одинъ звучный, чистый аккордъ и мѣрно, спокойно, но твердо началъ весьма тихимъ темпомъ отдѣлывать извѣстную пѣсню: «По у-ли-и-ицѣ мостовой». Въ разъ, въ тактъ, съ тѣмъ степеннымъ весельемъ (тѣмъ самымъ, которымъ дышало все существо Анисьи Ѳедоровны) запѣлъ въ душѣ у Николая и Наташи мотивъ пѣсни. Анисья Ѳедоровна закраснѣлась и, закрывшись платочкомъ, смѣ-

ясь, вышла изъ комнаты. Дядюшка продолжалъ чисто, старательно и энергически-твердо отдѣлывать пѣсню, измѣнившимся вдохновеннымъ взглядомъ глядя на то мѣсто, съ котораго ушла Анисья Ѳедоровна. Чуть-чуть что-то смѣялось въ его лицѣ съ одной стороны подъ сѣдымъ усомъ, особенно смѣялось тогда, когда дальше расходилась пѣсня, ускорялся тактъ и въ мѣстахъ переборовъ отрывалось что-то.

— Прелесть, прелесть, дядюшка; еще, еще!—закричала Наташа, какъ только онъ кончилъ. Она, вскочивши съ мѣста, обняла дядюшку и поцѣловала его.—Николенька, Николенька!—говорила она, оглядываясь на брата и какъ бы спрашивая его: что же это такое?

Николаю тоже очень нравилась игра дядюшки. Дядюшка второй разъ заигралъ пѣсню. Улыбающееся лицо Анисьи Ѳедоровны явилось опять въ дверяхъ, и изъ-за нея еще другія лица... «За холодной ключевой, кричитъ: дѣвица, постой!» игралъ дядюшка, сдѣлалъ опять ловкій переборъ, оторвалъ и шевельнулъ плечами.

— Ну, ну, голубчикъ, дядюшка,—такимъ умоляющимъ голосомъ застонала Наташа, какъ будто жизнь ея зависѣла отъ этого.

Дядюшка всталъ, и какъ будто въ немъ было два человѣка,—одинъ изъ нихъ серьезно улыбнулся надъ весельчакомъ, а весельчакъ сдѣлалъ наивную и аккуратную выходку передъ пляской.

— Ну, племянница!—крикнулъ дядюшка, взмахнувъ къ Наташѣ рукой, оторвавшей аккордъ.

Наташа сбросила съ себя платокъ, который былъ накинутъ на ней, забѣжала впередъ дядюшки и, подперши руки въ боки, сдѣлала движеніе плечами и стала.

Гдѣ, какъ, когда всосала въ себя изъ того русскаго воздуха, которымъ она дышала, эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, этотъ духъ; откуда взяла она эти пріемы, которые pas de châle давно бы должны были вытѣснить? Но духъ и пріемы эти были тѣ самые, неподражаемые, неизучаемые, русскіе, которыхъ и ждалъ отъ нея дядюшка. Какъ только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро-весело, первый страхъ, который охватилъ было Николая и всѣхъ присутствующихъ, страхъ, что она не то сдѣлаетъ, прошелъ и они уже любовались ею.

Она сдѣлала то самое и такъ точно, такъ вполнѣ точно это сдѣлала, что Анисья Ѳедоровна, которая тотчасъ подала ей необходимый для ея дѣла платокъ, сквозь смѣхъ прослезилась, глядя на эту тоненькую, граціозную, такую чужую ей, въ шелку и въ бархатѣ воспитанную графиню, которая умѣла понять все

то, что̀ было и въ Анисьѣ, и въ отцѣ Анисьи, и въ теткѣ, и въ матери, и во всякомъ русскомъ человѣкѣ.

— Ну, графинечка—чистое дѣло маршъ,—радостно смѣясь, сказалъ дядюшка, окончивъ пляску.—Ай да племянница! Вотъ только бы муженька тебѣ молодца выбрать—чистое дѣло маршъ!

— Ужъ выбранъ, — сказалъ, улыбаясь, Николай.

— О!—сказалъ удивленно дядюшка, глядя вопросительно на Наташу. Наташа, съ счастливой улыбкой, утвердительно кивнула головой.

— Еще какой!—сказала она. Но какъ только она сказала это, другой, новый строй мыслей и чувствъ поднялся въ ней: «Что значила улыбка Николая, когда онъ сказалъ: «ужъ выбранъ»? Радъ онъ этому или не радъ? Онъ какъ будто думаетъ, что мой Болконскій не одобрилъ бы, не понялъ бы этой нашей радости. Нѣтъ, онъ бы все понялъ. Гдѣ онъ теперь?» подумала Наташа, и лицо ея вдругъ стало серьезно. Но это продолжалось только одну секунду. «Не думать, не смѣть думать объ этомъ», сказала она себѣ и, улыбаясь, подсѣла опять къ дядюшкѣ, прося его сыграть еще что-нибудь.

Дядюшка сыгралъ еще пѣсню и вальсъ; потомъ, помолчавъ, прокашлялся и запѣлъ свою любимую охотническую пѣсню:

Какъ со вечера пороша
Выпадала хороша...

Дядюшка пѣлъ такъ, какъ поетъ народъ, съ тѣмъ полнымъ и наивнымъ убѣжденіемъ, что въ пѣснѣ все значеніе заключается только въ словахъ, что напѣвъ самъ собой приходитъ и что отдѣльнаго напѣва не бываетъ, а что напѣвъ — такъ только, для складу. Отъ этого-то этотъ безсознательный напѣвъ, какъ бываетъ напѣвъ птицы, и у дядюшки былъ необыкновенно хорошъ. Наташа была въ восторгѣ отъ пѣнія дядюшки. Она рѣшила, что не будетъ больше учиться на арфѣ, а будетъ играть только на гитарѣ. Она попросила у дядюшки гитару и тотчасъ же подобрала аккорды къ пѣснѣ.

Въ десятомъ часу за Наташей и Петей пріѣхали линейки, дрожки и трое верховыхъ, посланныхъ отыскивать ихъ. Графъ и графиня не знали, гдѣ они, и крѣпко безпокоились, какъ сказалъ посланный.

Петю снесли и положили какъ мертвое тѣло въ линейку; Наташа съ Николаемъ сѣли въ дрожки. Дядюшка укутывалъ Наташу и прощался съ ней съ совершенно новою нѣжностью. Онъ пѣшкомъ проводилъ ихъ до моста, который надо было объѣхать въ бродъ, и велѣлъ съ фонарями ѣхать впередъ охотникамъ.

— Прощай, племянница дорогая, — крикнулъ изъ темноты его голосъ, не тотъ, который знала прежде Наташа, а тотъ, который пѣлъ: «Какъ со вечера пороша».

Въ деревнѣ, которую проѣзжали, были красные огоньки, и весело пахло дымомъ.

— Что за прелесть этотъ дядюшка!—сказала Наташа, когда они выѣхали на большую дорогу.

— Да, — сказалъ Николай. — Тебѣ не холодно?

— Нѣтъ, мнѣ отлично, отлично. Мнѣ такъ хорошо,—съ недоумѣніемъ даже сказала Наташа.

Они долго молчали. Ночь была темная и сырая. Лошади не видны были; только слышно было, какъ онѣ шлепали по невидной грязи.

Что дѣлалось въ этой дѣтской, воспріимчивой душѣ, такъ жадно ловившей и усваивавшей всѣ разнообразнѣйшія впечатлѣнія жизни? Какъ это все укладывалось въ ней? Но она была очень счастлива. Уже подъѣзжая къ дому, она вдругъ запѣла мотивъ пѣсни: «Какъ со вечера пороша»,—мотивъ, который она ловила всю дорогу и наконецъ поймала.

— Поймала? — сказалъ Николай.

— Ты о чемъ думалъ теперь, Николенька? — спросила Наташа.

Они любили это спрашивать другъ у друга.

— Я?—сказалъ Николай, вспоминая;—вотъ, видишь ли, сначала я думалъ, что Ругай, красный кобель, похожъ на дядюшку, и что ежели бы онъ былъ человѣкъ, то онъ дядюшку все бы еще держалъ у себя, ежели не за скачку, такъ за лады, все бы держалъ. Какъ онъ ладенъ, дядюшка! Не правда ли? Ну, а ты?

— Я? Постой, постой. Да, я думала сначала, что вотъ мы ѣдемъ и думаемъ, что мы ѣдемъ домой, а мы Богъ знаетъ куда ѣдемъ въ этой темнотѣ, и вдругъ пріѣдемъ и увидимъ, что мы не въ Отрадномъ, а въ волшебномъ царствѣ. А потомъ еще я думала... Нѣтъ, ничего больше.

— Знаю; вѣрно, про него думала, — сказалъ Николай, улыбаясь, какъ узнала Наташа по звуку голоса.

— Нѣтъ,—отвѣчала Наташа, хотя дѣйствительно она вмѣстѣ съ тѣмъ думала и про князя Андрея и про то, какъ бы ему понравился дядюшка.—А еще я все повторяю, всю дорогу повторяю: какъ Анисьюшка хорошо выступала, хорошо...—сказала Наташа. И Николай услыхалъ ея звонкій, безпричинный, счастливый смѣхъ.—А знаешь,—вдругъ сказала она,—я знаю, что никогда уже я не буду такъ счастлива, спокойна, какъ теперь.

— Вотъ вздоръ, глупости, вранье,—сказалъ Николай и подумалъ: «Что за прелесть эта моя Наташа! Такого другого друга у меня нѣтъ и не будетъ. Зачѣмъ ей выходить замужъ, все бы съ ней ѣздили!»

«Экая прелесть этотъ Николай!» думала Наташа.

— А! Еще огонь въ гостиной, — сказала она, указывая на окна дома, красиво блестѣвшія въ мокрой, бархатной темнотѣ ночи.

VIII.

Графъ Илья Андреичъ вышелъ изъ предводителей, потому что эта должность была сопряжена съ слишкомъ большими расходами. Но дѣла его все не поправлялись. Часто Наташа и Николай видѣли тайные, безпокойные переговоры родителей и слышали толки о продажѣ богатаго родового Ростовскаго дома и подмосковной. Безъ предводительства не нужно было имѣть такого большого пріема, и отрадненская жизнь велась тише, чѣмъ въ прежніе годы; но огромный домъ и флигеля все такъ же были полны народомъ, за столъ все такъ же садилось больше 20 человѣкъ. Все это были свои, обжившіеся въ домѣ, люди, почти члены семейства, или такіе, которые, казалось, необходимо должны были жить въ домѣ графа. Таковы были Диммлеръ-музыкантъ съ женой, Фогель—танцовальный учитель съ семействомъ, старушка-барышня Бѣлова, жившая въ домѣ, и еще многіе другіе: учителя Пети, бывшая гувернантка барышень и просто люди, которымъ лучше или выгоднѣе было жить у графа, чѣмъ дома. Не было такого большого пріѣзда, какъ прежде, но ходъ жизни велся тотъ же, безъ котораго графъ съ графиней не могли представить себѣ жизни. Та же была, еще увеличенная Николаемъ, охота, тѣ же 50 лошадей и 15 кучеровъ на конюшнѣ, тѣ же дорогіе подарки въ именины и торжественные, на весь уѣздъ, обѣды; тѣ же графскіе висты и бостоны, за которыми онъ, распуская всѣмъ на видъ карты, давалъ себя каждый день на сотни обыгрывать сосѣдямъ, смотрѣвшимъ на право составлять партію графа Ильи Андреича, какъ на самую выгодную аренду.

Графъ, какъ въ огромныхъ тенетахъ, ходилъ въ своихъ дѣлахъ, стараясь не вѣрить тому, что онъ запутался, и съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе запутываясь и чувствуя себя не въ силахъ ни разорвать сѣти, опутавшія его, ни осторожно, терпѣливо приняться распутывать ихъ. Графиня любящимъ сердцемъ чувствовала, что дѣти ея разоряются, что графъ не виноватъ, что онъ не можетъ быть не такимъ, какимъ онъ есть, что онъ самъ страдаетъ (хотя и скрываетъ это) отъ сознанія

своего и дѣтскаго разоренія, и искала средствъ помочь дѣлу. Съ ея женской точки зрѣнія представлялось только одно средство—женитьба Николая на богатой невѣстѣ. Она чувствовала, что это была послѣдняя надежда, и что если Николай откажется отъ партіи, которую она нашла ему, надо будетъ навсегда проститься съ возможностью поправить дѣла. Партія эта была Жюли Карагина, дочь прекрасныхъ, добродѣтельныхъ матери и отца, съ дѣтства извѣстная Ростовымъ, и теперь богатая невѣста по случаю смерти послѣдняго изъ ея братьевъ.

Графиня писала прямо къ Карагиной въ Москву, предлагая ея бракъ ея дочери съ своимъ сыномъ, и получила отъ нея благопріятный отвѣтъ. Карагина отвѣчала, что она съ своей стороны согласна, что все будетъ зависѣть отъ склонности ея дочери. Карагина приглашала Николая пріѣхать въ Москву.

Нѣсколько разъ, со слезами на глазахъ, графиня говорила сыну, что теперь, когда обѣ дочери ея пристроены, ея единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы видѣть его женатымъ. Она говорила, что легла бы въ гробъ спокойной, ежели бы это было. Потомъ говорила, что у нея есть прекрасная дѣвушка на примѣтѣ, и выпытывала его мнѣніе о женитьбѣ.

Въ другихъ разговорахъ она хвалила Жюли и совѣтовала Николаю съѣздить въ Москву на праздники повеселиться. Николай догадывался, къ чему клонились разговоры его матери, и въ одинъ изъ такихъ разговоровъ вызвалъ ее на полную откровенность. Она высказала ему, что вся надежда поправленія дѣлъ основана теперь на его женитьбѣ на Карагиной.

— Что жъ, если бы я любилъ дѣвушку безъ состоянія, неужели вы потребовали бы, maman, чтобы я пожертвовалъ чувствомъ и честью для состоянія?—спросилъ онъ у матери, не понимая жестокости своего вопроса и желая только выказать свое благородство.

— Нѣтъ, ты меня не понялъ,—сказала мать, не зная, какъ оправдаться. — Ты меня не понялъ, Николенька. Я желаю твоего счастья, — прибавила она и почувствовала, что она говоритъ неправду, что она запуталась. Она заплакала.

— Маменька, не плачьте, а только скажите мнѣ, что вы этого хотите, и вы знаете, что я всю жизнь свою, все отдамъ для того, чтобы вы были спокойны, — сказалъ Николай.—Я всѣмъ пожертвую для васъ, даже своимъ чувствомъ.

Но графиня не такъ хотѣла поставить вопросъ: она не хотѣла жертвы отъ своего сына; она сама бы хотѣла жертвовать ему.

— Нѣтъ, ты меня не понялъ, не будемъ говорить,—сказала она, утирая слезы.

«Да, можетъ-быть, я и люблю бѣдную дѣвушку», говорилъ самъ себѣ Николай; «что жъ, мнѣ пожертвовать чувствомъ и честью для состоянія? Удивляюсь, какъ маменька могла мнѣ сказать это. Оттого, что Соня бѣдна, то я и не могу любить ее», думалъ онъ, «не могу отвѣчать на ея вѣрную, преданную любовь? А ужъ, навѣрное, съ ней я буду счастливѣе, чѣмъ съ какой-нибудь куклой Жюли. Пожертвовать своимъ чувствомъ я всегда могу для блага своихъ родныхъ», говорилъ онъ самъ себѣ, «но приказывать своему чувству я не могу. Ежели я люблю Соню, то чувство мое сильнѣе и выше всего для меня».

Николай не поѣхалъ въ Москву, графиня не возобновляла съ нимъ разговора о женитьбѣ и съ грустью, а иногда и озлобленіемъ видѣла признаки все большаго и большаго сближенія между своимъ сыномъ и безприданной Соней. Она упрекала себя за то, но не могла не ворчать, не придираться къ Сонѣ, часто безъ причины останавливая ее, называя ее «вы» и «моя милая». Болѣе всего добрая графиня за то и сердилась на Соню, что эта бѣдная черноглазая племянница была такъ кротка, такъ добра, такъ преданно-благодарна своимъ благодѣтелямъ и такъ вѣрно, неизмѣнно, съ самоотверженіемъ влюблена въ Николая, что нельзя было ни въ чемъ упрекнуть ее.

Николай доживалъ у родныхъ свой срокъ отпуска. Отъ жениха, князя Андрея, получено было 4-е письмо, изъ Рима, въ которомъ онъ писалъ, что онъ уже давно бы былъ на пути въ Россію, ежели бы неожиданно въ тепломъ климатѣ не открылась рана, что̀ заставляетъ его отложить своей отъѣздъ до начала будущаго года. Наташа была такъ же влюблена въ своего жениха, такъ же успокоена этою любовью и такъ же воспріимчива ко всѣмъ радостямъ жизни; но въ концѣ четвертаго мѣсяца разлуки съ нимъ на нее начинали находить минуты грусти, противъ которой она не могла бороться. Ей жалко было самоё себя; жалко было, что она такъ, даромъ, ни для кого, пропадала все это время, въ продолженіе котораго она чувствовала себя столь способной любить и быть любимой.

Въ домѣ Ростовыхъ было невесело.

IX.

Пришли святки, и, кромѣ парадной обѣдни, кромѣ торжественныхъ и скучныхъ поздравленій сосѣдей и дворовыхъ, кромѣ на всѣхъ надѣтыхъ новыхъ платьевъ, не было ничего особеннаго, ознаменовывающаго святки, а въ безвѣтренномъ 20-тиградусномъ морозѣ, въ яркомъ, ослѣпляющемъ солнцѣ днемъ и въ

звѣздномъ зимнемъ свѣтѣ ночью чувствовалась потребность какого-нибудь ознаменованія этого времени.

На третій день праздника послѣ обѣда всѣ домашніе разошлись по своимъ комнатамъ. Было самое скучное время дня. Николай, ѣздившій утромъ къ сосѣдямъ, заснулъ въ диванной. Старый графъ отдыхалъ въ своемъ кабинетѣ. Въ гостиной за круглымъ столомъ сидѣла Соня, срисовывая узоръ. Графиня раскладывала карты. Настасья Ивановна-шутъ съ печальнымъ лицомъ сидѣлъ у окна съ двумя старушками. Наташа вошла въ комнату, подошла къ Сонѣ, посмотрѣла, что она дѣлаетъ, потомъ подошла къ матери и молча остановилась.

— Что ты ходишь, какъ безпріютная?—сказала ей мать.— Что тебѣ надо?

— Его мнѣ надо... сейчасъ, сію минуту мнѣ его надо,—сказала Наташа, блестя глазами и не улыбаясь.

Графиня подняла голову и пристально посмотрѣла на дочь.

— Не смотрите на меня, мама, не смотрите, я сейчасъ заплачу.

— Садись, посиди со мной,—сказала графиня.

— Мама, мнѣ его надо. За что я такъ пропадаю, мама?..

Голосъ ея оборвался, слезы брызнули изъ глазъ, и она, чтобы скрыть ихъ, быстро повернулась и вышла изъ комнаты.

Она вышла въ диванную, постояла, подумала и пошла въ дѣвичью. Тамъ старая горничная ворчала на молодую дѣвушку, запыхавшуюся съ холода, прибѣжавшую съ дворни.

— Будетъ играть-то,—говорила старуха.—На все время есть.

— Пусти ее, Кондратьевна,—сказала Наташа. — Иди, Мавруша, иди.

И, отпустивъ Маврушу, Наташа черезъ залу пошла въ переднюю. Старикъ и два молодые лакея играли въ карты. Они прервали игру и встали при входѣ барышни.

«Что бы мнѣ съ ними сдѣлать?» подумала Наташа.

— Да, Никита, сходи, пожалуйста... «куда бы мнѣ его послать?» Да, сходи на дворню и принеси, пожалуйста, пѣтуха; да, а ты, Миша, принеси овса.

— Немного овса прикажете?—весело и охотно сказалъ Миша.

— Иди, иди скорѣе, — подтвердилъ старикъ.

— Ѳедоръ, а ты мѣлу мнѣ достань.

Проходя мимо буфета, она велѣла подавать самоваръ, хотя это было вовсе не время.

Буфетчикъ Фока былъ самый сердитый человѣкъ изъ всего дома. Наташа надъ нимъ любила пробовать свою власть. Онъ не повѣрилъ ей и пошелъ спросить, правда ли.

— Ужъ эта барышня!—сказалъ Фока, притворно хмурясь на Наташу.

Никто въ домѣ не разсылалъ столько людей и не давалъ имъ столько работы, какъ Наташа. Она не могла равнодушно видѣть людей, чтобы не послать ихъ куда-нибудь. Она какъ будто пробовала, не разсердится ли, не надуется ли на нее кто изъ нихъ; но ничьихъ приказаній люди не любили такъ исполнять, какъ Наташиныхъ. «Что бы мнѣ сдѣлать? Куда бы мнѣ пойти?» думала Наташа, медленно идя по коридору.

— Настасья Ивановна, что отъ меня родится?—спросила она шута, который въ своей кацавейкѣ шелъ навстрѣчу ей.

— Отъ тебя блохи, стрекозы, кузнецы, — отвѣчалъ шутъ.

— Боже мой, Боже мой, все одно и то же. Ахъ, куда бы мнѣ дѣваться? Чтобы мнѣ съ собой сдѣлать?—И она быстро, застучавъ ногами, побѣжала вверхъ по лѣстницѣ къ Фогелю, который съ женой жилъ тамъ.

У Фогеля сидѣли двѣ гувернантки, на столѣ стояли тарелки съ изюмомъ, грецкими и миндальными орѣхами. Гувернантки разговаривали о томъ, гдѣ дешевле жить, въ Москвѣ или въ Одессѣ. Наташа присѣла, послушала ихъ разговоръ съ серьезнымъ, задумчивымъ лицомъ и встала.

— Островъ Мадагаскаръ, — проговорила она. — Ма-да-гаскаръ, — повторила она отчетливо каждый слогъ и, не отвѣчая на вопросы m-me Schoss о томъ, что она говоритъ, вышла изъ комнаты.

Петя, братъ ея, былъ тоже наверху: онъ съ своимъ дядькой устраивалъ фейерверкъ, который намѣревался пустить ночью.

— Петя! Петька! — закричала она ему, — вези меня внизъ.

Петя подбѣжалъ къ ней и подставилъ спину. Она вскочила на него, обхвативъ его шею руками, и онъ, подпрыгивая, побѣжалъ съ ней.

— Нѣтъ, не надо... островъ Мадагаскаръ,—проговорила она и, соскочивъ съ него, пошла внизъ.

Какъ будто обойдя свое царство, испытавъ свою власть и убѣдившись, что всѣ покорны, но что все-таки скучно, Наташа пошла въ залу, взяла гитару, сѣла въ темный уголъ за шкапчикъ и стала въ басу перебирать струны, выдѣлывая фразу, которую она запомнила изъ одной оперы, слышанной въ Петербургѣ вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ. Для постороннихъ слушателей у нея на гитарѣ выходило что-то, не имѣвшее никакого смысла; но въ ея воображеніи изъ-за этихъ звуковъ воскресалъ рядъ воспоминаній. Она сидѣла за шкапчикомъ, устремивъ глаза

на полосу свѣта, падавшую изъ буфетной двери, слушала себя и вспоминала. Она находилась въ состояніи воспоминанія.

Соня прошла въ буфетъ съ рюмкой черезъ залу. Наташа взглянула на нее, на щель въ буфетной двери, и ей показалось, что она вспоминаетъ то, что изъ буфетной двери въ щель падалъ свѣтъ и что Соня прошла съ рюмкой. «Да, и это было точь въ точь такъ же», подумала Наташа.

— Соня, что это? — крикнула Наташа, перебирая пальцами на толстой струнѣ.

— Ахъ, ты тутъ! — вздрогнувъ, сказала Соня, подошла и прислушалась. — Не знаю. Буря? — сказала она робко, боясь ошибиться.

«Ну, вотъ точно такъ же она вздрогнула, точно такъ же подошла и робко улыбнулась тогда, когда это ужъ было», подумала Наташа, «и точно такъ же... я подумала, что въ ней чего-то недостаетъ».

— Нѣтъ, это хоръ изъ Водоноса, слышишь? — И Наташа допѣла мотивъ хора, чтобы дать его понять Сонѣ. — Ты куда ходила? — спросила Наташа.

— Воду въ рюмкѣ перемѣнить. Я сейчасъ дорисую узоръ.

— Ты всегда занята, а я вотъ не умѣю, — сказала Наташа. — А Николай гдѣ?

— Спитъ, кажется.

— Соня, ты поди разбуди его, — сказала Наташа. — Скажи, что я его зову пѣть.

Она посидѣла, подумала о томъ, что это значитъ, что все это было, и, не разрѣшивъ этого вопроса и нисколько не сожалѣя о томъ, опять въ воображеніи своемъ перенеслась къ тому времени, когда она была съ нимъ вмѣстѣ и онъ влюбленными глазами смотрѣлъ на нее.

«Ахъ, поскорѣе бы онъ пріѣхалъ. Я такъ боюсь, что этого не будетъ! А главное: — я старѣюсь, вотъ что! Уже не будетъ того, что̀ теперь есть во мнѣ. А можетъ-быть, онъ нынче пріѣдетъ, сейчасъ пріѣдетъ. Можетъ-быть, пріѣхалъ и сидитъ тамъ, въ гостиной. Можетъ-быть, онъ вчера еще пріѣхалъ, и я забыла». Она встала, положила гитару и пошла въ гостиную.

Всѣ домашніе, учителя, гувернантки и гости сидѣли ужъ за чайнымъ столомъ. Люди стояли вокругъ стола, а князя Андрея не было, и была все прежняя жизнь.

— А, вотъ она! — сказалъ Илья Андреичъ, увидавъ вошедшую Наташу. — Ну, садись ко мнѣ. — Но Наташа остановилась подлѣ матери, оглядываясь кругомъ, какъ будто она искала чего-то.

— Мама!—проговорила она.—Дайте мнѣ его, дайте, мама, скорѣе, скорѣе,—и опять она съ трудомъ удержала рыданія.

Она присѣла къ столу и послушала разговоры старшихъ и Николая, который тоже пришелъ къ столу. «Боже мой, Боже мой, тѣ же лица, тѣ же разговоры, такъ же папа держитъ чашку и дуетъ точно такъ же!» думала Наташа, съ ужасомъ чувствуя отвращеніе, подымавшееся въ ней противъ всѣхъ домашнихъ за то, что они были все тѣ же.

Послѣ чая Николай, Соня и Наташа пошли въ диванную, въ свой любимый уголъ, въ которомъ всегда начинались ихъ самые задушевные разговоры.

X.

— Бываетъ съ тобой, — сказала Наташа брату, когда они усѣлись въ диванной, — бываетъ съ тобой, что тебѣ кажется, что ничего не будетъ, ничего; что все, что хорошее, то было? И не то, что скучно, а грустно?

— Еще какъ!—сказалъ онъ.—У меня бывало, что все хорошо, всѣ веселы, а мнѣ придетъ въ голову, что все это ужъ надоѣло и что умирать всѣмъ надо. Я разъ въ полку не пошелъ на гулянье, а тамъ играла музыка... и такъ мнѣ вдругъ скучно стало...

— Ахъ, я это знаю. Знаю, знаю,—подхватила Наташа.— Я еще маленькая была, такъ со мной это бывало. Помнишь, разъ меня за сливы наказали, и вы всѣ танцовали, а я сидѣла въ классной и рыдала; никогда не забуду: мнѣ и грустно было и жалко всѣхъ, и себя и всѣхъ, всѣхъ жалко. И, главное, я не виновата была, — сказала Наташа, — ты помнишь?

— Помню, — сказалъ Николай. — Я помню, что я къ тебѣ пришелъ потомъ, и мнѣ хотѣлось тебя утѣшить и, знаешь, совѣстно было. Ужасно мы смѣшные были. У меня тогда была игрушка-болванчикъ, и я его тебѣ отдать хотѣлъ. Ты помнишь?

— А помнишь ты, — сказала Наташа съ задумчивой улыбкой, — какъ давно, давно, мы еще совсѣмъ маленькіе были, дяденька насъ позвалъ въ кабинетъ, еще въ старомъ домѣ, а темно было; мы пришли, и вдругъ тамъ стоитъ...

— Арапъ, — докончилъ Николай съ радостной улыбкой, — какъ же не помнить? Я и теперь не знаю, что это былъ арапъ, или это мы во снѣ видѣли, или намъ разсказывали.

— Онъ сѣрый былъ, помнишь, и бѣлые зубы — стоитъ и смотритъ на насъ...

— Вы помните, Соня? — спросилъ Николай.

— Да, да, я тоже помню что-то,—робко отвѣчала Соня.

— Я вѣдь спрашивала про этого арапа и у папа и у мама,—сказала Наташа.—Они говорятъ, что никакого арапа не было. А вѣдь вотъ ты помнишь!

— Какъ же, какъ теперь помню его зубы.

— Какъ это странно, точно во снѣ было. Я это люблю.

— А помнишь, какъ мы катали яйца въ залѣ, и вдругъ—двѣ старухи, и стали по ковру вертѣться. Это было или нѣтъ? Помнишь, какъ хорошо было?

— Да. А помнишь, какъ папенька въ синей шубѣ на крыльцѣ выстрѣлилъ изъ ружья?

Они, перебирали, улыбаясь, съ наслажденіемъ воспоминанія, не грустнаго, старческаго, а поэтическаго, юношескаго воспоминанія — тѣ впечатлѣнія изъ самаго дальняго прошедшаго, гдѣ сновидѣнія сливаются съ дѣйствительностью, и тихо смѣялись, радуясь чему-то.

Соня, какъ и всегда, отстала отъ нихъ, хотя воспоминанія ихъ были общія.

Соня не помнила многаго изъ того, что они вспоминали, а и то, что она помнила, не возбуждало въ ней того поэтическаго чувства, которое они испытывали. Она только наслаждалась ихъ радостью, стараясь поддѣлаться подъ нее.

Она приняла участіе только въ томъ, когда они вспоминали первый пріѣздъ Сони. Соня разсказала, какъ она боялась Николая, потому что у него на курточкѣ были снурки, и ей няня сказала, что ее въ снурки защьютъ.

— А я помню: мнѣ сказали, что ты подъ капустою родилась, — сказала Наташа, — и помню, что я тогда не смѣла не повѣрить, но знала, что это неправда, и такъ мнѣ неловко было.

Во время этого разговора изъ задней двери диванной высунулась голова горничной.

— Барышня, пѣтуха принесли,—шопотомъ сказала дѣвушка.

— Не надо, Поля, вели отнести, — сказала Наташа.

Въ серединѣ разговоровъ, шедшихъ въ диванной, Диммлеръ вошелъ въ комнату и подошелъ къ арфѣ, стоявшей въ углу. Онъ снялъ сукно, и арфа издала фальшивый звукъ.

— Эдуардъ Карлычъ, сыграйте, пожалуйста, мой любимый Nocturne мосье Фильда, — сказалъ голосъ старой графини изъ гостиной.

Диммлеръ взялъ аккордъ и, обратясь къ Наташѣ, Николаю и Сонѣ, сказалъ: — Молодежь какъ смирно сидитъ!

— Да, мы философствуемъ, — сказала Наташа, на минуту оглянувшись, и продолжала разговоръ. Разговоръ шелъ теперь о сновидѣніяхъ.

Диммлеръ началъ играть. Наташа неслышно, на цыпочкахъ, подошла къ столу, взяла свѣчу, вынесла ее и, вернувшись, тихо сѣла на свое мѣсто. Въ комнатѣ, особенно на диванѣ, на которомъ они сидѣли, было темно, но въ большія окна падалъ на полъ серебряный свѣтъ полнаго мѣсяца.

— Знаешь, я думаю, — сказала Наташа шопотомъ, придвигаясь къ Николаю и Сонѣ, когда уже Диммлеръ кончилъ и все сидѣлъ, слабо перебирая струны, видимо въ нерѣшительности — оставить или начать что-нибудь новое,—что когда такъ вспоминаешь, вспоминаешь, все вспоминаешь, до того довспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чѣмъ я была на свѣтѣ...

— Это метампсихоза, — сказала Соня, которая всегда хорошо училась и все помнила.—Египтяне вѣрили, что наши души были въ животныхъ и опять пойдутъ въ животныхъ.

— Нѣтъ, знаешь, я не вѣрю этому, чтобы мы были въ животныхъ,—сказала Наташа тѣмъ же шопотомъ, хотя и музыка кончилась,—а я знаю навѣрное, что мы были ангелами тамъ, гдѣ-то и здѣсь были, и отъ этого все помнимъ...

— Можно мнѣ присоединиться къ вамъ?—сказалъ тихо подошедшій Диммлеръ и подсѣлъ къ нимъ.

— Ежели бы мы были ангелами, такъ за что же мы попали ниже?—сказалъ Николай.—Нѣтъ, это не можетъ быть!

— Не ниже, кто тебѣ сказалъ, что ниже?.. Почему я знаю, чѣмъ я была прежде,—съ убѣжденіемъ возразила Наташа.— Вѣдь душа безсмертна... стало-быть, ежели я буду жить всегда, такъ я и прежде жила, цѣлую вѣчность жила.

— Да, но трудно намъ представить вѣчность,—сказалъ Диммлеръ, который подошелъ къ молодымъ людямъ съ кроткой, презрительной улыбкой, но теперь говорилъ такъ же тихо и серьезно, какъ и они.

— Отчего же трудно представить вѣчность? — сказала Наташа.—Нынче будетъ, завтра будетъ, всегда будетъ, и вчера было и третьяго дня было...

— Наташа! теперь твой чередъ. Спой мнѣ что-нибудь,—послышался голосъ графини.—Что вы усѣлись, точно заговорщики.

— Мама! мнѣ такъ не хочется,—сказала Наташа, но вмѣстѣ съ тѣмъ встала.

Всѣмъ имъ, даже и немолодому Диммлеру, не хотѣлось прерывать разговоръ и уходить изъ уголка диванной, но Наташа

встала, и Николай сѣлъ за клавикорды. Какъ всегда, ставъ на средину залы и выбравъ выгоднѣйшее мѣсто для резонанса, Наташа начала пѣть любимую пьесу своей матери.

Она сказала, что ей не хотѣлось пѣть, но она давно прежде и долго послѣ не пѣла такъ, какъ она пѣла въ этотъ вечеръ. Графъ Илья Андреичъ изъ кабинета, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Митенькой, слышалъ ея пѣніе и, какъ ученикъ, торопящійся идти играть, доканчивая урокъ, путался въ словахъ, отдавая приказаніе управляющему, и наконецъ замолчалъ; и Митенька, тоже слушая, молча, съ улыбкой стоялъ передъ графомъ. Николай не спускалъ глазъ съ сестры и вмѣстѣ съ нею переводилъ дыханіе. Соня, слушая, думала о томъ, какая громадная разница была между нею и ея другомъ и какъ невозможно было ей хоть на сколько-нибудь быть столь обворожительной, какъ ея кузина. Старая графиня сидѣла съ счастливо-грустной улыбкой и слезами на глазахъ, изрѣдка покачивая головой. Она думала и о Наташѣ, и о своей молодости, и о томъ, какъ что-то неестественное и страшное есть въ этомъ предстоящемъ бракѣ Наташи съ княземъ Андреемъ.

Диммлеръ, подсѣвъ къ графинѣ и закрывъ глаза, слушалъ.

— Нѣтъ, графиня,—сказалъ онъ наконецъ,—это талантъ европейскій, ей учиться нечего, этой мягкости, нѣжности, силы...

— Ахъ! Какъ я боюсь за нее, какъ я боюсь,—сказала графиня, не помня, съ кѣмъ она говоритъ. Ея материнское чутье говорило ей, что чего-то слишкомъ много въ Наташѣ и что отъ этого она не будетъ счастлива. Наташа не кончила еще пѣть, какъ въ комнату вбѣжалъ восторженный четырнадцатилѣтній Петя съ извѣстіемъ, что пришли ряженые.

Наташа вдругъ остановилась.

— Дуракъ!—закричала она на брата, подбѣжала къ стулу, упала на него и зарыдала такъ, что долго потомъ не могла остановиться.

— Ничего, маменька, право ничего, такъ: Петя испугалъ меня,—говорила она, стараясь улыбаться, но слезы все текли и всхлипыванья сдавливали горло.

Наряженные дворовые, медвѣди, турки, трактирщики, барыни, страшные и смѣшные, принеся съ собой холодъ и веселье, сначала робко жались въ передней; потомъ, прячась одинъ за другого, вытѣснились въ залу, и, сначала застѣнчиво, а потомъ все веселѣе и дружнѣе, начались пѣсни, пляски, хороводы и святочныя игры. Графиня, узнавъ лица и посмѣявшись на наряженныхъ, ушла въ гостиную. Графъ Илья Андреичъ съ сія-

ющей улыбкой сидѣлъ въ залѣ, одобряя играющихъ. Молодежь исчезла куда-то.

Черезъ полчаса въ залѣ между другими ряжеными появилась еще старая барыня въ фижмахъ—это былъ Николай. Турчанка былъ Петя. Паяцъ—это былъ Диммлеръ, гусаръ—Наташа и черкесъ—Соня, съ нарисованными пробочными усами и бровями.

Послѣ снисходительнаго удивленія, неузнаванія и похвалъ со стороны не наряженныхъ молодые люди нашли, что костюмы такъ хороши, что надо было ихъ показать еще кому-нибудь.

Николай, которому хотѣлось по отличной дорогѣ прокатить всѣхъ на своей тройкѣ, предложилъ, взявъ съ собой изъ дворовыхъ человѣкъ десять наряженныхъ, ѣхать къ дядюшкѣ.

— Нѣтъ, ну что вы его, старика, разстроите!—сказала графиня,—да и негдѣ повернуться у него. Ужъ ѣхать, такъ къ Мелюковымъ.

Мелюкова была вдова съ дѣтьми разнообразнаго возраста, также съ гувернантками и гувернерами, жившая въ четырехъ верстахъ отъ Ростовыхъ.

— Вотъ, ma chère, умно,—подхватилъ расшевелившійся старый графъ.—Давай сейчасъ наряжусь и поѣду съ вами. Ужъ я Пашету расшевелю.

Но графиня не согласилась отпустить графа: у него всѣ эти дни болѣла нога. Рѣшили, что Ильѣ Андреичу ѣхать нельзя, а что ежели Луиза Ивановна (m-me Schoss) поѣдетъ, то барышнямъ можно ѣхать къ Мелюковой. Соня, всегда робкая и застѣнчивая, настоятельнѣе всѣхъ стала упрашивать Луизу Ивановну не отказать имъ.

Нарядъ Сони былъ лучше всѣхъ. Ея усы и брови необыкновенно шли къ ней. Всѣ говорили ей, что она очень хороша, и она находилась въ несвойственномъ ей оживленно-энергическомъ настроеніи. Какой-то внутренній голосъ говорилъ ей, что нынче или никогда рѣшится ея судьба, и она въ своемъ мужскомъ платьѣ казалась совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Луиза Ивановна согласилась, и черезъ полчаса четыре тройки съ колокольчиками и бубенчиками, визжа и свистя подрѣзами по морозному снѣгу, подъѣхали къ крыльцу.

Наташа первая дала тонъ святочнаго веселья, и это веселье, отражаясь отъ одного къ другому, все болѣе и болѣе усиливалось и дошло до высшей степени въ то время, когда всѣ вышли на морозъ и, переговариваясь, перекликаясь, смѣясь и крича, разсѣлись въ сани.

Двѣ тройки были разгонныя; третья тройка—стараго графа, съ орловскимъ рысакомъ въ корню; четвертая—собственная Николая,

съ его низенькимъ, воронымъ, косматымъ коренникомъ. Николай въ своемъ старушечьемъ нарядѣ, на который онъ надѣлъ гусарскій подпоясанный плащъ, стоялъ въ серединѣ своихъ саней, подобравъ вожжи.

Было такъ свѣтло, что онъ видѣлъ отблескивающія на мѣсячномъ свѣтѣ бляхи и глаза лошадей, испуганно оглядывавшихся на сѣдоковъ, шумѣвшихъ подъ темнымъ навѣсомъ подъѣзда.

Въ сани Николая сѣли Наташа, Соня, m-me Schoss и двѣ дѣвушки; въ сани стараго графа сѣли Диммлеръ съ женой и Петя; въ остальныя разсѣлись наряженные дворовые.

— Пошелъ впередъ, Захаръ! — крикнулъ Николай кучеру отца, чтобы имѣть случай перегнать его на дорогѣ.

Тройка стараго графа, въ которую сѣлъ Диммлеръ и другіе ряженые, визжа полозьями, какъ будто примерзая къ снѣгу, и побрякивая густымъ колокольцомъ, тронулась впередъ. Пристяжныя жались на оглобли и увязали, выворачивая, какъ сахаръ крѣпкій и блестящій снѣгъ.

Николай тронулся за первой тройкой; сзади зашумѣли и завизжали остальныя. Сначала ѣхали маленькой рысью по узкой дорогѣ. Пока ѣхали мимо сада, тѣни отъ оголенныхъ деревьевъ ложились часто поперекъ дороги и скрывали яркій свѣтъ луны, но какъ только выѣхали за ограду, алмазно-блестящая, съ сизымъ отблескомъ, снѣжная равнина, вся облитая мѣсячнымъ сіяніемъ и неподвижная, открылась со всѣхъ сторонъ. Разъ, разъ толканулъ ухабъ въ переднихъ саняхъ; точно такъ же толкануло слѣдующія сани и слѣдующія, и, дерзко нарушая закованную тишину, однѣ за другими стали растягиваться сани.

— Слѣдъ зайчій, много слѣдовъ,—прозвучалъ въ морозномъ скованномъ воздухѣ голосъ Наташи.

— Какъ видно, Nicolas!—сказалъ голосъ Сони.

Николай оглянулся на Соню и пригнулся, чтобы ближе разсмотрѣть ея лицо. Какое-то совсѣмъ новое, милое лицо, съ черными бровями и усами, въ лунномъ свѣтѣ, близко и далеко, выглядывало изъ соболей.

«Это прежде была Соня», подумалъ Николай. Онъ ближе вглядѣлся въ нее и улыбнулся.

— Вы что, Nicolas?

— Ничего,—сказалъ онъ и повернулся опять къ лошадямъ.

Выѣхавъ на торную, большую дорогу, примасленную полозьями и всю изсѣченную слѣдами шиповъ, видными въ свѣтѣ мѣсяца, лошади сами собой стали натягивать вожжи и прибавлять ходу. Лѣвая пристяжная, загнувъ голову, прыжками по-

дергивала свои постромки. Коренной раскачивался, поводя ушами, какъ будто спрашивая: «начинать или рано еще?» Впереди, уже далеко отдѣлившись и звеня удаляющимся густымъ колокольцомъ, ясно виднѣлась по бѣлому снѣгу черная тройка Захара. Слышны были изъ его саней покрикиванье и хохотъ и голоса наряженныхъ.

— Ну ли вы, разлюбезные!—крикнулъ Николай, съ одной стороны подергивая вожжу и отводя съ кнутомъ руку.

И только по усилившемуся какъ будто навстрѣчу вѣтру и по подергиванью натягивающихъ и все прибавляющихъ скоку пристяжныхъ замѣтно было, какъ шибко полетѣла тройка. Николай оглянулся назадъ. Съ крикомъ и визгомъ, махая кнутами и заставляя скакать коренныхъ, поспѣвали другія тройки. Коренной стойко поколыхивался подъ дугой, не думая сбивать и обѣщая еще и еще наддать, когда понадобится.

Николай догналъ первую тройку. Они съѣхали съ какой-то горы, въѣхали на широко-разъѣзженную дорогу по лугу около рѣки.

«Гдѣ это мы ѣдемъ?» подумалъ Николай. «По Косому лугу, должно-быть. Но нѣтъ, это что-то новое, чего я никогда не видалъ. Это не Косой лугъ и не Дёмкина гора, а это Богъ знаетъ что такое! Это что-то новое и волшебное. Ну, что̀ бы тамъ ни было!» И онъ, крикнувъ на лошадей, сталъ объѣзжать первую тройку.

Захаръ сдержалъ лошадей и обернулъ свое уже обындевѣвшее до бровей лицо.

Николай пустилъ своихъ лошадей; Захаръ, вытянувъ впередъ руки, чмокнулъ и пустилъ своихъ.

— Ну держись, баринъ,—проговорилъ онъ.

Еще быстрѣе рядомъ полетѣли тройки, и быстро перемѣнялись ноги скачущихъ лошадей. Николай сталъ забирать впередъ. Захаръ, не перемѣняя положенія вытянутыхъ рукъ, приподнялъ одну руку съ вожжами.

— Врешь, баринъ,—прокричалъ онъ Николаю.

Николай вскокъ пустилъ всѣхъ лошадей и перегналъ Захара. Лошади засыпа̀ли мелкимъ, сухимъ снѣгомъ лица сѣдоковъ, рядомъ съ ними звучали частые переборы и путались быстро движущіяся ноги и тѣни перегоняемой тройки. Свистъ полозьевъ по снѣгу и женскіе взвизги слышались съ разныхъ сторонъ.

Опять остановивъ лошадей, Николай оглянулся кругомъ себя. Кругомъ была все та же, пропитанная насквозь луннымъ свѣтомъ, волшебная равнина съ разсыпанными по ней звѣздами.

«Захаръ кричитъ, чтобы я взялъ налѣво; а зачѣмъ налѣво?» думалъ Николай. «Развѣ мы къ Мелюковымъ ѣдемъ, развѣ это Мелюковка? Мы Богъ знаетъ гдѣ ѣдемъ, и Богъ знаетъ что̀ съ нами дѣлается, — и очень странно и хорошо то, что̀ съ нами дѣлается». Онъ оглянулся въ сани.

— Посмотри, у него и усы, и рѣсницы, все бѣлое, — сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ странныхъ, хорошенькихъ и чужихъ людей съ тонкими усами и бровями.

«Этотъ, кажется, была Наташа», подумалъ Николай: «а это m-me Schoss, а можетъ-быть, и нѣтъ; а этотъ черкесъ съ усами не знаю — кто, но я люблю ее».

— Не холодно ли вамъ? — спросилъ онъ.

Онѣ не отвѣчали и засмѣялись. Диммлеръ изъ заднихъ саней что-то кричалъ, вѣроятно, смѣшное, но нельзя было разслышать, что онъ кричалъ.

— Да, да, — смѣясь отвѣчали голоса.

Однако вотъ какой-то волшебный лѣсъ съ переливающимися черными тѣнями и блестками алмазовъ и съ какой-то амфиладой мраморныхъ ступеней, и какія-то серебряныя крыши волшебныхъ зданій, и пронзительный визгъ какихъ-то звѣрей. «А ежели и въ самомъ дѣлѣ это Мелюковка, то еще страннѣе то, что мы ѣхали Богъ знаетъ гдѣ, и пріѣхали въ Мелюковку», думалъ Николай.

Дѣйствительно это была Мелюковка, и на подъѣздъ выбѣжали дѣвки и лакеи со свѣчами и радостными лицами.

— Кто такой? — спрашивали съ подъѣзда.

— Графскіе наряженные, по лошадямъ вижу, — отвѣчали голоса.

XI.

Пелагея Даниловна Мелюкова, широкая энергическая женщина въ очкахъ и распашномъ капотѣ, сидѣла въ гостиной, окруженная дочерьми, которымъ она старалась не дать скучать. Онѣ тихо лили воскъ и смотрѣли на тѣни выходившихъ фигуръ, когда зашумѣли въ передней шаги и голоса пріѣзжихъ.

Гусары, барыни, вѣдьмы, паяцы, медвѣди, прокашливаясь и обтирая заиндевѣвшія отъ мороза лица въ передней, вошли въ залу, гдѣ поспѣшно зажигали свѣчи. Паяцъ-Диммлеръ съ барыней-Николаемъ открыли пляску. Окруженные кричавшими дѣтьми, ряженые, закрывая лица и мѣняя голоса, раскланивались передъ хозяйкой и разстанавливались по комнатѣ.

— Ахъ, узнать нельзя! А Наташа-то! Посмотрите, на кого она похожа! Право, напоминаетъ кого-то. Эдуардъ-то Карлычъ

какъ хорошъ! Я не узнала. Да какъ танцуетъ! Ахъ, батюшки, и черкесъ какой-то; право, какъ идетъ Сонюшкѣ. Это еще кто? Ну, утѣшили! Столы-то примите, Никита, Ваня! А мы такъ тихо сидѣли!

— Ха-ха-ха!.. Гусаръ-то, гусаръ-то! Точно мальчикъ, и ноги!.. Я видѣть не могу...—слышались голоса.

Наташа, любимица молодыхъ Мелюковыхъ, съ ними вмѣстѣ исчезла въ заднія комнаты, куда была потребована пробка и разные халаты и мужскія платья, которыя въ растворенную дверь принимали отъ лакея оголенныя дѣвичьи руки. Черезъ десять минутъ вся молодежь семейства Мелюковыхъ присоединилась къ ряженымъ.

Пелагея Даниловна, распорядившись очисткой мѣста для гостей и угощеніями для господъ и дворовыхъ, не снимая очковъ, со сдерживаемой улыбкой, ходила между ряжеными, близко глядя имъ въ лица и никого не узнавая. Она не узнавала не только Ростовыхъ и Диммлера, но и никакъ не могла узнать ни своихъ дочерей, ни тѣхъ мужниныхъ халатовъ и мундировъ, которые были на нихъ.

— А это чья такая?— говорила она, обращаясь къ своей гувернанткѣ и глядя въ лицо своей дочери, представлявшей казанскаго татарина.—Кажется, изъ Ростовыхъ кто-то. Ну и вы, господинъ гусаръ, въ какомъ полку служите?—спрашивала она Наташу.—Туркѣ-то туркѣ пастилы подай,—говорила она обносившему буфетчику:—это ихъ закономъ не запрещено.

Иногда, глядя на странные, но смѣшные pà, которые выдѣлывали танцующіе, рѣшившіе разъ навсегда, что они наряженные, что никто ихъ не узнаетъ, и потому не конфузившіеся, Пелагея Даниловна закрывалась платкомъ, и все тучное тѣло ея тряслось отъ неудержимаго, добраго, старушечьяго смѣха.

— Сашинетъ-то моя, Сашинетъ-то!—говорила она.

Послѣ русскихъ плясокъ и хороводовъ Пелагея Даниловна соединила всѣхъ дворовыхъ и господъ вмѣстѣ, въ одинъ большой кругъ; принесли кольцо, веревочку и рубликъ и устроили общія игры.

Черезъ часъ всѣ костюмы измялись и разстроились. Пробочные усы и брови размазались по вспотѣвшимъ, разгорѣвшимся и веселымъ лицамъ. Пелагея Даниловна стала узнавать ряженыхъ, восхищалась тѣмъ, какъ хорошо были сдѣланы костюмы, какъ шли они особенно къ барышнямъ, и благодарила всѣхъ за то, что такъ повеселили ее. Гостей позвали ужинать въ гостиную, а въ залѣ распорядились угощеніемъ дворовыхъ.

— Нѣтъ, въ банѣ гадать, вотъ это страшно!—говорила за ужиномъ старая дѣвушка, жившая у Мелюковыхъ.

— Отчего же?—спросила старшая дочь Мелюковыхъ.

— Да не пойдете, тутъ надо храбрость...

— Я пойду,—сказала Соня.

— Разскажите, какъ это было съ барышней?—сказала вторая Мелюкова.

— Да вотъ такъ-то пошла одна барышня,—сказала старая дѣвушка,—взяла пѣтуха, два прибора—какъ слѣдуетъ, сѣла. Посидѣла, только слышитъ, вдругъ ѣдетъ... съ колокольцами, съ бубенцами подъѣхали сани; слышитъ, идетъ. Входитъ—совсѣмъ въ образѣ человѣческомъ, какъ есть офицеръ; пришелъ и сѣлъ съ ней за приборъ.

— А! А!..—закричала Наташа, съ ужасомъ выкатывая глаза.

— Да какъ же онъ такъ... и говоритъ?

— Да, какъ человѣкъ, все какъ должно быть; и сталъ уговаривать; а ей бы надо занять его разговоромъ до пѣтуховъ—а она заробѣла; только заробѣла и закрылась руками. Онъ ее и подхватилъ. Хорошо, что тутъ дѣвушки прибѣжали...

— Ну, что пугать ихъ!—сказала Пелагея Даниловна.

— Мамаша, вѣдь вы сами гадали...—сказала дочь.

— А какъ это въ амбарѣ гадаютъ?—спросила Соня.

— Да вотъ хоть бы теперь, пойдутъ къ амбару, да и слушаютъ. Что услышите: заколачиваетъ, стучитъ—дурно, а пересыпаетъ хлѣбъ—это къ добру, и то бываетъ.

— Мама, разскажите, что̀ съ вами было въ амбарѣ?

Пелагея Даниловна улыбнулась.

— Да что, я ужъ забыла...—сказала она.—Вѣдь вы никто не пойдете?

— Нѣтъ, я пойду; Пелагея Даниловна, пустите меня, я пойду,—сказала Соня.

— Ну что жъ, коли не боишься.

— Луиза Ивановна, можно мнѣ?—спросила Соня.

Играли ли въ колечко, въ веревочку или рубликъ, разговаривали ли, какъ теперь, Николай не отходилъ отъ Сони и совсѣмъ новыми глазами смотрѣлъ на нее. Ему казалось, что онъ нынче только въ первый разъ, благодаря этимъ пробочнымъ усамъ, вполнѣ узналъ ее. Соня дѣйствительно этотъ вечеръ была весела, оживленна и хороша, какой никогда еще не видѣла ее Наташа.

«Такъ вотъ она какая, а я-то дуракъ!» думалъ онъ, глядя на ея блестящіе глаза и счастливую, восторженную, изъ-подъ

усовъ дѣлающую ямочки на щекахъ улыбку, которой онъ не видалъ прежде.

— Я ничего не боюсь,—сказала Соня.—Можно сейчасъ?— Она встала.

Сонѣ разсказали, гдѣ амбаръ, какъ ей молча стоять и слушать, и подали ей шубку. Она накинула ее себѣ на голову и взглянула на Николая.

«Что за прелесть эта дѣвочка!» подумалъ онъ. «И о чемъ я думалъ до сихъ поръ!»

Соня вышла въ коридоръ, чтобы идти въ амбаръ. Николай поспѣшно пошелъ на парадное крыльцо, говоря, что ему жарко. Дѣйствительно въ домѣ было душно отъ столпившагося народа.

На дворѣ былъ тотъ же неподвижный холодъ, тотъ же мѣсяцъ, только было еще свѣтлѣе. Свѣтъ былъ такъ силенъ и звѣздъ на снѣгѣ было такъ много, что на небо не хотѣлось смотрѣть, и настоящихъ звѣздъ было незамѣтно. На небѣ было черно и скучно, на землѣ было весело.

«Дуракъ я, дуракъ! Чего ждалъ до сихъ поръ?» подумалъ Николай и, сбѣжавъ съ крыльца, онъ обошелъ уголъ дома по той тропинкѣ, которая вела къ заднему крыльцу. Онъ зналъ, что здѣсь пойдетъ Соня. На половинѣ дороги стояли сложенныя сажени дровъ, на нихъ былъ снѣгъ, отъ нихъ падала тѣнь; черезъ нихъ и съ боку ихъ, переплетаясь, падали тѣни старыхъ голыхъ липъ на снѣгъ и дорожку. Дорожка вела къ амбару. Рубленая стѣна абмара и крыша, покрытая снѣгомъ, какъ высѣченная изъ какого-то драгоцѣннаго камня, блестѣли въ мѣсячномъ свѣтѣ. Въ саду треснуло дерево, и опять все совершенно затихло. Грудь, казалось, дышала не воздухомъ, а какой-то вѣчно-молодой силой и радостью.

Съ дѣвичьяго крыльца застучали ноги по ступенькамъ, скрипнуло звонко на послѣдней, на которую былъ нанесенъ снѣгъ, и голосъ старой дѣвушки сказалъ:

— Прямо, прямо, вотъ по дорожкѣ, барышня. Только не оглядываться.

— Я не боюсь,—отвѣчалъ голосъ Сони, и по дорожкѣ по направленію къ Николаю завизжали, засвистѣли въ тоненькихъ башмачкахъ ножки Сони.

Соня шла, закутавшись въ шубку. Она была уже въ двухъ шагахъ, когда увидала его; она увидала его тоже не такимъ, какимъ она знала и какого всегда немножко боялась. Онъ былъ въ женскомъ платьѣ, со спутанными волосами и со счастливой и новой для Сони улыбкой. Соня быстро подбѣжала къ нему.

«Совсѣмъ другая, и все та же», думалъ Николай, глядя на ея лицо, все освѣщенное луннымъ свѣтомъ. Онъ продѣлъ руки подъ шубку, прикрывавшую ея голову, обнялъ, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ въ губы, надъ которыми были усы и отъ которыхъ пахло жженой пробкой. Соня въ самую середину губъ поцѣловала его и, выпроставъ маленькія руки, съ обѣихъ сторонъ взяла его за щеки.

— Соня!.. Nicolas!..—только сказали они. Они побѣжали къ амбару и вернулись назадъ, каждый съ своего крыльца.

XII.

Когда всѣ поѣхали назадъ отъ Пелагеи Даниловны, Наташа, всегда все видѣвшая и замѣчавшая, устроила такъ размѣщеніе, что Луиза Ивановна и она сѣли въ сани съ Диммлеромъ, а Соня сѣла съ Николаемъ и дѣвушками.

Николай, уже не перегоняясь, ровно ѣхалъ въ обратный путь и, все вглядываясь въ этомъ странномъ лунномъ свѣтѣ въ Соню, отыскивалъ при этомъ перемѣняющемъ все свѣтѣ изъ-подъ бровей и усовъ свою ту, прежнюю, и теперешнюю Соню, съ которой онъ рѣшилъ уже никогда не разлучаться. Онъ вглядывался, и когда узнавалъ все ту же и другую и вспоминалъ, слышавъ этотъ запахъ пробки, смѣшанный съ чувствомъ поцѣлуя, онъ полною грудью вдыхалъ въ себя морозный воздухъ; и, глядя на уходящую землю и блестящее небо, онъ чувствовалъ себя опять въ волшебномъ царствѣ.

— Соня, *тебѣ* хорошо?—изрѣдка спрашивалъ онъ.

— Да,—отвѣчала Соня.—А *тебѣ?*

На серединѣ дороги Николай далъ подержать лошадей кучеру, на минутку подбѣжалъ къ санямъ Наташи и сталъ на отводъ.

— Наташа, — сказалъ онъ ей шопотомъ по-французски,— знаешь, я рѣшился насчетъ Сони.

— Ты ей сказалъ?—спросила Наташа, вся вдругъ просіявъ отъ радости.

— Ахъ, какая ты странная съ этими усами и бровями, Наташа! Ты рада?

— Я такъ рада, такъ рада! Я ужъ сердилась на тебя. Я тебѣ не говорила, но ты дурно съ ней поступалъ. Это такое сердце, Nicolas. Какъ я рада! Я бываю гадкая, но мнѣ совѣстно было быть одной счастливой безъ Сони,—продолжала Наташа.— Теперь я такъ рада; ну, бѣги къ ней.

— Нѣтъ, постой... ахъ, какая ты смѣшная!—сказалъ Николай, все всматриваясь въ нее и въ сестрѣ тоже находя что-

то новое, необыкновенное и обворожительно-нѣжное, чего онъ прежде не видалъ въ ней.—Наташа, что-то волшебное? А?

— Да, — отвѣчала она, — ты прекрасно сдѣлалъ.

«Если бъ я прежде видѣлъ ее такою, какая она теперь», думалъ Николай, «я бы давно спросилъ, что сдѣлать, и сдѣлалъ бы все, что бы она ни велѣла, и все бы было хорошо».

— Такъ ты рада, и я хорошо сдѣлалъ?

— Ахъ, такъ хорошо! Я недавно съ мамашей поссорилась за это. Мама сказала, что она тебя ловитъ. Какъ это можно говорить? Я съ мама чуть не побранилась. И никому никогда не позволю ничего дурного про нее сказать и подумать, потому что въ ней одно хорошее.

— Такъ хорошо?—сказалъ Николай, еще разъ высматривая выраженіе лица сестры, чтобы узнать, правда ли это, и, скрипя сапогами, онъ соскочилъ съ отвода и побѣжалъ къ своимъ санямъ. Все тотъ же счастливый, улыбающійся черкесъ, съ усиками и блестящими глазами, смотрѣвшій изъ-подъ собольяго капора, сидѣлъ тамъ, и этотъ черкесъ былъ Соня, и эта Соня была навѣрное его будущая счастливая и любящая жена.

Пріѣхавъ домой и разсказавъ матери о томъ, какъ они провели время у Мелюковыхъ, барышни ушли къ себѣ. Раздѣвшись, но не стирая пробочныхъ усовъ, онѣ долго сидѣли, разговаривая о своемъ счастьѣ. Онѣ говорили о томъ, какъ онѣ будутъ жить замужемъ, какъ ихъ мужья будутъ дружны и какъ онѣ будутъ счастливы. На Наташиномъ столѣ стояли еще съ вечера приготовленныя Дуняшей зеркала.

— Только когда все это будетъ? Я боюсь, что никогда... Это было бы слишкомъ хорошо! — сказала Наташа, вставая и подходя къ зеркаламъ.

— Садись, Наташа, можетъ-быть, ты увидишь его, — сказала Соня.

Наташа зажгла свѣчи и сѣла.

— Какого-то съ усами вижу, — сказала Наташа, видѣвшая свое лицо.

— Не надо смѣяться, барышня, — сказала Дуняша.

Наташа нашла съ помощью Сони и горничной положеніе зеркалу; лицо ея приняло серьезное выраженіе, и она замолкла. Долго она сидѣла, глядя на рядъ уходящихъ свѣчей въ зеркалахъ, предполагая (соображаясь со слышанными разсказами) то, что она увидитъ гробъ, то, что увидитъ *его*, князя Андрея, въ этомъ послѣднемъ, сливающемся, смутномъ квадратѣ. Но какъ ни готова она была принять малѣйшее пятно за образъ чело-

вѣка или гроба, она ничего не видала. Она часто стала мигать и отошла отъ зеркала.

— Отчего другіе видятъ, а я ничего не вижу? — сказала она. — Ну, садись ты, Соня; нынче непремѣнно тебѣ надо, — сказала она. — Только за меня... Мнѣ такъ страшно нынче!

Соня сѣла за зеркало, устроила положеніе и стала смотрѣть.

— Вотъ Софья Александровна непремѣнно увидятъ, — шопотомъ сказала Дуняша, — а вы все смѣетесь.

Соня слышала эти слова и слышала, какъ Наташа шопотомъ сказала:

— И я знаю, что она увидитъ; она и прошлаго года видѣла.

Минуты три всѣ молчали. «Непремѣнно!» прошептала Наташа и не докончила—вдругъ Соня отсторонила то зеркало, которое она держала, и закрыла глаза рукой.

— Ахъ, Наташа!—сказала она.

— Видѣла? видѣла? Что видѣла? — вскрикнула Наташа, поддерживая зеркало.

Соня ничего не видала, она только что хотѣла замигать глазами и встать, когда услыхала голосъ Наташи, сказавшей «непремѣнно»... Ей не хотѣлось обмануть ни Дуняшу, ни Наташу, и тяжело было сидѣть. Она сама не знала, какъ и вслѣдствіе чего у нея вырвался крикъ, когда она закрыла глаза рукой.

— Его видѣла? — спросила Наташа, хватая ее за руку.

— Да. Постой... я... видѣла его, — невольно сказала Соня, еще не зная, кого разумѣла Наташа подъ словомъ *его*: *его* — Николая или *его* — Андрея.

«Но отчего же мнѣ не сказать, что я видѣла? Вѣдь видятъ же другія! И кто же можетъ уличить меня въ томъ, что я видѣла или не видала?» мелькнуло въ головѣ Сони.

— Да, я его видѣла, — сказала она.

— Какъ же? Какъ же? Стоитъ или лежитъ?

— Нѣтъ, я видѣла... То ничего не было, вдругъ вижу, что онъ лежитъ.

— Андрей лежитъ? Онъ боленъ?—испуганно остановившимися глазами глядя на подругу, спрашивала Наташа.

— Нѣтъ, напротивъ, напротивъ, веселое лицо, и онъ обернулся ко мнѣ,—и въ ту минуту, какъ она говорила, ей самой казалось, что она видѣла то, что говорила.

— Ну, а потомъ, Соня?..

— Тутъ я не разсмотрѣла, что-то синее и красное...

— Соня! Когда онъ вернется? Когда я увижу его! Боже мой, какъ я боюсь за него и за себя, и за все мнѣ страшно...—за-

говорила Наташа и, не отвѣчая ни слова на утѣшенія Сони, легла въ постель и долго послѣ того, какъ потушили свѣчу, съ открытыми глазами, неподвижно лежала на постели и смотрѣла на морозный лунный свѣтъ сквозь замерзшія окна.

XIII.

Вскорѣ послѣ святокъ Николай объявилъ матери о своей любви къ Сонѣ и о твердомъ рѣшеніи жениться на ней. Графиня, давно замѣчавшая то, что происходило между Соней и Николаемъ, и ожидавшая этого объясненія, молча выслушала его слова и сказала сыну, что онъ можетъ жениться, на комъ хочетъ, но что ни она, ни отецъ не дадутъ ему благословенія на такой бракъ. Въ первый разъ Николай почувствовалъ, что мать недовольна имъ, что, несмотря на всю свою любовь къ нему, она не уступитъ ему. Она, холодно и не глядя на сына, послала за мужемъ; и когда онъ пришелъ, графиня хотѣла коротко и холодно въ присутствіи Николая сообщить ему, въ чемъ дѣло, но не выдержала: заплакала слезами досады и вышла изъ комнаты. Старый графъ сталъ нерѣшительно усовѣщивать Николая и просить его отказаться отъ своего намѣренія. Николай отвѣчалъ, что онъ не можетъ измѣнить своему слову, и отецъ, вздохнувъ и, очевидно, смущенный, весьма скоро перервалъ свою рѣчь и пошелъ къ графинѣ. При всѣхъ столкновеніяхъ съ сыномъ графа не оставляло сознаніе своей виноватости передъ нимъ за разстройство дѣлъ, и потому онъ не могъ сердиться на сына за отказъ жениться на богатой невѣстѣ и за выборъ безприданной Сони; онъ только при этомъ случаѣ живѣе вспоминалъ то, что, ежели бы дѣла не были разстроены, нельзя было для Николая желать лучшей жены, чѣмъ Соня, и что виновенъ въ разстройствѣ дѣлъ только одинъ онъ съ своимъ Митенькой и съ своими непреодолимыми привычками.

Отецъ съ матерью больше не говорили объ этомъ дѣлѣ съ сыномъ; но нѣсколько дней послѣ этого графиня позвала къ себѣ Соню и съ жестокостью, которой не ожидали ни та, ни другая, графиня упрекала племянницу въ заманиваніи сына и въ неблагодарности. Соня молча, съ опущенными глазами слушала жестокія слова графини и не понимала, чего отъ нея требуютъ. Она всѣмъ готова была пожертвовать для своихъ благодѣтелей. Мысль о самопожертвованіи была любимою ея мыслью; но въ этомъ случаѣ она не могла понять, кому и чѣмъ ей надо жертвовать. Она не могла не любить графиню и всю семью Ростовыхъ, но и не могла не любить Николая и не знать, что его

счастье зависѣло отъ этой любви. Она была молчалива и грустна и не отвѣчала. Николай не могъ, какъ ему казалось, перенести долѣе этого положенія и пошелъ объясняться съ матерью. Николай то умолялъ мать простить его и Соню и согласиться на ихъ бракъ, то угрожалъ матери тѣмъ, что ежели Соню будутъ преслѣдовать, то онъ сейчасъ же женится на ней тайно.

Графиня съ холодностью, которой никогда не видалъ сынъ, отвѣчала ему, что онъ совершеннолѣтній, что князь Андрей женится безъ согласія отца и что онъ можетъ то же сдѣлать, но что никогда она не признаетъ эту *интригантку* своею дочерью.

Взорванный словомъ *интригантка*, Николай, возвысивъ голосъ, сказалъ матери, что онъ не думалъ, чтобы она заставляла его продавать свои чувства, и что ежели это такъ, то онъ послѣдній разъ говоритъ... Но онъ не успѣлъ сказать того рѣшительнаго слова, котораго, судя по выраженію его лица, съ ужасомъ ждала мать и которое, можетъ-быть, навсегда бы осталось жестокимъ воспоминаніемъ между ними. Онъ не успѣлъ договорить, потому что Наташа съ блѣднымъ и серьезнымъ лицомъ вошла въ комнату отъ двери, у которой она подслушивала.

— Николенька, ты говоришь пустяки; замолчи, замолчи! Я тебѣ говорю, замолчи!..—почти кричала она, чтобы заглушить его голосъ.

— Мама, голубчикъ, это совсѣмъ не оттого... душечка моя, бѣдная,—обращалась она къ матери, которая, чувствуя себя на краю разрыва, съ ужасомъ смотрѣла на сына, но, вслѣдствіе упрямства и увлеченія борьбы, не хотѣла и не могла сдаться.

— Николенька, я тебѣ растолкую, ты уйди; вы послушайте, мама-голубушка, — говорила она матери.

Слова ея были безсмысленны; но они достигли того результата, къ которому она стремилась.

Графиня, тяжело захлипавъ, спрятала лицо на груди дочери, а Николай всталъ, схватился за голову и вышелъ изъ комнаты.

Наташа взялась за дѣло примиренія и довела его до того, что Николай получилъ обѣщаніе отъ матери въ томъ, что Соню не будутъ притѣснять, и самъ далъ обѣщаніе, что онъ ничего не предприметъ тайно отъ родителей.

Съ твердымъ намѣреніемъ, устроивъ въ полку свои дѣла, выйти въ отставку, пріѣхать и жениться на Сонѣ, Николай, грустный и серьезный, въ разладѣ съ родными, но, какъ ему казалось, страстно влюбленный, въ началѣ января уѣхалъ въ полкъ.

Послѣ отъѣзда Николая въ домѣ Ростовыхъ стало грустнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Графиня отъ душевнаго разстройства сдѣлалась больна.

Соня была печальна и отъ разлуки съ Николаемъ и еще болѣе отъ того враждебнаго тона, съ которымъ не могла не обращаться съ ней графиня. Графъ болѣе чѣмъ когда-нибудь былъ озабоченъ дурнымъ положеніемъ дѣлъ, требовавшихъ какихъ-нибудь рѣшительныхъ мѣръ. Необходимо было продать московскій домъ и подмосковную, а для продажи дома нужно было ѣхать въ Москву. Но здоровье графини заставляло со дня на день откладывать отъѣздъ.

Наташа, легко и даже весело переносившая первое время разлуки съ своимъ женихомъ, теперь съ каждымъ днемъ становилась взволнованнѣе и нетерпѣливѣе. Мысль о томъ, что такъ, даромъ, ни для кого, пропадаетъ ея лучшее время, которое бы она употребила на любовь къ нему, неотступно мучила ее. Письма его большею частью сердили ее. Ей оскорбительно было думать, что тогда, какъ она живетъ только мыслью о немъ, онъ живетъ настоящею жизнью, видитъ новыя мѣста, новыхъ людей, которые для него интересны. Чѣмъ занимательнѣе были его письма, тѣмъ ей было досаднѣе. Ея же письма къ нему не только не доставляли ей утѣшенія, но представлялись скучной и фальшивой обязанностью. Она не умѣла писать, потому что не могла постигнуть возможности выразить въ письмѣ правдиво хоть одну тысячную долю того, что она привыкла выражать голосомъ, улыбкой и взглядомъ. Она писала ему классически-однообразно сухія письма, которымъ сама не приписывала никакого значенія и въ которыхъ, по брульонамъ, графиня поправляла ей орѳографическія ошибки.

Здоровье графини все не поправлялось; но откладывать поѣздку въ Москву уже не было возможности. Нужно было дѣлать приданое, нужно было продать домъ, и притомъ князя Андрея ждали сперва въ Москву, гдѣ въ эту зиму жилъ князь Николай Андреевичъ, и Наташа была увѣрена, что онъ уже пріѣхалъ.

Графиня осталась въ деревнѣ, а графъ, взявъ съ собой Соню и Наташу, въ концѣ января поѣхалъ въ Москву.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Пьеръ послѣ сватовства князя Андрея и Наташи, безъ всякой очевидной причины, вдругъ почувствовалъ невозможность продолжать прежнюю жизнь. Какъ ни твердо онъ былъ убѣжденъ въ истинахъ, открытыхъ ему его благодѣтелемъ, какъ ни радостно ему было то первое время увлеченія внутренней работой самосовершенствованія, которой онъ предался съ такимъ жаромъ,—послѣ помолвки князя Андрея съ Наташей и послѣ смерти Іосифа Алексѣевича, о которой онъ получилъ извѣстіе почти въ то же время, вся прелесть этой прежней жизни вдругъ пропала для него. Остался одинъ остовъ жизни: его домъ съ блестящею женой, пользовавшеюся теперь милостями одного важнаго лица, знакомство со всѣмъ Петербургомъ и служба съ скучными формальностями. И эта прежняя жизнь вдругъ съ неожиданной мерзостью представилась Пьеру. Онъ пересталъ писать свой дневникъ, избѣгалъ общества братьевъ, сталъ опять ѣздить въ клубъ, сталъ опять много пить, опять сблизился съ холостыми компаніями и началъ вести такую жизнь, что графиня Елена Васильевна сочла нужнымъ сдѣлать ему строгое замѣчаніе. Пьеръ почувствовалъ, что она была права, и, чтобы не компрометировать свою жену, уѣхалъ въ Москву.

Въ Москвѣ, какъ только онъ въѣхалъ въ свой огромный домъ съ засохшими и засыхающими княжнами, съ громадной дворней; какъ только онъ увидалъ, проѣхавъ по городу, эту Иверскую часовню съ безчисленными огнями свѣчей передъ золотыми ризами, эту кремлевскую площадь съ незаѣзженнымъ снѣгомъ, этихъ извозчиковъ и лачужки Сивцева Вражка; увидалъ стариковъ московскихъ, ничего не желающихъ и, никуда не спѣша, доживающихъ свой вѣкъ; увидалъ старушекъ, московскихъ барынь, московскіе балы и московскій Англійскій клубъ,—онъ

почувствовалъ себя дома, въ тихомъ пристанищѣ. Ему стало въ Москвѣ покойно, тепло, привычно и грязно, какъ въ старомъ халатѣ.

Московское общество все, начиная отъ старухъ до дѣтей, какъ своего давно жданнаго гостя, котораго мѣсто всегда было готово и не занято, приняло Пьера. Для московскаго свѣта Пьеръ былъ самымъ милымъ, добрымъ, умнымъ, веселымъ, великодушнымъ чудакомъ — разсѣяннымъ и душевнымъ русскимъ, стараго покроя, бариномъ. Кошелекъ его всегда былъ пустъ, потому что открытъ для всѣхъ.

Бенефисы, дурныя картины, статуи, благотворительныя общества, цыгане, школы, подписные обѣды, кутежи, масоны, церкви, книги—никто и ничто не получало отказа, и ежели бы не два его друга, занявшіе у него много денегъ и взявшіе его подъ свою опеку, онъ бы все роздалъ. Въ клубѣ не было ни обѣда, ни вечера безъ него. Какъ только онъ приваливался на свое мѣсто на диванѣ послѣ двухъ бутылокъ марго, его окружали, и завязывались толки, споры, шутки. Гдѣ ссорились, онъ одной своей доброй улыбкой и кстати сказанной шуткой мирилъ. Масонскія столовыя ложи были скучны и вялы, ежели его не было.

Когда послѣ холостого ужина онъ съ доброй и сладкой улыбкой, сдаваясь на просьбы веселой компаніи, поднимался, чтобы ѣхать съ ними, между молодежью раздавались радостные, торжественные крики. На балахъ онъ танцовалъ, если недоставало кавалера. Молодыя дамы и барышни любили его за то, что онъ, не ухаживая ни за кѣмъ, былъ со всѣми одинаково любезенъ, особенно послѣ ужина. «Il est charmant, il n'a pas de sèxe» [1]), говорили про него.

Пьеръ былъ тѣмъ отставнымъ, добродушно доживающимъ свой вѣкъ въ Москвѣ, камергеромъ, какихъ были сотни.

Какъ бы онъ ужаснулся, ежели бы семь лѣтъ тому назадъ, когда онъ только пріѣхалъ изъ-за границы, кто-нибудь сказалъ бы ему, что ему ничего не нужно искать и выдумывать, что его колея давно пробита, опредѣлена предвѣчно и что, какъ онъ ни вертись, онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ были всѣ въ его положеніи. Онъ не могъ бы повѣрить этому! Развѣ не онъ всей душой желалъ то произвести республику въ Россіи, то самому быть Наполеономъ, то философомъ, то тактикомъ-побѣдителемъ Наполеона? Развѣ не онъ видѣлъ возможность и страстно желалъ переродить порочный родъ человѣческій и самого себя довести до

---

[1]) Онъ очень милъ, но не имѣетъ пола.

высшей степени совершенства? Развѣ не онъ учреждалъ и школы и больницы и отпускалъ своихъ крестьянъ на волю?

А вмѣсто всего этого вотъ онъ — богатый мужъ невѣрной жены; камергеръ въ отставкѣ, любящій покушать, выпить и, разстегнувшись, побранить слегка правительство; членъ московскаго Англійскаго клуба и всѣми любимый членъ московскаго общества. Онъ долго не могъ помириться съ тою мыслью, что онъ есть тотъ самый отставной московскій камергеръ, типъ котораго онъ такъ глубоко презиралъ семь лѣтъ тому назадъ.

Иногда онъ утѣшалъ себя мыслями, что это только такъ, покамѣстъ, онъ ведетъ эту жизнь; но потомъ его ужасала другая мысль, что такъ, покамѣстъ, уже сколько людей входили, какъ онъ, со всѣми зубами и волосами въ эту жизнь и въ этотъ клубъ и выходили оттуда безъ одного зуба и волоса.

Въ минуты гордости, когда онъ думалъ о своемъ положеніи, ему казалось, что онъ совсѣмъ другой, особенный отъ тѣхъ отставныхъ камергеровъ, которыхъ онъ презиралъ прежде, что тѣ были пошлые и глупые, довольные и успокоенные своимъ положеніемъ, «а я и теперь все недоволенъ, все мнѣ хочется сдѣлать что-то для человѣчества», говорилъ онъ себѣ въ минуты гордости. «А можетъ-быть, и всѣ тѣ мои товарищи точно такъ же, какъ и я, бились, искали какой-то новой, своей дороги въ жизни и такъ же, какъ и я, силой обстановки, общества, породы — той стихійной силой, противъ которой не властенъ человѣкъ — были приведены туда же, куда и я», говорилъ онъ себѣ въ минуты скромности, и, поживши въ Москвѣ нѣсколько времени, онъ не презиралъ уже, а начиналъ любить, уважать и жалѣть такъ же, какъ и себя, своихъ по судьбѣ товарищей.

На Пьера не находили, какъ прежде, минуты отчаянія, хандры и отвращенія къ жизни; но та же болѣзнь, выражавшаяся прежде рѣзкими припадками, была вогнана внутрь и ни на мгновеніе не покидала его. «Къ чему? Зачѣмъ? Что такое творится на свѣтѣ?» спрашивалъ онъ себя съ недоумѣніемъ по нѣскольку разъ въ день, невольно начиная вдумываться въ смыслъ явленій жизни; но, опытомъ зная, что на вопросы эти не было отвѣтовъ, онъ поспѣшно старался отвернуться отъ нихъ, брался за книгу или спѣшилъ въ клубъ или къ Аполлону Николаевичу болтать о городскихъ сплетняхъ.

«Елена Васильевна, никогда ничего не любившая, кромѣ своего тѣла, и одна изъ самыхъ глупыхъ женщинъ въ мірѣ», думалъ Пьеръ, «представляется людямъ верхомъ ума и утонченности, и передъ ней преклоняются. Наполеонъ Бонапартъ былъ

презираемъ всѣми до тѣхъ поръ, пока онъ былъ великъ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ жалкимъ комедіантомъ, императоръ Францъ добивается предложить ему свою дочь въ незаконныя супруги. Испанцы возсылаютъ мольбы Богу, черезъ католическое духовенство, въ благодарность за то, что они побѣдили 14-го іюня французовъ, а французы возсылаютъ мольбы, черезъ то же католическое духовенство, о томъ, что они 14-го іюня побѣдили испанцевъ. Братья мои масоны клянутся кровью въ томъ, что они всѣмъ готовы жертвовать для ближняго, а не платятъ по одному рублю на сборы бѣдныхъ и интригуютъ Астрея противъ Ищущихъ Манны и хлопочутъ о настоящемъ Шотландскомъ коврѣ и объ актѣ, смысла котораго не знаетъ и тотъ, кто писалъ его, и котораго никому не нужно. Всѣ мы исповѣдуемъ христіанскій законъ прощенія обидъ и любви къ ближнему,—законъ, вслѣдствіе котораго мы воздвигли въ Москвѣ сорокъ сороковъ церквей, а вчера засѣкли кнутомъ бѣжавшаго человѣка, и служитель того же самаго закона любви и прощенія, священникъ, давалъ цѣловать солдату крестъ передъ казнью». Такъ думалъ Пьеръ; и эта вся, общая, всѣми признаваемая ложь, какъ онъ ни привыкъ къ ней, какъ будто что-то новое, всякій разъ изумляла его. «Я понимаю эту ложь и путаницу», думалъ онъ, «но какъ мнѣ разсказать имъ все, что я понимаю? Я пробовалъ и всегда находилъ, что и они въ глубинѣ души понимаютъ то же, что и я, но стараются только не видѣть *ея*. Стало-быть, такъ надо! Но мнѣ-то, мнѣ куда дѣваться?» думалъ Пьеръ. Онъ испытывалъ несчастную способность многихъ, особенно русскихъ, людей — способность видѣть и вѣрить въ возможность добра и правды и слишкомъ ясно видѣть зло и ложь жизни для того, чтобы быть въ силахъ принимать въ ней серьезное участіе. Всякая область труда, въ глазахъ его, соединялась со зломъ и обманомъ. Чѣмъ бы онъ ни пробовалъ быть, за что онъ ни брался, зло и ложь отталкивали его и загораживали ему всѣ пути дѣятельности. А между тѣмъ надо было жить, надо было быть заняту. Слишкомъ страшно было быть подъ гнетомъ этихъ неразрѣшимыхъ вопросовъ жизни, и онъ отдавался первымъ увлеченіямъ, чтобы только забыть ихъ. Онъ ѣздилъ во всевозможныя общества, много пилъ, покупалъ картины и строилъ, а главное — читалъ.

Онъ читалъ и читалъ все, что попадалось подъ руку, и читалъ такъ, что, пріѣхавъ домой, когда лакеи еще раздѣвали его, онъ, уже взявъ книгу, читалъ — и отъ чтенія переходилъ ко сну и отъ сна къ болтовнѣ въ гостиныхъ и клубѣ, отъ болтовни къ кутежу и женщинамъ, отъ кутежа опять къ болтовнѣ,

чтенію и вину. Пить вино для него становилось все больше и больше физической и вмѣстѣ нравственной потребностью. Несмотря на то, что доктора говорили ему, что, съ его корпуленціей, вино для него опасно, онъ очень много пилъ. Ему становилось вполнѣ хорошо только тогда, когда онъ, самъ не замѣчая какъ, опрокинувъ въ свой большой ротъ нѣсколько стакановъ вина, испытывалъ пріятную теплоту въ тѣлѣ, нѣжность ко всѣмъ своимъ ближнимъ и готовность ума поверхностно отзываться на всякую мысль, не углубляясь въ сущность ея. Только выпивъ бутылку и двѣ вина, онъ смутно сознавалъ, что тотъ запутанный, страшный узелъ жизни, который ужасалъ его прежде, не такъ страшенъ, какъ ему казалось. Съ шумомъ въ головѣ, болтая, слушая разговоры или читая послѣ обѣда и ужина, онъ безпрестанно видѣлъ этотъ узелъ какой-нибудь стороной его. Но только подъ вліяніемъ вина онъ говорилъ себѣ: «Это ничего. Это я распутаю. Вотъ у меня и готово объясненіе; но теперь некогда, — я послѣ обдумаю все это!» Но это *послѣ* никогда не приходило.

Натощакъ, поутру, всѣ прежніе вопросы представлялись столь же неразрѣшимыми и страшными; и Пьеръ торопливо хватался за книгу и радовался, когда кто-нибудь приходилъ къ нему.

Иногда Пьеръ вспоминалъ о слышанномъ имъ разсказѣ о томъ, какъ на войнѣ солдаты, находясь подъ выстрѣлами въ прикрытіи, когда имъ дѣлать нечего, старательно изыскиваютъ себѣ занятіе для того, чтобы легче переносить опасность. И Пьеру всѣ люди представлялись такими солдатами, спасающимися отъ жизни: кто честолюбіемъ, кто картами, кто писаніемъ законовъ, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто виномъ, кто государственными дѣлами. «Нѣтъ ни ничтожнаго, ни важнаго, все—равно: только бы спастись отъ нея, какъ умѣю!» думалъ Пьеръ. «Только бы не видать *ее*, эту страшную *ее*».

II.

Въ началѣ зимы князь Николай Андреевичъ Болконскій съ дочерью пріѣхали въ Москву. По своему прошедшему, по своему уму и оригинальности, въ особенности по ослабленію на ту пору восторга къ царствованію императора Александра и по тому антифранцузскому и патріотическому направленію, которое царствовало въ то время въ Москвѣ, князь Николай Андреевичъ сдѣлался тотчасъ же предметомъ особенной почтительности москвичей и центромъ московской оппозиціи правительству.

Князь очень постарѣлъ въ этотъ годъ. Въ немъ появились рѣзкіе признаки старости: неожиданныя засыпанья, забывчивость ближайшихъ по времени событій и памятливость къ давнишнимъ и дѣтское тщеславіе, съ которымъ онъ принималъ роль главы московской оппозиціи. Несмотря на то, когда старикъ, особенно по вечерамъ, выходилъ къ чаю въ своей шубкѣ и пудренномъ парикѣ и начиналъ, затронутый кѣмъ-нибудь, свои отрывистые разсказы о прошедшемъ или еще болѣе отрывистыя и рѣзкія сужденія о настоящемъ, онъ возбуждалъ во всѣхъ своихъ гостяхъ одинаковое чувство почтительнаго уваженія. Для посѣтителей весь этотъ старинный домъ, съ огромными трюмо, дореволюціонной мебелью, этими лакеями въ пудрѣ, и самъ прошлаго вѣка крутой и умный старикъ съ его кроткою дочерью и хорошенькой француженкой, которыя благоговѣли передъ нимъ, представлялъ величественно-пріятное зрѣлище. Но посѣтители не думали о томъ, что, кромѣ этихъ двухъ-трехъ часовъ, во время которыхъ они видѣли хозяевъ, было еще 22 часа въ сутки, во время которыхъ шла тайная внутренняя жизнь дома.

Въ послѣднее время въ Москвѣ эта внутренняя жизнь сдѣлалась очень тяжела для княжны Марьи. Она была лишена въ Москвѣ тѣхъ своихъ лучшихъ радостей — бесѣдъ съ Божьими людьми и уединенія, которыя освѣжали ее въ Лысыхъ Горахъ, и не имѣла никакихъ выгодъ и радостей столичной жизни. Въ свѣтъ она не ѣздила: всѣ знали, что отецъ не пускаетъ ее безъ себя, а самъ онъ по нездоровью не могъ ѣздить, и ее уже не приглашали на обѣды и вечера. Надежду на замужество княжна Марья совсѣмъ оставила. Она видѣла ту холодность и озлобленіе, съ которыми князь Николай Андреевичъ принималъ и спроваживалъ отъ себя молодыхъ людей, могущихъ быть женихами, иногда являвшихся въ ихъ домъ. Друзей у княжны Марьи не было: въ этотъ пріѣздъ въ Москву она разочаровалась въ своихъ двухъ самыхъ близкихъ людяхъ. M-lle Bourienne, съ которой она и прежде не могла быть вполнѣ откровенна, теперь стала ей непріятна, и она по нѣкоторымъ причинамъ стала отдаляться отъ нея. Жюли, которая была въ Москвѣ и къ которой княжна Марья писала пять лѣтъ сряду, оказалась совершенно чужой ей, когда княжна Марья вновь сошлась съ нею лично. Жюли въ это время, по случаю смерти братьевъ сдѣлавшись одной изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ Москвѣ, находилась во всемъ разгарѣ свѣтскихъ удовольствій. Она была окружена молодыми людьми, которые, какъ она думала, вдругъ оцѣнили ея достоинства. Жюли находилась въ томъ періодѣ старѣющейся свѣтской барышни, которая чувствуетъ, что наступилъ послѣд-

ній шансъ замужества и теперь или никогда должна рѣшиться ея участь. Княжна Марья съ грустной улыбкой вспоминала по четвергамъ, что ей теперь писать не къ кому, такъ какъ Жюли— Жюли, отъ присутствія которой ей не было никакой радости— была здѣсь и видѣлась съ нею каждую недѣлю. Она, какъ старый эмигрантъ, отказавшійся жениться на дамѣ, у которой онъ проводилъ нѣсколько лѣтъ свои вечера, жалѣла о томъ, что Жюли была здѣсь и ей некому было писать. Княжнѣ Марьѣ въ Москвѣ не съ кѣмъ было поговорить, некому повѣрить своего горя, а горя много прибавилось новаго за это время. Срокъ возвращенія князя Андрея и его женитьбы приближался, а его порученіе приготовить къ тому отца не только не было исполнено, но дѣло, напротивъ, казалось совсѣмъ испорчено, и напоминаніе о графинѣ Ростовой выводило изъ себя стараго князя, и такъ уже большую часть времени бывшаго не въ духѣ. Новое горе, прибавившееся въ послѣднее время для княжны Марьи, было: уроки, которые она давала шестилѣтнему племяннику. Въ своихъ отношеніяхъ съ Николушкой она съ ужасомъ узнавала въ себѣ свойство раздражительности своего отца. Сколько разъ она ни говорила себѣ, что не надо позволять себѣ горячиться, уча племянника, почти всякій разъ, какъ она садилась съ указкой за французскую азбуку, ей такъ хотѣлось поскорѣе, полегче перелить изъ себя свое знаніе въ ребенка, уже боявшагося, что вотъ-вотъ тетя разсердится, что она при малѣйшемъ невниманіи со стороны мальчика вздрагивала, торопилась, горячилась, возвышала голосъ, иногда дергала его за ручку и ставила въ уголъ. Поставивъ его въ уголъ, она сама начинала плакать надъ своей злой, дурной натурой, и Николушка, подражая ей рыданіями, безъ позволенія выходилъ изъ угла, подходилъ къ ней и отдергивалъ отъ лица ея мокрыя руки и утѣшалъ ее. Но болѣе, болѣе всего горя доставляла княжнѣ раздражительность ея отца, всегда направленная противъ дочери и дошедшая въ послѣднее время до жестокости. Ежели бы онъ заставлялъ ее всѣ ночи класть поклоны, ежели бы онъ билъ ее, заставлялъ таскать дрова и воду,—ей бы и въ голову не пришло, что ея положеніе трудно; но этотъ любящій мучитель, самый жестокій оттого, что онъ любилъ и за то мучилъ себя и ее, умышленно умѣлъ не только оскорбить, унизить ее, но и доказать ей, что она всегда и во всемъ была виновата. Въ послѣднее время въ немъ появилась новая черта, болѣе всего мучившая княжну Марью, — это было его бо̀льшее и бо̀льшее сближеніе съ m-lle Bourienne. Пришедшая ему, въ первую минуту по полученіи извѣстія о намѣреніи своего сына, мысль-

шутка о томъ, что ежели Андрей женится, то и онъ самъ женится на Bourienne, видимо понравилась ему, и онъ съ упорствомъ послѣднее время (какъ казалось княжнѣ Марьѣ) только для того, чтобы ее оскорбить, выказывалъ особенную ласку къ m-lle Bourienne и выказывалъ свое недовольство къ дочери выказываньемъ любви къ Bourienne.

Однажды въ Москвѣ, въ присутствіи княжны Марьи (ей казалось, что отецъ нарочно при ней это сдѣлалъ), старый князь поцѣловалъ у m-lle Bourienne руку и, притянувъ ее къ себѣ, обнялъ, лаская. Княжна Марья вспыхнула и выбѣжала изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ m-lle Bourienne вошла къ княжнѣ Марьѣ, улыбаясь и что-то веселое разсказывая своимъ пріятнымъ голосомъ. Княжна Марья поспѣшно отерла слезы, рѣшительными шагами подошла къ Bourienne и, видимо сама того не зная, съ гнѣвною поспѣшностью и взрывами голоса начала кричать на француженку: «Это гадко, низко, безчеловѣчно пользоваться слабостью...» Она не договорила. «Уйдите вонъ изъ моей комнаты», прокричала она и зарыдала.

На другой день князь ни слова не сказалъ своей дочери; но она замѣтила, что за обѣдомъ онъ приказалъ подавать кушанье, начиная съ m-lle Bourienne. Въ концѣ обѣда, когда буфетчикъ, по прежней привычкѣ, опять подалъ кофе, начиная съ княжны, князь вдругъ пришелъ въ бѣшенство, бросилъ костылемъ въ Филиппа и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ отдачѣ его въ солдаты.

— Не слышатъ... два разъ сказалъ!.. не слышатъ! Она — первый человѣкъ въ этомъ домѣ; она — мой лучшій другъ, — кричалъ князь.—И ежели ты позволишь себѣ,—закричалъ онъ въ гнѣвѣ, въ первый разъ обращаясь къ княжнѣ Марьѣ, — еще разъ, какъ вчера ты осмѣлилась... забыться передъ ней, то я тебѣ покажу, кто хозяинъ въ домѣ. Вонъ! чтобъ я не видалъ тебя; проси у ней прощенья!

Княжна Марья просила прощенья у Амальи Евгеньевны и у отца за себя и за Филиппа-буфетчика, который просилъ заступы.

Въ такія минуты въ душѣ княжны Марьи собиралось чувство, похожее на гордость жертвы. И вдругъ, въ такія-то минуты, при ней этотъ отецъ, котораго она осуждала, или искалъ очки, ощупывая подлѣ нихъ и не видя, или забывалъ то, что сейчасъ было, или дѣлалъ слабѣвшими ногами невѣрный шагъ и оглядывался, не видалъ ли кто его слабости, или, что было хуже всего, онъ за обѣдомъ, когда не было гостей, возбуждавшихъ

его, вдругъ задремывалъ, выпуская салфетку, и склонялся надъ тарелкой трясущейся головой. «Онъ старъ и слабъ, а я смѣю осуждать его!» думала она съ отвращеніемъ къ самой себѣ въ такія миуты.

III.

Въ 1810-мъ году въ Москвѣ жилъ быстро вошедшій въ моду французскій докторъ, огромный ростомъ, красавецъ, любезный какъ французъ и, какъ говорили всѣ въ Москвѣ, врачъ необыкновеннаго искусства—Метивье. Онъ былъ принятъ въ домахъ высшаго общества не какъ докторъ, а какъ равный.

Князь Николай Андреевичъ, смѣявшійся надъ медициной, послѣднее время, по совѣту m-lle Bourienne, допустилъ къ себѣ этого доктора и привыкъ къ нему. Метивье раза два въ недѣлю бывалъ у князя.

Въ Николинъ день, въ именины князя, вся Москва была у подъѣзда его дома, но онъ никого не велѣлъ принимать, а только немногихъ, списокъ которыхъ онъ передалъ княжнѣ Марьѣ, велѣлъ звать къ обѣду.

Метивье, пріѣхавшій утромъ съ поздравленіемъ, въ качествѣ доктора, нашелъ приличнымъ de forcer la consigne [1]), какъ онъ сказалъ княжнѣ Марьѣ, и вошелъ къ князю. Случилось такъ, что въ это именинное утро старый князь былъ въ одномъ изъ своихъ самыхъ дурныхъ расположеній духа. Онъ цѣлое утро ходилъ по дому, придираясь ко всѣмъ и дѣлая видъ, что онъ не понимаетъ того, что ему говорятъ, и что его не понимаютъ. Княжна Марья твердо знала это состояніе духа тихой и озабоченной ворчливости, которая обыкновенно разрѣшалась взрывомъ бѣшенства, и, какъ передъ заряженнымъ, съ взведенными курками, ружьемъ, ходила все это утро, ожидая неизбѣжнаго выстрѣла. Утро, до пріѣзда доктора, прошло благополучно. Пропустивъ доктора, княжна Марья сѣла съ книгой въ гостиной у двери, отъ которой она могла слышать все то, что происходило въ кабинетѣ.

Сначала она слышала одинъ голосъ Метивье, потомъ голосъ отца, потомъ оба голоса заговорили вмѣстѣ, дверь распахнулась, и на порогѣ показалась испуганная красивая фигура Метивье съ его чернымъ хохломъ и фигура князя, въ колпакѣ и халатѣ, съ изуродованнымъ бѣшенствомъ лицомъ и опущенными врачками глазъ.

---

[1]) Нарушить запретъ.

— Не понимаешь? — кричалъ князь. — А я понимаю! Французскій шпіонъ, Бонапартовъ рабъ, шпіонъ, вонъ изъ моего дома! Вонъ, я говорю... — и онъ захлопнулъ дверь.

Метивье, пожимая плечами, подошелъ къ mademoiselle Bourienne, прибѣжавшей на крикъ изъ сосѣдней комнаты.

— Князь не совсѣмъ здоровъ, — la bile et le transport au cerveau. Tranquillisez vous, je repasserai demain [1]), — сказалъ Метивье и, приложивъ палецъ къ губамъ, поспѣшно вышелъ.

За дверью слышались шаги въ туфляхъ и крики: «Шпіоны, измѣнники, вездѣ измѣнники! Въ своемъ домѣ нѣтъ минуты покоя!»

Послѣ отъѣзда Метивье старый князь позвалъ къ себѣ дочь, и вся сила гнѣва обрушилась на нее. Она была виновата въ томъ, что къ нему пустили шпіона. Вѣдь онъ сказалъ, ей сказалъ, чтобы она составила списокъ, и тѣхъ, кого не было въ спискѣ, чтобы не пускали. Зачѣмъ же пустили этого мерзавца! Она была причиной всего. Съ ней онъ не могъ имѣть ни минуты покоя, не могъ умереть спокойно, говорилъ онъ.

— Нѣтъ, матушка, разойтись, разойтись! это вы знайте, знайте! Я теперь больше не могу, — сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. И какъ будто боясь, чтобы она не сумѣла какъ-нибудь утѣшиться, онъ вернулся къ ней и, стараясь принять спокойный видъ, прибавилъ: — И не думайте, чтобы я это сказалъ вамъ въ минуту сердца, а я спокоенъ, и я обдумалъ это; и это будетъ — разойтись; поищите себѣ мѣста!..— Но онъ не выдержалъ и съ тѣмъ озлобленіемъ, которое можетъ быть только у человѣка, который любитъ, онъ, видимо самъ страдая, затрясъ кулаками и прокричалъ ей:

— И хоть бы какой-нибудь дуракъ взялъ ее замужъ! — Онъ хлопнулъ дверью, позвалъ къ себѣ m-lle Bourienne и затихъ въ кабинетѣ.

Въ два часа съѣхались избранныя шесть персонъ къ обѣду. Гости — извѣстный графъ Растопчинъ, князь Лопухинъ съ своимъ племянникомъ, генералъ Чатровъ, старый боевой товарищъ князя, и изъ молодыхъ Пьеръ и Борисъ Друбецкой — ждали его въ гостиной.

На-дняхъ пріѣхавшій въ Москву въ отпускъ Борисъ пожелалъ быть представленнымъ князю Николаю Андреевичу и сумѣлъ до такой степени снискать его расположеніе, что князь для него сдѣлалъ исключеніе изъ всѣхъ холостыхъ молодыхъ людей, которыхъ онъ не принималъ къ себѣ.

---

[1]) Желчь и приливъ къ мозгу. Успокойтесь, я завтра зайду.

Домъ князя былъ не то, что называется «свѣтъ», но это былъ такой маленькій кружокъ, о которомъ хотя и не слышно было въ городѣ, но въ которомъ лестнѣе всего было быть принятымъ. Это понялъ Борисъ недѣлю тому назадъ, когда при немъ Растопчинъ сказалъ главнокомандующему, звавшему графа обѣдать въ Николинъ день, что онъ не можетъ быть:

— Въ этотъ день ужъ я всегда ѣзжу прикладываться къ мощамъ князя Николая Андреевича.

— Ахъ да, да,—отвѣчалъ главнокомандующій.—Что онъ?

Небольшое общество, собравшееся въ старомодной, высокой, со старою мебелью, гостиной передъ обѣдомъ, было похоже на собравшійся торжественный совѣтъ судилища. Всѣ молчали, и ежели говорили, то говорили тихо. Князь Николай Андреевичъ вышелъ серьезенъ и молчаливъ. Княжна Марья еще болѣе казалась тихою и робкою, чѣмъ обыкновенно. Гости неохотно обращались къ ней, потому что видѣли, что ей было не до ихъ разговоровъ. Графъ Растопчинъ одинъ держалъ нить разговора, разсказывая о послѣднихъ то городскихъ, то политическихъ новостяхъ. Лопухинъ и старый генералъ изрѣдка принимали въ немъ участіе.

Князь Николай Андреевичъ слушалъ, какъ верховный судья слушаетъ докладъ, который дѣлаютъ ему, только изрѣдка молчаніемъ или короткимъ словцомъ заявляя, что онъ принимаетъ къ свѣдѣнію то, что ему докладываютъ. Тонъ разговора былъ такой, что, понятно было, никто не одобрялъ того, что дѣлалось въ политическомъ мірѣ. Разсказывали о событіяхъ, очевидно подтверждающихъ то, что все шло хуже и хуже; но во всякомъ разсказѣ и сужденіи было поразительно то, какъ разсказчикъ останавливался или бывалъ останавливаемъ всякій разъ на той границѣ, гдѣ сужденіе могло относиться къ лицу государя императора.

За обѣдомъ разговоръ зашелъ о послѣдней политической новости, о захватѣ Наполеономъ владѣній герцога Ольденбургскаго и о русской враждебной Наполеону нотѣ, посланной ко всѣмъ европейскимъ дворамъ.

— Бонапартъ поступаетъ съ Европой, какъ пиратъ на завоеванномъ кораблѣ, — сказалъ графъ Растопчинъ, повторяя уже нѣсколько разъ говоренную имъ фразу. — Удивляешься только долготерпѣнію или ослѣпленію государей. Теперь дѣло доходитъ до папы, и Бонапартъ, уже не стѣсняясь, хочетъ низвергнуть главу католической религіи—и всѣ молчатъ! Одинъ нашъ государь протестовалъ противъ захвата владѣній герцога Ольден-

бургскаго. И то...—Графъ Растопчинъ замолчалъ, чувствуя, что онъ стоялъ на томъ рубежѣ, гдѣ уже нельзя осуждать.

— Предложили другія владѣнія замѣсто Ольденбургскаго герцогства,—сказалъ князь Николай Андреевичъ.—Точно я мужиковъ изъ Лысыхъ Горъ переселялъ въ Богучарово и въ Рязанскія, такъ и онъ герцоговъ.

— Le duc d'Oldenbourg supporte son malheur avec une force de caractère et une résignation admirable[1]), — сказалъ Борисъ, почтительно вступая въ разговоръ.

Онъ сказалъ это потому, что проѣздомъ изъ Петербурга имѣлъ честь представляться герцогу. Князь Николай Андреевичъ посмотрѣлъ на молодого человѣка такъ, какъ будто онъ хотѣлъ ему сказать кое-что на это, но раздумалъ, считая его слишкомъ для того молодымъ.

— Я читалъ нашъ протестъ объ ольденбургскомъ дѣлѣ и удивлялся плохой редакціи этой ноты,—сказалъ графъ Растопчинъ небрежнымъ тономъ человѣка, судящаго о дѣлѣ, ему хорошо знакомомъ.

Пьеръ съ наивнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на Растопчина, не понимая, почему его безпокоила плохая редакція ноты.

— Развѣ не все равно, какъ написана нота, графъ, — сказалъ онъ, — ежели содержаніе ея сильно?

— Mon cher, avec nos 500 milles hommes de troupes, il serait facile d'avoir un beau style[2]),—сказалъ графъ Растопчинъ.

Пьеръ понялъ, почему графа Растопчина безпокоила редакція ноты.

— Кажется, писакъ довольно развелось, — сказалъ старый князь: — тамъ въ Петербургѣ все пишутъ, не только ноты — новые законы все пишутъ. *Мой Андрюша* тамъ для Россіи цѣлый волюмъ законовъ написалъ. Нынче все пишутъ!—И онъ неестественно засмѣялся.

Разговоръ замолкъ на минуту; старый генералъ прокашливаньемъ обратилъ на себя вниманіе.

— Изволили слышать о послѣднемъ событіи на смотру въ Петербургѣ? Какъ себя новый французскій посланникъ показалъ!

— Что? Да, я слышалъ что-то; онъ что-то неловко сказалъ при Его Величествѣ.

— Его Величество обратилъ его вниманіе на гренадерскую дивизію и церемоніальный маршъ,—продолжалъ генералъ,—и будто

---

[1]) Герцогъ Ольденбургскій переноситъ свое несчастье съ замѣчательной силой воли и покорностью судьбѣ.

[2]) Мой милый, съ нашими 500-ми тысячами войска легко, кажется, выражаться хорошимъ слогомъ.

посланникъ никакого вниманія не обратилъ и будто позволилъ себѣ сказать, что «мы у себя во Франціи на такіе пустяки не обращаемъ вниманія». Государь ничего не изволилъ сказать. На слѣдующемъ смотру, говорятъ, государь ни разу не изволилъ обратиться къ нему.

Всѣ замолчали: на этотъ фактъ, относившійся лично до государя, нельзя было заявлять никакого сужденія.

— Дерзки! — сказалъ князь. — Знаете Метивье? Я нынче выгналъ его отъ себя. Онъ здѣсь былъ, пустили ко мнѣ, какъ я ни просилъ никого не пускать,—сказалъ князь, сердито взглянувъ на дочь.

И онъ разсказалъ весь свой разговоръ съ французскимъ докторомъ и причины, почему онъ убѣдился, что Метивье шпіонъ. Хотя причины эти были очень недостаточны и неясны, никто не возражалъ.

За жаркимъ подали шампанское. Гости встали съ своихъ мѣстъ, поздравляя стараго князя. Княжна Марья тоже подошла къ нему.

Онъ взглянулъ на нее холоднымъ, злымъ взглядомъ и подставилъ ей сморщенную, выбритую щеку. Все выраженіе его лица говорило ей, что утренній разговоръ имъ не забытъ, что рѣшеніе его осталось въ прежней силѣ и что, только благодаря присутствію гостей, онъ не говоритъ ей этого теперь.

Когда вышли въ гостиную къ кофе, старики сѣли вмѣстѣ.

Князь Николай Андреевичъ болѣе оживился и высказалъ свой образъ мыслей насчетъ предстоящей войны.

Онъ сказалъ, что войны наши съ Бонапартомъ до тѣхъ поръ будутъ несчастливы, пока мы будемъ искать союзовъ съ нѣмцами и будемъ соваться въ европейскія дѣла, въ которыя насъ втянулъ Тильзитскій миръ. Намъ ни за Австрію, ни противъ Австріи не надо было воевать. Наша политика вся на востокѣ, а въ отношеніи Бонапарта одно — вооруженіе на границѣ и твердость въ политикѣ, и никогда онъ не посмѣетъ переступить русскую границу, какъ въ седьмомъ году.

— И гдѣ намъ, князь, воевать съ французами!—сказалъ графъ Растопчинъ.—Развѣ мы противъ нашихъ учителей и боговъ можемъ ополчиться? Посмотрите на нашу молодежь, посмотрите на нашихъ барынь. Наши боги—французы, наше царство небесное — Парижъ.

Онъ сталъ говорить громче, очевидно для того, чтобы его слышали всѣ:

— Костюмы французскіе, мысли французскія, чувства французскія! Вы вотъ Метивье взашей выгнали, потому что онъ французъ и негодяй, а наши барыни за нимъ ползкомъ пол-

заютъ. Вчера я на вечерѣ былъ, такъ изъ пяти барынь три католички и, по разрѣшенію папы, въ воскресенье по канвѣ шьютъ. А сами чуть не голыя сидятъ, какъ вывѣски торговыхъ бань, съ позволенья сказать. Эхъ, поглядишь на нашу молодежь, князь, взялъ бы старую дубину Петра Великаго изъ кунсткамеры да по-русски бы обломалъ бока, вся бы дурь соскочила!

Всѣ замолчали. Старый князь съ улыбкой на лицѣ смотрѣлъ на Растопчина и одобрительно покачивалъ головой.

— Ну, прощайте, ваше сіятельство; не хворайте, — сказалъ Растопчинъ, съ свойственными ему быстрыми движеніями поднимаясь и протягивая руку князю.

— Прощай, голубчикъ,—гусли, всегда заслушаюсь его!— сказалъ старый князь, удерживая его за руку и подставляя ему для поцѣлуя щеку. Съ Растопчинымъ поднялись и другіе.

IV.

Княжна Марья, сидя въ гостиной и слушая эти толки и пересуды стариковъ, ничего не понимала изъ того, что она слышала; она думала только о томъ, не замѣчаютъ ли всѣ гости враждебныхъ отношеній ея отца къ ней. Она даже не замѣтила особеннаго вниманія и любезностей, которыя ей во все время этого обѣда оказывалъ Друбецкой, уже третій разъ бывшій въ ихъ домѣ.

Княжна Марья съ разсѣяннымъ вопросительнымъ взглядомъ обратилась къ Пьеру, который послѣдній изъ гостей, съ шляпой въ рукѣ и съ улыбкой на лицѣ, подошелъ къ ней послѣ того, какъ князь вышелъ и они одни оставались въ гостиной.

— Можно еще посидѣть? — сказалъ онъ, своимъ толстымъ тѣломъ валясь въ кресло подлѣ княжны Марьи.

— Ахъ да,—сказала она. «Вы ничего не замѣтили?» сказалъ ея взглядъ.

Пьеръ находился въ пріятномъ послѣобѣденномъ состояніи духа. Онъ глядѣлъ передъ собою и тихо улыбался.

— Давно вы знаете этого молодого человѣка, княжна? — сказалъ онъ.

– Какого?

— Друбецкого.

— Нѣтъ, недавно...

— Что, онъ вамъ нравится?

— Да, онъ пріятный молодой человѣкъ... Отчего вы это у меня спрашиваете?—сказала княжна Марья, продолжая думать о своемъ утреннемъ разговорѣ съ отцомъ.

— Оттого, что я сдѣлалъ наблюденіе: молодой человѣкъ обыкновенно изъ Петербурга пріѣзжаетъ въ Москву въ отпускъ только съ цѣлью жениться на богатой невѣстѣ.

— Вы сдѣлали это наблюденіе? — сказала княжна Марья.

— Да, — продолжалъ Пьеръ съ улыбкой, — и этотъ молодой человѣкъ теперь себя такъ держитъ, что гдѣ есть богатыя невѣсты, тамъ и онъ. Я какъ по книгѣ читаю въ немъ. Онъ теперь въ нерѣшительности, кого ему атаковать: васъ или mademoiselle Жюли Карагинъ. Il est très assidu auprès d'elle[1]).

— Онъ ѣздитъ къ нимъ?

— Да, очень часто. И знаете вы новую манеру ухаживать? — съ веселой улыбкой сказалъ Пьеръ, видимо находясь въ томъ веселомъ духѣ добродушной насмѣшки, за который онъ такъ часто въ дневникѣ упрекалъ себя.

— Нѣтъ, — сказала княжна Марья.

— Теперь, чтобы понравиться московскимъ дѣвицамъ, il faut être mélancolique. Et il est très mélancolique auprès de m-lle Карагинъ [2]), — сказалъ Пьеръ.

— Vraiment? [3]) — сказала княжна Марья, глядя въ доброе лицо Пьера и не переставая думать о своемъ горѣ. «Мнѣ бы легче было», думала она, «ежели бы я рѣшилась повѣрить кому-нибудь все, что̀ я чувствую. И я бы желала именно Пьеру сказать все. Онъ такъ добръ и благороденъ. Мнѣ бы легче стало. Онъ мнѣ подалъ бы совѣтъ!»

— Пошли бы вы за него замужъ? — спросилъ Пьеръ.

— Ахъ, Боже мой, графъ, есть такія минуты, что я пошла бы за всякаго, — вдругъ неожиданно для самой себя, со слезами въ голосѣ, сказала княжна Марья. — Ахъ, какъ тяжело бываетъ любить человѣка близкаго и чувствовать, что... ничего (продолжала она дрожащимъ голосомъ) не можешь для него сдѣлать, кромѣ горя; когда знаешь, что не можешь этого перемѣнить. Тогда одно — уйти, а куда мнѣ уйти?..

— Что вы, что съ вами, княжна?

Но княжна, не договоривъ, заплакала.

— Я не знаю, что со мной нынче. Не слушайте меня, забудьте, что я вамъ сказала.

Вся веселость Пьера исчезла. Онъ озабоченно разспрашивалъ княжну, просилъ ее высказать все, повѣрить ему свое горе: но она только повторяла, что проситъ его забыть то, что она ска-

---

1) Онъ очень къ ней внимателенъ.

2) Надо быть меланхоличнымъ. И онъ очень меланхоличенъ съ m-lle Карагинъ.

3) Право?

зала, что она не помнитъ, что̀ она сказала, и что у нея нѣтъ горя, кромѣ того, которое онъ знаетъ, — горя о томъ, что женитьба князя Андрея угрожаетъ поссорить отца съ сыномъ.

— Слышали ли вы про Ростовыхъ? — спросила она, чтобы перемѣнить разговоръ. — Мнѣ говорили, что они скоро будутъ. André я тоже жду каждый день. Я бы желала, чтобъ они увидѣлись здѣсь.

— А какъ онъ смотритъ теперь на это дѣло? — спросилъ Пьеръ, подъ *онъ* разумѣя стараго князя.

Княжна Марья покачала головой.

— Но что же дѣлать? До года остается только нѣсколько мѣсяцевъ. И это не можетъ быть. Я бы только желала избавить брата отъ первыхъ минутъ. Я желала бы, чтобы они скорѣе пріѣхали. Я надѣюсь сойтись съ нею. Вы ихъ давно знаете,—сказала княжна Марья, — скажите мнѣ, положа руку на сердце, всю истинную правду: что это за дѣвушка, и какъ вы находите ее? Но всю правду; потому что, вы понимаете, что Андрей такъ много рискуетъ, дѣлая это противъ воли отца, что я бы желала знать...

Неясный инстинктъ сказалъ Пьеру, что въ этихъ оговоркахъ и повторяемыхъ просьбахъ сказать *всю правду* выражалось недоброжелательство княжны Марьи къ своей будущей невѣсткѣ, что ей хотѣлось, чтобы Пьеръ не одобрилъ выбора князя Андрея; но Пьеръ сказалъ то, что онъ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ думалъ.

— Я не знаю, какъ отвѣчать на вашъ вопросъ, — сказалъ онъ, покраснѣвъ, самъ не зная отчего.—Я рѣшительно не знаю, что это за дѣвушка; я никакъ не могу анализировать ее. Она обворожительна; а отчего—я не знаю. Вотъ все, что можно про нее сказать.

Княжна Марья вздохнула, и выраженіе ея лица сказало: «Да, я этого ожидала и боялась».

— Умна она? — спросила княжна Марья.

Пьеръ задумался.

— Я думаю—нѣтъ,—сказалъ онъ,—а впрочемъ—да. Она не удостоиваетъ быть умной... Да нѣтъ, она обворожительна, и больше ничего.

Княжна Марья опять неодобрительно покачала головой.

— Ахъ, я такъ желаю любить ее! Вы ей это скажите, ежели увидите ее прежде меня.

— Я слышалъ, что они на-дняхъ будутъ, — сказалъ Пьеръ.

Княжна Марья сообщила Пьеру свой планъ о томъ, какъ она, только что пріѣдутъ Ростовы, сблизится съ будущей невѣсткой и постарается пріучить къ ней стараго князя.

V.

Женитьба на богатой невѣстѣ въ Петербургѣ не удалась Борису, и онъ съ этою же цѣлью пріѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ Борисъ находился въ нерѣшительности между двумя самыми богатыми невѣстами—Жюли и княжной Марьей. Хотя княжна Марья, несмотря на свою некрасивость, и казалась ему привлекательнѣе Жюли, ему почему-то неловко было ухаживать за Болконской. Въ послѣднее свое свиданіе съ ней, въ именины стараго князя, на всѣ его попытки заговорить съ ней о чувствахъ она отвѣчала ему невпопадъ и, очевидно, не слушала его.

Жюли, напротивъ, хотя и особеннымъ, одной ей свойственнымъ способомъ, но охотно принимала его ухаживанье.

Жюли было 27 лѣтъ. Послѣ смерти своихъ братьевъ она стала очень богата. Она была теперь совершенно некрасива; но думала, что она не только такъ же хороша, но еще гораздо больше привлекательна, чѣмъ была прежде. Въ этомъ заблужденіи поддерживало ее то, что, во-первыхъ, она стала очень богатой невѣстой, а во-вторыхъ—то, что чѣмъ старѣе она становилась, тѣмъ она была безопаснѣе для мужчинъ, тѣмъ свободнѣе было мужчинамъ обращаться съ нею и, не принимая на себя никакихъ обязательствъ, пользоваться ея ужинами, вечерами и оживленнымъ обществомъ, собиравшимся у нея. Мужчина, который десять лѣтъ назадъ побоялся бы ѣздить каждый день въ домъ, гдѣ была 17-лѣтняя барышня, чтобы не компрометировать ея и не связать себя, теперь ѣздилъ къ ней смѣло каждый день и обращался съ ней не какъ съ барышней-невѣстой, а какъ съ знакомой, не имѣющей пола.

Домъ Карагиныхъ былъ въ эту зиму въ Москвѣ самымъ пріятнымъ и гостепріимнымъ домомъ. Кромѣ званыхъ вечеровъ и обѣдовъ, каждый день у Карагиныхъ собиралось большое общество, въ особенности мужчинъ, ужинающихъ въ 12-мъ часу ночи и засиживающихся до 3-го часу. Не было бала, гулянья, театра, который бы пропускала Жюли. Туалеты ея были всегда самые модные. Но, несмотря на это, Жюли казалась разочарованной во всемъ, говорила всякому, что она не вѣритъ ни въ дружбу, ни въ любовь, ни въ какія радости жизни и ожидаетъ успокоенія только *тамъ*. Она усвоила себѣ тонъ дѣвушки, понесшей великое разочарованіе, — дѣвушки, какъ будто потерявшей любимаго человѣка или жестоко обманутой имъ. Хотя ничего подобнаго съ ней не случилось, на нее смотрѣли какъ на такую, и сама она даже вѣрила, что она много пострадала въ жизни. Эта меланхолія, не мѣшавшая ей веселиться, не мѣшала

бывавшимъ у нея молодымъ людямъ пріятно проводить время. Каждый гость, пріѣзжая къ нимъ, отдавалъ свой долгъ меланхолическому настроенію хозяйки и потомъ занимался и свѣтскими разговорами, и танцами, и умственными играми, и турнирами буриме, которые были въ модѣ у Карагиныхъ. Только нѣкоторые молодые люди, въ числѣ которыхъ былъ и Борисъ, болѣе углублялись въ меланхолическое настроеніе Жюли, и съ этими молодыми людьми она имѣла болѣе продолжительные и уединенные разговоры о тщетѣ всего мірского и имъ открывала свои альбомы, исписанные грустными изображеніями, изреченіями и стихами.

Жюли была особенно ласкова къ Борису: жалѣла о его раннемъ разочарованіи въ жизни, предлагала ему тѣ утѣшенія дружбы, которыя она могла предложить, сама такъ много пострадавъ въ жизни, и открыла ему свой альбомъ. Борисъ нарисовалъ ей въ альбомъ два дерева и написалъ: Arbres rustiques, vos sombres rameaux secouent sur moi les ténèbres et la mélancolie [1]).

Въ другомъ мѣстѣ онъ нарисовалъ гробницу и написалъ:

La mort est secourable et la mort est tranquille.
Ah! contre les douleurs il n'y a pas d'autre asile [2]).

Жюли сказала, что это прелестно.

— Il y a quelque chose de si ravissant dans le sourire de la mélancolie [3]), — сказала она Борису слово въ слово выписанное это мѣсто изъ книги. C'est un rayon de lumière dans l'ombre, une nuance entre la douleur et le désespoir, qui montre la consolation possible [4]).

На это Борисъ написалъ ей стихи:

Aliment de poison d'une âme trop sensible,
Toi, sans qui le bonheur me serait impossible,
Tendre mélancolie, ah, viens me consoler,
Viens calmer les tourments de ma sombre retraite
Et mêle une douceur secrète
A ces pleurs, que je sens couler [5]).

---

[1]) Уединенныя деревья, ваши темныя вѣтви стряхиваютъ на меня мракъ и меланхолію.

[2]) Въ смерти спасенье и въ смерти покой; нѣтъ противъ горя защиты иной!

[3]) Есть что-то такое обворожительное въ улыбкѣ меланхоліи.

[4]) Это лучъ свѣта въ тѣни, оттѣнокъ между грустью и отчаяніемъ, указывающій на возможность утѣшенія.

[5]) Ядъ, питающій слишкомъ чувствительную душу,
Ты, безъ которой мнѣ счастье было бы невозможно,
Нѣжная меланхолія, ахъ, приди, утѣшь меня;
Приди, утиши страданія моего мрачнаго уединенія
И примѣшай тайную сладость
Къ слезамъ, приливъ которыхъ я ощущаю.

Жюли играла Борису на арфѣ самые печальные ноктюрны. Борисъ читалъ ей вслухъ Бѣдную Лизу и не разъ прерывалъ чтеніе отъ волненія, захватывающаго его дыханіе. Встрѣчаясь въ большомъ обществѣ, Жюли и Борисъ смотрѣли другъ на друга, какъ на единственныхъ людей въ мірѣ, равнодушныхъ, понимавшихъ одинъ другого.

Анна Михайловна, часто ѣздившая къ Карагинымъ, составляя партію матери, между тѣмъ наводила вѣрныя справки о томъ, что̀ отдавалось за Жюли (отдавались оба пензенскія имѣнія и нижегородскіе лѣса). Анна Михайловна съ преданностью волѣ Провидѣнія и умиленіемъ смотрѣла на утонченную печаль, которая связывала ея сына съ богатой Жюли.

— Toujours charmante et mélancolique, cette chère Julie [1],— говорила она дочери. — Борисъ говоритъ, что онъ отдыхаетъ душой въ вашемъ домѣ. Онъ такъ много понесъ разочарованій и такъ чувствителенъ, — говорила она матери. — Ахъ, мой другъ, какъ я привязалась къ Жюли послѣднее время, — говорила она сыну, — не могу тебѣ описать! Да и кто можетъ не любить ея? Это такое неземное существо! Ахъ, Борисъ, Борисъ! — Она замолкала на минуту. — И какъ мнѣ жалко ея maman, — продолжала она, — нынче она показывала мнѣ отчеты и письма изъ Пензы (у нихъ огромное имѣніе), и она бѣдная все сама, одна: ее такъ обманываютъ.

Борисъ чуть замѣтно улыбался, слушая мать. Онъ кротко смѣялся надъ ея простодушной хитростью, но выслушивалъ и иногда выспрашивалъ ее внимательно о пензенскихъ и нижегородскихъ имѣніяхъ.

Жюли уже давно ожидала предложенія отъ своего меланхолическаго обожателя и готова была принять его: но какое-то тайное чувство отвращенія къ ней, къ ея страстному желанію выйти замужъ, къ ея ненатуральности и чувство ужаса передъ отреченіемъ отъ возможности настоящей любви еще останавливало Бориса. Срокъ его отпуска уже кончался. Цѣлые дни и каждый Божій день онъ проводилъ у Карагиныхъ, и каждый день, разсуждая самъ съ собой, Борисъ говорилъ себѣ, что онъ завтра сдѣлаетъ предложеніе. Но въ присутствіи Жюли, глядя на ея красное лицо и подбородокъ, почти всегда осыпанный пудрой, на ея влажные глаза и на выраженіе лица, изъявлявшаго всегдашнюю готовность изъ меланхоліи тотчасъ же перейти къ неестественному восторгу супружескаго счастья, Борисъ не могъ произнести рѣшительнаго слова, несмотря на то, что

---

[1]) Она все такъ же прелестна и меланхолична, эта милая Жюли.

онъ уже давно въ воображеніи своемъ считалъ себя обладателемъ пензенскихъ и нижегородскихъ имѣній и распредѣлялъ употребленіе съ нихъ доходовъ. Жюли видѣла нерѣшительность Бориса, и иногда ей приходила мысль, что она противна ему; но тотчасъ же женское самообольщеніе представляло ей утѣшеніе, и она говорила себѣ, что онъ застѣнчивъ только отъ любви. Меланхолія ея однако начинала переходить въ раздражительность, и незадолго передъ отъѣздомъ Бориса она предприняла рѣшительный планъ. Въ то самое время, какъ кончался срокъ отпуска Бориса, въ Москвѣ и, само собой разумѣется, въ гостиной Карагиныхъ появился Анатоль Курагинъ, и Жюли, неожиданно оставивъ меланхолію, стала очень весела и внимательна къ Курагину.

— Mon cher, — сказала Анна Михайловна сыну, — je sais de bonne source que le Prince Basile envoie son fils à Moscou pour lui faire épouser Julie [1]). Я такъ люблю Жюли, что мнѣ жалко бы было ея. Какъ ты думаешь, мой другъ?—сказала Анна Михайловна.

Мысль остаться въ дуракахъ и даромъ потерять весь этотъ мѣсяцъ тяжелой меланхолической службы при Жюли и видѣть всѣ расписанные уже и употребленные какъ слѣдуетъ въ его воображеніи доходы съ пензенскихъ имѣній въ рукахъ другого, въ особенности въ рукахъ глупаго Анатоля, оскорбляло Бориса. Онъ поѣхалъ къ Карагинымъ съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе. Жюли встрѣтила его съ веселымъ и беззаботнымъ видомъ, небрежно разсказывала о томъ, какъ ей весело было на вчерашнемъ балѣ, и спрашивала, когда онъ ѣдетъ. Несмотря на то, что Борисъ пріѣхалъ съ намѣреніемъ говорить о своей любви и потому намѣревался быть нѣжнымъ, онъ раздражительно сталъ говорить о женскомъ непостоянствѣ: о томъ, какъ женщины легко могутъ переходить отъ грусти къ радости, и что у нихъ расположеніе духа зависитъ только отъ того, кто за ними ухаживаетъ. Жюли оскорбилась и сказала, что это правда, что для женщины нужно разнообразіе, что все одно и одно и то же надоѣстъ каждому.

— Для этого я бы совѣтовалъ вамъ... — началъ было Борисъ, желая сказать ей колкость; но въ ту же минуту ему пришла оскорбительная мысль, что онъ можетъ уѣхать изъ Москвы, не достигнувъ своей цѣли и даромъ потерявъ свои труды (чего съ нимъ никогда ни въ чемъ не бывало).

---

[1]) Мой милый, я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что князь Василій присылаетъ своего сына въ Москву для того, чтобы женить его на Жюли.

Онъ остановился въ серединѣ рѣчи, опустилъ глаза, чтобы не видать ея непріятно раздраженнаго и нерѣшительнаго лица и сказалъ:

— Я совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобы ссориться съ вами, пріѣхалъ сюда. Напротивъ...

Онъ взглянулъ на нее, чтобы увѣриться, можно ли продолжать. Все раздраженіе ея вдругъ исчезло, и безпокойные, просящіе глаза были съ жаднымъ ожиданіемъ устремлены на него. «Я всегда могу устроиться такъ, чтобы рѣдко видѣть ее, — подумалъ Борисъ. — А дѣло начато и должно быть сдѣлано!» Онъ вспыхнулъ румянцемъ, поднялъ на нее глаза и сказалъ ей:

— Вы знаете мои чувства къ вамъ!

Говорить больше не нужно было: лицо Жюли сіяло торжествомъ и самодовольствомъ; но она заставила Бориса сказать ей все, что̀ говорится въ такихъ случаяхъ, — сказать, что онъ любитъ ее и никогда ни одну женщину не любилъ болѣе ея. Она знала, что за пензенскія имѣнія и нижегородскіе лѣса она могла требовать этого и получила то, что̀ требовала.

Женихъ съ невѣстой, не понимая болѣе о деревьяхъ, обсыпающихъ ихъ мракомъ и меланхоліей, дѣлали планы о будущемъ устройствѣ блестящаго дома въ Петербургѣ, дѣлали визиты и приготавливали все для блестящей свадьбы.

VI.

Графъ Илья Андреевичъ въ концѣ января съ Наташей и Соней пріѣхалъ въ Москву. Графиня все была нездорова и не могла ѣхать, — а нельзя было ждать ея выздоровленія: князя Андрея ждали въ Москву каждый день; кромѣ того, нужно было закупать приданое, нужно было продавать подмосковную и нужно было воспользоваться присутствіемъ стараго князя въ Москвѣ, чтобы представить ему его будущую невѣстку. Домъ Ростовыхъ въ Москвѣ былъ нетопленъ; кромѣ того, они пріѣхали на короткое время, графини не было съ ними, а потому Илья Андреевичъ рѣшился остановиться въ Москвѣ у Марьи Дмитріевны Ахросимовой, давно предлагавшей графу свое гостепріимство.

Поздно вечеромъ четыре возка Ростовыхъ въѣхали во дворъ Марьи Дмитріевны въ Старой Конюшенной. Марья Дмитріевна жила одна. Дочь свою она уже выдала замужъ. Сыновья ея всѣ были на службѣ.

Она держалась все такъ же прямо, говорила такъ же прямо, громко и рѣшительно всѣмъ свое мнѣніе и всѣмъ своимъ существомъ какъ будто упрекала другихъ людей за всякія сла-

бости, страсти и увлеченія, которыхъ возможности она не признавала. Съ ранняго утра въ кацавейкѣ, она занималась домашнимъ хозяйствомъ, потомъ ѣздила: по праздникамъ къ обѣднѣ и отъ обѣдни въ остроги и тюрьмы, гдѣ у нея бывали дѣла, о которыхъ она никому не говорила; по буднямъ, одѣвшись, дома принимала просителей разныхъ сословій, которые каждый день приходили къ ней, и потомъ обѣдала; за обѣдомъ, сытнымъ и вкуснымъ, всегда бывало человѣка три-четыре гостей; послѣ обѣда дѣлала партію въ бостонъ; на ночь заставляла себѣ читать газеты и новыя книги, а сама вязала. Рѣдко она дѣлала исключенія для выѣздовъ, и ежели выѣзжала, то ѣздила только къ самымъ важнымъ лицамъ въ городѣ.

Она еще не ложилась, когда пріѣхали Ростовы, и въ передней завизжала дверь на блокѣ, пропуская входившихъ съ холода Ростовыхъ и ихъ прислугу. Марья Дмитріевна, съ очками, спущенными на носъ, закинувъ назадъ голову, стояла въ дверяхъ залы и строгимъ, сердитымъ видомъ смотрѣла на входящихъ. Можно бы было подумать, что она озлоблена противъ пріѣзжихъ и сейчасъ выгонитъ ихъ, ежели бы она не отдавала въ это время заботливыхъ приказаній людямъ о томъ, какъ размѣстить гостей и ихъ вещи.

— Графскія? — сюда неси, — говорила она, указывая на чемоданы и ни съ кѣмъ не здороваясь. — Барышни — сюда, налѣво. Ну, вы что лебезите! — крикнула она на дѣвокъ. — Самоваръ чтобы согрѣть! Пополнѣла, похорошѣла, — проговорила она, притянувъ къ себѣ за капоръ разрумянившуюся съ мороза Наташу. — Фу, холодная! Да раздѣвайся же скорѣе, — крикнула она на графа, хотѣвшаго подойти къ ея рукѣ. — Замерзъ, небось. Рому къ чаю подать! Сонюшка, bonjour, — сказала она Сонѣ, этимъ французскимъ привѣтствіемъ оттѣняя свое слегка презрительное и ласковое отношеніе къ Сонѣ.

Когда всѣ, раздѣвшись и оправившись съ дороги, пришли къ чаю, Марья Дмитріевна по порядку перецѣловала всѣхъ.

— Душой рада, что пріѣхали и что у меня остановились, — говорила она. — Давно пора, — сказала она, значительно взглянувъ на Наташу. — Старикъ здѣсь, и сына ждутъ со дня на день. Надо, надо съ нимъ познакомиться. Ну, да объ этомъ послѣ поговоримъ, — прибавила она, оглянувъ Соню взглядомъ, показывающимъ, что она при ней не желаетъ говорить объ этомъ. — Теперь слушай, — обратилась, — она къ графу, — завтра что же тебѣ надо? За кѣмъ пошлешь? Шиншина? — она загнула одинъ палецъ. — Плаксу Анну Михайловну? — два. Она здѣсь съ сыномъ. Женится сынъ-то! Потомъ Безухова, что ль? И онъ здѣсь съ же-

ной. Онъ отъ нея убѣжалъ, а она за нимъ прискакала. Онъ обѣдалъ у меня въ среду. Ну, а ихъ—она указала на барышень—завтра свожу къ Иверской, а потомъ къ Оберъ-Шельмѣ заѣдемъ. Вѣдь, небось, все новое дѣлать будете? Съ меня не берите; нынче рукава — вотъ что! Намедни княжна Ирина Васильевна молодая ко мнѣ пріѣхала: страхъ глядѣть, точно два боченка на руки надѣла. Вѣдь нынче что день — новая мода. Да у тебя-то у самого какія дѣла? — обратилась она строго къ графу.

— Все вдругъ подошло,—отвѣчалъ графъ.—Тряпки покупать, а тутъ еще покупатель на подмосковную и на домъ. Ужъ ежели милость ваша будетъ, я времечко выберу, съѣзжу въ Маринское на денекъ, вамъ дѣвчатъ моихъ прикину.

— Хорошо, хорошо, у меня цѣлы будутъ. У меня какъ въ опекунскомъ совѣтѣ. Я ихъ и вывезу куда надо, и побраню, и поласкаю, — сказала Марья Дмитріевна, дотрогиваясь большой рукой до щеки любимицы и крестницы своей Наташи.

На другой день утромъ Марья Дмитріевна свозила барышень къ Иверской и къ m-me Оберъ-Шальме, которая такъ боялась Марью Дмитріевну, что всегда въ убытокъ уступала ей наряды, только бы поскорѣе выжить ее отъ себя. Марья Дмитріевна заказала почти все приданое. Вернувшись, она выгнала всѣхъ, кромѣ Наташи, изъ комнаты и подозвала свою любимицу къ своему креслу.

— Ну, теперь поговоримъ. Поздравляю тебя съ женишкомъ. Подцѣпила молодца! Я рада за тебя; и его съ такихъ лѣтъ знаю (она указала на аршинъ отъ земли).—Наташа радостно краснѣла.—Я его люблю и всю семью его. Теперь слушай. Ты вѣдь знаешь, старикъ князь Николай очень не желалъ, чтобы сынъ женился. Нравный старикъ! Оно разумѣется, князь Андрей не дитя, и безъ него обойдется; да противъ воли въ семью входить нехорошо. Надо мирно, любовно. Ты умница, сумѣешь обойтись какъ надо. Ты добренько и умненько обойдись. Вотъ все и хорошо будетъ.

Наташа молчала, какъ думала Марья Дмитріевна, отъ застѣнчивости, но въ сущности Наташѣ было непріятно, что вмѣшивались въ ея дѣло любви князя Андрея, которое представлялось ей такимъ особеннымъ отъ всѣхъ людскихъ дѣлъ, что никто, по ея понятіямъ, не могъ понимать его. Она любила и знала одного князя Андрея, онъ любилъ ее и долженъ былъ пріѣхать на-дняхъ и взять ее. Больше ей ничего не нужно было.

— Ты видишь ли, я его давно знаю, и Машеньку, твою золовку, люблю. Золовки — колотовки; ну, а ужъ эта мухи не

обидитъ. Она меня просила ее съ тобой свести. Ты завтра съ отцомъ къ ней поѣдешь, да приласкайся хорошенько: ты моложе ея. Какъ твой-то пріѣдетъ, а ужъ ты и съ сестрой и съ отцомъ знакома, и тебя полюбили. Такъ или нѣтъ? Вѣдь лучше будетъ?

— Лучше, — неохотно отвѣчала Наташа.

VII.

— На другой день, по совѣту Марьи Дмитріевны, графъ Илья Андреевичъ поѣхалъ съ Наташей къ князю Николаю Андреевичу. Графъ съ невеселымъ духомъ собирался на этотъ визитъ: въ душѣ ему было страшно. Послѣднее свиданіе во время ополченія, когда графъ, въ отвѣтъ на свое приглашеніе къ обѣду, выслушалъ горячій выговоръ за недоставленіе людей, было памятно графу Ильѣ Андреевичу. Наташа, одѣвшись въ свое лучшее платье, была, напротивъ, въ самомъ веселомъ расположеніи духа. «Не можетъ быть, чтобы они не полюбили меня», думала она: «меня всѣ всегда любили. И я такъ готова сдѣлать для нихъ все, что̀ они пожелаютъ, такъ готова полюбить его — за то, что онъ отецъ, а ее — за то, что она сестра, что не за что имъ не полюбить меня!»

Они подъѣхали къ старому, мрачному дому на Воздвиженкѣ и вошли въ сѣни.

— Ну, Господи благослови, — проговорилъ графъ полушутя, полусерьезно; но Наташа замѣтила, что отецъ ея заторопился, входя въ переднюю, и робко, тихо спросилъ, дома ли князь и княжна.

Послѣ доклада о ихъ пріѣздѣ между прислугой князя произошло смятеніе. Лакей, побѣжавшій докладывать о нихъ, былъ остановленъ другимъ лакеемъ въ залѣ, и они шептали о чемъ-то. Въ залу выбѣжала горничная дѣвушка и торопливо тоже говорила что-то, упоминая о княжнѣ. Наконецъ одинъ старый, съ сердитымъ видомъ лакей вышелъ и доложилъ Ростовымъ, что князь принять не можетъ, а княжна проситъ къ себѣ. Первая навстрѣчу гостямъ вышла m-lle Bourienne. Она особенно учтиво встрѣтила отца съ дочерью и проводила ихъ къ княжнѣ. Княжна съ взволнованнымъ, испуганнымъ и покрытымъ красными пятнами лицомъ выбѣжала, тяжело ступая, навстрѣчу къ гостямъ, тщетно пытаясь казаться свободной и радушной. Наташа съ перваго взгляда не понравилась княжнѣ Марьѣ. Она ей показалась слишкомъ нарядной, легкомысленно-веселой и тщеславной. Княжна Марья не знала, что прежде, чѣмъ она увидала свою

будущую невѣстку, она уже была дурно расположена къ ней по невольной зависти къ ея красотѣ, молодости и счастью и по ревности къ любви своего брата. Кромѣ этого непреодолимаго чувства антипатіи къ ней, княжна Марья въ эту минуту была взволнована еще тѣмъ, что, при докладѣ о пріѣздѣ Ростовыхъ, князь закричалъ, что ему ихъ не нужно, что пусть княжна Марья принимаетъ, если хочетъ, а чтобъ къ нему ихъ не пускали. Княжна Марья рѣшилась принять Ростовыхъ, но всякую минуту боялась, какъ бы князь не сдѣлалъ какую-нибудь выходку, такъ какъ онъ казался очень взволнованнымъ пріѣздомъ Ростовыхъ.

— Ну вотъ, я вамъ, княжна милая, привезъ мою пѣвунью, — сказалъ графъ, расшаркиваясь и безпокойно оглядываясь, какъ будто онъ боялся, не взойдетъ ли старый князь.—Ужъ какъ я радъ, что вы познакомитесь... Жаль, жаль, что князь все нездоровъ,—и, сказавъ еще нѣсколько общихъ фразъ, онъ всталъ.— Ежели позволите, княжна, на четверть часика вамъ прикинуть мою Наташу; я бы съѣздилъ, тутъ два шага, на Собачью площадку, къ Аннѣ Семеновнѣ, и заѣду за ней.

Илья Андреевичъ придумалъ эту дипломатическую хитрость для того, чтобы дать просторъ будущей золовкѣ объясниться съ своей невѣсткой (какъ онъ сказалъ это послѣ дочери), и еще для того, чтобы избѣжать возможности встрѣчи съ княземъ, котораго онъ боялся. Онъ не сказалъ этого дочери; но Наташа поняла этотъ страхъ и безпокойство своего отца и почувствовала себя оскорбленной. Она покраснѣла за своего отца, еще болѣе разсердилась за то, что покраснѣла, и смѣлымъ, вызывающимъ взглядомъ, говорившимъ про то, что она никого не боится, взглянула на княжну. Княжна сказала графу, что очень рада и проситъ его только пробыть подольше у Анны Семеновны; и Илья Андреевичъ уѣхалъ.

M-lle Bourienne, несмотря на безпокойные, бросаемые на нее взгляды княжны Марьи, желавшей съ глазу на глазъ поговорить съ Наташей, не выходила изъ комнаты и держала твердо разговоръ о московскихъ удовольствіяхъ и театрахъ. Наташа была оскорблена замѣшательствомъ, происшедшимъ въ передней, безпокойствомъ своего отца и неестественнымъ тономъ княжны, которая — ей казалось — дѣлала милость, принимая ее. И потому все ей было непріятно. Княжна Марья ей не нравилась. Она казалась ей очень дурной собою, притворной и сухой. Наташа вдругъ нравственно съежилась и приняла невольно такой небрежный тонъ, который еще болѣе отталкивалъ отъ нея княжну Марью. Послѣ пяти минутъ тяжелаго, притворнаго разговора послышались приближающіеся быстрые шаги въ туфляхъ. Лицо

княжны Марьи выразило испугъ, дверь комнаты отворилась, и вошелъ князь въ бѣломъ колпакѣ и халатѣ.

— Ахъ, сударыня,—заговорилъ онъ,—сударыня, графиня... графиня Ростова, коли не ошибаюсь... прошу извинить, извинить... Не зналъ, сударыня, видитъ Богъ, не зналъ, что вы удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ; къ дочери зашелъ въ такомъ костюмѣ. Извинить прошу... видитъ Богъ, не зналъ,— повторялъ онъ такъ ненатурально, ударяя на слово Богъ, и такъ непріятно, что княжна Марья стояла, опустивъ глаза, не смѣя взглянуть ни на отца, ни на Наташу.

Наташа, вставъ и присѣвъ, тоже не знала, что ей дѣлать. Одна m-lle Bourienne пріятно улыбалась.

— Прошу извинить, прошу извинить! Видитъ Богъ, не зналъ,— пробурчалъ старикъ и, осмотрѣвъ съ головы до ногъ Наташу, вышелъ.

M-lle Bourienne первая нашлась послѣ этого появленія и начала разговоръ про нездоровье князя. Наташа и княжна Марья молча смотрѣли другъ на друга, и чѣмъ дальше онѣ молча смотрѣли другъ на друга, не высказывая того, что имъ нужно было высказать, тѣмъ недоброжелательнѣе онѣ думали другъ о другѣ.

Когда графъ вернулся, Наташа неучтиво обрадовалась ему и заторопилась уѣзжать: она почти ненавидѣла въ эту минуту старую, сухую княжну, которая могла поставить ее въ такое неловкое положеніе и провести съ ней полчаса, ничего не сказавъ о князѣ Андреѣ. «Вѣдь я не могла же начать первая говорить о немъ при этой французенкѣ», думала Наташа. Княжна Марья между тѣмъ мучилась тѣмъ же самымъ. Она знала, что̀ ей надо было сказать Наташѣ, но она не могла этого сдѣлать и потому, что m-lle Bourienne мѣшала ей, и потому, что она сама не знала, отчего ей такъ тяжело было начать говорить объ этомъ бракѣ. Когда уже графъ выходилъ изъ комнаты, княжна Марья быстрыми шагами подошла къ Наташѣ, взяла ее за руки и, тяжело вздохнувъ, сказала:

— Постойте, мнѣ надо...

Наташа насмѣшливо, сама не зная надъ чѣмъ, смотрѣла на княжну Марью.

— Милая Натали, — сказала княжна Марья, — знайте, что я рада тому, что братъ нашелъ счастье...

Она остановилась, чувствуя, что она говоритъ неправду. Наташа замѣтила эту остановку и угадала причину ея.

— Я думаю, княжна, что теперь неудобно говорить объ этомъ, — сказала Наташа съ внѣшнимъ достоинствомъ и холодностью и съ слезами, которыя она чувствовала въ горлѣ.

«Что я сказала, что я сдѣлала!» подумала она, какъ только вышла изъ комнаты.

Долго ждали въ этотъ день Наташу къ обѣду. Она сидѣла въ своей комнатѣ и рыдала какъ ребенокъ, сморкаясь и всхлипывая. Соня стояла надъ ней и цѣловала ее въ волосы.

— Наташа, о чемъ ты? — говорила она. — Что тебѣ за дѣло до нихъ? Все пройдетъ, Наташа.

— Нѣтъ, ежели бы ты знала, какъ это обидно... точно я...

— Не говори, Наташа; вѣдь ты не виновата, такъ что̀ тебѣ за дѣло? Поцѣлуй меня, — сказала Соня.

Наташа подняла голову и, въ губы поцѣловавъ свою подругу, прижала къ ней свое мокрое лицо.

— Я не могу сказать, я не знаю. Никто не виноватъ, — говорила Наташа, — я виновата. Но все это больно ужасно. Ахъ, что онъ не ѣдетъ!..

Она съ красными глазами вышла къ обѣду. Марья Дмитріевна, знавшая о томъ, какъ князь принялъ Ростовыхъ, сдѣлала видъ, что она не замѣчаетъ разстроеннаго лица Наташи, и твердо и громко шутила за столомъ съ графомъ и другими гостями.

VIII.

Въ этотъ вечеръ Ростовы поѣхали въ оперу, на которую Марья Дмитріевна достала билетъ.

Наташѣ не хотѣлось ѣхать, но нельзя было отказаться отъ ласковости Марьи Дмитріевны, исключительно для нея предназначенной. Когда она, одѣтая, вышла въ залу, дожидаясь отца, и, поглядѣвшись въ большое зеркало, увидала, что она хороша, очень хороша, ей еще болѣе стало грустно; но грустно, сладостно и любовно.

«Боже мой, ежели бы онъ былъ тутъ, тогда бы я не такъ, какъ прежде, съ какой-то глупой робостью передъ чѣмъ-то, а по-новому, просто, обняла бы его, прижалась бы къ нему, заставила бы его смотрѣть на меня тѣми искательными, любопытными глазами, которыми онъ такъ часто смотрѣлъ на меня, и потомъ заставила бы его смѣяться, какъ онъ смѣялся тогда. И глаза его — какъ я вижу эти глаза!» думала Наташа. «И что мнѣ за дѣло до его отца и сестры: я люблю его, одного его — его, съ этимъ лицомъ и глазами, съ его улыбкой, мужской и вмѣстѣ дѣтской... Нѣтъ, лучше не думать о немъ; не думать, забыть, совсѣмъ забыть на это время. Я не вынесу этого ожиданія, сейчасъ зарыдаю», и она отошла отъ зеркала, дѣлая

надъ собой усилія, чтобъ не заплакать. «И какъ можетъ Соня такъ ровно, такъ спокойно любить Николеньку и ждать такъ долго и терпѣливо!» подумала она, глядя на входившую, тоже одѣтую, съ вѣеромъ въ рукахъ Соню. «Нѣтъ, она совсѣмъ другая. Я не могу!»

Наташа чувствовала себя въ эту минуту такой размягченной и разнѣженной, что ей мало было любить и знать, что она любима: ей нужно теперь, сейчасъ нужно было обнять любимаго человѣка и говорить и слышать отъ него слова любви, которыми было полно ея сердце. Пока она ѣхала въ каретѣ, сидя рядомъ съ отцомъ, и задумчиво глядѣла на мелькавшіе въ мерзломъ окнѣ огни фонарей, она чувствовала себя еще влюбленнѣе и грустнѣе и забыла, съ кѣмъ и куда она ѣдетъ. Попавъ въ вереницу каретъ, медленно визжа колесами по снѣгу, карета Ростовыхъ подъѣхала къ театру. Поспѣшно выскочили Наташа и Соня, подбирая платья; вышелъ графъ, поддерживаемый лакеями, и, между входившими дамами и мужчинами и продающими афиши, всѣ трое пошли въ коридоръ бенуара. Изъ-за притворенныхъ дверей уже слышались звуки музыки.

— Nathalie, vos cheveux... [1]) — прошептала Соня.

Капельдинеръ учтиво и поспѣшно проскользнулъ передъ дамами и отворилъ дверь ложи. Музыка ярче стала слышна, въ дверь блеснули освѣщенные ряды ложъ съ обнаженными плечами и руками дамъ и шумящій и блестящій мундирами партеръ. Дама, входящая въ сосѣдній бенуаръ, оглянула Наташу женскимъ, завистливымъ взглядомъ. Занавѣсъ еще не поднимался, и играли увертюру. Наташа, оправляя платье, прошла вмѣстѣ съ Соней и сѣла, оглядывая освѣщенные ряды противоположныхъ ложъ. Давно не испытанное ею ощущеніе того, что сотни глазъ смотрятъ на ея обнаженныя руки и шею, вдругъ и пріятно и непріятно охватило ее, вызывая цѣлый рой соотвѣтствующихъ этому ощущенію воспоминаній, желаній и волненій.

Двѣ замѣчательно хорошенькія дѣвушки, Наташа и Соня, съ графомъ Ильей Андреевичемъ, котораго давно не видно было въ Москвѣ, обратили на себя общее вниманіе. Кромѣ того, всѣ знали смутно про сговоръ Наташи съ княземъ Андреемъ, знали, что съ тѣхъ поръ Ростовы жили въ деревнѣ, и съ любопытствомъ смотрѣли на невѣсту одного изъ лучшихъ жениховъ Россіи.

Наташа похорошѣла въ деревнѣ, какъ всѣ ей говорили, а въ этотъ вечеръ, благодаря своему взволнованному состоянію, была особенно хороша. Она поражала полнотой жизни и красоты

---

[1]) Натали, твои волосы...

въ соединеніи съ равнодушіемъ ко всему окружающему. Ея черные глаза смотрѣли на толпу, никого не отыскивая, а тонкая, обнаженная выше локтя рука, облокоченная на бархатную рампу, очевидно безсознательно, въ тактъ увертюры, сжималась и разжималась, комкая афишу.

— Посмотри, вотъ Аленина, — говорила Соня, — съ матерью, кажется!

— Батюшки! Михаилъ Кирилычъ-то еще потолстѣлъ, — говорилъ старый графъ.

— Смотрите! Анна Михайловна наша въ токѣ какой!

— Карагины, Жюли—и Борисъ съ ними. Сейчасъ видно жениха съ невѣстой. Друбецкой сдѣлалъ предложеніе?

— Какъ же, нынче узналъ, — сказалъ Шиншинъ, входившій въ ложу Ростовыхъ.

Наташа посмотрѣла по тому направленію, по которому смотрѣлъ отецъ, и увидала Жюли, которая съ жемчугами на толстой красной шеѣ (Наташа знала, обсыпанной пудрою) сидѣла съ счастливымъ видомъ рядомъ съ матерью. Позади ихъ, съ улыбкой, наклоненная ухомъ ко рту Жюли, виднѣлась гладко причесанная, красивая голова Бориса. Онъ исподлобья смотрѣлъ на Ростовыхъ и улыбаясь говорилъ что-то своей невѣстѣ.

«Они говорятъ про насъ, про меня съ нимъ!» подумала Наташа. «И онъ, вѣрно, успокоиваетъ ревность ко мнѣ своей невѣсты: напрасно безпокоятся! Ежели бы они знали, какъ мнѣ ни до кого изъ нихъ нѣтъ дѣла».

Сзади сидѣла въ зеленой токѣ, съ преданнымъ волѣ Божьей и счастливымъ, праздничнымъ лицомъ Анна Михайловна. Въ ложѣ ихъ стояла та атмосфера — жениха съ невѣстой, которую такъ знала и любила Наташа. Она отвернулась, и вдругъ все, что̀ было унизительнаго въ ея утреннемъ посѣщеніи, вспомнилось ей.

«Какое право онъ имѣетъ не хотѣть принять меня въ свое родство? Ахъ, лучше не думать объ этомъ, не думать до его пріѣзда!» сказала она себѣ и стала оглядывать знакомыя и незнакомыя лица въ партерѣ. Впереди партера, въ самой серединѣ, облокотившись спиной къ рампѣ, стоялъ Долоховъ съ огромной, кверху зачесанной копной курчавыхъ волосъ, въ персидскомъ костюмѣ. Онъ стоялъ на самомъ виду театра, зная, что онъ обращаетъ на себя вниманіе всей залы, такъ же свободно, какъ будто онъ стоялъ въ своей комнатѣ. Около него, столпившись, стояла самая блестящая молодежь Москвы, и онъ, видимо, первенствовалъ между ними.

Графъ Илья Андреевичъ, смѣясь, подтолкнулъ краснѣющую Соню, указывая ей на прежняго обожателя.

— Узнала? — спросилъ онъ. — И откуда онъ взялся, — обратился графъ къ Шиншину, — вѣдь онъ пропадалъ куда-то?

— Пропадалъ, — отвѣчалъ Шиншинъ. — На Кавказѣ былъ, а тамъ бѣжалъ и, говорятъ, у какого-то владѣтельнаго князя былъ министромъ въ Персіи, убилъ тамъ брата шахова: ну, съ ума всѣ и сходятъ московскія барыни! Dolochoff le Persan, да и кончено. У насъ теперь нѣтъ слова безъ Долохова: имъ клянутся, на него зовутъ, какъ на стерлядь, — говорилъ Шиншинъ. — Долоховъ да Курагинъ Анатоль всѣхъ у насъ барынь съ ума свели.

Въ сосѣдній бенуаръ вошла высокая красивая дама съ огромной косой и очень оголенными, бѣлыми, полными плечами и шеей, на которой была двойная нитка большихъ жемчуговъ, и долго усаживалась, шумя своимъ толстымъ шелковымъ платьемъ.

Наташа невольно вглядывалась въ эту шею, плечи, жемчуги, прическу и любовалась красотой плечъ и жемчуговъ. Въ то время, какъ Наташа уже второй разъ вглядывалась въ нее, дама оглянулась и, встрѣтившись глазами съ графомъ Ильей Андреевичемъ, кивнула ему головой и улыбнулась. Это была графиня Безухова, жена Пьера. Илья Андреевичъ, знавшій всѣхъ на свѣтѣ, перегнувшись, заговорилъ съ ней.

— Давно пожаловали, графиня? — заговорилъ онъ. — Приду, приду, ручку поцѣлую. А я вотъ пріѣхалъ по дѣламъ и дѣвочекъ своихъ съ собой привезъ. Безподобно, говорятъ, Семенова играетъ, — говорилъ Илья Андреевичъ. — Графъ Петръ Кирилловичъ насъ никогда не забывалъ. Онъ здѣсь?

— Да, онъ хотѣлъ зайти, — сказала Эленъ и внимательно посмотрѣла на Наташу.

Графъ Илья Андреевичъ опять сѣлъ на свое мѣсто.

— Вѣдь хороша? — шопотомъ сказалъ онъ Наташѣ.

— Чудо! — сказала Наташа, — вотъ влюбиться можно!

Въ это время зазвучали послѣдніе аккорды увертюры и застучала палочка капельмейстера. Въ партерѣ прошли на мѣста запоздавшіе мужчины, и поднялся занавѣсъ.

Какъ только поднялась занавѣсь, въ ложахъ и въ партерѣ все замолкло, и всѣ мужчины, старые и молодые, въ мундирахъ и фракахъ, всѣ женщины, въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ на голомъ тѣлѣ, съ жаднымъ любопытствомъ устремили все вниманіе на сцену. Наташа тоже стала смотрѣть.

IX.

На сценѣ были ровныя доски посрединѣ, съ боковъ стояли крашеныя картины, изображавшія деревья, позади было протянуто полотно на доскахъ. Въ серединѣ сцены сидѣли дѣвицы въ красныхъ корсажахъ и бѣлыхъ юбкахъ. Одна, очень толстая, въ шелковомъ бѣломъ платьѣ, сидѣла особо на низкой скамеечкѣ, къ которой былъ приклеенъ сзади зеленый картонъ. Всѣ онѣ пѣли что-то. Когда онѣ кончили свою пѣсню, дѣвица въ бѣломъ подошла къ будочкѣ суфлера, и къ ней подошелъ мужчина въ шелковыхъ, въ обтяжку, панталонахъ на толстыхъ ногахъ, съ перомъ и кинжаломъ и сталъ пѣть и разводить руками.

Мужчина въ обтянутыхъ панталонахъ пропѣлъ одинъ, потомъ пропѣла она. Потомъ оба замолчали, заиграла музыка, и мужчина сталъ перебирать пальцами руку дѣвицы въ бѣломъ платьѣ, очевидно выжидая опять такта, чтобы начать свою партію вмѣстѣ съ нею. Они пропѣли вдвоемъ, и всѣ въ театрѣ стали хлопать и кричать, а мужчины и женщины на сценѣ, которые изображали влюбленныхъ, стали, улыбаясь и разводя руками, кланяться.

Послѣ деревни и въ томъ серьезномъ настроеніи, въ которомъ находилась Наташа, все это было дико и удивительно ей. Она не могла слѣдить за ходомъ оперы, не могла даже слышать музыку: она видѣла только крашеные картоны и странно наряженныхъ мужчинъ и женщинъ, при яркомъ свѣтѣ, странно двигавшихся, говорившихъ и пѣвшихъ; она знала, что̀ все это должно было представлять, но все это было такъ вычурно-фальшиво и ненатурально, что ей становилось то совѣстно за актеровъ, то смѣшно на нихъ. Она оглядывалась вокругъ себя, на лица зрителей, отыскивая въ нихъ то же чувство насмѣшки и недоумѣнія, которое было въ ней; но всѣ лица были внимательны къ тому, что̀ происходило на сценѣ, и выражали притворное, какъ казалось Наташѣ, восхищеніе. «Должно-быть, это такъ надобно!» думала Наташа. Она попеременно оглядывалась то на эти ряды припомаженныхъ головъ въ партерѣ, то на оголенныхъ женщинъ въ ложахъ, въ особенности на свою сосѣдку Эленъ, которая, совершенно раздѣтая, съ тихой и спокойной улыбкой, не спуская глазъ, смотрѣла на сцену, ощущая яркій свѣтъ, разлитый по всей залѣ, и теплый, толпою согрѣтый воздухъ. Наташа мало-по-малу начинала приходить въ давно не испытанное ею состояніе опьянѣнія. Она не помнила, что̀ она и гдѣ она, и что̀ передъ ней дѣлается. Она смотрѣла и думала, и самыя странныя мысли неожиданно, безъ связи,

мелькали въ ея головѣ. То ей приходила мысль вскочить на рампу и пропѣть ту арію, которую пѣла актриса, то ей хотѣлось зацѣпить вѣеромъ недалеко отъ нея сидѣвшаго старичка, то перегнуться къ Эленъ и защекотать ее.

Въ одну изъ минутъ, когда на сценѣ все затихло, ожидая начала аріи, скрипнула входная дверь партера на той сторонѣ, гдѣ была ложа Ростовыхъ, и зазвучали шаги запоздавшаго мужчины. «Вотъ онъ — Курагинъ!» прошепталъ Шиншинъ. Графиня Безухова обернулась, улыбаясь къ входящему. Наташа посмотрѣла по направленію глазъ графини Безуховой и увидала необыкновенно красиваго адъютанта, съ самоувѣреннымъ и вмѣстѣ учтивымъ видомъ подходящаго къ ихъ ложѣ. Это былъ Анатоль Курагинъ, котораго она давно видѣла и замѣтила на петербургскомъ балѣ. Онъ былъ теперь въ адъютантскомъ мундирѣ съ одной эполетой и аксельбантомъ. Онъ шелъ сдержанной молодецкой походкой, которая была бы смѣшна, ежели бы онъ не былъ такъ хорошъ собой и ежели бы на прекрасномъ лицѣ не было такого выраженія добродушнаго довольства и веселія. Несмотря на то, что дѣйствіе шло, онъ, не торопясь, слегка побрякивая шпорами и саблей, плавно и высоко неся свою надушенную красивую голову, шелъ по ковру коридора. Взглянувъ на Наташу, онъ подошелъ къ сестрѣ, положилъ руку въ облитой перчаткѣ на край ея ложи, тряхнулъ ей головой и, наклонясь, спросилъ что-то, указывая на Наташу.

— Mais charmante! [1]) — сказалъ онъ, очевидно, про Наташу, какъ не столько слышала она, сколько поняла по движенію его губъ. Потомъ онъ прошелъ въ первый рядъ и сѣлъ подлѣ Долохова, дружески и небрежно толкнувъ локтемъ того Долохова, съ которымъ такъ заискивающе обращались другіе. Онъ, весело подмигнувъ, улыбнулся ему и уперся ногой въ рампу.

— Какъ похожи братъ съ сестрой! — сказалъ графъ. — И какъ хороши оба!

Шиншинъ вполголоса началъ разсказывать графу какую-то исторію интриги Курагина въ Москвѣ, къ которой Наташа прислушалась именно потому, что онъ сказалъ про нее charmante.

Первый актъ кончился, въ партерѣ всѣ встали, перепутались и стали ходить и выходить.

Борисъ пришелъ въ ложу Ростовыхъ, очень просто принялъ поздравленія и, приподнявъ брови, съ разсѣянной улыбкой передалъ Наташѣ и Сонѣ просьбу его невѣсты, чтобы онѣ были на ея свадьбѣ, и вышелъ. Наташа съ веселой и кокетливой

---

[1]) Очень мила!

улыбкой разговаривала съ нимъ и поздравляла съ женитьбой того самаго Бориса, въ котораго она была влюблена прежде. Въ томъ состояніи опьянѣнія, въ которомъ она находилась, все казалось просто и естественно.

Голая Эленъ сидѣла подлѣ нея и одинаково всѣмъ улыбалась; и точно такъ же улыбнулась Наташа Борису.

Ложа Эленъ наполнилась и окружилась со стороны партера самыми знатными и умными мужчинами, которые, казалось, наперерывъ желали показать всѣмъ, что они знакомы съ ней.

Курагинъ весь этотъ антрактъ стоялъ съ Долоховымъ впереди у рампы, глядя на ложу Ростовыхъ. Наташа знала, что онъ говорилъ про нее, и это доставляло ей удовольствіе. Она даже повернулась такъ, чтобы ему виденъ былъ ея профиль, по ея понятіямъ, въ самомъ выгодномъ положеніи. Передъ началомъ второго акта въ партерѣ показалась фигура Пьера, котораго еще съ пріѣзда не видали Ростовы. Лицо его было грустно, и онъ еще потолстѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ его послѣдній разъ видѣла Наташа. Онъ, никого не замѣчая, прошелъ въ первые ряды. Анатоль подошелъ къ нему и сталъ что-то говорить ему, глядя и указывая на ложу Ростовыхъ. Пьеръ, увидавъ Наташу, оживился и поспѣшно, по рядамъ, пошелъ къ ихъ ложѣ. Подойдя къ нимъ, онъ облокотился и, улыбаясь, долго говорилъ съ Наташей. Во время своего разговора съ Пьеромъ Наташа услыхала въ ложѣ графини Безуховой мужской голосъ и почему-то узнала, что это былъ Курагинъ. Она оглянулась и встрѣтилась съ нимъ глазами. Онъ, почти улыбаясь, смотрѣлъ ей прямо въ глаза такимъ восхищеннымъ, ласковымъ взглядомъ, что казалось странно быть отъ него такъ близко, такъ смотрѣть на него, быть такъ увѣренной, что нравишься ему, и не быть съ нимъ знакомой.

Во второмъ актѣ были картины, изображающія монументы, и была дыра въ полотнѣ, изображающая луну, и абажуры на рампѣ подняли, и стали играть въ басу трубы и контрабасы, и справа и слѣва вышло много людей въ черныхъ мантіяхъ. Люди стали махать руками, и въ рукахъ у нихъ было что-то въ родѣ кинжаловъ; потомъ прибѣжали еще какіе-то люди и стали тащить прочь ту дѣвицу, которая была прежде въ бѣломъ, а теперь въ голубомъ платьѣ. Они не утащили ея сразу, а долго съ ней пѣли, а потомъ уже ее утащили, и за кулисами ударили три раза во что-то металлическое, и всѣ стали на колѣни и запѣли молитву. Нѣсколько разъ всѣ эти дѣйствія прерывались восторженными криками зрителей.

Во время этого акта Наташа всякій разъ, какъ взглядывала въ партеръ, видѣла Анатоля Курагина, перекинувшаго руку черезъ спинку кресла и смотрѣвшаго на нее. Ей пріятно было видѣть, что онъ такъ плѣненъ ею, и не приходило въ голову, чтобы въ этомъ было что-нибудь дурное.

Когда второй актъ кончился, графиня Безухова встала, повернулась къ ложѣ Ростовыхъ (грудь ея совершенно была обнажена), пальчикомъ въ перчаткѣ поманила къ себѣ стараго графа и, не обращая вниманія на вошедшихъ къ ней въ ложу, начала, любезно улыбаясь, говорить съ нимъ.

— Да познакомьте же меня съ вашими прелестными дочерьми, — сказала она, — весь городъ про нихъ кричитъ, а я ихъ не знаю.

Наташа встала и присѣла великолѣпной графинѣ. Наташѣ такъ пріятна была похвала этой блестящей красавицы, что она покраснѣла отъ удовольствія.

— Я теперь тоже хочу сдѣлаться москвичкой, — говорила Эленъ. — И какъ вамъ не совѣстно зарыть такіе перлы въ деревнѣ!

Графиня Безухова, по справедливости, имѣла репутацію обворожительной женщины. Она могла говорить то, чего не думала, и въ особенности льстить совершенно просто и натурально.

— Нѣтъ, милый графъ, вы мнѣ позвольте заняться вашими дочерьми. Я хоть теперь здѣсь ненадолго. И вы тоже. Я постараюсь повеселить вашихъ. Я еще въ Петербургѣ много слышала о васъ и хотѣла васъ узнать, — сказала она Наташѣ съ своей однообразно-красивой улыбкой. — Я слышала о васъ и отъ моего пажа — Друбецкого. Вы слышали, онъ женится? И отъ друга моего мужа — Болконскаго, князя Андрея Болконскаго, — сказала она съ особеннымъ удареніемъ, намекая этимъ на то, что она знала отношеніе его къ Наташѣ. Она попросила, чтобы лучше познакомиться, позволить одной изъ барышень посидѣть остальную часть спектакля въ ея ложѣ, и Наташа перешла къ ней.

Въ третьемъ актѣ былъ на сценѣ представленъ дворецъ, въ которомъ горѣло много свѣчей и повѣшены были картины, изображавшія рыцарей съ бородками. Въ серединѣ стояли, вѣроятно, царь и царица. Царь замахалъ правою рукой и, видимо робѣя, дурно пропѣлъ что-то и сѣлъ на малиновый тронъ. Дѣвица, бывшая сначала въ бѣломъ, потомъ въ голубомъ, теперь была одѣта въ одной рубашкѣ, съ распущенными волосами, и стояла около трона. Она о чемъ-то горестно пѣла, обращаясь къ царицѣ: но царь строго махнулъ рукой и съ боковъ вышли мужчины съ голыми ногами и женщины съ голыми ногами и стали

танцовать всѣ вмѣстѣ. Потомъ скрипки заиграли очень тонко и весело; одна изъ дѣвицъ съ голыми толстыми ногами и худыми руками, отдѣлившись отъ другихъ, отошла за кулисы, поправила корсажъ, вышла на средину и стала прыгать и скоро бить одной ногой о другую. Всѣ въ партерѣ захлопали руками и закричали браво. Потомъ одинъ мужчина сталъ въ уголъ. Въ оркестрѣ заиграли громче въ цимбалы и трубы, и одинъ этотъ мужчина съ голыми ногами сталъ прыгать очень высоко и сѣменить ногами. (Мужчина этотъ былъ Duport, получавшій 60 тысячъ въ годъ за это искусство.) Всѣ въ партерѣ, въ ложахъ и райкѣ стали хлопать и кричать изъ всѣхъ силъ, и мужчина остановился и сталъ улыбаться и кланяться на всѣ стороны. Потомъ танцовали еще другіе, съ голыми ногами, мужчины и женщины; потомъ опять одинъ изъ царей закричалъ что-то подъ музыку, и всѣ стали пѣть. Но вдругъ сдѣлалась буря, въ оркестрѣ послышались хроматическія гаммы и аккорды уменьшенной септимы, и всѣ побѣжали и потащили опять одного изъ присутствующихъ за кулисы, и занавѣсь опустилась. Опять между зрителями поднялся страшный шумъ и трескъ, и всѣ съ восторженными лицами стали кричать: «Дюпора! Дюпора! Дюпора!» Наташа уже не находила этого страннымъ. Она съ удовольствіемъ, радостно улыбаясь, смотрѣла вокругъ себя.

— N'est-ce pas qu'il est admirable — Duport [1]) — сказала Эленъ обращаясь къ ней.

— Oh, oui [2]), — отвѣчала Наташа.

X.

Въ антрактѣ въ ложѣ Эленъ пахнуло холодомъ, отворилась дверь, и, нагибаясь и стараясь не зацѣпить кого-нибудь, вошелъ Анатоль.

— Позвольте мнѣ вамъ представить брата, — безпокойно перебѣгая глазами съ Наташи на Анатоля, сказала Эленъ.

Наташа черезъ голое плечо оборотила къ красавцу свою хорошенькую головку и улыбнулась. Анатоль, который вблизи былъ такъ же хорошъ, какъ и издали, подсѣлъ къ ней и сказалъ, что давно желалъ имѣть это удовольствіе, еще съ Нарышкинскаго бала, на которомъ онъ имѣлъ удовольствіе, которое не забылъ, видѣть ее. Курагинъ съ женщинами былъ гораздо умнѣе и проще, чѣмъ въ мужскомъ обществѣ. Онъ говорилъ смѣло и

1) Не правда ли, Дюпоръ восхитителенъ?
2) О, да.

просто, и Наташу странно и пріятно поразило то, что не только не было ничего такого страшнаго въ этомъ человѣкѣ, про котораго такъ много разсказывали, но что, напротивъ, у него была самая наивная, веселая и добродушная улыбка.

Курагинъ спросилъ про впечатлѣніе спектакля и разсказалъ ей про то, какъ въ прошлый спектакаль Семенова, играя, упала.

— А знаете, графиня, — сказалъ онъ, вдругъ обращаясь къ ней, какъ къ старой, давнишней знакомой,—у насъ устраивается карусель въ костюмахъ; вамъ бы надо участвовать въ немъ: будетъ очень весело. Всѣ собираются у Карагиныхъ. Пожалуйста, пріѣзжайте, право, а? — проговорилъ онъ.

Говоря это, онъ не спускалъ улыбающихся глазъ съ лица, съ шеи, съ оголенныхъ рукъ Наташи. Наташа несомнѣнно знала, что онъ восхищается ею. Ей было это пріятно, но почему-то ей тѣсно и тяжело становилось отъ его присутствія. Когда она не смотрѣла на него, она чувствовала, что онъ смотрѣлъ на ея плечи, и она невольно перехватывала его взглядъ, чтобъ онъ ужъ лучше смотрѣлъ на ея глаза. Но, глядя ему въ глаза, она со страхомъ чувствовала, что между ними и ею совсѣмъ нѣтъ той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами. Она, сама не зная какъ, черезъ пять минутъ чувствовала себя страшно близкой къ этому человѣку. Когда она отворачивалась, она боялась, какъ бы онъ сзади не взялъ ее за голую руку, не поцѣловалъ бы ее въ шею. Они говорили о самыхъ простыхъ вещахъ, и она чувствовала, что они близки, какъ она никогда не была съ мужчиной. Наташа оглядывалась на Эленъ и на отца, какъ будто спрашивая ихъ, что такое это значило; но Эленъ была занята разговоромъ съ какимъ-то генераломъ и не отвѣтила на ея взглядъ, а взглядъ отца ничего не сказала ей, какъ только то, что онъ всегда говорилъ: «весело, ну я и радъ».

Въ одну изъ минутъ неловкаго молчанія, во время которыхъ Анатоль своими выпуклыми глазами спокойно и упорно смотрѣлъ на нее, Наташа, чтобы прервать это молчаніе, спросила его, какъ ему нравится Москва. Наташа спросила и покраснѣла. Ей постоянно казалось, что что-то неприличное она дѣлаетъ, говоря съ нимъ. Анатоль улыбнулся, какъ бы ободряя ее.

— Сначала мнѣ мало нравилось, потому что, чтó дѣлаетъ городъ пріятнымъ, ce sont les jolies femmes [1]), не правда ли? Ну, а теперь очень нравится, — сказалъ онъ, значительно глядя

---

[1]) Хорошенькія женщины.

на нее. — Поѣдете на карусель, графиня? Поѣзжайте, — сказалъ онъ и, протянувъ руку къ ея букету и понижая голосъ, сказалъ: — Vous serez la plus jolie. Venez, chère comtesse, et comme gage donnez moi cette fleur [1]).

Наташа не поняла того, что онъ сказалъ, такъ же, какъ онъ самъ, но она чувствовала, что въ непонятныхъ словахъ его былъ неприличный умыселъ. Она не знала, что̀ сказать, и отвернулась, какъ будто не слыхала того, что онъ сказалъ. Но только что она отвернулась, она подумала, что онъ тутъ, сзади, такъ близко отъ нея.

«Что онъ теперь? Онъ сконфуженъ? Разсерженъ? Надо поправить это?» спрашивала она сама себя. Она не могла удержаться, чтобы не оглянуться. Она прямо въ глаза взглянула ему, и его близость и увѣренность и добродушная ласковость улыбки побѣдили ее. Она улыбнулась точно такъ же, какъ и онъ, глядя прямо въ глаза ему. И опять она съ ужасомъ чувствовала, что между ними и ею нѣтъ никакой преграды.

Опять поднялся занавѣсъ. Анатоль вышелъ изъ ложи, спокойный и веселый. Наташа вернулась къ отцу въ ложу, совершенно уже подчиненная тому міру, въ которомъ она находилась. Все, что̀ происходило передъ ней, уже казалось ей вполнѣ естественнымъ; но зато всѣ прежнія мысли ея о женихѣ, о княжнѣ Марьѣ, о деревенской жизни ни разу не пришли ей въ голову, какъ будто все то было давно-давно прошедшее.

Въ четвертомъ актѣ былъ какой-то чортъ, который пѣлъ, махая рукою до тѣхъ поръ, пока не выдвинули подъ нимъ доски и онъ не опустился туда. Наташа только это и видѣла изъ четвертаго акта: что-то волновало и мучило ее, и причиной этого волненія былъ Курагинъ, за которымъ она невольно слѣдила глазами. Когда они выходили изъ театра, Анатоль подошелъ къ нимъ, вызвалъ ихъ карету и подсаживалъ ихъ. Подсаживая Наташу, онъ пожалъ ей руку выше локтя. Наташа, взволнованная и красная, оглянулась на него. Онъ, блестя своими глазами и нѣжно улыбаясь, смотрѣлъ на нее.

Только пріѣхавъ домой, Наташа могла ясно обдумать все то, что съ ней было, и вдругъ, вспомнивъ князя Андрея, она ужаснулась и при всѣхъ, за чаемъ, за который всѣ сѣли послѣ театра, громко ахнула и, раскраснѣвшись, выбѣжала изъ комнаты.

---

[1]) Вы будете самая хорошенькая. Поѣзжайте, милая графиня, и въ залогъ дайте мнѣ этотъ цвѣтокъ.

«Боже мой! Я погибла!» сказала она себѣ. «Какъ я могла допустить до этого?» думала она. Долго она сидѣла, закрывъ раскраснѣвшееся лицо руками, стараясь дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что̀ было съ нею, и не могла ни понимать того, что̀ съ ней было, ни того, что̀ она чувствовала. Все казалось ей темно, неясно и страшно. Тамъ, въ этой огромной, освѣщенной залѣ, гдѣ по мокрымъ доскамъ прыгалъ подъ музыку съ голыми ногами Duport въ курточкѣ съ блестками, и дѣвицы, и старики, и голая съ спокойной и гордой улыбкой Эленъ въ восторгѣ кричали браво, — тамъ, подъ тѣнью этой Эленъ, тамъ это было все ясно и просто; но теперь одной, самой съ собой, это было непонятно. «Что̀ это такое? Что̀ такое этотъ страхъ, который я испытывала къ нему? Что̀ такое эти угрызенія совѣсти, которыя я испытываю теперь?» думала она.

Одной старой графинѣ Наташа въ состояніи была бы ночью въ постели разсказать все, что̀ она думала. Соня, она знала, съ своимъ строгимъ и цѣльнымъ взглядомъ, или ничего бы не поняла или ужаснулась бы ея признанію. Наташа одна, сама съ собой, старалась разрѣшить то, что̀ ее мучило.

«Погибла ли я для любви князя Андрея или нѣтъ?» спрашивала она себя и съ успокоительной усмѣшкой отвѣчала себѣ: «Что я за дура, что я спрашиваю это? Что жъ со мной было? Ничего. Я ничего не сдѣлала, ничѣмъ не вызвала этого. Никто не узнаетъ, и я его не увижу больше никогда», говорила она себѣ. «Стало-быть, ясно, что ничего не случилось, что не въ чемъ раскаиваться, что князь Андрей можетъ любить меня и *такою*. Но какою *такою?* Ахъ Боже, Боже мой! зачѣмъ его нѣтъ тутъ!» Наташа успокоивалась на мгновеніе, но потомъ опять какой-то инстинктъ говорилъ ей, что хотя все это и правда и хотя ничего не было, — инстинктъ говорилъ ей, что вся прежняя чистота любви ея къ князю Андрею погибла. И она опять въ своемъ воображеніи повторяла весь свой разговоръ съ Курагинымъ и представляла себѣ лицо, жесты и нѣжную улыбку этого красиваго и смѣлаго человѣка въ то время, какъ онъ пожалъ ея руку.

XI.

Анатоль Курагинъ жилъ въ Москвѣ, потому что отецъ отослалъ его изъ Петербурга, гдѣ онъ проживалъ больше двадцати тысячъ въ годъ деньгами и столько же долгами, которые кредиторы требовали у отца.

Отецъ объявилъ сыну, что онъ въ послѣдній разъ платитъ половину его долговъ, но только съ тѣмъ, чтобы онъ ѣхалъ

въ Москву въ должность адъютанта главнокомандующаго, которую онъ ему выхлопоталъ, и постарался бы тамъ, наконецъ, сдѣлать хорошую партію. Онъ указалъ ему на княжну Марью и Жюли Карагину.

Анатоль согласился и поѣхалъ въ Москву, гдѣ остановился у Пьера. Пьеръ принялъ Анатоля сначала неохотно, но потомъ привыкъ къ нему; иногда ѣздилъ съ нимъ на его кутежи и, подъ предлогомъ займа, давалъ ему деньги.

Анатоль, какъ справедливо говорилъ про него Шиншинъ, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Москву, сводилъ съ ума всѣхъ московскихъ барынь, въ особенности тѣмъ, что онъ пренебрегалъ ими и, очевидно, предпочиталъ имъ цыганокъ и французскихъ актрисъ, съ главою которыхъ — mademoiselle Georges, какъ говорили, онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ. Онъ не пропускалъ ни одного кутежа у Данилова и другихъ весельчаковъ Москвы, напролетъ пилъ цѣлыя ночи, перепивая всѣхъ, и бывалъ на всѣхъ вечерахъ и балахъ высшаго свѣта. Разсказывали про нѣсколько интригъ его съ московскими дамами, и на балахъ онъ ухаживалъ за нѣкоторыми. Но съ дѣвицами, въ особенности съ богатыми невѣстами, которыя были большею частью всѣ дурны, онъ не сближался, тѣмъ болѣе, что Анатоль, чего никто не зналъ, кромѣ самыхъ близкихъ друзей его, былъ два года тому назадъ женатъ.

Два года тому назадъ, во время стоянки его полка въ Польшѣ, одинъ польскій небогатый помѣщикъ заставилъ Анатоля жениться на своей дочери. Анатоль весьма скоро бросилъ свою жену и за деньги, которыя онъ условился высылать тестю, выговорилъ себѣ право слыть за холостого человѣка.

Анатоль былъ всегда доволенъ своимъ положеніемъ, собою и другими. Онъ былъ инстинктивно всѣмъ существомъ своимъ убѣжденъ въ томъ, что ему нельзя было жить иначе, чѣмъ какъ онъ жилъ, и что онъ никогда въ жизни не сдѣлалъ ничего дурного. Онъ не былъ въ состояніи обдумать ни того, какъ его поступки могутъ отозваться на другихъ, ни того, что можетъ выйти изъ такого или такого его поступка. Онъ былъ убѣжденъ, что, какъ утка сотворена такъ, что она всегда должна жить въ водѣ, такъ и онъ сотворенъ Богомъ такъ, что долженъ жить въ тридцать тысячъ доходовъ и занимать всегда высшее положеніе въ обществѣ. Онъ такъ твердо вѣрилъ въ это, что, глядя на него, и другіе были убѣждены въ этомъ и не отказывали ему ни въ высшемъ положеніи въ свѣтѣ, ни въ деньгахъ, которыя онъ, очевидно безъ отдачи, занималъ у встрѣчнаго и поперечнаго.

Онъ не былъ игрокъ; по крайней мѣрѣ, никогда не желалъ выигрыша. Онъ не былъ тщеславенъ. Ему было совершенно все равно, что бы о немъ ни думали. Еще менѣе онъ могъ быть повиненъ въ честолюбіи. Онъ нѣсколько разъ дразнилъ отца, портя свою карьеру, и смѣялся надъ всѣми почестями. Онъ былъ не скупъ и не отказывалъ никому, кто просилъ у него. Одно, что̀ онъ любилъ, это было веселье и женщины; и такъ какъ, по его понятіямъ, въ этихъ вкусахъ не было ничего неблагороднаго, а обдумать то, что̀ выходило для другихъ людей изъ удовлетворенія его вкусовъ, онъ не могъ, то въ душѣ своей онъ считалъ себя безукоризненнымъ человѣкомъ, искренно презиралъ подлецовъ и дурныхъ людей и съ спокойною совѣстью высоко носилъ голову.

У кутилъ, у этихъ мужскихъ магдалинъ, есть тайное чувство сознанія невинности, такое же, какъ и у магдалинъ-женщинъ, основанное на той же надеждѣ прощенія. «Ей все простится, потому что она много любила, и ему все простится, потому что онъ много веселился».

Долоховъ, въ этомъ году появившійся опять въ Москвѣ, послѣ своего изгнанія и персидскихъ похожденій, и ведшій роскошную, игорную и кутежную жизнь, сблизился съ старымъ петербургскимъ товарищемъ Курагинымъ и пользовался имъ для своихъ цѣлей.

Анатоль искренно любилъ Долохова за его умъ и удальство. Долоховъ, которому были нужны имя, знатность, связи Анатоля Курагина для приманки въ свое игорное общество богатыхъ молодыхъ людей, не давая ему этого чувствовать, пользовался и забавлялся Курагинымъ. Кромѣ расчета, по которому ему былъ нуженъ Анатоль, самый процессъ управленія чужою волей былъ наслажденіемъ, привычкой и потребностью для Долохова.

Наташа произвела сильное впечатлѣніе на Курагина. Онъ за ужиномъ послѣ театра, съ пріемами знатока, разобралъ передъ Долоховымъ достоинство ея рукъ, плечъ, ноги и волосъ и объявилъ свое рѣшеніе приволокнуться за нею. Что могло выйти изъ этого ухаживанья, Анатоль не могъ обдумать и знать, какъ онъ никогда не зналъ того, что выйдетъ изъ каждаго его поступка.

— Хороша, братъ, да не про насъ, — сказалъ ему Долоховъ.

— Я скажу сестрѣ, чтобы она позвала ее обѣдать, — сказалъ Анатоль. — А?

— Ты подожди лучше, когда замужъ выйдетъ...

— Ты знаешь,—сказалъ Анатоль, j'adore les petites filles [1]): сейчасъ потеряется.

— Ты ужъ попался разъ на petite fille [2]), — сказалъ Долоховъ, знавшій про женитьбу Анатоля. — Смотри!

— Ну, ужъ два раза нельзя! А? — сказалъ Анатоль, добродушно смѣясь.

XII.

Слѣдующій послѣ театра день Ростовы никуда не ѣздили и никто не пріѣзжалъ къ нимъ. Марья Дмитріевна о чемъ-то, скрывая отъ Наташи, переговаривалась съ ея отцомъ. Наташа догадывалась, что они говорили о старомъ князѣ и что-то придумывали, и ее безпокоило и оскорбляло это. Она всякую минуту ждала князя Андрея и два раза въ этотъ день посылала дворника на Воздвиженку узнавать, не пріѣхалъ ли онъ. Онъ не пріѣзжалъ. Ей было теперь тяжелѣе, чѣмъ первые дни своего пріѣзда. Къ нетерпѣнію и грусти ея о *немъ* присоединились непріятное воспоминаніе о свиданіи съ княжной Марьей и съ старымъ княземъ и страхъ и безпокойство, которымъ она не знала причины. Ей все казалось, что или онъ никогда не пріѣдетъ, или что прежде, чѣмъ онъ пріѣдетъ, съ ней случится что-нибудь. Она не могла, какъ прежде, спокойно и продолжительно, одна, сама съ собой, думать о немъ. Какъ только она начинала думать о немъ, къ воспоминанію о немъ присоединялось воспоминаніе о старомъ князѣ, о княжнѣ Марьѣ и о послѣднемъ спектаклѣ и о Курагинѣ. Ей опять представлялся вопросъ, не виновата ли она, не нарушена ли уже ея вѣрность князю Андрею, и опять она заставала себя до малѣйшихъ подробностей вспоминающею каждое слово, каждый жестъ, каждый оттѣнокъ игры выраженія на лицѣ этого человѣка, умѣвшаго возбудить въ ней непонятное для нея и страшное чувство. На взглядъ домашнихъ, Наташа казалась оживленнѣе обыкновеннаго; но она далеко была не такъ спокойна и счастлива, какъ была прежде.

Въ воскресенье утромъ Марья Дмитріевна пригласила своихъ гостей къ обѣднѣ въ свой приходъ Успенія на Могильцахъ.

— Я этихъ модныхъ церквей не люблю, — говорила она, видимо гордясь своимъ свободомысліемъ. — Вездѣ Богъ одинъ. Попъ у насъ прекрасный, служитъ прилично, такъ это благородно, и дьяконъ тоже. Развѣ отъ этого святость какая, что концерты на клиросѣ поютъ? Не люблю, одно баловство!

---

[1]) Обожаю дѣвочекъ.

[2]) Дѣвочкѣ.

Марья Дмитріевна любила воскресные дни и умѣла праздновать ихъ. Домъ ея бывало весь вымытъ и вычищенъ въ субботу; люди и она не работали, всѣ были празднично разряжены, и всѣ бывали у обѣдни. Къ господскому обѣду прибавлялись кушанья, и людямъ давалась водка и жареный гусь или поросенокъ. Но ни на чемъ во всемъ домѣ такъ не бывалъ замѣтенъ праздникъ, какъ на широкомъ, строгомъ лицѣ Марьи Дмитріевны, въ этотъ день принимавшемъ неизмѣняемое выраженіе торжественности.

Когда напились кофе послѣ обѣдни, въ гостиной, съ снятыми чехлами, Марьѣ Дмитріевнѣ доложили, что карета готова, и она съ строгимъ видомъ, одѣтая въ парадную шаль, въ которой она дѣлала визиты, поднялась и объявила, что ѣдетъ къ князю Николаю Андреевичу Болконскому, чтобы объясниться съ нимъ насчетъ Наташи.

Послѣ отъѣзда Марьи Дмитріевны къ Ростовымъ пріѣхала модистка отъ мадамъ Шальме, и Наташа, затворивъ дверь въ сосѣдней съ гостиной комнатѣ, очень довольная развлеченіемъ, занялась примѣриваньемъ новыхъ платьевъ. Въ то время, какъ она, надѣвъ сметанный на живую нитку еще безъ рукавовъ лифъ и загибая голову, глядѣлась въ зеркало, какъ сидитъ спинка, она услыхала въ гостиной оживленные звуки голоса отца и другого женскаго голоса, который заставилъ ее покраснѣть. Это былъ голосъ Эленъ: Не успѣла Наташа снять примѣриваемый лифъ, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошла графиня Безухова, сіяющая добродушной и ласковой улыбкой, въ темно-лиловомъ съ высокимъ воротомъ бархатномъ платьѣ.

— Ah, ma délicieuse! [1])—сказала она краснѣвшей Наташѣ.— Charmante! [2]) Нѣтъ, это ни на что не похоже, мой милый графъ,— сказала она вошедшему за ней Ильѣ Андреевичу.—Какъ жить въ Москвѣ и никуда не ѣздить? Нѣтъ, я отъ васъ не отстану! Нынче вечеромъ у меня m-lle Georges декламируетъ и соберутся кое-кто; и если вы не привезете своихъ красавицъ, которыя лучше m-lle Georges, то я васъ знать не хочу. Мужа нѣтъ, онъ уѣхалъ въ Тверь, а то бы я его за вами прислала. Непремѣнно пріѣзжайте, непремѣнно, въ девятомъ часу.

Она кивнула головой знакомой модисткѣ, почтительно присѣвшей ей, и сѣла на кресло подлѣ зеркала, живописно раскинувъ складки своего бархатнаго платья. Она не переставала добродушно и весело болтать; безпрестанно восхищаясь красотой Наташи. Она разсмотрѣла ея платья и похвалила ихъ, похва-

---

[1]) О, моя прелестная.

[2]) Очаровательна.

лилась и своимъ новымъ платьемъ en gaz métallique, которое она получила изъ Парижа, и совѣтовала Наташѣ сдѣлать такое же.

— Впрочемъ, вамъ все идетъ, моя прелестная,—говорила она.

Съ лица Наташи не сходила улыбка удовольствія. Она чувствовала себя счастливой и расцвѣтающей подъ похвалами этой милой графини Безуховой, казавшейся ей прежде такой неприступной и важной дамой и бывшей теперь такой доброй съ нею. Наташѣ стало весело, и она чувствовала себя почти влюбленной въ эту такую красивую и такую добродушную женщину. Эленъ съ своей стороны искренно восхищалась Наташей и желала повеселить ее. Анатоль просилъ ее свести его съ Наташей, и для этого она пріѣхала къ Ростовымъ. Мысль свести брата съ Наташей забавляла ее.

Несмотря на то, что прежде у нея была досада на Наташу за то, что она въ Петербургѣ отбила у нея Бориса, она теперь и не думала объ этомъ и всей душой, по-своему, желала добра Наташѣ. Уѣзжая отъ Ростовыхъ, она отозвала въ сторону свою protégée.

— Вчера братъ обѣдалъ у меня—мы помирали со смѣху,—ничего не ѣстъ и вздыхаетъ по васъ, моя прелесть. Il est fou, mais fou amoureux de vous, ma chère [1]).

Наташа багрово покраснѣла, услыхавъ эти слова.

— Какъ краснѣетъ, какъ краснѣетъ, ma délicieuse!—проговорила Эленъ.—Непремѣнно пріѣзжайте. Si vous aimez quelqu'un, ma délicieuse, ce n'est pas une raison pour se cloîtrer. Si même vous êtes promise, je suis sûre que votre promis aurait désiré que vous alliez dans le monde en son absence plutôt que de dépérir d'ennui [2]).

«Стало-быть, она знаетъ, что я невѣста; стало-быть, и они съ мужемъ, съ Пьеромъ, съ этимъ справедливымъ Пьеромъ», думала Наташа, «говорили и смѣялись про это. Стало-быть, это ничего». И опять подъ вліяніемъ Эленъ то, что прежде представлялось страшнымъ, показалось простымъ и естественнымъ. «И она, такая grande dame, такая милая и такъ, видно, всей душой любитъ меня», думала Наташа. «И отчего не веселиться?»

---

[1]) Онъ сходитъ съ ума, но сходитъ съ ума отъ любви къ вамъ, моя милая.

[2]) Изъ того, что вы любите кого-нибудь, моя прелестная, никакъ не слѣдуетъ жить монашенкой. Даже если вы невѣста, я увѣрена, что вашъ женихъ предпочелъ бы, чтобы вы въ его отсутствіе выѣзжали въ свѣтъ, чѣмъ погибали со скуки.

думала Наташа, удивленными, широко раскрытыми глазами глядя на Эленъ.

Къ обѣду вернулась Марья Дмитріевна, молчаливая и серьезная, очевидно понесшая пораженіе у стараго князя. Она была еще слишкомъ взволнована отъ происшедшаго столкновенія, чтобы быть въ силахъ спокойно разсказать дѣло. На вопросъ графа она отвѣчала, что все хорошо и что она завтра разскажетъ. Узнавъ о посѣщеніи графини Безуховой и приглашеніи на вечеръ, Марья Дмитріевна сказала:

— Съ Безуховой водиться я не люблю и не совѣтую; ну, да ужъ если обѣщала, поѣзжай; разсѣешься, — прибавила она, обращаясь къ Наташѣ.

XIII.

Графъ Илья Андреевичъ повезъ своихъ дѣвицъ къ графинѣ Безуховой. На вечерѣ было довольно много народу. Но все общество было почти незнакомо Наташѣ. Графъ Илья Андреевичъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что все это общество состояло преимущественно изъ мужчинъ и дамъ, извѣстныхъ вольностью обращенія. M-lle Georges, окруженная молодежью, стояла въ углу гостиной. Было нѣсколько французовъ и между ними Метивье, бывшій со времени пріѣзда Эленъ домашнимъ человѣкомъ у нея. Графъ Илья Андреевичъ рѣшился не садиться за карты, не отходить отъ дочерей и уѣхать, какъ только кончится представленіе Georges.

Анатоль, очевидно, у двери ожидалъ входа Ростовыхъ. Онъ тотчасъ же, поздоровавшись съ графомъ, подошелъ къ Наташѣ и пошелъ за ней. Какъ только Наташа его увидала, то же, какъ и въ театрѣ, чувство тщеславнаго удовольствія, что она нравится ему, и страха отъ отсутствія нравственныхъ преградъ между нею и имъ охватило ее.

Эленъ радостно приняла Наташу и громко восхищалась ея красотой и туалетомъ. Вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда m-lle Georges вышла изъ комнаты, чтобы одѣться. Въ гостиной стали разставливать стулья и усаживаться. Анатоль подвинулъ Наташѣ стулъ и хотѣлъ сѣсть подлѣ; но графъ, не спускавшій глазъ съ Наташи, сѣлъ подлѣ нея. Анатоль сѣлъ сзади.

M-lle Georges съ оголенными, съ ямочками, толстыми руками, въ красной шали, надѣтой на одно плечо, вышла въ оставленное для нея пустое пространство между креселъ и остановилась въ ненатуральной позѣ. Послышался восторженный шопотъ.

M-lle Georges строго и мрачно оглянула публику и начала говорить по-французски какіе-то стихи, гдѣ рѣчь шла о ея преступной любви къ своему сыну. Она мѣстами возвышала голосъ; мѣстами шептала, торжественно поднимая голову; мѣстами останавливалась и хрипѣла, выкатывая глаза.

— Adorable, divin, délicieux! — слышалось со всѣхъ сторонъ.

Наташа смотрѣла на толстую Georges; но ничего не слышала, не видѣла и не понимала изъ того, что дѣлалось передъ ней; она только чувствовала себя опять вполнѣ безвозвратно въ томъ странномъ, безумномъ мірѣ, столь далекомъ отъ прежняго, въ томъ мірѣ, въ которомъ нельзя было знать, чтò хорошо, чтò дурно, чтò разумно и чтò безумно. Позади нея сидѣлъ Анатоль, и она, чувствуя его близость, испуганно ждала чего-то.

Послѣ перваго монолога все общество встало и окружило m-lle Georges, выражая ей свой восторгъ.

— Какъ она хороша!—сказала Наташа отцу, который вмѣстѣ съ другими всталъ и сквозь толпу подвигался къ актрисѣ.

— Я не нахожу, глядя на васъ,—сказалъ Анатоль, слѣдуя за Наташей. Онъ сказалъ это въ такое время, когда она одна могла его слышать.—Вы прелестны... Съ той минуты, какъ я увидалъ васъ, я не переставалъ...

— Пойдемъ, пойдемъ, Наташа,—сказалъ графъ, возвращаясь за дочерью. — Какъ хороша.

Наташа, ничего не говоря, подошла къ отцу и вопросительно-удивленными глазами смотрѣла на него.

Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ декламаціи m-lle Georges уѣхала, и графиня Безухова попросила общество въ залу.

Графъ хотѣлъ уѣхать, но Эленъ умоляла не испортить ея импровизированный балъ. Ростовы остались. Анатоль пригласилъ Наташу на вальсъ, и во время вальса онъ, пожимая ея станъ и руку, сказалъ ей, что она ravissante и что онъ любитъ ее. Во время экосеза, который она опять танцовала съ Курагинымъ, когда они остались одни, Анатоль ничего не говорилъ ей и только смотрѣлъ на нее. Наташа была въ сомнѣніи, не во снѣ ли она видѣла то, что онъ сказалъ ей во время вальса. Въ концѣ первой фигуры онъ опять пожалъ ей руку. Наташа подняла на него испуганные глаза; но такое самоувѣренно-нѣжное выраженіе было въ его ласковомъ взглядѣ и улыбкѣ, что она не могла, глядя на него, сказать того, что она имѣла сказать ему. Она опустила глаза.

— Не говорите мнѣ такихъ вещей: я обручена и люблю другого,—проговорила она быстро. Она взглянула на него.

Анатоль не смутился и не огорчился тѣмъ, что она сказала.

— Не говорите мнѣ про это. Что мнѣ за дѣло? — сказалъ онъ. — Я говорю, что безумно, безумно влюбленъ въ васъ. Развѣ я виноватъ, что вы восхитительны? Намъ начинать.

Наташа, оживленная и тревожная, широко раскрытыми, испуганными глазами смотрѣла вокругъ себя и казалась веселѣе, чѣмъ обыкновенно. Она почти ничего не понимала изъ того, что было въ этотъ вечеръ. Танцовали экосезъ и гросъ-фатеръ; отецъ приглашалъ ее уѣхать, она просила остаться. Гдѣ бы она ни была, съ кѣмъ бы ни говорила, она чувствовала на себѣ его взглядъ. Потомъ она помнила, что попросила у отца позволенія выйти въ уборную оправить платье; что Эленъ вышла за ней, говорила ей смѣясь о любви ея брата, и что въ маленькой диванной ей опять встрѣтился Анатоль; что Эленъ куда-то исчезла, они остались вдвоемъ, и Анатоль, взявъ ее за руку, нѣжнымъ голосомъ сказалъ:

— Я не могу къ вамъ ѣздить; но неужели я никогда не увижу васъ? Я безумно люблю васъ. Неужели никогда?.. — и онъ, заслоняя ей дорогу, приближалъ свое лицо къ ея лицу.

Блестящіе большіе мужскіе глаза его такъ близки были отъ ея глазъ, что она не видѣла ничего, кромѣ этихъ глазъ.

— Натали?! — прошепталъ вопросительно его голосъ, и кто-то больно сжималъ ея руки. — Натали?!

«Я ничего не понимаю, мнѣ нечего говорить», сказалъ ея взглядъ.

Горячія губы прижались къ ея губамъ, и въ ту же минуту она почувствовала себя опять свободною, и въ комнатѣ послышался шумъ шаговъ и платья Эленъ. Наташа оглянулась на Эленъ, потомъ, красная и дрожащая, взглянула на него испуганно-вопросительно и пошла къ двери.

— Un mot, un seul, au nom de Dieu [1]), — говорилъ Анатоль.

Она остановилась. Ей такъ нужно было, чтобы онъ сказалъ это слово, которое бы объяснило ей то, что случилось, и на которое она бы ему отвѣтила.

— Nathalie, un mot, un seul, — все повторялъ онъ, видимо не зная, что сказать, и повторялъ его до тѣхъ поръ, пока къ нимъ подошла Эленъ.

Эленъ вмѣстѣ съ Наташей опять вышла въ гостиную. Не оставшись ужинать, Ростовы уѣхали.

Вернувшись домой, Наташа не спала всю ночь: ее мучилъ неразрѣшимый вопросъ, кого она любила: Анатоля или князя

---

[1]) Одно слово, только одно, ради Бога.

Андрея. Князя Андрея она любила — она помнила ясно, какъ сильно она любила его. Но Анатоля она любила тоже, это было несомнѣнно. «Иначе, развѣ бы все это могло быть?» думала она. «Ежели я могла послѣ этого, прощаясь съ нимъ, улыбкой отвѣтить на его улыбку, ежели я могла допустить до этого, то значитъ, что я съ первой минуты полюбила его. Значитъ, онъ добръ, благороденъ и прекрасенъ, и нельзя было не полюбить его. Что же мнѣ дѣлать, когда я люблю его и люблю другого?» говорила она себѣ, не находя отвѣтовъ на эти страшные вопросы.

XIV.

Пришло утро съ его заботами и суетой. Всѣ встали, задвигались, заговорили; опять пришли модистки, опять вышла Марья Дмитріевна, и позвали къ чаю. Наташа широко раскрытыми глазами, какъ будто она хотѣла перехватить всякій устремленный не нее взглядъ, безпокойно оглядывалась на всѣхъ и старалась казаться такою же, какою она была всегда.

Послѣ завтрака Марья Дмитріевна (это было лучшее время ея), сѣвъ на свое кресло, подозвала къ себѣ Наташу и стараго графа.

— Ну-съ, друзья мои, теперь я все дѣло обдумала, и вотъ вамъ мой совѣтъ,—начала она.—Вчера, какъ вы знаете, была я у князя Николая; ну-съ, и поговорила съ нимъ... Онъ кричать вздумалъ. Да меня не перекричишь! Я все ему выпѣла!

— Да что же онъ? — спросилъ графъ.

— Онъ-то что? сумасбродъ... слышать не хочетъ; ну, да что говорить, и такъ мы бѣдную дѣвочку измучили, — сказала Марья Дмитріевна. — А совѣтъ мой вамъ, чтобы дѣла покончить и ѣхать домой, въ Отрадное... и тамъ ждать...

— Ахъ, нѣтъ! — вскрикнула Наташа.

— Нѣтъ, ѣхать,—сказала Марья Дмитріевна.—И тамъ ждать. Если женихъ теперь сюда пріѣдетъ, безъ ссоры не обойдется; а онъ тутъ одинъ на одинъ со старикомъ все переговоритъ и потомъ къ вамъ пріѣдетъ.

Илья Андреевичъ одобрилъ это предложеніе, тотчасъ понявъ всю разумность его. Ежели старикъ смягчится, то тѣмъ лучше будетъ пріѣхать къ нему въ Москву или Лысыя Горы уже послѣ; если нѣтъ, то вѣнчаться противъ его воли можно будетъ только въ Отрадномъ.

— И истинная правда,—сказалъ онъ.—Я и жалѣю, что къ нему ѣздилъ и ее возилъ, — сказалъ старый графъ.

— Нѣтъ, чего жъ жалѣть? Бывши здѣсь, нельзя было не сдѣлать почтенія. Ну, а не хочетъ—его дѣло,—сказала Марья Дмитріевна, что-то отыскивая въ ридикюлѣ.—Да и приданое готово, чего вамъ еще ждать; а что̀ не готово, я вамъ перешлю. Хоть и жалко мнѣ васъ, а лучше, съ Богомъ, поѣзжайте.

Найдя въ ридикюлѣ то, что она искала, она передала Наташѣ. Это было письмо отъ княжны Марьи.

— Тебѣ пишетъ. Какъ мучится, бѣдняжка! Она боится, чтобы ты не подумала, что она тебя не любитъ.

— Да она и не любитъ меня,—сказала Наташа.

— Вздоръ, не говори,—крикнула Марья Дмитріевна.

— Никому не повѣрю; я знаю, что не любитъ,—смѣло сказала Наташа, взявъ письмо, и въ лицѣ ея выразилась сухая и злобная рѣшительность, заставившая Марью Дмитріевну пристальнѣе посмотрѣть на нее и нахмуриться.

— Ты, матушка, такъ не отвѣчай,—сказала она.—Что̀ я говорю, то правда. Напиши отвѣтъ.

Наташа не отвѣчала и пошла въ свою комнату читать письмо княжны Марьи.

Княжна Марья писала, что она была въ отчаяніи отъ происшедшаго между ними недоразумѣнія. Какія бы ни были чувства ея отца, писала княжна Марья, она просила Наташу вѣрить, что она не могла не любить ее, какъ ту, которую выбралъ ея братъ, для счастья котораго она всѣмъ готова была пожертвовать.

«Впрочемъ», писала она, «не думайте, чтобы отецъ мой былъ дурно расположенъ къ вамъ. Онъ больной и старый человѣкъ, котораго надо извинять; но онъ добръ, великодушенъ и будетъ любить ту, которая сдѣлаетъ счастье его сына». Княжна Марья просила далѣе, чтобы Наташа назначила время, когда она можетъ опять увидѣться съ ней.

Прочтя письмо, Наташа сѣла къ письменному столу, чтобы написать отвѣтъ. «Chère princesse», быстро, механически написала она и остановилась. Что жъ дальше могла написать она послѣ всего того, что было вчера? «Да, да, все это было, и теперь ужъ все другое», думала она, сидя надъ начатымъ письмомъ. «Надо отказать ему. Неужели надо? Это ужасно!..» И чтобъ не думать этихъ страшныхъ мыслей, она пошла къ Сонѣ и вмѣстѣ съ ней стала разбирать узоры.

Послѣ обѣда Наташа ушла въ свою комнату и опять взяла письмо княжны Марьи. «Неужели все уже кончено?» подумала она. «Неужели такъ скоро все это случилось и уничтожило все прежнее!» Она во всей прежней силѣ вспоминала свою любовь

къ князю Андрею и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала, что любила Курагина. Она живо представляла себя женою князя Андрея, представляла себѣ столько разъ повторенную ея воображеніемъ картину счастья съ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, разгораясь отъ волненія, представляла себѣ всѣ подробности своего вчерашняго свиданія съ Анатолемъ.

«Отчего же бы это не могло быть вмѣстѣ?» иногда, въ совершенномъ затменіи, думала она. «Тогда только я была бы совсѣмъ счастлива; а теперь я должна выбрать, и ни безъ одного изъ обоихъ я не могу быть счастлива. Одно», думала она, «сказать то, что было, князю Андрею или скрыть—одинаково невозможно. А съ *этимъ* ничего не испорчено. Но неужели разстаться навсегда съ этимъ счастьемъ любви князя Андрея, которымъ я жила такъ долго?»

— Барышня,—шопотомъ, съ таинственнымъ видомъ, сказала дѣвушка, входя въ комнату.—Мнѣ одинъ человѣчекъ велѣлъ передать. — Дѣвушка подала письмо.

— Только, ради Христа... — говорила еще дѣвушка, когда Наташа, не думая, механическимъ движеніемъ сломала печать и читала любовное письмо Анатоля, изъ котораго она, не понимая ни слова, понимала только одно—что это письмо было отъ него, отъ того человѣка, котораго она любитъ. «Да, она любитъ, иначе развѣ могло бы случиться то, что случилось? Развѣ могло бы быть въ ея рукѣ любовное письмо отъ него?»

Трясущимися руками Наташа держала это страстное любовное письмо, сочиненное для Анатоля Долоховымъ, и, читая его, находила въ немъ отголоски всего того, что, ей казалось, она сама чувствовала.

«Со вчерашняго вечера участь моя рѣшена: быть любимымъ вами или умереть. Мнѣ нѣтъ другого выхода», начиналось письмо. Потомъ онъ писалъ, что знаетъ про то, что родные ея не отдадутъ ее ему, Анатолю, что на это есть тайныя причины, которыя онъ ей одной можетъ открыть, но что ежели она его любитъ, то ей стоитъ сказать это слово *да,* и никакія силы людскія не помѣшаютъ ихъ блаженству. Любовь побѣдитъ все. Онъ похититъ и увезетъ ее на край свѣта.

«Да, да, я люблю его!» думала Наташа, перечитывая въ двадцатый разъ письмо и отыскивая какой-то особенный глубокій смыслъ въ каждомъ его словѣ.

Въ этотъ вечеръ Марья Дмитріевна ѣхала къ Архаровымъ и предложила барышнямъ ѣхать съ нею. Наташа, подъ предлогомъ головной боли, осталась дома.

XV.

Вернувшись поздно вечеромъ, Соня вошла въ комнату Наташи и, къ удивленію своему, нашла ее нераздѣтою, спящею на диванѣ. На столѣ подлѣ нея лежало открытое письмо Анатоля. Соня взяла письмо и стала читать его.

Она читала и взглядывала на спящую Наташу, на лицѣ ея отыскивая объясненія того, что она читала, и не находила его. Лицо было тихое, кроткое и счастливое. Схватившись за грудь, чтобы не задохнуться, Соня, блѣдная и дрожащая отъ страха и волненія, сѣла на кресло и залилась слезами.

«Какъ я не видала ничего? Какъ могло это зайти такъ далеко? Неужели она разлюбила князя Андрея? И какъ могла она допустить до этого Курагина? Онъ—обманщикъ и злодѣй, это ясно. Что будетъ съ Nicolas, съ милымъ, благороднымъ Nicolas, когда онъ узнаетъ про это? Такъ вотъ что значило ея взволнованное, рѣшительное и неестественное лицо третьяго дня и вчера, и нынче», думала Соня; «но не можетъ быть, чтобы она любила его! Вѣроятно, не зная отъ кого, она распечатала это письмо. Вѣроятно, она оскорблена. Она не можетъ этого сдѣлать!»

Соня утерла слезы и подошла къ Наташѣ, опять вглядываясь въ ея лицо.

— Наташа! — сказала она чуть слышно.

Наташа проснулась и увидала Соню.

— А, вернулась?

И съ рѣшительностью и нѣжностью, которая бываетъ въ минуты пробужденія, она обняла подругу, но, замѣтивъ смущеніе на лицѣ Сони, и ея лицо выразило смущеніе и подозрительность.

— Соня, ты прочла письмо? — сказала она.

— Да, — тихо сказала Соня.

Наташа восторженно улыбнулась.

— Нѣтъ, Соня, я не могу больше! — сказала она. — Я не могу больше скрывать отъ тебя. Ты знаешь, мы любимъ другъ друга!.. Соня, голубчикъ, онъ пишетъ... Соня...

Соня, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ, смотрѣла во всѣ глаза на Наташу.

— А Болконскій? — сказала она.

— Ахъ, Соня, ахъ, коли бы ты могла знать, какъ я счастлива!—сказала Наташа.—Ты не знаешь, что такое любовь...

— Но, Наташа, неужели *то* все кончено?

Наташа большими, открытыми глазами смотрѣла на Соню, какъ будто не понимая ея вопроса.

— Что жъ, ты отказываешь князю Андрею? — сказала Соня.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь; ты не говори глупости, ты слушай, — съ мгновенной досадой сказала Наташа.

— Нѣтъ, я не могу этому вѣрить,—повторила Соня.—Я не понимаю. Какъ же ты годъ цѣлый любила одного человѣка и вдругъ... Вѣдь ты только три раза видѣла его. Наташа, я тебѣ не вѣрю, ты шутишь. Въ три дня забыть все и такъ...

— Три дня, — сказала Наташа.—Мнѣ кажется, я сто лѣтъ люблю его. Мнѣ кажется, что я никого никогда не любила прежде его. Ты этого не можешь понять. Соня, постой, садись тутъ.—Наташа обняла и поцѣловала ее.

— Мнѣ говорили, что это бываетъ, и ты вѣрно слышала, но я теперь только испытала эту любовь. Это не то, что прежде. Какъ только я увидала его, я почувствовала, что онъ мой властелинъ и я раба его, и что я не могу не любить его. Да, раба! Что онъ мнѣ велитъ, то я и сдѣлаю. Ты не понимаешь этого. Что жъ мнѣ дѣлать? Что жъ мнѣ дѣлать, Соня?—говорила Наташа съ счастливымъ и испуганнымъ лицомъ.

— Но ты подумай, что ты дѣлаешь,—говорила Соня,—я не могу этого такъ оставить. Эти тайныя письма... Какъ ты могла его допустить до этого?—говорила она съ ужасомъ и съ отвращеніемъ, которое она съ трудомъ скрывала.

— Я тебѣ говорила,—отвѣчала Наташа,—что у меня нѣтъ воли; какъ ты не понимаешь этого: я его люблю!

— Такъ я не допущу до этого, я разскажу!—съ прорвавшимися слезами вскрикнула Соня.

— Что ты, ради Бога... Ежели ты разскажешь, ты мой врагъ, — заговорила Наташа.—Ты хочешь моего несчастья; ты хочешь, чтобы насъ разлучили...

Увидавъ этотъ страхъ Наташи, Соня заплакала слезами стыда и жалости за свою подругу.

— Но что было между вами?—спросила она.—Что онъ говорилъ тебѣ? Зачѣмъ онъ не ѣздитъ въ домъ?

Наташа не отвѣчала на ея вопросъ.

— Ради Бога, Соня, никому не говори, не мучай меня, — упрашивала Наташа. — Ты помни, что нельзя вмѣшиваться въ такія дѣла. Я тебѣ открыла...

— Но зачѣмъ эти тайны! Отчего же онъ не ѣздитъ въ домъ?—спрашивала Соня.— Отчего онъ прямо не ищетъ твоей

руки? Вѣдь князь Андрей далъ тебѣ полную свободу, ежели ужъ такъ. Но я не вѣрю этому: Наташа, ты подумала, какія могутъ быть *тайныя причины?*

Наташа удивленными глазами смотрѣла на Соню. Видно, ей самой въ первый разъ представлялся этотъ вопросъ, и она не знала, что отвѣчать на него.

— Какія причины, не знаю. Но, стало-быть, есть причины!

Соня вздохнула и недовѣрчиво покачала головой.

— Ежели бы были причины... — начала она.

Но Наташа, угадывая ея сомнѣнія, испуганно перебила ее.

— Соня, нельзя сомнѣваться въ немъ! Нельзя, нельзя, ты понимаешь ли? — прокричала она.

— Любитъ ли онъ тебя?

— Любитъ ли?—повторила Наташа съ улыбкой сожалѣнія о непонятливости своей подруги. — Вѣдь ты прочла письмо, ты видѣла его?

— Но если онъ неблагородный человѣкъ?

— *Онъ!*.. неблагородный человѣкъ? Коли бы ты знала! — говорила Наташа.

— Если онъ благородный человѣкъ, то онъ или долженъ объявить свое намѣреніе, или перестать видѣться съ тобой; и ежели ты не хочешь этого сдѣлать, то я сдѣлаю это: я напишу ему, я скажу папа,—рѣшительно сказала Соня.

— Да я жить не могу безъ него!—закричала Наташа.

— Наташа, я не понимаю тебя. И что ты говоришь! Вспомни объ отцѣ, о Nicolas.

— Мнѣ никого не нужно, я никого не люблю, кромѣ его. Какъ ты смѣешь говорить, что онъ неблагороденъ? Ты развѣ не знаешь, что я его люблю?—кричала Наташа.—Соня, уйди! Я не хочу съ тобой ссориться, уйди, ради Бога уйди: ты видишь, какъ я мучаюсь, — злобно кричала Наташа сдержанно-раздраженнымъ и отчаяннымъ голосомъ. Соня разрыдалась и выбѣжала изъ комнаты.

Наташа подошла къ столу и, не думавъ ни минуты, написала тотъ отвѣтъ княжнѣ Марьѣ, который она не могла написать цѣлое утро. Въ письмѣ этомъ она коротко писала княжнѣ Марьѣ, что всѣ недоразумѣнія ихъ кончены, что, пользуясь великодушіемъ князя Андрея, который, уѣзжая, далъ ей свободу, она проситъ ее забыть все и простить ее, ежели она передъ нею виновата, но что она не можетъ быть его женой. Все это ей казалось такъ легко, просто и ясно въ эту минуту.

Въ пятницу Ростовы должны были ѣхать въ деревню, а графъ въ среду поѣхалъ съ покупщикомъ въ свою подмосковную.

Въ день отъѣзда графа Соня съ Наташей были званы на большой обѣдъ къ Карагинымъ, и Марья Дмитріевна повезла ихъ. На обѣдѣ этомъ Наташа опять встрѣтилась съ Анатолемъ, и Соня замѣтила, что Наташа говорила съ нимъ что-то, желая не быть услышанной, и все время обѣда была еще болѣе взволнована, чѣмъ прежде. Когда онѣ вернулись домой, Наташа начала первая съ Соней то объясненіе, котораго ждала ея подруга.

— Вотъ ты, Соня, говорила разныя глупости про него, — начала Наташа кроткимъ голосомъ, тѣмъ голосомъ, которымъ говорятъ дѣти, когда хотятъ, чтобы ихъ похвалили. — Мы объяснились съ нимъ нынче.

— Ну, что же, что? Ну, что жъ онъ сказалъ? Наташа, какъ я рада, что ты не сердишься на меня. Говори мнѣ все, всю правду. Что же онъ сказалъ?

Наташа задумалась.

— Ахъ, Соня, если бы ты знала его такъ, какъ я! Онъ сказалъ... Онъ спрашивалъ меня о томъ, какъ я обѣщала Болконскому. Онъ обрадовался, что отъ меня зависитъ отказать ему.

Соня грустно вздохнула.

— Но вѣдь ты не отказала Болконскому, — сказала она.

— А, можетъ-быть, я и отказала! Можетъ-быть, съ Болконскимъ все кончено. Почему ты думаешь про меня такъ дурно?

— Я ничего не думаю, я только не понимаю этого...

— Подожди, Соня, ты все поймешь. Увидишь, какой онъ человѣкъ. Ты не думай дурное ни про меня, ни про него.

— Я ни про кого не думаю дурное; я всѣхъ люблю и всѣхъ жалѣю. Но что же мнѣ дѣлать?

Соня не сдавалась на нѣжный тонъ, съ которымъ къ ней обращалась Наташа. Чѣмъ размягченнѣе и искательнѣе было выраженіе лица Наташи, тѣмъ серьезнѣе и строже было лицо Сони.

— Наташа,—сказала она,—ты просила меня не говорить съ тобой, я и не говорила, теперь ты сама начала. Наташа, я не вѣрю ему. Зачѣмъ эта тайна?

— Опять, опять! — перебила Наташа.

— Наташа, я боюсь за тебя.

— Чего бояться?

— Я боюсь, что ты погубишь себя, — рѣшительно сказала Соня, сама испугавшись того, что она сказала.

Лицо Наташи опять выразило злобу.

— И погублю, погублю, какъ можно скорѣе погублю себя. Не ваше дѣло. Не вамъ, а мнѣ дурно будетъ. Оставь, оставь меня. Я ненавижу тебя.

— Наташа! — испуганно взывала Соня.

— Ненавижу, ненавижу! И ты мой врагъ навсегда!

Наташа выбѣжала изъ комнаты.

Наташа не говорила больше съ Соней и избѣгала ея. Съ тѣмъ же выраженіемъ взволнованнаго удивленія и преступности она ходила по комнатамъ, принимаясь то за то, то за другое занятіе и тотчасъ же бросая ихъ.

Какъ это ни тяжело было для Сони, но она, не спуская глазъ, слѣдила за своей подругой.

Наканунѣ того дня, въ который долженъ былъ вернуться графъ, Соня замѣтила, что Наташа сидѣла все утро у окна гостиной, какъ будто ожидая чего-то, и что она сдѣлала какой-то знакъ проѣхавшему военному, котораго Соня приняла за Анатоля.

Соня стала еще внимательнѣе наблюдать свою подругу и замѣтила, что Наташа была все время обѣда и вечеръ въ странномъ и неестественномъ состояніи: отвѣчала невпопадъ на дѣлаемые ей вопросы, начинала и не доканчивала фразы, всему смѣялась.

Послѣ чая Соня увидала робѣющую горничную дѣвушку, выжидавшую ее у двери Наташи. Она пропустила ее и, подслушавъ у двери, узнала, что опять было передано письмо.

И вдругъ Сонѣ стало ясно, что у Наташи былъ какой-нибудь страшный планъ на нынѣшній вечеръ. Соня постучалась къ ней. Наташа не пустила ея.

«Она убѣжитъ съ нимъ!» думала Соня. «Она на все способна. Нынче въ лицѣ ея было что-то особенно жалкое и рѣшительное. Она заплакала, прощаясь съ дяденькой», вспоминала Соня. «Да, это вѣрно, она бѣжитъ съ нимъ,—но что мнѣ дѣлать?» думала Соня, припоминая теперь тѣ признаки, которые ясно доказывали, почему у Наташи было какое-то страшное намѣреніе. «Графа нѣтъ. Что мнѣ дѣлать: написать къ Курагину, требуя отъ него объясненія? Но кто велитъ ему отвѣтить? Писать Пьеру, какъ просилъ князь Андрей въ случаѣ несчастья?.. Но, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ она уже отказала Болконскому (она вчера отослала письмо княжнѣ Марьѣ). Дяденьки нѣтъ»... Сказать Марьѣ Дмитріевнѣ, которая такъ вѣрила въ Наташу, Сонѣ казалось ужасно. «Но такъ или иначе», думала Соня, стоя въ темномъ коридорѣ, «теперь или никогда

пришло время доказать, что я помню благодѣянія ихъ семейства и люблю Nicolas. Нѣтъ, я хоть три ночи не буду спать, а не выйду изъ этого коридора и силой не пущу ея, и не дамъ позору обрушиться на ихъ семейство», думала она.

XVI.

Анатоль послѣднее время переселился къ Долохову. Планъ похищенія Ростовой уже нѣсколько дней былъ обдуманъ и приготовленъ Долоховымъ, и въ тотъ день, когда Соня, подслушавъ у двери Наташу, рѣшилась оберегать ее, планъ этотъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Наташа въ десять часовъ вечера обѣщала выйти къ Курагину на заднее крыльцо. Курагинъ долженъ былъ посадить ее въ приготовленную тройку и везти за 60 верстъ отъ Москвы, въ село Каменку, гдѣ былъ приготовленъ разстриженный попъ, который долженъ былъ обвѣнчать ихъ. Въ Каменкѣ была готова подстава, которая должна была вывезти ихъ на Варшавскую дорогу, и тамъ на почтовыхъ они должны были скакать за границу.

У Анатоля были и паспортъ, и подорожная, и десять тысячъ денегъ, взятыя у сестры, и десять тысячъ, занятыя черезъ посредство Долохова.

Два свидѣтеля — Хвостиковъ, бывшій приказный, котораго употреблялъ для игры Долоховъ, и Макаринъ, отставной гусаръ, добродушный и слабый человѣкъ, питавшій безпредѣльную любовь къ Курагину,—сидѣли въ первой комнатѣ за чаемъ.

Въ большомъ кабинетѣ Долохова, убранномъ отъ стѣнъ до потолка персидскими коврами, медвѣжьими шкурами и оружіемъ, сидѣлъ Долоховъ въ дорожномъ бешметѣ и сапогахъ передъ раскрытымъ бюро, на которомъ лежали счеты и пачки денегъ. Анатоль въ разстегнутомъ мундирѣ ходилъ изъ той комнаты, гдѣ сидѣли свидѣтели, черезъ кабинетъ въ заднюю комнату, гдѣ его лакей-французъ съ другими укладывалъ послѣднія вещи. Долоховъ считалъ деньги и записывалъ.

— Ну, — сказалъ онъ.—Хвостикову надо дать двѣ тысячи.

— Ну, и дай, — сказалъ Анатоль.

— Макарка (они такъ звали Макарина), этотъ безкорыстно за тебя въ огонь и воду. Ну, вотъ и кончены счеты,—сказалъ Долоховъ, показывая ему записку. — Такъ?

— Да, разумѣется, такъ, — сказалъ Анатоль, видимо не слушавшій Долохова и съ улыбкой, не сходившей у него съ лица, смотрѣвшій впередъ себя.

Долоховъ захлопнулъ бюро и обратился къ Анатолю съ насмѣшливой улыбкой.

— А знаешь что — брось все это: еще время есть! — сказалъ онъ.

— Дуракъ! — сказалъ Анатоль. — Перестань говорить глупости. Ежели бы ты зналъ... Это, чортъ знаетъ, что такое!

— Право, брось,—сказалъ Долоховъ.—Я тебѣ дѣло говорю. Развѣ это шутка, что ты затѣялъ?

— Ну, опять, опять дразнить? Пошелъ къ чорту! А?.. — сморщившись, сказалъ Анатоль. — Право, не до твоихъ дурацкихъ шутокъ. — И онъ ушелъ изъ комнаты.

Долоховъ презрительно и снисходительно улыбнулся, когда Анатоль вышелъ.

— Ты постой,—сказалъ онъ вслѣдъ Анатолю:—я не шучу, я дѣло говорю. Поди, поди сюда.

Анатоль опять вошелъ въ комнату и, стараясь сосредоточить вниманіе, смотрѣлъ на Долохова, очевидно невольно покоряясь ему.

— Ты меня слушай, я тебѣ послѣдній разъ говорю. Что мнѣ съ тобой шутить? Развѣ я тебѣ перечилъ? Кто тебѣ все устроилъ, кто попа нашелъ, кто паспортъ взялъ, кто денегъ досталъ? Все я.

— Ну, и спасибо тебѣ. Ты думаешь, я тебѣ не благодаренъ?—Анатоль вздохнулъ и обнялъ Долохова.

— Я тебѣ помогалъ; но все же я тебѣ долженъ правду сказать: дѣло опасное и, если разобрать, глупое. Ну, ты ее увезешь, хорошо. Развѣ это такъ оставятъ? Узнается дѣло, что ты женатъ. Вѣдь тебя подъ уголовный судъ подведутъ...

— Ахъ! глупости, глупости! — опять, сморщившись, заговорилъ Анатоль. — Вѣдь я тебѣ толковалъ. А?—И Анатоль (съ тѣмъ особеннымъ пристрастіемъ, которое бываетъ у людей тупыхъ къ умозаключенію, до котораго они дойдутъ своимъ умомъ) повторилъ то разсужденіе, которое онъ разъ сто повторялъ Долохову.—Вѣдь я тебѣ толковалъ; я рѣшилъ: ежели этотъ бракъ будетъ недѣйствителенъ,—сказалъ онъ, загибая палецъ,—значитъ, я не отвѣчаю; ну, а ежели дѣйствителенъ, все равно: за границей никто этого не будетъ знать. Ну, вѣдь такъ? И не говори, не говори, не говори!

— Право, брось! Ты только себя свяжешь...

— Убирайся къ чорту! — сказалъ Анатоль и, взявшись за волосы, вышелъ въ другую комнату и тотчасъ же вернулся и съ ногами сѣлъ на кресло близко передъ Долоховымъ. — Это чортъ знаетъ, что такое! А? Ты посмотри, какъ бьется!—Онъ

взялъ руку Долохова и приложилъ къ своему сердцу.—Ah! quel pied, mon cher, quel regard! Une déesse!! [1]) А?

Долоховъ, холодно улыбаясь и блестя своими красивыми, наглыми глазами, смотрѣлъ на него, видимо желая еще повеселиться надъ нимъ.

— Ну, деньги выйдутъ, тогда что?

— Тогда что? А?—повторилъ Анатоль съ искреннимъ недоумѣніемъ передъ мыслью о будущемъ.—Тогда что? Тамъ я не знаю что̀... Ну, что глупости говорить! — Онъ посмотрѣлъ на часы.—Пора!

Анатоль пошелъ въ заднюю комнату.

— Ну, скоро ли вы? копаетесь тутъ!—крикнулъ онъ на слугъ.

Долоховъ убралъ деньги и, крикнувъ человѣка, чтобы велѣть подать поѣсть и выпить на дорогу, вошелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣли Хвостиковъ и Макаринъ.

Анатоль въ кабинетѣ лежалъ, облокотившись на руку, на диванѣ, задумчиво улыбался и что-то нѣжно про себя шепталъ своимъ красивымъ ртомъ.

— Иди,—съѣшь что-нибудь! Ну, выпей!—кричалъ ему изъ другой комнаты Долоховъ.

— Не хочу!—отвѣтилъ Анатоль, все продолжая улыбаться.

— Иди, Балага пріѣхалъ.

Анатоль всталъ и вошелъ въ столовую. Балага былъ извѣстный троечный ямщикъ, уже лѣтъ шесть знавшій Долохова и Анатоля и служившій имъ своими тройками. Не разъ онъ, когда полкъ Анатоля стоялъ въ Твери, съ вечера увозилъ его изъ Твери, къ разсвѣту доставлялъ въ Москву и увозилъ на другой день ночью. Не разъ онъ увозилъ Долохова отъ погони. Не разъ онъ по городу каталъ ихъ съ цыганами и «дамочками», какъ называлъ Балага. Не разъ онъ съ ихъ работой давилъ по Москвѣ народъ и извозчиковъ, и всегда его выручали «его господа», какъ онъ называлъ ихъ. Не одну лошадь онъ загналъ подъ ними. Не разъ онъ былъ битъ ими, не разъ напаивали они его шампанскимъ и мадерой, которую онъ любилъ, и не одну штуку онъ зналъ за каждымъ изъ нихъ, которая обыкновенному человѣку давно бы заслужила Сибирь. Въ кутежахъ своихъ они часто зазывали Балагу, заставляли его пить и плясать у цыганъ, и не одна тысяча ихъ денегъ перешла черезъ его руки. Служа имъ, онъ двадцать разъ въ году рисковалъ и своею жизнью и своею шкурой и на ихъ работѣ переморилъ больше лошадей, чѣмъ они ему переплатили денегъ. Но онъ любилъ ихъ, любилъ

---

[1]) О! какая ножка, мой другъ, какой взглядъ! Богиня!!

эту безумную ѣзду, по восемнадцати верстъ въ часъ, любилъ перекувырнуть извозчика и раздавить пѣшехода по Москвѣ, и во весь скокъ пролетѣть по московскимъ улицамъ. Онъ любилъ слышать за собой этотъ дикій крикъ пьяныхъ голосовъ: «пошелъ! пошелъ!» тогда какъ ужъ и такъ нельзя было ѣхать шибче; любилъ вытянуть больно по шеѣ мужика, который и такъ ни живъ, ни мертвъ сторонился отъ него. «Настоящіе господа!» думалъ онъ.

Анатоль и Долоховъ тоже любили Балагу за его мастерство ѣзды и за то, что онъ любилъ то же, что и они. Съ другими Балага рядился, бралъ по двадцати пяти рублей за двухчасовое катанье и съ другими только изрѣдка ѣздилъ самъ, а больше посылалъ своихъ молодцовъ. Но съ своими господами, какъ онъ называлъ ихъ, онъ всегда ѣхалъ самъ и никогда ничего не требовалъ за свою работу. Только, узнавъ черезъ камердинеровъ время, когда были деньги, онъ разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ приходилъ поутру трезвый и, низко кланяясь, просилъ выручить его. Его всегда сажали господа.

— Ужъ вы меня вызвольте, батюшка, Өедоръ Иванычъ, или ваше сіятельство, — говорилъ онъ.—Обезлошадничалъ вовсе; на ярманку ѣхать ужъ ссудите, что можете.

И Анатоль и Долоховъ, когда бывали при деньгахъ, давали ему по тысячѣ и по двѣ рублей.

Балага былъ русый съ краснымъ лицомъ и, въ особенности, красной, толстой шеей, приземистый, курносый мужикъ, лѣтъ двадцати семи, съ блестящими маленькими глазами и маленькой бородкой. Онъ былъ одѣтъ въ тонкомъ синемъ кафтанѣ на шелковой подкладкѣ, надѣтомъ на полушубокъ.

Онъ перекрестился на передній уголъ и подошелъ къ Долохову, протягивая черную небольшую руку.

— Өедору Ивановичу! — сказалъ онъ, кланяясь.

— Здорово, братъ, ну, вотъ и онъ.

— Здравствуйте, ваше сіятельство, — сказалъ онъ входившему Анатолю и тоже протянулъ руку.

— Я тебѣ говорю, Балага, — сказалъ Анатоль, кладя ему руки на плечи,—любишь ты меня или нѣтъ? А? Теперь службу сослужи... На какихъ пріѣхалъ? А?

— Какъ посолъ приказалъ, на вашихъ, на звѣрьяхъ,—сказалъ Балага.

— Ну, слышь, Балага! Зарѣжь всю тройку, а чтобы въ три часа пріѣхать. А?

— Какъ зарѣжешь, на чемъ поѣдемъ?—сказалъ Балага, подмигивая.

— Ну, я тебѣ морду разобью, ты не шути!—вдругъ, выкативъ глаза, крикнулъ Анатоль.

— Что жъ шутить,—посмѣиваясь, сказалъ ямщикъ.—Развѣ я для своихъ господъ пожалѣю? Что мочи скакать будетъ лошадямъ, то и ѣхать будемъ.

— А! — сказалъ Анатоль. — Ну садись.

— Что жъ, садись! — сказалъ Долоховъ.

— Постою, Ѳедоръ Ивановичъ.

— Садись, врешь, пей! — сказалъ Анатоль и налилъ ему большой стаканъ мадеры.

Глаза ямщика засвѣтились на вино. Отказываясь для приличія, онъ выпилъ и отерся шелковымъ краснымъ платкомъ, который лежалъ у него въ шапкѣ.

— Что жъ, когда ѣхать-то, ваше сіятельство?

— Да вотъ (Анатоль посмотрѣлъ на часы)... сейчасъ и ѣхать. Смотри же, Балага. А? Поспѣешь?

— Да какъ выѣздъ — счастливъ ли будетъ, а то отчего же не поспѣть? — сказалъ Балага. — Доставляли же въ Тверь, въ семь часовъ поспѣвали. Помнишь небось, ваше сіятельство?

— Ты знаешь ли, на Рождество изъ Твери я разъ ѣхалъ,— сказалъ Анатоль, съ улыбкой воспоминанія, обращаясь къ Макарину, который во всѣ глаза умиленно смотрѣлъ на Курагина.— Ты вѣришь ли, Макарка, что духъ захватывало, какъ мы летѣли. Въѣхали въ обозъ, черезъ два воза перескочили. А?

— Ужъ лошади жъ были!—продолжалъ разсказъ Балага.— Я тогда молодыхъ пристяжныхъ къ каурому запрягъ, — обратился онъ къ Долохову, — такъ вѣришь ли, Ѳедоръ Иванычъ, 60 верстъ звѣри летѣли; держать нельзя, руки закоченѣли, морозъ былъ. Бросилъ вожжи: держи, молъ, ваше сіятельство; самъ такъ въ сани и повалился. Такъ вѣдь не то что погонять, до мѣста держать нельзя. Въ три часа донесли, черти. Издохла лѣвая только.

XVII.

Анатоль вышелъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ вернулся въ подпоясанной серебрянымъ ремнемъ шубкѣ и собольей шапкѣ, молодцевато надѣтой набекрень и очень шедшей къ его красивому лицу. Поглядѣвшись въ зеркало и въ той самой позѣ, которую онъ взялъ передъ зеркаломъ, ставъ передъ Долоховымъ, онъ взялъ стаканъ вина.

— Ну, Ѳедя, прощай; спасибо за все; прощай! — сказалъ Анатоль. — Ну, товарищи-друзья... — онъ задумался, — мо-

лодости... моей, прощайте! — обратился онъ къ Макарину и другимъ.

Несмотря на то, что всѣ они ѣхали съ нимъ, Анатоль, видимо, хотѣлъ сдѣлать что-то трогательное и торжественное изъ этого обращенія къ товарищамъ. Онъ говорилъ медленнымъ, громкимъ голосомъ и, выставивъ грудь, покачивалъ одной ногой.

— Всѣ возьмите стаканы; и ты, Балага. Ну, товарищи-друзья молодости моей, покутили мы, пожили, покутили. А теперь когда свидимся? за границу уѣду. Пожили; прощай, ребята. За здоровье! Ура!.. — сказалъ онъ, выпилъ свой стаканъ и хлопнулъ его объ землю.

— Будь здоровъ, — сказалъ Балага, тоже выпивъ свой стаканъ и обтираясь платкомъ.

Макаринъ со слезами на глазахъ обнималъ Анатоля.

— Эхъ, князь, ужъ какъ грустно мнѣ съ тобой разстаться,— проговорилъ онъ.

— Ѣхать, ѣхать! — закричалъ Анатоль.

Балага было пошелъ изъ комнаты.

— Нѣтъ, стой, — сказалъ Анатоль. — Затвори двери, сѣсть надо. Вотъ такъ.

Затворили двери, и всѣ сѣли.

— Ну, теперь маршъ, ребята! — сказалъ Анатоль, вставая. Лакей Joseph подалъ Анатолю сумку и саблю, и всѣ вышли въ переднюю.

— А шуба гдѣ? — сказалъ Долоховъ. — Эй, Игнатка! Поди къ Матренѣ Матвѣевнѣ, спроси шубу, салопъ соболій. Я слыхалъ, какъ увозятъ, — сказалъ Долоховъ, подмигнувъ. — Вѣдь она выскочитъ ни жива, ни мертва, въ чемъ дома сидѣла; чуть замѣшкаешься, тутъ и слезы, и папаша, и мамаша, и сейчасъ озябла и назадъ, — а ты въ шубу принимай сразу и неси въ сани.

Лакей принесъ женскій лисій салопъ.

— Дуракъ, я тебѣ сказалъ—соболій. Эй, Матрешка, соболій! — крикнулъ онъ такъ, что далеко по комнатамъ раздался его голосъ.

Красивая, худая и блѣдная цыганка, съ блестящими черными глазами и съ черными курчавыми, сизаго отлива, волосами, въ красной шали, выбѣжала съ собольимъ салопомъ на рукѣ.

— Что жъ, мнѣ не жаль, ты возьми,—сказала она, видимо робѣя передъ своимъ господиномъ и жалѣя салопа.

Долоховъ, не отвѣчая ей, взялъ шубу, накинулъ ее на Матрешу и закуталъ ее.

— Вотъ такъ,—сказалъ Долоховъ.—И потомъ вотъ такъ,— сказалъ онъ и поднялъ ей около головы воротникъ, оставляя его только передъ лицомъ немного открытымъ. — Потомъ вотъ такъ, видишь? — и онъ придвинулъ голову Анатоля къ отверстію, оставленному воротникомъ, изъ котораго виднѣлась блестящая улыбка Матреши.

— Ну, прощай, Матреша, — сказалъ Анатоль, цѣлуя ее. — Эхъ, кончена моя гульба здѣсь! Стешкѣ кланяйся. Ну, прощай! Прощай, Матреша; ты мнѣ пожелай счастья.

— Ну, дай-то вамъ Богъ, князь, счастья большого, — сказала Матреша съ своимъ цыганскимъ акцентомъ.

У крыльца стояли двѣ тройки, двое молодцовъ-ямщиковъ держали ихъ. Балага сѣлъ на переднюю тройку и, высоко поднимая локти, неторопливо разобралъ вожжи. Анатоль и Долоховъ сѣли къ нему. Макаринъ, Хвостиковъ и лакей сѣли на другую тройку.

— Готовы, что ль? — спросилъ Балага.

— Пущай!—крикнулъ онъ, заматывая вокругъ рукъ вожжи, и тройка понесла бить внизъ по Никитскому бульвару.

— Тпрру! Поди, эй!.. Тпрру... — только слышался крикъ Балаги и молодца, сидѣвшаго на козлахъ. На Арбатской площади тройка зацѣпила карету, что-то затрещало, послышался крикъ, и тройка полетѣла по Арбату.

Давъ два конца по Подновинскому, Балага сталъ сдерживать и, вернувшись назадъ, остановилъ лошадей у перекрестка Старой Конюшенной.

Молодецъ соскочилъ держать подъ уздцы лошадей, Анатоль съ Долоховымъ пошли по тротуару. Подходя къ воротамъ, Долоховъ свистнулъ. Свистокъ отозвался ему, и вслѣдъ затѣмъ выбѣжала горничная.

— На дворъ войдите, а то видно; сейчасъ выйдетъ, — сказала она.

Долоховъ остался у воротъ. Анатоль вошелъ за горничной на дворъ, поворотилъ за уголъ и взбѣжалъ на крыльцо.

Гаврила, огромный выѣздной лакей Марьи Дмитріевны, встрѣтилъ Анатоля.

— Къ барынѣ пожалуйте, — басомъ сказалъ лакей, загораживая дорогу отъ двери.

— Къ какой барынѣ? Да ты кто? — запыхавшимся шопотомъ спрашивалъ Анатоль.

— Пожалуйте, приказано привесть.

— Курагинъ! назадъ! — кричалъ Долоховъ. — Измѣна! Назадъ!

Долоховъ у калитки, у которой онъ остановился, боролся съ дворникомъ, пытавшимся запереть за вошедшимъ Анатолемъ калитку. Долоховъ послѣднимъ усиліемъ оттолкнулъ дворника и, схвативъ за руку выбѣжавшаго Анатоля, выдернулъ его за калитку и побѣжалъ съ нимъ назадъ къ тройкѣ.

XVIII.

Марья Дмитріевна, заставъ заплаканную Соню въ коридорѣ, заставила ее во всемъ признаться. Перехвативъ записку Наташи и прочтя ее, Марья Дмитріевна съ запиской въ рукѣ вошла къ Наташѣ.

— Мерзавка, безстыдница, — сказала она ей. — Слышать ничего не хочу!

Оттолкнувъ удивленными, но сухими глазами глядящую на нее Наташу, она заперла ее на ключъ и, приказавъ дворнику пропустить въ ворота тѣхъ людей, которые придутъ нынче вечеромъ, но не выпускать ихъ, а лакею приказавъ привести этихъ людей къ себѣ, сѣла въ гостиной, ожидая похитителей.

Когда Гаврила пришелъ доложить Марьѣ Дмитріевнѣ, что приходившіе люди убѣжали, она, нахмурившись, встала и, заложивъ назадъ руки, долго ходила по комнатамъ, обдумывая то, что ей дѣлать. Въ 12 часу ночи она, ощупавъ ключъ въ карманѣ, пошла къ комнатѣ Наташи. Соня, рыдая, сидѣла въ коридорѣ. — Марья Дмитріевна, пустите меня къ ней ради Бога! — сказала она. Марья Дмитріевна, не отвѣчая ей, отперла дверь и вошла. «Гадко, скверно... Въ моемъ домѣ... Мерзавка, дѣвчонка... Только отца жалко!» думала Марья Дмитріевна, стараясь утолить свой гнѣвъ. «Какъ ни трудно, ужъ велю всѣмъ молчать и скрою отъ графа». Марья Дмитріевна рѣшительными шагами вошла въ комнату. Наташа лежала на диванѣ, закрывъ голову руками, и не шевелилась. Она лежала въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ оставила ее Марья Дмитріевна.

— Хороша, очень хороша! — сказала Марья Дмитріевна. — Въ моемъ домѣ любовникамъ свиданія назначать! Притворяться-то нечего. Ты слушай, когда я съ тобой говорю. — Марья Дмитріевна тронула ее за руку. — Ты слушай, когда я говорю. Ты себя осрамила, какъ дѣвка самая послѣдняя. Я бы съ тобой то сдѣлала, да мнѣ твоего отца жалко. Я скрою.

Наташа не перемѣнила положенія, но только все тѣло ея стало вскидываться отъ беззвучныхъ, судорожныхъ рыданій, которыя душили ее. Марья Дмитріевна оглянулась на Соню и присѣла на диванѣ подлѣ Наташи.

— Счастье его, что онъ отъ меня ушелъ; да я найду его,— сказала она своимъ грубымъ голосомъ: — слышишь ты, что ли, что я говорю?

Она поддѣла своей большой рукой подъ лицо Наташи и повернула ее къ себѣ. И Марья Дмитріевна, и Соня удивились, увидавъ лицо Наташи. Глаза ея были блестящи и сухи; губы поджаты; щеки опустились.

— Оставь...те... что мнѣ... я... умру... — проговорила она, злымъ усиліемъ вырвалась отъ Марьи Дмитріевны и легла въ свое прежнее положеніе.

— Наталья!.. — сказала Марья Дмитріевна. — Я тебѣ добра желаю. Ты лежи, ну, лежи такъ, я тебя не трону, и слушай... Я не стану говорить, какъ ты виновата. Ты сама знаешь. Ну да! Теперь отецъ твой завтра пріѣдетъ — что́ я скажу ему? А?

Опять тѣло Наташи заколебалось отъ рыданій.

— Ну, узнаетъ онъ, ну, братъ твой, женихъ!

— У меня нѣтъ жениха, я отказала, — прокричала Наташа.

— Все равно, — продолжала Марья Дмитріевна. — Ну, они узнаютъ, что жъ, они такъ оставятъ? Вѣдь онъ, отецъ твой, я его знаю... вѣдь онъ если его на дуэль вызоветъ, хорошо это будетъ? А?

— Ахъ, оставьте меня, зачѣмъ вы всему помѣшали! Зачѣмъ? зачѣмъ? кто васъ просилъ? — кричала Наташа, приподнявшись на диванѣ и злобно глядя на Марью Дмитріевну.

— Да чего жъ ты хотѣла? — вскрикнула опять горячась Марья Дмитріевна. — Что жъ тебя запирали, что ль? Ну, кто жъ ему мѣшалъ въ домъ ѣздить? Зачѣмъ же тебя, какъ цыганку какую, увозить?.. Ну, увезъ бы онъ тебя, что жъ ты думаешь, его бы не нашли? Твой отецъ, или братъ, или женихъ. А онъ мерзавецъ, негодяй, вотъ что!

— Онъ лучше всѣхъ васъ! — вскрикнула Наташа, приподнимаясь. — Если бы вы не мѣшали... Ахъ, Боже мой, что это, что это! Соня, за что? Уйдите!..

И она зарыдала съ такимъ отчаяніемъ, съ какимъ оплакиваютъ люди только такое горе, котораго они чувствуютъ сами себя причиной. Марья Дмитріевна начала было опять говорить, но Наташа закричала: — Уйдите, уйдите! вы всѣ меня ненавидите, презираете! — И опять бросилась на диванъ.

Марья Дмитріевна продолжала еще нѣсколько времени усовѣщивать Наташу и внушать ей, что все это надо скрыть отъ графа, что никто не узнаетъ ничего, ежели только Наташа возьметъ на себя все забыть и не показывать ни передъ кѣмъ вида, что что-нибудь случилось. Наташа не отвѣчала. Она и не ры-

дала больше, но съ ней сдѣлались ознобъ и дрожь. Марья Дмитріевна подложила ей подушку, накрыла ее двумя одѣялами и сама принесла ей липоваго цвѣта; но Наташа не откликнулась ей.

— Ну, пускай спитъ, — сказала Марья Дмитріевна, уходя изъ комнаты, думая, что она спитъ.

Но Наташа не спала и остановившимися раскрытыми глазами изъ блѣднаго лица прямо смотрѣла передъ собой. Всю эту ночь Наташа не спала, и не плакала, и не говорила съ Соней, нѣсколько разъ вставашей и подходившей къ ней.

На другой день къ завтраку, какъ и обѣщалъ графъ Илья Андреевичъ, онъ пріѣхалъ изъ подмосковной. Онъ былъ очень веселъ: дѣло съ покупщикомъ ладилось, и ничто уже не задерживало его теперь въ Москвѣ и въ разлукѣ съ графиней, по которой онъ соскучился. Марья Дмитріевна встрѣтила его и объявила ему, что Наташа сдѣлалась очень нездорова вчера, что посылали за докторомъ, но что теперь ей лучше. Наташа въ это утро не выходила изъ своей комнаты. Съ поджатыми растрескавшимися губами, сухими остановившимися глазами она сидѣла у окна и безпокойно вглядывалась въ проѣзжающихъ по улицѣ и торопливо оглядывалась на входившихъ въ комнату. Она, очевидно, ждала извѣстій о немъ, ждала, что онъ самъ пріѣдетъ или напишетъ ей.

Когда графъ вошелъ къ ней, она безпокойно оборотилась на звукъ его мужскихъ шаговъ, и лицо ея приняло прежнее холодное и даже злое выраженіе. Она даже не поднялась навстрѣчу ему.

— Что съ тобой, мой ангелъ, больна? — спросилъ графъ.

Наташа помолчала.

— Да, больна, — отвѣчала она.

На безпокойные разспросы графа о томъ, почему она такая убитая и не случилось ли чего-нибудь съ женихомъ, она увѣряла его, что ничего, и просила его не безпокоиться. Марья Дмитріевна подтвердила графу увѣренья Наташи, что ничего не случилось. Графъ, судя по мнимой болѣзни, по разстройству дочери, по сконфуженнымъ лицамъ Сони и Марьи Дмитріевны, ясно видѣлъ, что въ его отсутствіе должно было что-нибудь случиться; но ему такъ страшно было думать, что что-нибудь постыдное случилось съ его любимою дочерью, онъ такъ любилъ свое веселое спокойствіе, что онъ избѣгалъ разспросовъ и все старался увѣрить себя, что ничего особеннаго не было, и только тужилъ о томъ, что по случаю ея нездоровья откладывался ихъ отъѣздъ въ деревню.

XIX.

Со дня пріѣзда своей жены въ Москву Пьеръ сбирался уѣхать куда-нибудь, только чтобы не быть съ ней. Вскорѣ послѣ пріѣзда Ростовыхъ въ Москву впечатлѣніе, которое производила на него Наташа, заставило его поторопиться исполнить свое намѣреніе. Онъ поѣхалъ въ Тверь ко вдовѣ Іосифа Алексѣевича, которая обѣщала давно передать ему бумаги покойнаго.

Когда Пьеръ вернулся въ Москву, ему подали письмо отъ Марьи Дмитріевны, которая звала его къ себѣ по весьма важному дѣлу, касающемуся Андрея Болконскаго и его невѣсты. Пьеръ избѣгалъ Наташи. Ему казалось, что онъ имѣлъ къ ней чувство болѣе сильное, чѣмъ то, которое долженъ былъ имѣть женатый человѣкъ къ невѣстѣ своего друга. И какая-то судьба постоянно сводила его съ нею.

«Что такое случилось? И какое имъ до меня дѣло?» думалъ онъ, одѣваясь, чтобы ѣхать къ Марьѣ Дмитріевнѣ. «Поскорѣе бы пріѣхалъ князь Андрей и женился бы на ней», думалъ Пьеръ дорогой къ Ахросимовой.

На Тверскомъ бульварѣ кто-то окликнулъ его.

— Пьеръ! Давно пріѣхалъ? — прокричалъ ему знакомый голосъ. Пьеръ поднялъ голову. Въ парныхъ саняхъ, на двухъ сѣрыхъ рысакахъ, закидывающихъ снѣгомъ головашки саней, промелькнулъ Анатоль съ своимъ всегдашнимъ товарищемъ Макаринымъ. Анатоль сидѣлъ прямо, въ классической позѣ военныхъ щеголей, закутавъ низъ лица бобровымъ воротникомъ и немного пригнувъ голову. Лицо его было румяно и свѣжо, шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ была надѣта на бокъ, открывая завитые, помаженные и осыпанные мелкимъ снѣгомъ волосы.

«И право, вотъ, настоящій мудрецъ!» подумалъ Пьеръ: «ничего не видитъ дальше настоящей минуты удовольствія, ничто не тревожитъ его, и оттого всегда веселъ, доволенъ и спокоенъ. Что̀ бы я далъ, чтобы быть такимъ, какъ онъ!» съ завистью подумалъ Пьеръ.

Въ передней Ахросимовой лакей, снимая съ Пьера его шубу, сказалъ, что Марья Дмитріевна просятъ къ себѣ въ спальню.

Отворивъ дверь въ залу, Пьеръ увидалъ Наташу, сидѣвшую у окна съ худымъ, блѣднымъ и злымъ лицомъ. Она оглянулась на него, нахмурилась и съ выраженіемъ холоднаго достоинства вышла изъ комнаты.

— Что случилось? — спросилъ Пьеръ, входя къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

— Хорошія дѣла,—отвѣчала Марья Дмитріевна:—пятьдесятъ восемь лѣтъ прожила на свѣтѣ, такого сраму не видала.

И, взявъ съ Пьера честное слово молчать обо всемъ, что онъ узнаетъ, Марья Дмитріевна сообщила ему, что Наташа отказала своему жениху безъ вѣдома родителей, что причиной этого отказа былъ Анатоль Курагинъ, съ которымъ сводила ее жена Пьера и съ которымъ она хотѣла бѣжать въ отсутствіе своего отца, съ тѣмъ, чтобы тайно обвѣнчаться.

Пьеръ, приподнявъ плечи и разинувъ ротъ, слушалъ то, что говорила ему Марья Дмитріевна, не вѣря своимъ ушамъ. Невѣстѣ князя Андрея, такъ страстно любимой, этой прежде милой Наташѣ Ростовой, промѣнять Болконскаго на дурака Анатоля, уже женатаго (Пьеръ зналъ тайну его женитьбы), и такъ влюбиться въ него, чтобы согласиться бѣжать съ нимъ, — этого Пьеръ не могъ понять и не могъ себѣ представить.

Милое впечатлѣніе Наташи, которую онъ зналъ съ дѣтства, не могло соединиться въ его душѣ съ новымъ представленіемъ о ея низости, глупости и жестокости. Онъ вспомнилъ о своей женѣ. «Всѣ онѣ однѣ и тѣ же», сказалъ онъ самъ себѣ, думая, что не ему одному достался печальный удѣлъ быть связаннымъ съ гадкой женщиной. Но ему все-таки до слезъ жалко было князя Андрея, жалко было его гордости. И чѣмъ больше онъ жалѣлъ своего друга, тѣмъ съ бо̀льшимъ презрѣніемъ и даже отвращеніемъ думалъ объ этой Наташѣ, съ такимъ выраженіемъ холоднаго достоинства сейчасъ прошедшей мимо него по залѣ. Онъ не зналъ, что душа Наташи была преисполнена отчаянія, стыда, униженія и что она не виновата была въ томъ, что лицо ея нечаянно выражало спокойное достоинство и строгость.

— Да какъ обвѣнчаться?—проговорилъ Пьеръ на слова Марьи Дмитріевны. — Онъ не могъ обвѣнчаться: онъ женатъ.

— Часъ отъ часу не легче,—проговорила Марья Дмитріевна.— Хорошъ мальчикъ! То-то мерзавецъ! А она ждетъ, второй день ждетъ. По крайней мѣрѣ, ждать перестанетъ; надо сказать ей.

Узнавъ отъ Пьера подробности женитьбы Анатоля, изливъ свой гнѣвъ на него ругательскими словами, Марья Дмитріевна сообщила ему то, для чего она вызвала его. Марья Дмитріевна боялась, чтобы графъ или Болконскій, который могъ всякую минуту пріѣхать, узнавъ дѣло, которое она намѣрена была скрыть отъ нихъ, не вызвали на дуэль Курагина, и потому просила его приказать отъ ея имени его шурину уѣхать изъ Москвы и не смѣть показываться ей на глаза. Пьеръ обѣщалъ ей исполнить ея желаніе, только теперь понявъ опасность, которая угрожала и ста-

рому графу, и Николаю, и князю Андрею. Кратко и точно изложивъ ему свои требованія, она выпустила его въ гостиную.

— Смотри же, графъ ничего не знаетъ. Ты дѣлай, какъ будто ничего не знаешь, — сказала она ему. — А я пойду сказать ей, что ждать нечего. Да оставайся обѣдать, коли хочешь, — крикнула Марья Дмитріевна Пьеру.

Пьеръ встрѣтилъ стараго графа. Онъ былъ смущенъ и разстроенъ. Въ это утро Наташа сказала ему, что она отказала Болконскому.

— Бѣда, бѣда, mon cher, — говорилъ онъ Пьеру. — Бѣда съ этими дѣвками безъ матери: ужъ я такъ тужу, что пріѣхалъ. Я съ вами откровененъ буду. Слышали — отказала жениху, ни у кого не спросивши ничего. Оно, положимъ, я никогда этому браку очень не радовался. Положимъ, онъ хорошій человѣкъ, но что жъ, противъ воли отца счастья бы не было, и Наташа безъ жениховъ не останется. Да все-таки долго уже такъ продолжалось; да и какъ же это безъ отца, безъ матери такой шагъ! А теперь больна, и Богъ знаетъ что! Плохо, графъ, плохо съ дочерьми безъ матери...

Пьеръ видѣлъ, что графъ былъ очень разстроенъ, старался перевести разговоръ на другой предметъ, но графъ опять возвращался къ своему горю.

Соня съ тревожнымъ лицомъ вошла въ гостиную.

— Наташа не совсѣмъ здорова; она въ своей комнатѣ и желала бы васъ видѣть. Марья Дмитріевна у нея и проситъ васъ тоже.

— Да, вѣдь вы очень дружны съ Болконскимъ; вѣрно что-нибудь передать хочетъ, — сказалъ графъ. — Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какъ все хорошо было!

И, взявшись за рѣдкіе виски сѣдыхъ волосъ, графъ вышелъ изъ комнаты.

Марья Дмитріевна объявила Наташѣ о томъ, что Анатоль былъ женатъ. Наташа не хотѣла вѣрить ей и требовала подтвержденія этого отъ самого Пьера. Соня сообщила это Пьеру въ то время, какъ она черезъ коридоръ провожала его въ комнату Наташи.

Наташа, блѣдная, строгая, сидѣла подлѣ Марьи Дмитріевны и отъ самой двери встрѣтила Пьера лихорадочно-блестящимъ вопросительнымъ взглядомъ. Она не улыбнулась, не кивнула ему головой, она только упорно смотрѣла на него, и взглядъ ея спрашивалъ его только про то: другъ ли онъ или такой же врагъ, какъ и всѣ другіе, по отношенію къ Анатолю. Самъ по себѣ Пьеръ, очевидно, не существовалъ для нея.

— Онъ все знаетъ, — сказала Марья Дмитріевна, указывая на Пьера и обращаясь къ Наташѣ.—Онъ пускай тебѣ скажетъ, правду ли я говорила.

Наташа, какъ подстрѣленный, загнанный звѣрь смотритъ на приближающихся собакъ и охотниковъ, смотрѣла то на того, то на другого.

— Наталья Ильинична, — началъ Пьеръ, опустивъ глаза и испытывая чувство жалости къ ней и отвращеніе къ той операціи, которую онъ долженъ былъ дѣлать,—правда это или неправда, это для васъ должно быть все равно, потому что...

— Такъ это неправда, что онъ женатъ!

— Нѣтъ, это правда.

— Онъ женатъ былъ, и давно? — спросила она, — честное слово?

Пьеръ далъ ей честное слово.

— Онъ здѣсь еще? — спросила она быстро.

— Да, я его сейчасъ видѣлъ.

Она, очевидно, была не въ силахъ говорить и дѣлала руками знаки, чтобы оставили ее.

XX.

Пьеръ не остался обѣдать, а тотчасъ же вышелъ изъ комнаты и уѣхалъ. Онъ поѣхалъ отыскивать по городу Анатоля Курагина, при мысли о которомъ теперь вся кровь у него приливала къ сердцу и онъ испытывалъ затрудненіе переводить дыханіе. На горахъ, у цыганъ, у Comoneno его не было. Пьеръ поѣхалъ въ клубъ. Въ клубѣ все шло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ: гости, съѣхавшіеся обѣдать, сидѣли группами и здоровались съ Пьеромъ и говорили о городскихъ новостяхъ. Лакей, поздоровавшись съ нимъ, доложилъ ему, зная его знакомство и привычки, что мѣсто ему оставлено въ маленькой столовой, что князь N. N. въ библіотекѣ, а Т. Т. не пріѣзжали еще. Одинъ изъ знакомыхъ Пьера, между разговоромъ о погодѣ, спросилъ у него, слышалъ ли онъ о похищеніи Курагинымъ Ростовой, про которое говорятъ въ городѣ; правда ли это? Пьеръ, засмѣявшись, сказалъ, что это вздоръ, потому что онъ сейчасъ только отъ Ростовыхъ. Онъ спрашивалъ у всѣхъ про Анатоля; ему сказалъ одинъ, что не пріѣзжалъ еще, другой — что онъ будетъ обѣдать нынче. Пьеру странно было смотрѣть на эту спокойную, равнодушную толпу людей, не знавшую того, что дѣлалось у него въ душѣ. Онъ прошелся по залѣ, дождался, пока всѣ съѣхались, и, не дождавшись Анатоля, не сталъ обѣдать и поѣхалъ домой.

Анатоль, котораго онъ искалъ, въ этотъ день обѣдалъ у Долохова и совѣщался съ нимъ о томъ, какъ поправить испорченное дѣло. Ему казалось необходимо увидаться съ Ростовой. Вечеромъ онъ поѣхалъ къ сестрѣ, чтобы переговорить съ ней о средствахъ устроить это свиданіе. Когда Пьеръ, тщетно объѣздивъ всю Москву, вернулся домой, камердинеръ доложилъ ему, что князь Анатоль Васильевичъ у графини. Гостиная графини была полна гостей.

Пьеръ, не здороваясь съ женой, которую онъ не видалъ послѣ пріѣзда (она больше чѣмъ когда-нибудь ненавистна была ему въ эту минуту), вошелъ въ гостиную и, увидавъ Анатоля, подошелъ къ нему.

— Ah, Pierre, — сказала графиня, подходя къ мужу. — Ты не знаешь, въ какомъ положеніи нашъ Анатоль...

Она остановилась, увидавъ въ опущенной низко головѣ мужа, въ его блестящихъ глазахъ, въ его рѣшительной походкѣ то страшное выраженіе бѣшенства и силы, которое она знала и испытала на себѣ послѣ дуэли съ Долоховымъ.

— Гдѣ вы — тамъ развратъ, зло, — сказалъ Пьеръ женѣ. — Анатоль, пойдемте, мнѣ надо поговорить съ вами, — сказалъ онъ по-французски.

Анатоль оглянулся на сестру и покорно всталъ, готовый слѣдовать за Пьеромъ. Пьеръ, взявъ его за руку, дернулъ къ себѣ и пошелъ изъ комнаты.

— Si vous vous permettez dans mon salon... [1]) — шопотомъ проговорила Эленъ; но Пьеръ, не отвѣчая ей, вышелъ изъ комнаты.

Анатоль шелъ за нимъ обычной, молодцеватой походкой. Но на лицѣ его было замѣтно безпокойство.

Войдя въ свой кабинетъ, Пьеръ затворилъ дверь и обратился къ Анатолю, не глядя на него:

— Вы обѣщали графинѣ Ростовой жениться на ней и хотѣли увезти ее?

— Мой милый, — отвѣчалъ Анатоль по-французски (какъ и шелъ весь разговоръ), — я не считаю себя обязаннымъ отвѣчать на допросы, дѣлаемые въ такомъ тонѣ.

Лицо Пьера, и прежде блѣдное, исказилось бѣшенствомъ. Онъ схватилъ своей большой рукой Анатоля за воротникъ мундира и сталъ трясти изъ стороны въ сторону до тѣхъ поръ, пока лицо Анатоля не приняло достаточное выраженіе испуга.

---

[1]) Если вы позволяете себѣ въ моей гостиной...

— Когда я говорю, что *мнѣ надо* говорить съ зами... — повторилъ Пьеръ.

— Ну, что, это глупо. А? — сказалъ Анатоль, ощупывая оторванную съ сукномъ пуговицу воротника.

— Вы негодяй и мерзавецъ, и не знаю, что меня воздерживаетъ отъ удовольствія размозжить вамъ голову вотъ этимъ, — говорилъ Пьеръ, выражаясь такъ искусственно потому, что онъ говорилъ по-французски.

Онъ взялъ въ руку тяжелое прессъ-папье и угрожающе поднялъ и тотчасъ же торопливо положилъ его на мѣсто.

— Обѣщали вы ей жениться?

— Я, я, я не думалъ; впрочемъ, я никогда не обѣщался, потому что...

Пьеръ перебилъ его:

— Есть у васъ письма ея? Есть у васъ письма? — повторялъ Пьеръ, подвигаясь къ Анатолю.

Анатоль взглянулъ на него и тотчасъ же, засунулъ руку въ карманъ, досталъ бумажникъ.

Пьеръ взялъ подаваемое письмо и, оттолкнувъ стоявшій на дорогѣ столъ, повалился на диванъ.

— Je ne serai pas voilent, ne craignez rien [1]),—сказалъ Пьеръ, отвѣчая на испуганный жестъ Анатоля. — Письма — разъ, — сказалъ Пьеръ, какъ будто повторяя урокъ для самого себя.—Второе, — послѣ минутнаго молчанія продолжалъ онъ, опять вставая и начиная ходить,—вы завтра должны уѣхать изъ Москвы.

— Но какъ же я могу...

— Третье, — не слушая его, продолжалъ Пьеръ, — вы никогда ни слова не должны говорить о томъ, что̀ было между вами и графиней. Этого, я знаю, я не могу запретить вамъ, но ежели въ васъ есть искра совѣсти...—Пьеръ нѣсколько разъ молча прошелъ по комнатѣ.

Анатоль сидѣлъ у стола и, нахмурившись, кусалъ себѣ губы.

— Вы не можете не понять наконецъ, что, кромѣ вашего удовольствія, есть счастье, спокойствіе другихъ людей; что вы губите цѣлую жизнь изъ-за того, что вамъ хочется веселиться. Забавляйтесь съ женщинами, подобными моей супругѣ, — съ этими вы въ своемъ правѣ; онѣ знаютъ, чего вы хотите отъ нихъ. Онѣ вооружены противъ васъ тѣмъ же опытомъ разврата. Но обѣщать дѣвушкѣ жениться на ней... обмануть, украсть... Какъ вы не понимаете, что это такъ же подло, какъ прибить старика или ребенка!..

---

[1]) Не бойтесь, я насилія не употреблю.

Пьеръ замолчалъ и взглянулъ на Анатоля уже не гнѣвнымъ, но вопросительнымъ взглядомъ.

— Этого я не знаю. А?—сказалъ Анатоль, ободряясь по мѣрѣ того, какъ Пьеръ преодолѣвалъ свой гнѣвъ. — Этого я не знаю и знать не хочу, — сказалъ онъ, глядя на Пьера и съ легкимъ дрожаніемъ нижней челюсти, — но вы сказали мнѣ такія слова: подло и тому подобное, которыя я, comme un homme d'honneur[1]), никому не позволю.

Пьеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, не въ силахъ понять, чего ему было нужно.

— Хотя это и было съ глазу на глазъ, — продолжалъ Анатоль, — но я не могу...

— Что жъ, вамъ нужно удовлетвореніе? — насмѣшливо сказалъ Пьеръ.

— По крайней мѣрѣ, вы можете взять назадъ свои слова. А? Ежели вы хотите, чтобъ я исполнилъ ваши желанія. А?

— Беру, беру назадъ, — проговорилъ Пьеръ, — и прошу васъ извинить меня. — Пьеръ взглянулъ невольно на оторванную пуговицу. — И денегъ, ежели вамъ нужно на дорогу...

Анатоль улыбнулся. Это выраженіе робкой и подлой улыбки, знакомой ему по женѣ, взорвало Пьера.

— О, подлая, безсердечная порода!—проговорилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

На другой день Анатоль уѣхалъ въ Петербургъ.

XXI.

Пьеръ поѣхалъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ, чтобы сообщить ей объ исполненіи ея желанія — объ изгнаніи Курагина изъ Москвы. Весь домъ былъ въ страхѣ и волненіи. Наташа была очень больна, и, какъ Марья Дмитріевна подъ секретомъ сказала ему, она въ ту же ночь, какъ ей было объявлено, что Анатоль женатъ, отравилась мышьякомъ, который она тихонько достала. Проглотивъ его немного, она такъ испугалась, что разбудила Соню и объявила ей то, что̀ она сдѣлала. Во̀-время были приняты нужныя мѣры противъ яда, и теперь она была внѣ опасности; но все-таки слаба такъ, что нельзя было думать везти ее въ деревню, и послано было за графиней. Пьеръ видѣлъ растеряннаго графа и заплаканную Соню, но не могъ видѣть Наташи.

---

[1]) Какъ честный человѣкъ.

Пьеръ въ этотъ день обѣдалъ въ клубѣ и со всѣхъ сторонъ слышалъ разговоры о попыткѣ похищенія Ростовой и съ упорствомъ опровергалъ эти разговоры, увѣряя всѣхъ, что больше ничего не было, какъ только то, что его шуринъ сдѣлалъ предложеніе Ростовой и получилъ отказъ. Пьеру казалось, что на его обязанности лежитъ скрыть все дѣло и возстановить репутацію Ростовой.

Онъ со страхомъ ожидалъ возвращенія князя Андрея и каждый день заѣзжалъ навѣдываться о немъ къ старому князю.

Князь Николай Андреевичъ зналъ черезъ m-lle Bourienne всѣ слухи, ходившіе по городу, и прочелъ ту записку къ княжнѣ Марьѣ, въ которой Наташа отказывала своему жениху. Онъ казался веселѣе обыкновеннаго и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ сына.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Анатоля Пьеръ получилъ записку отъ князя Андрея, извѣщавшаго его о своемъ пріѣздѣ и просившаго Пьера заѣхать къ нему.

Князь Андрей, пріѣхалъ въ Москву, въ первую же минуту своего пріѣзда получилъ отъ отца записку Наташи къ княжнѣ Марьѣ, въ которой она отказывала жениху (записку эту похитила у княжны Марьи и передала князю m-lle Bourienne), и услышалъ отъ отца съ прибавленіями разсказъ о похищеніи Наташи.

Князь Андрей пріѣхалъ вечеромъ наканунѣ. Пьеръ пріѣхалъ къ нему на другое утро. Пьеръ ожидалъ найти князя Андрея почти въ томъ же положеніи, въ которомъ была и Наташа, и потому онъ былъ удивленъ, когда онъ, войдя въ гостиную, услыхалъ изъ кабинета громкій голосъ князя Андрея, оживленно говорившаго что-то о какой-то петербургской интригѣ. Старый князь и другой чей-то голосъ изрѣдка перебивали его. Княжна Марья вышла навстрѣчу къ Пьеру. Она вздохнула, указывая глазами на дверь, гдѣ былъ князь Андрей, видимо желая выразить свое сочувствіе къ его горю; но Пьеръ видѣлъ по лицу княжны Марьи, что она была рада и тому, что случилось, и тому, какъ ея братъ принялъ извѣстіе объ измѣнѣ невѣсты.

— Онъ сказалъ, что ожидалъ этого, — сказала она. — Я знаю, что гордость его не позволитъ ему выразить своего чувства, но все-таки лучше, гораздо лучше онъ перенесъ это, чѣмъ я ожидала. Видно, такъ должно было быть...

— Но неужели совершенно все кончено? — сказалъ Пьеръ.

Княжна Марья съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Она не понимала даже, какъ можно было объ этомъ спрашивать. Пьеръ вошелъ въ кабинетъ. Князь Андрей, весьма измѣнившійся, оче-

видно поздоровѣвшій, но съ новой, поперечной морщиной между бровей, въ штатскомъ платьѣ, стоялъ противъ отца и князя Мещерскаго и горячо спорилъ, дѣлая энергическіе жесты. Рѣчь шла о Сперанскомъ, извѣстіе о внезапной ссылкѣ и мнимой измѣнѣ котораго только что дошло до Москвы.

— Теперь судятъ и обвиняютъ его (Сперанскаго) всѣ тѣ, которые мѣсяцъ тому назадъ восхищались имъ,—говорилъ князь Андрей, — и тѣ, которые не въ состояніи были понимать его цѣлей. Судить человѣка въ немилости очень легко и взваливать на него всѣ ошибки другихъ; а я скажу, что ежели что-нибудь сдѣлано хорошаго въ нынѣшнее царствованіе, то все хорошее сдѣлано имъ, имъ однимъ...

Онъ остановился, увидавъ Пьера. Лицо его дрогнуло и тотчасъ же приняло злое выраженіе.

— И потомство отдастъ ему справедливость, — договорилъ онъ и тотчасъ же обратился къ Пьеру.

— Ну, ты какъ? Все толстѣешь, — говорилъ онъ оживленно, но вновь появившаяся морщина еще глубже вырѣзалась на его лбу. — Да, я здоровъ, — отвѣчалъ онъ на вопросъ Пьера и усмѣхнулся.

Пьеру ясно было, что усмѣшка его говорила: «здоровъ, но здоровье мое никому не нужно».

Сказавъ нѣсколько словъ съ Пьеромъ объ ужасной дорогѣ отъ границъ Польши, о томъ, какъ онъ встрѣтилъ въ Швейцаріи людей, знавшихъ Пьера, и о господинѣ Десалѣ, котораго онъ воспитателемъ для сына привезъ изъ-за границы, князь Андрей опять съ горячностью вмѣшался въ разговоръ о Сперанскомъ, продолжавшійся между двумя стариками.

— Ежели бы была измѣна и были бы доказательства его тайныхъ сношеній съ Наполеономъ, то ихъ всенародно объявили бы,—съ горячностью и поспѣшностью говорилъ онъ.—Я лично не люблю и не любилъ Сперанскаго, но я люблю справедливость.

Пьеръ узнавалъ теперь въ своемъ другѣ слишкомъ знакомую ему потребность волноваться и спорить о дѣлѣ, для себя чуждомъ, только для того, чтобы заглушить слишкомъ тяжелыя задушевныя мысли.

Когда князь Мещерскій уѣхалъ, князь Андрей взялъ подъ руку Пьера и пригласилъ его въ комнату, которая была отведена для него. Въ комнатѣ была разбита кровать, лежали раскрытые чемоданы и сундуки. Князь Андрей подошелъ къ одному изъ нихъ и досталъ шкатулку. Изъ шкатулки онъ досталъ связку въ бумагѣ. Онъ все дѣлалъ молча и очень быстро. Онъ приподнялся, прокашлялся. Лицо его было нахмурено, и губы поджаты.

— Прости меня, ежели я тебя утруждаю...

Пьеръ понялъ, что князь Андрей хотѣлъ говорить о Наташѣ, и широкое лицо его выразило сожалѣніе и сочувствіе. Это выраженіе лица Пьера разсердило князя Андрея; онъ рѣшительно, звонко и непріятно продолжалъ:

— Я получилъ отказъ отъ графини Ростовой, и до меня дошли слухи объ исканіи ея руки твоимъ шуриномъ, или тому подобное. Правда ли это?

— И правда и неправда, — началъ Пьеръ; но князь Андрей перебилъ его.

— Вотъ ея письма и портретъ, — сказалъ онъ.

Онъ взялъ связку со стола и передалъ Пьеру.

— Отдай это графинѣ... ежели ты увидишь ее.

— Она очень больна, — сказалъ Пьеръ.

— Такъ она здѣсь еще? — сказалъ князь Андрей. — А князь Курагинъ? — спросилъ онъ быстро.

— Онъ давно уѣхалъ. Она была при смерти...

— Очень сожалѣю о ея болѣзни, — сказалъ князь Андрей. Онъ холодно, зло, непріятно, какъ его отецъ, усмѣхнулся.

— Но господинъ Курагинъ, стало-быть, не удостоилъ своей руки графиню Ростову? — сказалъ князь Андрей.

Онъ фыркнулъ носомъ нѣсколько разъ.

— Онъ не могъ жениться, потому что онъ былъ женатъ, — сказалъ Пьеръ.

Князь Андрей непріятно засмѣялся, опять напоминая своего отца.

— А гдѣ же онъ теперь находится, вашъ шуринъ, могу ли я узнать? — сказалъ онъ.

— Онъ уѣхалъ въ Петер... впрочемъ, я не знаю, — сказалъ Пьеръ.

— Ну, да это все равно, — сказалъ князь Андрей. — Передай графинѣ Ростовой, что она была и есть совершенно свободна и что я желаю ей всего лучшаго.

Пьеръ взялъ въ руки связку бумагъ. Князь Андрей, какъ будто вспоминая, не нужно ли ему сказать еще что-нибудь, или ожидая, не скажетъ ли чего-нибудь Пьеръ, остановившимся взглядомъ смотрѣлъ на него.

— Послушайте, помните вы нашъ споръ въ Петербургѣ, — сказалъ Пьеръ, — помните о...

— Помню, — поспѣшно отвѣчалъ князь Андрей, — я говорилъ, что падшую женщину надо простить; но я не говорилъ, что я могу простить. Я не могу.

— Развѣ можно это сравнивать?.. — сказалъ Пьеръ.

Князь Андрей перебилъ его. Онъ рѣзко закричалъ:

— Да, опять просить ея руки, быть великодушнымъ и тому подобное... Да, это очень благородно, но я не способенъ идти sur les brisées de Monsieur [1]). Ежели ты хочешь быть моимъ другомъ, не говори со мной никогда про эту... про все это. Ну, прощай. Такъ ты передашь...

Пьеръ вышелъ и пошелъ къ старому князю и княжнѣ Марьѣ.

Старикъ казался оживленнѣе обыкновеннаго. Княжна Марья была такая же, какъ и всегда, но изъ-за сочувствія къ брату Пьеръ видѣлъ въ ней радость къ тому, что свадьба ея брата разстроилась. Глядя на нихъ, Пьеръ понялъ, какое презрѣніе и злобу они имѣли всѣ противъ Ростовыхъ, понялъ, что нельзя было при нихъ даже и упоминать имя той, которая могла на кого бы то ни было промѣнять князя Андрея.

За обѣдомъ рѣчь зашла о войнѣ, приближеніе которой уже становилось очевидно. Князь Андрей не умолкая говорилъ и спорилъ то съ отцомъ, то съ Десалемъ, швейцарцемъ-воспитателемъ, и казался оживленнѣе обыкновеннаго тѣмъ оживленіемъ, котораго нравственную причину такъ хорошо зналъ Пьеръ.

XXII.

Въ этотъ же вечеръ Пьеръ поѣхалъ къ Ростовымъ, чтобы исполнить свое порученіе. Наташа была въ постели, графъ былъ въ клубѣ, и Пьеръ, передавъ письма Сонѣ, пошелъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ, интересовавшейся узнать о томъ, какъ князь Андрей принялъ извѣстіе. Черезъ десять минутъ Соня вошла къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

— Наташа непремѣнно хочетъ видѣть графа Петра Кирилловича, — сказала она.

— Да какъ же? къ ней, что ль, его свести? Тамъ у васъ не прибрано, — сказала Марья Дмитріевна.

— Нѣтъ, она одѣлась и вышла въ гостиную, — сказала Соня.

Марья Дмитріевна только пожала плечами.

— Когда это графиня пріѣдетъ; измучила меня совсѣмъ. Ты, смотри жъ, не говори ей всего,—обратилась она къ Пьеру.— И бранить-то ее духу не хватаетъ: такъ жалка, такъ жалка!

Наташа, исхудавшая, съ блѣднымъ и строгимъ лицомъ (совсѣмъ не пристыженная, какою ее ожидалъ Пьеръ), стояла посрединѣ гостиной. Когда Пьеръ показался въ двери, она зато-

---

[1]) Идти по стопамъ этого господина.

ропилась, очевидно въ нерѣшительности, подойти ли къ нему или подождать его.

Пьеръ поспѣшно подошелъ къ ней. Онъ думалъ, что она ему, какъ всегда, подастъ руку; но она, близко подойдя къ нему, остановилась, тяжело дыша и безжизненно опустивъ руки, совершенно въ той же позѣ, въ которой она выходила на середину залы, чтобы пѣть, но совсѣмъ съ другимъ выраженіемъ.

— Петръ Кирилычъ,—начала она быстро говорить,—князь Болконскій былъ вамъ другъ; онъ и есть вамъ другъ,—поправилась она (ей казалось, что все только было и что теперь все другое).—Онъ говорилъ мнѣ тогда, чтобы обратиться къ вамъ... Пьеръ молча сопѣлъ носомъ, глядя на нее. Онъ до сихъ поръ въ душѣ своей упрекалъ и старался презирать ее; но теперь ему сдѣлалось такъ жалко ее, что въ душѣ его не было мѣста упреку.

— Онъ теперь здѣсь; скажите ему... чтобъ онъ прост... простилъ меня.

Она остановилась и еще чаще стала дышать, но не плакала.

— Да... я скажу ему,—говорилъ Пьеръ,—но...

Онъ не зналъ, что сказать.

Наташа, видимо, испугалась той мысли, которая могла придти Пьера.

— Нѣтъ, я знаю, что все кончено,—сказала она поспѣшно.— Нѣтъ, это не можетъ быть никогда. Меня мучитъ только зло, которое я ему сдѣлала. Скажите только ему, что я прошу его простить, простить, простить меня за все...

Она затряслась всѣмъ тѣломъ и сѣла на стулъ.

Еще никогда неиспытанное чувство жалости переполнило душу Пьера.

— Я скажу ему, я все еще разъ скажу ему,—сказалъ Пьеръ.—Но... я бы желалъ знать одно...

«Что знать?» спросилъ взглядъ Наташи.

— Я бы желалъ знать, любили ли вы...—Пьеръ не зналъ, какъ назвать Анатоля, и покраснѣлъ при мыслѣ о немъ,—любили ли вы этого дурного человѣка?

— Не называйте его дурнымъ,—сказала Наташа.—Но я ничего, ничего не знаю...

Она опять заплакала. И еще больше чувство жалости, нѣжности и любви охватило Пьера. Онъ слышалъ, какъ подъ очками его текли слезы, и надѣялся, что ихъ не замѣтятъ.

— Не будемъ больше говорить, мой другъ,—сказалъ Пьеръ.

Такъ странно вдругъ для Наташи показался этотъ его кроткій, нѣжный, задушевный голосъ.

— Не будемъ говорить, мой другъ, я все скажу ему; но объ одномъ прошу васъ — считайте меня своимъ другомъ; и ежели вамъ нужна помощь, совѣтъ, просто нужно будетъ излить свою душу кому-нибудь—не теперь, а когда у васъ ясно будетъ въ душѣ—вспомните обо мнѣ.—Онъ взялъ и поцѣловалъ ея руку.— Я счастливъ буду, ежели въ состояніи буду...

Пьеръ смутился.

— Не говорите со мной такъ: я не стою этого!—вскрикнула Наташа и хотѣла уйти изъ комнаты, но Пьеръ удержалъ ее за руку.

Онъ зналъ, что ему что-то нужно еще сказать ей. Но когда онъ сказалъ это, онъ удивился самъ своимъ словамъ.

— Перестаньте, перестаньте; вся жизнь впереди для васъ,— сказалъ онъ ей.

— Для меня? Нѣтъ! Для меня все пропало, — сказала она со стыдомъ и самоуниженіемъ.

— Все пропало?—повторилъ онъ.—Ежели бы я былъ не я, а красивѣйшій, умнѣйшій и лучшій человѣкъ въ мірѣ и былъ бы свободенъ, я бы сію минуту на колѣняхъ просилъ руки и любви вашей.

Наташа въ первый разъ послѣ многихъ дней заплакала слезами благодарности и умиленія и, взглянувъ на Пьера, вышла изъ комнаты.

Пьеръ тоже вслѣдъ за нею почти выбѣжалъ въ переднюю, удерживая слезы умиленія и счастья, давившія его горло, не попадая въ рукава, надѣлъ шубу и сѣлъ въ сани.

— Теперь куда прикажете?—спросилъ кучеръ.

— Куда? — спросилъ себя Пьеръ. — Куда же можно ѣхать теперь? Неужели въ клубъ или въ гости?—Всѣ люди казались такъ жалки, такъ бѣдны въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ умиленія и любви, которое онъ испытывалъ; въ сравненіи съ тѣмъ размягченнымъ, благодарнымъ взглядомъ, которымъ она послѣдній разъ изъ-за слезъ взглянула на него.

— Домой, — сказалъ Пьеръ, несмотря на десять градусовъ мороза, распахивая медвѣжью шубу на своей широкой радостно-дышавшей груди.

Было морозно и ясно. Надъ грязными полутемными улицами, надъ черными крышами стояло темное, звѣздное небо. Пьеръ, только глядя на небо, не чувствовалъ оскорбительной низости всего земного въ сравненіи съ высотою, на которой находилась его душа. При въѣздѣ на Арбатскую площадь огромное пространство звѣзднаго, темнаго неба открылось глазамъ Пьера. Почти въ серединѣ этого неба надъ Пречистенскимъ бульваромъ,

окруженная, обсыпанная со всѣхъ сторонъ звѣздами, но отличаясь отъ всѣхъ близостью къ землѣ, бѣлымъ свѣтомъ и длиннымъ поднятымъ кверху хвостомъ, стояла огромная яркая комета 1812-го года—та самая комета, которая предвѣщала, какъ говорили, всякіе ужасы и конецъ свѣта. Но въ Пьерѣ свѣтлая звѣзда эта съ длиннымъ лучистымъ хвостомъ не возбуждала никакого страшнаго чувства. Напротивъ, Пьеръ радостно мокрыми отъ слезъ глазами смотрѣлъ на эту свѣтлую звѣзду, которая какъ будто, съ невыразимой быстротой пролетѣвъ неизмѣримыя пространства по параболической линіи, вдругъ, какъ вонзившаяся стрѣла въ землю, влѣпилась тутъ въ одно избранное ею мѣсто на черномъ небѣ и остановилась, энергично поднявъ кверху хвостъ, свѣтясь и играя своимъ бѣлымъ свѣтомъ между безчисленными другими мерцающими звѣздами. Пьеру казалось, что эта звѣзда вполнѣ отвѣчала тому, что было въ его расцвѣтшей къ новой жизни, размягченной и ободренной душѣ.

Примѣчанія къ II тому „Войны и мира“.

Мы уже упоминали въ примѣчаніяхъ къ I тому о томъ, что начало «Войны и мира» подъ именемъ «Тысяча восемьсотъ пятый годъ» печаталось въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; эти печатавшіяся въ журналѣ главы обнимаютъ въ настоящемъ изданіи только первыя двѣ части I тома. Весь остальной романъ печатался сразу отдѣльнымъ изданіемъ. Въ Историческомъ музеѣ, въ отдѣлѣ Чертковской библіотеки сохранился экземпляръ корректуры этого перваго изданія. Просматривая его, мы нашли много мѣстъ, уничтоженныхъ авторомъ въ первой редакціи. Такъ какъ многія изъ нихъ не лишены художественнаго интереса, то мы и даемъ ихъ въ приложеніи, распредѣляя ихъ по тремъ томамъ и отмѣчая, къ какимъ частямъ и главамъ они относятся.

Къ сожалѣнію, этотъ цѣнный экземпляръ корректуры «Войны и мира» находится въ ужасномъ видѣ. Онъ представляетъ массу обрѣзковъ корректурныхъ гранокъ, наклеенныхъ безъ всякаго порядка и послѣдовательности, иногда даже кверхъ ногами. Можно думать, что эта работа была поручена неграмотному. Кромѣ того, многія гранки наклеены на старую газетную бумагу; все это чрезвычайно затрудняетъ чтеніе. При большемъ досугѣ, можно было бы извлечь изъ этой безформенной кучи еще болѣе драгоцѣннаго матеріала. Мы даемъ здѣсь то, что, по обстоятельствамъ работы, оказалось возможнымъ дать и что казалось намъ наиболѣе достойно вниманія.

Приложенія къ II тому „Войны и мира".

Варіанты, извлеченные изъ первоначальной редакціи.

№ 1. Часть 3, глава II.

Къ веснѣ 1809 года работа его приближалась къ концу. И чѣмъ ближе она приходила къ окончанію, чѣмъ чаще ему приходила мысль, что онъ засидѣлся въ деревнѣ, что ему необходимо поѣхать въ Петербургъ и видѣть людей. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, для чего это было ему нужно, но чувствовалъ эту потребность. Онъ былъ доволенъ собой за это время. Иногда ему приходила радостная мысль, что теперь онъ совершенно хорошъ и готовъ. «Но для чего? для кого?» спрашивалъ онъ самъ себя. «Только другіе люди могутъ сказать мнѣ это. Только примѣрившись къ другимъ людямъ и испытавъ на нихъ свое вліяніе, я могу испытать свою силу и убѣдиться, насколько я дѣйствительно выросъ». Но какъ только онъ живо представлялъ себя опять въ этомъ водоворотѣ жизни наравнѣ со всѣми, однимъ изъ толпы, какъ только онъ воображалъ себя лишеннымъ того гордаго спокойствія, которымъ онъ пользовался въ деревнѣ, онъ ужасался и откладывалъ свое намѣреніе.

Князь Андрей сказалъ отцу, что у него есть проектъ новаго устройства арміи, который онъ желаетъ представить государю.

— Можетъ-быть, я и съѣзжу въ Петербургъ, — сказалъ онъ, желая знать мнѣніе отца.

Старикъ посмѣялся надъ намѣреніемъ *Андрюши* написать новые законы для арміи, но одобрилъ его намѣреніе ѣхать въ Петербургъ.

— Служить, служить надо, — сказалъ онъ. — Съѣзди, съѣзди.

— Нѣтъ, я служить не стану.

Старикъ усмѣхнулся.

— А вотъ поѣзжай, и станешь служить. Служить надо.

Послѣ разговора съ отцомъ князь Андрей окончательно рѣшился не ѣздить въ Петербургъ, обдумалъ, какъ и кому онъ пошлетъ свой проектъ, и какъ и чѣмъ онъ будетъ въ деревнѣ заниматься слѣдующее лѣто и зиму.

Такъ это думалъ и говорилъ сестрѣ и отцу князь Андрей, но сущность его жизни составляли мысли неясныя, неопредѣленныя, невыразимыя словомъ даже для самого себя, тайныя какъ преступленіе и связанныя съ воспоминаніемъ о дубѣ. Всѣ его практическія и умственныя работы были только наполненіе пустого отъ жизни времени, а вопросъ о дубѣ и связанныя съ нимъ мысли — была жизнь.

«Да, крѣпился, — улыбаясь думалъ князь Андрей про дубъ,— долго крѣпился, не выдержалъ, какъ пригрѣло. Пригрѣло тепло солнца, не выдержалъ, размякъ и послужилъ, чему смѣялся. Да, да», говорилъ онъ, улыбаясь и слыша голосъ какой-то женщины, молодой, красивой, энергичной.

№ 2. Часть 3, глава X.

Все такъ же лѣнивъ и чревоугодливъ; вспомнилъ о правилѣ воздержанія только въ концѣ обѣда, и было поздно. Смотрѣлъ на Мар. Мих. съ похотливыми мыслями. Господи, помоги мнѣ!

30 ноября. Была мастерская, товарищеская ложа. И описаніе страданій отца нашего Адонирама. Я слушалъ, и какъ и въ первый разъ, когда позналъ это, на меня нашло сомнѣніе. Былъ ли Адонирамъ, не есть ли это аллегорія, имѣющая свое значеніе. Нынче вечеръ провелъ у графини (у жены). Не могу преодолѣть внутренняго отвращенія къ ней. Увлекся бесѣдой съ Н. Н. о суетномъ и ничтожномъ и злобно трунилъ надъ сенаторомъ. Ужиналъ не умѣренно, такъ что всю ночь спалъ съ дурными грезами.

2 декабря. Мнѣ было поручено устройство и предсѣдательство въ столовой ложѣ. Богъ помогъ мнѣ устроить все удовлетворительно. Я уговорилъ князя Андрея быть съ нами. Я мало вижу его, я не могу слѣдить за нимъ. Онъ увлеченъ мірской борьбой, и я каюсь, что частью завидую ему, хотя участь моя должна бы была казаться мнѣ предпочтительнѣе. Онъ заѣхалъ ко мнѣ и съ гордостью говорилъ о своемъ успѣхѣ. Онъ гордъ и въ своемъ успѣхѣ радъ столько же водворенію добра, сколько и побѣдѣ надъ тѣми, кого онъ считаетъ своими врагами. Я старался приготовить его къ торжественности нынѣшняго засѣданія; онъ слушаетъ меня съ кротостью и вниманіемъ, но я чувствую, что не проникаю въ его душу, какъ благодѣтель въ мою, когда онъ говоритъ со мною. Князь Андрей принадлежитъ къ холоднымъ, но честнымъ масонамъ.

Ложа прошла благополучно и торжественно, — много ѣлъ и пилъ. Послѣ обѣда въ отвѣтной рѣчи не могъ имѣть всей нужной ясности, что многіе и замѣтили.

№ 3. Часть 3, глава XVI.

Пьеръ стоялъ подлѣ графини и смотрѣлъ на Наташу и князя Андрея, когда они танцовали. На вопросъ графини: кто эта дама въ брилліантахъ, онъ отвѣчалъ: «Шведскій посланникъ».

Онъ ничего не видалъ, не слышалъ. Онъ жадно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ этой пары, за быстрымъ, мѣрнымъ движеніемъ башмачковъ Наташи и ея преданнымъ, благодарнымъ, счастливымъ лицомъ, такъ близко наклоненнымъ къ лицу князя Андрея, и о чемъ-то задумался. Онъ отошелъ въ другую сторону и увидалъ жену свою во всемъ величіи ея красоты, встающую передъ высокой особой, удостоившей ее своимъ разговоромъ.

— Великій архитекторъ природы, помоги мнѣ! —проговорилъ онъ и, что-то отрывисто, вслухъ говоря про себя, пошелъ ходить по заламъ. Онъ ходилъ по залѣ, какъ потерявшій что-то, и въ этотъ вечеръ особенно удивлялъ своихъ знакомыхъ своей безтолковой разсѣянностью.

№ 4. Часть 3, глава XVIII.

— Sans rancune, — сказалъ Сперанскій, и они опять вышли къ гостямъ. Тамъ шло все то же веселье. Магницкій нарядился въ женское платье и дожидался Сперанскаго, чтобы декламировать пародію на монологъ Федры, въ которой онъ осмѣивалъ всѣхъ извѣстныхъ стариковъ-вельможъ Петербурга.

«Старики бранятъ Сперанскаго, говорятъ, что легкомысленный мальчишка, иллюминаторъ, даже взяточникъ, воръ—разсказываютъ исторіи про него. И говорятъ это не съ тѣмъ, чтобы оскорбить или очернить его, но потому, что искренно убѣждены въ этомъ.

«Эти люди вѣрятъ, что люди старой партіи безчестные, глупые люди, воры, и только смѣются надъ ними и тоже не потому, что хотятъ очернить ихъ, но потому, что искренно вѣрятъ въ это. Тѣ старики оскорблены, огорчены, когда они бранятъ Сперанскаго. Эти, напротивъ, довольны собою, несомнѣнно увѣрены, что они дѣлаютъ дѣло, что они правы, и потому только веселы и смѣются»... думалъ князь Андрей.

№ 5. Часть 3, глава XIX.

На другой день, утромъ, Пьеръ, рѣдко бывавшій у князя Андрея, пріѣхалъ къ нему.

— Eh bien, on ne vous voit plus, mon cher, что вы зарылись? Все проекты, — говорилъ Пьеръ. Князь Андрей тотчасъ же почувствовалъ какой-то неестественный, притворно-небрежный тонъ, съ которымъ говорилъ Пьеръ. Князь Андрей посмотрѣлъ на него и догадался, что Пьеру что-то нужно отъ него, что онъ сбирается сказать что-то и не можетъ рѣшиться.

Положеніе Пьера было бы смѣшно для князя Андрея, ежели бы оно не было такъ жалко. Мрачная складка на лбу Пьера не разглаживалась. Онъ говорилъ и о государственномъ совѣтѣ, и о послѣднемъ балѣ, и о своихъ работахъ, безтолково перескакивая съ одного предмета на другой. Князь Андрей сказалъ Пьеру о своемъ намѣреніи выйти въ отставку и ѣхать за границу, и это вывело Пьера изъ запутаннаго состоянія.

— Да, да, да, — заговорилъ онъ, хватая его за руку, — и прекрасно сдѣлаете, вамъ давно пора. И знаете что? Я думалъ о васъ, вамъ надо жениться. Непремѣнно жениться.

— Отчего это? — вдругъ, радостно улыбаясь, спросилъ князь Андрей.

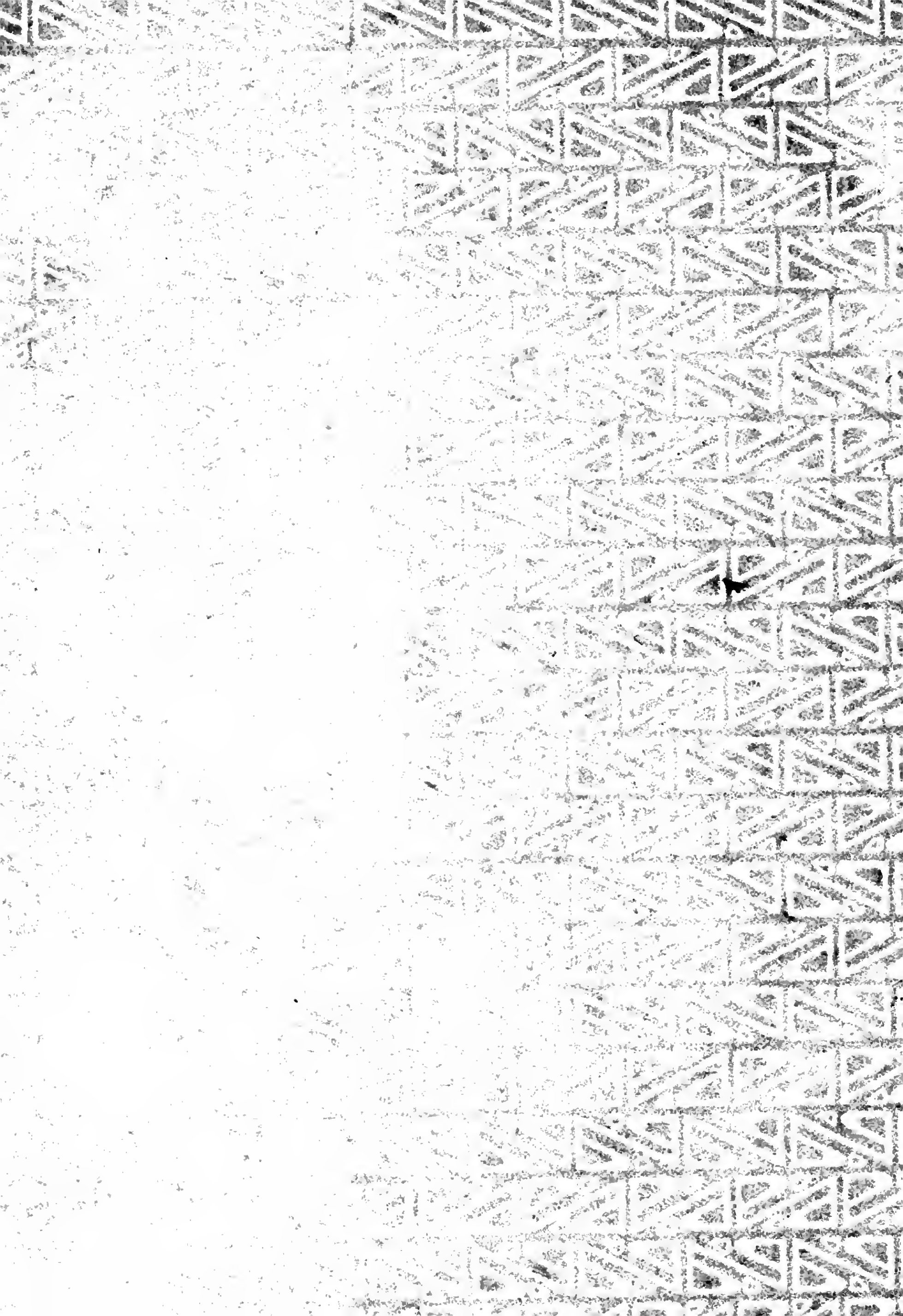
— Надо, надо и надо. Ну, да мы поговоримъ когда-нибудь. Вы не были еще у Ростовыхъ? Они ждутъ васъ, — сказалъ вдругъ Пьеръ — очевидно, то, что намѣренъ былъ сказать — и покраснѣлъ.

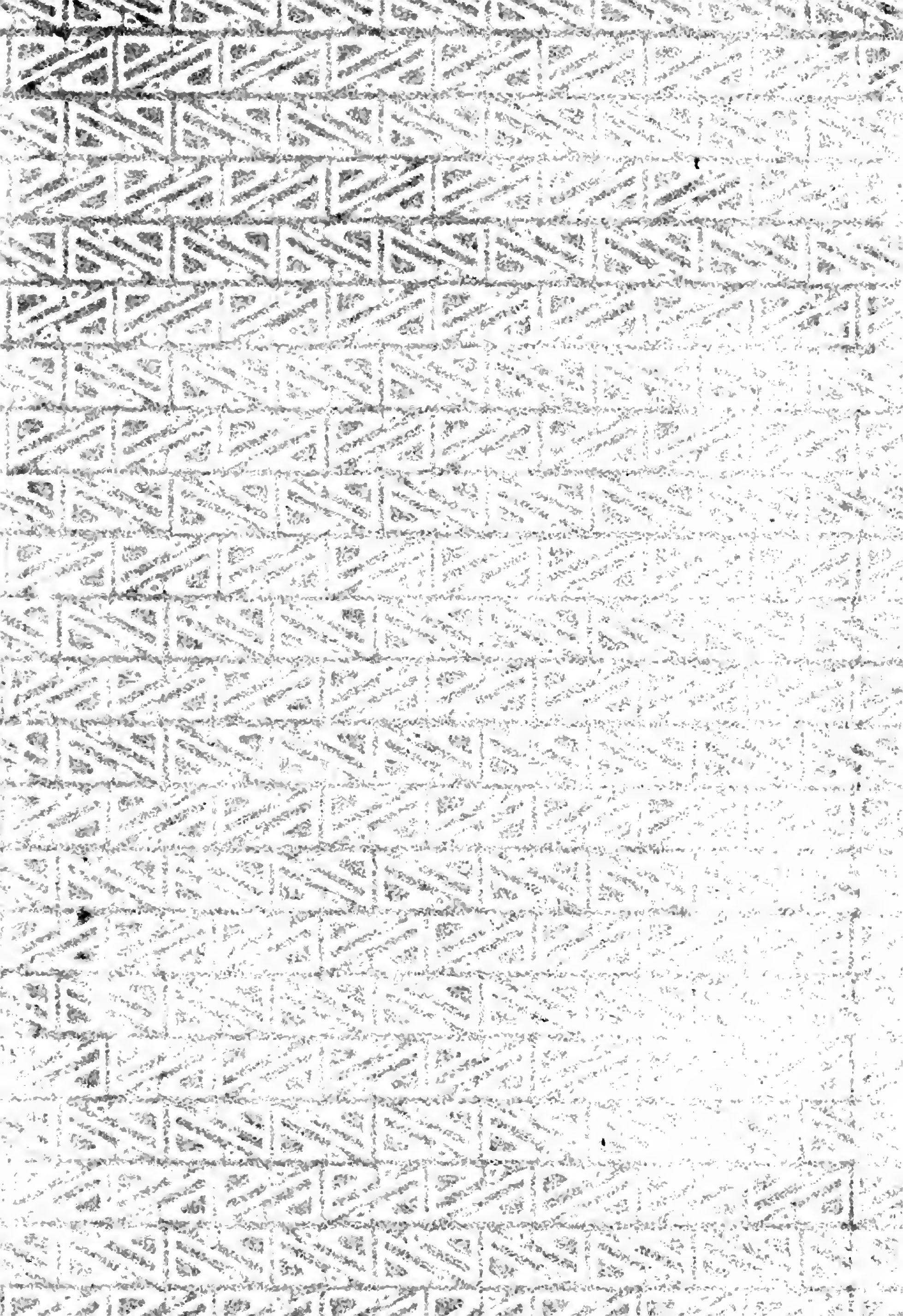
— Поѣдемъ вмѣстѣ!

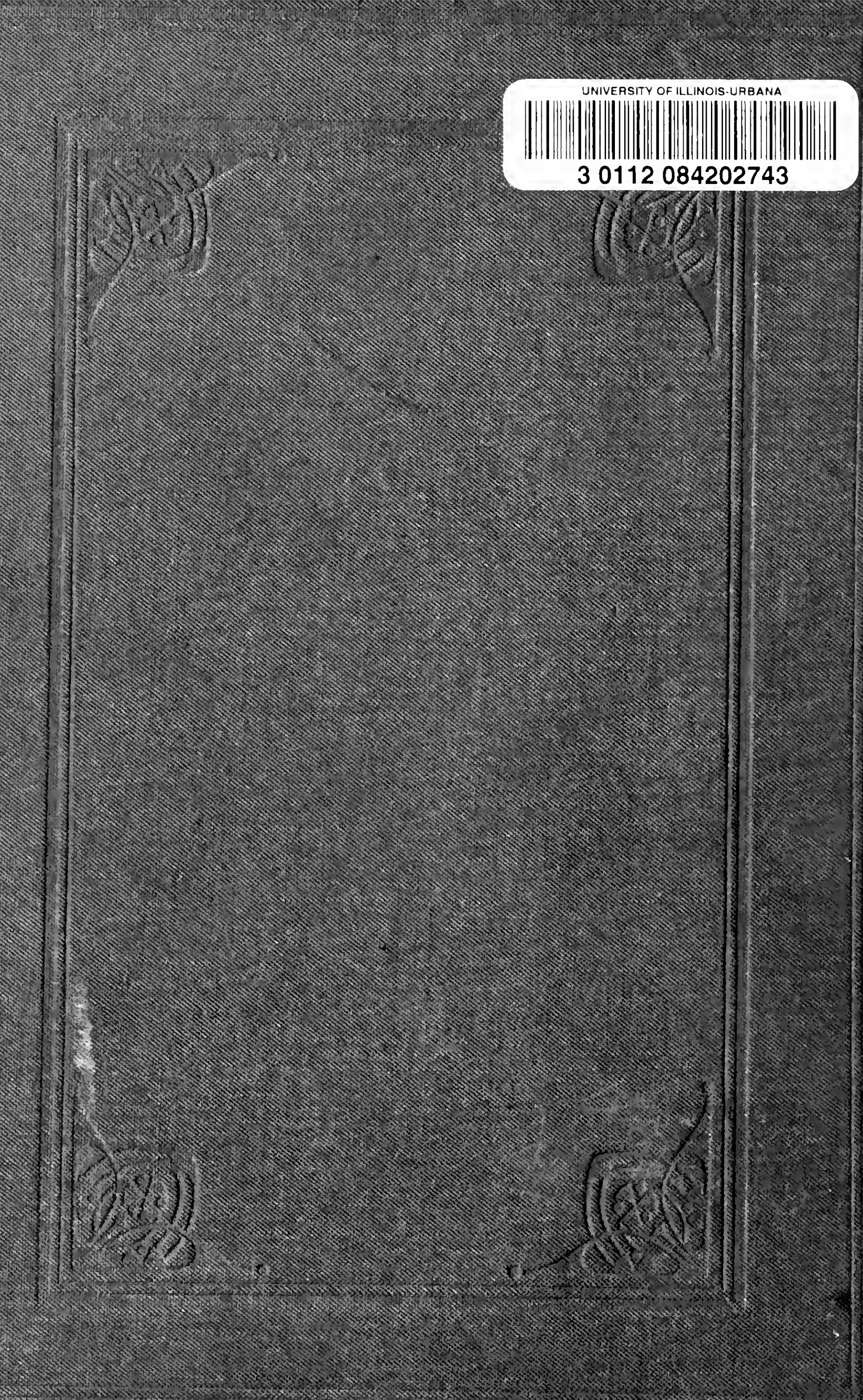
№ 6. Часть 4, глава I.

Ни она, ни братъ не понимали такъ, какъ Наташа, какая сила и вѣрность были въ словѣ и въ чувствѣ того человѣка, котораго она любила. Въ дурныя минуты грусти, которыя находили на нее, она пыталась вызвать въ себѣ сомнѣніе въ вѣрности князя Андрея — и не могла. Она знала, что онъ весь принадлежалъ ей, что ежели была отсрочка, то это было необходимо. Она знала, что лучше его, умнѣе, добрѣе, благороднѣе — никого не было на свѣтѣ, и онъ любилъ ее. Чего же ей было волноваться, чего желать? Одно ей надо было — ждать, и это было мучительно. Что ежели бы она позволила себѣ думать о предстоящемъ; она бы ничего не могла думать и дѣлать, она плакала бы съ утра до вечера.

Первое время пріѣзда въ деревню это такъ съ ней и было. Но потомъ какой-то инстинктъ научилъ ее не думать, вѣрить, любить и не думать о немъ и не ждать, а жить и наслаждаться той свободной отъ дѣвичьей тревоги, кокетства—жизнью, которую она въ первый и, вѣроятно, послѣдній разъ испытывала въ этотъ годовой срокъ ожиданія.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 084202743